

КНИГА БЛЭКВЕЛЛ

ЛОЩИНА ЯЗЫЧНИКОВ

ЛЕГЕНДЫ О ВОЮЩЕЙ ЛОЩИНЕ

vk.com/byatlanta

НИКОЛЬ ФИОРИНА

Давным-давно жила-была девочка по имени Фэллон, которую увезли далеко от дома вскоре после ее рождения. Дом, в котором было больше, чем странные традиции и причудливые суеверия. Двадцать четыре года спустя она вернулась в Воющую Лошину, город, о котором она слышала только в рассказах во время беспокойных ночей под мраморной луной, посреди ночи, чтобы позаботиться о своем последнем живом родственнике.

Они называли ее фриком — жутким существом. Они говорили, что мне нельзя к ней приближаться. Но все же я чувствовал это болезненное притяжение к Фэллон Гримальди, от которого не мог избавиться. Ностальгическое притяжение, как будто мы уже давно знакомы.

Когда-то давным-давно жил таинственный мальчик по имени Джулиан, на душе которого лежало древнее, как века, проклятие. Он был одним из четырех Язычников Лошины, очень темных существ, которые заставляли жителей города жить в страхе.

Фамилия Блэквелл была запятнана тьмой и смертью. Они называли его чудовищем. Холодный и пустой. Они говорили, что я не должна приближаться к нему. Но все же я чувствовала это болезненное притяжение к Джулиану Блэквелл.

Перевод группы Atlanta books
Telegram канал: t.me/byatlanta

Глоссарий

Пришлые: Это выражение используется для обозначения людей не из города.

Жители равнин: Так в городе называют пришлых. Тех, кто не принадлежит ни к одному из ковен и не имеет предков из первоначальных семей-основателей.

Ayuh: Используется для выражения согласия. Жаргон из штата Мэн.

Right out straight: выражение штата Мэн, означающее «очень занят».

Летняя страна: название, данное теософами, викканами и некоторыми современными языческими религиями, основанными на земле, их концептуализации загробной жизни.

Sawa: Кенийский — означает «прекрасно», «хорошо».

Глоссарий дедушки

For doodle: Глупый или незначительный парень; дурак.

Whooperups: термин, означающий «неполноценные, шумные певцы».

Wandoughts: Парниковое, тщедушное, слабое существо; глупый, вялый, никчемный человек; другое слово для обозначения импотенции.

Rantallions: Человек, чей пенис недостаточно длинный, в его «расслабленном» состоянии, не превышающий длину мошонки.

Dunderhead: Глупый человек.

Maffickin': Праздновать с шумным ликованием и смешным поведением.

Arfarfan'arf: Ленивый пьяница.

Off his/her kadoova: Сумасшедший

Bedswerve: Скакать из постели одного человека в постель другого; то есть: измена; неразборчивый в связях человек.

Глоссарий персонажей

НОРВЕЖСКИЙ ЛЕС

Семьи основателей Норвежского леса

Верховный жрец: Кларенс Гуди

Блэквелл — Элемент Духа

Происхождение: Веттэ

Настоящее: Джулиан Дж. Блэквелл

Брат Джоли Блэквелл; сын покойного Джавино Блэквелл и Агаты Бьянки Блэквелл

Предки: Гораций Блэквелл и Беллами Блэквелл

Гуди — Элемент воздуха

Происхождение: Ньёрд

Настоящее: Зефир Блю Гуди

Брат Уиннифред Гуди; сын Кларенса Гуди и покойной Беатрис Риччи Гуди.

Уайлдс — Стихия Огня

Происхождение: Локи

Настоящее: Феникс Локи Уайлдс

Брат Рена Уайлдса; сын покойного Хейдена Уайлдса и Амелии Андер Уайлдес

Предки: Кайдэн Уайлдс

Пэриш — Стихия Воды

Происхождение: Эгир

Настоящее: Бэкхем Брукс Пэриш

Сын графа Пэриша «Пьяный граф» и неизвестной покойной пришлой

Дэнверс — Элемент Земли

Происхождение: Йорд

Настоящее: Нет предков

Последний известный Дэнверс; Покойный Фостер Дэнверс

Муж покойной Кларисы Вульф Дэнверс

Ковен СВЯЩЕННОЕ МОРЕ

Семьи основателей Священного Моря

Верховный жрец: Августин Прюитт

Прюитт

Настоящее: Кейн Кос Прюитт

Брат Коралайн Прюитт; сын Августина Прюитта и покойной Джиневры Де Лука

Прюитт

Кантини

Настоящее: Сайрус Олен Кантини

Брат Каморы; Касер и Киллиан Кантини; сын Дарнелла Кантини и Виолы Конти

Кантини

Предки: Маттео Кантини

Салливан

Настоящее: Айви Амайя Салливан,

Адора Ория Салливан; не члены ковена; ожидают посвящения

Фэйбл Хейзел Салливан; не член ковена; ожидает посвящения

Дочери Ронана Салливана и Марселлин О'Коннор Салливан

* * *

Члены Ордена

Из Священного моря:

Августин Прюитт
Виола Кантини
Из Норвежского Леса:
Кларенс Гуди

Агата Блэквелл

От жителей равнин:

Мина Мэй Лавенца

Прежде чем вы начнёте читать

Прежде чем вы начнёте читать,

Эта версия «Лощины язычников» предназначена для ВЗРОСЛОЙ аудитории. На случай если вы заинтересованы в книгах для ПОДРОСТКОВ. Книга в твердом переплете и электронная книга будут доступны к 31 октября 2020 года на Amazon, Barnes & Noble, nicolefiorina.com и других крупных площадках.

Чтобы быть в курсе дат выпуска, розыгрышей и многого другого, обязательно подпишитесь на мою рассылку новостей:

www.nicolefiorina.com

Плейлист к книге на Spotify

<https://spoti.fi/30bzg5C>

Посвящается

Моей дочери Грейс.

Я всегда говорила, что ты была моей матерью в другой жизни. Моя упорная девочка, мне стыдно признаться, что ты заставляешь меня забывать, кто кого воспитывает.

Спасибо тебе за твою уникальность, за непоколебимость души, жажду знаний и бесстрашие. Ты смертельно опасная комбинация, детка, и я не думаю, что этот мир был подготовлен. Но ты постоянно спешишь куда-то. Остановись и обрати внимание на окружающий нас мир. Даже самые маленькие, несущественные моменты, которые сейчас не кажутся важными, но однажды станут.

Спасибо тебе за то, что вдохновила меня на эту историю. Спасибо за то, что оживила Фэллон.

Делиться с тобой своей мечтой было моей любимой частью Лощины Язычников.

Всегда помни, что ты не простая девушка.

Оставайся скромной и в первую очередь люби себя.

xx, мама

Монстры и чудовища

Я верю, что в этом мире нет ничего нормального, что все мы монстры и чудовища, и если мои убеждения верны, мы можем выйти из наших укрытий и найти друг друга.

Я верю, что нечто более отвратительное и жестокое, чем мы, поместило нас туда, в темные уголки нашего сознания.

Что-то, что само по себе ненормально, ибо нормальность — это ложь, чтобы приручить всех монстров и чудовищ.

Давным-Давно

Существа таятся во тьме. Монстры, призраки, ужасные сверхъестественные существа, связанные бездонной энергией, удерживающей их там, пригвожденные к земле и идущие без направления, без цели. Растущая зияющая дыра поспешно заполняла их потемневшую душу, и большинство не может понять, почему. Боль, гнев, печаль, горе... эмоции перетекают друг

в друга после стольких лет, большинство забывает, что заставило их остаться вот тьме, невидимыми для большинства из нас.

А самая жестокая — это любовь. Еще долго после смерти любовь обладает силой превращать всех нас в самых темных монстров.

Я родилась одной ногой в этом мире, а другой — в ином.

— Ты Гримальди, — всегда говорила мне Мариетта. Я Гримальди, и все же, сколько бы раз я ни повторяла эту мантру, молодой человек в углу моей комнаты отказывался уходить. Он свернулся калачиком в моем кресле для чтения, его колени были прижаты к груди. В холодные месяцы я оставляла окно открытым, чтобы холодный ветерок проникал сквозь щели, но он не дрожал от холода. Духи только чувствовали, как голодные эмоции разъедают их. И все же его трясло. В нем было что-то другое.

— Не плачь, — прошептала я под бумажно-белым лунным светом, струящимся между нами. Я научилась не бояться тех, кто приходил ко мне, и хранила их как свой секрет. Но в этом было что-то другое, то появляющееся, то исчезающее, как плохая картинка на телевизоре. Его губы были ледниково-голубыми, а волосы белыми, как у арктического волка. И его глаза... Его глаза были демоническими. Холодные. Беззвездная галактика. И в ужасе.

Я сбросила с ног толстое одеяло и опустила ноги на холодный деревянный пол.

— Как тебя зовут?

Его покрытые инеем брови сошлись вместе, когда он, дрожа, посмотрел на меня из-под густых влажных ресниц. Большинство были удивлены, что я их вижу, и не боялись своего присутствия, но он казался больше смущенным моим вопросом. Он не помнил своего имени, что означало только то, что он был новичком.

Но он казался таким реальным, размытым между измерениями. Он не был похож на остальных.

Половицы заскрипели, когда мои ноги медленно двинулись вперед, и я остановилась на полпути к нему, когда шаги Мариетты эхом отразились от полой лестницы.

— Ты должна мне помочь, — сказал он с отчаянной мольбой. — Найди меня.

Затем дверь моей спальни со скрипом открылась, и я бросилась обратно в кровать и забралась под одеяло. Звук ее шагов подкрался ближе, я закрыла глаза, притворяясь спящей. Мои волосы закрывали лицо. Я вытянула руки, ноги, пальцы на руках и ногах, каждая часть меня пряталась под толстым одеялом ручной работы.

— Я знаю, что ты не спишь, дитя Луны, — произнес шелковый голос Мариетты, и моя кровать опустилась, когда она села на край. Она стянула одеяло, и я повернулся к ней лицом.

— Ты не можешь бодрствовать всю ночь, иначе будешь спать весь день, — добавила она, слегка постучав меня по носу.

Я откинула волосы с глаз и посмотрела на стул, где сидел призрак. Но призрака там больше не было.

Мой взгляд скользнул обратно к моей няне.

— Я не могу уснуть. Ты расскажешь мне историю?

— Вот оно что! Она хочет услышать историю.

Фиолетовые губы Мариетты растянулись в легкой усмешке, и браслеты, украшающие ее руку, застучали друг о друга, когда она подоткнула одеяло вокруг меня.

— Я расскажу тебе историю, а потом ты уснешь.

Ее бровь изогнулась в форме полумесяца.

Я нетерпеливо кивнула.

— Да, я обещаю.

— О, я даже не знаю, — ответила она мрачно. — Я не думаю, что ты готова к этой.

— Я готова, Мариетта.

— О, дитя, хорошо. Но, видишь ли, мне придется начать с самого начала.

Мариетта глубоко вздохнула и поерзала рядом со мной...

— Давным-давно, далеко-далеко отсюда, существует таинственная земля. Эта земля стала городом, но новый город не может быть виден людям издалека, потому что он невидим на картах. Многие знают это название и даже намеревались найти его, но этот город можно открыть только тогда, когда он захочет, чтобы его увидели. Между мирами не существует никаких барьеров. Странные события. Город магии и озорства, где суеверия и созвездия — единственные проводники, но столь же непредсказуемые, как атлантический прилив.

Видишь ли, столетия назад два отдельных и очень разных клана основали эту землю, но звезды выровнялись, когда их пути пересеклись. Лодка приплыла по морю, спасаясь от жестокости их страны. В то же время изгнанники из Нового Света пришли с юга, убегая от тех же мучений, пробираясь через густые леса, когда суровые температуры и мокрый снег били по их обветренным лицам. Ни один из них не уехал бы, как только прибыл, оба обозначили свои права на землю, наложив это самое заклинание, невидимый щит, чтобы скрыть и защитить своих людей, сделав город невидимым для всех посторонних. Мало кто из этих кланов знал, что в тех лесах уже жило что-то еще.

Ветви берез шептали, вороны пели свою самую мрачную сказку, и с каждым треском опавших листьев под их тяжелыми сапогами раскрывались тайны леса, сплетая слова вместе, как паутину от паука черной вдовы. И это было только из леса, потому что море, дитя, о! Море ревело пророчеством, волны разбивались о нетленные скалы, трансцендентные фазы луны мерцали над вечными водами.

И однажды город призовет тебя, мое дитя Луны. Но послушай меня, когда я говорю, что у тебя всегда есть свобода выбора. Тебя никогда не заставят вернуться. Но если ты это сделаешь, обратного пути нет. Не раньше, чем город отпустит тебя...

— Вернуться? Вернуться куда? — спросила я, вцепившись пальцами в одеяло, наострив уши и жаждая большего.

— В город Воющая Лощина...

Глава 1

Фэллон

Дрогнув от стеклянной дверцы холодильника, в котором размещалось множество напитков с кофеином, я поймала себя на том, что смотрю на свое призрачное отражение. Мои белые волосы и бледно-голубые глаза казались переливчатыми, как будто мой двойник застрял между стеклом охлажденной двери. Чем больше я смотрела на себя, тем больше задавалась вопросом, кто на самом деле на кого смотрит.

— Извини, — сказал мужчина, открывая стеклянную дверь и бросая на меня отрешенный взгляд. В расстегнутой красной клетчатой рубашке и заляпанных грязью джинсах, его грязные руки с черной слизью под ногтями, схватили кофе со льдом весом в двенадцать унций. Он повернулся ко мне лицом.

— Ты выбрала, что будешь брать?

Тяжелый вопрос. Очевидно, что выбрала. В противном случае я бы не стояла на захудалой стоянке пикапов «Клад» в половине первого ночи, где буква «Л» была сломана и

болталась. Там просто было написано «Ад», моя последняя остановка перед тем, как добраться до маленького городка, о котором я слышала только в историях, рассказанных под звездным небом посреди беспокойных ночей. Город, в который я никогда не представляла, что вернусь.

Грязный-Водитель-Пикапа задержался, ожидая ответа. Мой пристальный взгляд оставался прикованным к тому месту, где несколько мгновений назад жило мое отражение, мой большой палец снова и снова накручивал кольцо настроения на безымянном пальце. Стеклопанная дверь освободилась от его хватки и встала на место, прежде чем мужчина ушел, бормоча себе под нос:

— Окееей. Че за фрик.

Фрик.

Я открыла дверцу холодильника, и морозная температура, поднимающаяся внутри, вызвала мурашки на моем предплечье, поднимая каждый белый волос на моей плоти. Мне хотелось забраться внутрь, закрыть дверь и заснуть под ледяным потоком. Тем не менее, я схватила последний кофе со льдом из фундука и направилась к кассе, не поднимая головы, но внимательно следя за окружающим. Ад, после полуночи, был маяком для педофилов и серийных убийц, и я была идеальной добычей.

Одинокая. Молодая. Странная. На любителя. Ненормальная.

Девушка, которую никто не стал бы искать.

По другую сторону кассы, за шкафом, заполненным лотерейными билетами, парень оторвал локти от стойки и выключил телефон, прежде чем сунуть его в карман. Прямые черные волосы упали на один глаз, прежде чем он отбросил их в сторону. — Что-нибудь еще? — спросил он с принужденным вздохом, перетаскивая охлажденную банку через прилавок и сканируя.

— Да... — неохота сочилась из моего голоса после того, как я заметила, что здесь, в Аду, кассир хотел быть в последнюю очередь. Я вытащила свой айфон в мраморном корпусе, чтобы открыть приложение GPS, отчасти для того, чтобы избежать любого неудобного зрительного контакта.

— Я немного потерялась. Вы знаете дорогу в Воющую Лощину?

Грязный-Водитель-Пикапа из-за холодильников ковылял за мной, когда кассир поднял глаза от своей кассы с пустым взглядом. Затем взгляд кассира переместился мимо меня на водителя.

— Можно попасть оттуда сюда, но не отсюда туда. Его акцент штата Мэн был сильным, когда он наполовину усмехнулся, качая головой.

Грязный-Водитель-Пикапа что-то пробормотал. Я опустила руку, держащую телефон, и поерзала в своих черно-белых оксфордских туфлях. Было уже за полночь. Я устала и заблудилась. У меня не было времени на загадки.

— И как это понимать?

Кассир постучал по крышке банки с вымученной улыбкой.

— С тебя три доллара пятнадцать центов.

— И на том спасибо, — проворчала я, бросая купюру на стойку и подхватывая свой напиток. Маленький серебряный колокольчик над выходом зазвенел, когда я вышла, и мягкий морской бриз ударил мне в глаза, когда я направилась обратно к своей машине.

Я была в дороге около тридцати пяти часов, останавливаясь только для заправки и еды в нескольких кафешках быстрого питания. С каждой милей мои веки тяжелели, и мне

приходилось трясти головой, чтобы не заснуть. Я всегда была такой упрямой. Всегда бросала себе вызов, вплоть до того, чтобы нести каждую сумку с продуктами из машины в наш дом в Техасе, складывая руки, используя зубы, все, что угодно, чтобы не ходить два раза.

Я останавливалась один раз, заезжая на стоянку отеля, но только для того, чтобы дать отдых глазам. Я не осознавала, что заснула, пока бездомный не постучал костяшками пальцев по моему окну, вероятно, чтобы убедиться, что я не мертва.

Зарядившись кофеином, я выехала обратно на ЮЭС-1, несколько машин были разбросаны вдоль шоссе, когда я ехала вдоль береговой линии вверх по штату Мэн, вспоминая указания, которые Дедушка записал в своем письме. GPS не нашёл маленький уединенный городок Воющая Лощина, и чем дальше я ехала, тем более запутанным все становилось, пока я не нашла съезд с Арчер-авеню.

Еле заметный знак был едва виден с узкой пустой дороги. Тусклые фары моего серебристого мини-купера превратились в единственный свет, когда я медленно проехала мимо выцветшего знака. Дождь превратил в ржавчину острые металлические края, на которых было написано название города, а под ним — НАСЕЛЕНИЕ 665 человек.

Когда я проезжала мимо, последнее число трансформировалось, расплываясь в 666.

Я потеряла глаза. Я устала, мне все мерещится. Верно?

Я продолжала ехать вперед, крадучись по жуткой темной дороге, проложенной между нависающими деревьями. Голодные стервятники усеивали тропинку, как дорожные работы, сражаясь за мертвую тушу и окрашивая улицу кровью и черными крыльями. Безжалостные от голода птицы почти не убирались с дороги и не казались напуганными машиной, пересекающей их путь. Я поехала дальше, и в течение следующих трех миль деревья с обеих сторон уменьшались, превращаясь в надгробия слева от меня и захудалый детский парк справа.

Полупрозрачная луна висела высоко над головой, освещая ржавую железную вывеску, выгибающуюся дугой над единственным входом... и единственным выходом.

Воющая Лощина.

Мой мини-Купер зашипел от долгого и изнурительного путешествия через многочисленные границы штатов, и я остановилась у знака остановки перед кольцевой развязкой, чтобы осмотреть маленький городок, о котором я слышала только в рассказах. Он не выглядел так, как будто принадлежал прекрасному штату Мэн. Выглядел, как будто Дьявол вручную создал «Жребий Салема» пером с чёрными чернилами на изодранном холсте, а затем вслепую бросил свое творение, забавляясь, чтобы посмотреть, что из этого может получиться — как люди приспособятся. И они сделали это.

Двигатель заглох, но я была слишком сосредоточена на том, что лежало передо мной, чтобы беспокоиться. Старинные фонарные столбы светились со всех сторон тротуаров. И под полуночным небом — где акварельно-серые облака размазывались перед галактикой звезд, как прозрачная вуаль, — горожане прогуливались по сердцу Воющей Лощины, небрежно вверх и вниз по мрачным улицам, как будто это было совершенно нормально в этот час. Почти в три часа ночи. В начале августа.

Холодок пробежал по моим венам. После двадцати четырех долгих лет я наконец вернулась в то место, где родилась, и в то самое место, где моя мама сделала свой последний вздох.

Я повернула ключ от машины, молясь о том, чтобы услышать самый восхитительный звук мотора, возвращаемый к жизни. Двигатель заикнулся за несколько секунд до того, как

он наконец заработал, и я хлопнула по рулю, прежде чем объехать беседку.

— Вот так, детка. Мы почти на месте. Еще несколько миль.

Дедушка жил вдоль береговой линии, морские скалы и открытые воды служили фоном для его исторического сине-зеленого прибрежного дома. Я уже видела этот дом раньше в старой пыльной коробке, которую нашла на нашем чердаке в Техасе. Мариетта, моя няня, застала меня сидящей на старом деревянном полу на чердаке и просматривающей старые фотографии. Однажды я спросила ее, вернемся ли мы когда-нибудь в город на фотографиях — город из рассказов.

— Ты не можешь вернуться, пока он не позовет тебя, лунное дитя — сказала она, присаживаясь передо мной на корточки и забирая фотографии из моих рук.

Мариетта была сумасшедшей старой ведьмой с бархатистой кожей, черными глазами-бусинками и сильным кенийским акцентом. Она обычно проводила вечера на крыльце, раскачиваясь в кресле и потягивая из своей кованой кружки «Московский мул» с мрачным предзнаменованием в глазах.

Мы с Мариеттой были пугающими для большинства, ходили слухи, что мы заколдовывали мальчиков, которые осмеливались приближаться ко мне. В старших классах лучше было быть на моей хорошей стороне, чем на плохой, опасаясь, что моя няня-ведьма уколует своих кукол из ткани ручной работы, если кто-нибудь причинит мне вред. Я никогда не была против слухов, особенно после того, что они со мной сделали. И кроме того, часть меня верила, что они были правдой.

Как и написал дедушка в своем письме, в почтовом ящике для меня был оставлен единственный ключ. Я припарковала машину на обочине улицы, оставив свой багаж на утро. Звук волн, разбивающихся о морские скалы, наполнил жуткую тишину, когда я поднималась по ступенькам крыльца. Мои ноги замерли, когда на меня упал взгляд, от которого волосы встали дыбом. Я почувствовала это первым, потом неохотно повернул голову.

Высокая женщина, худая и хрупкая, стояла на крыльце соседнего дома в поношенной белой ночной рубашке. Ее жесткие седые волосы рассыпались по плечам, а длинные костлявые пальцы вцепились в перила. Темные глаза впились в мои, и мои мышцы вздрогнули под кожей. Я заставила себя поднять руку и слегка помахала ей, но старуха не отвела своего устрашающего взгляда. Ее хватка на перилах только усилилась, голубые вены проступили под ее эфирной кожей, не давая ее хрупкому телу развеяться от малейшего ветерка.

Я резко наклонила голову вперед и на ощупь пробралась в дом. Ветер, проникавший в замочную скважину, леденил мои пальцы, и ключ идеально застрял в замке, когда подул еще один холодный ветер, взъерошив мои белые волосы со всех сторон. Оказавшись внутри, тяжелая входная дверь закрылась за мной, и я прислонилась к ней спиной, закрыв глаза и втянув достаточно воздуха, чтобы наполнить легкие. Старый затхлый запах просочился в мой нос, окутывая мой мозг.

Но я сделала это. Я наконец добралась до Дедушки, и мне показалось, что я оказалась в Дьюма-Ки — какое-то вымышленное место, о котором можно прочитать только в книге.

В доме тоже было холодно. Мои узловатые колени дрожали, нуждаясь в большем, чем тонкий слой черных чулок под моими плиссированными шортами, чтобы согреться. Но, несмотря на реакцию моего тела, холод был домашним. Я подняла руку, чтобы вслепую нащупать замок, и закрыла дверь.

Звон! Внезапный удар колокола пронзил тишину, заставив меня вздрогнуть. Мои глаза

распахнулись, и мой взгляд упал на дедушкины часы из вишневого дерева, отбрасывающие чудовищную тень на фойе. Под оглушительную песню, звенящую в моих ушах, я снова прислонила голову к двери и заправила спутанные волосы за ухо, слегка посмеиваясь над собой.

Колокола затихли, и старый дом ожил.

Сделав несколько неуверенных шагов по фойе, старые доски заскрипели под моими ботинками и поднялись по внутренней стороне стен, пока резкое, затрудненное дыхание не проскользнуло через приоткрытую дверь спальни сразу за фойе. Я на цыпочках прошла по деревянным доскам, чтобы заглянуть в спальню, прежде чем толкнуть дверь.

Там, спящий с широко открытым ртом, был человек, которого я знала только по письмам, передаваемым туда и обратно в течение последних двенадцати месяцев. Еще год назад я понятия не имела, что у меня есть живой дедушка. Когда я получила первый конверт с почтовым штемпелем из Воющей Лоцины, я чуть не выбросила его. Но любопытство было моим криптонитом, и как только мои глаза остановились на первом слове «Лунное дитя», все изменилось.

Лунный свет лился из окна, отбрасывая лучик света на старика и его спальню. Дедушка лежал на спине, слегка приподнявшись над изголовьем кровати. Его кожа, как изношенные резинки, свисала с костей. Постаревший и морщинистый, он светился в полутемной комнате, окруженной антикварной мебелью и темно-зелеными дамасскими обоями. Фетровые шляпы украшали стену напротив его кровати. Зубные протезы плавали в стеклянной чашке над тумбочкой рядом с парой бифокальных очков в черепаховой оправе, и я прислонилась к дверному проему, чтобы рассмотреть его.

Его густые брови были чуть темнее, чем седые пряди, беспорядочно торчащие из его головы. Дедушка издал громкий храп, такой, от которого булькает в горле. После полного кашля он вернулся к хриплому дыханию, его липкий рот был широко открыт. На самом деле я не так уж хорошо его знала, но с каждым его тяжелым вздохом — как будто это было самое трудное, что ему приходилось делать, — моя челюсть сжималась, а сердце сдавливалось.

Только когда болезнь приняла худший оборот, он признался в своем состоянии в своем последнем письме, которое привело меня сюда. Ему не нужно было этого говорить, но последнее письмо показалось как крик о помощи.

Дедушка был болен, и он не хотел оставаться в одиночестве.

Чего дедушка не знал, так это того, что я тоже была одинока.

— Я здесь, дедуля, — прошептала я в темноту. — Я наконец-то дома.

Глава 2

Фэллон

Гулкий и грандиозный глубокий звук разнесся по всему старому дому.

«Это ваши Новости Лоцины воскресного утра. Счастливого третьего августа. Берегите себя и помните, что никто не в безопасности после трёх часов ночи». Затем последовала песня «Сердце, терзаемое духами» Кристины Агилеры, которая вяло вытащила меня из скрипучей железной кровати.

За французскими дверями моей новой спальни облака пыльных оттенков серого лениво плыли по росистому небу. Я потёрла глаза и спустилась по лестнице в том же темпе, что и облака, следуя за соблазнительным голосом Кристины, как будто ее духи зовут меня.

Хриплый кашель разнесся по всему дому и дальше по коридору, прежде чем я завернула за угол. Дедушка сидел за маленьким столиком для завтрака, уютно устроившимся посреди

масляно-желтой кухни, рядом с дымящейся чашкой кофе, перед ним на столе была разбросана газета. Он уже был полностью одет, на нем была мятая рубашка цвета слоновой кости на пуговицах под подтяжками и брюки цвета хаки. Зелено-коричневые носки с узором ромбиков покрывали его ноги в паре тапочек.

Внучке следовало бы поцеловать его в щеку, обнять его размягченные мышцы и пролить несколько слез, наконец-то впервые встретившись с дедушкой. Но я читала письма. Бенни Гримальди был угрюмым и не самым ласковым.

— Тебе не следует вставать и расхаживать. Тебе нужно отдохнуть, — небрежно сказала я, входя в полутемную кухню с видом на море. Скрипучие мелодии сменили голос Кристины из старого радиоприемника, стоявшего рядом с ним на столе. У него была форма ланчбокса с большими серебряными циферблатами.

Дедушка вздрогнул, вскинул голову и бросил салфетку с потрескавшихся губ, как будто я его напугала. Он долго смотрел на меня из-под края своей коричневой фетровой шляпы, несомненно, находя в моей внешности частички моей матери — его единственной дочери. Его стеклянные карие глаза застыли, как будто он перенесся на двадцать четыре года назад. Как будто он увидел привидение.

Затем они вернулись к тому, что было перед ним.

— Шесть букв, ни живой, ни мёртвый? — проворчал он, поправляя свои гигантские круглые бифокальные очки и возвращаясь к своему кроссворду.

Глупо было полагать, что он спросит о моей поездке или поблагодарит меня за то, что я приехала. В своих письмах он жаловался на разносчика газет, бросающего последний номер «Дейли Холлоу» рядом с почтовым ящиком, а не у входной двери, или на безрассудных подростков, оставляющих разбитые бутылки из-под спиртного на скалах за его домом, или на Джаспера Эбботта, впадающего в ярость во время ночи бинго в здании мэрии. Дедушка высмеивал абсурдные суеверия и традиции города и его жителей, и каждую неделю я с нетерпением ждала его писем. Каким-то образом его предрассудки заполнили мои серые дни.

Я развернулась на каблуках и повернулась лицом к кафельной столешнице, на которой хранилась заброшенная посуда, кухонная утварь и старинные приборы, и коснулась края кофейника, примостившегося в укромном уголке, чтобы проверить, тёплый ли он ещё.

Слово из шести букв, означающее ни живой, ни мёртвый. «Нежить». Я открыла желтые шкафчики в поисках кружек.

— Этот кофе — дерьмо, — предупредил он, после еще нескольких влажных кашлей, исходящих из его груди. — Да уж, лучше сходи в город. Только не ходи в эту забегаловку, они там что-то кладут в кофе. Иди в Бобы. Но возьми свою кружку. Они не любят людей издалека. Закажи чего-нибудь поесть. Не блевони. Такая костлявая.

Моя голова дернулась в его сторону.

— Я не...

— Что-о-о-о ты здесь делаешь, лунное дитя? Я не просил тебя приходить! — огрызнулся он, прерывая меня резкими словами. Кашель покинул его, и он снова прикрыл рот салфеткой, прежде чем продолжить:

— Я не хочу тебя здесь!

Мои брови поднялись — удар в живот.

Старик сказал мне, что у него не все хорошо, оставил карту Воющей Лоцины и положил ключ в почтовый ящик для меня. Если это не было просьбой прийти, тогда зачем проходить

через все эти хлопоты? Может быть, он забыл о последнем письме, которое отправил. Может быть, он вообще пожалел, что отправил его. Может, он был хуже, чем я себе представляла, как будто впадал в маразм.

— Ну, теперь я здесь, и я не оставлю тебя. Здесь только мы вдвоём. Мы — единственная оставшаяся семья, так что давай воспользуемся этим по максимуму, хорошо?

Дедушка пробормотал что-то сквозь очередной приступ кашля.

— Как долго? Я позвоню Джону, устрою тебя на работу в похоронное бюро, чтобы ты не лезла мне в голову. Не знаю, почему тебя тянет к мертвецам... Больная, если спросить меня... Тебе нужно чем-то себя занять... Джон найдет тебе работу... — продолжал он бессвязно.

План всегда был заняться косметологией, но как только Мариетта умерла, план изменился. Похороны Мариетты были в открытом гробу, и хотя я была единственной, кто присутствовал на приватной церемонии, она была там со мной. Ее дух стоял прямо рядом со мной, когда мы смотрели на ее труп, который выглядел как кто-то совершенно иначе. Макияж был совершенно неправильным. Это был первый раз, когда я увидела мертвое тело, и единственное, что я хотела сделать, это стереть ярко-красный цвет губ подушечкой большого пальца, достать матовую помаду Мас из моей сумочки из змеиной кожи и нарисовать оттенок Дель Рио на ее губах в форме сердца. Именно тогда я поняла, что мне следует делать со своей жизнью.

Быть гробовщиком было призванием. И была красота после смерти, как увядшая роза, с жесткими и хрупкими лепестками. Неподвластная времени и чарующая. Наложенное заклинание и древнейшая сказка. Истории, застывшие во времени в руинах.

Совсем как в тех историях, которые Мариетта рассказывала о Воющей Лощине.

— Скажи ему, что я не имею дела с семьями.

Моя неловкость перед горем заставляла меня казаться неискренней. Это было ужасно для бизнеса и лучше всего так для обеих вовлеченных сторон.

— Да, да. Ты должна решить это с Джоном, — ответил дедушка.

В глубине захламленного шкафа я наконец нашла чашку и взяла ее с полки. — Спасибо, дедуля.

Старик покачал головой и проворчал:

— Зови меня Бенни. Все тут вокруг зовут меня Бенни.

Я ухмыльнулась.

— Я буду звать тебя Бенни, когда ты перестанешь называть меня «лунное дитя».

Густые брови дедушки сошлись вместе.

— Я буду называть тебя так, как, черт возьми, я хочу называть тебя.

В его словах был намек на улыбку, дополнительная морщинка возле его губ. Хотя я все еще пыталась понять и прочувствовать этого человека, может быть, он все-таки был рад меня видеть.

— Я поговорю с директором похоронного бюро. А теперь скажи мне, что сказал доктор о твоём кашле?

Я налила свой кофе в кружку с надписью «НАСТОЯЩИЕ ЖЕНЩИНЫ ВЫХОДЯ ЗАМУЖ ЗА ПРИДУРКОВ». Должно быть, она принадлежала моей покойной бабушке.

Дедушка схватил карандаш со стола и склонился над газетой, заполняя черно-белые клетчатые поля. Мой копчик упёрся о стойку, и я скрестила лодыжки, поднося дымящийся горячий кофе к губам.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты ходил к врачу... — сказала я, мой властный тон пролился в кружку. Он несколько раз постучал ластиком по деревянному столу, избегая вопроса, как сделал бы ребенок. Когда он взглянул на меня краем глаза, я пожала плечами.

— Отлично. Я просто позвоню ему сама.

Дедушка откинулся на спинку деревянного стула, указывая на меня кончиком карандаша.

— Ты должна кое-что знать о нас, лунное дитя. Мы делаем все по-другому тут. Мы поступаем по-своему. Этот вирус, он вышел из-под контроля доктора. Они ничего не могут сделать. Хочешь совет? Думай о себе. Просто сделай это, — он махнул морщинистой рукой перед собой, — как в похоронном бюро. Ты будешь занята всеми этими смертями, которые происходят вокруг.

— Думать о себе?

Я рассмеялась.

— Ты думаешь, что просто дашь мне эту работу, чтобы я держалась от тебя подальше? Что я просто буду стоять в стороне и не помогать?

Дедуля опустил локоть на стол и вернулся к своей головоломке.

— Супер. Я выпью кофе на улице и полюбуюсь видом.

Я оттолкнулась от стойки и прошла мимо него.

— О, и я собираюсь в город позже. Постарайся не умереть, пока меня не будет.

Он проворчал что-то себе под нос.

— Если ты поедешь в город, не едь на машине. Только твердолобые снобы и хулиганы ездят здесь на машинах. В гараже есть скутер.

Я кивнула, сдерживая улыбку, и, прежде чем выйти через боковую дверь, ведущую наружу, я схватила шерстяное одеяло с дивана и завернулась в него.

Заднего двора было не так уж много. Я прошла мимо отдельно стоящего гаража и поднялась по каменным ступеням к краю обрыва. Темно-синие воды Атлантики простирались далеко и широко, исчезая в небе. Соленый морской туман коснулся моих щек, и мои глаза закрылись под мрачную песню моря, воздух закружился в моих волосах, когда я сделала еще один глоток кофе.

Дедушка был прав. Кофе был дерьмовый.

Когда я снова открыла глаза, внизу, там, где волны встречались со скалами, был парень. Он был один, одетый в черное пальто с капюшоном, натянутым на голову, и смотрел на темно-синий океан под серым облачным небом. Довольный и умиротворенный, он свесил одну руку с согнутого колена, а другую ногу вытянул перед собой. Он уставился на горизонт, как будто видел что-то намного большее, чем море, как будто хотел быть его частью.

Волны разбивались о скалы, и пена цвета слоновой кости шипела у его ног, вода переливалась через край, но не касалась его. Ничто не могло его тронуть. Я посмотрела налево, потом направо, гадая, вышел ли кто-нибудь еще в этот час. Солнце только что взошло. Но были только мы двое, смотревшие в один и тот же бескрайний океан, под одним и тем же размытым небом, на небольшом расстоянии друг от друга.

Он поднял маленький камешек, лежавший рядом с ним, осмотрел его между пальцами, а затем бросил далеко за волны. Я сделала шаг ближе на вершине утеса, когда свободные камни покатались вниз по крутому обрыву позади него. Парень посмотрел на меня через плечо.

Черная маска закрывала его лицо, только глаза — того же цвета, что и серебристые

небеса, — падали на меня, как снег холодной зимней ночью. Легкий и нежный. Дрожь пробежала по моей коже. Ни один из нас не пошевелил ни единым мускулом и не произнес ни слова. Он смотрел на меня так, как будто я застала его в интимный момент, как будто он занимался любовью с утром. Отвести глаза было бы правильным поступком, но это казалось невозможным. Мне следовало отвернуться и дать ему пространство, за которым он сюда пришел. Возможно, нормальная девушка так бы и сделала.

Но вместо этого я окликнул его.

— Что ты там делаешь внизу?

Рука, свисавшая с его согнутого колена, поднялась в воздух. Если он и ответил, то его слова были смыты грохочущими волнами. Маска, закрывавшая его лицо, не позволяла мне видеть, как шевелятся его губы. Но его взгляд не дрогнул.

У меня пересохло во рту, и я попыталась сглотнуть.

— Я Фэллон. Фэллон Морган, — крикнула я через скалу, надеясь, что он услышит меня, а не нервы, просачивающиеся в мой голос.

Он на мгновение опустил голову, прежде чем снова посмотреть на меня. Прошло несколько секунд, пока мы бесстыдно смотрели друг другу в глаза, и мои пальцы скользнули по моим улыбающимся губам. Мне стало интересно, улыбается ли он под маской. Мне нужно было подойти ближе.

Мои глаза следили за краем скалистого утеса, ища путь вниз, пока я не заметила его.

Одеяло упало с меня. Одной рукой сжимая горячую кружку в руке, мой кофе лился через край, я балансировала другой на острых краях, спускаясь босиком.

Когда я добралась до того же нижнего уровня, что и он, он наблюдал за мной, приподняв брови под тенью своего капюшона, когда я балансировала на камнях. Нервы пробежали по моему позвоночнику до затылка, когда он выпрямился, потирая камень между двумя пальцами. Его тело дернулось, как будто он мог в любой момент сбежать со сцены, но что-то удерживало его на месте.

Я обошла его и поднялась на более высокую сторону скалы.

— Я тебя не расслышала.

— И ты восприняла это как приглашение?

Он повернулся, не сводя с меня глаз, наблюдая за каждым моим движением.

Когда мои босые ноги обрели равновесие, я посмотрела на него, и его холодные глаза заморозили все теплое, что осталось во мне. Холод пробежал от моей головы до кончиков пальцев, вероятно, охлаждая и мой кофе тоже. Его пристальный взгляд был прикован ко мне, вероятно, пытаюсь понять эту странную девушку, которая нарушила его мирное утро.

— Как тебя зовут?

Спросила я. Его глаза метнулись к небу, затем вниз, когда он снова посмотрел на воду, качая головой. — Океей...

Я плотнула кофе, и тут налетела волна, плеснула на скалу и на мои босые ноги. Ледяная температура уколола мою кожу, как тысяча иголок, но я не отпрыгнула назад. Мои глаза устремились к нему, заметив, как его взгляд был отстраненным, незаинтересованным, устремленным на горизонт черных вод под стальным небом.

— Ты всегда приходишь сюда по утрам?

— Не всегда.

Он наклонился и поднял пригоршню камней. Они прыгнули ему на ладонь, и один скользнул между указательным и большим пальцами.

— Тебе нравится вода?

На его шее вздулась вена. Он швырнул камень далеко за волны, и тот заскользил по гладкой поверхности, мимо беспокойных гребней волн.

— Я ненавижу океан.

— Тогда зачем ты пришел?

Его плечи приподнялись, и мой взгляд скользнул по его профилю. Он был высоким, возможно, шесть футов два дюйма. Он бросил еще один камень на поверхность воды боковым броском.

— Если я скажу тебе, ты уйдешь?

— Зависит от того, что ты скажешь. Будешь ли ты со мной честным?

Его подбородок опустился, а грудь расширилась, прежде чем он снова посмотрел на воду сквозь густые ресницы.

— Ты бы не заметила разницы.

— Верно. Но я здесь чужая. У тебя нет причин мне лгать.

Он наклонил голову и, наконец, посмотрел на меня — действительно посмотрел на меня. Мы были всего в нескольких футах друг от друга, но мне все равно удалось перевести дыхание одним движением его взгляда. Его глаза, бесстрастные, как пули, прошлись по моим чертам с пугающей тщательностью, выискивая меня, изучая.

Затем он отпустил меня, как будто выпустил из своих объятий, и снова уставился на океан.

— Ладно. Если бы я сказал, что когда я бросаю камни, они создают рябь, и что эта рябь похожа на звуковые волны. И, — он бросил еще один камень, — эти звуковые волны могут перейти на другую сторону и послать сообщение, ты бы поверила?

— Да.

Еще одна волна плеснула на нашу скалу, и пена зашипела у носков его ботинок.

— Я могу помочь?

Камни снова выскочили у него на ладони.

— Это работа для одного человека.

— Ну, — начала я говорить, глядя вниз и вокруг на скалу, на которой мы стояли, в поисках места, где можно было бы поставить мою кружку. Моя нога сделала один неуверенный шаг, когда я наклонилась, ставя ее позади нас. — Может быть, вдвоём мы быстрее отправим сообщение. Плюс, — продолжила я, снова балансируя рядом с ним, — я довольно крутой каменный шкипер.

Я улыбнулась и протянула ему ладонь. Я не могла сказать, улыбался он или нет. Его глаза оставались отстраненными и такими же безжизненными, как тела, которые проходили над моим столом в морге в Техасе.

— Хорошо, — он бросил мне в руку один камень, — Давай посмотрим.

— Всего один?

— Сделай так, чтобы он засчитался.

— Ого, какое давление. Ладно.

Я подбросила камень в воздух, и моя нога потеряла равновесие, когда я попыталась поймать его. Парень схватил меня за руку, удерживая от падения в океан.

— Камни — не игрушки, — упрекнул он. Его глаза метнулись к его руке на моей руке, и он прочистил горло, ослабляя хватку так же быстро, как если бы он коснулся чего-то, что обожгло его.

Я успокоила его противоречивую реакцию и прошептала:

— Моя вина.

Он расправил плечи.

— Ошибка новичка.

Впереди пронзительно кричали чайки. Я потерла камень между пальцами, ощущая гладкую поверхность, чувствуя, как его глаза наблюдают за мной, его леденящий взгляд скользит по моему телу, как одеяло из чего-то холодного, жестокого и знакомого, как дом. От этого по моей коже побежали мурашки. Я попыталась стряхнуть это и, взмахнув запястьем, бросила камень.

Он прошел всего несколько футов, плюхнулся в воду и затонул.

— Ты права. Это было... круто, — сухо заявил он.

— Эй! — крикнул кто-то вдалеке. Я обернулась и увидела женщину в халате и непромокаемых ботинках, с бигуди в волосах, размахивающую газетой высоко в воздухе с высоты нескольких домов.

— Я думала, что сказала тебе держаться подальше от нашей земли!

Следуя по краю обрыва, она направилась к нам, глядя вниз через скалы и выкрикивая угрозы о том, что доложит о его нарушении границы на следующем собрании в мэрии.

Я перевела взгляд на парня. Он наклонил голову, в уголках его глаз появились морщинки, прежде чем он повернулся и быстро пошел по камням. Леди снова закричала. Мой взгляд метнулся к ней, а когда я снова посмотрела на парня, его уже не было.

Я приняла прохладный душ и провела остаток утра, распаковывая вещи, затем застелила кровать с балдахин, на которой спала прошлой ночью. Моя большая спальня находилась на втором этаже с собственной ванной комнатой и видом на побережье. Потолок был обшит дубовыми досками, а сверху шли низкие балки.

Через французские двери на балкон, выходящий к морю, лестница, изогнутая, спускалась на землю вниз. Я спустилась по лестнице и прошла через заросший кустарник к гаражу, где, по словам бабушки, должен был стоять скутер.

После нескольких попыток дверь гаража поднялась, и облака пыли вскружили, когда она сложилась наверху. Коробки, сложенные одна на другую, выстроились вдоль внутренних стен. Я прошла мимо крытой машины, за ней был белый скутер.

Он выглядел так, как будто им не пользовались уже довольно давно, ключ все еще торчал в замке зажигания. Я провела своим белым ногтем по рамке. Под тонким слоем пыли на боку виднелись остатки выцветшей серебряной эмблемы. Та же эмблема, выбитая на потрескавшейся коже фотоальбомов, которые я нашла на чердаке в Техасе.

Пятиконечная звезда с пятью символами внутри круга.

Я включила двигатель, и маленькая штучка щелкнула, прежде чем он с ревом ожил. В кожаных штанах и с волосами, заправленными под шлем, я каталась на белом скутере вверх и вниз по окрестным улицам, прежде чем отправиться в город.

Ночью на улицах Воющей Лоцины бродило больше людей, чем днем. Обогнув беседку, я увидела крошечные магазинчики; книжный магазин под названием «Станный и необычный», почтовое отделение, Бакалея Хобба, кабинет врача, Магазин на углу и кофейня «Бобы», о которой упоминал Дедушка. Мрачный город был украшен тусклыми оранжевыми, желтыми и коричневыми цветами, как будто сейчас не лето. Как будто город попал в ловушку осени, даже в начале августа. Искусственные осенние листья обвивали веретена беседки, а тюки сена и тыквы украшали витрины магазинов. Удручающий запах умирающих

листьев примешивался к каждому сильному ветерку, в отличие от чувственных и игривых ветров в Техасе.

Я припарковала скутер на горизонтальном месте перед закусочной Мина Мэй и положила ключ в карман. Внутри атмосфера резко изменилась по сравнению с мрачностью, царившей прямо за дверями. Мягкие барные стулья выстроились вдоль длинной стойки, протянувшейся от одного конца до другого, а перед жадно ожидающими посетителями — кухня. Персонал и официанты, одетые в черно — белые рубашки в тонкую полоску с забрызганными едой фартуками, быстро двигались, чтобы приспособиться к спешке во время обеда, не поднимая глаз, чтобы посмотреть, куда они идут. Каким-то образом никто не столкнулся друг с другом в суете.

При моем появлении все остановилось и уставилось в мою сторону. Но так же быстро, как они посмотрели в мою сторону, они отвернулись, продолжив заниматься своей работой, едой или компанией, как будто понимая, что во мне нет ничего особенного.

Я вытащила меню из кармашка стоящей таблички с надписью «Присаживаетесь» и заметила свободное местечко у окна. Мой взгляд блуждал по закусочной, пока я скользнула на стул.

«Мина Мэй», казалось, была плавильным котлом для степфордских жен, оценивающих глаз и постоянных посетителей, которые, скорее всего, приходили сюда каждый день в течение последних пятидесяти с лишним лет. Три пожилые дамы в причудливых шляпках уставились на меня и понизили голоса до шепота, когда я снова обратила внимание на меню, чувствуя, как их взгляды переместились мне на затылок.

— Дай угадаю, — произнес голос, заставив мою голову вскинуться. — Фэллон Морган.

Перед моим столиком стоял парень лет двадцати пяти, одетый в бежевые брюки и шляпу газетчика.

— Да, — подтвердила я, оглядываясь, чтобы убедиться, что он обращается ко мне, хотя он и назвал мое имя. — Я Фэллон Морган, а ты одет точно так же, как мой дедушка.

— Капризный старина Бенни?

Он сел напротив меня и бросил стопку книг и бумаг между нами, положив локти на стол. Кивнув, я откинулась на спинку стула, думая, что он принял меня за другую Фэллон Морган. Никто никогда добровольно не садился со мной раньше.

— Я приму это как комплимент. Видите ли, — он наклонил голову и поднял палец, — этот человек — легенда.

Моя бровь изогнулась.

— Правда? — спросила я, и парень кивнул. — Откуда ты знаешь мое имя?

— Слухи распространяются повсюду. Кстати, меня зовут Майло. Откуда ты приехала? Нью-Йорк?

Он снял свою шляпу газетчика, обнажив мягко-каштановые, зачесанные набок волосы, естественно вьющиеся на концах. Парень был стройным, с медово-карими, проникновенными глазами и миллионом историй, которые можно было рассказать в его улыбке.

Я чуть приподняла голову.

— Почему именно Нью-Йорк?

— Ты выделяешься как белая ворона, — его палец описал круг в воздухе над моей одеждой, — со всем этим модным прикидом.

Я прикусила губу, глядя на свою шелковую блузку в клеточку, которая была самой

дешевой вещью, которая у меня есть, и внезапно почувствовала себя неловко.

— Нет, Сан-Антонио, — поправила я, оглядываясь на него.

— Ммм... Никогда бы не подумал.

К нашей кабинке подошла пожилая дама с длинной косой седых волос, свисающей с одного плеча. Она вскрикнула, зажав рот рукой. Еще мгновение она смотрела на меня с огоньком в глазах.

— О-мой-бок. Внучка Бенни.

Официантка с милым лицом рассмеялась, не веря своим ушам.

— Я бы обняла тебя, но я не хочу тебя пугать.

Ее взгляд остановился на Майло.

— Майло Эндрюс, дай этой девушке немного личного пространства, хорошо? Может ли она побыть здесь больше пяти секунд без толпы папарацци?

Ухмыляясь, я отмахнулась от вторжения.

— Он не мешает. Это приятная перемена в кои-то веки — поговорить с кем-то, кто не заноза в заднице.

— О, Бенни?

Она прищелкнула языком.

— Не позволяй этому человеку дурачить тебя, у него где-то должно быть сердце... Глубоко, глубоко, там.

Майло бросил на меня косой взгляд и криво улыбнулся.

— Мина Мэй и Бенни давно знакомы, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Он пошевелил бровями.

Мина шлепнула Майло по голове.

— Не распускай слухи, мальчик.

— Эй, вообще-то... хороший репортер только излагает факты, — сказал Майло в защиту, подняв ладони перед собой.

Мина покачала головой, переводя взгляд на меня и прижимая ручку к блокноту.

— Что будешь есть, дорогая?

Майло быстро заговорил:

— Две субмарины и два кофе. Позвольте мне угостить пришлую.

Мина закрыла блокнот и бросила его вместе с карандашом в свой фартук.

— Фэллон Морган не пришла.

С уверенностью и одним кивком она двинулась в противоположном направлении.

— Эта леди иногда пугает меня, — признался Майло, глядя, как она уходит. — Но она делает неплохую субмарину.

После обеда Майло убедил меня пойти с ним на прогулку по городской площади, которая как ни странно имела форму круга. Бок о бок мы шли по брусчатке в елочку, Майло высотой в шесть футов нес стопку книг между рукой и бедром. Я попевала за его широкими шагами, пока он рассказывал о Воющей Лощине и здешних жителях.

— У нас не так много жителей равнин. Ну, знаешь, люди издалека. И забудь о попытках получить информацию о внешнем мире. Этот город застрял во времени. Основатели сделали это таким образом, отрезав нас, защитив от социальных манипуляций. Мы знаем только то, что знаем от жителей равнин, и если каким-то чудом ты найдёшь подключение к Интернету.

Когда мы дошли до перекрестка, он остановился, чтобы посмотреть мне в лицо. — Нет смысла пытаться воспользоваться твоим мобильным. Твоя единственная надежда — в

«Бобах», но будь осторожна с тем, что ты ищешь, потому что кто-то всегда наблюдает.

Майло отвел глаза и продолжил свой путь. — Воюющая Лощина отключена от сети и управляется двумя ковенами. А ты Морган и Гримальди, так что это делает тебя чрезвычайно важной здесь. Это только вопрос времени...

Не глядя, Майло сошел с тротуара и перешел улицу на другую сторону. Я посмотрела в обе стороны, прежде чем догнать его так быстро, как только могла в своих черных ботильонах.

— Вопрос времени для чего?

Он остановился и резко развернулся лицом ко мне посреди дороги.

— Для твоего посвящения, конечно.

Он сказал это как ни в чем не бывало, как будто это был глупый вопрос, и я должна была знать это с самого начала. Его брови сошлись вместе, когда он осмотрел мое смущенное выражение лица.

— Ты не знаешь?

Я вскинула ладони по бокам.

— Знаю что?

Майло продолжил свой шаг, его улыбка была озадаченной, он потряс указательным пальцем в воздухе.

— Все это имеет смысл, причина, по которой Тобиас Морган забрал тебя.

Он больше разговаривал сам с собой, чем со мной, но упоминание о моем отце привлекло все мое внимание.

— Два ковена ведьм, запутавшиеся в паутине, Гримальди и Морганы.

— Ведьм?

Подушечки моих ног горели в ботинках, и я схватила его за бицепс, чтобы замедлить.

— Говори по-английски.

Он сделал паузу, повернувшись ко мне всем телом, его твидовая кепка отбрасывала тень на половину его лица.

— Да, твоя мать, Фрейя Гримальди, из Ковена Норвежских лесов.

Он указал в сторону леса.

— Норвежские леса похожи на пустоши, откуда родом низший класс. А твой отец?

Палец Майло указывал в сторону моря.

— Он был из Клана Священного Моря. Это высший класс, который контролирует восток, вплоть до Кресент-Бич. Ты въехала в городскую вражду, которую твой отец начал перед отъездом, — Майло погладил меня по макушке. — Рано или поздно тебе придется присоединиться к Священному Морю, где тебе и место.

Ведьмы. Майло продолжал идти по тротуару, оставив меня позади с пустым взглядом.

Его упоминание о ведьмах вернуло меня к необычному поведению Мариетты, например, когда она запиралась на чердаке в самые странные времена, шепот, льющийся по крутым деревянным ступеням, ее осязаемый рассказ о богах и богинях Воющей Лощины. Я думала, что все это просто сказки на ночь — полуночные сказки.

Норвежские леса и Священное Море — я так давно не слышала этих названий.

Но папа никак не мог быть частью шабаша. Тобиас Морган служил в ВВС, человек, который служил Божьей стране, храбрый и верный, пока не погиб на войне после того, как мне исполнилось пятнадцать.

И все же Воющая Лощина была реальной. Могут ли все эти истории тоже быть

реальными? Неужели папа выбрал Мариетту, мою няню, и привез ее из этого города в Техас, чтобы она заботилась обо мне по какой-то причине?

— Эй, — крикнула я, догоняя Майло, который был в десяти футах впереди. — Но я не ведьма. Я здесь только для того, чтобы позаботиться о Бенни, проследить, чтобы ему стало лучше. Что, если я не хочу быть частью всего этого... этого?

Майло замедлил шаг, но так и не встретился со мной взглядом. Затем он пожал плечами.

— Я не знаю, но ничего хорошего из этого не выйдет. Ты принадлежишь Священному Морю. — Карие глаза Майло опустились на мои настороженные, затем черты его лица смягчились.

— Это слишком много, чтобы принять. Давай пока просто забудем, что я что-то сказал. Я знаю место, где помогут от кашля Бенни.

Плотные облака, серые и нефритовые, скользили по небу над городской площадью, когда мы остановились перед украшенной осенью витриной магазина. «Аптека Блэквелл» было написано на покачивающейся черной вывеске, торчащей из кирпича над нами. Поднимаясь по потрескавшимся ступеням к двери, старинные фонари, тыквы, и сосновые шишки выстроились вдоль дорожки и веером развернулись перед окнами с сеткой с каждой стороны.

Майло открыл дверь и прижал ее каблуком своего коричневого кожаного ботинка, чтобы махнуть мне внутрь. Дверь за нами закрылась, и я окинула маленький магазинчик любопытным и нетерпеливым взглядом. Свисающие с потолка живые растения ползли по старым стеллажам, на которых стояли банки с написанными от руки этикетками. Травы, цветы, специи и эфирные масла заполняли аптекарские баночки, стоявшие вдоль стен. Майло позвонил в колокольчик у стойки, когда я подошла к маслам и начала нюхать каждое из них, от сандалового дерева до ромашки и ладана.

— Это невероятно, — промурлыкала я, закрывая глаза, когда теплый и древесный аромат поглотил мои чувства.

— Это моя успокаивающая смесь, — ответил спокойный женский голос. — Еловый лист, лист дерева хо, ладан, цветок голубой ромашки и...

Отчётливый щелчок пронзил воздух, и я быстро навинтила колпачок на роллер:

— О! Да, голубой цветок пижмы. Приносит гармонию в разум и тело.

Я повернула голову. У женщины были иссиня-черные волосы с прямыми седыми прядями, обрамлявшими ее тонкие черты лица. Миниатюрная женщина, лет сорока-пятидесяти, но это можно было определить только по морщинам и пигментным пятнам на ее руках, которые несли банки.

Ее удивленные глаза скользнули по мне.

— Этого не может быть, — прошептала она, задыхаясь, затем быстро переложила предметы из рук рядом с кассовым аппаратом, прежде чем подойти ближе. Ее нежные пальцы запутались в моих длинных белых волосах. — Фрейя?

Я замерла под ее полным надежды взглядом, когда она изучала мое лицо. — Фрейя была моей матерью.

— Конечно, — ее рука опустилась, и на лице появилось смущение, — Мне так жаль, дорогая. Это как будто... заглядывать в прошлое.

Она слабо улыбнулась, пронизанная прошлыми воспоминаниями.

— Вы знали мою мать?

Было странно находиться здесь. Женщина, которая родила меня, скорее всего, ела в закусочной Мины Мэй, посещала эту аптеку и ходила по этим улицам. Люди Воющей Лощины всегда знали ее, в то время как я, ее плоть и кровь, не знала. У них было то, чего у меня никогда не будет — воспоминания, — и я внезапно позавидовала городу, отрезанному от общества, потому что в какой-то момент они не были отрезаны от моей матери.

Леди кивнула.

— Она была мне как сестра. Мы были неразлучны, не разлей вода, пока... — она сделала паузу, покачала головой, — Ну, ты знаешь... но ты не могла разлучить нас, свою маму и меня, — сказала она с беззаботным смешком. И ее смех быстро угас, когда ее глаза заблестели. — Я думаю о ней каждый день. И ты, Фэллон, она очень любила тебя.

Она вытерла глаза и глубоко вздохнула, собираясь с духом.

— В любом случае, ты здесь из-за Бенни? Я могу собрать кое-что, чтобы помочь ему справиться с этим кашлем.

— Да, мэм, — перебил Майло. — Каждый раз, когда этот старик кашляет, весь город сотрясается. У нас у всех кружится голова.

В моей голове кружилось так много вопросов, когда мои ноги приклеились к полу, и я могла только наблюдать, как она ходит взад и вперед по магазину, чтобы собрать банки с полок. Дама вернулась к прилавку и начала открывать каждую крышку, высыпая смесь в мраморную чашу, прежде чем измельчить листья в смесь.

— Этот чай успокоит его горло. Вкус сладкий, как мед, но послевкусие будет ощущаться как горечь на языке. Бенни — упрямый человек, так что ты должна настоять, чтобы он выпил.

Майло оперся локтем о стойку и повернулся ко мне лицом. — Ты слышишь это, Фэллон? Мисс Агата знает, что делает. Лучше, чем этот скучный и тупой доктор Морли.

Я оторвала ноги от пола и подошла к Майло, пока Агата Блэквелл скрывала свое веселье за натянутой улыбкой.

— Вы знаете, что я прав, — Майло поднял ладонь в сторону Агаты, — Нет причин быть любезным, когда дело доходит до правды.

— Ты единственный в своем роде, Майло, — пропела Агата, качая головой, просеивая новую смесь в отдельную банку из-под масона, затем сунула банку в подарочный пакет.

— Сколько я должна? — спросила я, наконец-то обретя дар речи.

Агата посмотрела на меня милыми глазами.

— Первый раз за счет магазина. Я просто так счастлива, что после всего этого времени я наконец-то снова тебя увидела. В последний раз, когда я тебя видела, ты была совсем крошкой... Я просто никогда не думала, что этот день настанет, честно говоря. Ты надолго останешься?

— Спасибо, и нет, только пока Бенни не встанет на ноги.

Я не знала, что еще сказать.

На этот раз ее улыбка казалась более натянутой, и она скрестила руки на прилавке. — В любом случае, мы рады, что ты вернулась. Дай мне знать, помогла ли смесь Бенни.

Попрощавшись, мы с Майло вышли из аптеки и вышли на мощный тротуар. Туман только сгустился, заволакивая скользкие улицы, когда мы направились обратно в противоположном направлении, к моему скутеру. Хотя был только полдень, солнце уже выгорело, как будто оно потратило весь день, пытаясь пробиться сквозь облака, но не смогло этого сделать.

Когда мы дошли до пешеходного перехода, Майло остановился, что-то привлекло его внимание. Я проследила за его взглядом вдоль улицы, и дорога исчезла в тумане, черные очертания леса вдалеке.

Пробираясь сквозь влажный туман, четыре силуэта шли сквозь мрак. Один за другим они постепенно появлялись. Четверо парней, все в темных пальто, поношенных брюках или джинсах и ботинках. Их лица, были скрыты от окружающего мира. На одном была бандана, на другом — маска кролика на Хэллоуин, а на другом — простая черная маска. Но у одного спереди и в центре был череп импалы, длинные пепельно-коричневые рога указывали в затянутое облаками небо.

— Кто они такие?

Это прозвучало почти шепотом, когда я наблюдала, как стая парней приближается.

Майло положил руку мне на плечо и притянул меня ближе к себе. — Бэк, Зефир и Феникс. Это последние четверо из пяти первоначальных потомков клана Скандинавских лесов.

— Кто четвертый?

Менее чем в пятнадцати футах от нас человек в зверином черепе замедлил шаг. Знакомые серебристые глаза поразили меня, пристальные и привязывающие, удерживающие мое дыхание в своих тисках, мой взгляд в его хватке. Только на мгновение, прежде чем он отвернул голову, отпуская меня.

— Тот, что посередине? Это Джулиан Блэквелл. Сын Агаты.

Джулиан. Парень со скал.

Они прошли мимо нас, ни один из трех других не заметил нас и не обратил на нас никакого внимания. Они шли с определенной целью. Они шли уверенно. Они носили щит, жёсткий и непробиваемый.

Майло крепче сжал мое плечо.

— Они Полые Язычники.

Глава 3

Фэллон

У въезда в Воющую Лощину, где извилистые деревья, гробницы и склепы покрывали холмистое поле для захоронений, похоронное бюро Святого Кристофера было спрятано лесу. Пустынные железнодорожные пути пересекали главную дорогу и исчезали за зданием в лесу.

Была среда, и я последовала за Джоном Сент-Кристофером IV по сужающемуся коридору, пока мы не достигли винтовой лестницы. Джон был намного моложе, чем я ожидала, лет тридцати пяти, в облегающих джинсах и накрахмаленной белой рубашке на пуговицах с тонким черным галстуком. Его волосы были коротко подстрижены, профессионально и стильно.

— Твой офис находится здесь, в подвале, — объяснил он, когда мы спускались по винтовой лестнице. Джон остановился на полпути, ухватился за изогнутые перила и покачал ими взад-вперед.

— Осторожно, это все еще нужно исправить.

Моя нога оторвалась от последней ступеньки как раз в тот момент, когда девушка вскочила из-за своего стола. Офисное кресло на колесиках откатилось назад, пока не ударилось о цементированную стену позади нее, и она приветствовала меня широкой и приветливой улыбкой, демонстрирующей идеально ровные белые зубы.

— О, ого! — воскликнула она, шагая к нам в ярко-желтых кроссовках Vans. Розовая

ручка с радужным помпоном покоилась у нее за ухом. Она была самым колоритным человеком, которого я видела с момента приезда, одетая в обтягивающую неоновую рубашку с длинными рукавами с желтыми, ярко-розовыми и ярко-синими полосками под черным комбинезоном. Ее огненно-рыжие волосы подпрыгнули, когда она протянула руку.

— Мандэй Митчелл. Ты, должно быть, Фэллон. И не волнуйся, — она наклонилась, ее веселый голос едва перешел в шепот, — Джон вчера сказал мне, что ты не имеешь дела с семьями. Я тебя прикрою.

Джон засунул руки в карманы джинсов. — Да, я почувствовал облегчение, когда позвонил Бенни. Нам бы здесь действительно не помешала помощь.

Он повернулся к Мандэй и наклонил голову.

— Мандэй покажет тебе, как здесь все устроено. Ты будешь отвечать за одевание, косметику, гробы и лп.

Моя бровь приподнялась, и я слегка повернула голову от Мандэй к Джону.

— Лп?

— Любовные парочки, — ответила Мандэй, подмигивая Джону.

Он сжал губы в тонкую линию, добавив: — И содержание в чистоте оборудование и подготовительную комнату, которая находится наверху.

— Конечно, все звучит неплохо.

Я в последний раз оглядела подвал.

Стол Мандэй был завален фотографиями покойных, гробниц и статуэток. В противоположном конце подвала стоял пустой стол с древним компьютером, а у задней стены стояли двухъярусная кровать и комод.

— Это работа двадцать четыре часа в сутки по вызову, — напомнил мне Джон, как будто я никогда раньше этого не делала. За последние пять лет я только и делала, что работала гробовщиком. Я знала о поздних ночах, внезапных звонках и необходимости бросить все, чтобы приехать и позаботиться о покойном. Джон подошел к столу и поднял черный предмет, прежде чем вернуться.

— Ты должна постоянно держать этот пейджер при себе.

Он протянул мне пейджер, я посмотрела на Мандэй и подняла бровь. — Пейджер?

Вернувшись в офис Джона, я заполнила соглашение о неразглашении, пока он рассказывал о том, что в Воющей Лощине по-другому оформлялись документы и отчетность для покойного. Выслушав правила и рискованный бизнес похоронного бюро, а также то, как они хранят все «в доме», я заставил его подписать собственное соглашение о неразглашении, чтобы он согласился никогда не сообщать обо мне в штат Мэн за его незаконные сделки. Джон не находил это забавным.

Он сразу же отправил меня работать, и я провела остаток утра, убирая подготовительные и выставочные залы, где были выставлены гробы и различные штуки, которые могло предложить похоронное бюро. Я не возражала и всегда уважала любую работу, большую или маленькую, даже если это означало чистку туалетов или вытирание телесных жидкостей с плитки.

На радужной наклейке, приклеенной скотчем к полноразмерному холодильнику на кухне, было написано «помоги себе сам» закольцованными буквами. Мандэй наполнила холодильник бутербродами с деликатесами из закуской Мины, и я схватила один с пометкой «Итальянский», решив прогуляться по кладбищу, чтобы выбраться из душного здания на свежий воздух.

Утренний туман рассеялся, и опавшие листья хрустели под моими рабочими теннисными туфлями в лабиринте надгробий. Ветви деревьев изгибались над головой, как будто конечности тянулись, чтобы схватить того, кто проходил мимо. Воздух был влажным. Запах истории.

Запах смерти.

И где-то под этой священной землей была похоронена моя мать. Эта мысль не покидала меня, пока я продолжала свою бесцельную прогулку между надгробиями, потрескавшимися и накренившимися от смещения плоскостей земли. Я заставила себя оторвать взгляд от чтения гравюр, еще не готовая встретиться с ней взглядом. Ее дух никогда не посещал меня, и часть меня всегда верила, что это потому, что я была той, кто забрал ее жизнь.

Я впилась зубами в холодную субмарину, когда рыжие, как у пожарной машины, волосы выглянули из-за большого дерева. Когда я подошла ближе, мои глаза опустились на Мандэй, которая сидела на мертвой траве с яркой коробкой для завтрака из сахарного черепа и морковной палочкой, торчащей изо рта.

Я проглотила еду, которая была у меня во рту.

— Так вот куда ты убежала.

Кроме нас двоих и могильщика в нескольких ярдах от нас, кладбище было пустым.

— Типичный гробовщик, обедающий на кладбище...

— Правда?

Улыбаясь, Мандэй похлопала по земле рядом с собой и переложила свою коробку с ланчем на другую сторону, пододвигаясь. — Подойди, сядь, — настаивала она. — Это лучшее место в городе.

Я плюхнулась рядом с ней и скрестила ноги.

Взгляд Мандэй скользнула ко мне, и я почувствовала, как ее глаза изучают мои черты. Когда я снова посмотрела на нее, она быстро отвела взгляд.

В детстве другие дети были милыми только потому, что боялись моих призрачных черт. Мои натуральные платиново-белые волосы, моя кожа цвета кости, мои светло-голубые глаза; два хрустальных шара, в которые никто не заглядывал больше секунды. Дети были добры только из-за слухов. У меня почти не было настоящих друзей. Однако все эти проблемы казались тривиальными, как только закончилась средняя школа и началась настоящая жизнь. Время, когда более серьезные проблемы взяли верх, такие как деньги, выбор профессии, жилье и социальный статус, который нужно было создавать самостоятельно, без помощи родителей.

Взрослым было наплевать на то, что делали другие — на то, что делала я.

Я отправила в рот остатки итальянского бутерброда, наблюдая, как могильщик разгребает насыпи грязи с черной банданой, повязанной вокруг лица. Колено Мандэй толкнуло меня сбоку в бедро, отвлекая мой взгляд.

— Ты прибыла как раз вовремя, ты знаешь. К Дню Борьбы с Суевериями, Мабон Самайн...

Я вытянула ноги перед собой и скрестила лодыжки. Я знал, что Мабон был типа Дня благодарения в викканском сообществе, а Самайн был во время Хэллоуина, чтобы почтить мертвых. Но...

— День борьбы с суевериями?

— Когда-нибудь слышала об этом?

— Точно не могу сказать.

— Как по мне, это дурацкий праздник. Невозможно доверять празднику, который был придуман в 1999 году. Тот же год, когда LFO попали в чарты. Ты видела, что с ними случилось... — она сделала паузу и повернулась, чтобы увидеть мои приподнятые брови, повисшие в воздухе. Я покачала головой, не понимая ничего из того, что она говорила, и у нее отвисла челюсть.

— Ты издеваешься надо мной, да? Рич умер, чувак. И это даже не самая странная часть. Группа распалась, а потом, когда они снова собрались вместе, бац! еще один повержен в прах. Я тебе говорю. Су-е-ве-ри-е.

Мандэй покачала головой и откусила морковку.

— Ты же не веришь в такого рода вещи, да?

— Я думаю, что верить в суеверия — плохая примета, — сказала я сквозь смех.

Между нами повисло неловкое молчание. Она посмотрела на меня. Я посмотрела на нее, ожидая, что она найдет смысл в моей шутке. Затем ее губы изогнулись. Мандэй была девушкой с трехсекундной задержкой. Мне нравились девушки с трехсекундной задержкой.

— Теперь я поняла.

Она кивнула с медленно появляющейся улыбкой.

— Откуда ты все это знаешь? Я думала, что Воющая Лощина отрезана от того, что происходит извне.

— Я равнодушна к музыке девяностых, — пожала она плечами, — и когда у тебя есть что-то, ты находишь способ. Но вернемся к Дню Борьбы с суевериями. Фестиваль состоится ночью, и там будет весь город.

Я сразу же подумала о Джулиане, человеке на скалах, которого видела накануне. Язычник Лощины, как назвал его Майло. Этим утром я вышла на край утеса, чтобы посмотреть, вернется ли он, но он не вернулся.

— Может быть, я пойду, — сказала я безразличным тоном. Моя голова была где-то в другом месте: скалы, разбивающиеся глубокие синие воды, череп животного и серебристо-серые глаза.

Голова Мандэй дернулась в сторону, глаза расширились.

— О, тебе следует пойти. Тебе нужно выбраться и стать частью этого города, иначе все будут думать, что ты чужак.

Она, не глядя, разломала морковку пополам.

— Мои друзья тоже хотят с тобой познакомиться. Я сказала им, что ты начинаешь здесь сегодня.

Казалось, все уже знали, кто я такая, и я не привыкла к такому вниманию. Конечно, люди всегда замечали меня, но держались на расстоянии. Они махали, улыбались и обращались со мной как со знакомой. Но то, как Мандэй завязала со мной разговор, задавала мне вопросы и пригласила меня куда-то, все это казалось сюрреалистично. Я провела большую часть своей жизни, держась одиночкой, сосредоточившись только на своей карьере в течение последних шести лет. Я стала трудоголиком, мои единственные друзья — мертвецы. Я готовила трупы, одновременно исповедуясь духам во всех своих причудливых снах. Как крики пары из квартиры 7901 не давали мне спать по ночам, ссорились из-за неверности, как пивной понг не следует считать спортом, и как Netflix отказался от моего любимого шоу... И тут меня осенило.

Дерьмо. Я была как дедушка.

— Священное Море... — продолжала Мандэй. — Ну, сестры Салливан, Майло

Маверик, Сайрус и Кейн. Ты обязательно встретишься с ними до Дня Суеверий, и ты полностью вступишь в их компанию. В любом случае, это не значит, что ты не принадлежишь этому месту. О, — она подпрыгнула на месте, и ей в голову пришла идея, — мы можем пройтись по магазинам после работы где-нибудь на следующей неделе и найти тебе платье и маску. Ты должна надеть маску.

— Если все еще буду здесь, я пойду, — согласилась я, услышав имя Майло. По крайней мере, я бы знала там двух человек, и, может быть, выйти тоже было бы не так уж плохо. Майло сказал, что папа когда-то был членом Ковена Священного Моря. Мое любопытство заставило меня задуматься о том, чтобы погрузиться в этот мир и посмотреть, откуда пришел папа, откуда я родом, и оправданы ли слова Майло о том, что мои родители были из ковена ведьм.

Мои отношения с папой были на расстоянии из-за его обязательств перед нашей страной, и я уважала его за его преданность Военно-воздушным силам. Может быть, он держал меня и свое прошлое на расстоянии вытянутой руки по какой-то причине, но хотела ли я знать почему?

Я прислонилась спиной к дереву и перевела взгляд на могильщика, который пил из бутылки с водой под банданой, положив руку на лопату, прислоненную к боку. Он был стройным, но в хорошей форме, с бритой головой. Он взглянул в нашу сторону, недоступный за банданой, закрывающей его лицо, напомнив мне о язычниках Лощины, которых мы с Майло видели накануне, напомнив мне о человеке со скал — Джулиане.

— А как насчет Полых Язычников? Они придут?

Взгляд Мандэй тоже переместился на могильщика.

— Они на самом деле не ходят на мероприятия. Но ты захочешь держаться от них подальше.

Она кивнула головой в сторону могильщика, наблюдающего за нами.

Он был одним из них. Я оторвала взгляд от него и вернулась к Мандэй.

— Почему это?

— Бэк тихий и не тронет тебя. Они все не тронут тебя, если ты не тронешь их, — Мандэй наклонилась ближе ко мне, — но все знают, что они практикуют темную магию. Такое, с которым ты никогда не захочешь связываться, то дерьмом, к которому мы не лезем. Священное Море благотворно, но не они. Ривер Харрисон убежден, что это они наложили злое заклятие на Джаспера Эббота, заставив его сойти с ума.

— Злое заклятие, — повторила я, последовала невеселая усмешка. И усмешка была не потому, что я не верила в магию или колдовство, или потому что я всегда была понимала то, что нельзя было увидеть, так как я видела больше, чем большинство, зная, что сверхъестественное скрывается за слоями мира. Но я также понимала, каково это, когда люди видят в тебе нечто иное, чем ты являешься на самом деле, быть центром самых отвратительных слухов в городе.

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, что он просто... на самом деле сошёл с ума? В любом случае, какая у них была причина делать что-то подобное?

— Чтобы наказать его за распушенный язык, или, по крайней мере, таков слух.

Мандэй внезапно остановилась на этом, когда я ожидала продолжения истории. Она откусила морковку, и та хрустнула у нее между зубами, когда она рассеянно посмотрела на кладбище.

— Встретимся за кладбищем сегодня в полночь. Я хочу тебе кое-что показать.

— Почему за...

Она махнула рукой перед собой.

— Просто приходи. Ты сама увидишь.

Было тридцать минут до полуночи, и дедушка заснул в кресле в сине-зеленую клетку. Покинув похоронное бюро раньше, я зашла в магазин на углу, чтобы купить кое-что, а затем приготовила большую кастрюлю чили, надеясь, что кайенский перец избавит его от заложенности и уменьшит симптомы гриппа. Я положила его со сладким и поджаристым домашним кукурузным хлебом. Рецепт Мариетты всякий раз, когда я болела, что случалось часто, так как у меня никогда не было лучшей иммунной системы.

Я стояла над спящим дедушкой, одетая в черные леггинсы и большую серую толстовку под своей огромной джинсовой курткой, готовая встретить Мандэй за похоронным бюро из любопытства. Я снова подогрела его недопитый чай и поставила его на боковой столик для него на случай, если он проснется. На том же столе мое внимание привлекла моя черно-белая беспристрастная фотография. Это было в сегодняшнем утреннем выпуске «Дейли Холлоу». В моей груди образовался рубец, и я наклонила голову, чтобы прочитать заголовки.

ФЭЛЛОН 'ЛУННОЕ ДИТЯ' МОРГАН

ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ВОЮЩУЮ ЛОЩИНУ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГС
ВОЗМОЖНО, ХРАНИТ СЕКРЕТЫ.

Автор статьи: Майло Эндрюс

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной.

Майло? Я подняла небрежно сложенную газету, свернула ее, засунула сзади в леггинсы и накрыл дедушку шерстяным одеялом, прежде чем отправиться в гараж.

Дома в восточной части города были красивыми, традиционными прибрежными домами, все в оттенках кораллов, зелени морской пены и синего цвета дедушкиной яичной скорлупы. Кроме как в конце улицы и на вершине самой высокой точки утеса. Именно там стоял разрушающийся особняк, заброшенный, черный дом, измученный природой и ветхий, со сломанными ставнями, разросшимся кустарником и виноградными лозами, ползущими по похожей на кость структуре, как ядовитые вены.

Я объехала кольцевую развязку площади со скоростью десять миль в час, пока горожане совершали набеги на тротуары под полированным полумесяцем. В этот час все магазины были открыты. Свечи мерцали в фонарях за стеклянными витринами магазинов, а тыквы-фонари улыбались с перил беседки. Жители пили из серебряных кубков, а маленькие девочки в колониальных платьях с лентами в волосах резвились под жуткие мелодии, льющиеся из динамиков, установленных под карнизом беседки, в центре всего этого.

Люди смеялись и общались, как будто это был не обычный вечер среды.

Майло сидел на скамейке рядом с девушкой. Она водила своими длинными пальцами вверх и вниз по его ключице под растянутой рубашкой и казалась моложе, лет восемнадцати, может быть, с темно-каштановыми волосами.

Увидев его, я снова почувствовала комок в груди, напомнивший мне о заголовке газеты, спрятанном у меня за спиной, на талии. Мне пришлось противостоять ему, и, имея в запасе десять минут, я развернула скутер и не останавливалась, пока колесо не отскочило от бордюра перед беседкой. Группа подвыпивших подростков отскочила назад, как будто я собиралась их переехать, и я пинком освободила стойку.

— Майло! — крикнула я, сжимая газету в кулаке. — Что это, черт возьми, такое? Мой гнев вспыхнул.

У моего отца его никогда не было, и я винила в своих перепадах настроения мать, которую никогда не знала. Или луну. — Ты в фазе с луной, дитя, — слова Мариетты всплыли у меня в голове.

В любом случае, комок превратился в тыкву и упал мне в желудок, зная, что эти люди, возможно, уже вынесли обо мне свое суждение.

Горожане наблюдали, как я прошла через лужайку, окружающую беседку, направляясь прямо к Майло, который поднялся со спины и оттолкнул руки девушки. Я остановилась у их ног и потрясла газетой перед собой, пока она не легла плашмя у меня в руке.

— Единственный потомок Тобиаса Моргана возвращается, но что это значит для Воющей Лощины...

Я зачитала, затем сверкнула глазами, бросив на него угрожающий взгляд. Майло снял шляпу газетчика и запустил руку в свои пушистые кудри, плотно сжав губы. Итак, я продолжила:

— Есть одна вещь, в которой я уверен — никто не так невинен, как кажется.

— Это факт, — отметила девушка рядом с Майло, и мой властный взгляд переместился на нее.

— Что?

Ее деловитый голос превратился в шепот, когда она отвернулась.

— На самом деле никто не невинен.

— Ривер, не сейчас, — пробормотал Майло.

Мой взгляд сузился.

— Это клевета.

Майло опустил руку на свои вытянутые бедра и откинулся на спинку стула.

— Я не думал, что ты расстроишься из-за этого. Это всего лишь статья.

Я бросила в него газету, и он поймал ее прежде, чем она попала ему в лицо.

— Найди кого-нибудь другого, о ком можно бы написать.

Я высказала свою точку зрения и не хотела больше ничего слышать, поэтому повернулась и помчалась обратно к своему скутеру с разгоряченной кожей и обезумевшим разумом.

— Люди хотят знать о тебе, — крикнул Майло мне в спину. — Я даю людям только то, что они хотят.

Пара воронов сидела бок о бок над гигантским мавзолеем Блэквелл, их пронзительное карканье отдавалось в моих ушах, крошечные черные глазки следили за моими движениями, когда я шла вглубь кладбища и к задней части. Скользящий туман вернулся и окутал надгробия. Гробницы исчезли во влажной пустоте, и я поежился в своей куртке.

Я завернула за угол похоронного бюро и увидела Мандэй, прислонившуюся к кирпичной стене в черном костюме из махровой ткани. Низ ее брюк был заправлен в красные охотничьи ботинки, как будто она отказывалась носить все черное. Луч света в этом унылом городе, Мандэй внушала доверия. Так легко, что это казалось почти таким же фальшивым, как у девочек в средней школе Джонсона, и это заставило меня пожалеть, что у меня нет большего опыта в отделе друзей — способности отличать это.

— Я не думала, что ты придешь, — призналась она со вздохом.

Я плотнее обмотала куртку вокруг груди и скрестила руки на груди, чтобы удержать ее на месте.

— Я же сказала, что приду. В любом случае, что мы здесь делаем?

Было темно и поздно. Что мы могли делать здесь, в изоляции и вдали от собрания, происходящего на Городской площади?

Мандэй оторвалась от стены и начала непринужденную прогулку в сторону леса.

— Я хочу тебе кое-что показать, и после того, как ты это увидишь, тебе никогда не захочется приближаться к этим Полым Язычникам.

Прямого пути не было, но Мандэй, казалось, знала дорогу, я следовала за ней по пятам. Ветки ломались под нашими ботинками, когда мы брели мимо железнодорожных путей и углублялись в лес. Деревья раскачивались, как в жутком балете, их ветви танцевали над нашими головами. Единственным источником света была полированная луна, просачивающаяся сквозь переплетенные ветви, и если внимательно прислушаться, то можно было услышать, как деревья разговаривают, их беспокойные листья раскрывают секреты ночи. Я смотрела прямо перед собой, следя за ярко-красной лентой, аккуратно завязанной в высокий хвост Мандэй.

Вдалеке слева от меня над линией деревьев изогнулся огромный круглый объект.

— Это колесо обозрения?

— Колесо обозрения?

Мандэй повернулась и посмотрела туда, куда указывал мой палец, лунный свет освещал половину ее лица.

— Я ничего не вижу.

— Прямо там, — я ткнула пальцем, — Что колесо обозрения делает посреди леса?

— Шшш, мы почти на месте.

Мандэй снова посмотрела вперед, ее шаги замедлились.

Еще через несколько ярдов между деревьями замерцало оранжевое свечение. Темно-красные и оранжевые искры взлетели над ветвями в ночное небо. Дым клубился между ветвями наверху, и Мандэй схватила меня за запястье и дёрнула за поваленный ствол дерева. Она присела, увлекая меня за собой.

Двое парней стояли перед огнем под этим углом, их голые груди блестели на фоне углей и пламени, когда потрескивали дрова. Огонь отражался в их бездушных глазах в двух отверстиях черных масок на головах, брюки свободно свисали с бедер. Я поднялась из-за бревна и перекинула ногу, желая подойти ближе. Мне нужно было увидеть больше.

— Нет, не надо! Куда ты идешь? — в панике прошептала Мандэй.

— Я ничего не вижу.

Я подняла руку за спину, жестом приказывая ей оставаться на месте. Согнувшись, я подползла к ближайшему дереву, и жаркое пламя костра лизнуло мое лицо. В поле зрения появились двое других парней, все четверо в полном кругу с обнаженными длинными торсами и головами, прикрытыми тканями, кроме одного. Череп животного, прикрепленный к лицу четвертого участника, его рот частично виден. Мерцающее пламя и расстояние были единственными барьерами между Язычниками и мной — между Джулианом Блэквеллом и мной.

Мои глаза остановились на том, как двигался его рот в тени черепа, медленно, точно и завораживающе, когда бушующий огонь заглушал его навязчивые слова. Белые облачка ледяной ночи соскальзывали с моих приоткрытых губ с каждым моим вздохом, заслоняя мне его вид.

Запястье Джулиана было обвязано веревкой, и он слегка повернулся, осторожно потянув за веревку, когда рядом с ним перед огнем появилась коза. Капли пота скатились по его

груди и последовали за потоками выступающих линий живота к черным брюкам, свисающим с бедер. Он провел ладонью от головы козла вниз по его спине, шепча животному на ухо.

Джулиан на мгновение замер с приоткрытыми губами, затем наклонил голову.

Хотя я не могла видеть его глаз за черепом, я была уверена, что он видел мои. Я почувствовала их на себе, как будто это были его пальцы, и пот побежал у меня по спине под толстыми слоями одежды, когда я замерла на месте за деревом. У меня перехватило дыхание, пузырь воздуха умолял выпустить его из моих легких, пока он продолжал шептать на ухо козе, его длинные пальцы скользили вверх и вниз по медно-коричневому меху, принося спокойствие и избавляя козу от страха.

Пение становилось все громче, усиливаясь, как бешеное сердцебиение в моих ушах. Джулиан потянулся за спину и вытащил длинное острое лезвие, и адское пламя отразилось от металла.

Затем он поднес его к горлу козла! и мне хотелось закричать. Мне хотелось плакать. Но ничего не материализовалось. Мои чувства онемели, я могла только впиваться ногтями в кору дерева.

Джулиан еще раз взглянул на меня, и я поняла, что должно было произойти.

— Нет...

Это прозвучало как хриплый вздох, когда я покачала головой и закрыла глаза.

Глухой удар! с землей такого давно не случалось. Втянув губы и глубоко вонзив ногти в дерево, я ждала. Это длилось всего несколько секунд, но казалось вечностью, а иногда так долго может длиться вечность, особенно для козы.

И пение прекратилось, но я отказывалась открывать глаза. Я отказывалась верить в то, что должно было произойти всего в нескольких футах передо мной, в то, что только что сделал Джулиан, ту жизнь, которую он отнял.

Прохладный ветер пронесся по моему лицу.

Кончики моих распущенных прядей щекотали мне щеки.

Огненная и анархическая ночь снова стала ледящей и мирной. Жар от огня исчез.

Мои глаза открылись, и я была парализована белым, как кость, черепом и широкой грудью всего в нескольких дюймах от меня. Мои глаза зацепились за серебряный кулон, висящий у него на шее, когда Язычник стоял надо мной, высокий, вылепленный и высеченный, как будто сотворенный Микеланджело. Его бледная кожа была покрасневшей, гладкой и блестящей от огня, и до сих пор я не замечала бесчисленных белых и розовых шрамов, пересекающих его торс, как ствол дерева, его бока, грудь. Кровь капала с кончиков его пальцев на лесную землю. Я слышала каждую каплю, когда оглядывала его тело, его покрытая шрамами грудь яростно вздымалась. Знакомые и холодные стальные глаза уставились на меня сквозь пустые отверстия черепа.

Джулиан Блэквелл — тот тип присутствия, который мог оставить холодные пятна в тех местах, где он побывал.

И мне следовало бы испугаться. Может быть, часть меня была такой. Но другая часть, сторона, желающая протянуть руку и прикоснуться к нему, чтобы убедиться, что он настоящий, а не иллюзия или сделан из камня, приковала меня к земле.

Его губы слегка приоткрылись под нижней частью черепа, яркие и восхитительно красные. Лес погрузился в тишину, когда страх и очарование боролись друг с другом. Мысли неслись вскачь. Что с ним случилось? Что он собирался со мной сделать? Был ли у него все

еще клинок?

Но все это можно выразить одним словом.

— Зачем?

Это прозвучало как хриплый шепот, и его мышцы дрогнули от моего вопроса. Позади него остальные трое подошли к тому месту, где мы стояли, все ближе, ближе и ближе...

Они приближались ко мне, и страх поселился в пустых пространствах между моими костями, проникая в мой костный мозг, ползая вверх по позвоночнику. Кислорода становилось все меньше, и паника сдавила мне горло, затрудняя дыхание. Безликие, их маски заслоняли луну над головой, закрывая свет.

Сработал инстинкт, я повернулась и побежала через лес.

Вторая пара шагов эхом отозвалась позади меня, возможно, Мандэй, возможно, Язычников, поэтому я побежала быстрее. Мои легкие горели, а ветки хрустели под моими ботинками. Чернота леса исказилась, превратившись в мираж лиц-черепов, насмехающихся надо мной, но я не осмеливалась развернуться или вернуться к Мандэй. Я не останавливалась, пока мои ноги не пробежали мимо железнодорожных путей, а ладони не уперлись в кирпичную кладку похоронного бюро.

Глава 4

Фэллон

Дедушкины часы зазвонили у подножия лестницы, когда я запихивала в чемодан одежду, расхаживая взад и вперед от шкафа к скрипучей кровати. Я продержалась три дня, загнанная в угол городом, заголовками газет, язычниками. Прошло семнадцать лет с тех пор, как я чувствовала себя такой... пойманной в ловушку, и единственный способ вырваться — это сбежать.

Я написала записку дедушке и оставила ее рядом с его кофеваркой. К тому времени, когда он ее прочтёт, я буду уже на полпути через Коннектикут. Но он будет рад, что я уезжаю. В любом случае, он никогда не хотел, чтобы я приезжала сюда.

Я бросила свои сумки в мини купер посреди ночи. У меня было не так уж много вещей, и я не стала переодеваться. После нескольких попыток и мольб двигатель заработал, и машина взревела. «Я наложила на тебя заклятие», — потрескивали старые динамики, когда я подключала зарядное устройство к своему выключенному айфону и ждала, пока загорится экран.

Взгляды горожан следили за моей машиной, пока я катила по туманным улицам и огибала беседку. Майло вскочил со скамейки в парке, дети прекратили свои головокружительные танцы, а Мина из закусочной прижала руку к груди рядом с разочарованным Джоном. Все были на улицах, и я оторвала взгляд и продолжала медленно ехать вперед. Агата Блэквелл толкнула дверь своей аптеки. Ветер снаружи выбил ее шелковистые черные волосы из низкого пучка, когда она споткнулась на ступеньках, в ее затуманенных глазах было страдание. Она покачала головой, выставив свою боль напоказ.

Это не должно было стать сюрпризом после того, что Майло сказал обо мне. Местные должны быть счастливы, что я уезжаю. Я думала, они будут рады избавиться от меня так быстро. Вместо этого они выглядели так, как будто были обижены, оскорблены. Было ли это из-за того, что я уезжала от дедушки? Человека, которого они любили и уважали? Они все знали его лучше, чем я, так почему же я должна была быть рядом с ним?

Я добралась до арочного знака Воющей Лощины, и моя машина проползла под ним. Я нажала ногой на газ и помчалась по узкой и извилистой дороге, видя в зеркале заднего вида

только место своего рождения в десяти футах позади. Моя интуиция шептала мне повернуть назад. Моя голова кричала о том, чтобы двигаться вперед, и я прибавила громкость радио, чтобы погрузить свои мысли в музыку.

Появилась та же металлическая табличка, на этот раз с надписью «Вы покидаете Воющую Лощину».

Не оглядываться назад, пара воронов сидит на острых краях и каркает в ночи.

По обе стороны от меня деревья превратились в плотные, похожие на скелеты фигуры, прокладывающие туннель по Арчер-авеню. Они были белыми на черном фоне ночи и, казалось, извивались, поворачивались, двигались! Я покачала головой, полагая, что это было мое воображение. Затем, проехав несколько миль, я не могла поверить в то, что было передо мной.

Я притормозила машину до остановки, уставившись на вход в Воющую Лощину.

Арочный знак, нависающий над дорогой.

— Что?

Единственное слово вырвалось наружу, как туман.

Я обернулась, чтобы посмотреть назад, но не увидела ничего, кроме дороги, исчезающей во тьме.

Я снова посмотрела вперед, городская радиостанция передавала новую жуткую песню через динамики моей машины. Холодок пробежал у меня по спине, и я крепко сжала руль, нажимая на газ, чтобы развернуть машину в три приема.

— Вы не можете держать меня здесь, — прошептала я, выпрямляя руль. С неохотой мой взгляд переместился к зеркалу заднего вида. Я не знала, чего ожидала. Город не мог двигаться! Я определенно сходила с ума.

Моя нога легла на педаль газа. Мои глаза метались взад и вперед от зеркала заднего вида к тому, что было передо мной, когда резкий звук помех прорвался сквозь песню, которая играла по радио. Двигатель заглох, руль заблокировался, и я потеряла контроль над машиной, когда она съехала с дороги. Я запаниковала, поворачивая ключ, изрыгая ругательства, ударяя ладонью по заблокированному рулевому колесу, пытаюсь сделать что угодно, когда машина съехала с тротуара, направляясь прямо в лес.

Передняя часть машины врезалась в дерево, и металл хрустнул, когда она треснула. Дым струился из-под разбитого капота, лениво поднимаясь к звездам. Победенные слезы собрались в уголках моих глаз, и я откинула голову на подголовник. Мариетта была права.

Воющая Лощина не позволила мне уйти.

Не раньше, чем она покончит со мной.

Не имея другого выбора, кроме как вернуться, я глубоко вздохнула и толкнула дверь машины. Металл заскрежетал, когда она открылась, и я поставила ногу на тротуар.

Когда я потянулась за своими сумками на заднем сиденье, жемчужно-белый кот выскочил из леса и сел посреди улицы. Один зеленый глаз, другой голубо уставились на меня, знак «Воющая Лощина» позади него.

Я протащила чемодан через маленькую дверь.

— Ты, должно быть, тоже в этом замешан, — сказала я коту и с глухим стуком уронила чемодан наружу.

И я разговариваю с котом. Я съехала с катушек.

Вороны насмеялись надо мной, когда я проходила мимо со своим чемоданом, катящимся позади, с белым котом в придачу — долгая прогулка обратно к дому бабушки.

«Доброе утро, виккане. Сегодня четверг, и сентябрь приближается к нам, празднование уже зажигает улицы в полночь. Но в разгар празднования количество погибших растет. Пожалуйста, не забывайте семью Гордон и давайте будем благодарны за ту удачу, которую мы получили. Это ваш Скорбящий Фредди, и помните... никто не в безопасности после трёх часов ночи», — торжественно объявил диктор с кухонного радио.

Стоны вырывались у меня из горла, когда я вяло и немотивированно спускалась по лестнице. Было уже около пяти утра, когда я вернулась к дедушке, и я почти не спала. Воспоминания о язычниках, огне, лесе, козле — все это не давало мне уснуть остаток ночи.

— Отлично, ты все ещё здесь? — с сарказмом пробормотал дедушка со своего стула в той же масляно-желтой кухне, на столе перед ним лежал ежедневный кроссворд. — Я думал, что тебе тут надоело и ты уехала. Прямо как Тобиас, оставивший меня наедине с паршивым кофе. Не хватило смелости сказать мне это в лицо, — прорычал он, зажимая карандаш между пальцами.

— Пожалуйста, дедуля, у меня была долгая ночь.

Я поднесла пальцы к вискам и направилась к кофеварке.

Кот с прошлой ночи извивался у меня между ног, не покидая моего поля зрения с тех пор, как мы встретились. Он последовал за мной к дедушке, и когда я не впустила его в дом, он поднялся по наружной лестнице в мою спальню и кричал по другую сторону моих французских дверей с невротическим ветром.

Я сдалась. Я назвала его Каспером.

В радио затрещали помехи, и дедушка стукнул кулаком по крышке.

— Эта чертова штука, — прогремел его хриплый голос, прерванный приступом кашля. Я повернулась и увидела, как он достает салфетку из коробки и прикрывает рот. Его плечи наклонились вперед, пока он не прочистил легкие. — Что случилось с тобой? Ты выглядишь как после изнурительной дороги. И где этот кошак? На улице его уже нет.

Я проигнорировала его, больше обеспокоенная едва заметной дрожью, которую он пытался скрыть, и подошла к нему, прижала тыльную сторону ладони к его липкому лбу.

— О, боже мой, дедуля. У тебя жар.

Дедушка оттолкнул мою руку.

— Я в порядке.

— Нет, я отведу тебя обратно в постель.

Он коротко выругался и покачал головой.

— Если ты не ляжешь спать, я позову Мину сюда, — пригрозила я.

Дедушкины глаза вылезли из орбит, тупо уставившись на газету.

Вот так, дедуля. Я знала, что имя Мины, пожилой дамы с заплетенными волосами из закусочной, привлечет его внимание. Была причина, по которой он не хотел, чтобы я туда ходила, и вместо этого порекомендовал Бобы. Он не хотел, чтобы я с ней разговаривала.

— Если подумать, кровать звучит не так уж плохо, в конце концов, Лунное дитя, — пробормотал он, вставая на ноги. — Сделай мне этот чай, ладно? Я могу ходить сам, не нужно нянчиться.

Медленная ухмылка появилась на моем лице, и я убрала ее, когда Дедушка балансировал над столом, готовясь идти.

Уложив его, я вернулась в свою спальню и подняла свой чемодан с пола на матрас, прежде чем открыть его. Каспер наблюдал с верхней части шкафа, его длинный белый хвост покачивался по дереву, пока я хватала одежду и направлялась в ванную.

Душ зашумел, когда вода брызнула мне на волосы и спину, мои длинные пряди прилипли к коже. Одевшись, я сняла пейджер с верхней части шкафа и заметила, что пропустила оповещение.

Дерьмо. Меня никогда не увольняли с работы, и Джон имел полное право не возвращать мне работу после того, как он видел, как я выезжал из города прошлой ночью. Я взглянула на часы на прикроватной тумбочке. Было уже позднее утро, и время, когда я должна была быть там, давно прошло. Мне придется объясниться с ним. Действительно, каждый испытал момент шока, особенно после того, как стал свидетелем забоя козы.

Солнце поднялось над морскими скалами, и моя белая кожа впитывала теплые лучи, пока я вела скутер по тихому городу. Теперь, когда празднества закончились, все спрятались от этого дня. Лампочки внутри угловых фонарных столбов погасли, музыка смолкла, и вокруг беседки валялись следы прошлой ночи. Бокалы загромождали рельсы, а обертки от конфет развевались на ветру. Я остановила скутер, как только добралась до знака «Выезд из города», и посмотрела вниз на извилистую дорогу, где разбилась моя машина.

За исключением того, что моей машины там больше не было. Она исчезла.

Скутер рванулся вперед, часть меня хотела проехать по Арчер-авеню, чтобы убедиться, что мне ничего не мерещится, но вместо этого я вцепилась в руль и повернула в сторону похоронного бюро.

Джон оторвал голову от компьютера, когда я толкнула дверь похоронного бюро, в его глазах было удивление. Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Прежде чем ты что-нибудь скажешь, — сразу же начала я, закрывая за собой дверь, — я создана для этой работы. Я никогда не ходила на тусовки, у меня никогда не было друзей. У меня даже никогда не было парня. Я посвятила свою жизнь учебе и практике. Это все, что у меня есть, и все, чем я хочу заниматься. Опоздать сегодня утром и не ответить на звонок прошлой ночью — это не я...

Вздых Джона прервал меня.

— Фэллон...

Но я продолжила.

— Ты должен дать мне второй шанс. Я не могу оставаться здесь, в этом городе, не сделав этого. Это сведет меня с ума. Мне это нужно.

— Фэллон, — повторил Джон, и на этот раз я перестала болтать. — Я думал, ты уехала.

— По правде говоря, я пыталась уехать. Но потом я разбила свою машину за городом.

— Ты в порядке?

— Да, я в порядке. У меня просто была долгая ночь.

— И теперь... что? Ты остаешься?

Я кивнула.

— Я остаюсь. Я испугалась, но этого больше не повторится. Обычно я не такая. У меня в голове все...

Я подняла руки к голове и изобразил взрыв бомбы.

— Мы можем просто забыть о том, что произошло этим утром? Как в Этюде? С чистого листа?

Как художник должен был рисовать или певец должен был петь, мне нужно было заниматься именно этим. Это моя страсть, мое призвание, это было единственное, что не умерло и не покинуло меня.

Джон постучал пальцем по подбородку, делая вид, что глубоко задумался. Я надула

губки, и он положил локти на стол. — Хорошо, но только потому, что ты нужна мне сейчас больше, чем я тебе.

Он встал со стула, обошел свой стол и сел на край.

— Я не слишком самоуверен, чтобы признаться в этом

— Спасибо, спасибо, спасибо!

Я наклонилась вперед и обхватила его руками. Запах его деревенского одеколona наполнил мои чувства, прежде чем в моем мозгу щелкнуло, насколько это непрофессионально — обнимать его.

— Черт, — сказала я с придыханием, медленно выпуская его из своей крепкой хватки. — Мне жаль. Это было...

— Как в Этюде, — он прочистил горло, вставая, — не бери в голову.

Мы обменялись натянутой улыбкой. Я сделала шаг назад.

— Тогда всё в силе?

Джон разгладил перед своей черной рубашки на пуговицах и поправил кроваво-красный галстук.

— Да, но почему бы тебе не взять выходной, немного отдохнуть и не начать завтра?

— Сможет ли Мандэй справиться со всем? Я чувствую себя ужасно. Я заметила уведомление на пейджере, — мои слова затихли, когда Джон вернулся к своему столу. Потом до меня дошло, что прошлой ночью я оставила ее в лесу.

— Мандэй ведь здесь, верно? С ней все в порядке?

Он поправил галстук и снова сел.

— Мандэй здесь. С ней всё нормально.

Вздых облегчения сорвался с моих губ. Мне никогда раньше не приходилось думать ни о ком другом. Я так привыкла к тому, что я всегда одна.

— Вы уверены? Я не возражаю, правда. Я поспала несколько часов. Мне просто нужно несколько чашек кофе...

— Фэллон, пожалуйста, — перебил Джон со смешком.

— Просто иди.

— Поняла, — я повернулась, затем резко развернулась, подняв палец в воздух, — И еще кое-что. Если бы у вас была машина, застрявшая на Арчер-авеню, и она исчезла, куда бы она могла деться?

Лицо Джона из-за стола сморщилось, отчего он стал выглядеть лет на двадцать старше.

— Ну, первое место, которое я бы проверил, — это автомастерская рядом с мэрией.

В его голосе слышалась неуверенность.

— Это на противоположной стороне города, рядом с баром Вуду.

— Спасибо.

— Отдохни немного, Фэллон, — авторитетно добавил он.

— Да, сэр.

Мэрия находилась к северу от беседки, двух мест, разделявших город пополам. Повернувшись лицом к большому белому зданию, я посмотрела налево по Приморской улице от Главной и заметила автомастерскую прямо рядом с Вуду, как и сказал Джон. Я вела скутер по пустой улице, пока он не выскочил на обочину кирпичного здания с дырой в стене. Внутри гаража мой мини-купер был поднят в воздух, когда кто-то работал внизу.

Я пнула стойку и спрыгнула.

— Извините, — сказала я, подходя ближе. Парень под моей машиной стоял ко мне

спиной, в кепке задом наперед. Он остановился при звуке моего голоса, мышцы на его руках напряглись.

— Это моя машина.

Он опустил голову и отряхнул руки, прежде чем вылезти из ямы.

— Я знаю, — сказал его равнодушный голос, обходя машину в тени спереди. Из-за капота моей машины я наблюдала, как он повернул свою кепку, прежде чем появился в поле зрения.

Влажные серые глаза пронзили меня насквозь, и я отшатнулась назад, когда он сделал еще один шаг вперед.

— Не подходи ближе, — сказала я, протягивая руку между нами.

Джулиан наклонил голову, закрыв рот и нос эластичной черной тканью.

— Тебе не следует гулять по лесу ночью.

Он продолжил свой путь ко мне, вытирая испачканные маслом руки о рубашку спереди.

— Ты можешь в конечном итоге пострадать, — его бровь изогнулась, — или хуже.

— Ты мне угрожаешь? — Я спросила, но прозвучало как будто я испугалась. Я прищурила глаза, собирая силу Гримальди. — Потому что ты меня не пугаешь.

Ткань, натянутая на его рот, раздулась, когда он сделал вдох.

— И все же ты убежала от меня.

Я хотела сказать, что я бежала не от него. Я бежала, потому что они все вместе держали меня в клетке. Но я этого не сделала. Близость к нему вызвала нежелательное желание прямо из моего сердца до глубины души, заставив мой язык распухнуть. Это было всего за ночь до того, как он перерезал горло козе, и теперь, стоя всего в нескольких дюймах от него, не в силах сделать ровный вдох, я чувствовала, как будто он держал меня и медленно перерезал мне горло.

Он сделал еще один шаг ближе, и гравий захрустел под его тяжелыми ботинками.

— Почему ты вернулась?

— Ч-ч-что?

Единственное, что удерживало меня в вертикальном положении, — это наши сцепленные взгляды. Всё было настолько реальным.

— Ты уехала двадцать четыре года назад и только сейчас решила вернуться. Почему?

Козырек от кепки отбрасывал тень на его глаза, солнце больше не било в них, как раньше. Тем не менее, за каменно-холодным и леденящим душу цветом скрывалась мягкость, скрытая за сдержанным и мощным щитом.

Мои брови сошлись вместе. Читал ли он статью? Неужели он думал, что я что-то скрываю?

— Я нужна Бенни.

— И это все?

— Да.

Взгляд Джулиана опустился на мою руку, где я крутила кольцо настроения на безымянном пальце, затем оторвал взгляд и направился в гараж.

— Твоя машина будет готова через несколько дней.

Он схватил инструмент с полки и перекинул тряпку через плечо.

— Я прослежу, чтобы ее вернули.

Связь прервалась, но я не была готова отпустить ее. Я еще не закончила. У меня было так много вопросов. — Подожди, что это было прошлой ночью? Что вы, ребята, делали в том

лесу?

Я последовала за ним вверх по склону, в гараж.

— Почему ты убил этого козла? И откуда у тебя все эти шрамы?

Он поправил кепку, нырнул под машину и запрыгнул в дыру, возвращаясь к работе. Я постояла там несколько мгновений, чтобы посмотреть, обернется ли он и снова обратит на меня внимание, но он продолжал работать, руки быстро двигались, масло пачкало пальцы там, где когда-то капала кровь.

— Джулиан?

Но ничего.

Глава 5

Фэллон

Том Гордон умер от сердечной недостаточности.

Сердце. Орган, за которым я бы последовала куда угодно, без вопросов, без рассуждений. Когда мы теряемся или сбиваемся с толку, нам говорят полностью доверять своим сердцам. Говорившее о желаниях, передававшее чувства и подававшее надежды. И все же у него хватало дерзости подвести нас, как я чуть не подвела дедушку, если бы город позволил мне.

Вчера Мандэй забальзамировала мистера Гордона, и сегодня его кожа становилась тверже под каждым движением моего большого пальца, его замороженная плоть отказывалась впитывать цвет жизни, золотисто-бежевый с розовыми пятнами. Работа с трупом мало чем отличалась от работы с живыми, но с использованием разных техник. Некоторые предпочитали распылители, но я предпочитала подушечки пальцев, скользя глазами взад и вперед по его фотографии, когда он был жив, фотографии, которую я попросила Мандэй забрать у его скорбящей жены.

— Какой у тебя знак зодиака? — Спросила Мандэй с противоположной стороны комнаты, но я отвлеклась, и ее слова проскользнули сквозь неисправные трещины в моем сознании. Она легко простила меня за то, что я оставила ее в лесу, но заставила меня работать усерднее за попытку покинуть Воющую Лощину. — Фэллон? — она продолжила, когда я не ответила, кидая мячик в стену.

— Рак.

Я провела рукой по волосам мистера Гордона, чтобы откинуть их в сторону, как на картинке, когда он был одет в костюм с галстуком и на двадцать лет моложе, его лихая невеста стояла рядом с ним с букетом в руках, их босые ноги в песке.

Девушка, которая любила Тома Гордона.

В тот день он отдал ей свое сердце, сердце, которое больше не принадлежало ему.

— Итак, сегодня ты, кажется, застряла между дьяволом и глубоким синим морем, лунное дитя. У тебя сильные чувства, которые заставляют тебя нервничать и бояться, но ты предпочитаешь держать всё в себе. Это может быть связано с отношениями, которые еще не совсем проявились, или с кем-то в поле твоего зрения, кого ты еще не заметила. Ты хочешь, чтобы тебя видели в позиции силы и контроля. Созвездия планет дня вызывают вопрос о том, кого ты обманываешь. Быть уязвимой — это часть доверия другому, — прочитала она, продолжая вслепую бросать желтый мяч в бетонную стену. Поймав его в кулак, она повернулась на стуле.

— Ну, это полный бред. Гороскопы нарочно расплывчаты.

Но как только она это сказала, я не могла не подумать о Джулиане. Я встала со стороны

мистера Гордона и подошла к раковине, чтобы смыть тональный крем с рук, пытаясь также смыть его образы из моей головы.

— Том готов. Я собираюсь отправиться домой на ночь.

Дыхание дедушки только ухудшилось, и этим утром он не добрался до кухни.

— Но сегодня вечер пятницы.

— И?

— И тебе стоит выйти с нами. Некоторые из нас направляются в Вуду.

— В бар?

Однажды я напилась в одиночестве. Это был мой двадцать первый день рождения. Я поехала в винный магазин Габриэля за бутылкой чего-то. Неопытная и наивная, я схватила первую попавшуюся бутылку, на которую наткнулся мой решительный взгляд, предварительно смешанную сангрию Карло Росси, потому что бутылка была красивой. Красное сухое вино и терпкие фрукты, вкус красных яблок заставляли меня возвращаться за добавкой, обжигая язык и окрашивая губы, пока я не потеряла сознание ранним утром. И когда я открыла глаза и мой взгляд проследил за уникальной формой полупустой бутылки с глухим стуком в голове, я никогда не чувствовала себя такой жалкой и одинокой.

Я вздохнула при этом воспоминании.

— Я должна предупредить тебя, что я не опытная пьяница.

— Тогда это, моя дорогая, сделает сегодняшний вечер еще более веселым.

На обратном пути к дедушке я зашла в закусочную Мины, чтобы купить минестроне и испеченный хлеб, затем вернулась, чтобы разогреть его на газовой плите, пока Каспер сидел на подоконнике, разглядывая сломанный скворечник, свисающий с карниза гаража, его зеленые и голубые глаза искали жизнь.

В комнате дедушки его отвисшие челюсти завибрировали, а глаза распахнулись, когда я вошла с подносом еды и чая.

— Фрейя, — прошептал он, когда луна отбрасывала тусклые лучи света через пыльное окно над кроватью, очерчивая силуэт его тонких ног и костлявых коленей. Его карие глаза сменились от узнавания к сомнению, разочарованию и неоспоримой боли при воспоминании об отце, потерявшем свою единственную дочь. Тьма пронеслась по его лицу, как метла, сметающая все осколки света из его прошлого. Чистый и опрятный пол истины, и черты его лица стали холодными.

— Лунное дитя, — проворчал он.

— Может быть, мне стоит остаться дома сегодня вечером.

Я подтащила поднос с ужином поближе к кровати и поставила тарелку с едой.

Дедушка сел, и кашель застрял у него в груди. Он повернулся на бок, пока это не прекратилось, и после этого его губы задрожали.

— Я бы предпочел, чтобы ты ушла.

— Дедушка...

В течение двадцати четырех лет дедушка был заперт в доме, который он никогда не считал домом — один — и пустота медленно разъедала его изнутри. Я его не винила. У дома Морганов была манера пробираться по коже, доводя любого до безумия. Или, может быть, это был город.

Я узнала, что его жена, моя покойная бабушка, умерла, когда родилась моя мать, и, казалось, история повторилась, когда я появилась на свет, моя мать тоже умерла при родах. Майло сказал, что Ковен Норвежских лесов изгнал мою мать и дедушку из Вестсайда после

того, как моя мама вышла замуж за моего отца, человека из Священного Моря, вынудив их обоих переехать в семейный дом моего отца на побережье — собственность Морганов.

— У меня нет сил спорить с тобой. Просто иди.

Дедушка свесил ноги с края и отказался смотреть на меня, не отрывая взгляда от окна. Тишина заполнила неловкое пространство между нами, когда его рука задрожала, поднимая ложку и зачерпывая ею суп.

Мандэй стояла у дверей «Вуду» с другой девушкой, передавая зажженную сигарету взад и вперед. Ее глаза расширились, когда я заехала на парковку под жужжащий уличный фонарь, и она ткнула окурок в кирпичную стену здания, и они вдвоем направились туда.

— Фэйбл, Фэллон, Фэллон, Фэйбл, — представила Мандэй, и ее глаза метнулись ко мне.

— Что. За. Жесть. Быстрее, пойдём внутрь, здесь становится прохладно.

У нее уже были блестящие глаза с сияющей улыбкой, она наклонилась набок, когда шла через парковку в пышной юбке в тон своим огненно-рыжим волосам.

Когда Мандэй повернулась к нам спиной, Фэйбл подняла три пальца, показывая, что она уже перебрала с легкой улыбкой.

Естественно волнистые золотисто-каштановые локоны свисали до талии Фэйбл, отскакивая от ее темно-бордового кожаного укороченного топа. В ней была колдовская красота, как у модели Виктория Сикрет на подиуме. Та красота, на которую вам разрешалось глазеть, медленно вводила вас в транс, пока она внезапно не поразила вас всех сразу, и вы не были уверены, сколько времени прошло — завораживающая красота.

Двери Вуду открылись, превратив внешний холод в пыль. Он был тусклым и темным, с мужскими деталями и ностальгической атмосферой. Все столики были заняты, и постоянные посетители выстроились на стульях вокруг бара. Навязчивый поворот к «Солнцу Черной дыры», исполняемый группой на сцене. Жуткий и пронзительный женский голос скользнул в воздухе, когда я оглядела бар, ожидая у двери.

В другом конце комнаты язычники собрались вокруг бильярдного стола.

Три пары глаз уставились на меня, и мой взгляд обвел их, пока не встретился с взглядом Джулиана. Он был там, прислонившись к кирпичной стене с клюшкой для бильярда в одной руке и напитком в другой. Его волосы были черными и блестящими, но в то же время густыми и растрепанными. Во всем черном, даже в черной маске, закрывающей его лицо, его хромированные глаза уставились на меня с другого конца комнаты. Холод от его взгляда был подобен дозе ментола, охлаждая мои внутренности и замораживая меня в этом месте. Музыка отошла на задний план от его пристального взгляда, и все мое тело казалось единым пульсом, бьющимся в сильных ударах.

Я не знала почему, но моя нога шагнула вперед, желая подойти к нему. Затем Мандэй обхватила пальцами мою руку, дернув меня в противоположном направлении.

— Познакомься с моими друзьями, — кажется, сказала она между словами дрейфующей песни. Один из язычников ударил Джулиана в грудь, когда тот оторвал взгляд.

Мандэй вклинила нас двоих между людьми в баре, и она расчистила место в углу. — Ты уже знаешь Майло. Это Айви и Маверик, а остальные скоро должны быть здесь.

Она щелкнула пальцами высоко в воздухе, чтобы привлечь внимание бармена.

Майло поднял большой палец и приподнял бровь с другого конца стойки, безмолвно удостоверяясь, что между нами все в порядке после того, что случилось со статьей. Я кивнула. Прощение всегда давалось мне легко. Я видела, что может сделать затаенная обида,

как она разъедает души духов, которые посещали меня.

У Айви были блестящие черные волосы, подстриженные на плечах, и челка, ровно подстриженная на лбу. Она была зажата в руке Маверика, не обращая на меня никакого внимания. Мандэй объяснила, что она была одной из трех сестер Салливан, наряду с Фэйбл и Адорой. Маверик поднял голову в небрежном приветствии, у него были лохматые светлые волосы и стиль воспитания в частной школе.

— Не обращай на них внимания, — прошептала Мандэй. — Маверик просто раздражен, что другие парни еще не пришли, а язычники уже здесь.

Бармен усмехнулся и повернулся, одетый в ту же черную маску, что и другие язычники. Я оглянулась на бильярдный стол, насчитав трех язычников, так что это, должно быть, был четвертый.

Бармен перегнулся через стойку, ухватился за край и подмигнул Маревнику, который сидел с кислым лицом.

Маверик покачал белокурой головой, схватил свой стакан и осушил его.

— Я выхожу на улицу. Это место воняет мертвечиной, и мне нужен свежий воздух, — он встал и поставил стакан на стойку бара, затем повернулся к Айви:

— Вы, ребята, идете?

Айви и Майло согласились, и все трое направились к дверям позади нас.

— Понимаешь, что я имею в виду?

Мандэй вздохнула.

Череп импалы висел высоко над полками с бутылками ликера на задней стене бара, его длинные коричневые рога загибались вверх, череп был похож на череп Джулиана.

— Что вам принести? — спросил бармен, и все, что смотрело в ответ, была пара золотых глаз, похожих на глаза дракона. Немного любопытства шевельнулось в них, когда он изучал мои черты.

— Ей то же, что и мне, — вмешалась Фэйбл. Последовала долгая пауза, когда взгляд Язычника переместился с меня на Фэйбл, он оттолкнулся от стойки и пошел прочь. Лицо Фэйбл вытянулось, и Мандэй повернула шею, чтобы бросить предупреждающий взгляд. Фэйбл пренебрежительно махнула рукой.

— Не смотри на меня так.

— Он один из них? — спросила я шепотом.

— Да, Феникс Уайлдс, — Мандэй наклонилась ближе, — Он владелец бара и не может нам отказать. Я думаю, это сводит его с ума.

— Зачем вообще приходить, если ты знаешь, что тебе не рады?

— Выбор не так велик, здесь один бар, кроме «Жемчужины порта», не так много мест, где можно потусоваться в пятницу вечером.

Она пожала плечами и отстранилась, когда Феникс вернулся, поставив напиток передо мной.

Раздался громкий треск, когда бильярдные шары ударились друг о друга по зеленому войлоку бильярдного стола. Звуки шаров, падающих в лузы, смешивались с музыкой. Я сидела между Мандэй и Фэйбл, пока они болтали о Дне Суеверий и Мабоне. Я отключилась осматривая комнату и проводя пальцами по линиям детализированного дерева на стойке. Джулиан склонился над бильярдным столом, и бильярдная палка скользнула у него между пальцами, когда раздался еще один треск! Звенело у меня в ушах. Он наклонил голову и выпрямился, не обращая внимания на свой двойной бросок мяча, когда его взгляд

остановился на мне.

— Ю-Хуу, Фэллон, — рывкнула Мандэй мне в лицо, и я резко повернула голову, — Тебе было недостаточно того, что мы видели в тех лесах?

— Дело не в этом, — сказала я, пытаюсь отклониться от любых предположений, которые у нее были в голове о Джулиане. — Есть что-то... в нем. Что-то другое.

И что-то было, или, может быть, это из-за алкоголя. Головокружительное, завораживающее, либо алкоголь отравлял мой мозг, Джулиан проникал в мою голову со своей так называемой темной магией, либо город вызывал у меня тошноту. Но когда я должна была испугаться, увидев, что он сделал — увидев, как он зарезал козу, — я не испугалась.

Мандэй скрестила ноги и повернулась на табурете лицом ко мне.

— Другое? И маски этого не выдали? Я так понимаю это — очарование. Интерес, — она пошевелила пальцами между нами с широко раскрытыми глазами, — Кто эти таинственные парни за масками? Но поверь мне, это тупик. Они холодные. У них нет никакой индивидуальности. Их даже трудно назвать людьми. И они ни с кем не разговаривают без крайней необходимости, как будто мы — пустой звук.

Она сосчитала на пальцах.

Мой взгляд снова встретился с взглядом Джулиана. Он разговаривал со мной на скалах, но я не сказала об этом Мандэй или Фэйбл.

Я сглотнула и перевела взгляд обратно на девочек. — В любом случае, почему именно маски?

Девушки обменялись взглядами, прежде чем Фэйбл наклонилась ближе. — Они прокляты.

— Проклятие полых язычников, — добавила Мандэй и сделала глоток из своей соломинки.

Фэйбл откинула свои длинные каштановые локоны с плеча и оперлась локтем о стойку бара. — Джулиан — член Ковена Норвежских Лесов и Полый язычник.

— Да, Майло рассказал мне о них, и о том, что они последние четверо из первоначальных потомков этого ковена.

— Верно, — продолжила Фэйбл, — предположительно, они носят маски, потому что, если бы мы увидели их лица, все, что мы увидели бы, — это наши страхи, смотрящие на вас в ответ. Их лицо засасывает тебя, и вот так просто, — огрызнулась она, и я вздрогнула, — твое сердце останавливается, напуганное до смерти.

Я выгнула бровь, прищутив глаза. — Ты же не серьезно...

Фэйбл поджала губы и пожала плечами.

— Никто на самом деле не знает наверняка, как будто никто не жил, чтобы сказать, правда это или нет. На самом деле это позор. Их ковен умирает. Не то чтобы им было все равно.

Ее глаза стали грустными, и она уставилась на затылок Феникса, сверля дыры, когда говорила:

— Им ни до чего нет дела.

— Фэйбл раньше сильно давила на Феникса, — объяснил Мандэй шепотом.

— Думала, что сможет достучаться до него.

— Не достучаться до него.

Фэйбл закатила глаза.

— Знаешь что? Забудь это. Я больше ни хрена тебе не скажу.

— Почему только они носят маски?

Я не видела, чтобы кто-то другой прятал свои лица.

Еще одна тишина охватила их двоих.

Фэйбл бросила взгляд туда, где стоял Феникс, а затем снова на меня.

— Только перворожденные сыновья из первоначальной пятерки. Смерть всегда следует за их семьей. Отец Джулиана убил семь человек двенадцать лет назад, так что Орден... Давай просто скажем, что он мертв. Отец Бэка не выходит, его никто не видел годами, а Феникс... оба его родителя... исчезли, — продолжила она, и мои глаза скользнули к Фениксу, который стоял спиной к нам на другом конце бара, его каштановые волосы были собраны в низкий пучок на шее. Держа одну руку на рычаге, он налил пиво в наклоненный стакан, и мышцы его плеч напряглись, как будто он слышал, о чем мы говорили. — Они вымирающая порода.

— Ты забыла о мистере Гуди, — вмешалась Мандэй.

— О, да. Что ж, отец Зефира сейчас является Верховным жрецом Ковена Норвежских лесов. Это было с тех пор, как отец Джулиана был принесен в жертву. Рано или поздно ты увидишь Кларенса Гуди.

Принесенный в жертву? Она сказала это так небрежно.

— Который из них Зефир? — спросила я, снова переводя взгляд на бильярдный стол.

Фэйбл наклонилась губами к моему уху.

— Высокий, со светлыми волосами. Его невозможно не заметить.

Рядом с Джулианом стоял Зефир, более высокий, чем все они, с зачесанными назад светлыми волосами. Темные круги окружали его глубоко посаженные глаза цвета светящихся изумрудных кристаллов. У них с Джулианом, казалось, были разногласия, и там, где их взгляды были прикованы, это не имело никакого отношения к игре в бильярд. Обе пары глаз были устремлены в нашу сторону.

Феникс хлопнул двумя кружками по стойке перед двумя клиентами, сидящими рядом с нами, и мы трое вздрогнули, когда пена выплеснулась из края стаканов. Не говоря ни слова, даже не взглянув в глаза, он отошел к следующему посетителю.

— Мне нужно еще выпить после этого, — сказала я впервые в своей жизни.

По мере того как ночь продолжалась, то же самое происходило с музыкой и напитками. Маверик, Майло и Айви снова появились вместе с несколькими другими, и их число росло. Было трудно уследить за всеми их именами и лицами, тем более что в раскачивающейся комнате у меня двоилось в глазах.

— Тобиас Морган — твой отец? — спросил парень по имени Кейн, сидя на табурете рядом со мной. Я кивнула, мои глаза переместились с его очаровательных черт лица туда, где сидели Полые Язычники. Игра в бильярд закончилась, и все они собрались в другом конце бара. — Я хочу, чтобы ты познакомилась с моим отцом, — добавил Кейн, но его голос затих из-за того, как Джулиан смотрел на меня краем глаза. Я бездумно крутила кольцо настроения вокруг пальца, когда наши взгляды встретились и переплелись, и...

— Фэллон?

Я резко наклонила голову вперед.

— Да.

— Мой отец, я хочу, чтобы ты познакомилась с ним, — повторил Кейн.

— Разве ты не должен был сначала пригласить меня на свидание?

Я пошутила, и его пустые глаза моргнули.

— Успокойся, я шучу. Я не очень хороший комик и просто выплевываю слова, когда мне неловко.

— Верно...

Лицо Кейна сморщилось.

— Я не люблю говорить о своем отце, — призналась я, но правда была в том, что мне не нравилось говорить об этой тайной стороне отца, которую знали все остальные. Это заставило меня почувствовать себя так, как будто я его совсем не знала.

— Ну, Тобиас был лучшим другом моего отца в детстве. Он был бы рад познакомиться с тобой, после свидания.

Он поднес стакан к губам, затем повел плечом.

— Прости.

Я рассеянно кивнула.

— Это была шутка. Я не это имел в виду.

Сверхъестественная попытка дать задний ход моей вспышке гнева. Они были первой группой, которая когда-либо проявляла неподдельный интерес к желанию познакомиться со мной, и я не хотела отпугивать их своей социальной неловкостью.

Кейн покачал головой и встал из-за стойки, допивая остатки своего напитка.

— Все в порядке, я к этому привык. Но правда в том... что ты просто не в моем вкусе. Это не значит, что мы не можем быть друзьями или что ты не можешь познакомиться с моим отцом.

«Ты просто не в моем вкусе», — повторил мой мозг. Еще один термин, который я слышала много раз раньше, не спрашивая об этом. Неважно, сколько раз я это слышала, все равно было больно.

— Конечно, — согласилась я с вымученной улыбкой.

Первый такт ремейка «Сочувствия дьяволу» оборвался, и Кейн поднял брови в тот же момент, когда толпа разразилась ревом. Наполненные напитком руки взлетели высоко в воздух, и алкоголь разлился по полу. Переполненный бар превратился в безумие.

Мандэй взвизгнула и перелезла через табурет на стойку, и три сестры Салливан присоединились к ней.

— Что происходит?

Я окликнула Кейна, когда мужчины схватили свои напитки из бара, освобождая его для танцующих девушек.

— Ты собираешься подняться туда? — Спросил он, не отвечая мне, затем опустил свою мягко-каштановую голову, его нос коснулся моих волос.

— Или город еще не добрался до тебя?

— Добрался до меня?

Я взглянула на Феникса, который перекинул полотенце через плечо и прислонился к задней стене, наблюдая за Фэйбл, качая головой, пока музыка и топот обуви вибрировали в баре. Серебристый взгляд Джулиана прикован ко мне, он положил локти на стойку и зажал напиток в одной руке, как будто ждал, когда я приму решение.

— Что ты собираешься делать, Фэллон? Ты чужак или одна из нас? — Кейн двинулся дальше.

Фэйбл протянула руку, и у меня в голове помутилось.

— Хорошо, — сказал я, не подумав, наполовину кивнув, наполовину рассмеявшись.

Уже приняв решение, я соединила свою руку с рукой Фэйбл. Кейн схватил меня за бедра и поднял на перекладину, и как только я оказалась высоко в воздухе, я оглядела комнату. Толпа смотрела на меня, пока музыка лилась из динамиков, все ждали, что я что-нибудь сделаю.

— Я местная! — закричала я, высоко вскидывая руки в воздух. — И я чертовски пьяна!

Вся комната заорала от моего заявления, и все вернулись к танцам под уникальную кавер-версию песни, включая меня. Толпа превратилась в размытое пятно, когда я закружилась на месте, раскинув руки по бокам, мои волосы взлетели во все стороны. Фэйбл схватила меня за руку и потащила в центр, и они с Мандэй начали учить меня своему топающему танцу. Я понятия не имела, что делаю, и была слишком пьяна, чтобы обращать на это внимание. И, возможно, именно поэтому люди пили, чтобы не думать.

Чтобы забыться. Чувствовать себя свободными.

Мое лицо горело от искренней улыбки, растянувшейся на моих онемевших губах. Мои конечности двигались так, как будто у них был собственный разум, и когда я посмотрела туда, где сидел Джулиан, он уже наблюдал за мной снизу с таинственным удивлением в глазах. Внутри меня поднялась волна гравитации, ощущение невесомости после преодоления небольшого холма. Свободное падение. У меня защекотало в животе.

Но потом моя нога соскользнула.

Глава 6

Джулиан

Я отреагировал. Я не должен был реагировать, но прежде чем я смог остановить себя, я уже скользнул через стойку и поймал ее, прежде чем у нее был шанс упасть на пол. Фэллон Гримальди была в моих объятиях, и казалось, что весь мир остановился. Музыка перестала играть. Толпа перестала танцевать. Все наполненные ужасом глаза устремились в нашу сторону. Все остановились, кроме меня. Я не смог остановить свое чертово «я» от реакции.

Она была в моих объятиях, и я не мог этого исправить.

Фэллон тонула в своей улыбке. Она ни капельки меня не боялась. Навеселе, но без страха.

— И снова здарсьте, — прошептала она, ее голос был подобен заклинанию.

Я хотел что-то сказать, но не мог. Они все смотрели на меня, смотрящего на нее. Я вгляделся в ясность ее глаз, в ее ромбовидное лицо. Я держал ее, и мне казалось, что я держу бомбу или цвета заката — вещь, с которой меня не следует ловить.

— Блэквелл! — крикнул кто-то, выводя меня из-под ее чар. Мои глаза захлопнулись, когда остальной мир снова настроился на лад. Затем я снова открыл их, вскочил на ноги, и Фэллон выпала из моих рук. Если бы только я мог просто смотреть, как она падает.

— Как ты думаешь, что ты делаешь? — рявкнул Кейн, ударив кулаком по стойке.

Игнорируя его, я поправил рукава, сосредоточив внимание на том, что делали мои руки. В комнате воцарилась тишина. Энергия была громкой.

Феникс развел руки в стороны, в его пылающих глазах стояли вопросительные знаки. Я протиснулся мимо него и перепрыгнул через ту же самую мокрую стойку, где несколько мгновений назад танцевали девушки. Где Фэллон танцевала, в этих маленьких шортах и чулках, с семью морями в глазах, покачивая бедрами, и я чуть не лопнул, когда она прижала верхнюю губу к нижней.

— Я знаю, что ты не смотришь на это шоу фриков, — сказал Зеф всего час назад. — Она одна из них.

Напоминание перед моей реакцией.

Но она танцевала, и я смотрел, как она танцует.

Пристальный взгляд Зефа сверлил меня.

— Пошли, — приказал я, натягивая пальто, когда моя кровь потемнела, моя тьма собиралась разлиться по бару Феникса, чтобы все могли ее увидеть.

— Эй, я с тобой разговариваю! — снова взревел Кейн позади меня, испытывая мое терпение.

Мои мышцы дернулись. Я склонил голову набок. Все наблюдали за мной, ожидая моей реакции, ожидая, что что-то произойдет, ожидая, что я сойду с ума, как мой отец, как будто слухи были правдой — как будто та же самая мания текла в моей крови. Они хотели доказать, что тень в родословной Блэквеллов неизлечима, что я неизбежно закончу, как он, сумасшедшим и неменяемым, как люди моего прошлого. И, возможно, так оно и будет.

Я перевел взгляд на Фэллон. Она стояла за стойкой бара, где я ее оставил, и смотрела прямо перед собой, как будто заблудилась, застряла или гадала, не поглотило ли ее время целиком.

— Мы как раз собирались уходить.

Я кивнул Фениксу, который не мог позволить себе еще одну драку в своем баре, подобную той, что произошла шесть сезонов Самайна назад, когда Священное Море оказалось здесь после того, как луна наполнилась, и ее свет впитался в наши вены, заставляя нас совершать самые безумные поступки.

— Держи свои безумные руки подальше от нее, Блэквелл, — выплюнул Кейн, храбрость сочилась из его пьяных пор. — Она с нами. Морганы — Священная Морская территория. Кейн был храбрее, когда у него была аудитория. Мы уже проходили это раньше, но не потребовалось много времени, чтобы увидеть, как мальчишка отшатнулся. Он боялся нас так же, как и все остальные, потому что знал, что в проклятии есть правда. Все чего-то боялись, даже Кейн Прюитт.

— Слава чертям, а я-то думал, фрик чужеземка, — глубокий голос Феникса завибрировал в комнате позади Фэллон. Я поднял на него взгляд, не удивленный тем, что он заговорил, но бесконечно желая, чтобы он этого не делал. Было невозможно контролировать себя, не говоря уже о нем.

Я бросил на него понимающий взгляд. Тот, который говорил: «сдерживай себя». Феникс проигнорировал мои прищуренные глаза и сделал шаг вперед. Мой взгляд метнулся к потолку. Ну вот началось...

— Теперь это имеет смысл. Дело в тебе.

Я обратил свое внимание на Бэка, который начал считать кончики пальцев, прижав большие пальцы к бокам, как он всегда делал с тех пор, как мы были детьми. Один, два, три, четыре, один, два, три, четыре...

Кейн усмехнулся в своих брюках цвета хаки и отглаженной рубашке.

— Сними свою грязную маску и скажи это мне в лицо.

Феникс зарычал, делая еще один шаг вперед из-за стойки, его мышцы прыгали на коже. Посетители внутри бара в ужасе нашли укрытие. Друзья Кейна шептали ему на ухо, без сомнения, пытаясь вразумить его.

Мой пристальный взгляд остановился на Фениксе, чтобы он держал рот на замке, моя рука метнулась через грудь Бэка, чтобы удержать его на месте. В этот момент я больше беспокоился о Бэке. Он не сказал ни слова, но его сердцебиение билось о мою ладонь.

— Бэк, — процедил я сквозь зубы, предостерегающим шепотом — или угрозой. Один из нас должен был быть спокойным, а я уже был на взводе из-за Фэллон. Ее присутствие выжимало меня, делало слабым.

Я обвел взглядом бар. Там было слишком много людей. Я наклонил голову, увидев рядом с собой Зефира, который наблюдал за мной с весельем в глазах. Я оглянулся на Бэка, вены на его шее вздулись, как у бешеной собаки. Он собирался потерять самообладание прямо здесь, на глазах у всех.

Смешок Кейна гремел у меня в ушах, делая все еще хуже.

— Тебе действительно стоит прислушаться к своему парню.

Комментарий пронесся прямо у меня в голове. Я склонил голову набок, снова посмотрел на Кейна, мои ноги были впереди моей сдержанности, я сгибал пальцы, чтобы сдерживать ярость. Трансформация внутри меня была похожа на цикл оборотня.

Улыбка Кейна исчезла. Он споткнулся о барный стул.

Все замерли, прекратив все резкие движения с ужасом в глазах, когда моя грудь вздымалась. Мои руки дрожали от слабой попытки взять себя в руки, но я почувствовал это, просачивающуюся тьму, медную энергию, вибрирующую внутри меня, и я сжал руки в кулаки.

Рев вырвался у меня из груди, завибрировал в горле. Я не мог это остановить.

Животный крик пронесся в воздухе вместе с ветрами разных времен года. Окна содрогнулись, и обе входные двери распахнулись с громким хлопком! прижатые к стенам. Сильный ветер со свистом пронесся по маленькому бару. Вздохи и шепот взорвались, как фейерверк. Крик прокатился рябью, как те самые звуковые волны, которые я создавал над морем. Бутылки падали со своих полок и разбивались, ударяясь об пол. Бумаги, сорванные со стены и унесенные сильным ветром. Феникс выскочил, чтобы поймать еще одну бутылку, которая соскользнула с полки, окликнув меня, но его голос не вытаскивал меня из этого. Кто-то дернул меня за затекшее плечо. Я знал, что это Бэк, но ничего.

Переднее стекло разлетелось вдребезги, и горожане закричали, цепляясь друг за друга, когда стекло полетело в циклон внутри бара. Но я слишком далеко зашел в этом оцепенении, чтобы оно прекратилось. Ничто не могло остановить меня.

Ничто, пока мой взгляд не упал на длинные волосы Фэллон, спутанные бурей. Сквозь бушующую белую войну ее волос ее ясные глаза встретились с моими. Я вдохнул, звук ее дыхания звучал в моих ушах, как будто она стояла рядом со мной.

Затем все остановилось, и двери остановились.

Спокойствие. Неподвижность.

Глаза Кейна сузились до узких щелочек.

Толпа озадаченно огляделась, ища ответы на то, что только что произошло.

Последний мимолетный взгляд на девушку, которая вернулась домой, и я пошел вперед сквозь толпу и вышел из Вуду, Зеф и Бэк последовали за мной.

Мы втроем сидели вокруг костра на небольшой поляне в лесу, недалеко от моей собственности.

— Серьезно, Джулс. О чем ты думал? — спросил Бэк, лениво взявшись за горлышко пивной бутылки и позволив ей покачаться между согнутыми коленями. Прошли часы, и огонь потрескивал между нами, когда мы погрузились в свои мысли.

Я отпил из бутылки, обдумывая свои слова.

— Я не думал.

Я наклонил голову в сторону хижины, где на подоконнике мерцал свет масляной лампы.
— Что-то не так.

Или, возможно, что-то было не так внутри меня. Я никогда раньше не делал ничего подобного, в открытую. Я бы никогда не поставил никого из нас в такое положение. Я откинулся на спинку стула и положил бутылку на колени.

— Что-то очень не так.

— Ни хрена.

Зеф склонил голову набок, и его светлые волосы упали на один зеленый глаз.

— Это та девушка. С тех пор как она приехала, ты стал другой, — сказал он с таким презрением.

Если бы они знали, что я забрал ее машину с обочины дороги только для того, чтобы снова увидеть ее, они бы задали вопросы, на которые у меня не было ответов, потому что я не знал, что, черт возьми, я делал. Я должен был держать свои мысли о Фэллон при себе.

— Фэллон не имеет к этому никакого отношения.

— С каких это пор ты называешь ее по имени? — протянул Зеф.

Я показал ему средний палец.

— В любом случае, забой коз недостаточно хорош, — добавил Бэк с легким запинанием, как будто эти мысли еще не приходили мне в голову, беспокойство разъедало нас обоих. В конце концов, он вырубался на моем диване и к утру уходил на работу на кладбище, избегая неприятностей в своем доме — избегая своего отца. — Должен быть другой способ снять проклятие.

Ворон сидел неподалеку, два снисходительных глаза смотрели на меня из глубины леса. От его пронзительного крика у меня кровь застыла в жилах. С тех пор как я родился, предзнаменование смерти преследовало меня, но только усилилось с тех пор, как приехала Фэллон — с тех пор, как ее машина проехала под знаком Воющей Лощины. Ворон снова каркнул, напоминая мне, что у меня не так много времени. Смерть приближалась, и я понятия не имел, за кем она последует следующим. Или чьими руками.

— Фрик уставилась на тебя, Блэквелл, — заявил Феникс, внезапно появившись из темных теней леса, направив на меня указательный палец.

Я мог видеть в темноте, как часто видели те, кто не отбрасывал тени. В его взгляде плескалась злоба. Феникс огненным, и его внутренние сражения были написаны в его сияющих радужках, потому что ему было трудно сдерживаться, но это был единственный способ, которым проклятый выжил так долго.

Оставайся пустым, оставайся отстраненным, поступай правильно по отношению к ковену.

— И у меня такое чувство, что это взаимно, — добавил он.

Она танцевала, а я смотрел, как она танцует. Фэллон поскользнулась, и я не смог удержаться от реакции. — Вы совершенно неправильно это поняли.

Феникс покачал головой и опустил на деревянный стул.

— Разрушение этого проклятия стоит на первом месте.

Моя челюсть сжалась.

— Я сказал, что это ничего не значит. Простая реакция, а теперь забудьте это.

Лес моргнул под резкостью, которая исходила от моих слов. Остальные замолчали. Все, что осталось, — это лес, просыпающийся ночью. Корни стонали под холодной почвой, ветви и листья шелестели. Лес был живым и подвижным, и я закрыл глаза, наслаждаясь его

постоянной стабильностью.

Если бы не моя преданность язычникам, моей теневой крови, текущей в моих венах, было бы достаточно, чтобы никогда не подвергать сомнению мои приоритеты. После того, как я увидел, как проклятие разрушило наши семьи, я ничего так не хотел, как разрушить его.

Двенадцать лет назад, после смерти Джонни, мы заключили договор в лесу и скрепили его своей кровью. Я провел большим пальцем по шраму на ладони в качестве напоминания.

Это отличалось от остальных наших шрамов. Это что-то значило.

За последние двенадцать лет мы залегли на дно, заслужили доверие города, стали образцовыми гражданами, вели себя хорошо, получили доступ, пожертвовали отношениями. Мы сделали то, чего не смогли наши отцы. И мы были так близки.

— Что это было, Джулс? — наконец спросил Бэк, когда огонь горел у наших ног, и мы вчетвером сидели вокруг него в кругу.

Инцидент в Вуду. Дверь распахнулась. Наполненный яростью шторм, сотканный из магии, страх пронёсся по бару, и взгляд Фэллон застыл на моем, накрыл меня, утешил, каким-то образом вытащил меня из этого.

Я откинул голову назад и открыл глаза к беззвездному небу, наблюдая, как дым и искры от костра поднимаются в темноте к луне. — Я не знаю, — сказал я через выдох, ложь царапала мое горло.

— Давай просто расслабимся сегодня ночью. Внутри тебя что-то есть, и тебе нужно это вытащить.

Феникс хотел высвободить свою магию, выпустить свой гнев. И он использовал меня как оправдание.

— Бегущий человек, Джулс. Будь свободен, как раньше, это было слишком давно.

— Никто никуда не бежит.

Я не бегал по лесам уже двенадцать лет. И сейчас не побегу.

Остальные вели себя тихо. Феникс бросил свою бутылку в огонь. Языки пламени взметнулись в небо между нами, и золото в его глазах изучало меня сквозь пламя.

— Ты не контролируешь меня.

— Кто-то должен, — сказал ему Зеф.

Бэк покачал головой.

— Мы не можем. Джулс прав.

Феникс засмеялся, вставая и указывая на меня.

— Это не Джулс. Джулс ушел двенадцать лет назад. Я больше не знаю, кто это, черт возьми, такой.

Он покачал головой и ушел.

Бэк встал, повернувшись лицом к своему отступлению.

— Отпусти его. К утру он забудет, — сказал я со вздохом, поднося пиво ко рту. Я наклонил бутылку и закрыл глаза.

Защита Ордена

Под Полной Холодной Луной, в последний месяц 1803 года, снег покрыл недавно найденную землю. Те, кто плыл по беспокойным декабрьским водам, страдали от морской болезни и обезвоживания после напряженного путешествия через Атлантику. Якорь надежды вел их вперед, в поисках места, где они могли бы быть свободными. Всего несколько миль назад женщина была вынуждена отпустить своего ребенка, ее ковен

вырвал его мертвое тело из ее рук и выбросил за борт, его останки теперь принадлежат океану. Ее крики разносились по морю, тонули в его водах, и если закрыть глаза, то все еще можно услышать плач матери, переплетающийся с волнами более двух столетий спустя.

С запада из леса появился Ковен Норвежских лесов. Оставляя следы на нетронutom снегу, они утомительно двигались вперед. Пятеро мужчин, впереди и в центре, несли тяжесть своего ковена, своих умерших на самодельных носилках, с пустотой в глазах. Прошли дни, недели! с тех пор, как они отделились от тех, кого несли. Это был единственный способ выжить — единственный способ спасти тех, кто остался. Истощив свои силы, питаясь ягодами куропатки и ягодами грушанки, они продолжали двигаться вперед, увеличивая расстояние между собой и судом над ведьмами на земле, которую они оставили позади.

И это случилось там, под мраморной луной, когда Священное Море и Скандинавские леса пересеклись, и в них не осталось войны. Женщины с обеих сторон заботились о своих детях, в то время как мужчины разводили костер в центре, который разделял землю. Они узнали, что они были похожи, оба избежали жестокой судьбы. Два ковена заключили договор вокруг пылающего огня и произнесли заклинание, которое навсегда защитит эту новую землю и защитит ее от их врагов вокруг них — их мирный договор, их обязательства по закону Ордена. Стихии были сбалансированы, ковены сбалансированы, принося гармонию и мир, а также убежище для исповедания своих убеждений.

Это заняло всю ночь до утра — поцелуй Полной холодной луны зажег розоватое свечение по небу самой холодной ночью в году — когда были назначены лидеры Ордена и щит был завершен. Оба ковена склонили головы, огонь горячим дыханием коснулся их дрожащей плоти. Единственными звуками были треск дров в камине и плеск воды, бьющейся о скалистый край.

Тем не менее, без ведома ковенов, уже спрятанные в лесу, жили две испуганные и беременные женщины. Эти женщины наблюдали из за деревьев, как эти незнакомцы разбрелись по их дому, спали у костра под лучами восходящего солнца, боясь того, что может означать их прибытие. Так что они остались в лесах.

До тех пор, пока шестнадцать лет спустя, когда любопытная и упрямая молодая девушка, жившая среди леса, с белыми волосами из снежных хлопьев, аквамариновыми камнями в глазах, не решила выйти...

Глава 7

Фэллон

«Каждый прожитый день — хороший день, вот что скажу я вам. Но в воздухе витает что-то такое, от чего даже у меня мурашки бегут по коже. Может быть, это надвигается шторм, так что будьте осторожны сегодня на воде, дикие псы. Я знаю, знаю, никакая буря вас не удержит. Но эй, как угодно вашей душе, — он сделал паузу, чтобы усмехнуться, — И это ваши утренние Дейли Холлоу с Фредди. Давайте начнем субботу с хорошей музыки...» — объявил Фредди, прерывая наш с дедушкой разговор.

Дедушка проворчал, его челюсти грызли зубные протезы, которые едва держались.

— Это потому, что окно в твоей комнате выходит на восток. Может быть, тебе стоит переехать в другую комнату дальше по коридору, — ответил он, но я с трудом верила, что мой ночной кошмар имел какое-то отношение к направлению, в которое выходило мое окно.

— Я думала, ты не веришь во всю эту чушь мумбо-юмбо, — игриво сказала я, сидя напротив него с теплой кружкой в ладонях, и кошмар все еще не выходил у меня из головы.

Дедушкины глаза встретились с моими поверх оправ его бифокальных очков.

— Я закончил разговаривать с тобой на сегодня.

— Да, да.

Я встала, когда хлеб выскочил из тостера. Я отщипнула тост от горячих краев корочки и бросила его на тарелку. Прошлой ночью я оставила свой скутер в Вуду и остаток пути домой прошла пешком. Слова Кейна о том, что «Морганы — священная морская территория», засели у меня в мозгу. Морганы были чьей-то чужой территорией? Территория.

Когда Кейн произнес это слово, мне показалось, что он связал мои руки вместе. Дрожь пробежала по моему позвоночнику до задней части шеи. Территория. Одно-единственное слово не покидало меня всю дорогу домой, и прошлой ночью мне снился сон, который я отчаянно желала стереть из памяти. Кровь, чернота и душераздирающие крики — что эти дети сделали со мной семнадцать лет назад. Мой большой палец с тревогой крутил кольцо настроения вокруг безымянного пальца.

— Лунное дитя, — голос дедушки прервал мои мысли. — Мой тост.

Я опустила взгляд и увидела, что тост уже лежит на тарелке и ждет, когда я намажу его маслом. Я перевела дыхание и вытащила нож из ящика стола.

— Ты знаешь что-нибудь о папином семейном древе и Священном Море? — небрежно спросила я, намазывая тост сливочным маслом.

Дедушка откинулся на спинку стула и уронил карандаш, кроссворд был далеко не закончен. Он никогда не встанет из-за стола, пока это не произойдет.

— Я знаю — многое о многом здесь. Почему ты спрашиваешь о Священном Море?

Я слизнула каплю масла с большого пальца и положила вилку в раковину. Подойдя к нему, я продолжила: «Прошлой ночью я встретила кое-кого. Он сказал что-то о том, что Морганы являются Священной Морской... территорией, — это слово нелегко слетело с моего языка. Оно застряло у меня в горле, как будто мой разум отказывался произносить это слово вслух.

Кейн в мгновение ока превратился из незаинтересованного в чрезмерно заботливого. Он предпочел бы увидеть, как я упаду на землю, чем позволить язычнику приблизиться ко мне.

Территория... в ловушке.

Я вернулась на свое место, наклонилась над столом, упершись локтем в край, и моргнула, глядя на него.

— Что это вообще значит?

Старик склонил голову набок и посмотрел в окно на море, его челюсть скрипела. В этих усталых глазах покоился музей истории, тайн и теорий заговора. Когда его взгляд вернулся ко мне, он нахмурил брови.

— Что ты уже знаешь?

Мои губы двигались быстрее, чем я намеревалась.

— А что ты знаешь?

— Я спросил тебя первым.

Его упрямство было сверхъестественным, даже комичным, но сейчас было не время смеяться. Мы уставились друг на друга в тупике, и ни один из нас, Гримальди, не отступил.

Но через несколько секунд я сдалась первой.

— Когда я была маленькой девочкой, — начала я говорить, затем сделала паузу, чтобы найти правильные слова, обдумать это. Я отвела от него взгляд и ущипнула шов своего

кардигана овсяного цвета, накинутого на колени.

— Я спала весь день и не спала по ночам. Мариетта называла меня Лунное дитя. Я тоже думала, что в этом была причина. Потому что я «Просыпалась и засыпала при луне», — говорила она, — я снова посмотрела ему в глаза, — Она рассказывала мне истории, дедушка. О Воющей Лощине, Скандинавских Лесах и Священном Море. Некоторые я до сих пор помню, некоторые настолько расплывчаты, что кажутся сном. Но я думала, что это просто истории. Я ничему из этого не верила, пока не начала получать твои письма. Потом я приезжаю сюда, и Воющая Лощина реальна. Папа был членом ковена! А моя мама... Моя мама, я до сих пор даже ничего о ней не знаю, но этот город знает. Кажется, все знают все, кроме меня. Все, что я знаю, — это смутные воспоминания об этих сказках на ночь, которые рассказывала мне моя няня.

Жесткий взгляд дедушки встретился с моим, и между нами повисла долгая пауза.

— Скажи мне, что это значит, — взмолилась я.

— Ты не должна болтаться вокруг пижонов, у которых рукопожатие как мокрый носок, — выплюнул дедушка, и его бледные щеки покраснели. — Тебя вообще не должно быть здесь! Ты задаешь слишком много чертовых вопросов, прямо как твоя мать. И я собираюсь сказать тебе то же самое, что сказал ей. Это бремя, которое приходит вместе с познанием правды. Она тяжелая и калечащая, за нее приходится платить. Не задавай вопросов, я не готов к ним.

— Ты никогда не говоришь о моей маме. Ты никогда не хочешь говорить ни о чем важном, — заметила я, и мне было ненавистно, что мой голос звучал как у плаксивого ребенка, которого оставили на скамейке запасных. — Почему у меня такое чувство, что все что-то скрывают от меня? Вы с папой, никто не хочет говорить о...

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь!

Его голос был резким, а глаза широко раскрытыми. — Тобиас забрал тебя, чтобы защитить. Лучшее решение, которое принял этот балбес!

Мое лицо скривилось от удара, так как дедушка плохо отзывался о моем покойном отце. Отец, который никогда не навещал дочь, которая могла видеть мертвых, когда его дух был единственным, кого я искала в каждой комнате, в которую входила.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки и пропустила глупый комментарий мимо ушей.

— Что это значит, что я территория Священного Моря, Бенни? — повторила я, на этот раз строже — скорее как взрослая, чем ребенок. Я поняла, что это была моя последняя надежда вытянуть что-нибудь из этого человека.

— Это все равно не имеет значения! — крикнул он. — Хочешь знать, почему?

— Почему?

— Потому что, хотя ты и Морган, ты также Гримальди! Да, моя кровь, моя внучка, — наконец-то впервые сказал дедушка с проблеском сострадания в чертах лица, его щеки и пальцы дрожали. — Да, ты ничья территория, Лунные дитя!

Мой Мини-купер проехал мимо окна гостиной, выходящего на улицу, привлекая мое внимание.

— Что это? — встревоженно спросил дедушка. Я встала из-за маленького столика на кухне, когда дедушка заерзал на месте, как будто собирался встать, но мы оба знали, что он этого не хотел. Разгадывание кроссворда еще не было закончено.

— Кто-то пришёл.

Я прошла через гостиную, вытягивая шею, чтобы посмотреть в окно на подъездную

дорожку. Моя машина была припаркована на гравийной подъездной дорожке. Босиком я спустилась по ступенькам крыльца. Черные тучи надвигались с востока над Атлантикой, и воздух был насыщен туманом. Надвигалась буря.

Я прищурила глаза, прикрывая их рукой, чтобы волосы не попадались мне на глаза. Мини Купер долго стоял на холостом ходу на подъездной дорожке, прежде чем дверь распахнулась.

Ботинки приземлились на гравий, и мои глаза скользнули по черным брюкам и пальто. Густые льдисто-черные волосы развевались от надвигающегося шторма, когда он повернулся ко мне лицом. С жидким дымом в глазах взгляд Джулиана встретился с моим сквозь угрожающий ветер.

Джулиан Блэквелл был на моей подъездной дорожке.

Арктический холод пронесся мимо меня, и я плотнее запахнула кардиган на груди, пытаюсь прикрыть майку и живот.

— Что ты здесь делаешь?

Когда слова покинули меня, я почувствовала себя глупо из-за того, что задала этот вопрос. Он всего лишь возвращал мою машину. Машину, которую починил.

Джулиан шел по дорожке ко мне, держа одну руку в кармане, а другой сжимая в ладони мои ключи. Каждый шаг, который он делал, его глаза оставались на моих и никогда не скользили вниз по моему телу, мимо меня или вокруг меня. Тупик. Он остановился всего в нескольких дюймах от меня, и мне пришлось поднять голову, чтобы увидеть его закрытое лицо. Он мог легко протянуть руку и дотронуться до меня, но в этом не было необходимости. Его пристальный взгляд пронзил мою кожу, схватил мою душу и нежно ласкал ее. За стенами его безумной иллюзии скрывалась безмятежность — ложное заточение в стране чудес, в которой я хотела побродить. Место, в котором я могла бы заблудиться.

— Твои ключи, — заявил он, протягивая их между нами с каменно-холодным взглядом.

Я протянула ладонь, когда он опустил их мне в руку, физически не прикасаясь ко мне и удостоверяясь в этом. Затихшая песня вздохов отсчитывала следующие несколько секунд, никто из нас ничего не говорил и не пытался пошевелиться.

Затем из открывшейся двери донесся громкий стук, похожий на звук бьющегося стекла, и глаза Джулиана моргнули один раз, прежде чем оторваться от моих.

Мое сердце упало, когда меня осенило. — О боже мой, дедуля!

Мои ноги быстро поднялись по ступенькам и вошли в парадную дверь.

Дедушка неподвижно лежал на кухонном полу, его окружала разбитая тарелка, а шляпа соскользнула с его лысеющей головы на пол. Мои глаза выпучились, паника пронзила мою грудь.

— Дедушка! — закричала я, подбегая к нему. Я рухнула на колени рядом с его телом.

Его глаза были закрыты. Мои горели. Он не двигался.

Что мне делать, что мне делать, что мне делать... Мой разум был в смятении, мое сердце осталось где-то снаружи, вероятно, унесенное ветром.

Появился Джулиан, присел на корточки возле головы дедушки и прижал два пальца к его шее.

— Отойди от него! — крикнула я, толкая его в плечо. — Не прикасайся к нему!

Джулиан схватил меня за запястье, и я замерла. — Он все еще дышит, — сказал он ровно, его голос был грубым и отстраненным. — Я позвоню доку.

Его пальцы по-прежнему крепко сжимали мое запястье, его пристальный взгляд удерживал мой.

Джулиан метнулся взглядом между моими испуганными глазами, затем переместил мою руку на шею дедушки и положил пальцы на его пульс.

— Ты чувствуешь это?

Легкое постукивание дедушкиного пульса коснулось моих пальцев, и я кивнула, слезы текли по моему лицу, мои губы дрожали.

— С ним все будет в порядке. Держись за его сердцебиение.

Джулиан вскочил и исчез за моей спиной, схватив домашний телефон со стены.

— Я прямо здесь, дедуля. Не смей умирать, слышишь меня? Слезы брызнули сквозь мои слова, и я сделала более ровный вдох, когда его пульс забился под моими двумя пальцами под его тонкой, как бумага, кожей.

— Это все моя вина, — крикнула я всем, кто слышал. Духи, которые следовали за мной, дедушка, Джулиан.

— Мне не следовало так сильно давить на тебя. Мне не следовало тебя расстраивать. Мне так, так жаль.

Все мои слова вывалились наружу, одно за другим. Дедушка был болен, и я так разозлила его, потому что задавала слишком много чертовых вопросов.

— Это все моя вина.

Дедушкины глаза открылись, и с его губ сорвался сдавленный стон. Я подползла ближе.

— Ты в порядке.

Я вздохнула с облегчением, когда он пришел в себя, еще одна слеза скатилась из уголка моего глаза.

Дедушка заерзал на полу, и его испуганный взгляд метнулся по кухне.

— Не двигайся, Бенни. Док идет, — заявил Джулиан из-за моей спины.

Доктор Морли не торопился проверять жизненные показатели дедушки и его голову. Дедушка сидел в обеденном кресле, свирепо глядя на Джулиана, который не отошел от стойки.

Док вынул градусник изо рта дедушки.

— У тебя температура под сотню. Я же сказал тебе оставаться в постели. Ты продолжаешь перенапрягаться, тебе никогда не станет лучше.

Доктор Морли был странно высоким. Он был почти семи футов в полный рост, что делало его самым высоким мужчиной, которого я когда-либо видела, — крупное костяное тело. Его коленные чашечки выпирали, даже когда он стоял, локти тоже, даже когда руки были выпрямлены. Низ его брюк доходил прямо до икр, рукава доходили до предплечий.

— Клоуны. У меня закружилась голова, вот и все, — пробормотал дедушка. — Нет необходимости во всей этой драматизации.

— Хоть раз послушай его, дедуля.

Ветер завывал вокруг дома, а дождь барабанил в кухонное окно. Здесь была гроза, небо почернело поздним утром, и в доме мерцали огни.

— Завтра, — начал доктор Морли, поднимаясь на ноги, — приходите ко мне, чтобы мы могли провести больше тестов в офисе. Я буду лучше экипирован.

Он посмотрел вниз на дедушку, чьи брови были сдвинуты вместе и опущены вниз. — Если я могу чем-то помочь, лучше сейчас, пока не стало слишком поздно.

Дедушка сжал губы в жесткую линию, не произнося ни слова. Пока доктор Морли не

вышел. Как только дверь за доктором закрылась, дедушка больше не мог сдерживаться.

— Герцог конечностей — не что иное, как идиот.

— Дедушка!

— Я должен идти, — пробормотал Джулиан.

— Чертовски верно, ты должен идти, — бурлил дедушка сквозь свои виныры. — И ты, Язычник. Держись подальше от моей внучки.

Джулиан оттолкнулся от стойки и прошел мимо меня, не сказав ни слова и не взглянув в мою сторону.

Звук закрывающейся входной двери за Джулианом отозвался эхом, и я вскочила на ноги, чтобы побежать за ним.

— Куда ты идешь, Лунное дитя? — крикнул дедушка. — Тебе лучше держаться подальше от этих язычников... Держись подальше от Блэквелла... Ты меня слышишь?... Глупая девчонка.

Мои ноги двигались быстро. Я распахнула входную дверь и сбегала по ступенькам, когда дождь обрушился на меня, промочив волосы и одежду, сильный ветер бил меня со всех сторон. Прищурившись, я заметила Джулиана, идущего по подъездной дорожке с опущенной головой.

— Эй, подожди

Джулиан обернулся на звук моего голоса. — Что ты здесь делаешь? — прокричал он сквозь шум дождя, возвращаясь по подъездной дорожке. Мои глаза остановились на цилиндрической подвеске, висевшей у него на шее, когда она раскачивалась взад-вперед.

— Возвращайся внутрь!

Он указал на дом позади меня, его густые черные волосы промокли и прилипли ко лбу.

— Ты собираешься идти всю дорогу домой в этом? Нет, позволь мне отвезти тебя!

Ветер был сильным, угрожая сорвать с нас одежду, сорвать волосы со скальпов. Дождь врезался в нас, намереваясь пронзить нашу плоть насквозь. Он никак не мог в этом дойти домой пешком. Прогредел гром, звук пробежал по моему позвоночнику, и я слизнула капли дождя с губ, шагая по мокрой траве к нему, где он стоял, как статуя. Рубашка под промокшим пальто прилипла к острым выступам его торса. Дождь стекал с кончиков его волос на глаза.

— Пожалуйста, позволь мне отвезти тебя. Это меньше, что я могу сделать!

Джулиан покачал головой, стирая расстояние между нами, и наклонился губами к моему уху. Он завис там на мгновение. Я слышала звук его дыхания у себя в ухе, подыгрывающий шлепанью ледяного дождя.

— Я лучше пойду домой в этом, чем буду замечен с тобой.

Его впалые глаза поднялись на мои, и дождь капал с его длинных черных ресниц.

Мои глаза застыли перед расплывчатой картиной серой бури, не мигая и все еще переваривая его слова.

Джулиан покачал головой, повернулся и спустился с холма обратно к улице.

И дождь хлестал по мне, пока я смотрела, как он уходит.

Глава 8

Фэллон

Дождь продолжался три дня, а на четвертый день жители города совместными усилиями ликвидировали последствия на Городской площади и в прилегающих районах. Ветка гигантского бука рядом с вышкой пробила витрину продуктового магазина Хобба,

Агата и несколько других горожан пришли, чтобы помочь владельцу прибить брезент.

Мина раздала кофе, так как в ее закусочной не отключили электричество, как в большей части города, а я работала вместе с Джоном и Мандэй, мой взгляд искал Джулиана. Я не видела его с тех пор, как он пошел домой, когда началась гроза. Я не видела никого из язычников, кто бы помогал городу. Но зачем им это? Из того, что рассказали мне Мандэй и Фэйбл, им было наплевать на всех и на всё. Они были холоднокровными существами, головорезами, язычниками, которые прятались в лесах и выходили только ночью.

Как только телефонные линии были восстановлены, я позвонила доктору Морли и заставила дедушку сесть в Мини-купер.

— Что это? Это не машина, это катафалк для карликов, — прокомментировал дедушка, бессвязно болтая всю дорогу до кабинета доктора Морли, просматривая кнопки на машине. — Я покажу тебе настоящую машину, Лунное дитя. Это, — он постучал по приборной панели по всем кнопкам, — это игрушка. Для этого вообще нужен бензин или ты подключаешь зарядку? Втыкаешь в стену? Вот каково это, когда ты подбираешь куклу?

Доктор Морли сказал, что у дедушки был легкий сердечный приступ, и отсутствие притока крови к мозгу вызвало у него головокружение и обморок. Мы ушли с бутылочкой аспирина и строгим приказом свести стресс к минимуму. Что касается вируса, то он должен был скоро пройти.

Той ночью Каспер мяукал в ногах кровати, расхаживая взад-вперед по одеялу, покрывающему мои ноги. Но это не кот вытащил меня из бессознательного состояния посреди ночи. Был мимолетный момент за закрытыми глазами, когда тень наблюдала за мной. Это было зловещее затишье. В те мимолетные мгновения я не имела ни земного — ни неземного — представления о том, что меня ждет, как только мои глаза откроются, но оно было там. Я чувствовала это в своих костях, в своей душе.

Я всегда представляла себе худшее. Искаженное лицо, разорванная кожа, сшитая от центра лба и поперек глаза, уродство в результате автомобильной аварии, часть головы отсутствует из-за огнестрельного ранения, самая ужасная смерть.

Покалывающий кожу ветерок скользнул по моему лицу. Что бы это ни было, оно было здесь, со мной. Я была не одна, и медленный ужас пополз по моим венам, как всегда было перед тем, как я видела духа — призраков, которые находили меня.

Я открыла глаза, и обе балконные двери были приоткрыты, поскрипывая взад-вперед вместе с ветром. Дедушкины часы зазвонили у подножия лестницы, и я затаила дыхание, пока все не закончилось. Цвета Атлантического океана сливались с ночным небом, бесконечными глубинами тьмы. Полумесяц мерцал над чернильными водами.

Легкое хихиканье ребенка донеслось с балкона, и мои глаза метнулись на звук. Маленький мальчик с коротко подстриженными темными волосами и полосатой красно-белой рубашкой появился за развевающейся занавеской, висящей между нами. Его тихий голос поднял меня с кровати, и я поставила обе босые ноги на деревянный пол.

Маленький мальчик засмеялся и бросился с балкона, исчезнув на верхней ступеньке. Я отодвинула занавески и, споткнувшись, вышла на балкон, чтобы посмотреть вниз. Мои белые волосы соскользнули с плеч и свесились через перила, когда наши глаза встретились, и у меня перехватило дыхание.

Мальчику на вид было три или четыре года. Мои пальцы скользнули по перилам к лестнице, и я спустилась, не сводя с него пристального взгляда. Он стоял там, сжимая руками нижний край рубашки на бедрах. У него была бледная, переливающаяся кожа, а

темные тени подкрасили его круглые и грустные карие глаза.

Когда я спустилась с последней ступеньки, с его сухих губ сорвался еще один хихикающий смешок, и он подпрыгнул на месте, прежде чем броситься вокруг дома на улицу. Я последовала за ним из района, через Городскую площадь и в сторону Норвежского Леса на противоположной стороне города, но не по своей воле. Да, я шла добровольно, но у меня было такое чувство, что если бы я этого не сделала, то маленький мальчик не оставил бы меня в покое. Он скакал, прыгал и шел задом наперед по пустым улицам под ночным небом. Надтреснутая улыбка приветствовала меня при каждом вращении, детская игра— время игры — когда его руки раскинулись по бокам. Он пел, смеялся и тащил меня все глубже на территорию Скандинавских лесов. Как мы добрались сюда так быстро?

Синие резиновые сапоги, которые он носил, были заляпаны грязью и слишком велики для его маленьких ножек, когда они волочились по асфальту, пока мы не достигли начала леса. Листья осыпались под моими босыми ногами, и он ускорился, петляя между белыми березами и перепрыгивая через упавшие ветки.

— Подожди, — сказала я шепотом, пытаюсь догнать его в одной лишь тонкой пижамной майке и хлопчатобумажных шортах. Стало холодно, и лес стонал в темноте, как будто деревья росли вокруг меня, растягиваясь.

— Пепел, пепел, — услышала я напевную песню маленького мальчика и продолжала следовать за игривым голосом все глубже и глубже в деревья.

Пока призрак не появился в поле зрения.

Мой бег остановился при виде того, что было передо мной.

Джулиан сидел на лесной подстилке, спрятав голову между согнутыми коленями, раскачиваясь взад-вперед. Кровь прилипла к его безупречной обнаженной коже, когда вокруг него рассыпались мертвые вороны. Мои глаза метнулись к маленькому мальчику, который начал быстро исчезать, положив руку на плечо Джулиана.

— Все. Мы. Падаем. — были последние слова призрака, а затем он исчез, как выключается старый телевизор, мигая.

Моя рука скользнула по горлу вниз к груди, отчасти для того, чтобы убедиться, что я все еще дышу, отчасти из-за того, что я не контролировала свои действия. Взгляд Джулиана оторвался от колен, и его глаза цвета двух смертоносных пуль устремились на меня. И в этот момент я поняла, что больше не дышу. Я узнала это, когда у меня заболели легкие.

Темные круги нарисовались вокруг глаз Джулиана, когда нож задрожал на кончиках пальцев, свисающих с одного колена, кровь капала с острого кончика лезвия.

— Смерть здесь, — прошептал он, его маска отсутствовала, и только тени леса скрывали его лицо. — Она здесь, и я не могу ее остановить. Почему я не могу ее остановить?!

— Джулиан?

Единственное слово, оставшееся после панического вздоха.

Он медленно поднялся на ноги, опустив голову, черные брюки свисали с бедер, голый по пояс, босой и приросший к лесной земле, как бледные березы. Их ветви двигались вместе с ним, отбрасывая тень на его лицо, защищая его, боготворя человека, который был больше лесом, чем плотью.

Черное и красное вторглись в мои чувства. Темно-алая кровь окрасила его руки. Мертвые вороны покрывали лесную землю у его ног — груда свернутых шей, сломанных крыльев, клювов и безжизненных черных глаз-бусин.

Затем пустой взгляд Джулиана встретился с моим. В его глазах погас весь свет. Там была глубокая пустота, пустые комнаты, необитаемые планеты — мертвая зона. В этот момент я все поняла. Чего бы он ни хотел или в чем бы ни нуждался, это превратило его в чудовище.

— Иди домой, — кипел он, как будто ему было больно говорить, его пустая рука сжимала грудь, где серебряные цепи свисали над его шрамами. Кровь размазалась по его сердцу.

Призрак хотел, чтобы я была здесь, чтобы увидеть это, но по какой причине? Чтобы помочь ему или стать его следующей жертвой. А может для того и для другого. И все же, несмотря ни на что, я сделала шаг вперед.

— Джулиан...

Я попробовала снова, пытаюсь достучаться, и что-то шевельнулось в глубине его глаз — жизнь, паника, страх, бредовая мысль, замешательство или что-то совсем другое. Я была не совсем уверена. Но он дрожал, почему он дрожал? И ещё вопрос... Почему я все еще не убегаю?

Кар-Кар! — предупредил другой ворон, хлопая блестящими крыльями перед луной и садясь на ветку над нами. Глаза Джулиана исказились от песни ворона, и его пальцы сжались на лезвии, грудь без ритма вздымалась. Вокруг нас раздавался шелест листьев, детский стишок скандинавских лесов. Он подыгрывал биению моего сердца.

Кар-кар, шорох, стук!

Мои волосы развевались вокруг меня с каждым шагом к нему. Я держала руки по бокам. Кости хрустнули у меня под ногами, свежая кровь потекла и сочилась между пальцами ног, перья прилипли к пяткам.

Тогда нас разделяли всего несколько дюймов. Мои пальцы дрожали, когда они протянулись между нами, и я положила их на его предплечье. Он был таким холодным, и Джулиан вздрогнул от моего прикосновения, его глаза были прикованы к тому месту, где я скользила пальцами вниз по его руке к ножу.

— Ты хочешь причинить мне боль?

Я впилась зубами в губу, чтобы сдержать ожидающий меня ответ.

Его дикий взгляд поднялся на меня, и его брови сошлись вместе.

— Что?

Затем его взгляд смягчился.

— Нет!

Он сказал это так, как будто не мог поверить, что ему пришлось убеждать меня в том же самом.

Долгий выдох вырвался из моего носа, и мои пальцы скользнули по его пальцам, пока нож не упал на груды смерти. Его дрожь ослабла в моих объятиях. Живой ворон снова прокаркал над нами, заставив Джулиана хлопнуть глазами. Я прижала другую руку к его обнаженной груди, и его глаза открылись. Его рука накрыла мою.

— Вороны не оставят меня в покое, — выдавил он слова сквозь зубы. — Почему они никогда не оставляют меня в покое?

Деревья снова зашевелились вместе с ним, отбрасывая тени на его лицо. Я была так близко, но не могла видеть ничего, кроме темной башни, которой он был, и пелены в его глазах. Я подняла его окровавленную руку и потянула ее к своей шее, затем прижала его скользкие, холодные пальцы к моему пульсу, точно так же, как он показал мне, чтобы

успокоить меня после того, как дедушка потерял сознание. Это был единственный способ, который я знала, чтобы успокоиться в такие моменты, благодаря ему. И его напряженная поза расслабилась, дыхание выровнялось.

Джулиан обхватил пальцами мое горло, его большой палец лег под основание моего подбородка. Я закрыла глаза. Он потянул меня вперед. Прохладное дыхание коснулось моих губ. Затем мои губы задрожали.

Лоб Джулиана прижался к моему, и он наклонил голову. — Не смотри на меня, — прошептал он мне в рот, сжимая мое лицо сбоку, его губы скользили по моим приоткрытым губам. — Что бы ты ни делала, не смотри на меня.

Как только он произнес эти слова, мои глаза открылись.

Весь кислород высосан из моих легких, и тьма поглотила меня целиком. Ужас вскрыл меня, разрезая раны, которые были покрыты струпьями. Крик вырвался из моего горла, когда я вцепилась в стены, которые внезапно окружили меня.

— Джулиан!

Колодец. Я больше не была в лесу. Джулиан исчез. Мои глаза в панике забегали вокруг. В ловушке, в ловушке, в ловушке.

Мои ладони ударились о кирпич. Все вокруг меня было из кирпича. Эта паника взорвалась во мне, и я отчаянно вцепилась в стены со всех сторон. Полная луна светила сквозь маленькое отверстие наверху. Вода плескалась у моих колен. Я продолжала царапать стены, пытаюсь выбраться наружу. Мои ногти сломались, когда слезы потекли по моему лицу. В горле у меня пересохло. Кончики моих пальцев были ободраны и окровавлены. Но я должен была выбраться.

— ПОМОГИТЕ МНЕ!

Мои зубы стучали, мои конечности сотрясались в конвульсиях, все мое существо отчаянно хотело вырваться из горячего колодца в ужасную жару летней ночи.

— ДЖУЛИАН!

Я снова закричала, мое горло горело, как будто там застряли осколки стекла.

«...экстренное заседание мэрии состоится в восемь утра, как всегда, приглашаются все желающие. Кроме тебя, Джаспер Эббот. Тебе не рады. — Фредди сделал паузу, чтобы усмехнуться, — «И это ваши утренние Дейли Холлоу с Фредди. Давайте начнем четверг с хорошей музыки, и помните, ведьмы, никто не в безопасности после 3 часов ночи...»

Я вскочила с кровати, дрожа и охваченная ужасом. Холодная роса покрыла мою скользкую кожу, простыни были сброшены, на полпути к полу. Кроваво-оранжевый кружился по небу над голубыми водами вместе с восходящим солнцем. Каспер перепрыгнул через кровать из шкафа и лег рядом со мной у моего бедра.

Моя голова упала на подушку.

— Это был всего лишь сон, — убеждала я себя, одной рукой защищая свое бешено колотящееся сердце. — Все это было во сне.

Глава 9

Фэллон

Мэрия была самым большим зданием на Городской площади, расположенным на противоположном конце входа за вышкой. Здание было похоже на миниатюрную версию Белого дома, с большими белыми колоннами, черными ставнями и изогнутой дверью сбоку от главного входа, которая открывалась в просторную комнату, где перед подиумом выстроились складные стулья.

Жители города входили один за другим, заполняя комнату знакомыми лицами, такими как Мина Мэй, доктор Морли, Агата Блэквелл и те, с кем я еще не знакома, видела только мимоходом.

Я села рядом с Джоном и Мандэй.

Джон сказал, что нужно прийти обязательно. Мы втроем сидели в конце ряда в центре комнаты. Болтовня эхом отражалась от низких потолков, и я повернулась на своем месте и заметила полых Язычников, стоящих у задней стены, крепко сцепив руки перед собой. Глаза Джулиана ни разу не дрогнули и оставались устремленными вперед, но вены на его руках вздулись, когда он напрягся под моим пристальным взглядом, как будто изо всех сил старался оставаться неподвижным и сосредоточенным.

Каждый раз, когда я закрывала глаза, сон возвращался ко мне. Призрак — Джулиан. Цвет черного льда и смородины — Джулиан. Предзнаменования смерти и деревья — Джулиан. Кровь и крылья с черными перьями, прилипшие к нашей коже в темном и зловещем лесу — Джулиан, Джулиан, Джулиан.

Это было настолько реально, насколько реально может быть во сне — или настолько реально, насколько может быть сон. И когда этот бред пришел мне в голову, все это каким-то образом обрело для меня смысл. Я все еще чувствовала его холодные кончики пальцев на своей шее, его дыхание на моих губах и ужасающий страх, который оторвал меня от него. Это было невозможно остановить, невозможно избавиться от воспоминаний. Джулиан жил там сейчас, в моем пагубном воображении, и он понятия не имел об этом. Что бы ни приходило мне в голову, это было только для меня.

Отчетливый хлопок! звук молотка по дереву заставил мою голову дернуться вперед. Перед трибуной стоял пожилой мужчина с каштановым париком, идеально зачесанным набок.

— Мы начинаем, — объявил он с ослепительной властью. Болтовня перед ним сразу прекратилась.

— Эта встреча будет проведена мудро и с уважением. Я не допущу повторения событий прошлого месяца.

Джон наклонился губами к моему уху.

— Это Августин Прюитт, один из четырех членов Ордена, который управляет городом. Считай их надзором.

Кивнув, я не сводила глаз с мистера Прюитта, пока он продолжал говорить о предстоящих событиях, новостях в Воющей Лощине и последствиях шторма. В комнате раздавались стоны, охи и ахи, реагирующие на каждое его слово, независимо от того, соглашались люди или не соглашались. Мужчина стоял в непостижимой позе и был одет в свитер под темно-синим блейзером. Он был красивым с мудрыми морщинками в уголках рта и глаз.

Рядом с мистером Прюиттом стояла Агата Блэквелл, леди, которую я никогда раньше не видела, и мужчина с белой пластиковой мимой, черными бриллиантами над глазами и тонкими нарисованными усами над черными губами. Его вьющиеся светлые волосы падали на костлявые плечи, которые выглядывали из-под длинного черного плаща.

— Кто это? — прошептала я Джону, кивая на странное существо рядом с мистером Прюиттом.

— Это Кларенс Гуди. Он тоже в Ордене, вместе с Агатой Блэквелл и Виолой Кантини.

Разговор между горожанами перешел на более мелкие темы, и владелец бакалейной

лавки Хобба выделился из толпы после того, как окликнул мистера Прюитта.

— Что ты собираешься делать с моей витриной? — сердито крикнул он, подняв кулак в воздух. — Это должно быть за счет города! Этот шторм ворвался в мое окно и замочил четверть моего инвентаря! Что ты собираешься с этим делать, Прюитт?

Плечи Джона рядом со мной затряслись, когда он тихо усмехнулся. — Гас Хобб — скряга. Всегда находит способ заставить город заплатить. Ну знаешь, поскольку рынок имеет важное значение.

Он снова усмехнулся, в то время как остальная часть города потеряла интерес к спору, закатывая глаза и оглядывая комнату друг на друга.

— Садись, Гас, — раздраженно протянул мистер Прюитт. — Нужно ли мне напоминать тебе, что ты отстаешь от городских взносов на две луны? Ты заплатишь за прошлые взносы и разбитое окно. Пока ты не отдашь долги, магазин будет закрыт. Грузовик, который прибудет на следующей неделе, будет установлен в восточном крыле. Город покроет расходы на питание, а полученные деньги вернутся в бюджет города. Мой лучший совет тебе, Гас, — наладить свой бизнес, иначе это соглашение станет постоянным.

Лицо Гаса стало красным, как спелое яблоко.

— Ты не можешь этого сделать!

Прюитт проигнорировал его.

— Все кто за, скажите «Да».

Весь город дружно сказал «Да» с улыбками и несколькими смешками.

— К следующим делам, — Прюитт двинулся дальше, и Гас, прихрамывая, вышел из мэрии, бормоча пустые угрозы вслед.

— Язычник был на побережье! — крикнула женщина у меня за спиной.

— Один из них всегда болтается вокруг скал ранним утром.

Джулиан. Я обернулась, чтобы посмотреть назад, и увидела, что соседка дедушки стояла, указывая пальцем на язычников, сидевших в задней части комнаты у стены. Ни один язычник не выказал ни малейшего волнения и не дрогнул в своем самообладании. Джулиан оставался в стороне.

Августин Прюитт отступил в сторону и позволил мистеру Гуди, высокому мужчине в нарисованной маске пантомимы, выступить.

— Который из них? — Спросил он тоном, похожим на бас-гитару.

— Я не знаю, который из них. Они все выглядят одинаково!

— Если ты не знаешь, кто из них, уверена ли ты, без тени сомнения, что это вообще был язычник? Это вполне мог быть сын Августина, Кейн, — мистер Прюитт сделал шаг вперед, и мистер Гуди поднял руку, — или Долорес Клейборн, или Джаспер Эбботт, или таинственный «Скорбящий Фредди».

Люди дружно рассмеялись, как будто имена, которые он перечислил, были нелепыми.

— Ирен, ты знаешь, что если ты не сможешь опознать нарушителя, я ничего не смогу сделать.

— Как я должна его опознать? — парировала женщина, Ирен.

— Норвежский Лес был на нашем побережье! В этом я уверена!

Толпа огляделась — затишье перед бурей. — Возможно, они пришли, чтобы заколдовать нашу землю в ист-сайде или забрать женщин из нашего ковена. Как та скандинавская ведьма Фрейя забрала нашего Тобиаса. НАШЕГО ВЕРХОВНОГО ЖРЕЦА! — процедила она сквозь стиснутые зубы, и толпа начала реагировать, кивать, соглашаться. Мой

желудок сжался, мой взгляд метнулся в безумии. — Они приближаются! Они в отчаянии, и мы все должны волноваться! Они будут только брать, брать и брать, как голодные волки Каллы!

Женщина обвела комнату полными ярости глазами, предупреждая своих людей.

— Запомните мои слова, хаос разразится, порядок рухнет, и щит падет. Мы все будем обречены!

Женский голос разнесся по всей комнате и подогрел горожан. Больше половины зала подпитывали ее огонь, высказывая свои опасения и теории, как бензин и факелы. Остальные, кто был из Скандинавских лесов, сидели тихо и неподвижно, не обращая внимания на их насмешки и угрозы.

— Сядь, Ирен! — крикнул мистер Гуди, несколько раз ударив молотком по трибуне, когда в толпе поднялась суматоха.

— Порядок!

На этот раз он закричал, его светлые волосы рассыпались по плечам. Никто не слушал.

Половина комнаты стояла и указывала пальцами во все стороны, на полых Язычников, на людей в левой части комнаты. Но жители Скандинавских лесов оставались стойкими, на их лицах застыли пустые черты. Упоминание о моих матери и отце душило мой разум, я не могла думать, не могла сосредоточиться. Все, что я могла сделать, это оглядеться вокруг, увидев страх в глазах половины людей, пустоту в глазах остальных.

— Это был я!

Голос Джулиана прогремел в комнате, когда он сделал шаг вперед. В комнате воцарилась тишина, и люди удивленно опустили руки по бокам. Взгляды остальных язычников безмолвно устремились вперед, когда Джулиан сосредоточил свое внимание на Ирен.

— Будьте уверены, нам не нужны ваши женщины, — категорично сказал он, переводя взгляд на меня, а затем снова переводя его на Ирен.

— Мы остаемся верны себе. Что касается океана, он позвал меня, и я последовал.

— Ложь, ты чудовище, — выплюнула Ирен.

Кейн выскочил из передней части комнаты, одетый так, как будто он был на церковной службе, и повернулся лицом к толпе.

— Джулиан Блэквелл напал на Фэллон Морган, — добавил он. — И использовал свою теньевую кровь против меня, когда я вмешался.

Комната наполнилась шепотом, и все взгляды обратились на меня. Жар их взглядов превратил мою ледяную кровь в лаву, мое сердце застучало в ушах. Я посмотрела на Джулиана, не понимая, в чем дело, и поза Джулиана осталась неизменной и собранной. Августин Пруитт, который, как я узнал, был отцом Кейна, подошел к мистеру Гуди, нахмутив брови.

— Это правда? — спросил он, переводя взгляд с Джулиана на меня.

— Я... я...

Мои слова затерялись в шуме шуток, когда все посмотрели в мою сторону.

— Говорите, что хотите, но обвинение в лучшем случае слабое, — усмехнулся Джулиан, наклонив голову, с ядом в голосе.

— Эта девушка — чужак, не так ли?

Кейн зарычал спереди, и Джулиан продолжил:

— Не говоря уже об абсурдности возжелать Морган. Как вы знаете, Норвежский Лес

воплощает мораль, а я — монстр — имею определенный вкус. Эта девушка вряд ли стоит времени или внимания Норвежского Леса. И да, я виновен в рыцарстве. Не смог вынести, когда беспомощная девушка полетела на пол, так как это Кейна слишком давит на него.

И нож, заточенный его словами, вскрыл меня в местах неизвестных, неосязаемых. Это была другая боль, чем все остальное. Почему это так больно?

Кейн поспешно шагнул вперед.

— Ты...

— Мистер Гуди, — перебил Джулиан, обрывая Кейна. — Нет необходимости поднимать панику из-за недоразумения. Давайте вернемся к более важным вопросам, таким как продовольственные пайки, которыми жителям придется наслаждаться на этой неделе, пока не прибудет грузовик.

— Я согласен, — заявил мистер Гуди, затем его молоток опустился на трибуну, тема была закрыта для обсуждения. Прюитт покачал головой, явно обеспокоенный тем, как было улажено это дело, но через несколько мгновений он расправил плечи и проглотил свои мысли обратно.

— Это заседание закрыто.

Люди стояли, недовольные результатами встречи, а я осталась сидеть, пока они толпились вокруг меня, направляясь к выходу. Во время этой встречи я узнала две вещи. Первое: я не могла находиться рядом с Джулианом после того сна, который мне приснился, момента, который мы разделили. На мой взгляд, он был уязвим для меня, но все еще оставался очень темной душой, которая управляла темным лесом и темными существами, которые населяли его. Но Джулиан, появившийся сегодня, был кем-то совершенно другим, отчужденным и непроницаемым.

Второе: я узнала, что папа был Верховным жрецом Священного Моря. Старшее поколение глубоко заботилось о нем, уважало его, когда-то давно смотрело на него снизу вверх. Время до того, как я пришла в этот мир. И моя мать... Что такого ужасного было в том, чтобы влюбиться в моего отца? Почему они ненавидели ее?

Папа редко говорил о моей матери. Он едва успевал бывать дома, чтобы даже поговорить со мной.

Папа был красивым мужчиной с сильным итальянским носом, блестящими черными волосами и ярко-голубыми глазами. Когда он был дома, то большую часть своих дней проводил в гараже, возясь с моделями самолетов. Почти ежедневно мы получали коробки, полные заказанных деталей для его любимого хобби. Мариетта и я обычно складывали коробки за дверь гаража, и месяцами они ждали его возвращения, как и я. Затем, после того как он возвращался, он исчезал еще дольше.

Как только он заканчивал их строить, он выводил меня в поле. Это было единственное время, которое мы проводили один на один, там, где высокая трава щекотала мои ноги. Ни деревьев, ни людей, только земля на многие мили и взгляд в чистое техасское небо. Вместе мы летели на самолете далеко после захода солнца. Он молчал, замкнутый. Он почти никогда не присутствовал, но в те времена, когда он летал, он был со мной — единственный раз, когда я видела в нем искру жизни. Все остальное время он был в ловушке далеких воспоминаний, его мысли всегда были где-то в другом месте. Место, где меня не существовало.

В редких случаях он приходил ночью в мою комнату, пахнувший опилками и моторным маслом, и садился рядом с моей кроватью. Это был единственный раз, когда он заговорил о

Фрейе, моей матери. Его мозолистые пальцы нерешительно убрали мои белые пряди со лба, когда он плакал, извиняясь за свои страдания. Он сказал, что это его вина, что он не смог выбраться из этого. Что жизнь без нее это медленная и мучительная смерть, но он должен был продолжать, потому что дал обещание.

Мандэй развеяла мое оцепенение, когда сказала:

— Джон снял нас с крючка на день, но сказал, чтобы мы держали наши пейджеры при себе. Давай пройдемся по магазинам.

Я оглядела комнату. Джон уже ушел, Джулиан ушел, и комната была почти пуста, только несколько отставших сплетничали у дверей. — Фэллон, алло, — она щелкнула пальцем передо мной, и наши глаза встретились. — День борьбы с суевериями, помнишь? Это примерно через три недели, и если мы подождем еще немного, все будет распродано.

— Сначала мне нужно проверить Бенни, убедиться, что с ним все в порядке.

Я ненавидела оставлять его одного так же сильно, как дедушка ненавидел, когда я околачивалась поблизости, но если что-то случится, а меня не будет рядом, чтобы помочь, я не знала, смогу ли я простить себя. Ему было не очень хорошо во время шторма. Этим утром я отказалась позволить ему встать с постели и поставила кофе и газету у его кровати, прежде чем выйти из дома.

— Да, конечно, — кивнул Мандэй, — иди и проверь его, а потом встретимся у вышки через полчаса. Мы будем ждать тебя.

Было позднее утро, и дедушка наполовину заснул с законченным кроссвордом и пустой кофейной кружкой рядом с ним. Солнце стояло высоко в небе, освещая его морщинистое лицо. Я задернула шторы и повернулась, чтобы убрать со складного прикроватного столика.

— Просто оставь это, не шуми тут, — пробормотал он себе под нос.

— Ты голоден?

В холодильнике все еще остались остатки супа, который Мина принесла накануне после того, как шторм прошел, и распространился слух, что доктор Морли принимает на дом.

— Я могу разогреть эту похлебку.

Кончик карандаша, лежавшего на столике с подносом, сломался, и я опустила глаза на разложенную газету на мини-столике. Глубокими темными кругами календарь фаз Луны был обведен так сильно, что карандаш проткнул бумагу.

— Если бы я хотел похлебку, ты не думаешь, что я бы уже встал? — возразил он.

— Я не хочу эту чертову похлебку, Лунное дитя.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки и убрала со стола, сунув газету под мышку и держа кофейную кружку в одной руке, сверток с использованной салфеткой в другой. Прежде чем я дошла до двери, я обернулась. — Ты знаешь, Бенни. Я не прошу многого. Я проделала весь этот путь сюда, более чем желая позаботиться о тебе, не задавая вопросов. Самое меньшее, что ты мог бы сделать, это относиться ко мне с уважением.

— Я не знаю, сколько раз я говорил тебе, я никогда не просил тебя приезжать. Никогда не хотел, чтобы ты приезжала сюда!

В его глазах вспыхнуло негодование, холодность.

Мое сердце заколотилось в груди, когда тысячи игл вонзились мне в глаза. Но я бы не стала плакать перед ним или усиливать его стресс. Вместо этого я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и сдержала цунами внутри себя. Пустая кружка задрожала в моей руке, и я посмотрела вниз, заставляя свою руку успокоиться. Успокойся, успокойся, успокойся...

Всякий раз, когда у дедушки была возможность напомнить мне, что он не хотел, чтобы я была здесь, я должна была напоминать себе, что он был единственной семьей, которая у меня осталась, и то же самое для него. Несмотря на жестокую внешность, я знала, что он хотел, чтобы я была здесь. Почему он не мог признаться в этом?

Я поставила чашку в раковину и пошла складывать газету на подоконник вместе с остальными, когда мое внимание привлек круг вокруг определенной даты.

ДВА ПОЛНОЛУНИЯ В ОКТЯБРЕ МЕСЯЦЕ НАЧИНАЯ С 1-ГО.

Исходя из того, как прошел год, ожидайте, что этот октябрь будет наполнен магией, убийствами и безумием. Полнолуния могут проявлять доброту, проклинать или раскрывать истины, которые были похоронены.

Глава 10

Фэллон

Бутик «О Мои Звёзды» располагался на восточной стороне Городской площади и принадлежал семье Салливан. Когда я посетила бар Вуду, мы с Фэйбл мгновенно сошлись, но я не познакомилась с двумя другими сестрами, Айви и Адорой.

Все три сестры были с разницей в год или два по возрасту, все три были красивы и очаровательны по-своему, по-разному. Айви была старшей, с угольно-черными волосами, которые резко падали на плечи. Фэйбл была самой младшей, со светло-коричневой кожей и каштановыми волосами, которые ниспадали ей на плечи и до талии. Адора была посередине, завитки цвета одуванчиков и меда стекали по ее загорелой коже, и она была самой далекой от меня с тех пор, как я приехала.

Глянцевый пол был выкрашен вручную в кружащуюся галактику пурпурных, синих и черных тонов, в то время как стены и потолок были четкими и ярко-белыми. Одежда и платья свисали с серебряных стержней, тянувшихся вверх и вниз по стенам магазина с круглыми столами посередине для демонстрации обуви, масок и бижутерии.

Каблуки моих ботинок отдавались эхом от плитки.

— Пол великолепен.

— Да же.

Адора вздохнула, прижимая соединенные руки к груди.

— Фэйбл плохо воспринимает комплименты, но она настоящая артистка.

Она поцеловала кончики пальцев, и ее пальцы раскрылись в воздухе.

Фэйбл закатила глаза и покачала головой из-за прилавка, вынужденная работать в эту смену.

— Я просто плохо реагирую на комплименты, — поправила она.

— Это не значит, что я их не принимаю.

— Итак, что люди надевают в этот День суеверий?

— Это зависит от того, бросаешь ли ты вызов или нет. Если бросаешь, ты носишь маску, чтобы вселенная тебя не видела, — сказала Мандэй, вытягивая черную кожаную куртку с заклепками и шипами на плечах, похожую на ту, что у меня уже была. Ее голова склонилась набок, палочка от леденца торчала у нее между губ. — Если не бросаешь, то, по сути, просто пьешь и избегаешь суеверий. Но люди в масках выйдут за тобой, попытаются заставить тебя бросить вызов.

— Я ношу маску, — добавила Фэйбл. — У меня не будет повторения прошлого года.

— О, прошлый год был таким веселым, — со смехом присоединилась Айви. — Помните

это?

Она повернулась лицом к Адоре, ее прямые черные волосы хлестали ее по щеке, как темный шторм. Адора рассеянно кивнула, перекидывая через руку другую рубашку. Я еще ничего не нашла. — Тех, кто не носит масок, нужно подтолкнуть к тому, чтобы они бросили вызов суевериям. Фэйбл... — она сделала паузу, чтобы унять приступ смеха, — К концу вечера Фэйбл была так пьяна, что в итоге выпила рюмку воды после того, как я подменила ее стакан. И что самое худшее? Это было с сумасшедшим Джаспером Эбботом.

Мандэй, Адора и Айви наклонились вперед с громким хихиканьем.

Фэйбл смотрела на них скрестив руки.

— Мне так жаль, Джаспер. Это была не я. Я не хотела, — Айви высмеяла Фэйбл и то что произошло годом ранее.

— И посмотрите на него теперь, — указала Фэйбл, указывая пальцем в воздух.

— О, перестань. Этот мужчина все еще жив, — сказала Адора.

— Не поняла.

— Ты не чокаешься с кем-то стаканом с водой, если только не желаешь ему смерти, — объяснила Мандэй. — Просто возьми маску. Тебе будет проще. Никто не будет связываться с тобой.

Она взяла греко-римскую маску с центрального стола и протянула ее мне. — Эта тебе подходит.

Она была серебристой, с бисерным узором по краям и глазкам. — Тогда, наверное, я буду в маске.

Если бы я сказала себе год назад, что буду в Воющей Лощине, заботиться о своем дедушке и выбирать маску для Дня борьбы с суевериями, я бы ни за что в это не поверила.

— О, зловещая.

Адора ахнула с коварной улыбкой. Ее длинные светлые волосы перекинулись через одно плечо, когда она поправила одежду, лежавшую на ее руке. — У меня есть идеальное платье, подходящее к ней.

Адора ждала за занавеской гардеробной, пока я смотрела на себя в зеркало в черном кожаном платье, приклеенном к моей коже. Оно было с овальным вырезом, подол доходил до верхней части бедра, с укороченными рукавами. Это было то, что я бы надела, но никогда не на фестиваль в маленьком городке. Я повернулась и потянулась к молнии на спине.

— Не буду ли я слишком одета? — крикнула я из-за занавески, когда Адора отодвинула ее в сторону и закрыла за собой. Она подошла ко мне сзади в зеркале и убрала мои белые волосы с одного плеча и перекинула их на другое, когда они каскадом спадали мне на талию.

Я почувствовала, как молния дернулась у меня на спине.

— Знаешь, Фэллон, — начала она, не сводя с меня своих зеленых глаз в зеркале. — У меня такое чувство, что от тебя будут неприятности. Особенно в этом платье.

Но на ее лице не было ни улыбки, ни юмора в ее тоне. Молния медленно скользнула вверх по моей спине, когда ее дыхание коснулось моей шеи.

— Вряд ли, — попыталась сказать я, и мне хотелось сказать больше, но воздух в комнате стал гуще. Он был слишком мал для нас обеих, слишком замкнут. Мои губы сжались, когда ее заостренные красные ногти скользнули вниз по моей руке.

Слабая и неверящая улыбка озарила пухлые губы Адоры. — Как бы сильно я это ни ненавидела, ты должен стать одной из нас.

Я сглотнула.

— Почему ты это ненавидишь? Она не знала меня. Из трех сестер Фэйбл была единственной, кто проявил хоть какой-то интерес к знакомству со мной. Адора не разговаривала со мной до сегодняшнего дня.

— Потому что я должна была быть с Кейном.

— Но я не во вкусе Кейна, он сам так сказал.

Я повернулась к ней лицом. — Тебе не о чем беспокоиться, Адора.

В любом случае, у меня в голове не было места ни для кого другого, когда Джулиан Блэквелл занимал большую часть моих мыслей.

Ладно, все мои мысли.

Я не могла избавиться от этого сна. Это было так реально — слишком реально. И сегодня вечером я собиралась вернуться в Норвежский Лес, чтобы доказать это.

Пальцы Адоры впились в мои бедра, возвращая меня к настоящему моменту, и она прижала меня вперед, оставаясь позади, прижимаясь грудью к моей спине.

— Это не имеет значения. Он выберет тебя. Все, о чем я прошу, это чтобы ты держала весь этот флирт и близость подальше от меня, когда он это сделает. Я не хочу этого видеть.

Ее слова были подобны айсбергу. Твёрдые и холодные, но все же медленно тающие под напором ее эмоций. Она воплощала в себе то же самое горе, которое я видела на многих лицах призраков, которые приходили ко мне.

— Адора, у тебя неправильное представление обо мне, — заверила я ее.

— Нет, милая. У тебя неправильное представление о нас.

И с этими словами Адора исчезла за занавеской, оставив меня одну в раздевалке.

Я подождала, пока дедушка не заснул в своем глубоком кресле с «Историей Лизи» Стивена Кинга, лежащей у него на коленях. Было четверть первого ночи, когда я тихо заперла за собой дверь и вышла на подъездную дорожку, прежде чем выкатить скутер на улицу. Я не хотела его будить.

Если моя интуиция была верна, мертвые птицы все еще должны лежать где-то в тех лесах, доказывая, что то, что произошло прошлой ночью, не было сном, и я не могла успокоиться, пока не узнаю правду.

Улицы были оживлены, и все магазины были открыты. Фонарные столбы тускло светились желтым над площадью. Дети играли на траве, а старшеклассники развалились в беседке, наблюдая, как я проезжаю мимо на скутере. Через ромбовидное окно «Бобы» сестры Салливан, Мандэй и парни из их ковена собрались за угловым столиком, пили из своих кружек, улыбались, смеялись и... наслаждались моментом.

Я припарковалась за похоронным бюро и вошла в лес, отчаявшись и стремясь найти ответы. Чтобы доказать, что я не сумасшедшая.

Жуткая тишина опустилась на лес, и тени вяло извивались, подгоняемые ветром. Листья и сосновые иголки хрустели под моими ботинками с каждым шагом в темноту, единственным светом были созвездия на черном небе. Я шла недолго, но по мере того, как я углублялась между деревьями, огни внутри домов, выстроившихся вдоль скандинавских Слов, померкли.

Уханье совы срикошетило от навесов и пробежало дрожью по моей коже, но я продолжала идти. Я могла бы найти дорогу назад, подумала я, недооценивая ночное время, когда оно давило на меня со всех сторон. Я быстрее вдохнула прохладный воздух, ускорив шаги.

Вдалеке появилось оранжевое мерцание. По мере того как я приближалась, случайные голоса группы парней становились все громче, пока они не появились в поле зрения. Четверо из них сидели вокруг костра за хижинкой, а я прислонилась к дереву, надеясь, что никто из них меня не видит.

— ... и когда ты сказал, что у тебя есть определенный вкус, я чуть не умер, Джулс.

Один из них засмеялся.

— Морган норм, — сказал другой. — Если ты заразился сибирской язвой...

— Ты мог бы уложить ее поперек стола и понюхать фрика.

Фрик. Мое сердце сжалось в груди.

— Нюхать ее? Я бы не прикоснулся к ней и десятифутовым шестом.

Смех разнесся в ночи.

Я не хотела больше ничего слышать, но я зашла в тупик. Я сделала осторожный шаг назад, и ветка хрустнула, заставив птицу слететь с ветвей, вызвав переполох в лесу. Я затаила дыхание.

Четверо язычников вскочили со своих стульев вокруг костра и уставились в лес — уставились в мою сторону. Я прислонилась к дереву, убедившись, что ни одна из моих конечностей не торчит наружу.

— Кто там? — крикнул один из них.

— Ты что-нибудь видишь, Джулс?

— Я пойду проверю.

Это был мой шанс. Теперь я могла бежать, и они не могли меня поймать. Но я не могла пошевелиться. Я застыла здесь, за этим деревом, желая, чтобы мои ноги что-нибудь сделали, но из этого ничего не вышло. Я откинула голову на кору и прикусила губу, медленно вдыхая и выдыхая через нос. В тишине слышались шаги. Я упустила свой шанс, потому что, если я сейчас побегу, они повалят меня на землю.

Кто-то приближался. Мое сердце колотилось, каждый его шаг предвещал недоброе на влажной земле. Затем он прошел мимо меня, одетый в черные брюки и черное пальто, с черными волосами, уложенными так, как будто он вот так проснулся. Это был Джулиан, и он постоял там мгновение с прямой головой, спиной ко мне. Я наблюдала, как двигаются его лопатки под пальто, как он слегка наклоняет голову, прислушиваясь к секретам, вшитым в деревья.

— Что там? — раздался голос сзади.

Джулиан повернулся, и его пристальный взгляд встретился с моим.

На мгновение его пустые глаза уставились в мои полные страха. Затем его глаза наполнились чем-то, чего я не узнала. Смесь чего-то знакомого и пугающего. Он тихим жестом провел указательным пальцем по своей маске, подходя все ближе и ближе, пока кончики его ботинок не коснулись кончиков моих оксфордских туфель.

Он поднял голову.

— Ничего, — крикнул он остальным, затем снова посмотрел мне в глаза и прошептал:

— Ты не можете быть здесь.

— Была ли прошлая ночь настоящей? — тихо взмолилась я, нуждаясь в знании. — Скажи мне, что это было реально. Скажи мне, что я не сумасшедшая.

Глаза Джулиана прищурились.

— Ты чокнутая. Вот, я это сказал. А теперь уходи.

Он сделал шаг в сторону, и это разрезало меня на части. Я медленно покачала головой,

так как это не имело смысла. Если бы он был прав, и я сходила с ума, он бы не прятал меня вот так. Он не стал бы лгать своим друзьям о том, что я здесь.

Моя рука метнулась вперед и вцепилась в его руку.

Джулиан замер под нашими соединенными руками.

Удары прошли, и он опустил голову.

— Пожалуйста, Джулиан. Будь честен со мной.

Мой большой палец скользнул по его коже. Он крепче вцепился в меня, и ночная тишина на несколько вдохов превратила нас в единое целое, прежде чем он развернулся и повел меня обратно к дереву. Он схватил меня сзади за шею и наклонил мою голову.

Комок в горле Джулиана подскочил, и его глаза скользнули по моим чертам лица, когда я была в плену его объятий.

— Я приду к тебе, но ты никому не должна говорить, — прошептал он, и я кивнула. Его глаза посмотрели мимо меня на остальных, прежде чем снова встретиться с моими, а затем он отпустил меня, исчезнув и оставив меня с неглубоким дыханием и колотящимся сердцем.

— Давайте отправимся в Вуду, — крикнул он остальным, указывая мне путь из леса.

Огонь погас в одно мгновение, стирая тепло и свет одновременно. Я долго ждала после того, как их голоса стихли, удостоверившись, что они ушли, прежде чем броситься обратно через лес.

Я не могла вспомнить, как долго я бежала между деревьями, по бороздчатым колеям земли, без четкого выхода, каждый поворот казался одинаковым. Бегала ли я по кругу? Лес, казалось, трансформировался вокруг меня, дразня меня, когда мои ноги горели, но мысли о Джулиане продолжали толкать меня дальше.

«Я приду к тебе», — сказал он...

Моя нога зацепилась за выступающий корень, и меня швырнуло лицом вниз на твердую землю, что-то хрустнуло подо мной. Засохшая, покрытая коркой кровь, бархатистые крылья и фрагменты костей покрывали лесную подстилку. Крик застрял у меня в горле, когда я вскочила на ноги, вытирая руки, ноги, волосы, пытаюсь избавиться от вони и остатков смерти.

Все это было по-настоящему. Мой пристальный взгляд метнулся по кладбищу воронов. Глаза птиц побелели, как катаракта, а их тела были разорваны на куски и разбросаны.

Все это было по-настоящему. Джулиан убил их всех, дикий и отчаянный взгляд в его глазах, бешеный пульс в его пальцах, бьющихся на моей шее, кровь, то, как его губы скользнули по моим, затем темная пустота на его лице. Ужас.

Все это было реально, и воспоминания об этом врезались в мой череп. «Смерть приближается...» — сказал он, и именно его голос преследовал меня всю дорогу из леса. «... И я не могу ее остановить».

Глава 11

Фэллон

В течение нескольких часов я мерила шагами свою спальню, пока холодный ночной ветерок играл на моих щеках, что успокаивало мои и без того напряженные нервы. Я присела на край кровати, поговорила с Каспером, вытащила журнал из сумки, попыталась почитать, но ничто не могло успокоить мой беспокойный разум. Через несколько часов солнце взойдет без малейшего признака Джулиана.

Каспер растянулся в ногах кровати и наблюдал, как я расхаживаю по дощатому полу, скрипящему под моими босыми ногами. Один зеленый глаз и один голубой глаз по-

прежнему следили за каждым моим движением, пока Каспер внимательно прислушивался, подергивая ушами к моему голосу.

— Это было по-настоящему, — сказала я со вздохом, затем села рядом с ним и запустила пальцы в его мягкую белую гриву. — Всё было бы проще, если б это был сон.

Каспер мяукнул, так мужественно, как только может мяукать кот, затем выгнул спину, прижимаясь к моей ладони.

— Нет, не было бы, — сказал голос, и моя голова повернулась на звук.

За тонкой завесой легких тканых занавесок Джулиан стоял на моем балконе, подальше от перил, глядя на океан. Хотя лунный свет освещал его, он не отбрасывал тени.

— Ты видела, как я убил всех этих птиц, и ты все равно вернулась в лес, чтобы найти меня.

Он повернулся, и сквозь ночные тени его холодные серебристые глаза атаковали меня. — Я же сказал тебе — чокнутая.

Выброс адреналина заставил мои мышцы дернуться под кожей, и Каспер спрыгнул с моей кровати на свое любимое место над шкафом. У меня пересохло в горле, когда он подошел ближе, и бурное желание охватило меня до кончиков пальцев ног.

Я прочистила горло.

— Я должна была убедиться, что то, что произошло, было реальным.

Джулиан стоял надо мной — ночное небо сквозь открытые французские двери за его спиной — и мои ладони начали потеть от того, что я вцепилась в край матраса, на котором сидела.

— Ты кому-нибудь рассказывала о том, что видела? Что я сделал?

Видны были только его глаза, две серебристые прорези над линией маски.

— Нет, я бы не стала, — отрезала я, и мои плечи опустились в знак поражения. — Но что же произошло прошлой ночью между нами? И почему ты убил этих птиц?

У меня было так много вопросов.

В комнате снова воцарилась тишина. Я начала терять терпение, но как только мой рот открылся, чтобы заговорить, Джулиан скрестил руки на груди, глядя на меня сверху вниз своими впалыми глазами, которые отливали серебром на фоне густых черных ресниц.

— Я сорвался, — сказал он решительно, вспоминая, как его взгляд оставался отстраненным. — Неважно, сколько я...

его слова оборвались на этом, и он покачал головой, — ... их прилетает больше, они преследуют меня. Это не прекращается. Становится только хуже.

— Вороны, они что, своего рода предзнаменование смерти? — спросила я, вспомнив сказки Мариетты о воронах, черных жуках и белых мотыльках, предвестниках смерти. Джулиан опустил голову в мрачном кивке. Всплыл еще один вопрос, и у меня заныло в груди от одной мысли об этом, и я не могла понять почему. Я прикусила нижнюю губу зубами, но слова все равно вырвались, несмотря на мою борьбу. Я должна была знать.

— Ты умрешь?

Брови Джулиана сошлись вместе.

— Ты увидела, как я убиваю птиц из-за предзнаменования смерти, и ты спрашиваешь, не я ли умру?

Мои щеки вспыхнули, мне было стыдно за свою заботу о нем. Затем его слова поразили меня, и я почувствовала, как моя разгоряченная плоть превратилась в белый холод, как будто кровь отхлынула от моих ног. Я попыталась подавить тревожную панику.

— Это Бенни? Я?

— Когда-нибудь, да. Мы все медленно умираем.

Он был резок, быстрый удар в живот. Он провел рукой по своим черным волосам, вероятно, заметив ужас на моем лице.

— Я не знаю, для кого это, — наконец признался Джулиан, затем оглянулся через плечо и заерзал на месте, прежде чем снова перевести взгляд на меня:

— Это не имеет значения, это не причина, по которой я согласился прийти.

— Тогда зачем ты пришел?

Я обратила внимание на то, как Джулиан не торопился с ответом. Как будто я могла видеть слова, быстро мелькающие в щелях его осторожного разума через его глаза.

— Я не любитель делать предположения, пока ни в чем не буду уверен. Я точно так же отношусь к людям. Но, судя по твоим незванным визитам в последнее время, я вижу, что ты из тех, кто не остановится, пока не получит ответы на все вопросы, а в Воющей Лошине ответов нет. Реальность здесь изгибается. То же самое и со временем. В некоторые дни трудно отличить, что реально, а что нет. Этот город может свести тебя с ума, чем усерднее ты пытаешься в нем разобраться. Так что не надо. Ты должна держаться подальше от леса. Ты должна держаться от меня подальше.

— А если я не хочу?

Если я не смогу теперь?

Стальная буря вспыхнула в его напряженных глазах.

— Разве ты не видела достаточно? Я — тьма, проклятый незнакомец, о котором они все тебя предупреждали, — издевался он, его грудь тяжело поднималась и опускалась, и он хлопнул ладонью по груди. — Я мог бы убить тебя. Я должен был убить тебя, — сказал он с битвой в глазах. — Это то, кто я есть.

— Я не знаю, что именно произошло прошлой ночью, но что бы ни случилось, это не твоя вина...

Я начала говорить, и он опустил голову, качая ею, как будто отказывался это слышать.

— Я видела тебя. Ты был напуган, и это было почти как...

Джулиан вздернул подбородок и посмотрел на меня уголком глаза.

— Например, что?

У меня пересохло во рту.

— Я не знаю, как будто ты нуждался во мне...

Слова звучали странно вне моей головы.

— И что-то подсказывает мне, что ты никогда бы намеренно не причинил боль мне или кому-либо еще, и, возможно, я смогу помочь.

Я остановилась, чтобы перевести дыхание.

— Я не вижу тебя таким же, как они, Джулиан. Я не боюсь, как все остальные.

— Не будь глупой. Ты чего-то боишься, и этого достаточно.

Джулиан поднял брови.

— У тебя есть какие-нибудь идеи, что я могу сделать? — спросил он, и я сжала челюсти. — Всякий раз, когда ты видишь мое лицо целиком, все, что ты сможешь увидеть, — это свои страхи. И когда ты посмотрела на меня прошлой ночью, я был там с тобой в том темном месте, которого ты так боишься. Я почувствовал твой ужас. Я слышал твои крики. Я почувствовал это в своем собственном горле! Что бы ни произошло между нами в лесу, — он наклонился, посмотрел мне в глаза, взяв мою голову в ладони, — Что бы

это ни было, оно вырвалось, как только ты посмотрела на меня. Ты должна была умереть.

Кислород застыл в моих легких, и мое сердце забилося так, как будто все звезды умерли и пронесли по небу моей груди.

В глазах Джулиана мелькнуло осознание того, насколько мы были близки, и он убрал руки и провел одной по волосам, схватившись за затылок.

Все, что Фэйбл и Мандэй рассказали мне о полых язычниках, было правдой. Они были прокляты, и я была свидетелем этого. Я взглянула на его лицо и была отброшена назад в колодец моего детства.

Реальность всего этого пробежала у меня по спине.

— Как я добралась домой? Я не помню, как после этого пошла домой.

— Ты потеряла сознание, и я привез тебя домой.

Джулиан тяжело вздохнул и наклонил голову.

— Я вижу разницу, и твой страх больше походил на воспоминание. Как ты оказалась в том месте? Так вот почему ты боишься темноты?

Мои брови сошлись вместе.

— Темноты?

В моих словах был непреднамеренный укус, и я не хотела, чтобы это так прозвучало. Я покачала головой.

— Я боюсь не темноты.

— Тогда в чем же дело?

— Разве это имеет значение?

— Да, — отрезал он.

— Почему?

Джулиан сел рядом со мной на край матраса, опустил локти на колени и втянул голову в плечи. Тяжелый выдох покинул его, когда я задержала свой, ожидая ответа.

Когда он поднял голову, его взгляд скользнул к моему из уголков его глаз.

— Ты единственный человек, который смотрел мне в лицо, которого я не убил. Ты выжила, и это не имеет смысла. Никто раньше не выживал.

По какой-то причине я доверяла незнакомцу в моей комнате, который обладал силой вернуть меня к моим страхам. У меня не было причин доверять ему, но я доверяла. Если все это было правдой, то Джулиан пережил ту ужасную ночь, когда я была ребенком, вместе со мной менее двадцати четырех часов назад, и он был единственным, кто мог это понять.

Мы были каким-то образом связаны.

Все мое тело переместилось на матрасе, чтобы повернуться к нему лицом.

— Заключение, — выпалила я, мои пальцы ерзали на коленях.

Я никогда никому раньше не рассказывала, и мне показалось, что с моего признания сняли тяжкое бремя. — Маленькие места, стены, заточение, у меня отняли свободу... Я оказалась в ловушке. Все это. Если я не смогу сбежать...

Я не могла закончить предложение. Я не могла больше думать об этом, поэтому позволила этому затихнуть, и это было так, как если бы мир замолчал после моего заявления. Даже холодный ветер, дувший внутрь, казалось, успокоился.

Джулиан тоже повернулся, уделяя мне все свое внимание.

— Расскажи мне, что случилось.

И его рука скользнула по моему обнаженному бедру. Это казалось таким новым и знакомым одновременно, и дрожь пробежала по моему позвоночнику. Он был здесь,

заставляя покалывать места, к которым никто никогда не прикасался, глядя на меня с яростной нежностью. Он был здесь, заставляя меня чувствовать то, чего я никогда раньше не чувствовала.

Я оглядела комнату, задаваясь вопросом, проснулась ли я вообще. Может быть, я вообще никогда не просыпалась.

Реальность здесь изгибается.

— Это реально?

Я думаю, что спросила вслух, звук часов, стоявших на моей тумбочке, тикал, играя за тишиной.

Джулиан наклонил голову, поймав мой взгляд своим.

— Ты хочешь, чтобы это было так?

— Да.

Я сказала это так быстро, не задумываясь. Да, хотела.

— Расскажи мне, что случилось, — настаивал он.

Каспер мяукнул из шкафа, внимательно наблюдая за нашей перепалкой, и Джулиан убрал руку и откинулся на кровать, упершись ладонями по обе стороны от себя. Этот парень был нежным и настойчивым. Как это было возможно? Лунный свет отбросил на него тень, и его светлые глаза пробились сквозь слой тьмы, требуя продолжить. Так я и сделала.

— Мне было всего семь. Дети на моей улице постоянно дразнили и преследовали меня, следовали за мной всю дорогу домой от автобусной остановки. Они называли меня отродьем сатаны, злой ведьмой... фриком. Какую бы злую тварь ты ни мог вообразить, именно так они меня называли. «Не смотрите ей в глаза», — говорили они, — и мои слова трещали по швам моего детства.

Я сделала паузу, чтобы сдержать свои эмоции, спрятать их. Поза Джулиана стала напряженной, но его глаза не отрывались от меня, даже когда мне пришлось отвести взгляд.

— Однажды мы шли домой с автобусной остановки, а они не хотели останавливаться. Они дразнили меня. Забрали мой рюкзак. Дергали меня за волосы. Издевались надо мной. Они насмехались надо мной. Потом они втолкнули меня в колодец, потому что там место ведьмам. В Аду. И сначала я не могла встать. Весь мой бок так сильно болел... но в какой-то момент я это сделала. И всю ночь напролет я пыталась выбраться. Я так старалась, что мои ногти оторвались от пальцев. Я истекала кровью, мне было больно, я была одинока и убеждена, что умру. Это была самая длинная ночь в моей жизни.

Я содрогнулась при одной мысли о том, чтобы вернуться туда. И я точно знала, что если я когда-нибудь увижу лицо Джулиана, я вернусь туда, в тот колодец, и моя грудь сжалась. Я продолжила, чтобы он не заметил:

— Моя няня, Мариетта, она нашла меня. Я была там тринадцать часов, — я покачала головой, — Джексон Дженкинс потерял зрение на следующий день. Брэди Мэтьюз онемел неделю спустя... и... после этого никто не подходил ко мне, не прикасался ко мне и не разговаривал со мной. Они были милыми, — слово было горьким на моем языке, — потому что они боялись меня и того, что я могла сделать.

— Орден был прав. Ничего не изменилось, — пробормотал Джулиан себе под нос, нахмутив брови в глубокой задумчивости. — Мир все еще тот же после всех этих лет.

Он наклонил голову и пристально посмотрел на меня.

— Но ты бы не сделала этого с теми детьми? После всего, что они с тобой сделали?

— Нет. Даже если бы я могла, я бы не стала, — я покачала головой и ущипнула край

матраса. — Но теперь я думаю, что это на самом деле была Мариетта, она сделала бы что-то подобное только для того, чтобы защитить меня. Она не была злой.

Я посмотрела на Джулиана снизу вверх. — Я никогда никому этого раньше не говорила. Даже своему отцу.

Остекленевшие и измученные глаза Джулиана остановились на мне со всем своим безумием; я заметила, как морщинка между его бровями углубилась — понимание или печаль. Я заметила эти вещи, и это сделало что-то сумасшедшее с моим сердцем.

Тишина между нами была уютной, но в то же время громкой. Я не могла понять, о чем он думает, поэтому я разорвала тишину своим голосом.

— Но потом я приезжаю сюда, и все как будто хотят быть моими друзьями. Обычно я девушка, которую все боятся, та, кого все избегают, но не здесь. Здесь все по-другому.

— Потому что все они чего-то хотят от тебя, — ответил он. — Они хотят, чтобы ты была в их ковене.

— Кроме тебя, — отметила я, сосредоточившись на том, чтобы мой голос звучал ровно. — Тебе все равно. На самом деле, если мне не изменяет память, — начала я, вспомнив, что он сказал на собрании в мэрии, — у тебя определенный вкус. Возжелать кого-то вроде меня было бы абсурдом.

Его пристальный взгляд застыл на мне.

— Я был...

— Потому что я — фрик, верно?

Глаза Джулиана превратились в щелочки.

— Фэллон...

— Нет, я слышала вас, ребята, в лесу. Я слышала, что вы все говорили обо мне. Я слышала это всю свою жизнь. Я всегда слышу, что говорят обо мне, как будто меня там нет, как будто это не причиняет боли. Но мне действительно больно! Ты сам так сказал, ты видел мою память. Думаешь, мне понравилось то, что они со мной сделали? Что мне пришлось выслушать от твоих друзей? Ты думаешь, мне нравится быть ничьим вкусом? Боже упаси, чтобы кто-нибудь нашел время по-настоящему узнать меня.

Поза Джулиана напряглась, его взгляд стал холодным. Рычание прогремело внутри него, сдерживая то же самое смятение, которое он высвободил в Вуду. Он вскочил, схватил меня за руку и потащил через комнату к зеркалу в полный рост, стоящему в углу тусклой комнаты, пока я не столкнулась со своим отражением. Мое сердце бешено колотилось, когда он стоял позади меня. Его грудь ударилась о мою спину. Он посмотрел вниз на мое растерянное выражение лица. Мой взгляд упал на девушку в зеркале без макияжа, с ярко-белой кожей и еще более белыми волосами. Бесцветные, страшные стеклянные голубые глаза в зеркале уставились на меня в ответ, и я отвернула голову.

— Нет. Посмотри на себя, — приказал он голосом, похожим на наждачную бумагу. Джулиан обхватил пальцами мою челюсть и заставил мою голову наклониться вперед, пока мои глаза снова не встретились с моими собственными.

— Что ты делаешь?

Я попыталась высвободиться из его хватки, но его хватка усилилась, одна рука сомкнулась вокруг моей челюсти, другая — на тазовой кости.

— Ты фрик, — медленно сказал он мне на ухо. Я закрыла глаза, и он сжал мою челюсть, пока они не открылись. — Ты неуверенная в себе и ненормальная. Сибирская язва. Парниковая. Отродье сатаны. Привидение. Мутант. Чертовски странная штука. Посмотри на

себя!

Его голос становился громче с каждым словом. Мое зрение затуманилось, когда я попыталась вырваться из его крепкой хватки. Он прижал меня к своей груди, чтобы я не двигалась.

— Неужели это слезы текут? Это... что?

Он наклонил голову, в его глазах была насмешка, и я пожалела, что не могу зажмуриться.

— Двадцать четыре года слушать их? О том, чтобы позволить им определять тебя? Потому что тебя так сильно волнует, что думают все остальные, верно?

— Прекрати, — процедила я сквозь стиснутые зубы, слезы скапливались и дрожали в уголках моих глаз. Я попыталась вырвать голову из его хватки. Джулиан превратился во что-то другое. Что-то кричащее. Что-то первобытное и жестокое. Форма страстной тени, цвет беспощадности. — Зачем ты это делаешь?

— Я? Ты делаешь это с собой, — настаивал он, тяжело дыша, его грудь врезалась в мою спину. — И это печально. Принятие — это тюрьма из восьми букв, в которой мы все хотим быть запертыми, — его глаза блестят, дикие и живые, — Ты позволяешь всем остальным говорить тебе, кто ты есть, и ты слушаешь. Ты позволяешь тому, что выходит из-под твоего контроля, контролировать тебя! И посмотри, во что ты превратилась — запертая в своем личном аду, окружённая решетками этих оскорблений. Это твоя вина. В конце концов, единственный человек, которого можно винить, — это ты. И теперь это все, что ты есть. Маленькая. Чертова. Фрик. Все еще оставленная в том колодце много лет назад. Ты никогда не выходила.

Мои глаза сузились, и я оттолкнулась от него. Джулиан снова наклонил мою голову вперед и обхватил рукой мою талию, прижимая меня к себе спереди, продолжая: — Держу пари, эти слова преследуют тебя. Ты носишь ту самую маску, которую эти лицемеры нацепили на тебя, и держу пари, что она тяжелее моей.

Тихие слезы скатились по моему онемевшему лицу и потекли по его пальцам.

Джулиан сделал паузу, его глаза остановились на них. Затем он поднял маску только для того, чтобы показать свой рот, свои яркие алые губы. Его язык высунулся и слизнул мои слезы с костяшек пальцев.

— На вкус тоже как маленький солёный фрик.

Его глаза метнулись к моим.

— Людям всегда будет что сказать, но это твоя вина, что ты стала такой. По крайней мере, ты можешь дать отпор. У некоторых из нас нет такой роскоши.

Я дернулась навстречу ему, и правая рука Джулиана сомкнулась на моем горле.

Я замерла.

Джулиан замер.

Мои испуганные глаза встретились с его глазами, которые металась в конфликте.

Затем конфликт оборвался, и все, что осталось, — это слабый и уязвимый человек, который не мог перевести дух. И время замедлилось. Его движения замедлились. Его прикосновение замедлилось. Его дыхание замедлилось.

Джулиан собрал мои волосы и убрал их с моего плеча, и хватка на моем горле стала нежной, когда он наклонил мою голову. И мое сердце! Оно билось так быстро, что я его больше не чувствовала. Я ничего не чувствовала, кроме его рук на мне и его пальца, погружающегося в край моего кардигана через плечо. Они задели мою обнаженную кожу,

когда он снял материал с одной стороны, и мурашки побежали по моей плоти.

Затем он поцеловал меня в плечо так нежно, что это было похоже на крылья или шепот. Я не понимала, не могла согласиться ни с одной мыслью. Я смотрела на его рот, на его мягкие губы, скользящие по моей коже, и чувствовала, как я соскальзываю, нагреваюсь и падаю, когда мои ресницы затрепетали, понятия не имея, что происходит; как я перешла от злости к грусти к... этому. Но что это было? Это чувство, которое я никогда не хотела отпускать? Как оно называлось?

Его язык облизал мое плечо до изгиба шеи, прежде чем жар его рта накрыл мою плоть. Он сильно сосал, притягивая и проталкивая желание между нами. Мои колени ослабли, но его руки на мне, его рот на моей коже, все это держало меня привязанной к нему, и это было мучительно, но недостаточно, так как тот же жар распространился в пространстве между моими ногами. Его губы были такой формы, словно порезаны острым лезвием, но все же казались такими нежными на моей плоти, когда он в последний раз поцеловал меня в шею.

Джулиан поднял голову и обдал своим ледяным дыханием мою шею там, где только что был его рот. — Вот, — сказал он, наконец успокоенный и собранный, любуясь своей работой, прежде чем его серебристые глаза встретились с моими в зеркале. — На этот раз, когда ты проснешься утром, ты увидишь это и поймешь, что сегодняшняя ночь была настоящей. Он задрал мой кардиган через плечо и отпустил руку вокруг моего горла. — И ты будешь помнить, что нужно держаться подальше от леса.

Глава 12

Фэллон

На следующее утро меня разбудил звук моего пейджера. Балконные двери слегка качались взад и вперед, и я протерла глаза, чтобы увидеть солнце, поднимающееся над горизонтом, пятно цвета индиго, пылающее над Атлантическим океаном. Мои пальцы тут же скользнули по засосу, который он мне оставил. Он пульсировал прямо под поверхностью кожи моей шеи, как будто это была вещь с собственным сердцебиением. Я вскочила на ноги, пробежала по деревянному полу и посмотрела в зеркало. Синяк был холодным, темно-фиолетовым на фоне моей белой кожи, призрак того места, где был его рот. Я закрыла глаза, когда за ними промелькнуло воспоминание о прошлой ночи.

Он появился так внезапно и так же исчез. Он оставил меня с предупреждением, с желанием, с требованием держаться подальше от леса. И я бы держалась подальше от леса, но я знала, что он не выйдет у меня из головы.

Не с его меткой, пульсирующей под моей кожей.

Быстро собравшись, я позвонила Джону с домашнего телефона на кухне, когда ставила кофейник для дедушки. Джон сказал встретиться с ним в трейлере в районе Норвежского Леса. Он сказал, что не может меня дождаться, и что он поедет на катафалке для транспортировки и будет ждать моего прибытия там.

Трейлерный парк был спрятан в лесу за баром Вуду. Черный катафалк стоял перед одноэтажным зданием, поднятым на шлакоблоках, с разбитым решетчатым ограждением, обернутым вокруг. Небольшая толпа собралась за желтой лентой, огораживающей периметр дома, и сквозь суматоху я заметила Джона, пытающегося успокоить соседа с полицейским и Мандэй рядом с ним.

— Почему ты так долго? — спросила Мандэй, проталкиваясь ко мне сквозь суматоху разъяренной толпы соседей.

Эта сцена была полным хаосом. Ругательства и обвинения наполняли мои уши, когда

она тащила меня сквозь толпу. — Пэриш должен сгинуть! — скандировали некоторые.

— Убийца!

— Наш город больше небезопасен!

Майло тоже был там, с блокнотом, приклеенным к руке, а другая девушка держала магнитофон между ним и соседом, брала интервью и искала эксклюзив. Я осмотрела трейлерный парк, заметив людей, наблюдающих за происходящим со ступенек крыльца, некоторые из домов, выглядывающих сквозь жалюзи или за занавесками. Мой пристальный взгляд скользнул по улице, увидев машины, выстроившиеся вдоль тротуара.

Меня осенило.

Сердитые горожане вовсе не были соседями.

Одежда, прическа, обувь. Все они принадлежали к высшему классу Священного Моря.

Мои глаза расширились. — Что, черт возьми, происходит?

Мандэй бросила на меня широко раскрытый взгляд, когда она подняла ленту и потянула меня под нее.

Бэк сидел на ступеньках трейлера с сигаретой в татуированных пальцах. Капюшон был надвинут на его растрепанные волосы, когда он опустил голову, дым поднимался из темной пустоты его лица. Кристально-голубые глаза смотрели прямо перед собой отстраненным взглядом, в то время как его колено неудержимо подпрыгивало на деревянных ступеньках. Я знал, что это был Бэк Пэриш, только потому, что видела его на кладбище, копающего могилы бесчисленное количество раз. Я узнала его телосложение, его манеру и то, как он держался, ледяные воды, скрывающиеся в радужках его души.

Мандэй провела меня мимо него в передвижной дом. Сигаретный дым и несвежий запах выпивки маячили в воздухе, как тень.

Мы прошли прямо в гостиную, где на продавленном диване сидел мужчина, обхватив голову руками. Винил из искусственного дерева покрывал все стены, а ковер был грязным и в пятнах. Дом, если его вообще можно было так назвать, был пепельницей и кладбищем пустых пивных банок и коробок из-под еды на вынос.

Коричневые рабочие ботинки выглядывали из-за кофейного столика, где лежало тело. — Это Эрл Пэриш. Отец Бэка, — представила Мандэй, и мужчина поднял взгляд от своих рук с рубашкой, повязанной вокруг лица, в его блестящих голубых глазах кипел эликсир гнева и агонии. Отец Бэка.

Мандэй опустилась на колени рядом с телом, которое лежало лицом вниз на полу, и я последовала за ней. Крови не было, и трупное окоченение уже наступило, что означало только то, что он пролежал здесь по меньшей мере три-четыре часа. Тело было охвачено смертельным холодом, и его кожа была бледной с фиолетовыми пятнами на нижней стороне, где тело соприкасалось с полом.

— Готов давать показания, Эрл? — спросил кто-то, и я повернулась, чтобы увидеть другого офицера, стоящего у открытой двери.

— Бэк, Джулиан, никто не говорит, я получу ответы сегодня. Я отвезу вас всех троих в участок, если понадобится.

Джон толкнул входную дверь.

— Офицер Стокер, на пару слов, пожалуйста, — настаивал он, схватив офицера за локоть.

И вот тогда я это увидела. Темный контур фигуры съезжился за открытой входной дверью. Призрак дернул себя за редящие волосы за дверью, изрыгая ругательства, которые

могла слышать только я. Потрясенные и испуганные глаза уставились на свое мертвое тело — тело, в котором он жил всего несколько часов назад, и всего лишь оболочка того, кем он был раньше, — в то время как все остальные двигались по трейлеру, как будто его там не было.

Но он был там. Я видела его, разъяренного, испуганного и бессильного.

Офицер снова продолжил, угрожая Эрлу.

Джон терял терпение, уводя офицера Стокера подальше от Эрла.

— О чем ты думаешь? — спросила Мандэй.

Другой офицер вошел в дом, требуя дополнительной поддержки, чтобы контролировать толпу снаружи.

Призрак вышел из-за угла, крича, чтобы его кто-нибудь услышал.

В ушах у меня зазвенело, комната закачалась, мои колени ослабли от хаоса, разворачивающегося вокруг меня. Мое дыхание стало прерывистым. Мои ладони вспотели.

Слишком много людей. Слишком много голосов.

— Тихо! — крикнула я, закрывая уши руками, чтобы заглушить шум.

Призрак, Джон, Мандэй, офицеры, Эрл, все они изучали меня с того места, где застыли, с пронзительным вниманием. Даже крики снаружи приглушались моим голосом. Мои ладони отнялись от ушей.

— Выйдите все наружу, — объявила я. — Позвольте мне сделать здесь свою работу.

Чего я действительно хотела, так это посмотреть, смогу ли я поговорить с призраком. Сначала духи. Они всегда были на первом месте.

— Да, — добавила Мандэй.

Я посмотрела на нее.

— Ты тоже, Мандэй.

— Подожди, что?

Либо я должна была признать, какой ненормальной я действительно была, либо мне пришлось бы оставить призрака этого человека здесь на произвол судьбы, быть потерянными и неуверенными в том, что с ним случилось. Поскольку у меня был этот дар, я всегда чувствовала, что моя обязанность — помочь им, рассказать им об этом.

Некоторые духи ничего так не хотели, как убедиться, что их смерть была отомщена. Другие хотели наблюдать, как карма играет свою роль медленно и мучительно, потому что так было хуже и веселее, так как их боль привязывала их здесь, позволяя им оставаться рядом и наблюдать. Но наблюдение превратило их в сводящих с ума и обезумевших духов — тех, кто никогда не мог обрести покой.

— Пожалуйста, — сказала я более спокойным голосом. — Мне просто нужна минутка.

Офицер вывел Эрла из комнаты и спустился по ступенькам, где его ждали разгневанные горожане, Джон и Мандэй шли следом. Когда дверь за ними закрывалась, я мельком увидела Джулиана, который стоял перед Бэком, и мое сердце екнуло в груди. Джулиан поднял глаза на меня как раз в тот момент, когда дверь закрылась, оставив меня внутри наедине с мертвым телом, призраком и последствиями ужасного инцидента.

Я глубоко вздохнула и обратила свое внимание на призрака в углу комнаты.

— Как тебя зовут?

— Что со мной случилось? Как получилось, что я стою здесь? Верни меня обратно! Я в порядке! Сделай все как было.

Его расширенные глаза оглядели его руки, рубашку, судорожно хватаясь за себя. —

Исправь меня!

— Я не могу, ты уже мертв, — медленно сказала я, надеясь успокоить его энергию. Они никогда раньше не причиняли мне физической боли, и я не знала, возможно ли это вообще. — Ты можешь рассказать мне, что случилось?

— Я-я-не могу вспомнить, — заикнулся он, затем его заикание перешло в рев, и он несколько раз ударил ладонью по голове. — Почему я не могу вспомнить?!

— Потому что ты еще не смирился с тем, что с тобой случилось. Тебе нужно принять это, тогда твои воспоминания вернутся.

— Откуда ты это знаешь? Кто ты такая?

— Фэллон. Фэллон Гримальди.

«Ты Гримальди», — всегда говорила мне Мариетта, и я не знала, почему в этот момент сказала «Гримальди», но это казалось правильным, как будто это могло ответить на все животрепещущие вопросы внутри него. Я была Гримальди. Девушка, которая могла видеть призраков и разговаривать с ними. Девочка, чей отец был ведьмаком, и мать, о которой я до сих пор ничего не знала.

Да, я была Морган, но также Гримальди, и, возможно, это что-то значило.

Я не знала, сколько времени прошло, пока я наблюдала, как выражение его лица менялось в разные фазы, как будто он пытался принять, пытался вспомнить. Он уставился на стены, дверь и пол, как будто комната говорила с ним.

— Джури.

Затем он посмотрел на меня. — Меня зовут Джури Смит.

Я кивнула, сохраняя молчание, чтобы не нарушать ход его мыслей.

— Я был не в себе... Я не знаю, как я там оказался, но я был так зол. Я пришел сюда, чтобы поговорить с ним кое о чем, и он был так же удивлен, увидев меня. Но разговор был важен. С ним был другой парень.

Его взгляд метнулся назад, к двери. — Он... он прыгнул на меня сзади!

Он посмотрел на свою руку, и его лицо преобразилось, как будто вместе с воспоминанием погас свет. — Я держал что-то в руке, но оно упало на землю.

Его взгляд скользнул к дивану.

Я проследила за его взглядом до дивана и заглянула под него. Там был нож, но крови не было ни рядом с телом, ни на нем, ни в гостиной. Нож не мог быть использован.

— Его лицо, — продолжил он, — я никогда не видел чего-то такого... такого...

— Страшного?

Спросила я, стоя на коленях у дивана, мое сердце бешено колотилось в груди, когда я посмотрела на призрака, в потухших глазах которого был мир ужаса. Его челюсть захлопнулась, и он яростно замотал головой, вцепившись в кончики волос.

— Что ты видел? — Я продолжила.

— Ты согласишься мне, если я скажу тебе, что там прячется клоун? В этом его лице? — спросил он, выходя из темного угла комнаты с морщинами на опущенном лбу. — Клоун, он душил меня одной рукой. Я не мог дышать.

Призрак вцепился в рубашку, прикрывавшую его живот, приподнял ее и обнажил волосатый живот.

— Он ударил меня ножом! Я помню боль в своих легких!

Мы оба опустили глаза и осмотрели его живот, когда он повернулся на месте, но там не было рваных ран или ножевых ранений. Призрак сбросил рубашку, его тело затряслось.

Затем он посмотрел на меня странными бледными глазами. — Но я это почувствовал. Он, черт возьми, вонзило в меня нож.

— Он? Ты имеешь в виду Эрла? Бэк?

Мой желудок сжался. — Джулиан?

— Нет! — закричал он. — КЛОУН!

Джулиан

Позднее той же ночью.

Я сказал ей то, что должен был сказать себе за все эти годы. Я сказал ей все то, с чем не мог смириться сам.

Фэллон Гримальди несла на своей душе то же пятно, что и я, от тяжести отвержения и оскорблений. Страх, застилавший ее глаза, отражал мой собственный, и, возможно, именно поэтому я это заметил — почему я съезжился от того, что она не могла видеть, что она была самой настоящей в этом городе обмана. Она несла ту же ложь, что и я, в течение двенадцати лет, но Фэллон Гримальди не была порабощена маской. Фэллон Гримальди не нужно было прятаться, изолироваться или становиться кем-то, кем она не была.

Фэллон была доброй, а не убийцей, как я. Чистая, не проклятая, как я.

Она была всем, чем я не был, и все же смотрела на меня — на меня — так, как будто мы были сшиты одной нитью.

Она посмотрела на меня, и это свело меня с ума, успокоило меня. Боже мой, я был спокоен, когда не заслуживал этого. Просто находясь рядом с ней, я чувствовал себя так, как будто она приставила нож к моей груди и разрежала меня, чтобы позволить моей тьме истечь кровью. Находясь рядом с ней, я чувствовал себя так, словно залез в себя и столкнулся лицом к лицу со своей душой. Быть рядом с ней? Это заставляло меня чувствовать себя уязвимым, выставленным напоказ, с разорванными шрамами, как открытая рана. И я сорвался. Сломался!

Я хотел наказать ее и поцеловать одновременно за то, что она заставляла меня чувствовать.

Я старался сохранять хладнокровие, держаться на расстоянии. Я пообещал себе, что сделаю это, но как я мог, когда она смотрела на меня через бар, как сейчас, ее голубые глаза бросали вызов и наполняли меня своим лунным светом. Как будто я не убил человека меньше двадцати четырех часов назад. Как будто я это заслужил!

И как будто ее невинность уже не морочила мне голову, ей пришлось надеть поверх нее облегающее черное платье. Девушка не могла быть выше 5 футов 2 дюйма, но эти ноги, ее белые волосы были собраны, выставляя засос, который я оставил ей на всеобщее обозрение.

Я хотел, чтобы Фэллон Гримальди никогда не забывала проклятого язычника, который появился в ее комнате — предупреждение держаться подальше от леса. Это было для ее же блага.

Ненавидь меня, лунная девочка. Ненавидь меня, как и все остальные. Ненавидь меня так, как я ненавижу себя.

Потому что, если ты этого не сделаешь, один из нас убьет тебя, и это, вероятно, буду я.

— Джулс, твой ход, — пропел Зеф, обходя бильярдный стол. Я допил остатки своего напитка и поставил его на полку.

Мы приходили в Вуду каждую пятницу вечером с тех пор, как были детьми, точно так же, как наши папы со своими отцами. Порванный зеленый фетр на боку был с тех пор, как мне было четыре года, я зацепил его, когда играл своей коричневой игрушечной машинкой

Сamaro Hot Wheels 1968 года выпуска. Чтобы спрятать машину, я засунул ее в боковой карман и в дыру, и с тех пор она там застряла. Машина теперь стояла по меньшей мере три тысячи долларов, и единственным способом вытащить ее было разобрать бильярдный стол. А нам очень понравился бильярдный стол.

Вмятина в правом углу появилась, когда Бэку было тринадцать. Я украл бутылку из трейлера Эрла. Пьяный Эрл пришёл сюда, схватил Бэка за затылок и ударил им об угол, потому что Бэк отказался меня выдать. Два шрама в тот день, когда Пьяному Эрлу в последний раз разрешили войти в Вуду.

Мой большой палец задел трещину в кии, когда Маверик шлепнул сестру Зефа по заднице, мне было шестнадцать. С тех пор у Маверика замедлился шаг. Скол в трехмерном шаре? В первый раз Феникс Уайлдс сорвался на публике, и никто из нас толком не знал, почему он бросил его через стойку шесть лет назад. Дыра все еще была там, вокруг нее была пустая деревянная рама.

Он поставил на ней дату и пометил: «Стрелок».

Мы учились ходить вокруг этого бильярдного стола и с тех пор ходим вокруг него каждую пятницу вечером.

У нас было только два правила, когда мы играли в эту игру: никакой магии и никого больше. Бильярдный стол принадлежал Полым язычникам.

Я перевел взгляд на Фэллон, увидев, как рука Кейна скользит по ее бедру под стойкой. Бильярдная клюшка слишком сильно скользнула между моими костяшками пальцев, ударив восьмеркой по мячу. Фэллон поерзала на своем сиденье, явно чувствуя себя неловко, и моя челюсть сжалась.

— Ты думаешь, она знает? — Спросил Бэк, я услышал его, но не ответил. — Ты знаешь, что она была в моем трейлере некоторое время после того, как выгнала всех. Это странно.

Бэк беспокоился о том, что кто-то узнает, что я убил Джури Смита, а меня беспокоило только то, что Кейн Прюитт прикасался к ее бедру, когда меня не должно было это беспокоить. — Мы должны были просто сжечь тело, как в прошлый раз.

Я уловил все слова, которые он сказал, но глаза Фэллон были прикованы ко мне, рука Кейна лежала на ее бедре.

Бэк толкнул меня в плечо. — Посмотри на себя, чувак. Ты здесь, и тебя здесь нет.

— Я слушаю, — настаивал я, бросая на него взгляд. Зеф снова сложил шары, пока я стоял рядом с Бэком, снова сосредоточившись на Фэллон и крепче сжимая кий для бильярда. — Она ничего не сможет доказать.

Я убил Джури Смита. Джури явился в трейлер Эрла с ножом, обезумевший и не в своем уме, как будто его кто-то принудил или заколдовал. Ни Эрл, ни Бэк не были виноваты в том, что случилось с Джури, и не было другого выхода, кроме как убить его. Джури Смит отправился в трейлер только с одним намерением — уйти с окровавленными руками, так что я принял решение. Всё зависело от меня. И безопасность Ковена Норвежских Лесов всегда была на первом месте.

— Мы с тобой оба знаем, что мертвые могут говорить, — продолжил Бэк.

Я посмотрел на него, когда его глаза метнулись к Зефу, а затем снова ко мне. Его голос понизился до шепота: — Кажется, все забывают, что она тоже Гримальди. Ее мать знала эти леса лучше тебя, и это о многом говорит, Джулс. Фрейя всегда бродила по нашим лесам, разговаривала с мертвыми, — сказал он. Мне хотелось смеяться. Никто не знал леса лучше меня. Фрейя Гримальди, возможно, и гуляла по лесу, но я ночевал в нем. Сумеречный

лунатик, свернувшийся калачиком в утробе скандинавского леса, как будто я родился на его холодной, твердой земле. — Что, если она такая же, как ее мать? Неужели я единственный, кто думает, что мы должны прижать ее? Разузнать, что она знает?

Зеленые глаза Зефа метнулись к нам. Он слышал.

Только через мою кровь тени я бы позволил Зефу или кому-либо из них приблизиться к Фэллон.

— Прижать ее только дало бы ей повод любопытствовать, и, честно говоря, я не парюсь об этом. Я сделал это. Я убил Джури, а не ты. К тому же, нет никаких доказательств. Пусть мертвые поют свою песенку. Фэллон все еще ничего не сможет доказать.

Зеф сжал в кулаке кий для бильярда.

— Если она нарушит планы...

Я выдавил из себя смешок.

— Ты думаешь, что чужеземка с рыбьими мозгами может провалить план? Тот самый план, который разрабатывался годами?

Я прищелкнул языком, изображая свои чувства:

— Ты слишком переоцениваешь ее.

Я обернул руку вокруг его шеи сзади и сосредоточил его внимание на Фэллон.

— Посмотри на нее. Спина прямая, костяшки пальцев побелели от выпивки, она даже не может посмотреть в глаза своим новым друзьям. Ей едва ли удобно.

Со мной ей никогда не было неудобно.

— Она просто испуганная, неуверенная в себе девушка. У нее не хватит смелости перечить Кейну, не говоря уже о нас.

Я не мог поверить своим собственным словам. Почему я защищал ее от своих?

Я отпустил Зефа, его глаза посуровели. Но мой пристальный взгляд оставался на Фэллон, пока ее потерянные глаза смотрели в никуда в глубокой задумчивости. Я прислонился спиной к кирпичу. Она часто так делала, когда была рядом с ними. Исчезала, но все еще там. Куда ты направляешься, когда делаешь это, Фэллон?

После очередного раунда того, как Зеф надрал мне задницу, мы забились в угол, пока ди-джей прокручивал песню через динамики. Большинство покинуло бар, чтобы потанцевать, и Феникс освободился, наконец-то налив нам по рюмке. Фэллон стояла в стороне, качая головой, когда рыжая потянула ее за руку к танцполу. Я выпил рюмку под клапаном маски, вытер уголки рта двумя пальцами и положил локоть на стойку, наблюдая за ней, пока парни разговаривали вокруг меня.

— Привет, — сказала девушка, перекрикивая громкий бас, нервно приближаясь со своими двумя подругами, идущими следом.

Они вели себя сдержанно и боялись нас, как и должно быть. Обычно с нами никто не разговаривал — никто к нам не подходил, — но время от времени находились смельчаки, которые приходили на вызов или задание, чтобы проверить, смогут ли они провести ночь с язычником. Любопытно узнать, на что это было бы похоже, посмотреть, есть ли у нас вообще сердце, или попытаться изменить нас. У монстров тоже могли быть сердца, и правда заключалась в том, что у нас было сердце, как и у любого другого живого существа. Но мы не могли позволить никому подойти достаточно близко, чтобы почувствовать его, увидеть его, принять, сформировать это.

Нам приходилось отталкивать их, чтобы защитить.

Потому что, когда люди сближаются с нами, они умирают.

Глаза Бэка были прикованы к напитку в его руке. Феникс сосредоточил свое внимание на баре, а я снова сосредоточилась на танцполе, наблюдая, как Фэллон неловко раскачивается на месте с соломинкой в зубах.

— Мои друзья уговорили меня прийти сюда, — продолжила девушка, но никто из нас не открыл рта, чтобы заговорить с ней. В конце концов она свалит.

Остальная часть молчаливого и неловкого отказа отошла на задний план, когда Кейн потянул Фэллон глубже в толпу, ее напиток расплескался по ногам. Я напрягся в своем кресле. Фэллон толкнула его в грудь, качая головой, когда ее взгляд метнулся вокруг, остановился на мне. Она не хотела этого. Я сжал в кулаке свой напиток.

— Ни одного танца? — девушка попыталась снова.

Руки Кейна скользнули вниз по бокам Фэллон. Белая рубашка, которую она носила под облегающим платьем, задралась по бокам, открывая ее гладкую белую кожу. Я приподнялся над стойкой и вслепую потянулся за бутылкой.

— Не интересно, а теперь двигайся дальше, — раздраженно проговорил Феникс, отмахиваясь от чужеземцев, пока они не убежали. — Ради всего святого, я не кусок мяса, — прошипел он себе под нос.

И я отхлебнул из бутылки, пока Кейн использовал свои методы в отношении Фэллон, заставляя ее расслабиться.

Прюитты были Морскими Ведьмаками, обладавшими способностью управлять погодой, морем и маленькими фриками, если они их хотели. Кейн мог обманывать и влиять на умы, а в свой худший день проникать в сознание, дарить влажные сны, наполненные похотью фантазии и заставлять любого влюбиться в него. Благодаря дедушке Кейна нам всем было запрещено использовать нашу магию в открытую — особенно с тех пор, как население чужеземцев увеличилось, — но Кейн развлекался.

Его нападение на Фэллон было для меня настоящим шоу. Манипуляции Кейна подействовали на нее. Его руки скользнули в прорези платья по бокам, и ее задница задела его брюки цвета хаки. Его глаза встретились с моими, победный взгляд, в то время как губы Фэллон растянулись в пьяной улыбке — опьяненная его чарами.

— Не надо, — всезнающе прошептал Бэк мне на ухо, оценивая направление моего взгляда. Я никогда не мог ничего скрыть от него — никогда не мог притворяться с ним. — Он смотрит, как ты отреагируешь.

— Я не играю в игры.

— Я знаю, чувак. Я просто говорю.

Кейн одарил меня дерзкой ухмылкой, его руки сжали обнаженную плоть Фэллон, и я швырнул пустую бутылку в мусорное ведро на другой стороне бара. — Я ухожу.

Зеф склонил голову набок, наблюдая, как я надеваю пальто. — Еще рано.

Мои глаза посмотрели на Фэллон из-под ресниц, когда я поправил пояс, смешанное с гневом головокружение, кипящее прямо под моей поверхностью, которое я не мог до конца понять. Если бы Зеф или Феникс заметили, как сильно она меня волнует, они могли бы сделать что-нибудь глупое. Они могли причинить ей вред, избавиться от нее. Я не мог так рисковать. Причина, по которой я предупреждал Фэллон держаться подальше от леса, подальше от них, подальше от меня.

— Мне нужно быть в автомастерской рано утром.

Когда я выходил, тьма затянула меня в себя.

Глава 13

Фэллон

Ветер расчесывал мои волосы и ласкал мои щеки, когда я шла домой из бара как в тумане. Клубящиеся облака — цвета мокрого пепла — ползли по черному небу, и в воздухе витало дыхание влажной смерти. Крупные капли дождя падали, как из протекающего крана, забрызгивая мое лицо и промокшую одежду. Дождь подходил к концу. Вода плескалась в моих кожаных седельных туфлях, и пучок в моих волосах упал, свисая с меня мертвым грузом.

Кейн и девочки предложили подвезти меня домой, но я сказала им, что мне нужно подышать.

Мне нужен был воздух, пространство и возможность быть подальше от них, но тишина была оглушительной, ночь шептала, и паранойя покалывала мою шею, когда мои ноги спотыкались на Приморской улице.

Я не знала, который сейчас час. Время здесь текло одновременно быстро и медленно. Как будто его вообще не существовало, место промежуточное, предельное пространство. Может быть, это было то место, где я была с самого начала. Воюющая Лощина, скрытый город, оставленный в неопределённости.

Когда я повернула за угол на Городскую площадь, вокруг меня завыл ветер, и засос на моей шее забился под кожей, притягивая Джулиана. Он был в моей голове. Он был везде и нигде. Я не могла убежать от него.

Тогда-то я и услышала это.

Тихие всхлипы поднимались и опускались, растворяясь в воздухе. Я повернулась, осматривая дорожку позади себя, вокруг себя, всю пустую городскую площадь, пока мои глаза не остановились на серебристом контуре.

На ступеньках беседки сидел маленький мальчик в рубашке в красную и белую полоску, обняв колени, прижатые к груди. Сначала он был не более чем мерцанием тумана, за ним виднелась лестница — плохо сделанная фотография из времен, когда я еще не существовала.

У меня перехватило дыхание в легких. Мой пульс ускорился. Я должна была привыкнуть к подобным ситуациям, но адреналин был все тот же.

Это был тот же призрак, который привел меня к обезумевшему Джулиану в лесу всего несколько ночей назад. Он был так молод, всего лишь малыш, и так растерян, что это медленно разрывало мне сердце. Моя поза стала жесткой, когда я уставилась в его печальные глаза, которые были полны слез, когда его крошечные ручки сжались в кулаки.

И призрак вскочил на ноги!

— Джай, — крикнул он. — Джай, остановись! Прекрати! Джай, нет!

Он промелькнул через лужайку, приближаясь, кружась на ветру.

Сила ветра отбросила меня назад, к кирпичу аптекарского магазина, когда он появился передо мной. Его лицо было бледным и покрытым пятнами, волосы мокрыми, в глазах была смесь боли и страдания.

— ДЖАЙ, НЕТ! — закричал он, и я почувствовала, как его сердечная боль погрузилась в меня.

Снова подул холодный ветер. Это было похоже на ловушку в моих костях, как будто мое тело было дверью, которую оставили широко открытой для ледяного ветра, захлопнувшейся только для того, чтобы снова открыться — дом с привидениями, живущий внутри меня.

И дух испарился, как статическое электричество, превратившись в ничто. Он исчез.

— Джай, остановись, — продолжал его жуткий шепот, и я последовала за звуком вниз

по тропинке.

Я не знала почему, но этот дух нуждался во мне. Маленький мальчик был таким сильным, таким безжалостным, таким решительным, и я должна была помочь.

Мои ноги подскочили, когда раздались его крики, и я обезумела, когда эхо затихло. Я добралась до переулка и бросилась в глубину кромешной тьмы, понятия не имея, куда он меня ведет.

Я бежала, бежала и бежала, мои ноги онемели, а пятки покрылись волдырями, пока мои ладони не уперлись в сетчатый забор с другой стороны за торговым центром. Под единственным жужжащим уличным фонарем Джулиан стоял посреди баскетбольной площадки голой спиной ко мне, его плечи и мышцы напрягались, держа девушку за горло в воздухе. Девушка, которую я не узнала. У нее были короткие черные волосы, но не Айви. Кто-то другой.

— ДЖАЙ, НЕТ! — крикнул дух мне в ухо.

Крик разорвал воздух и все вокруг меня. Оглушительный звонкий крик. Крик Джулиана.

Я попыталась пробиться сквозь это, и мои пальцы вцепились в забор, когда я дергала взад и вперед.

— Джулиан!

Он меня не слышал. Он даже не вздрогнул.

— Джулиан!

В панике мой взгляд дернулся в поисках выхода. В дальнем конце был еще один. Я двигалась быстро, проходя мимо мужчины, который спал, прислонившись к мусорному контейнеру, или был мертв. У меня не было времени проверить.

— ДЖУЛИАН!

Я попыталась перекричать его. Это было невозможно.

— ОСТАНОВИСЬ!

Лицо девушки посинело, а из ушей потекла кровь, когда он высоко поднял ее под тусклым и гудящим светом. Он был заперт в другом мире, в оцепенении. Со всей силы я врезалась в него, повалив Джулиана на землю и вырвав девушку из его рук.

Часы казались короткими. Секунды казались длиннее, но прошло не так уж много часов.

Девушка откашлялась, жизнь вернулась в нее, когда она, спотыкаясь, поднялась на ноги и побежала через баскетбольную площадку. В голове стучало, лицо прижималось к холодному бетону. Я ничего не слышала. Как будто в моей голове взорвалась атомная бомба. Но крики Джулиана прекратились. Я знала это очень хорошо.

Я моргнула, наблюдая, как она бежит и зовет на помощь. Джулиан лежал рядом со мной, его штанина касалась моей голой ноги, его рука прижималась к моей, он смотрел в полуночное небо, как будто хотел быть его частью. Было холодно и мокро. Я дышала. Джулиан дышал. Девушка, которую он чуть не убил, тоже дышала, бежала и была жива. Я закрыла глаза и снова открыла их, не в силах отодвинуться от него, как будто мы стали одним целым.

Должна была быть причина, по которой меня тянуло к нему, будь то я, этот призрак или что-то совершенно другое. Должна была быть причина, по которой я не умерла, увидев его лицо, как все остальные. Все это должно было что-то значить...

Туман в моих ушах медленно рассеивался. Грудь Джулиана расширилась, и я заметила печаль, вырывающуюся в глухом дыхании за его маской.

— Что со мной происходит? — он прохрипел в ночь, свет луны и звезд коснулся его очертаний. Его форма, его очертания, его грани, его цвета. Джулиан был мрачным и ярким, как болезненное черное солнце.

— Я не знаю, — сказала я ему, перекатываясь на спину и глядя вместе с ним в небо. Облака ползли по усыпанному звездами холсту, ленты чернил и вечности. — Что ты помнишь?

Какое-то мгновение Джулиан молчал. Ночь тоже молчала. Это было так, как если бы мир перевернулся с ног на голову или мы перенеслись куда-то еще, где не жило беспокойство. Все было спокойно.

— Ничего. Я лежал в своей постели. Теперь я лежу здесь. Теперь я с тобой. И это приятно. Я не хочу уходить.

Я тоже не хочу уходить. — Это часто случается?

— Не знаю. Я больше ничего не знаю. Такое чувство, что мной что-то управляет... У меня нет воли. Я — это не я... Я — нечто другое. Что-то темное. И у Тьмы нет пальцев, чтобы вцепиться в меня, или ног, чтобы преследовать меня. Она не преследует меня и не охотится на меня. Она не может затянуть меня никуда, потому что Тьма уже здесь. Везде... Все время... Она живет внутри меня. Это все, чем я являюсь. Я — Тьма.

Его плечо расслабилось рядом со мной. — И ты все еще здесь. Почему ты все еще здесь?

Почему я все еще здесь? Он имел в виду в Воющей Лощине? На этой баскетбольной площадке? С ним?

У меня не было ответов. Даже если бы были, ни один из них не имел бы смысла ни для кого, но все это имело смысл в моем сердце. Я все еще была здесь, лежала рядом с Полым Язычником, потому что это казалось знакомым и нормальным. Если бы я не была здесь с ним, сама мысль об этом не имела бы для меня смысла.

Итак, я заключила все это в шесть слов: — Потому что я хочу быть здесь.

Джулиан перевел дыхание. Все, что он делал, было таким громким в моей атмосфере, независимо от того, как далеко он был. Его дыхание гремело в моих ушах, как барабанная дробь, и каждое движение его длинных черных ресниц было похоже на ноты, отскакивающие от виолончели. Он был громким и наполнял меня, делая тяжелые вдохи и выдыхая их.

— Хорошо, — сказал он мне. — Мы можем просто полежать так некоторое время?

Кулак его слов обхватил мое сердце, заставляя его биться сильнее в груди. Мой пристальный взгляд следовал за углами его силуэта, за его густыми черными волосами и твердостью в его фигуре, когда он лежал рядом со мной. Он был весь наизнанку, носил свою душу, как кожу, — и его душа была прекрасна. Не прекрасна, как роза, но прекрасна, как Черная Бархатная петуния.

Никогда в своей жизни я не встречала более очаровательного мужчину, чем он. В его глазах обычно было безумие. Его мышцы как-то напряглись, возможно, от бремени, которое он мог нести. Но были моменты, такие моменты, как этот, когда они излучали ностальгию и тоску в равной пропорции — сладкую смесь меланхолии.

И бремя Джулиана, должно быть, безумно и тревожно, учитывая город и проклятие, превращающее его в этот кошмар, который скрывался в тени. Но, несмотря на все это, он был способен на такую ледяную мягкость, и мне хотелось завернуться в него и заснуть в его холоде.

Я медленно протянула к нему руку, пока мои пальцы не коснулись его. Я наблюдала,

как его глаза на мгновение закрылись, прежде чем снова открылись, вероятно, пытаюсь понять эту странность, которая жила во мне. Фрик. Существо, похожее на призрака, — нечто необычное. Но я не почувствовала его отстраненности, признак того, что он, возможно, нашел и принял это.

Джулиан повернул голову и посмотрел мне в глаза, проводя кончиком пальца по всей длине моей ладони. Он переплел свои пальцы с моими.

И мы лежали там на спине, сцепив руки, и снова смотрели в звездное полуночное небо.

Больше не было необходимости разгадывать его, задавать ему вопросы.

Только быть рядом с ним. Быть настоящей, как сейчас.

Джулиан Блэквелл был проклят, теперь и я тоже.

Глава 14

Джулиан

После того, что произошло во время собрания в Мэрии и смерти Джури Смита, я знал что это всего лишь вопросом времени, когда меня вызовут сюда, в Палаты Ордена.

Это был не первый раз, когда меня приглашали. Да, Орден пригласил меня официальным приглашением, отправленным по почте и доставленным прямо в руки в дом моей матери, с печатью Ордена поверх конверта.

К счастью, Оушен, бездомный, который спал за закуской Мины, был в отключке и не стал свидетелем моего покушения на чужеземку на баскетбольной площадке, когда я был не в себе. Девушка, которую я чуть не убил, была пьяна, ее история вряд ли заслуживала доверия. Офицер Стокер явился в автомастерскую для допроса. Я сказал ему, что она приставала ко всем нам в Вуду, и мы ей отказали. Что я пошел прямо домой после того, как вышел из бара. Куча полуправды, которая только превратила монстра в труса.

Но, стоя перед Орденом рядом с самодовольным Кейном Приюиттом, я понял, что это не имеет никакого отношения к тому, что произошло в трейлере Эрла или на баскетбольной площадке. Мы все собрались здесь по другой причине, и я вдруг пожалел, что это не связано с тем, что я убил Джури Смита или напал на девушку, потому что я знал, что это имеет прямое отношение к Фэллон.

Палаты располагались в подвале под беседкой. Августин Приюитт, Виола Кантини, Кларенс Гуди и моя мать Агата Блэквелл сидели на верхней ступеньке лестницы за своим длинным столом, составляя четверку в Ордене. Два заветных символа висели на каменной стене над Орденом, защищая Комнату. Пятиконечная звездная пентаграмма представляла Ковен скандинавских лесов, пять первоначальных семей из стихий земли, воздуха, огня, воды и духа — Полых язычников.

С другой стороны, кельтский узел, представляющий Священный Морской Ковен — Воющих Ведьм.

Свечи горели в различных карманах в стенах комнаты, вдоль пола и вверх по лестнице, ведущей в Орден. Независимо от времени года, в комнате оставалось сыро, холодно и при той же застойной температуре.

Атмосфера была непохожа на ежемесячное собрание в мэрии; ты не можешь высказаться, если к тебе не обращаются, чужаков, которые не были нашими предками, не жаловали — кроме Мины Мэй — и наказание в отношении члена ковена было намного хуже, чем в отношении чужаков. Нас вряд ли жаловали в нашем собственном городе, но я понимал причину этого.

У нас была магия. У нас было преимущество. У них нет.

Отсюда и причина, по которой Мина Мэй сидела в углу комнаты, всегда выступая посредником. Предки Мины были одними из первых жителей равнин, прибывших в конце 1800-х годов, когда мы уже заняли эту землю. Как мы узнали из истории, наши ковены были потрясены тем, как они нашли город и смогли пройти через защитный щит — мы все еще не можем понять этого по сей день.

После их первого прибытия новая семья, пара или одинокий житель равнины таинственным образом прибывали и поселялись каждое проходящее десятилетие. Некоторые узнали о наших обычаях, наших верованиях и выбрали ту или иную сторону. Некоторые держались особняком, но все же стремились в маленьком городке Воющая Лощина своими талантами и занятиями сделать город таким, каким стал сегодня. Мы стали зависимы от чужаков, единственных, кто мог входить и выходить из города через защитный щит.

И семья Мины пользовалась большим уважением в сообществе, став голосом жителей равнин и следя за тем, чтобы каждое решение, принятое Орденом, было справедливым, а также для их безопасности. Своя добрая фея города.

Я стоял во весь рост, заложив руки за спину. Сын Виолы Кантини, Сайрус, сидел позади нас. Мы выглядели одинаково, как будто происходили из одной семьи, оба высокие, с черными как смоль волосами и светлыми глазами, но мы были из двух разных миров в одном городе. У меня никогда не было вражды с Сайрусом. Он был сам по себе, никогда не доставляя проблем норвежским Лесам или язычникам. Но я понятия не имел, почему он был здесь, какое отношение он имел к Фэллон или почему собралась эта группа. В этой маленькой комнате я был в меньшинстве среди морских ведьм.

Я сохранял позу статуи, спрятав всю свою слабость по отношению к Фэллон.

В центре стола сидел Августин Прюитт, перед ним лежала стопка книг. Я сразу узнал Книгу Блэквелл, серебряную обложку. Мы выучили отрывки из каждой книги, когда учились в академии, только одобренные скопированные отрывки. Однако перед Орденом лежали оригинальные книги, недоступные для остальных из нас, несомненно, содержащие историю нашего дома, наших семей, заклинаний и проклятий, наложенных на город, и Блэквеллов с теневой кровью.

Мистер Прюитт сдвинул очки на нос и, закусив губу, принялся листать потрепанные страницы. — Сначала мы обсудим неосторожную магию в Вуду. Кейн, что ты видел?

— Это не была магия, созданная стихиями, — заявил Кейн в своих гребаных лодочных ботинках и поло, уверенный в себе. — Это была магия, которую мы не видели в городе со времён... — он сделал паузу, отводя глаза от отца и глядя в землю, — Джавино Блэквелл.

Если Агата и расстроилась, то виду не подала. Было бы неудивительно, если бы ее сердце было выковано из самого прочного железа с примесью золота кузнецом ее души. Она была доброй и чуткой к тем, кто заслуживал ее сострадания, но скрывала свои собственные эмоции и уязвимость, как плащ, с тех пор, как потеряла мужа и сына.

— Мы знаем, что Блэквеллы — это теневая кровь, — высказался мистер Гуди в Зале, всегда защищая мою семью. — Пусть это будет урок истории, хорошо? Их стихия — дух, содержащий все четыре других элемента, и это включает в себя темную пустоту. Это не совсем новая информация, все это знают.

Он повернулся к Августину.

— Джулиан был замечательным гражданином, не проявляя никаких признаков своей теневой крови.

— Джулиан? — резко сказал мистер Прюитт, его идеально подстриженные брови

сошлись над очками. — Не мог бы ты рассказать нам, что произошло?

— В ту ночь в баре было более шестидесяти человек, включая как ковены, так и чужаков. Это мог быть кто угодно.

Как долго еще я мог прятаться за этими полуправдами? Это была моя вина, хотя это и не могло быть доказано. — Несмотря на то, что произошло, никто не пострадал, и ни с одной из сторон нет веских доказательств.

Краем глаза я заметил, что Мина удовлетворенно кивнула.

— Сайрус, ты был там. Не мог бы ты, пожалуйста, рассказать мне о событиях того, что произошло? — попросил мистер Прюитт.

Кейн повернулся лицом к Сайрусу. Я нет. Я был немного знаком с динамикой Священного Моря. Была причина, по которой отец Фэллон назначил мать Сайруса, Виолу, занять его должность до того, как он ушел двадцать четыре года назад. Кантини были известны своей жестокой честностью и надежностью и жили по Закону отдачи: какую бы энергию человек ни излучал в мир, положительную или отрицательную, она будет возвращена этому человеку трижды. Норвежские леса тоже жили по этому закону, или, по крайней мере, мы привыкли. Я не сомневался, что Сайрус честно расскажет об этих событиях.

Кейн стиснул зубы рядом со мной, когда Сайрус громко и ясно рассказал о том, что произошло ночью в баре, о вспышке гнева Кейна и его плохих действиях. Слово за словом Сайрус предавал своего друга, как я и предполагал. Чего он не упомянул, так это своих мыслей о том, откуда взялась таинственная буря.

— Я вижу, все это связано с Фэллон Морган, — пробормотал мистер Прюитт себе под нос, обеспокоенный фактами и сильно разочарованный, если не смущенный, своим сыном. — Позвольте мне внести ясность, чтобы щит остался нетронутым, необходимо соблюдать законы, которые мы изложили сегодня вечером, — напомнил он всем в зале, что заставило мою грудь сжаться.

— Порядок и все под куполом должны оставаться сбалансированными.

Затем комнату заполнил голос Виолы Кантини.

— Тобиас доверил Священному Морю безопасность Фэллон, если она когда-нибудь вернется по причинам, которые я не могу раскрыть. С этого момента она находится под защитой Священного Моря.

Зеф говорил мне это, услышав шепот среди ковенов с той ночи, когда она прибыла. Кейн выплюнул те же слова в Вуду после того, как я поймал ее, когда она упала со стойки. Что она не была жительницей равнин — не свободной, — но со Священным Морем. Даже мое подсознание предупреждало меня, но, казалось, ничто другое внутри меня не хотело этого слышать. Пока я стоял твердо, казалось, не сломленный новостями, я, черт возьми, разваливался на части внутри.

В голове у меня стучало. Моя челюсть сжалась. Мои глаза закрылись.

Воспоминания о той ночи, когда она нашла меня в лесу одного на дне, яростно всплыли на поверхность, как атлантические волны, разбивающиеся об острые скалы. Она не убегала от меня. Она просто стояла рядом со мной, пока мои страхи не овладели ею. Фэллон смогла успокоить меня так, как я никогда не ожидал, выправив сломанную струну в моем сердце, и взял ее, оживив в успокаивающей песне, как соловей из скандинавских лесов. Часть меня знала, что это произойдет, когда я впервые встретил ее на скалах. Я пытался не обращать на это внимания, но было слишком поздно. Мы соединились, своего рода связь, которая

казалась такой же неземной, как этот самый город и жители, которые в нем жили. И так же нереально было пытаться объяснить это Ордену, причины моего странного поведения в последнее время.

Как мне избавиться от нее, и быстро?

— Была причина, по которой Тобиас забрал ее, — заговорила моя мать, удивив всех. Она никогда не высказывалась против мистера Прюитта, и мои глаза метнулись к ней, желая услышать, что она хочет сказать. — Ни он, ни Фрейя не хотели, чтобы она была частью этого. Я сама говорила с Фэллон. Ее единственная цель — проследить, чтобы Бенни выздоровел. Я сомневаюсь, что она проявит интерес к тому, чтобы быть частью ковена, не говоря уже о том, чтобы остаться.

— Она не может уйти. Город ей этого не позволит, — возразил мистер Гуди.

Он был прав. Сама того не ведая, Фэллон въехала в город под тяжестью Черничной Луны. Потребовалась большая мера единства и магии, чтобы позволить ей и Тобиасу уехать двадцать четыре года назад, что для большинства оставалось загадкой относительно того, кто был причастен к их побегу. Я наблюдал за ней из леса в ту ночь, когда она снова попыталась уйти, ожидая, что город остановит ее, надеясь, что она не пострадает в процессе.

Хотя ни мистический город, ни Орден не позволили бы ей снова сбежать, мысль об отъезде Фэллон напрягла каждый мускул. Если бы она уехала, мне было бы легче, но я не знал, что хуже. По крайней мере, когда она здесь, возможность увидеть ее воспекает мою мазохистскую душу.

— Фэллон Морган принадлежит Священному Морю, — окончательно сказал мистер Прюитт, когда книга захлопнулась. Облака пыли сорвались со страниц одновременно с моим сердцем.

— Кейн, у тебя есть какой-нибудь интерес к этой девушке?

Я не мог перестать напрягать мышцы — слабая попытка сдержать этот гнев, эту бурлящую громкость в моем позвоночнике.

Взгляд Кейна метнулся ко мне. — Нет, честно говоря, меня не интересует девушка Морган, — он оглянулся на своего отца, — но помни, что я все равно сделаю это ради ковена, и я позабочусь о том, чтобы она чувствовала то же самое ко мне.

И дикое чувство в моей груди раскололось и разорвалось на части, неспособное понять, что происходит вокруг меня.

— Очень хорошо, — объявил Августин Прюитт. — Девушка Морган находится под защитой Кейна. И, сынок, сделай то, что тебе нужно, чтобы убедиться, что она пройдет посвящение в Священное Море к Мабону.

Убедиться, что она посвящена в Священное Море? Они заставят ее?

— Нет, это неправильно! — крикнул я в зал. — Чем она отличается? Почему она нуждается в защите? Почему у нее нет выбора, как у других?!

Мое зрение затуманилось, и я посмотрел на Агату, которая смотрела на меня с ужасом в глазах. Возможно, она думала так же, как и весь остальной город, что я схожу с ума. Что моя теневая кровь возьмет верх, и история повторится. Но это решение явно противоречило тому, за что мы выступали, и у Фэллон отнимали свободу — ее самый большой страх. Агата должна была чувствовать то же самое и понимать эти вспышки гнева, которые я больше не мог контролировать.

Но Агата медленно покачала головой, умоляя меня не устраивать сцен. Я прищурил глаза и заскрежетал зубами под маской, молча умоляя ее заговорить — сделать что-нибудь.

— Как ты думаешь, почему, Блэквелл? Защита от проклятых язычников! От тебя! — взревел Прюитт.

— Мы приняли решение. Это было то, чего хотел ее отец. Это окончательно. Ты не подойдешь ближе чем на двадцать футов к Фэллон Морган. Ты не будешь разговаривать с ней, принуждать ее, прикасаться к ней или даже дышать в ее сторону, если мы не прикажем. Она — Священное Море, и ты с язычниками будешь держаться на расстоянии.

Мои глаза сузились, глядя на мужчину.

— Ты лишаешь ее свободы воли! Как далеко ты готов зайти в этом деле?

Это было отвратительно. Фэллон отсутствовала двадцать четыре года, и теперь они отдавали ее мужчине, передавая как собственность.

— У нее должен быть выбор, вступать в ковен или нет.

Мистер Гуди и Агата обменялись взглядами. Виола подняла взгляд на Прюитта. И Прюитт поднялся на ноги, его щеки покраснели.

— Ты подвергаешь сомнению Порядок в Палатах, Блэквелл? Учитывая твою родословную, то, что сделал твой отец, и то, что мы все знаем, на что ты способен, было бы разумно отступить сейчас, или я приму меры.

Я шагнул вперед, но Агата вскочила на ноги прежде, чем я успел высказать свое мнение. — Это правильный поступок, Джулиан. Это то, чего хотел ее отец. Я знаю, это кажется несправедливым, но это всего лишь одна девушка.

Она посмотрела на меня так, как будто я сошел с ума, и, возможно, так оно и было. Я никогда раньше не подвергал сомнению Приказ, никогда не навлекал на себя гнев, но это все равно не исправляло ситуацию.

— Пожалуйста, Джай, — взмолилась Агата сквозь стиснутые зубы. — Отступи.

Позже той ночью я нашел Бэка в своей комнате, он сидел на краю моего матраса с дымящейся кружкой в руке рядом с Джоли, которая крепко спала в моей постели. Горячий аромат белого жасмина и меда в чае наполнил маленькую спальню, неся с собой цветочные лепестки. Любимый чай Джоли. — Что здесь делает моя сестра?

Чаще всего, если он не работал, он был здесь. У Бэка не было братьев и сестер, не говоря уже об отце. Его мать, жительница равнин, умерла вскоре после рождения Бэка. Она была любовницей на одну ночь и не поверила Эрлу, когда он рассказал ей о проклятии или о том, почему он должен был закрывать голову, и когда она посмотрела в лицо своего новорожденного, ее охватили страхи.

Бэк заботился о Джоли, как будто она была его родной сестрой. Он провел ладонью по гудящей голове и поднял взгляд. — Она и твоя мать поссорились. Она пришла сюда, чтобы найти тебя. Я уже был здесь, так что мы собирались поговорить. Я никогда не видел ее такой расстроенной, чувак. Я отлучился всего на пять минут, чтобы приготовить ей чай. Думаю, она плакала, пока не уснула.

Пот выступил на лбу и щеках Джоли, когда она спала в углу моей кровати, свернувшись калачиком под тяжелым одеялом. Ее влажные черные волосы прилипли к лицу, когда она слегка похрапывала.

— О чем это было? — спросил я, и Джоли зашевелилась под одеялом от наших голосов. Я кивнул головой в сторону двери, и Бэк еще раз оглянулся на Джоли, прежде чем встать и выйти вслед за мной.

— Не уверен, она отключилась прежде, чем я смог что-то разузнать, — сказал он мне в спину, когда я шел к холодильнику. Вероятно, это было связано с другими детьми в

академии. Братьям и сестрам Язычников было труднее всего в школе, и это был не первый раз, когда Джоли приходила ко мне домой расстроенная из-за них. Она за словом в карман не полезет, поэтому чаще попадала в неприятности, но за закрытыми дверями она была всего лишь пятнадцатилетней девочкой с большим сердцем.

Агата не смирилась с ее драматизмом.

Мы с Бэком каждый раз попадались на эту удочку.

Я открыл холодильник и наклонился, чтобы взять два пива, когда он продолжил: — Должен быть способ. Может быть, Орден...

— Нет.

Дверца холодильника захлопнулась, и я закинул одну пивную крышку на стойку и стукнул кулаком по крышке. Крышка отскочила прежде, чем я передал ему бутылку. Я уже знал, к чему он клонит. — Я только что вернулся из Палат, — продолжил я, повторяя те же действия со своей бутылкой. — Все не так, как было раньше. Это то, чего они всегда хотели. Священное Море хочет, чтобы Норвежский Лес потерял власть, я это вижу. Прюитту никогда не было дела до нашего проклятия, равновесия или нашего ковена. Они начинают отталкивать людей все дальше от нашего ковена, используя тактику запугивания. Прюитт заботится только о своих.

— Да, но твоя мать — член Ордена, — заметил Бэк. — Гуди тоже. В этих книгах должно быть что-то такое, чего никто раньше не пробовал. Мы должны их украсть. Мы должны положить конец этому циклу.

Я покачал головой, держа во рту горлышко бутылки, и указал на заднюю дверь, подавая знак продолжить этот разговор снаружи. Если бы Джоли случайно проснулась, ей не нужно было слышать ничего такого, что причинило бы ей еще больше горя или беспокойства. И Джоли будет волноваться, потому что именно такой была моя младшая сестра. Она всегда больше заботилась о ковене и язычниках, чем о себе, защищала нас, вступалась за нас, боролась за нас, даже когда мы умоляли ее остановиться. От этого ей стало только хуже.

Щелчком моего пальца яма для костра снова разгорелась, и мы вдвоем сели в большие кресла, которые мы с Фениксом соорудили из древесины поваленных берез. Бэк вытянул ноги и откинул голову назад, его бандана закрывала нос и рот, его голубые глаза смотрели в затянутое облаками небо.

Проклятие коснулось и нас, нам никогда не разрешали видеть друг друга или наши собственные лица.

— Почему тебя вызвали в Палаты? Это как-то связано с Джури? — наконец спросил Бэк, не отрывая взгляда от пола.

— Нет. В любом случае у них не было бы доказательств, что это был я.

Но если бы я сказал ему, что это из-за Фэллон, он бы увидел меня насквозь и узнал об этих... чувствах, которые мучили меня. Чувства, которые были странными, навязчивыми и незаконными и могли отвлечь мое внимание от наших приоритетов. Но он никогда не использовал бы это против меня.

Бэк был верным, сострадательным, понимающим, но в то же время бурлил эмоциями. Чувствительный человек, и когда его подталкивали или прижимали к стене, он либо разражался эмоциональной бурей из ада, либо замыкался в себе.

С первого дня Бэк принимал на себя чужую боль и страдания, как если бы они были его собственными. Но помимо способности так глубоко чувствовать, он был еще и экстрасенсом, что было для него одновременно и благословением, и проклятием, как и для

всех нас. Рождение с магией в наших костях имело свою цену. Обратная сторона. И у каждого она была. Моя была моей теневой кровью. У Бэка были его экстрасенсорные способности. Нашим недостатком было проклятие, которое никогда нельзя было снять.

И Бэк говорил о существовании Фэллон задолго до того, как она приехала.

Это был пьяный разговор поздней ночью много лет назад, когда он погрузился в транс и рассказал о девушке с белыми волосами и лунами в глазах, о том, как однажды она упадет с ночного неба и унесет меня с собой. Я знал, что она придет. Мы оба ожидали увидеть лунную девушку, но Бэк никогда не упоминал об этом чувстве, которое я испытывал с тех пор, как впервые увидел Фэллон, стоящую на скалах над морем, как будто она вызывала волны. Если Бэк и знал, что для нас значило возвращение Фэллон, он этого не озвучил. Он сказал мне только то, что мне нужно было услышать.

— Орден хотел услышать мою версию истории о том, что произошло в Вуду, — ответил я, постукивая талисманом на пальце по стеклянной бутылке. — Я прикрыл свою спину, но Фэллон теперь принадлежит Кейну. Августину не нужно было произносить слово «принуждать», но все в зал знали, что он имел в виду, — процедил я сквозь зубы, злясь на себя за то, что хотел поговорить о ней. — В общем, сделать все, что нужно, а моя мать сидела там и ничего не делала. Я не понимаю, почему она нуждается в защите.

Я бы никогда намеренно не причинил ей боль.

— Прекрати нести чушь, чувак, — Бэк опустил подбородок на пальцы, изучая меня. — Это беспокоит тебя, просто признай настоящую причину.

— Ты уже знаешь почему.

Он хотел услышать, как я это скажу, признать, что она что-то значит для меня. Это было бы единственным рациональным объяснением того, почему я, Джулиан Блэквелл, перепрыгнул через стойку бара, чтобы поймать ее на глазах у всех. Но вместо этого я посмотрел в лес и отпил из своего пива.

Да, я доверял Бэку, но с этими чувствами было достаточно трудно бороться в моем черепе. Я не мог представить, как произнесу их вслух и передам миру, лесу.

«E pur si muove», — произнес Бэк, затем отпил из своей бутылки под клапаном банданы.

Я посмотрел на него.

— Что?

— Она все еще вращается, — сказал он, сглотнув, проводя ладонью по гудящей голове. — Галилея под пытками заставили отказаться от своей теории о том, что земля вращается вокруг Солнца. Ты знаешь, что он заявил потом? После всех насмешек и оскорблений, когда все говорили ему, что он был неправ?

Я выгнул бровь, и он продолжил: — E pur si muove. Она все еще вращается.

Бэк наклонился вперед и положил локти на колени, встретившись своими голубыми глазами с моими. — Никакие побои, трепки или угрозы не могли отнять истину о том, что земля по-прежнему вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Несмотря на то, во что тебя учили верить всю твою жизнь, этот ручной человек, которым ты так старался стать, твои добродетели, твоя мораль, Орден или наш договор, ты не можешь игнорировать или убежать от своей правды, Джулс. Вороны все еще будут преследовать тебя, смерть все равно придет, и у тебя все еще будут чувства к этой девушке, и эти чувства не исчезнут просто так, потому что ты этого требуешь.

Он откинулся на спинку стула и глубоко и уныло вздохнул. — Несмотря на это, она все еще чертовски вращается, и ты ни черта не можешь с этим поделать.

После того, как Бэк ушел, я встал перед зеркалом.

Я стянул маску с лица, сделал глубокий вдох. Я поднял голову и посмотрел себе в лицо.

В одно мгновение я уже стоял на вершине Колеса обозрения и смотрел вниз. Ветер дергал мое пальто, бил по коже, желая сбить меня с ног. Желчь подступила к моему горлу. Мои ладони ударились о край раковины.

— Прорвись через это! — крикнул я, пот стекал по моей спине. Но у меня закружилась голова. Тошнота. — Я не боюсь, — повторял я снова и снова.

Колесный вагон раскачивался взад-вперед. Я был слишком высоко. Слишком далеко от земли. Слишком вышедший из-под контроля. Я заставил свои глаза оставаться открытыми, чтобы преодолеть высоту.

Пока борьба не стала невыносимой.

Рвота обожгла мне горло, и я наклонился вперед и плюхнулся в раковину. Слезы защипали уголки моих глаз и потекли по лицу, в которое я никогда не мог заглянуть, — дымящемуся зеркалу. Мои костяшки пальцев на краю раковины побелели, и я закричал, швырнув кулак в отражение, в котором были мои страхи.

Кровь хлынула из моих костяшек пальцев, когда я попытался сделать вдох. Тот, который мог бы удержать меня. Тот, который был нежным и тихим. Тот, который на вкус был как возрождение, а на ощупь — как Фэллон.

Я должен был увидеть ее снова — всего один раз.

Глава 15

Фэллон

Фэйбл слизнула пену с края своей кофейной чашки из пенопласта, когда мы сидели за угловым столиком в «Бобах» ожидая прибытия остальных: Мандэй, двух других сестер Салливан, Кейна и его друзей.

Солнце садилось, постепенно погребая то небольшое, что оставалось над Городской площадью. Наступил День Суеверий, и я наблюдала из кофейни, как торговцы расставляют киоски вокруг беседки, украшая город на предстоящую ночь.

Три недели прошло без разговоров с Джулианом. Наша последняя ночь вместе была под звездами на баскетбольной площадке. Я не могла перестать думать о нем — не могла оторвать глаз от поисков его на улицах. Я сделала еще один плоток своего латте с тыквенными специями и перевела взгляд на Фэйбл, когда она повторила мое имя.

— Майло сказал мне, что Джури умер от сердечного приступа, но я в это не верю, — продолжала она. — Это должно быть вина Бэка или Пьяного Эрла. Это заговор. Офицер Стокер, вероятно, замешан в этом, даже не потрудился провести расследование.

Правда заключалась в том, что Джури Смит вошел в трейлер с ножом, и он понятия не имел, почему, или, по крайней мере, так сказал мне Джури. Ему было трудно вспомнить что-либо, кроме того, что на него напали сзади. После того, как он увидел Пеннивайза, его сердце разорвалось в груди. Это мог быть Бэк. Это мог быть Пьяный Эрл. Это мог быть Джулиан.

Но если это был Джулиан, то им должно было управлять что-то другое, что-то темное, зловещее. Или он сделал это, чтобы защитить Бэка и Эрла. В конце концов, Джури был тем, кто появился с ножом. Джулиан никогда бы намеренно не причинил кому-то боль. Я отказывалась в это верить.

— Бедный мистер Джури, — добавила Фэйбл, когда я не ответила. — Ты знаешь, что он был посвящен в Священное Море всего за неделю до смерти. Какого черта он вообще там

делал?

— Он не всегда был ведьмаком?

— Нет, Джури и его девушка оба были жителями равнин. Не рожденные с магией в костях, не как семьи основателей, но любой может быть ведьмаком, если он исповедует викканские верования. Много лет назад он появился, когда его машина сломалась на Арчер-авеню, пришел в Воющую Лощину пешком ни с чем и с тех пор находится здесь. Долгое время Прюитт называл его ребенком из Колорадо, говорил, что он родился и вырос в горах, можешь себе представить?

— Ты дружишь с его девушкой

— Кэрри Дрисколл? Боже, нет, — непреклонно сказала Фэйбл. — Почти не разговариваю с ней. Эта девчонка пугает меня, чувак. Но мистер Прюитт съест ее готов, а она нашего возраста. Я этого не понимаю.

— Но Джури было пятьдесят три.

Разница в возрасте была немного велика — почти тридцать лет.

Фэйбл пожалала плечами и поджала свои темно-фиолетовые губы под маской костюма, которая соответствовала моей.

— Они также были полными противоположностями. Кэрри и Джури, я никогда этого не понимала. О, смотри, вот и Мандэй.

Фэйбл вскинула запястье.

Я обернулась и увидела Мандэй, машущую нам с другой стороны окна, а остальные столпились на углу улицы.

Когда мы вышли из кофейни, запах сосисок, пирожных с сахарной пудрой и карамельных яблок поплыл по Городской площади. С карнизов витрин свисали лестницы, а на мощеных дорожках и улицах валялись монетки, мерцающие в желтом свете фонарей, как медные бриллианты. Повсюду были установлены палатки в черно-белую полоску. Каждая палатка предлагала такие услуги, как гадание по ладони и пророчества, торговцы продавали хрустальные шары, карты таро, кристаллы и камни, сосуды для благовоний и так далее.

Мужчины ходили на ходулях вокруг беседки, раздавая детям воздушные шары в тонкую полоску, в то время как взрослые несли матовые чаши, половина города была в масках, другая половина не желала испытывать судьбу.

— Примерно через час или около того дети вернутся домой, и начнется настоящее веселье, — отметила Мандэй, заметив, что я наблюдаю за детьми, когда мы приближались. К этому времени солнце село, принесся с собой леденящий холодный фронт. Я плотнее запахнула джинсовую куртку вокруг своего нового черного кожаного платья.

— Фэллон, — Кейн привлек мое внимание, его друзья, Маверик и Сайрус, двое других парней, которых я ненадолго встретила в Вуду, были рядом с ним. — Ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо.

Еще один ветерок пронесся мимо нас, взметнув мои волосы свирепым вихрем.

Кейн подошел ко мне, убрал волосы с моего лица и взял мой кофе из моей руки. К тому времени, как я подняла руку, чтобы забрать его, он уже выбросил его в мусорное ведро.

— Позволь мне принести тебе настоящий напиток.

Я не позволила ему заметить, как сильно это меня разозлило, потому что его действия уже были сказаны и сделаны, мой сладкий кофе с тыквенными специями уже был на дне бочки. Парни должны знать, что никогда не следует брать кофе из рук девушки... если

только они его не разогревали. Тем не менее, я не была заинтересована в том, чтобы тратить свою энергию на исправление Кейна, когда у меня были непристойные мысли о другом; тот, с кем я была согласна никогда не видеть его лица, если это означало, что я снова смогу быть рядом с ним.

Мы подошли к кабинке, где на подносе с сухим льдом стоял большой котел, со дна которого поднимался туман. Я заглянула внутрь и увидела красные и золотые завитки в жидкости.

— Это мой Отравленный яблочный сидр, — пошевелила бровями Мина Мэй, наполняя ковшом бронзовую чашу.

— Это так вкусно! Она делает его для каждого собрания, — добавила Мандэй, поднимая чашу со стенда.

Около часа мы продолжали ходить по улицам, заглядывали в палатки, пили «яд» из наших чашек и дурачились с суевериями. Половина города была в масках, не обращая внимания на любые суеверия, с которыми они сталкивались. Многие пытались обмануть тех, кто не носил масок, чтобы они проходили под лестницами или наступали на трещины в дорожках и улицах. Те, кто носил маски, бросали вызов суевериям, искушая судьбу, колдовали друг на друга, избегали собирать монетки, ходили туда-сюда по улицам.

Когда мы добрались до фиолетовой палатки хироманта, я остановилась полюбоваться рисунками, свисающими с прутьев внутри. Рисунки отличались от всего, что я видела раньше, с толстыми и аккуратными карандашными линиями и краской темных цветов. На одном была надпись «Роуз Маддер», на другом «Волшебник и Стекло».

— Это ты нарисовала? — спросила я вслух.

Девушка обернулась, и ее гладкие волосы, похожие на черные ленты, каскадом рассыпались по плечам. У нее была безупречная кожа цвета сиропа с золотистым отливом, а ее глаза цвета меда. — Да, я рисую только то, что приходит мне в голову.

Ее голос был подобен бархату. У нее был идеальный цвет лица, как у фарфоровой куклы.

Я прошла глубже в палатку. — Как тебя зовут?

— Киони.

— Та, кто видит и находит нужные вещи, — сказала я с улыбкой, и глаза Киони вопросительно посмотрели на меня. — Моя няня была кенийкой, — объяснила я далее. — Не могла бы ты прочитать мою ладонь для меня?

Мне никогда не читали по ладони, но я отчаянно хотела убежать от странного поведения Кейна, хотя бы на мгновение. Он сказал, что я ему не интересна, но он не отходил от меня всю ночь.

Лицо Киони преобразилось, несколько опечалившись. — Я бы с удовольствием, но я вряд ли так хороша в этом. Видишь ли, я присматриваю за палаткой для своей бабушки Элеоноры. Ты всегда можешь вернуться, когда она будет тут.

— Честно говоря, мне просто нужна передышка. Тебе не нужно читать по моей ладони, просто притворись?

Я заложила большой палец за спину и добавил шепотом:

— Некоторые люди в этом городе дотошны.

Смех Киони был хриплым и искренним. Она кивнула, направилась ко входу и освободила полог палатки от завязки. Празднество снаружи превратилось в отдаленную болтовню. Единственный свет теперь исходил от светящихся кристаллов и свечей на

батареях, которые имитировали мерцание.

Она выдвинула стул из-под маленького круглого столика.

— Проходи, садись. Прячься.

Она улыбнулась и подняла подбородок в сторону моей чашки.

— Это Отравленный Яблочный Сидр Мины?

Я кивнула, и Киони наклонилась вперед, положив руки на стол, и продолжила:

— Будь осторожна. Мина Мэй что-то добавляет в этот напиток. Какое-то зелье правды, которому она научилась у старой ведьмы по прозвищу Одинокая Луна. Предполагается, что оно зачарует части твоего подсознания. Каждое мероприятие, которое мы проводим, всегда заканчивается либо дракой перед беседкой, либо оргией на пляже Кресент, либо и тем, и другим. Мина, как известно, помешивает кастрюлю, как будто Воющая Лощина нуждается в дополнительном помешивании.

— Милая старушка Мина из закуской?

Глаза Киони сузились. — О, эта женщина может быть милой, но она умна, как хлыст. Она будет играть за обе стороны, за ту сторону, которая ей больше подходит в данный момент.

— Она не отсюда?

— Нет! И Мина также не принадлежит к ковену. Она городская биби... или бабушка, если хочешь. Но я восхищаюсь ею. Она ненавидит секреты, верит в то, что время от времени наши истины и безумие тоже выходят наружу. Говорит, что это полезно для здоровья.

— И все знают, что она делает с сидром?

Киони пожала плечами и откинулась на спинку стула, скрестив ноги.

— Без понятий. Никто на самом деле не говорит об этом. Так как ты приехала издалека, я подумала, что введу тебя в курс дела.

Я вертела чашу между пальцами и наблюдала, как кружится последний глоток моей второй чашки золотисто-красной жидкости.

— Ну, я по-королевски облажалась.

Киони снова засмеялась, и через несколько секунд полог палатки отодвинулся в сторону, и смущенная Мандэй уставилась на два наших улыбающихся лица, ее непокорная челка, зачесанная набок, обрамляла ее маленькое личико.

— Я тебя повсюду ищу!

Я встала и вытянул ладонь перед собой.

— Просто, мне читают по ладони, — выпалила я, как будто меня поймали с тупым предметом между пальцами, как будто я делала что-то не так. Мандэй часто вызывала у меня такое чувство.

Взгляд Мандэй скользнул к Киони, и Киони подняла подбородок и посмотрела в ответ. — Мы все направляемся на игровую площадку Дьявола. Давай, Кейн ждет тебя.

— Гул, — пробормотала Киони, затем перевела взгляд на меня. — Не забудь, что я тебе сказала.

Отравленный сидр.

— Спасибо.

Группа из нас вошла через большие двойные двери Мэри. Я была в западном крыле только на собрании, но большая комната превратилась в лабиринт зеркал, покрывающих потолок и стены. Мое отражение отражалось от каждого угла. Пол был глянцевым и цвета черной лакицы. Дымовые аппараты дули изнутри, покрывая пол густыми мазками

ползущего дыма.

Адора, с ее знойными губами, украшенными блестящей и коварной улыбкой, схватила Маверика за руку. Она скользнула взглядом по Кейну с поднятым и решительным подбородком, встретившись с ним глазами на долю секунды, прежде чем исчезнуть с Мавериком в лабиринте. Айви и Мандэй побежали в противоположном направлении, Фэйбл и Сайрус — в другом, все разошлись, оставив Кейна и меня стоять у входа.

— Хочешь поиграть? — спросил он, ничуть не смущенный тем, что Адора сбежала с Мавериком. Смех отражался от лабиринта зеркал на фоне басов навязчивой музыки, и отсюда отражения быстро перемещались, как будто тела проходили через стекло.

— Давай, я дам тебе фору.

Он улыбнулся мальчишеской улыбкой, но Кейн не очень хорошо рисовал свою целомудренную улыбку. Она оставалась кривой, нашептывающей непристойности.

Мои глаза метнулись обратно к головокружительному лабиринту, уже чувствуя, как у меня сжимается горло. Я покачала головой, делая шаг назад. В ловушке, в ловушке, в ловушке...

Кейн произнес слова, настаивая, чтобы я присоединилась к нему, и взял обе мои руки в свои, когда звон в моих ушах стал громче. Он проигнорировал мое бормотание, отступая назад и таща меня все глубже в лабиринт. Я старалась не сводить с него глаз, моя маска словно давила мне на лицо. Мои шаги, мое дыхание, мой дрожащий пульс — все это казалось здесь тяжелее.

Когда мы завернули за угол, я оказалась лицом к лицу с самой собой. Черное кожаное платье, белые волосы, свисающие на бедра, испуганные бледно-голубые глаза, кричащие мне, чтобы я повернулась и убежала. Я резко переключила свое внимание обратно на Кейна, и его смех отскочил от стекла, как упругость. Почему он не мог видеть, как я была напугана?

— Иди и найди меня, — крикнул он, подняв руки по бокам и нагло улыбнувшись, затем побежал по лабиринту, оставив меня здесь одну.

Я побежала за ним, вытянув руки перед собой, видя только себя перед собой, слева, справа, позади себя. Я была повсюду. Мои шаги ускорились, я лихорадочно искала выход.

— Кейн! — крикнула я. Раздалось еще больше смеха, еще больше насмешек. Но песня, звучащая на игровой площадке Дьявола, заглушала все, голоса слышались только между ударами баса. Мое тело врезалось в зеркало, и я повернулась, прислонившись к нему спиной, закрыв глаза, пытаюсь контролировать свое прерывистое дыхание.

Потом я открыла глаза, и в зеркале мелькнуло его отражение.

Всего лишь вспышка, но ее достаточно, чтобы расчленить мое бешено колотящееся сердце, превратив все заботы в пыль.

Джулиан, Джулиан, Джулиан... Внутри отражения он убывал и тек, как тень смерти, круговорот жизни. — Джулиан...

Я подошла к нему, выставив перед собой ладони, пока он проплывал сквозь зеркала.

Мои руки скользнули по холодному запотевшему стеклу, когда мои шаги и сердце ускорились, преследуя силуэт парня с серебряными глазами и черной маской. Он был здесь, и я чувствовала, как меня тянет к нему, как невидимая струна, соединяющая нас. Я зашла в очередной тупик и обернулась, мельком увидев его черное пальто, черные брюки, черные ботинки, растрепанные черные волосы. Черный, черный, черный, но ничто не могло убедить меня в такой порочности.

— Фэллон.

Голоса Кейна скользили по всему лабиринту.

— Где ты? — пропел он.

Я прижалась спиной к стеклу, шаря глазами, надеясь, что он меня не найдет. По крайней мере трое из меня смотрели на меня ледяными голубыми глазами под маской, которую я носила. Отражения кружились, как капля черной краски в воде, побочные эффекты сидра Мины. Басы музыки гремели у меня в ушах, Джулиан исчез, а туман душил меня, мешая дышать. Мои мышцы одеревенели, и я не могла пошевелиться, не могла повернуть шею. В ловушке, в ловушке, в ловушке... Единственное, что я могла сделать, это снова закрыть глаза и ждать, когда закончится эта ночь, ждать, когда взойдет солнце и кто-нибудь найдет меня утром в лабиринте.

И вот тогда я почувствовала, как чья-то рука коснулась моей. Холодная и нежная рука скользнула по моей коже к кончикам моих бьющихся пальцев. Мои ресницы затрепетали, колени задрожали, и дыхание вырвалось из моих легких.

— Фэллон, — снова позвал Кейн, появляясь в зеркалах как раз в тот момент, когда меня оттащили от стены в другую комнату, прежде чем он увидел меня. — Ты все еще прядешься от меня, Фэллон?

В голосе Кейна звучал юмор.

Джулиан провел пальцем по своей маске, отступая назад, потянув меня вперед, пока не повернул нас, и моя спина не уперлась в другую зеркальную стену. Порыв холодного воздуха пронзил мою кожу и проник в кровь. То, что я чувствовала к нему, как бы это ни называлось, проникло внутрь меня и заполнило все мои трещины.

Джулиан придвинулся ближе, и в его глазах я увидела того же раздетого и уязвимого парня из леса, из ночи под звездами. Тот, кто когда-то был зимней розой среди груды крыльев с черными перьями. Его пристальный взгляд скользнул по моему лицу, как азбука Морзе, изучая меня. Его дрожащие пальцы скользнули вниз по моей руке.

— Джулиан, ты дрожишь, — выдохнула я, сомневаясь, что он мог услышать меня сквозь музыку, когда моя грудь вздымалась. Несмотря на тревожные нервы, я заметила его, и это успокоило меня.

Джулиан

Фэллон была права. Мои руки дрожали. Я не мог остановить это, эту цепную реакцию всякий раз, когда она была и не была рядом. В любом случае, это больше не имело значения. И, честно говоря, я понятия не имел, что делаю. Мне не следовало приходить в Ночь Суеверий, притворяясь, что помогаю Агате, но мне просто не терпелось увидеть ее после долгого времени. Чтобы найти ее, обыскать Городскую площадь в поисках белых волос и стеклянных голубых глаз. Глаза, которые видели во мне больше человека, чем маску — больше человека, чем язычника. И мое сердце билось свободно, напоминая мне, что в моей груди все еще есть место для чего-то другого, кроме тьмы.

В наших отношениях не было смысла, но когда я стоял перед ней, она видела во мне все то, что казалось слишком запутанным. Она вернула меня к тому человеку, которого я бросил давным-давно. Фэллон смотрела сквозь проклятие, и поэтому я не мог смотреть мимо нее.

Форма ее улыбки окрашивала ночные кошмары в небе, и я не мог дотронуться до нее без дрожи, не видя в ней ничего, кроме редкой девушки, у которой была небесная печать во всех ее деталях.

Сегодня вечером я бросал вызов всему и всем.

Потому что, когда она смотрела на меня так, как сейчас, губы приоткрылись в

благоговейном страхе передо мной, в ее радужках плясало любопытство, мне больше не было дела до Ордена или до того, кому она принадлежала. Все, о чем я заботился, когда музыка отошла на второй план, — это попытаться быть здесь с ней.

— Я не очень хорош в этом, — признался я, ослабев. Мои костяшки пальцев задели покрасневшую щеку Фэллон, не заботясь о последствиях. Я выпил яд и потерял рассудок.

Тонкие пальцы Фэллон потянулись к моей маске. Я схватил ее за запястье и покачал головой, прежде чем она смогла это сделать.

Ее губы шевельнулись. Доверься мне, сказала она, но в моих ушах звучала только музыка. Я разжал пальцы вокруг ее запястья, доверяя ей. Потому что, несмотря на все обиды, я хотел сделать одну вещь правильно. Она закатала мою маску снизу, открыв только мой рот. Подушечка ее большого пальца погладила мою нижнюю губу. Прикосновение вызвало волну жара внутри меня.

Мое сердцебиение упало, как бас. Фэллон приподнялась на цыпочки. И ее губы были на моих.

Мягкая, нежная, хрупкая, шок и ужас пронзили меня, потому что я никогда никого не целовал, никогда не хотел этого раньше и не знал, смогу ли я, и реальность убийства ее была ужасающей. Когда она отстранилась, я моргнул. Мои брови сошлись вместе, изучая ее реакцию. Пыльно-розовые губы Фэллон сложились в неестественную улыбку.

Я не убивал ее. Я не втягивал ее в ее страх. Она поцеловала меня. Если сегодняшний вечер — это все, что у нас было, я не собирался тратить его впустую. Я схватил ее за локоть одной рукой, а другой — за затылок. Я притянул ее к себе, пока наши рты снова не соприкоснулись.

И губы Фэллон слились с моими. Мой язык скользнул по ее языку, и, наконец, моя душа вздохнула, а мое сердце вырвалось наружу на линии этого поцелуя, который был на вкус как настоящий. Как одеяло, я почувствовал, как вокруг нас опустилась нормальность.

— Фэллон, — снова крикнул мистер Мерседес вдалеке, приближаясь к нам.

Я схватил ее за руку, и мы помчались по лабиринту. Я оглянулся и увидел ее в кожаном платье, облегающем ее тело, и ее руку, прикрывающую смех, что вызвало у меня улыбку. И моя улыбка казалась неловкой и ржавой, мышцы давно не использовались.

Когда мы дошли до очередного тупика, моя спина ударилась о другое зеркало. Фэллон упала на меня, мои руки уже были в ее волосах, ее губы уже на моих. Наши тела были прижаты друг к другу, глаза зажмурены, вкус яблок разгорался на наших языках, когда мы целовались, пьяные одним и тем же ядом, под одним и тем же сводящим с ума заклинанием.

Мы целовались так, как будто нам не хватало этого всю свою жизнь, губы жаждали, руки хватали, тела сжимались, мой член пульсировал... Мои пальцы впились в ее талию, чтобы притянуть ее вплотную ко мне, когда вся потемневшая кровь в моих венах устремилась к поверхности. Моя свободная рука держала ее за затылок, кулак, полный белых волос. На моем языке я почувствовал вкус полной луны. Одна половина невинности, другая половина разрушения. Снежинка, затерянная в кошмаре.

Голос Кейна плыл вместе с мутным туманом.

Фэллон посмотрела на меня, наше дыхание было прерывистым. — Забери меня отсюда, — умоляла она у моих губ.

Я еще раз потащил Фэллон по лабиринту, когда мое сердце бешено колотилось в груди, мне нужно было остаться с ней наедине, но в то же время я знал, насколько опасно для нас быть пойманными вместе.

О чем я только думал? Это уже было опасно.

Кейн был прямо у нас на хвосте.

Я остановился посреди лабиринта, дымящиеся зеркала окружали нас.

— Фэллон, куда ты пошла? — крикнул Кейн.

Я должен был отпустить ее, и одна только мысль вызвала электрический разряд, пробежавший по моему позвоночнику до кончиков пальцев. Крик в моей груди жаждал вырваться наружу.

Я не мог удержаться. Я не мог отпустить ее.

Зеркала издали трескучий звук, моя теневая кровь заставила паучьи вены поползти по стеклу. В панике я снова схватил ее за лицо, закрыл глаза и прижался губами к ее губам.

— Мне жаль, — сказал я, два слова сломанной судьбы, два слова из моих собственных ненавидящих себя уст, которые вполне могли бы уничтожить меня. Я неохотно отпустил ее руку и скользнул между двумя зеркалами, оставив ее там для Кейна Прюитта — человека, которому, по словам Ордена, она принадлежала.

Тайна Беллами и Сири

— *Совсем как я, Мариетта, — прошептала я, дергая себя за волосы.*

— *Белые волосы, совсем как у тебя, — повторила Мариетта. — Девочка наконец вышла из леса, и они назвали ее Сириус «Сири» Ван Дорен, ей было всего шестнадцать лет, и она жила на границе со своей матерью Идой, лучшей подругой мамы Гаррет и ее дочерью Аннитой...*

Четверо из них бежали в город еще до того, как у него появилось название, и поселились там, теперь известное как Воющая Лощина, задолго до остальных. И когда прибыли два ковена, Ида и Гаррет научили своих дочерей ходить в тайне. Ходить по лесу тише шепота и никогда даже не отбрасывать тени, опасаясь, какую темную магию могут практиковать ковены, не зная, какими ведьмами они были.

Но у Сири Ван Дорен был вкус к приключениям, так что да! После шестнадцатилетия она вышла из одного из многих тайных мест, в которых пряталась в лесу, и все из-за того, что наблюдала за мальчиком и за тем, как он со временем превращается в молодого парня. Сначала она наблюдала, как растут мышцы его тела и как с течением дней его каштановые волосы темнеют. Она запомнила каждую черточку, каждое движение, изгиб его улыбки. Сири знала все, что можно было знать о Беллами Блэквелл, кроме того, кем он был внутри.

Это был весенний месяц, когда днем было теплее, а ночью холоднее — время, когда Сладкие Белые фиалки и Пурпурные триллиумы дико вспыхивали, как масло на горячем огне. Беллами был один ночью, гулял босиком по лесу под Полной Розовой Луной. Беллами редко бывал один, и Сири знала, что это ее шанс. Она могла бы встретиться с мальчиком, к которому испытывала глубокое влечение. В отличие от Анниты, Сири была уверена, что он добрый, а не то, что говорили о них их матери. — И тебе лучше молчать об этом, — приглушенно предупредила Сири, уперев руки в бедра и глядя на Анниту, которая была намного выше ее.

Гаррет и ее дочь Аннита были известны как защитницы рода Ван Дорен, защитницы детей Луны. Аннита понимала, что ничего хорошего не выйдет из разговора с кем-либо из любого ковена, но она глубоко любила свою подругу и согласилась молчать.

Ноги Сири легко лавировали по лесу, и когда она добралась до Беллами, ее нервы с того момента материализовались, потому что это было реально, и она ждала этого момента

более десяти лет. Она скользнула за дерево и подождала, пока ее сердце успокоится.

— Кто там? — крикнул Беллами, глядя в густой лес прищуренными глазами. Роковые весенние ветры растрепали ее белые волосы вместе с пронизывающим бризом, выдавая ее. — Ты можешь выйти, — настаивал Беллами, заметив, что это была девушка. Девушка, у которой были цвета, которых он никогда раньше не видел. — Я не причиню тебе боль.

Сири сначала выглянула из-за дерева, и их взгляды встретились, прежде чем она отступила назад.

Она улыбнулась себе.

Он улыбнулся себе.

— Меня зовут Беллами, — сказал молодой человек, подходя ближе к дереву, как будто он наткнулся на величайшее сокровище в мире. — Ты заблудилась?

Сири сначала не могла говорить. Ее глаза метнулись к небу, где звезды рассыпались вокруг розовой луны. Она задерживала дыхание, пока лёгкие не обожгло, и она была вынуждена выпустить его, но оно вырывалось спорадическими рывками. Беллами провел пальцами по дереву, огибая его, пока не оказался лицом к лицу с ней. Затем он замер, потому что не мог представить, что такая красота может быть из этого мира, и его губы приоткрылись в благоговении, когда они изучали друг друга. — Как тебя зовут? — спросил он.

— Сириус, — сказала она, и этот звук был несравненно красноречив для его ушей, достаточно силен, чтобы проникнуть внутрь него.

Беллами дрожащим пальцем протянул руку и коснулся кончиками пальцев ее мягких розовых губ. Возможно, чтобы убедиться, что она настоящая, что она теплая, а не что-то сверхъестественное. И Сири позволила ему, подняв голову и закрыв глаза, когда его пальцы нежно прошли по самой чувствительной части ее лица.

— Единственной красотой, которую я видел так близко, была редкая голубая луна в полуночном небе во время первого снегопада, — сказал Беллами так тихо, что она едва слышала его из-за своего трепещущего сердца. Он заправил выбившийся локон ей за ухо и позволил кончикам пальцев блуждать, как будто она была произведением искусства, обводя острый край ее лица. — Это как если бы ты родилась от сияния луны.

И эти двое провели вместе всю ночь, и ночь после этого, и ночь после этого...

Ночи превратились в недели, недели превратились в месяцы, Беллами и юная Сири хранили друг друга как свою самую сокровенную тайну на протяжении многих лет в глубоком темном лесу, пока остальной мир спал. В начале весны для нее Беллами срывал первый цветок, пробивающийся сквозь снежные покровы на лесной подстилке, а затем был вместе с полной луной, обезумев от эмоций, которые, как он позже понял, были любовью. В то время как Сири танцевала с временами года, когда желуди прыгали в карманах ее платья, надеясь, что они сохранят ее молодость и она будет жить с ним вечно. Они страстно целовались на рассвете, зная, что каждый раз, когда солнце поднималось из-за скал может быть последним.

— Встретимся у перевернутого дерева с половиной сердца, — умоляла Сири, неохотно отрываясь от его рта, но ей нужно было это сказать и нужно было услышать слова, которые он повторял каждый час бодрствования. Он снова притянул ее к себе.

— Беллами, скажи это, — сказала Сири ему в рот. — Скажи, что ты встретишься со мной.

— Я встречаюсь с тобой, — ответил он, о, так мучительно, зная, что пройдет еще один день без нее, прежде чем он снова ее увидит.

Сири поцеловала его в последний раз, прежде чем убежать в лес.

— СИРИУС ВАН ДОРЕН! — крикнул Беллами, сжав руки в кулаки в знак протеста против ее ухода, чтобы задержать ее еще немного и еще раз увидеть ее лицо. Сири развернулась, и ее белые волосы веером разметались вокруг нее. Ее яркие глаза встретились с его глазами.

— Я БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ ДО САМОЙ СМЕРТИ!

Сири улыбнулась, заставив Беллами сделать шаг назад, как будто это была сила, и для него так оно и было.

— И я буду любить тебя, пока луна не умрет!

Сири пела, слезы щипали ее глаза.

Глава 16

Фэллон

Я подождала, пока город погрузится в сон, прежде чем выскользнуть из дома бабушки и направиться в лес на противоположной стороне города. Было совершенно темно, без звезд, а переулки и темные улицы были черными потоками, текущими по всему городу, как сатанинское русло в тихой ночи. Добравшись до кладбища, я припарковала скутер и прошла остаток пути между лабиринтом надгробий, мимо кладбища домашних животных, пока не приблизилась к лесу.

Джулиан как-то сказал, что у этого города есть способ заставить разум исказиться, смешать то, что реально, и то, чего нет. Было ли это на самом деле? Неужели мы целовались на Игровой площадке Дьявола всего несколько часов назад?

Почти час я шла по лесной подстилке в пижаме, с бьющимся сердцем в животе, с покалыванием на губах, напоминающим мне, что это должно быть по-настоящему. Но я должна была увидеть его — мне нужно было увидеть его. Под лунным светом угрюмый бриз превратился в хулигана, срывающего листья с ветвей, распространяя ужас по всему лесу. Ветки рвали мою одежду, пока мои ноги шаркали по лесу в поисках Джулиана.

Жуткий крик совы эхом отозвался наверху, и мои глаза метнулись вверх, увидев, как белые стволы деревьев прорезали темноту и устремились в небо.

Я отшатнулась назад, когда моя нога зацепилась за упавшее бревно, а спина ударилась о голую грудь. Я откинула голову назад, мое сердце забило как барабан, когда я столкнулась с человеком, который, казалось, всегда был рядом.

— Ты здесь, — сказал Джулиан, его слова танцевали в моих волосах. Он развернул меня прямо, и когда я повернулась, его брови в панике подскочили. — Что ты здесь делаешь, Фэллон? Ты не можешь быть здесь!

Я нервно заправила волосы за уши, вспоминая, зачем я здесь, но слишком смущенная, чтобы сказать. — Я хотела увидеть тебя, — призналась я, мое сердце билось со скоростью миллион миль в секунду. Дрожь охватила меня, когда я оказалась в пределах его досягаемости, и я сделала шаг ближе, чтобы стереть ее. — Мне нужно было увидеть тебя снова. Мы поцеловались, и это было... — Я покачала головой, не находя слов. Я видела, как сожаление угнетало старейших духов — призрак внутри призрака. Смерть не положила конец страданиям; призраки тоже преследовали людей. И если бы я не сказала этих слов, я знала, что это был бы момент, от которого я бы страдала. Я должна была вытащить это наружу. Я должна была сказать ему. — Я хочу поцеловать тебя снова. Я хочу всего этого, —

призналась я, а затем так внезапно остановилась, высоко подняв подбородок и расправив плечи, как будто я воплощала в себе мир уверенности. Я втянула в себя воздух. — Ты хочешь меня так же, как я хочу тебя?

С выражением боли взгляд Джулиана скользнул по моему лицу, когда он сделал шаг назад.

Я сделала шаг вперед. — Джулиан?

— Как ты это делаешь? — выпалил он. — Как ты можешь просто говорить все, что хочешь? Ты не можешь. Ты не можешь просто поцеловать меня, как ты это сделала. Ты не можешь просто делать и говорить все, что хочешь. Это глупо и безрассудно и...

Он покачал головой и отвел глаза, повернув ухо к деревьям, как будто мог слышать шепот ответов, которые он искал, его глаза прищурились, как будто в глубокой задумчивости, прежде чем они снова встретились с моими. — Что я должен делать?

— Всё сказано и сделано, и я ни о чем не сожалею.

Черты лица Джулиана смягчились, он сделал шаг ко мне и положил руки мне на плечи. Затем вверх по всей длине моей шеи. И через мои волосы. Он открыл рот, чтобы заговорить, но что-то вдалеке привлекло его внимание. Мой взгляд последовал за его взглядом, прежде чем наши глаза вернулись друг к другу. — Здесь слишком опасно на открытом месте. Пойдем со мной.

Джулиан схватил меня за руку, и мы вместе углубились в лес. Его шаги были быстрыми, тихими и скрытными, он легко лавировал между деревьями, как будто карта леса была отпечатана на его подошвах. Предвкушение пробежало по моей коже, я понятия не имела, куда он меня ведет. Время от времени Джулиан оглядывался, как будто его взгляд мог удержать и защитить меня. Это катапультировало ледяную волну ностальгии в мои кости.

Железнодорожные пути пересекли наш путь, и он повел меня по путям к заброшенному вагону, когда отпустил мою руку и запрыгнул на шаткую платформу. Джулиан протянул руку, и я сначала колебалась, осматривая маленькое и темное пространство и дверь, которая могла заманить нас в ловушку. Это был не что иное, как пустой металлический контейнер на колесах с четырьмя стенками. Тьма внутри.

— Пожалуйста, — он пошевелил пальцами, протягивая мне руку, чтобы я взяла, — я буду здесь с тобой все это время.

Мой взгляд упал на его руку.

Я пришла в лес, чтобы найти его, и вот он здесь, стоит на шаткой платформе железнодорожного вагона с твердой рукой и вызовом в глазах. Он посмотрел на меня сверху вниз, умоляя присоединиться к нему в темноте.

Моя рука соединилась с его, и он потянул меня вверх.

Джулиан пристально посмотрел на меня, и платформа, покачнувшись, остановилась. — Есть не так много мест, где я могу снять маску и быть самим собой, — объяснил он, его плечи напряглись под черным пальто, как будто он нервничал. Он отвел мои скрещенные руки от груди и взял мои ладони в свои. — Я тоже этого хочу, но я хочу, чтобы это было со мной, а не с каким-то жалким язычником.

Мое сердце разорвалось. Эти слова, они подползли и обхватили мое сердце руками. Еще несколько часов назад мальчик по имени Роджер был единственным парнем, которого я когда-либо целовала, и это было только из-за спора на вечеринке. Старшеклассники пригласили меня только для развлечения, назвав цирковым номером, потому что я была фрик.

Я облизнула губы и сглотнула. — Хорошо, — сказала я, кивнув, и моя кожа вспыхнула.

Джулиан потянул дверь вагона, и она закрылась. Звук отразился от стальных стен. Было совершенно темно, и я застыла на месте, ожидая его с неглубокими вдохами.

— Джулиан? — прошептала я. Мои глаза метались по сторонам, не видя ничего, кроме черноты.

В ловушке, в ловушке, в ловушке.

— Я прямо здесь, — сказал он, и я почувствовала его пальцы на своих щеках.

Джулиан, Джулиан, Джулиан.

Я прикусила губу. — Хорошо.

Он прижал меня спиной к стене, и я почувствовала его холодное дыхание. Мои губы покалывало, как предупреждение. Он был там, паря, испытывая воды. Мой рот накрыл его, и наши носы соприкоснулись.

Я поднесла пальцы к его лицу, заметив, что его маска исчезла.

Джулиан был без маски! Уязвимый. Я зажмурила глаза, сдерживая смесь интенсивности и эмоций, наполняющих комнату, наполняющих нас, удивляясь, как кто-то может быть свободным только в темноте. Я провела пальцем по его длинным ресницам, легкому изгибу носа, высоким скулам, нижней губе, вдоль подбородка, мысленно представляя его лицо. И Джулиан позволил мне, уткнувшись лицом в мои руки, ища большего, как будто это был первый раз, когда кто-то так прикасался к нему.

Кончики моих пальцев касались каждого дюйма его лица. И прикосновение к Джулиану было все равно что прикосновение к неону, бодрящее, но запретное. Он прижался ко мне бедрами, и я положила руку ему на затылок, запустив пальцы в его мягкие густые волосы, не видя ничего, кроме темноты, но чувствуя его повсюду вокруг себя. Они не были одинаковыми.

Его нос снова коснулся моего, потом еще раз. Затем его рот накрыл мои губы. Наше дыхание участилось, и я больше не могла этого выносить.

— Джулиан...

Его имя гудело внутри меня, как припев, и он прижался своей щекой к моей, его дыхание на моей шее, в моем ухе, он окружал меня, как бездна тени — везде и нигде достаточно, в каждом уголке моей души, даже я была слишком напугана, чтобы рисковать. Глубокий стон вырвался из его груди, когда он опустил ладони на стену, и вибрации, он, все это погрузилось в меня.

Теперь он был таким громким, смелым и свободным.

Он схватил меня за челюсть и скользнул ладонью вниз по моему горлу, его рот заставил мой открыться.

Затем он засунул свой язык в мой приоткрытый рот со сладкой и медленной агонией.

И я тонула, тонула, тонула и растворилась в его поцелуе. Его вкус был ночным. Его прикосновение — затмение. Каждое движение языка Джулиана, каждое отчаянное и нетерпеливое прикосновение вызывали электрическое и захватывающее чувство, которое мне хотелось курить до утра. Я понятия не имела, правильно ли я это делаю, но подчинилась, отпустив и позволив ему овладеть мной. Он зажал мою верхнюю губу между своими, посасывая, когда зарычал, его грудь отозвалась эхом на моей, когда мы погрузились вместе. Он поцеловал меня так, как будто искал, как будто снова нашел во мне частичку себя. Вещь, которую он потерял где-то по пути.

— Я знаю...

Он попытался вырваться, схватив меня за шею и прижимая руки к моему затылку, пока они не схватили мои волосы. — Я знаю, что, — он еще раз прижался губами к моим, прежде чем отпустить, — случилось со мной, почему это так только с тобой.

Его голос был грубым и грубым, как в тот самый момент.

— Что?

Я выдохнула, и его рот скользнул по моей челюсти и по моей шее, когда его руки скользнули вниз по длине моих рук. Наши языки снова столкнулись, и я забыла, что он пытался мне сказать, когда он безумно целовал меня, распутывая меня, исполняя серенаду, пробуя меня на вкус, вызывая у меня головокружение.

— Лунатикус, — выдохнул он мне в рот. — Когда луна поражает тебя, это называется лунатикус... и ты поразила меня. Тяжело.

Он поцеловал меня еще крепче, переплетя свои пальцы с моими, в то время как вкус отравленного яблока все еще ощущался на его языке. Когда он отстранился, то прижался своим лбом к моему. — На меня что-то нашло, и мне нужно, чтобы ты была со мной.

Лунатикус.

Я сбросила с него пальто, и он помог мне. Он поднял мою майку над моей головой, а затем свою. Одна за другой одежда снималась, и я ни о чем не думала. Я не могла! Я была совершенно потеряна для него, и эта потребность пронеслась внутри меня вниз, в пространство между моих ног. Его большие пальцы скользнули по моей груди, когда его язык скользнул по моему. Мне следовало бы смутиться, но я не смутилась. Моя спина выгнулась от его прикосновения, и его рот был повсюду, целуя мою ключицу и грудь, прежде чем снова найти мой рот. Мои пальцы коснулись пуговицы на его брюках, когда я пошарила, понятия не имея, что делаю, но зная, что он тоже мне нужен. Рот Джулиана не отрывался от моего, когда он взял верх, расстегнул пуговицу и молнию и спустил штаны с бедер.

И он опустился на меня, его мужское достоинство прижалось к моему животу, и я увяла, когда он прижал меня к стальной стене, полуголую в темноте, мое тело дрожало.

Руки Джулиана обхватили мои пижамные шорты и спустили их вниз вместе с моими трусиками, пока они не упали на пол, и он скатал их с пяток моих ног. Я почувствовала его губы на полумесяце моей тазовой кости. Он двигался против меня, вокруг меня, со мной, как будто мог видеть меня всю в темноте.

— Что это? — спросил он, ощупывая пятно на моей коже.

— Я девственница, — выпалила я, затем прикусила губу, наказывая себя за то, что проговорила, потому что это заставило меня казаться такой неопытной. Я была не только фриком, но и девственницей. — Это противозачаточный пластырь, который помогает при моей анемии и... перепадах настроения.

Его пальцы замерли на моей коже.

— Ты девственница?

У меня пересохло во рту, и я сглотнула.

— Да.

— Хорошо, — просто сказал он, и его рот переместился по моему бедру, к центру моего живота, к нежности между моими бедрами. Мои глаза выпучились, и жар охватил мою плоть. Я схватила его за волосы, пока он не встал и не навис надо мной. — Пока ты останешься девственницей, — добавил он, его тяжелое дыхание коснулось моей макушки. Джулиан схватил меня сзади за шею, прежде чем наклонился к моему рту, отчего у меня

снова закружилась голова.

— К тебе когда-нибудь прикасались раньше? — спросил он, его губы, слова и дыхание отскакивали от меня, когда его рука скользнула вверх между моими дрожащими бедрами.

Я не знала, как я стояла, потому что мои ноги были как вода, а внутренности — как огонь. Я прикусила внутреннюю сторону щеки и покачала головой, предвкушение было таким же оглушительным, как и его присутствие.

— Нет.

Затем его два длинных пальца скользнули по моему центру, когда он пососал мою верхнюю губу. Вдох вырвался из моего рта на его, мои глаза зажмурились, мое тело покалывало, ослабело и проснулось. Мне нужно было больше, и я схватила его за бока, притягивая Джулиана к себе, желая, чтобы он исследовал меня, проглотил меня и подтащил к краю пропасти. Он засунул свой язык мне в рот, проглотив мои всхлипы, когда подушечки его пальцев погладили чувствительные места, которых касалась только я.

— Тебе нравится то, что я делаю, Фэллон?

— Да...

Я вздрогнула, когда его стояк прижался к моему животу.

Я подняла руку и обхватила пальцами его член, и он был твердым в моей руке... и что-то еще. Что-то пульсирующее, похожее на сердцебиение. Моя рука путешествовала вверх и вниз по его длине, проводя кончиками пальцев по его толстой головке. Отрывистый звук вырвался у него, и он поцеловал меня глубже, скользнув пальцем ниже, рисуя тяжелые круги над моим входом. Я погладила его, позволив инстинкту взять верх. Это было так естественно — быть здесь, с ним. Вообще заниматься этим.

Я прикасалась к нему так же, как он прикасался ко мне. Вместе мы исследовали друг друга в темноте, погружаясь в отчаянный ритм рапсодии. Наши поцелуи превратились в кислород, переполненный кайфом, который мы накапливали друг для друга и друг с другом. Мои колени дрожали, и я скользила под его прикосновениями, рассыпаясь.

Джулиан зарычал, схватил меня за бедра и поднял, прижимая к себе и спиной к стене. Его член скользнул по моей влажности, и я распалась на мелкие кусочки, видя звезды в этом темном месте вместе с ним. Трение между нами зажгло страстный огонь, каждое нервное окончание обнажилось и достигло новых высот. Кончики его пальцев гладили меня, сводя с ума. Моя голова откинулась назад, когда он двигал мной, прижимая мой влажный центр к своей длине, его стоны были глубокими и густыми.

Мы погрузились в безумие, и мои ноги начали дрожать, обхватив его за талию. Пальцы Джулиана впились в мою попу, полностью контролируя меня и направляя меня против его, но так и не войдя внутрь. Пальцы другой его руки задели, надавили и размяли мой вход, и я не могла спуститься с этого подъема. И он отпустил мою задницу, чтобы потянуть за нижнюю губу.

— Пойдем со мной, — сказал он, как будто говоря: «Пойдем со мной, и я покажу тебе все, чего никто другой не покажет. Пойдем со мной, и я расскажу тебе то, чего никто другой тебе не скажет, я дам тебе все, воплочу все твои запретные мысли, то, чего ты никогда не знала, что хочешь».

Джулиан провел языком по моим губам один раз, прежде чем прижаться своим ртом к моему, когда вихрь ощущений взорвался внутри меня. Мои ногти вонзились в его кожу головы, когда он извлек из меня оргазм, как будто это была моя душа. Его движения стали точными и глубокими, моя рука скользила вверх и вниз по его длине. Он хлопнул ладонью

по стальной стене рядом с моей головой, вызвав вибрацию внутри вагона поезда. Тепло разлилось по моей коже, когда он кончил, его палец скользнул внутрь меня, лаская те места, где никто не был до него.

Моя голова запрокинулась — мое тело сотрясали судороги. Я была захвачена и летела, схвачена и освобождена, одержима и прощена, и все это за один вдох, который я не могла сделать. Джулиан поцеловал меня в шею, когда я запульсировала вокруг его пальца.

Потом я уткнулась головой в изгиб его шеи и почувствовала вкус природы, леса и сумерек на его коже. Наши груди вздымались вместе, и Джулиан на мгновение обнял меня, пока наше дыхание не замедлилось, и его ладонь скользнула вверх и вниз по моей спине, когда он тоже уткнулся лицом в мою шею.

— Ты такая тихая, когда кончаешь. Ты как шепот, — сказал он мне в волосы. — Я пытался игнорировать это, но не могу. Что бы они ни говорили, ты всегда была моей и всегда будешь.

Я не понимала слов, которые он говорил, и биение его пульса на шее коснулось моих губ, бешено повторяя его слова со мной в его объятиях. И я закрыла глаза, напоминая себе, что это, должно быть, напиток Мины. Яд заставлял его говорить все эти вещи, делать все эти вещи, и в конце концов эта ночь пройдет, и он снова исчезнет.

— Я не могу поверить, что мы это сделали. Я никогда раньше не делала ничего подобного.

Мы оба сидели на краю вагона, моя голова у него на коленях, его руки в моих волосах. Маска Джулиана снова была на нем, как и наша одежда, и сентябрьский ветер ощущался как лед на моей разгоряченной коже.

— Я тоже, — сказал он через выдох, затем посмотрел на меня сверху вниз и покачал головой, как будто в изумлении.

— Ты не часто этим занимаешься?

Я не знала, почему спросила, но пожалела, что спросила. Хотела ли я знать?

Его глаза поднялись к лесу, когда он провел кончиками пальцев по моей шее в глубокой задумчивости.

— Никогда. То, что мы сделали, было совсем другим. Да, я участвовал в половых сношениях ради ритуалов, но это было все, что было. Язычники — единственные, кто родился с магией из моего ковена. Но я никогда раньше ничего не делал без маски. Никогда не давал больше, чем мое тело, до сих пор.

Джулиан был спокоен, его слова были ленивыми и терпеливыми, как будто он был одурманен наркотиками. Тем не менее, он сказал это без эмоций, скорее как простой факт, как долг, и мое сердце почувствовало его. — Они могут забрать части меня, но я отказался позволить им забрать меня всего.

— Тогда почему позволил мне?

Спросила я, его слова не имели смысла, основываясь на том, что мы только что сделали. Несмотря на то, что у нас не было секса, это все равно было что-то. Или это тоже была лишь маленькая частичка его самого? И если да, то захочет ли он когда-нибудь отдать мне все?

Грудь Джулиана сжалась. Он опустил голову и посмотрел на меня сверху вниз, положив ладонь мне на живот под майкой. Звезды отбрасывали слабый свет на его покрасневшую кожу цвета слоновой кости. Его дикие черные волосы были влажными от жара, вспыхнувшего между нами ранее, сияние исходило от кончиков до линии роста волос. Затаив дыхание, я ждала, когда он скажет мне, что то, что он сделал со мной, было ошибкой,

потому что он был пьян от напитка Мины, а я была всего лишь странной девушкой, которую он нашел в лесу в нужное время.

— Потому что, когда ты смотришь на меня, ты видишь меня. С тобой все по-другому. Ты заставляешь меня забыть, что я вообще в маске, — сказал Джулиан, говоря мне, что это он был странным парнем в лесу. Он был фриком, а не я. — Я собираюсь снять это проклятие, — добавил он шепотом. — Я должен.

Долгое время мы сидели в вагоне поезда, прислушиваясь к ночи в уютной тишине между нами. Я всегда представляла, что буду с кем-то таким же странным и ненормальным, как я, и все же какой прекрасной и причудливой была бы история, влюбившись в Джулиана Блэквелла — одного из чудовищных существ, который сделал лес своим убежищем, но смотрел на меня так, как будто я была шедевром мозаики. Не было никаких сомнений, что я была одинаково напугана и заинтригована им, одним из проклятых Полых язычников.

Напугана... потому что он вполне мог уничтожить меня.

Но я была уверена, что мне суждена гротескная любовь, о которой мои внуки могли бы рассказать своим внукам и внукам своих внуков, не так ли? Такие истории мне рассказывала Мариетта. Истории, написанные о существах, которых все боялись больше всего, но в то же время любили до боли без ограничений. Потому что такие фрики, как мы, заслуживали странного и ненормального. Такая суровая любовь.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал Джулиан.

Я оторвалась от него прежде, чем он вскочил на ноги. Вагон поезда сдвинулся с места, когда он с громким стуком спрыгнул вниз! Затем повернулся, чтобы схватить меня за талию. Как только мои ноги коснулись земли, Джулиан бросился бежать через лес. Мои глаза остановились на его великолепной фигуре, звезды очерчивали его силуэт, когда он проходил под каскадом лунного света. Я побежала за Язычником, который был одет в свою душу, преследуя его, куда бы он ни шёл. Руки Джулиана скользили по коре деревьев, когда он бежал по голому лесу, позволяя ему успокаивать его, направлять и обучать его.

Мы гонялись друг за другом в глубоком темном лесу, пока он не привел меня к дереву, которое он назвал «перевернутым деревом с половинкой сердца», где он поднял меня и усадил на изгиб. Я вцепилась в белую кору ствола, когда он посмотрел на меня снизу вверх, удивление промелькнуло в его серебряных радужках, когда я улыбнулась ему сверху вниз. Джулиан на мгновение склонил голову набок, затем посмотрел на меня сквозь густые и тяжелые ресницы.

Потом мы балансировали на упавших бревнах, и Джулиан так незаметно отступил назад, заложив руки за спину и не сводя с меня глаз.

Его глаза всегда были прикованы ко мне.

— Тебе нравится чинить машины? — спросила я его, осторожно ставя одну ногу перед другой.

— Да.

Я спрыгнула, как только мои ноги достигли конца бревна. — Почему?

Он на мгновение задумался, глядя на покров листвы. Когда его глаза снова встретились с моими, он сказал: — Точного ответа не имею. Просто так.

Потом мы лежали под луной, где он показал мне созвездия, указал на пояс Ориона, ковши и рассказал мне историю Сириус, самой яркой звезды на небе. Мы проделали все это до того, как наткнулись на потайную теплицу. Стеклообразные окна всех видов, форм и размеров составляли стены, а за стеклом яркие глубокие и темные цвета отражались в ночи. Белые

цветы цвели на виноградных лозах, обвивавших колонны, и я последовала за Джулианом вокруг строения.

— Что это? — спросила я.

Джулиан потер лепесток между пальцами. — Когда я был мальчиком, мы с Фениксом построили это для моей матери. Это ее ночной сад. Она владеет аптекой на Городской площади, и именно здесь она выращивает свои лекарства, — объяснил он, но я уже знала о его матери, Агате. Я встретила ее в свой первый день.

— Ипомея альба, — сказал он, сорвал белый цветок с виноградной лозы и повернулся ко мне лицом. Он убрал мои волосы с лица и заправил цветок мне за ухо, его глаза не отрывались от моих. — Есть целый мир, который просыпается с наступлением темноты. Лунный цветок раскрывается только при свете луны.

У меня перехватило дыхание, когда его пальцы задержались на моей щеке, как будто он рассказывал мне гораздо больше. Как будто между его словами было заложено больше смысла.

Вместе мы проводили время так, как остальной мир уже забыл. Неторопливо, медленно. Свободные быть настоящими. Свободные бродить. Мы целовались в тени дерева, пока не взошло солнце, и после этого он поцеловал меня еще раз, ни один из нас не хотел, чтобы наша ночь закончилась.

Когда мы возвращались в похоронное бюро, где был припаркован мой скутер, угрожающее солнце пролилось в предутреннюю тьму. Здание похоронного бюро было в поле нашего зрения, и Джулиан схватил меня за руку и повернул лицом к себе.

— Послушай.

Он сжал мою руку с тем же взглядом, которым смотрел на меня много раз, прежде чем собирался вырвать мое сердце из груди. Я отвела взгляд, не в силах смотреть ему в глаза. Я покинул его организм, и он собирался забрать все это обратно. — Фэллон, я хочу, чтобы между нами все было по-настоящему, я хочу, — решительно сказал он. — Но я скрытный человек. Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще знал о том, что происходит, когда мы вместе. Даже если бы все было по-другому, если бы я не был проклят, а ты не была... другом Священного Моря. То, что происходит между нами, я никогда не хочу делиться этим ни с кем другим.

— Я тоже не хочу делиться этим ни с кем другим, — согласилась я. — Итак, что мы будем делать дальше?

— Мы будем хранить это в секрете.

Глава 17

Фэллон

Мандэй застонала в то утро в своем кресле, уткнувшись лицом в стол и раскинув руки. — Сегодня я чувствую себя неудачницей. У меня нет мотивации что-либо делать, — простонала она.

— И я думаю, что прошлой ночью я допустила несколько ошибок.

Я оглянулась, и она повернула голову в сторону и открыла один глаз, прищурившись.

— Почему ты улыбаешься?

Я приподняла плечо. Ее голова поднялась из-за стола, бумаги прилипли к ее мокрой от слюны щеке.

— О, выглядишь хреново. Это был Кейн? Он что, подсунул тебе язык прошлой ночью?

Я чуть не сказала «нет», но проглотила это слово. Мандэй будет зондировать до тех пор,

пока она не разузнает все подробности, и я не могла дать ей никаких идей о том, что это был кто-то другой, кроме Кейна. Даже если бы Джулиан не сказал никому не говорить, я бы не стала. То, что произошло прошлой ночью, было нашим — только нашим — и я тоже хотела, чтобы так и оставалось.

Я снова пожал плечами, не давая ей никаких объяснений или аргументов.

Мандэй убрала бумаги со щеки и приподняла бровь.

— Хорошо, я понимаю, как это бывает. В любом случае, мне нужно забальзамировать тело.

Обнаружилось еще одно тело. Это было от несчастного случая на лодке. Дух рыбака все еще был привязан к его телу наверху, в морге, кружил, потерянный и сбитый с толку, скорее всего, снова и снова проигрывая последние мгновения своей смерти, как будто это изменило бы исход его статуса. Как только его тело окажется на глубине шести футов, он, скорее всего, вернется домой, чтобы присмотреть за своей семьей. Он будет витать вокруг до тех пор, пока это не станет невыносимо, или он не обретёт покой. Это было трудно и слишком рано говорить.

На следующий день я провела утро, занимая свой беспокойный разум работой, проспала всю вторую половину дня и решила остаться дома и пообщаться с дедушкой вечером. После ужина мы читаем в гостиной. Я уютно устроилась в углу его дивана, положив на колени коробку с пуговицами Гвенди, которую я взяла с полки, а дедушка сидел в глубоком кресле, уткнувшись в книгу Кинга «Доктор сон». Время от времени мы перекидывались несколькими фразами то тут, то там, но ночь по большей части была тихой и спокойной.

Как только дедушка удалился в свою комнату, я часами лежала без сна в своей спальне на втором этаже, широко открыв французские двери, ожидая появления Джулиана. Он так и не появился.

Вместо этого, над перилами балкона, на его месте лежал белый цветок — лунный цветок. И то же самое произошло в следующие две ночи. После третьей ночи я больше не могла этого выносить и выскользнула из дома, чтобы поискать его в горьком и эгоистичном лесу, где мы когда-то были дикими.

Джулиана нигде не было.

День за днем его не было в гараже для автомобилей, его не было на Городской площади, и к четвергу у меня под глазами появились мешки в форме двух полумесяцев. Все, что у меня осталось, — это эти лунные цветы. Я бесконечно прокручивала в уме нашу ночь с одним из цветов между пальцами, ощущая шелковистые лепестки и вспоминая его слова. Где он был? Почему он не хотел меня видеть?

Кейн, Мандэй и Фэйбл заходили к дедушке домой после работы, все по разным поводам за последние несколько дней, приглашая меня куда-нибудь. Чтобы прогуляться по пляжу Кресент, к костру, на семейные ужины. Но я не могла перестать думать о Джулиане.

Я думала о словах Киони, девушки из палатки гадания. Возможно, она была права. Может быть, отравленный яблочный сидр Мины напоил всех безумием, а Джулиан искал только бунта и озорства, чтобы расслабиться, как и весь город в День Суеверий. Но Киони также сказала, что сидр откроет правду. Часть меня хотела больше верить в эту теорию. Что он мог испытывать ко мне те же чувства, что и я к нему.

«Прошла почти неделя, а я все еще не оправился после дня Суеверий, — сказал Фредди со смехом через динамик радио. «Мабон не за горами, скоро первое полнолуние октября, а потом, мои ведьмы, наступит Самайн. В нашем будущем так много праздников, но давайте

начнем утро пятницы прямо с жуткого поворота классики — заиграла музыка, и Фредди взвыл — это ваш Скорбящий Фредди с Дейли Холлоу в утро четверга, и помните, никто не в безопасности после трех часов ночи».

Кавер-версия песни Бритни Спирс «Toxic» звучала по радио в спальне дедушки. Я перенесла старую штуку сюда, так как ему было труднее добираться до кухни по утрам. Это был мой выходной, никаких недавних смертей после несчастного случая на лодке, и мы вдвоем сидели у его изголовья в его комнате, оба с экземпляром ежедневной газеты на коленях.

— Эй, дедуля? — спросила я, зажав ластик карандаша в зубах. — Почему он всегда говорит, — я прочистил горло, чтобы создать свое лучшее глубокое и удручающее впечатление Фредди,

— Никто не в безопасности после трех часов ночи?

— Это час ведьм, — пробормотал дедушка, не потрудившись оторвать взгляд от своей газеты. Он уже опередил меня, половина клеток была заполнена. Я сказала ему, что это не гонка, но мы оба знали, что это так. Это была наша обычная рутина по утрам: соревноваться, кто первым закончит кроссворд, пить кофе в его тускло освещенной спальне и слушать Скорбящего Фредди.

— Что это значит?

Дедуля сжал в кулаке карандаш и перевел взгляд с очков на стену, где стоял его комод, над которым висела его коллекция шляп, а я терпеливо ждала, зная, когда не стоит давить на него.

— Это значит, как я это сказал, Лунное дитя. Никто не находится в безопасности в час колдовства, особенно чужаки. Сверхъестественная и темная магия, и все это мощно и сильно. Ты работаешь в похоронном бюро, когда ты бываешь занята?

— После трех часов ночи.

— Бинго, — проворчал он. — Это значит, как ты это слышишь, как ты это видишь.

И как только последнее слово сорвалось с его потрескавшихся губ, раздался звонок в дверь, эхом разнесшийся по всему старому дому.

— Эти кликуны. Никто не беспокоил меня, пока ты не приехала сюда. На этой неделе я слышал этот чертов звонок больше раз, чем за последние двадцать лет... И вообще, что им нужно в такую рань?

Я встала с кровати.

— Уже почти полдень.

— Полдень?! Ты хочешь сказать, что мы застряли над этой головоломкой все утро?

Смех вырвался у меня изо рта, когда я вышла из комнаты, чтобы открыть дверь.

Кейн стоял с другой стороны, одетый в простое белое поло под ветровкой и брюки цвета хаки, туго закатанные на лодыжках над чистыми белыми ботинками. Он опустил руку, позволив ей повиснуть вдоль тела.

— Итак, забавная история. Мы все были в «Бобах» ранее и разговорились. Мандэй сказала, что у тебя неплохое чувство юмора, и я подумал: «Ни за что». Я даже почти не видел, чтобы девушка улыбалась. Она никак не могла быть такой забавной, какой ее представляла Мандэй. Тогда я подумал... Ну, черт возьми, мне нужно увидеть это своими глазами, — продолжал он, — мне нужно вывести ее из дома, услышать ее шутки, заставить ее смеяться, увидеть ее улыбку. Мне нужно сделать все это, и я не остановлюсь, пока ты не скажешь «да».

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и поднял ладонь над дверью.

— У нас было плохое начало, и я думаю, будет справедливо, если я узнаю тебя получше, Фэллон.

— Чисто по-дружески?

Кейн пожал плечами. — Конечно, если это то, чего ты хочешь.

Я прислонилась к двери, приподняв бровь.

— Так и есть, и как ты хочешь меня рассмешить? И когда?

— Сегодня вечером. Сегодня вечером все собираются в Вуду, но мы могли бы отделиться и заняться своими делами. Тебе решать. Я отвезу тебя туда, куда ты захочешь.

Джулиан был в Вуду последние несколько раз, и возможность увидеть его снова возродила мою угасшую надежду. Я только хотела увидеть его, чтобы убедиться, что все, что мы пережили, все еще было реальным, и все, что я помнила.

— Давай в Вуду, — согласилась я с лукавством в сердце, используя добрый жест Кейна для своих собственных эгоистичных побуждений.

Улыбка Кейна была удивленной, и он вздернул подбородок. — Хорошо, мне захватить за тобой в десять? Или...

— Как насчет того, чтобы встретиться с тобой там?

— Точно, конечно. Я встречу тебя там, — повторил Кейн, не испытывая судьбу. Он повернулся и пошел назад к своей машине, указывая на меня. — Не забывай. Вуду. В десять вечера. Если ты не появишься, я приду, чтобы похитить тебя! — крикнул он с игривой и совершенно белой улыбкой.

Смеясь, я кивнула. — Я не забуду.

Закрыв дверь, я обернулась, и дедушка стоял позади меня с опущенными длинными изогнутыми бровями и сжатыми губами. Я подскочила, не ожидая, что он встанет или подслушает наш разговор.

— Нет. Нет. Нет. Нет. И ещё раз нет, — пробормотал он, качая головой, возвращаясь в свою комнату, и я последовала за ним.

— Моя внучка не будет связана с Прюиттом! Глупые мысли с... — проворчал он, прежде чем захлопнуть дверь у меня перед носом.

Я опустила голову и сделала глубокий вдох, затем открыла дверь его спальни. — Как по-взрослому с твоей стороны, — сказала я, когда он заполз обратно в свою кровать, кашляя, его локти и колени дрожали.

— Я этого не понимаю. Ты ненавидишь язычников. Ты явно ненавидишь Кейна Прюитта, который всего лишь друг, но это не твое дело. Так что, пожалуйста, скажи мне, дедушка, кто заслуживает дружбы твоей любимой внучки?

— Милый и хорошо воспитанный техасский мальчик, — заявил он, и я разразилась смехом. — Прюитты пустозвоны.

— Пустозвоны? О. Чём. Ты. Вообще. Говоришь?

— Загугли слово, почему бы тебе не сделать это с помощью твоей причудливой технологии!

Дедушка прищурил глаза. — Мне все равно, кого ты выберешь, главное, чтобы ты не меняла постель... и никто из этого города... Почему ты все ещё здесь, эй, в любом случае? Прошли недели, Лунное дитя. Иди домой! Возвращайся к той жизни, которую создала для себя.

Там, в Техасе, не было никакой жизни. Я никогда не строила там свою жизнь для себя.

Когда папа и Мариетта ушли, я только чувствовала себя неуместной.

Но я ничего этого не говорила. — Ты фактически умолял меня, устраивая концерт жалости. Ты отправил мне письмо, дал мне дорогу к своему дому, оставил мне ключ, устроил меня на работу! В глубине души, дедуля, ты хочешь, чтобы я была здесь, но ты просто слишком упрям, чтобы признать это. Ты слишком упрям, чтобы признаться себе, что тебе нужна помощь.

Он потряс пальцем в воздухе, и его челюсти затряслись вместе с ним. — Я дал тебе твою чертову работу, но я никогда не посылал тебе письма с мольбами. Я бы никогда не попросил тебя вернуться, эй!

Побеждённая, я развернулась, выбежала из его комнаты и побежала вверх по лестнице. Войдя в свою комнату, я схватила с пола сумочку и высыпала ее содержимое на кровать. Доказательство ему того, что он теряет кратковременную память, может разрушить его и, возможно, привести к еще одному сердечному приступу, как в прошлый раз. Но, спускаясь по лестнице с письмом, зажатым в кулаке, я решила сделать это осторожно. Дедушка должен был видеть, что я ему действительно нужна, и это было нормально. Я была бы здесь ради него.

Я вошла в его спальню, а дедушка уже разложил перед собой газету на подносе с завтраком и усердно разгадывал кроссворд. Он не потрудился поднять глаза, когда я вошла, и я села рядом с ним на край матраса и нервными пальцами развернула письмо.

— Когда ты впервые прислал мне письмо около года назад и назвал меня Лунным дитем, это был первый раз, когда я была счастлива с тех пор, как умерла Мариетта. Я написала тебе ответ, дедуля, и в течение года я с нетерпением ждала твоего письма в своем почтовом ящике каждый день. Если я тебе не нужна, я не слишком упряма, чтобы сказать, что ты мне нужен. Я хочу быть здесь не потому, что ты болен, а потому, что я хочу поближе познакомиться со своим дедушкой.

Я протянула ему письмо, но он по-прежнему не смотрел на меня. Казалось, прошла целая жизнь, пока он читал это, и я, затаив дыхание, ждала, когда он закончит и что-нибудь скажет. Мне было все равно, что он скажет, лишь бы он не расстроился, не разозлился или еще чего похуже.

— Лунное дитя, — грубо прочёл он. — Ты написала мне шестьдесят пять писем за последние двенадцать месяцев, а я написал шестьдесят шесть.

Он сделал паузу и посмотрел на меня в глубокой задумчивости. Я видела это по выражению его лица, по тому, как его глаза превратились в войну. Что-то его беспокоило, и мне хотелось, чтобы он уже выплюнул это. — Это письмо? Я этого не посылал. Это не мои слова. Это, — он сжал письмо в руке, встряхивая его, — Это не мой почерк. Я бы никогда не попросил тебя прийти. Я только хотел любить тебя на расстоянии. Я уже пережил достаточно смертей. Было бы нехорошо встречаться со мной только для того, чтобы потерять и меня тоже.

Мои плечи поникли под тяжестью его слов. Он сказал, что хочет любить меня, и это затмило все остальное, что он сказал. Его признание вызвало слезы на моих глазах, потому что я знала, как трудно ему было признаться. Однако выражение лица дедушки было противоположным. Его глаза наполнились пониманием и небольшим ужасом, что вернуло меня к тому же вопросу, с которым он столкнулся.

— Тогда кто отправил мне это письмо?

Фэллон

Каспер последовал за мной из спальни в ванную, лавируя между моих ног, пока я стояла перед зеркалом, готовясь к ночи. Я нанесла толстый слой туши и нарисовала стрелки на веках, когда он мякнул у моих ног. Как будто Каспер знал, куда я клоню, и ему это ни капельки не нравилось.

Ранее дедушка отказался больше ничего говорить о письме и только упомянул, что устал. Как только я приступила к ужину, он проснулся и потащил ноги на кухню, пока я доедала Солсберский стейк с картофельным пюре и соусом. Мы оба молчали весь ужин, наши мысли блуждали по письму, задаваясь вопросом, кто его написал и что это значило для нас. У дедушки не было ответов, и я никогда не видела его более ошеломленным и запаниковавшим, что только больше беспокоило меня.

Я приехала в Вуду поздно, в половине одиннадцатого, и там было полно народу. До того, как я приехала в Воющую Лошину, я была в баре всего два раза. Каждый раз это было связано с выпускными экзаменами в универе и коллегами по работе. И все же я снова здесь.

Мой взгляд зацепился за ярко-рыжие волосы Мандэй, и я протиснулась сквозь толпу, с треском провалившись в попытке избежать столкновения с кем-либо плечом. Большая часть толпы собралась у досок для дартса в углу, рядом с большой классной доской, висящей над кирпичной стеной.

Адора сидела в углу комнаты на высоком табурете с дротиком между пальцами, скрестив длинные ноги и не сводя глаз с Кейна. Несмотря на то, что произошло в раздевалке, я все еще хотела дать ей преимущество сомнения. Она упомянула, что не хочет видеть Кейна и меня вместе, и вот я появилась и не подумала, будет ли она здесь или как мой приход сюда заставит ее чувствовать, хотя я видела в Кейне только друга.

Я остановилась посреди зала, оглядывая толпу, в основном состоящую из Священного Моря. Я чувствовала себя не в своей тарелке, когда люди проходили мимо меня. Мои нервы выползли на поверхность, поспешно питаюсь моим сознанием.

— Фэллон! — крикнула Фэйбл, когда ее взгляд встретился с моим с другого конца комнаты. Ее длинные вьющиеся каштановые волосы колыхались над бедрами, когда она шла ко мне, прижав ладони к бокам. — Маверик надирает задницу Кейну, и Кейн теряет самообладание, — рассказала она мне, когда подвела меня к тому месту, где толпилась группа людей. — Кейн всегда побеждает. Каждый турнир никогда не проигрывает, — продолжала она, пока я не искала язычников — искала Джулиана.

Если бы это было вообще возможно, я бы физически почувствовал, как мое сердце замирает при каждом взгляде на каждое лицо. У меня похолодело в груди. Его здесь не было, и я перевела взгляд на Фэйбл и заставила себя улыбнуться.

Остальные поприветствовали меня, в то время как Кейн обнял меня за плечи и притянул к своей груди. — О, теперь ты в беде, Мэв. Мой талисман на удачу прибыл, — крикнул он Маверику, и его горячее, наполненное алкоголем дыхание сорвалось с его губ. Я позволила своим рукам неловко повиснуть по бокам, ожидая, когда он отпустит меня, и в конце концов он это сделал.

— Кейн, просто брось уже дротик, — сказала Адора со вздохом, махнув рукой.

Остальные согласились, перекрикивая музыку и громкие разговоры. Я сидела рядом с Мандэй и Фэйбл в баре, наблюдая, как Кейн выпрямился, зажал дротик между двумя пальцами, прищурившись, и поднял подбородок, активировав серьезный режим.

Мандэй наклонила голову в мою сторону, все еще не сводя глаз с Кейна, ожидая, что он

бросит дротик, как и все остальные.

— Хочешь выпить?

Я оглянулась, и Феникс смотрел на меня краем глаза, зажав телефон бара между плечом и головой, наливая пиво в ледяную кружку.

— Бармен выглядит занятым, — испуганно заметила я. Не то чтобы я не хотела выпивку, но мне никогда раньше не приходилось ее заказывать. Я не знала, как это сделать. Как заправиться в первый раз или вызвать такси. Помахать рукой, как в кино?

— О, ерунда.

Мандэй повернулась и наклонилась, положив локти на стойку.

— Бармен, ты свободен или как? Принеси моей девочке выпить.

Феникс поставил кружку на стойку перед посетителем, собрал наличные и повесил телефон, прежде чем повернуться ко мне лицом. Его пальцы вцепились в край стойки, когда он наклонился. — Что я могу тебе предложить?

— Пиво?

— Ты уверена?

Его желтые глаза сощурились над черной маской. — Какой?

Я пожала плечами и указала на то место, где они были вылиты. — Одно из них.

Он на мгновение откинул голову назад, а когда снова поднял глаза, в них плескался юмор. — Тебе нужна машина, разливающая пиво?

— Перестань прикалываться и просто принеси ей джин с тоником, — вмешалась Фэйбл, затем повернулась ко мне, подняв глаза к небу. — Не обращай на него внимания. Как будто они не знают, как разговаривать с людьми, — сказала она достаточно громко, чтобы он услышал, и он снова перевел взгляд на нее.

Группа разразилась ревом, и я вытянула шею вокруг Фэйбл, чтобы увидеть, что Кейн попал в яблочко, опередив Маверика.

Принесли мой напиток, и я молча сидела в углу, пока они все смешивались. Кейн, чемпион по дартсу, перешел к своему следующему противнику, время от времени подмигивая и улыбаясь в мою сторону. Несмотря на то, что я пришла под ложным предлогом, я не думала, что это будет так, провести ночь в углу, наблюдая, как он играет, пока девочки пили и свободно смеялись. Остальные парни обменивались шутками туда-сюда, а я торчала, как больной палец, чувствуя себя такой неуместной.

Музыка перешла от классического рока к танцевальной, и ди-джей заменил группу, превратив пространство перед сценой в раскаленную и потную танцевальную площадку. Произошел переход от досок для дартса к танцполу, но Кейн все еще был на пике своей победной серии, и смотреть оставалось только его друзьям.

— Я побью любого из вас, ублюдки! — крикнул он, к этому времени уже разбитый. Его пальцы двигались по барной стойке. — Я уже надрал тебе задницу, и твою задницу, и твою... — бормотал он, указывая на каждого человека, которого выиграл, но затем его палец остановился, и его улыбка превратилась из небрежной в коварную.

Я посмотрела туда, на ком остановился его палец, и перед дверью бара толпа расступилась, чтобы показать трех язычников, которые только что вошли. Джулиан, Бэк и Зефир.

Верхняя половина лица Джулиана была закрыта маской, похожей на фантом, его красивый рот был выставлен на всеобщее обозрение. Тот же рот, который я целовала. Его пристальный взгляд выделил меня среди толпы, и все внутри меня загорелось и вспыхнуло,

охваченное безумным кайфом. Но его взгляд был полной противоположностью. Глаза Джулиана были холодными, отстраненными, пустыми.

Кейн продолжил:

— И, Джулиан Блэквелл, — болтовня стихла, и все головы повернулись к язычникам, которые стояли в своих призрачных масках, темных пальто и непроницаемой внешности, — Давай посмотрим правде в глаза, ты уже проиграл.

Члены «Священного Моря» захлопнули рты, посетители бара ждали, затаив дыхание.

Джулиан улыбнулся, склонив голову набок, чтобы скрыть улыбку, но я все равно ее уловила. Она была такая мимолётная, что проскочила, как живое существо. Он молча занял место в баре вместе с двумя другими, как будто Кейн Прюитт не стоил и слова. Феникс подвинул Джулиану напиток через стойку бара, и он поймал его, прежде чем оторвать свой взгляд от моего.

Если Джулиана и беспокоил Кейн, он этого не показывал, и ночь, которую мы провели вместе, тоже не повлияла на него. Он не поздоровался со мной, даже не помахал рукой или кивнул в мою сторону.

Остальная часть бара вернулась к своему общению и танцам, и Кейн казался разочарованным, расстроенным даже реакцией Джулиана или ее отсутствием, как и я. Кейн схватил свой стакан с барной стойки рядом со мной и выпил все залпом, затем поставил его обратно и щелкнул пальцем в воздухе, заказывая еще один.

— Фэллон, твоя очередь, — сказал Кейн, поднимая меня с барного стула с дротиками, сложенными в одной потной ладони.

Я покачала головой. — Я никогда раньше не играла.

— Нет, я играю против самого себя.

Он поставил меня перед стеной под доской для дартса, положив руки мне на плечи. — Ты просто будешь стоять здесь и выглядеть прелестно.

Сначала я ничего не поняла. До тех пор, пока Кейн не начал пятиться назад, и все уставились на меня, некоторые с беспокойством, другие с юмором.

— Ни за что, — сказала я, делая шаг из зоны и возвращаясь к своему стулу.

Кейн склонил голову набок и поднял руку с дротиком.

— О, да ладно. Ты мне не доверяешь? Адора, ты доверяешь мне, верно?

И Адора покачала головой, говоря «черт возьми, нет». Кейн казался раздраженным, и все его тело наклонилось в сторону, невидимая сила алкоголя.

— Адора, залезай под мишень, — приказал он.

Адора бросила на меня обеспокоенный взгляд. Ее взгляд обратился к Кейну, понимающий взгляд скользнул между ними. Адора опустилась со стула на ноги, нижний край ее платья в богемном стиле упал на пол, когда она нервно подошла к стене с ужасом в глазах. Как будто Кейн полностью контролировал ее, и у нее не было выбора.

— Хорошо, я сделаю это, — вмешалась я, сама не зная почему. По какой-то причине я хотела, чтобы Адора доверяла мне. Я хотела, чтобы она знала, что я не та девушка, за которую она меня принимала, что я здесь не для того, чтобы сделать ее жизнь несчастной или отнять у нее что-то — что я могла бы быть другом или, по крайней мере, попытаться. — Я сделаю это, — снова сказала я, подходя к доске. Облегчение отразилось на ее лице, когда она вернулась к своему барному стулу.

— Вот это моя девочка! — похвалил Кейн, затем лизнул кончик дротика.

На каблуках моя голова была примерно на четыре дюйма ниже яблочка, которое он

прибивал дротиками всю ночь. Скорее всего, он не попадёт в меня, но это все равно не остановило мое беспокойство, а ладони вспотели.

Затем я почувствовала тяжесть чего-то тяжелого, лежащего у меня на груди. Я хотела провести ладонью по своим плиссированным шортам спереди, но не могла пошевелиться. Я попыталась повернуть голову в сторону, не в силах смотреть, но застряла на месте. Я не контролировала свои конечности, свои движения, как будто сила магии приковала меня к стене, удерживая там, и Кейн одарил меня коварной улыбкой.

Мое беспокойство усилилось, мое дыхание стало поверхностным, и мой взгляд упал на Джулиана, который пронесся через бар быстрее, чем ястреб. Прежде чем Кейн успел метнуть дротик, Джулиан появился у него за спиной и выхватил его из руки.

— Игра против самого себя ничего не доказывает. Сыграй против меня.

Его голос привлек всеобщее внимание.

Болтовня прекратилась, и все наблюдали, хватаясь за все, что было ближе всего к ним.

А я все еще не могла пошевелиться! Я была в гребаной ловушке, и все, что я могла сделать, это моргнуть, сглотнуть и сосредоточиться на своем дыхании, чтобы убедиться, что я все еще здесь.

Кейн повернулся, почти такой же высокий, как Джулиан, и на мгновение уставился на него расширенными глазами.

— Ты боишься за нее, Блэквелл?

Губы Джулиана дрогнули.

— Девушка едва дотягивается до доски. Не нужно большого таланта, чтобы избежать попадания в нее, если только ты не целишься в нее.

Он посмотрел на меня, и дротик сжался в его кулаке.

— Отпусти ее, — приказал он вслух, кивнув головой.

Кейн указал на меня и опустил глаза.

— Нет, она остается, — он наклонил голову в сторону Джулиана, его палец превратился в приплюснутую ладонь, — Дерзай, язычник, — бросил он вызов. — Ты сделаешь этот бросок, и я освобожу ее от своей хватки.

Между ними воцарилось молчание. Джулиан стиснул челюсти, и вены на его шее вздулись. Он обдумывал слова Кейна, и мои глаза метались от Джулиана к Кейну, обратно к Джулиану, понятия не имея, что происходит или что означают слова Кейна, в то время как мое сердце сильно колотилось в груди.

— Я сделаю это, и ты отпустишь ее?

Джулиан переспросил.

— Ты освободишь ее от своей хватки?

— Ве-р-но, — пропел Кейн и сделал шаг назад, наклонив голову назад. — Но ты должен сделать это оттуда.

К этому времени, пока я стояла под доской для игры в дартс, собралось еще больше людей, и мой желудок словно подступил к горлу. Крупная капля пота скатилась по моему затылку. Как все перешли от того, что игнорировали меня, к тому, что пялились на меня? Было так жарко, что я хотела сбросить куртку, но не могла оторваться от этого положения!

Зефир сделал шаг вперед между расступающейся толпой. Он был выше остальных, по крайней мере, шесть футов четыре дюйма, но худой, и наклонил голову, чтобы что-то прошептать Джулиану. Светлые волосы Зефира упали на его белую маску, когда он посмотрел на меня яркими светло-зелеными глазами. Джулиан кивнул.

Кейн оглядел толпу, нервно посмеиваясь.

— Вы, ребята, уже закончили целоваться или что?

Все трое оторвались друг от друга, когда Джулиан сделал много шагов назад, не сводя с меня глаз. И то, как он смотрел на меня, сняло все мои нервы. Моя паника рассеялась, услышав только один отчетливый звук. Звук сердцебиения. Он так громко бился у меня в ушах. Успокаивающий. Устойчивый. Стабильный. Я сосредоточилась на этом. Это дало мне возможность расслабиться и довериться ему.

Джулиан остановился, по крайней мере, в двадцати футах от меня, если не больше, и я хотела закрыть глаза, но не смогла.

Затем он перекатил дротик между двумя пальцами, и все, что поглотило мои чувства, были цвета серебра и зеленого, когда Джулиан и Зефир нацелились на меня, чувствуя меня, дыша мной, прикасаясь ко мне. Они были повсюду, как будто стояли всего в нескольких сантиметрах друг от друга.

Без предупреждения Джулиан взмахнул запястьем, и дротик пронзил воздух между нами. В комнате было так тихо, что я услышала свист дротика, прежде чем он исчез с быстрым стуком, прижатый к стене. Я застыла, не сводя немигающих глаз с Джулиана, и ждала, что кто-то скажет мне дышать, потому что мой разум больше не мог собрать воедино ни единой команды. Грудь Джулиана сжалась, и его глаза на мгновение закрылись, прежде чем они открылись, встретившись с моими.

Облегчение. Мы вдохнули одновременно, но между нами было двадцать футов. Все остальные молчали. У некоторых отвисла челюсть, широко раскрылись глаза и приподнялись брови.

— Поздравляю, Джулиан, — сказал Кейн, медленно хлопнув в ладоши. — Видишь, где ты стоишь? Это самое близкое, где тебе когда-либо позволено к Фэллон Морган.

Глаза Джулиана сузились от слов Кейна, его грудь быстро поднималась и опускалась. Я все еще стояла под тяжестью дротика, без сомнения, в яблочко, но слишком парализованная, чтобы проверить. Джулиан пристально посмотрел на меня, и я почувствовала, как он успокаивается через меня.

Кейн рассмеялся, и мой взгляд метнулся между двумя мирами, сердцебиение все еще стучало у меня в ушах. Время тянулось медленно. И как только Кейн щелкнул пальцами, все ускорило, и бар снова зазвучал в такт. Тяжесть соскользнула с меня. Мои мышцы таяли от свободы, и мое тело чувствовало себя так, словно пробежало мили за милями.

Джулиан одарил меня тем же извиняющимся взглядом, которым он одарил меня на Игровой площадке Дьявола, тем, которым он одарил меня, когда мы прощались в лесу. Его взгляд сказал мне, что он снова собирается исчезнуть, и я покачала головой, но это не помогло. Он все еще отворачивался, а я была слишком слаба и истощена, чтобы использовать что-либо, чтобы остановить его — мой голос, мои руки, мои ноги.

Джулиан махнул Фениксу рукой, и Феникс кивнул из-за стойки.

Потом язычники исчезли.

Кейн на мгновение отвел глаза с коварной улыбкой.

— Это было чертовски удивительно, — сказала Адора, подходя ко мне, переводя мой прищуренный взгляд на Кейна и отрывая меня от места под доской для дартса. Она повела меня к бару, пока Кейн разговаривал со своими друзьями, все они смотрели на путь, по которому только что ушел Джулиан. — Я не могу поверить, что ты сделала это для меня, — продолжала она, но торжественная пустота взяла верх над после ухода Джулиана. Мне

хотелось побежать за ним, поблагодарить его, дать ему пощечину и поцеловать одновременно. Но Адора прильнула ко мне с улыбкой на пухлых губах, охваченная волной признательности.

— Ничего особенного, — сказала я с отсутствующим видом, мои глаза были прикованы к двери, через которую только что вошёл Джулиан. Я не могла просто позволить ему снова уйти. Я должна была поговорить с ним. Я должна была знать, где он был после той ночи, которую мы провели вместе.

Затем мои ноги начали двигаться в том же направлении.

— Куда ты идешь? — Я услышала, как Адора окликнула меня сзади.

Я не знала, но я не могла просто позволить ему уйти вот так.

Мои плечи протиснулись сквозь толпу людей, и я проглотила тревогу, угрожавшую подняться. Я должна была добраться до него до того, как он уйдет. Я должна была знать, что, черт возьми, только что произошло, что с нами происходит и почему он избегает меня.

— Фэллон!

Кейн крикнул мне вслед, но я продолжала двигаться.

Я толкнула двойные двери и, спотыкаясь, вышла из бара, когда свежий холодный воздух ударил мне в лицо. Голова Джулиана резко повернулась вместе с головой Бэка и Зефира. Все трое стояли, серебряные цепочки болтались у них на шеях.

— Значит, теперь это все? Ни привет ни пока? Ты просто пришел сюда покрасоваться, и все? — крикнула я, бросаясь к нему с таким количеством сдерживаемого адреналина, бурлящего во мне. Я могла бы держать то, что произошло между нами, в неведении, но отказываться разговаривать со мной, признавать меня или притворяться, что мы незнакомы, было слишком. Джулиан посмотрел на Зефира, потом снова на меня.

— В чем был смысл?! — крикнула я, чувствуя себя использованной.

Зефир дернул Джулиана за плечо, оттаскивая его назад, прошептал:

— О чем говорит этот фрик, Джулс?

Джулиан покачал головой, в его глазах был шок и миллион лжи, Зефир отдернул плечо.

— Фэллон!

Кейн крикнул из-за моей спины, и музыка из «Вуду» выплеснулась на парковку вместе с ним.

— Они что, пристают к тебе?

Темный пристальный взгляд Джулиана встретился с моим, его грудь яростно вздымалась, кулаки сжимались. Слова промелькнули в его радужках. Внутри них было все, что он хотел кричать, исходящее от него, как сердитая песня.

Затем он повернулся и ушел, оставив меня в своём холоде.

Глава 19

Фэллон

Сегодня утром в похоронное бюро доставили молодую женщину, жительницу равнин. Джон взял на себя смелость забрать тело, не уведомив меня, сказав, что не хочет прерывать мое утро с дедушкой, зная, что ему становится хуже. А после того, что случилось прошлой ночью с Джулианом, мне требовались дополнительные часы сна.

Я не спала всю ночь, прокручивая в голове его отъезд. Снова, снова и снова. Прошлой ночью Джулиан, человек, которого все считали несокрушимым, был на грани срыва перед аудиторией, но он не мог этого допустить. Чем больше я думала о нем, тем больше это сводило меня с ума.

И я использовала смерть, случившуюся этим утром, чтобы отвлечься.

Тело было опознано как Бет Клейтон, восемнадцатилетняя дочь Джереми и Кристины Клейтон, владелицы магазина хозяйственных товаров на Норс-Вудс-энд. Единственный бездомный из Воющей Лощины, которого звали Оушен, нашел ее тело.

У Оушена была палатка, установленная в переулках за стрип-моллом на Вестсайде. Поскольку у Оушена было алиби примерно в то время, когда была убита девушка, офицер Стокер не вызвал его на допрос. Несмотря на то, что никаких ран, свидетельствующих о борьбе, не было, губы Бет были зашиты черной нитью посмертно. Майло был первым, кто появился в морге, требуя ответа на причину смерти милой и невинной городской Бет Клейтон.

Я не сказала об этом Майло, но после того, как Джон, доктор Морли и я осмотрели ее тело, мы не нашли абсолютно никаких указаний на причину ее сердечной недостаточности. Все указывало на Полых Язычников — на Джулиана. Она была молода, здорова, и у нее не было причин, чтобы сердце подводило ее. Все доказательства, в которых я нуждалась, были выложены передо мной, но мое сердце не могло их принять. Возможно, мое сердце тоже подводило меня.

Между мной и Бет было много общего. Длинные белые волосы, бледная кожа, тот же рост, то же телосложение. Только она была на шесть лет моложе меня. Джон ни о чем не упоминал, и доктор Морли тоже, а если они и заметили, то ничего не сказали. Но нельзя было отрицать очевидное.

Мы с Бет Клейтон могли бы сойти за сестер.

Я держала эти опасения при себе на случай, если это было состояние паранойи. Но после письма, которое я получила от кого-то, кроме бабушки, чтобы заставить меня вернуться в Воющую Лощину, я не могла не думать, что кто-то преследует меня.

Или, может быть, я искала причины, чтобы возложить вину на кого-то другого, кроме Джулиана.

Оушен также зашел, чтобы отдать дань уважения девушке, которую он нашел.

Оушен был худым и волосатым мужчиной, которого я всегда видела сидящим на углу бульвара Брэм и Джойленд-лейн и играющим на губной гармошке. Я никогда раньше с ним не разговаривала и знала о нем только из писем бабушки. Оушен был знающим обо всем. Он наблюдал, когда никто не знал, что он наблюдает, слушал, когда никто не думал, что он слушает. Мина Мэй кормила его до тех пор, пока он следил ночью за Городской площадью, был ее живой и дышащей камерой слежения.

Но рано утром, между тремя и четырьмя, он подвел милую Бет Клейтон.

Оушен почти не разговаривал, но единственное, что он сказал, что никогда не выходило у меня из головы, — это то, как он ее нашел. — Она была такой умиротворенной, сначала я подумал, что она спит... пока не увидел, что ее рот зашит. Она просто лежала там на одеяле из фиолетовых цветов, скрестив руки на груди, рядом со свалкой. Милая, милая, Бет, — сказал он. — Сцена была великолепно трагичной.

Это были пурпурные Гиацинты. Я вырвала несколько прядей из ее белых волос и загуглила в своем офисе, чтобы убедиться. Пурпурные гиацинты были символом скорби, иногда мольбой о прощении. Сожалели ли они о том, что взяли не ту девушку? Было ли это из ночного сада Агаты? Сожалел ли Джулиан о том, что не смог совладать с собой?

Когда я вышла из похоронного бюро, Кейн Прюитт стоял, прислонившись к багажнику своей машины, засунув обе руки в карманы брюк цвета хаки.

— Привет, Фэллон, — сразу же поздоровался он, его голос был полон извинений, а на лице отразилось полное смущение. Я остановилась на мгновение, чтобы изучить его черты, затем подошла к нему, скрестив руки на груди.

— Мандэй сказала, что ты освободишься к обеду.

Он сделал паузу и огляделся, как будто нервничал.

— Я был ослом прошлой ночью, — наконец сказал он.

Я перекинула сумку через плечо.

— Продолжай, я слушаю.

Кейн ухмыльнулся.

— Ну, я хочу загладить свою вину перед тобой.

— Ты из тех, кто Сначала-напортачил-потом-попросил-прощения?

— Честно говоря, да. Но я движусь к Мне-нравится-эта-девушка-но-я-так-влюблен-в-себя-парня.

— Это не оправдание, — заметила я.

— Я знаю, но это единственное, что у меня есть. Ну, это и моя незрелость.

Он пожал плечами, глядя на меня сверху вниз с притворной невинностью.

Я прикусила губу, качая головой.

— Думаю, тогда я смогу простить этого парня. Ну, знаешь, за его честность.

Кейн облегченно вздохнул, прижав руку к груди. В любом случае, мы не были на свидании. Мы были просто друзьями, и, возможно, я переусердствовала, будучи девушкой, ожидающей большего, когда мне не следовало этого делать.

— Хорошо, потому что...

он открыл багажник, чтобы показать холодильную коробку, затем поднял крышку, — Я купил нам бутерброды и напитки и подумал, что мы могли бы пообедать на причале. Ты в деле?

После вчерашней ночи и дикого утра я согласилась. Кейн старался, и пока он не пил, он был терпим. Даже приятный.

Я последовала за ним на своем скутере к причалу, который находился рядом с домом бабушки. В передней части Воющей Лощины Прюитты владели небольшим рестораном морепродуктов и рыболовным магазином, расположенным прямо на побережье. Кейн повел меня вниз по крутым деревянным ступенькам над обрывом к причалу, где лодки выстроились по обе стороны палубы за лодочным сараем. Он держал коробку в одной руке, когда шел впереди меня, направляясь вниз по вытянутой длине причала. Береговые птицы сновали по дощатому дереву, чайки кружили над головой, рыбаки разгружали свои лодки после утренних экскурсий, а соль витала в свежем сентябрьском воздухе, когда волны ударялись о причал.

Когда мы дошли до конца, Кейн сел на край и поставил коробку рядом с собой. — Надеюсь, тебе нравится итальянский.

Он бросил мне сабу.

— Обожаю итальянский.

Я поймал его в воздухе и села рядом с ним, мы оба смотрели на беспокойные воды.

С тех пор как я приехала, я видела океан по-разному: гладкий, как песня о любви, беспокойный, как мои ночи, нетерпеливый, как мой разум, живой, как мое сердце, всякий раз, когда Джулиан был со мной в одном пространстве. Но в этот самый момент океан был таким же непреклонным и смущенным, как моя душа, величайшим отвлекающим фактором

и запасом для Кейна, меня и моего беспокойного разума, когда мы ели в уютной тишине.

Рядом со мной сидел совсем другой мужчина, не тот, что был в баре прошлой ночью. Кейн был расслаблен, устал, как будто продолжать шараду было утомительно.

— Ты видишь это, маяк в нескольких милях отсюда?

Кейн указал направо. Вдалеке посреди Атлантики возвышался черно-белый спиральный маяк, поднимающийся в полуденное небо.

Я вытерла уголок рта большим пальцем.

— Да.

— Это остров Костей. Он заброшен уже двадцать лет. Смотритель маяка, который раньше жил там, умер, когда мне было пять. Тело выбросило на скалы. Однажды мой отец сказал, что послал троих мужчин осмотреть остров, но они так и не вернулись. С тех пор он не посылал никого туда, и это было, я думаю, — он прищурил один глаз, — восемнадцать лет назад. Хочешь знать самое жуткое во всем этом?

— Что?

— Маяк все еще, черт побери, работает

— Как?

— Никто не знает, но некоторые говорят, что на острове водятся привидения.

— А ты что думаешь?

Он пожал плечами, затем у него перехватило горло, когда он проглотил свою еду.

— Я думаю, мы должны как-нибудь это проверить. Ты боишься призраков, Фэллон Морган?

Я рассмеялась. Если бы он только знал. Кейн приподнял бровь, и мои глаза сузились до щелочек. Он ухмыльнулся и сказал: — Пойдем, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Он вскочил на ноги, провел сзади по штанам, затем протянул мне руку, предлагая помочь подняться.

Небо было без солнца, приглушенный пастельно-серый цвет простирался над нашими головами. Кейн кивнул нескольким мужчинам, когда они разгружали свои стоящие на якоре лодки, один из которых поливал из шланга легкий рыбный запах с причала. Белые птицы прыгали по причалу, выискивая объедки, и вода брызгала нам на лодыжки, когда мы обходили их.

— Когда ты пойдешь с нами, Кос?

— спросил Кейна рыбак. У него были кристально голубые глаза, растрепанная борода, он был одет в комбинезон и черные резиновые сапоги. В обеих его руках были большие ведра, наполненные чем-то похожим на рыбы потроха.

— Когда босс даст мне свободное утро, — пошутил Кейн с кривой улыбкой. — Ты там довольно поздно появляешься, парень. Если ты уйдешь раньше, тебе повезет больше.

Улыбаясь, мужчина кивнул и бросил ведра на причал. Вода переливалась через край и просачивалась сквозь щели в досках. — Вот поэтому ты нам нужен!

— Он называет тебя Кос? — спросила я, когда мы подошли к лестнице, ведущей в ресторан.

Кейн взял меня за руку и потянул вперед, заставляя идти впереди него.

— Да, это мое второе имя.

— Откуда взялось?

— Глаукос. Долгая история, для другого дня...

Море рыбаков заполнило огромную белую палубу «Жемчужины». Пивные бутылки

торчали из ведер со льдом на каждом столе, как элементы букета в центре. Кейн взял меня за руку и повел внутрь лазурно-голубого здания, где помощники официантов и официантки носились по опустевшей столовой, чтобы убрать последствия обеда. А внутри Жемчужина была причудливой, отражающей прибрежное очарование штата Мэн во всех деталях.

Мы прошли мимо бара, через кухню из нержавеющей стали и добрались до офисов в задней части. Он постучал три раза, и я провела пальцами по руке, оглядываясь вокруг, когда все рабочие бросали на нас взгляды в перерывах между своими обязанностями.

— Войдите, — сказал мужчина, и Кейн повернул ручку.

Офис был большим, и из него открывался вид на Атлантический океан, длинный причал, от которого мы только что вышли, и маяк. Яркий и свежий, Августин Прюитт приятно улыбался из-за своего стола, рядом с ним стояла девушка.

— Фэллон, это мой отец, Августин Прюитт, — представил Кейн, но его поведение изменилось с возбужденного на разочарованное, когда его взгляд упал на девушку рядом с его отцом.

— Я не ожидал, что мисс Дрисколл будет здесь, — процедил он сквозь зубы, когда мистер Прюитт встал, чтобы пожать мне руку.

— Пожалуйста, зовите меня Кэрри, — настаивала она, пожимая мне руку.

Кэрри Дрисколл, я вспомнила это имя. Фэйбл рассказывала о ней, говоря, что она была девушкой Джури Смита, но она никогда не упоминала, насколько она была красива, со светлыми, смоченными медом волосами, которые падали ей на плечи и пенились вдоль талии, с поднятыми глазами, в которых были осколки ледника.

— Кэрри живет недалеко от побережья, — сообщил мистер Прюитт, гордо улыбаясь молодой девушке. Фэйбл была права; Кэрри должно было быть примерно того же возраста, что и мы, двадцать четыре, но не больше двадцати шести.

— Она только что сообщила мне о своих планах относительно оранжереи за старым особняком блэков на берегу моря. Она заинтересована в получении права собственности.

Кейн нахмурился. — Никто не заботился об этой собственности с тех пор, как умер Ланс. Я хотел бы, чтобы ты поговорил со мной, прежде чем строить планы. Ты же знаешь, что у меня тоже есть интерес. Я единственный, кто заботится об этом доме и маяке.

Мистер Прюитт откинулся на спинку стула и скрестил ноги, подперев подбородок пальцами. — Это то, что мы обсуждали, она разбирается в садах и лодках, и, исходя из нашего плана, нам нужна наша собственная теплица. У вас едва ли есть время учиться и ухаживать за садом, не говоря уже о маяке. Я думал, ты хочешь владеть Жемчужиной?

Кейн стиснул челюсти.

— Я хочу этот дом.

— Ты хочешь весь мир.

Мистер Прюитт усмехнулся, и его пронизывающий взгляд скользнул по комнате. Кэрри улыбнулась, когда взгляд мистера Прюитта остановился на ней, но улыбка быстро исчезла, когда он снова повернулся к Кейну.

— Мы обсудим это позже, Кэрри.

Неловкость, такая густая и душная, сжала пространство, и я опустила взгляд на свои ноги, когда Кэрри вышла из офиса. Дверь со щелчком закрылась за ней, и мистер Прюитт заговорил, когда она вышла, с неодобрением, сверкающим в его глазах.

— Я прошу прощения за своего сына, Фэллон. Должно быть, он забыл свои манеры на причале.

Краем глаза я заметила, как Кейн пошевелился, выпрямив спину и сцепив руки перед собой. Он поднял глаза к потолку.

— Вы вырастили хорошего человека, — думаю, я солгала. Я не очень хорошо знала Кейна, но могла представить, что ему было нелегко жить с одним из городских лидеров.

Карие глаза Кейна повернулись к моим и по-совиному моргнули. Он был так же удивлен, как и я, особенно после того, как он поступил со мной прошлой ночью. У него была не самая лучшая репутация в Вуду, но часть меня сочувствовала ему.

Мистер Прюитт прочистил горло. — Ты присоединишься к нам за ужином сегодня вечером?

— Нет, я не могу оставить Бенни совсем одного, не сегодня. Может быть, как-нибудь в другой раз?

— Очень хорошо, я буду с нетерпением ждать этого.

Рука Кейна сжала мою, и он вытащил меня из офиса. Как раз перед тем, как двери закрылись, за нашими спинами прогремел голос мистера Прюитта.

— Я рад видеть вас двоих вместе.

Кейн повернулся, кивнул один раз и положил руку мне на поясницу, прежде чем вывести меня.

— Я думала, ты сказал, что люди погибли там, на маяке, — прошептала я, когда мы шли обратно через кухню.

— Почему ты хочешь быть хранителем?

— Меня волнует не маяк, а особняк. Этот дом кое-что значит для меня, и, к сожалению, они идут рука об руку, — проговорил он мне на ухо с кипящей яростью. — Кэрри Дрисколл не получит мой гребаный дом.

Дедушка отказался ужинать, заявив, что не голоден. Я предложила перенести его в гостиную, где он мог бы почитать, но он яростно замотал головой, его приступы кашля только усилились. Кровь попала на белую салфетку. Он пытался скрыть это, но я уже увидела.

Его здоровье только ухудшалось, и единственный совет, который мог дать доктор Морли, — это устроить его поудобнее. Дедушке перевалило за семьдесят восемь, но у него должно было быть еще как минимум десять лет в запасе. До этих последних нескольких месяцев он всегда был здоров. Должна была быть причина его быстрого ухудшения, лихорадки, хрипов в груди.

Вечер прошел, и я рухнула в шезлонг на балконе с макбуком на коленях, уставившись на свежесрезанный лунный цветок, свисающий с перил. Я встала и стащила его, наблюдая, как он плывет и падает на землю внизу, прежде чем снова сесть. Облака над головой разошлись, осветив усыпанную веснушками звездную ночь, когда я отчаянно щелкнула по клавиатуре ноутбука, обновляя Интернет, чтобы найти соединение.

Майло был прав, когда сказал, что доктор Морли туповат для врача. Я не собиралась сидеть сложа руки и смотреть, как дедушка превращается в ничто.

В конце концов я отказалась от компьютера и отложила его в сторону. Я натянула толстое одеяло до шеи и уставилась наверх, пока ветер пел мне сладкую и успокаивающую песню. Холод целовал мои щеки, успокаивал меня, погружал в сон.

Я не знала, как долго я спала, но было все еще темно, когда мои глаза открылись, услышав болезненный и булькающий стон. Маленькие мурашки волнами пробежали по моей коже, когда мои глаза метнулись туда, откуда донесся звук. Это призрак, сказала я себе.

Просто призрак. Если я игнорировала их, иногда они уходили.

Но стоны становились только громче с каждым ударом моего пульса по моей покалывающей коже.

Я неохотно подняла голову...

Внизу, у края обрыва, спиной ко мне стояла девушка. Волосы свисали, как белая река, струились по ее спине на фоне черной ночи и черного океана. В мгновение ока она исчезла только для того, чтобы снова появиться посреди лужайки лицом ко мне! Ее голова была опущена, так что я не могла видеть лица призрака. Я снова моргнула, и она стояла прямо под балконом, ее макушка платиновых волос смотрела на меня снизу вверх. Я вскочила на ноги! Одеяло упало на пол балкона. Мои дрожащие руки вцепились в перила, когда я выглянула, моя кровь пульсировала в венах, как паническое бегство.

Мгновение. Она исчезла.

Краем глаза я заметила призрака, появившегося на верхней ступеньке балкона! Привлекая мое внимание, и я дернула головой, пока она не поглотила мой взгляд. Моя спина ударилась о противоположные перила, когда она подошла ближе, подняв голову.

Вид заставил меня потерять равновесие, но моя рука ухватилась за перила, удерживая меня.

Ее синие губы были защиты, и я сразу узнала ее лицо. — Бет? Бет Клейтон?

Она попыталась заговорить, снова застонав, но слова не выходили.

— Что с тобой случилось?

Мой голос дрожал. Я не могла поверить, что она здесь. Только сегодня утром ее убили, а она уже разыскала меня, не задерживаясь надолго у своего тела.

— Кто сделал это с тобой?

Белая пленка покрыла ее большие глаза, и она вцепилась в свои защитные губы. Кровь сочилась из отверстий, где нить плотно сплеталась вместе, и ее ногти впились в плоть, разрывая рот. Царапаясь и отчаиваясь, она подползала ко мне все ближе и ближе, из ее белых глаз текли слезы, одна рука тянулась, другая вырывала нитку.

Она застонала, и крик вырвался из моих легких как раз в тот момент, когда в доме зазвонили дедушкины часы. Громкий звон колокольчиков разнесся в ночи, и теплая рука погладила меня по лбу.

Мои глаза распахнулись, чтобы увидеть серебристые глаза, блуждающие по моему лицу.

Я дернулась в шезлонге. Мое дыхание не могло замедлиться. Мои нервы никак не могли успокоиться. Мои глаза метались вокруг в поисках Бет Клейтон, призрака.

Джулиан сидел рядом со мной, его рука обхватила основание моей головы.

— Эй, эй, эй, — пропел он, перенаправляя мое внимание обратно на него, когда его глаза вернулись к моим. — Все в порядке, это был просто кошмар, — сказал он в спешке за своей черной маской.

— Всего лишь ночной кошмар.

Я откинула голову назад и прикусила губу, подавляя панику.

— Нет, я видела ее, — настаивала я. — Она была прямо там.

Бет должна была быть здесь, пытаюсь мне что-то сказать.

Плечи Джулиана расслабились, и моя рука скользнула по его щеке, чтобы убедиться, что он тоже не был сном. Его рука была настоящей внутри моей. Я глубоко вздохнула и на мгновение закрыла глаза, когда его большой палец коснулся моей линии подбородка.

И тут я вспомнила, как он ушел в Вуду. Я вспомнила, как он обращался со мной на

глазах у всех, и моргнула, открыв глаза.

— Джулиан...

Я выпрямилась, одеяло упало с моих плеч, и его рука соскользнула с моего лица. Я прищурила глаза.

— Что ты здесь делаешь?

Он положил руку на колени и повернулся на краю шезлонга, взглянув вниз на свои ботинки.

— Я был с Фениксом сегодня вечером. Мы подслушали, как кто-то говорил об убитой девушке. Все, что я услышал, было «девушка с белыми волосами», и я пришел прямо сюда, — сказал он, как будто не мог поверить своим действиям, своим словам. В его глазах цвета оружейного металла отразилось замешательство, как будто что-то щелкнуло у него в голове, и он повернулся ко мне лицом.

— Я должен был убедиться, что с тобой все в порядке.

— Теперь ты говоришь со мной? — спросила я, качая головой.

Он склонил голову набок, и его брови сошлись вместе.

— Что?

— Ты разговариваешь со мной только тогда, когда тебе удобно. Ты видишь меня только тогда, когда тебе это удобно. Простой ночью ты даже не смог признать меня... — Я покачала головой, заметив, что мой голос тоже дрожит. Я зашла слишком далеко, чтобы остановить себя, и я не понимала, как мне было больно, пока не выплеснула это наружу.

— Тебе нужно уйти.

— Что? Нет, ты все неправильно поняла, — потерянный и растерянный взгляд Джулиана быстро скользнул по моему лицу. Его брови сошлись вместе.

— Слушай, я сожалею о том, что случилось в Вуду...

— Уйди, Джулиан, — прошептала я сквозь зубы, мой разум говорил мне, что это к лучшему, но мое сердце знало, что это не так. — Продолжай притворяться, что этого между нами никогда не было.

— Я НЕ МОГУ, ВОТ В ЧЕМ ПРОБЛЕМА! — прогремел он. — Ты думаешь, мне э легко? Что я хочу испытывать к тебе эти чувства?! Джулиан вскипел, ударив кулаком по колену. Мои глаза расширились, и он покачал головой, прежде чем уронил ее в ладони и сжал волосы в кулак. — Я не это имел в виду. Это сложно, понимаешь?

Я встала, и взгляд Джулиана следил за каждым моим движением. Я схватила одеяло с шезлонга и накинула его на плечи, направляясь в свою комнату.

— Фэллон, — в отчаянии сказал он, вставая на ноги. — Подожди, притормози и просто дай мне чертову секунду.

Каспер выбежал через французские двери вслед за мной.

— Прощай, Джулиан, — сказала я, закрывая двери и оставляя его снаружи на моем балконе.

И засов со щелчком встал на место.

Глава 20

Джулиан

Я не знал, как долго я стоял там на холоде на балконе Фэллон, глядя на двери, отделяющие меня от нее. Ночной ветер стонал и свистел в трещинах скал позади меня. Мои глаза проследили за черным контуром моего силуэта, отражающегося от ее балконной двери, потому что он не мог проследить ее силуэт.

Она отвергла меня. Тем не менее, я заслужил это после того, как обращался с ней за пределами Вуду. Моя спина была прижата к стене. Что еще мне оставалось делать?

Я не хотел покидать ее балкон и возвращаться в лес. Фэллон Гримальди захлопнула дверь у меня перед носом, и из-за этого мои чувства к ней только усилились. Она была намного сильнее, чем я думал, а я был глупым и больным человеком, который рискнул бы всем, чтобы быть рядом с ней, даже если бы это было еще на пять минут. Потому что, каким-то образом, она успокоила темную половину меня. И если я хотел получить шанс быть с ней, чтобы все исправить, у меня не было выбора, кроме как использовать это сдерживаемое разочарование для снятия проклятия, чтобы Орден больше не видел во мне угрозы.

— Мы говорим об одной и той же Фэллон Морган, верно? Девушка Кейна, та, которая не могла заказать пиво? — спросил Феникс, и в его тоне послышался юмор, когда мы шли по лесу, граничащему с городом, ближе к рассвету.

Он сказал «девушка Кейна», и мне захотелось вырвать себе уши, когда остальные издали смешки, как будто они держали их в кулаках и бросали в кроны деревьев, чтобы они только дублировались, отскакивали и снова наполняли мои проклятые уши. Постоянное напоминание о том, что она была девушкой Кейна, а не моей. Что она принадлежала Кейну Прюитту, а не мне.

Мне не следовало признаваться им в причине, по которой я сбежал от них после того, как подслушал разговор Сумасшедшего Эббота. Или тот факт, что она захлопнула дверь у меня перед носом.

— Ладно, в конце концов, она не так уж и плоха, — продолжил Феникс, — Может укусить в ответ? Мне это нравится. Может быть, в ней все-таки есть немного Гримальди.

— Или Прюитта, — добавил Зеф, последовал еще один бессердечный смех. Еще один удар по моей и без того отвергнутой душе. Я молчал, а Зеф отступил назад и ткнул меня локтем в руку. — Было идиотизмом вообще идти к ней. Девушка Морган не является частью плана, и мы за нее не отвечаем, — тихо сказал он мне, его тон был мрачным. Возможно, я был тенекровным, который не отбрасывал тени, но Зефир Гуди был тенью. Наши предки наделили его всеми чертами, чтобы убедить в обратном: светло-русые волосы, воздушные зеленые глаза, кожа бледнее моей. Однако Зефир, стихия воздуха, был темным шепотом, более опасным, чем предзнаменование, лишенным всяких эмоций, таинственной силой, более ужасной, чем все другие существа, которые сталкивались в ночи.

— Если фрик умрет посреди Городской площади, так тому и быть. Одним членом меньше для них, только одолжение для нас.

Темный лес загремел под моими ботинками, когда я сделал выпад, дернув его назад через деревья, прежде чем врезаться в одно из них.

— Не говори о ней так!

Слова вырвались из меня прежде, чем я смог взять их обратно, и его два зеленых глаза засветились в ответ с ухмылкой в них. Я сжал в кулаке его куртку. — Помните о кодексе, по которому мы живем, — добавил я, снимая накал с моей реакции на Фэллон.

Зефир Гуди может быть тенью, но я мог видеть в темноте.

Его грудь раздувалась. В лесу воцарилась тишина. Язычники замолчали. Моя ледяная тень пронеслась по моей крови.

— Он просто шутит, — услышал я, как Феникс сказал позади меня, положив ладонь мне на плечо. — Верно, Зеф? Это была шутка.

— Не испытывай мое терпение, — предупредил Зеф, отталкивая меня от себя.

Я снял и поправил пальто, обводя взглядом Язычников, пока он не остановился на Фениксе, который вопросительно прищурил глаза.

— Давайте просто покончим с этим.

План был прост, но дерзок: украсть книги первых семей из Палат, чтобы снять наше проклятие.

Когда мы стояли над люком примерно в миле позади мэрии, который вел к подземному проходу в Палаты, лес застонал, уже наказывая нас за наше будущее предательство Ордена, города. Листья шелестели на ветру, предупреждая нас, но это был единственный выход. Я попытался заглушить звуки, но ворон вдалеке прокричал, напоминая мне, что смерть была повсюду, и Фэллон может быть следующей.

Подземные туннели раскинулись под Воющей Лощиной, как паутина в форме пентаграммы Норвежского Леса. Было пять точек входа. Это был один из них, прямо к северу от мэрии. Второй был в особняке Прюиттов. Третий в юго-восточной пещере под владением Моргана со стороны морского утеса. Четвертый на кладбище. И последняя точка входа была на плантации Гуди. Полный круг, все ведущие к середине под беседкой, где располагались первоначальные Покои.

— Ты уверен, что хочешь это сделать? — спросил Бэк, когда Феникс завязал волосы сзади. — Потому что, как только мы это сделаем, пути назад уже не будет.

Я ожидал от него этого, чтобы убедить меня отступить сейчас, потому что то, что мы делали, было неправильно, и я обычно никогда не соглашался на это. Бэк чувствовал, как моя нерешительность распространяется по коже. И если бы я сказал «нет», он встал бы рядом со мной, потому что таким был Бэк.

Феникс присел на корточки и смахнул листья с деревянного люка, прежде чем снова посмотреть на нас.

— Я пойду и пройду зеленую милю со всеми вами или без вас.

Мы назвали это так, потому что заключенные должны были пройти путь длиной в милю по туннелю, прежде чем их приносили в жертву, как это сделал мой отец.

— Джулиан, твой ход.

Зеф указал глазами на замок на люке.

Пристальный взгляд Феникса метнулся ко мне, ни один из них не смог отпереть засов на люке, не вызвав хриплого крика.

Я вдохнул лес, призывая ту малую силу, в которой нуждался. Затем склонил голову набок. Засов со щелчком открылся.

Мы вошли, и Зеф окинул меня презрительным взглядом. Между нами никогда не было соперничества. Я был более могущественным, чем Зефир Гуди. Поскольку его отец был единственным, кто остался в живых из того поколения, кроме Пьяного Эрла, Зефир был следующим в очереди на Орден. Предполагалось, что это буду я до смерти отца, но я никогда не хотел, чтобы тяжесть Ордена легла на мои плечи. Зефир мог действовать с быстрой интеллектуальной ловкостью и без того, чтобы его эмоции мешали, в то время как я не мог. Я только хотел проследить, чтобы все оставалось справедливым, сбалансированным. Но разрушение этого проклятия никогда не излечит омерзительное сердце Зефа. Единственный способ исправить Зефира Гуди — это найти кого-то, кого он любил больше, чем себя.

Листья и грязь посыпались по деревянной двери, когда она со скрипом открылась. Как только дверь рухнула на землю, в проем ворвался ураган летучих мышей, отбросив Феникса назад с пронзительным криком. Я сжал губы, сдерживая свое веселье.

Все наши взгляды были прикованы к Фениксу, когда он со смешком успокоился.

— Да ладно, никто из нас этого не ожидал

— Как скажешь.

Я спустился первым.

— Ты знаешь, кто так кричит? Девочки, — заявил Бэк, следуя за мной. — Девочки так кричат, Никс.

— И эти придурки из Истсайда, — указал я.

— Которые тоже девочки, — добавил Зеф.

Мы все вошли и спустились по узкой лестнице, которая вела под землю. Факел Феникса горел сзади, и мягкое желтое свечение каскадом падало на каменные стены передо мной, пока я шел впереди. Вода капала с потрескавшегося камня и стекала по неровным краям туннеля пентаграммы, который вырезали наши предки. Под землей температура оставалась на уровне пятидесяти восьми градусов по Фаренгейту круглый год, независимо от погодных условий на поверхности.

Разные проходы разветвлялись, ведя к отдельным пещерам, в одной из которых бил подземный источник с кристально чистой водой. Сегодня вечером не было времени купаться. Нам нужно было добраться до библиотеки Чемберса — книгохранилища, в котором хранились дневники первых семей.

Мы прошли больше полумили, слушая, как капает вода, просачивающаяся сквозь трещины в холодном, мокром камне и падающая в маленькие лужицы, выстилающие туннель. Металлические прутья преградили нам вход, как только мы прошли примерно три четверти пути, и я сжал железные прутья в кулаках и раскачивал их взад-вперед. Они не двигались с места — никаких замков, которые можно было бы взломать, тоже не было.

— Я знал, что это будет нелегко, — пробормотал Бэк рядом со мной.

Феникс выругался себе под нос и протиснулся между мной и Бэком, затем пнул металлические ворота. Громкий звон разнесся по туннелю.

— Держи себя в руках, — процедил я сквозь зубы, кладя руку ему на плечо, чтобы оттащить его назад. — Ты думаешь, что сможешь пройти через это?

— Мне понадобится твоя помощь, чтобы контролировать это, — признался Феникс, отбрасывая факел к стене.

Мы оба стояли перед решеткой. Я взглянул на Феникса, чья рука потянулась к огню из факела. Языки пламени распространились по его руке и заплясали на кончиках пальцев. Бэк и Зеф отступили назад, когда Феникс вытянул руку перед собой, а другой схватил меня за запястье, чтобы забрать мою энергию. Он пропел куплет. Я последовала его примеру, очарованный огнем в его руке и подчиняясь теплу, распространявшемуся по нашей коже.

Затем огонь поглотил пальцы Феникса, сжавшиеся в кулак. Вспышка обжигающего горячего пламени пронеслась по его руке туда, где мы были связаны, вниз к кончикам моих пальцев. Я почувствовал огонь внутри себя, и вместе мы провели пальцем по прутьям, разрезая железо, как будто раскаленным лезвием.

Железные прутья упали на землю с громким стуком!

— Ну, черт возьми, ребята, — хлопнул в ладоши Бэк, протискиваясь мимо нас и потирая руки, — это было восхитительно.

Я перешагнул через решетку вслед за ним.

— Давайте просто возьмем книги и свалим.

Пройдя еще четверть пути вниз, мимо камеры викканской тюрьмы, мы добрались до

деревянной двери в Палаты. Я открыл замок, не теряя времени.

— Только дневники, — проинструктировал я. — Мы берем только то, что нам нужно.

Я не сказал им, что мне тоже нужна книга Кантини. В Кантини хранились секреты Воюющей Лощины. В ней были ответы на вопрос, почему отец Фэллон заставит ее присоединиться к Священному Морю, если она вернется, и по какой-то мазохистской причине я хотел увидеть это своими глазами. Я хотел подтверждения, что это было потому, что Тобиас не хотел, чтобы Фэллон была рядом с нами из-за проклятия. Что другой причины не было. Я повернулся и встретилась взглядом с голубыми глазами Бэка.

— Ты следи за выходом. Я возьму Приходскую книгу.

Он кивнул и привалился спиной к каменной стене.

Дверь открылась, и мы прошли под изогнутой рамой в Комнату с задней стороны. Я был здесь больше раз, чем все остальные, и я указал вниз по коридору и налево, где была библиотека.

— Это место всегда вызывает у меня мурашки, — прошептал Феникс, когда тени двигались по стенам, которые не были нашими собственными. Зоркие глаза наших предков.

В пыльных стеклянных витринах на полках стояли черепа, мешок с костями, камнями и артефактами прошлого. Я потянулся к стене с книгами и подул на корешки. Облака пыли разошлись, и появились сорванные буквы, поблескивающие в свете факела Феникса. Я запрокинул голову и увидел, что Зефир занят, листая картинку из старой коробки, а Феникс стоит у двери, наблюдая за коридорами. Мои глаза блуждали по Книге Пэриша, Гуди и Уайлдса. Только три из того, что нам было нужно, были здесь. Книга Дэнверс пропала вместе с Книгой Кантини и... моей — Книгой Блэквелл. Где была Книга Блэквелл?

Я пролистал еще несколько корешков, пока мои нетерпеливые глаза жадно читали. Блэквелл, Блэквелл, Блэквелл.

Все, что попадалось мне на глаза, были даты, имена, 22.11/63 и так далее. Я подошел к Фениксу, схватил факел и вернулся к стене с книгами, высоко подняв факел, молча умоляя серебряную фольгу нашей семьи отскочить от огня.

— Где ты?

Мои глаза пробежались по корешкам, строкам и столбцам. Ее здесь не было.

— Зеф, — позвал я громким шепотом, хватая три доступные книги. Феникс склонил голову набок, глядя на нас, и мой взгляд скользнул к Зефиру, который бросил фотографии и подошел ко мне.

— Дэнверс и Блэквелл здесь нет.

Я не сказал ему, что также ищу Книгу Кантини. Всего несколько недель назад я увидел пропавшие книги во время встречи с Орденом.

— Она все еще должна быть у алтаря.

— У нас достаточно, — заявил Зеф, напомнив мне о своем мнении: «Блэквеллы запятнаны темными пятнами и безумием». Это означало, что Книга Блэквелл была бесполезна. — Нам также не нужен Дэнверс. Они мертвы уже больше ста лет.

Но ответы на проклятие могут быть в любой из этих книг. Во всех пяти из этих книг. И подтверждение, которое мне было нужно о Фэллон, было в Книге Кантини, тех, кто хранил секреты. Эти книги были причиной, по которой я рискнул всем, чтобы приехать сюда.

— Дэнверсы были здесь, когда началось проклятие, — нетерпеливо указал я.

Зеф наклонил голову.

— Пятая семья была слабой и никчемной.

Я смерил его сердитым взглядом.

— Я не уйду без всех книг.

Я бросил три книги ему в руки и прошел мимо Феникса по коридору к тому же месту, где я стоял перед Орденом, к тому же месту, где Августин Прюитт отдал Кейну все. Это была не только миссия по поиску ответов, которые нам были нужны, чтобы снять Проклятие Полых язычников. Я был полон решимости узнать, почему отец Фэллон заставил ее вступить в ковен, чтобы понять, почему впервые Орден запретил мне находиться рядом с кем-либо. «Это всего лишь какая-то девушка, — заявила Агата, но это была не всего лишь какая-то девушка, это была та самая девушка, и я не мог этого допустить.

Мне нужны были все книги. Мне нужны были ответы на все вопросы. Я нуждался в ней.

Мои ботинки взобрались по ступенькам к длинному столу, и мои глаза отчаянно блуждали по поверхности.

Стол был пуст. Я повернулась, осматривая всю комнату.

Книги исчезли. Кто-то другой, кто-то, кроме нас, воровал из Палат.

Глава 21

Фэллон

«Доброе утро и счастливого девятнадцатого сентября. У нас здесь специальный гость, чтобы начать наше субботнее утро. Майло Эндрюс, все». — вступают предварительно записанные аплодисменты — «Майло, ты можешь дать нам какое-нибудь представление о том, что, черт возьми, происходит? Сначала мистер Гордон, потом Джури Смит, а теперь наша милая, дорогая Бет Клейтон...»

«Я знаю, Фредди, это ужасно. А до Мабона всего два дня...»

«То, что ты сказал, правда? Все трое умерли от сердечных приступов?»

«Так говорится в отчетах», — подтвердил Майло.

«Должно быть что-то большее, и я знаю группу людей, которые способны на что-то подобное».

«Да, ну, моя работа не в том, чтобы распространять слухи, Фредди. Я пришел сюда, чтобы повторить, как важно соблюдать комендантский час, особенно после нашего ежегодного Вечера кино в Воющей Лощине сегодня вечером. В этом году киносеанс «Рокки Хоррор» начнется на час раньше, в одиннадцать. Давайте хорошо проведем время сегодня вечером, ведьмы.»

«Вот вам и ваши Дейли Холлоу, и помните», — начал Фредди, затем Майло присоединился: «Никто не в безопасности после трех часов ночи».

Дедушка все еще спал, когда я вошла в его комнату этим утром с нашим утренним кофе. Я не хотела его будить и оставила его кофе на тумбочке рядом с его вставной челюстью.

Прошлая ночь была ужасной.

Как бы мне этого не хотелось, я оттолкнула Джулиана.

И как будто этого было недостаточно, у бабушки поднялась температура, и он, кашляя, поднялся по лестнице со второго этажа, шатаясь, чтобы отдышаться. Я испугалась и позвонила доктору Морли посреди ночи, потому что не знала, что еще можно сделать. Удивительно, но он ответил и поспешил к нам.

Я провела большую часть ночи, извиняясь перед доктором Морли, пока дедушка кричал на него с кровати, отталкивая его стетоскоп и лекарства. — Фэллон, все под контролем. Ты иди в гостиную, постарайся немного отдохнуть, — сказал доктор Морли.

Я пошла в гостиную, но не могла лечь. Вместо этого я не спала всю ночь, ожидая.

По прошествии часа доктор Морли вошел в дверь спальни дедушки и заявил, что температура спала, и он крепко спит. Я уронила голову на руки и заплакала. Может быть, потому, что я была морально, физически и эмоционально истощена после последних нескольких дней. Может быть, потому, что я сблизилась с дедушкой быстрее, чем думала. Может быть, потому, что я заботилась о Джулиане больше, чем думала.

— Прости, — сказала я ему, проводя руками по лицу, чтобы стереть слезы. — Это намного сложнее, чем я думала.

— Заботиться о любимом человеке нелегко, — сказал доктор Морли, стоя над диваном и глядя на меня сверху вниз с мягкой и искренней улыбкой. — Просто помни, что ты делаешь все, что в твоих силах, с тем, что у тебя есть. Я буду в пути, но, пожалуйста, звони мне в любое время.

Какая-то песня, которую я никогда раньше не слышала, наполнила динамики, вырывая меня из воспоминаний о прошлой ночи. Я вынесла радио на улицу, чтобы не разбудить дедушку, и пила кофе на заднем крыльце. Восход солнца поднялся над бескрайним морем, и я положила кроссворд себе на колени. Это казалось неправильным без дедушки рядом со мной, но я вытаскивала карандаш из-за уха, решив закончить это за него, потому что он не мог.

Бет Клейтон не появится до завтра, поэтому я осталась дома и тщательно убралась, открыв все окна, чтобы проветрить затхлый запах, подмела, пропылесосила, вытерла пыль. Большинство комнат в доме превратились в кладовые, в моем распоряжении было так много ящиков, в которых я могла копаться, но у меня едва ли было время копаться в прошлом, когда мое настоящее ускользало.

К полудню дедушка проснулся, и я приготовила нам обоим обед.

— Обещай мне, Лунный свет, — взмолился дедушка с кровати. — Обещай мне, что бы ни случилось, ты будешь держаться подальше от ковена Норвежских лесов.

— Но ты же из Норвежских лесов, дедуля. Почему ты так говоришь?

— Просто пообещай мне. Как бы мне ни было неприятно это признавать, Священное Море защитит тебя, как только я... уйду.

Я не обещала. Я не — не могла — произнести эти слова. Я только кивнула.

Рука Фэйбл болталась рядом с моей, когда мы шли по Городской площади позже тем вечером.

Большой экран возвышался над зеленью рядом с беседкой. Жители начали съезжаться, неся одеяла и корзины для пикника подмышками, в руках. Показ фильма ужасов «Рокки» должен был начаться примерно через час, и мы с Фэйбл отправились за напитками и попкорном.

— Что... за... — голос Фэйбл плыл вместе с сентябрьской ночью. Очередь, стоявшая перед всплывающим буфетом, огибала улицу, она остановилась и драматически вздохнула рядом со мной. Маслянистый попкорн, конфеты в шоколаде и пивные сидры жонглировали в руках людей, когда они выходили из буфета. Фэйбл вышла перед двумя мальчиками, которые проходили мимо. Они были моложе нас, лет по семнадцать-восемнадцать.

— Я дам тебе двадцатку за эти Злые сады, — Фэйбл подняла голову, и парень посмотрел на меня, обдумывая ее предложение.

— Я даю тебе вдвое больше, чем ты заплатил, и мы оба знаем, что у тебя целый бочонок, малыш Уайлдс. Не будь дураком, просто возьми это.

Малыш Уайлдс. Золотистые крапинки блестели в его прищуренных глазах под растрепанными, зачесанными набок каштановыми волосами. Он был высоким, в длинной

белой футболке под джинсовой курткой и поверх пары рваных черных джинсов, красивым, и он улыбался так, как будто у него были все карты — всегда.

— Сорок, и они твои.

— Забудь об этом.

Эти два слова слетели с моих губ в сочетании с недоверчивым смехом.

— Это того не стоит, Фэйбл. Он разыгрывает тебя.

Фэйбл закатила глаза и снова посмотрела на очередь, чуть не подпрыгнув в своих кроссовках.

— Мудак.

— Надо было подготовиться, милая.

Он засунул руку в попкорн, лежащий у него на груди, и отправил горсть в рот, уходя. Небольшая группа последовала за ним.

— Кто это был?

— Надоедливый кусок дерьма. Это был Рен Уайлдс, младший брат Феникса.

Жалобы и стоны раздались, как эффект домино, в очереди, ожидающей у буфета. Я вытянула шею, заметив Мину Мэй внутри палатки, седые волосы, выпавшие из ее косы и обрамляющие ее лицо, она расхаживает по стойке, жонглирует попкорном и напитками и обменивает деньги. У нее был только одна помощница, которая набирала попкорн и разливала напитки, но Мина, вытирая лоб полотенцем для рук, выглядела так, как будто собиралась упасть в обморок в любой момент.

Мне в голову пришла идея, и я направилась к палатке.

— Куда ты идешь? — крикнула Фэйбл, затем догнала меня, когда я вошла в буфет и встала за прилавком. — Фэллон, — прошептала она, но я продолжила натягивать фартук поверх одежды, завязывая его за спиной. Чёрная кофта, которую я носила, была от The Row, и я не хотела ее испачкать.

— Ты сумасшедшая, ты знаешь это?

Мина Мэй в черно-белом фартуке в тонкую полоску промчалась мимо меня.

— Фэллон, ты прелесть. Самое время кому-нибудь помочь. Все хотят наслаждаться событиями, но никто не хочет делать грязную работу.

— Десять минут, — сказала я Фэйбл, махнув следующему человеку. — Позволь мне опустить эту очередь, — я наклонилась, когда клиентка пробормотала свой заказ, прежде чем скользнуть к автомату с попкорном, — Это лучше, чем стоять в очереди, и Мина вознаградит нас. Правда, Мина?

— Я добавлю несколько горячих пирожков, дорогая.

Она подмигнула.

Фэйбл перепрыгнула через порог и схватила фартук с крючка. Потребовалось четверо нас, включая сотрудницу закусочной Мины, и двадцать минут, чтобы обслужить очередь. Между людьми мои глаза метнулись вверх и зацепились за серебряные.

Мой пульс участился. У меня перехватило дыхание. Мои внутренности горели огнем на осеннем ветру.

Джулиан стоял у витрины аптеки, подперев одну ногу, и наблюдал за мной из-под темной тени.

— Вы, девочки, молодцы!

Мина устало вздохнула, а я перевел взгляд перед собой и передала ведро с попкорном последнему человеку. — Берите, что хотите, и наслаждайтесь фильмом, — продолжила она,

и когда я снова посмотрела на Джулиана, его уже не было.

Мы повесили фартуки, взяли по два пива, ведро попкорна, Твиззлеры и орехи Машуга в шоколаде. Мои волосы ударили меня по лицу, пахнувшие смесью сахара и масла.

— Это того стоило, — сказала Фэйбл на выдохе после первого глотка своего Злого Фруктового сада. — И мы сделали доброе дело.

Она повернулась ко мне лицом, как только мы достигли лужайки. — Ты делаешь меня лучше, Фэллон Морган. Никогда не покидай Воющую Лощину.

Улыбаясь, я сунула Твиззлер в рот и оторвал кончик.

Ковен Священного Моря сидели в самом конце, и мы прибыли как раз в тот момент, когда начинался фильм. Мы разбрелись по большому одеялу, расстеленному на траве, и Кейн усадил меня рядом с собой. Время от времени я не могла удержаться от того, чтобы не оглянуться назад, туда, где находилась Аптека Блэквеллов, в поисках одного Язычника, из-за которого я чувствовала себя такой неконтролируемой.

Кейн приблизил губы к моему уху.

— Мабон через два дня, — прошептал он. Я кивнула, мой взгляд искал Джулиана. — После праздника в Кресент-Бич будет разведен костер. Это идеальное время, чтобы официально стать одной из— Ауч! — Он резко обернулся, потирая затылок. — Черт, Мандэй. Почему ты ударила меня?

— Ну, тогда перестань болтать! — сказала она шепотом.

Кейн обнял меня и притянул ближе, уткнувшись носом в мои волосы.

— Стань одной из нас.

— Я действительно не понимаю, какой из вас, — прошептала я в ответ, отстраняясь от него. От Кейна пахло океаном во время шторма, в то время как от Джулиана пахло природой, лесом и свежим воздухом. От Джулиана пахло морозной зимней ночью.

Мои глаза ненадолго закрылись, чтобы вернуть меня к нашим ночам, прежде чем он превратился в придурка. Когда я снова открыла их, он был там, стоял с другими язычниками под большим буксом рядом с экраном телевизора, его серебристые глаза были прикованы к моим, когда он прислонился к толстому стволу в своем черном пальто.

Рука Кейна скользнула по моему лицу, чтобы отвлечь мое внимание, затем завела выбившийся локон мне за ухо.

— Сладкая смесь удовольствия и власти. Вот кто мы такие.

Затем он что-то пропел мне на ухо, низкий гул, который я не могла понять, и моя голова склонилась в сторону, где Джулиан вылез из фургона, наблюдая за нами краем глаза. Я почувствовала губы Кейна на своей шее, его рука скользнула вверх по моему бедру к краю моих шорт.

— Что ты скажешь?

У меня внезапно закружилась голова, я была сбита с толку, гудела от желания, либо от завораживающего голоса Кейна, либо от притяжения Джулиана с резкостью в глазах, заставляющего себя оставаться на месте со сжатыми кулаками по бокам.

— Кейн, остановись, — я смогла вырваться, и рука Кейна схватила меня за бедро, пытаясь затянуть меня под себя и прижаться своим ртом к моему. Я оттолкнула его от себя. — Какого черта, Кейн?

— Что?

Он растерянно огляделся. — Тебе это нравилось.

— Нет, — я встала и поправила свою кофту. Мой взгляд метнулся к Джулиану, и он

выглядел таким же потрясенным, как и Кейн, с расстояния в несколько ярдов. — Никогда больше не пытайся проделать это со мной, — сказала я, просматривая остальные их ошарашенные выражения. — Увидимся позже, ребята.

И я помчалась через лужайку к своему скутеру, не уверенная в том, что только что произошло.

— Вернись, прости меня! — крикнул Кейн, и горожане дружно велели ему заткнуться у меня за спиной.

Мои ноги неслись вперед, когда я бежала по тускло освещенным и пустым улицам. Я схватила шлем с руля своего скутера и натянула его на голову, когда над закуской Мины зажужжал свет фонаря.

— Что это было? Что он с тобой сделал? — спросил Джулиан, появляясь из тени между зданиями.

Покачивая головой, я перекинула ногу через скутер. — Уходи, Джулиан.

— Расскажи мне, что случилось? — настаивал он, опираясь ладонью о кирпичную стену.

— Он просто вел себя как придурок.

— Итак, это не сработало, — сказал он больше себе, чем мне, проводя рукой по волосам. Его глаза встретились с моими, и он наклонился вперед. — Фэллон, ты не купилась на это.

Купилась на это? Я подняла брови и откинулась на спинку скутера. — Конечно, нет, ты, глупый язычник. По какой-то причине я не могу перестать думать о тебе.

— Да?

Глаза Джулиана загорелись, когда он шагнул вперед из переулка, затем огляделся, прежде чем вернуться в тень.

— Ты подойдешь сюда?

— Нет, я все еще злюсь на тебя, — сказала я, сжимая руль.

— Ты хочешь подойти сюда и поцеловать меня, или мы будем спорить? Потому что ты даешь мне здесь очень противоречивые сигналы, и я не знаю, что с этим делать. Все это очень ново для меня, Фэллон.

— Ну, для меня это тоже все ново, — начала я говорить, подыскивая слова. — Но я все равно рассказала тебе кое-что, о чем я никогда никому не рассказывала. Я впускаю тебя больше, чем кого-либо другого. Я разделась для тебя... — Я сделала паузу, когда мое горло обожгло, предупреждая меня. Я огляделась, видя, что мы единственные два человека на этой стороне Городской площади, единственный уличный фонарь все еще гудит у меня над головой. Я была в центре внимания, в то время как Джулиан оставался в тени.

— Ты знаешь, только потому, что я неопытна или выгляжу так, это не значит, что мне не хватает самоуважения. Ты определенно не первый парень, который думал, что со мной будет легко. Но знаешь что, Джулиан? Я, черт возьми, не в отчаянии! Я дала тебе шанс, потому что думала, что ты другой. Я такая идиотка, думала, что ты из всех людей поймешь. Я была не против держать все в неведении между нами. Я бы никогда никому не рассказала, чем мы занимались, но я никогда не подписывалась на то, чтобы быть совершенно незнакомой на публике. Этого я не могу сделать.

Я покачала головой.

— Будь честен со мной, это потому, что ты не хочешь, чтобы тебя видели со мной? Ты меня стесняешься? Потому что я фрик?

— Фрик? Фэллон, ты, должно быть, шутишь. Я думал, мы это прошли.

— Тогда скажи мне что-нибудь реальное. Скажи мне что-нибудь, что имело бы смысл во всем этом. Скажи мне что-нибудь! — умоляла я, и Джулиан замер, когда между нами воцарилась тишина. Атмосфера изменилась, настроение изменилось, и мы оба поняли, что с этого момента могут произойти только две вещи. Либо я спрыгивала с этого скутера и шла к нему, либо я уходила. И, судя по всему, Джулиан не предпринимал никаких решительных мер, чтобы выйти из своего укрытия.

Он никогда не выйдет из своего укрытия.

Я наклонилась вперед, вцепилась в руль и завела двигатель.

— Я боюсь высоты! — выпалил он из тени, и я бросила на него пристальный взгляд. — Каждый день я снимаю маску и стою перед зеркалом, и в одно мгновение, — он хлопнул ладонью по стене, — я стою либо на вершине колеса обозрения, либо на краю обрыва, глядя вниз. Меня тошнит, кружится голова, все вокруг шатается, я чувствую, что меня либо стошнит, либо я потеряю равновесие и упаду. Я знаю, что это иррационально. Но я продолжаю смотреть на себя в зеркало, думая, что смогу это пережить. Надеюсь, что я смогу противостоять своим страхам, чтобы однажды преодолеть их и увидеть человека, стоящего за страхами, чтобы я мог увидеть свое собственное лицо, что, возможно, я — ключ к разрушению моего проклятия. Но как раз перед тем, как потерять сознание, я отворачиваюсь.

Он сделал паузу и покачал головой, словно пытаюсь избавиться от этого чувства. — Иногда я забываю, чего я больше боюсь, высоты или самого себя.

Он засмеялся, но смех был пустым. — Вот оно, у тебя есть. Я боюсь высоты.

Скутер загрохотал подо мной. Наши взгляды встретились, Джулиан держит в руках дары отчаяния. Джулиан Блэквелл боялся высоты. Страх, такой обычный, такой тривиальный, исходящий от человека, которого боялась половина города.

Высоты, и это чувство охватило меня с его внезапным признанием.

Я спрыгнула со скутера и помчалась к Джулиану, который выпрямлялся. Он даже не стал ждать, пока я окажусь в тени, прежде чем протянул руку к свету и схватил меня за руку, чтобы затащить меня под воду вместе с ним.

— Прости, — сказал он, его руки уже были на моем лице, моя спина уже прижата к стене.

— Ты должна знать, что это не то, чем кажется.

Он поднял свою маску и один раз коснулся моих губ своими губами, прежде чем поцеловать меня, и это втянуло меня в вихрь, как щелчок. Время подпрыгнуло вместе с ним, возвращая меня к тому моменту, когда мы исследовали друг друга в вагоне поезда, к освобождающей ночи между нами.

— Они все лжецы, но мы — нет. Это не ложь, — прорычал он с комом в горле. Его язык попробовал мой на вкус, целуя меня крепко и глубоко, как будто я собиралась исчезнуть или превратиться в пыль в его объятиях.

Крепко обхватив одной рукой его шею, а другую прижав к груди, я заставила себя отвернуться. Даже мой разум и сердце были в состоянии войны.

— Джулиан, — сказала я, и он опустил голову и положил ее мне на плечо. Стон пронесся от его груди вниз к бедрам, которые были прижаты к моим.

— Я пытаюсь, Фэллон, — сказал он, вдавливая «Фэллон» мне в ухо.

— Все, чего я хотела, — это быть настоящими друг с другом. По-настоящему со мной,

по-настоящему с самим собой. Мне нужно настоящее, — я сделала паузу и зарылась лицом в его густые волосы. Я вдохнула его запах, запах зимы и леса, заставляя себя сказать это. — Может быть, ты боишься не высоты. Может быть, ты просто боишься падения.

Джулиан поднял голову и посмотрел мне в глаза. Я ждала, что он что-нибудь скажет, но он так и не сказал.

Я выскользнула из-под него и побежала обратно к скутеру, зная, что он не побежит за мной.

— Фэллон, ты даже не знаешь, о чем говоришь, — крикнул Джулиан, ударив ладонью по кирпичной стене, когда я опустила шлем и перекинула ногу через скутер.

— Не делай этого.

Я сделала это, и мы оба проиграли.

Глава 22

Фэллон

Я всегда задавалась вопросом об увлечении ужасами. Не только ужасами, но и триллерами. Напряженность и кровавые эпизоды... Те самые книги, которые заставляют меня съеживаться, прыгать, прятаться, кричать и спать с включенным светом. Книги, от которых мои мышцы напрягаются, сердце учащенно бьется, а в животе трепещут летучие мыши. Те же самые книги, которые заставляют все мое тело реагировать в режиме «сражайся или беги».

Те же книги, что стояли на полках в дедушкином кабинете.

Я задавалась вопросом об очаровании, стоящем за любовью к ужасам, и теперь я понимаю.

Может быть, это способ отвлечь или заполнить наше горе, наше одиночество, что есть нечто большее, чем это. Чтобы напомнить себе, что мы на самом деле не одиноки во времена, когда чувствуем это. Хотя большинство людей не могут видеть то, что ежедневно проходит рядом с нами или прячется перед нами, возможно, невидимая любовь все равно существует. Может быть, если бы у любви было лицо, она выглядела бы как злая и вызывающая зависимость вещь — эмоциональный монстр с непостижимым голодом.

Да, может быть, именно поэтому я люблю ужасы, потому что они заставляют мои мышцы напрягаться, сердце учащенно биться, а бабочки, летучие мыши, порхают внизу живота. Это заставляет все мое тело реагировать в режиме «беги или сражайся». На мимолетное мгновение ужас удовлетворяет все, что есть внутри меня, что жаждет быть наполненным, встреченным лицом к лицу или забытым.

Было что-то в Фредди в пять утра в похоронном бюро. Шепот электрических струн пролился в подготовительную комнату, играя на моем опустошенном сердце, как на воздушной гитаре.

Темнота окутала меня со всех сторон, кроме единственной лампы над окоченевшим телом Бет Клейтон, которое лежало на холодном металлическом столе, но ее здесь не было. Только я и пустой сосуд. Я зажала пинцет между пальцами, вытаскивая нитку из ее упрямых губ. Я очень хотела это сделать, надеясь, что она вернется ко мне и раскроет секреты, запертые в ее душе. Может быть, именно поэтому ее убийца зашил ей рот... чтобы она не могла говорить со мной.

Но поскольку ее убийца сделал это, это означало, что они знали, что я могу разговаривать с мертвыми. Они, кто бы это ни был, знали, что Бет Клейтон окажется на моем столе, и ее дух окажется у меня на глазах. Никто не мог этого знать.

Мои мысли мгновенно вернулись к Джури Смит и людям, которые были там, когда я выгнала всех из комнаты, чтобы поговорить с ним. Мандэй, офицер Стокер, Эрл Пэриш, Бэк Пэриш, Джон Сент-Кристофер, Майло Эндрюс, Джулиан... Джулиан Блэквелл.

Джулиан, Джулиан, Джулиан. «Они могли слышать, как я разговариваю с мертвыми?» Я содрогнулась от этой мысли.

Я закрасила ее брови, нанесла легкие тени на веки и провела подушечками пальцев по ее скулам, нанося толстые слои, чтобы придать ей цвет. Бет Клейтон была красивой, милой и вся ее жизнь была впереди.

— Что с тобой случилось?

Быть гробовщиком нелегко. Видеть, как детские тела пролетают над моими столами, было тяжело. Я думала, что с молодыми девушками вроде Бет Клейтон сложнее.

Я прижала большой палец к губам, затем к ее лбу, как всегда делала с каждым телом, с которым сталкивалась.

— Ты свободна, милая девочка, теперь тебя ничто не удержит.

Одинокая сладкая слеза согрела уголок моего глаза. Только одна, как и в любой другой раз, и я вытер ее досуха.

— Это было мило, — сказал чей-то голос. Я обернулась, и Джон стоял, прислонившись к дверному проему, его волосы были растрепаны, но его одежда, как всегда, безупречен, с двумя чашками кофе в руках. Он оттолкнулся от стены и направился ко мне.

— Ты всегда так делаешь? — спросил он, протягивая мне чашку.

— Да.

Его бровь приподнялась, когда он поднес кружку к губам.

— Молишься за них?

— Полагаю, это просто пожелание живых мертвым. Ничего особенного.

— Звучало и выглядело довольно необычно для меня.

Улыбаясь, я постучала по краю стола рядом с телом Бет.

— Она готова к похоронам завтра.

— Ты уже уходишь?

Он дернул запястьем, и его часы сдвинулись.

— Сейчас шесть утра.

— Пять сорок пять, — поправила я, вставая и подходя к раковине, чтобы включить воду.

— Я здесь уже около часа. Я хочу вернуться к дедушке и быть там, когда он проснется.

Я встряхнула руками и схватила бумажные полотенца из автомата.

— Я вернусь позже, чтобы убрать витрину и подготовительную комнату. Клейтоны должны быть здесь около десяти.

Джон кивнул, его взгляд следил за мной, пока я натягивала простыню на тело Бет.

К шести я была в закускойной Мины, как только она открылась, захватив свои заслуженные горячие пирожки и два номера «Дейли Холлоу». И к половине седьмого я вернулась к дедушке, стояла над утесами со свежей чашкой кофе в руке, наблюдала за восходом солнца и ждала, когда он проснется.

Теперь это было моей повседневной рутинной, и я не возражала против этого. Впервые за долгое время я больше не была одна. Мы с дедушкой хорошо ладили. Вместе мы нашли ритм. Хотя он так и не отправил письмо, чтобы привезти меня сюда, я не могла быть более благодарна за то, что провела с ним это время. И боль в моем сердце только усиливалась с каждым днем, зная, что его дни сочтены.

Мой взгляд упал на то место, где я впервые встретила Джулиана.

Я хотела уступить ему в переулке. Мне потребовалось все, чтобы не сделать этого. Все говорят вам, как жить своей жизнью, но никто не говорит вам, как уйти от жизни, которую вы любите, когда она начинает причинять боль. Да, с Джулианом я любила жизнь, потому что он заставлял меня чувствовать себя живой. Девушка, которая выглядела как призрак, разговаривала с призраками, воспитывалась призраками, он заставил эту девушку почувствовать себя чем-то, на что стоит посмотреть, кем-то, кто был нужен. Но он мог легко отнять у меня и это тоже. Если бы я поддалась ему, он бы подумал, что так обращаться со мной нормально, а это было не нормально.

Когда дедушка проснулся, мы провели следующие несколько часов, поедая горячие пирожки и разгадывая кроссворды в его постели, слушая Скорбящего Фредди. Этим утром он был намного тише, и каждый раз, когда мой карандаш касался газеты, его глаза бегали, чтобы уловить мой прогресс.

В тот вечер я зашла в Бобы, услышав, что это единственное место Воющей Лощине, где есть надежда на подключение к Интернету. Дедушка почти ничего не ел за ужином. Мне нужно было изучить его симптомы, посмотреть, смогу ли я найти ответы на этот вирус.

Выцветшая кирпичная стена занимала половину магазина за длинным черным прилавком, где в ряд висели угольно-черные подвесные светильники. Вдоль соседней стены на прямоугольных досках мелом было выведено составленное меню. Кофейня находилась на углу, остальные стены были сделаны из окон с ромбовидным рисунком. Маленькое заведение было переполнено, но в то же время тихо, молодые люди работали за экранами ноутбуков или уткнулись в книгу. Я заметила Майло, сидящего на противоположном конце рядом с окном вместе с Мандэй и Кейном.

Я не разговаривал с Кейном с того случая на вечере фильмов «Рокки Хоррор Пикчер Шоу».

Кейн подозвал меня, как только тоже заметил, небрежно махнув рукой, как будто той ночи никогда не было. Я быстро огляделась в поисках свободного столика, но его не было. После короткого спора с самой собой я шагнула к ним со своей черно-белой полосатой сумкой для ноутбука Kate Spade, висящей у меня на плече.

— Тесен мир, — пошутила я, переводя взгляд с одного на другого.

Мандэй носила черный бархатный бант в своей наполовину уложенной причёске и хмурилась.

— Ты ушел от нас прошлой ночью и пропустил настоящее шоу, — сказала она. — Один из Полых язычников сошел с ума, мог бы съесть меня живьем.

— Так было бы лучше. Фэллон могла бы, наконец, заставить тебя выглядеть красиво в морге, — пошутил Кейн сквозь смех.

— Мудак, — усмехнулась Мандэй, пиная его под столом. Кейн взвизгнул.

— Запомните мои слова, — Мандэй подняла палец, — единственный вариант для этого дымящегося горячего тела — кремация. Никто меня не трогает.

Я усмехнулась, заметив, что Кейн не сделал никаких попыток установить прямой зрительный контакт. Он надвинул шляпу еще ниже на лицо, и я наклонилась и увидела синяк у него над глазом.

— Что с тобой случилось? — Я спросила его. — Это что, синяк?

— Я тебе и пытаюсь рассказать, — воскликнула Мандэй. — Из ниоткуда этот язычник Блэквелл пришел в ярость и ударил его без всякой причины. Я никогда не видела, чтобы

язычник так терял контроль на публике.

— Это был удар молокососа, — процедил Кейн, опустив кулак на стол. — И он быстро соскочил, чтобы я успел ответить.

— Потому что ты отсутствовал добрых две минуты, — указал Майло, затем спрятал улыбку за плотно сжатыми губами.

— Он ударил тебя?

Чувствуя себя немного неловко, я перекинула ремень через плечо.

— Почему он ударил тебя?

Я не могла сказать, что он этого не заслуживал, потому что он этого заслуживал.

Кейн прищурился и опустил подбородок.

— Как ты думаешь, почему?

— Потому что мы мальчики, — Майло прислонился спиной к кабинке, — мы деремся, лжем и воруем.

Лицо Мандэй исказилось.

— Почему?

— Потому что. Вот как мы получаем то, что хотим.

Майло соскользнул со скамейки, чтобы освободить мне место.

— Из лучших новостей — завтра Мабон. Ты наконец-то поедешь с нами в Кресент-Бич?

Я села рядом с ним и поставила перед собой сумку с ноутбуком, обдумывая свой ответ.

Я не хотела повторения прошлой ночи, а с дедушкой у меня и так было достаточно забот, чтобы беспокоиться о странном поведении Кейна и моих усиливающихся чувствах к Джулиану.

— Я не знаю.

— О, ты должна, — сказала Мандэй в свой кофе, сделала маленький глоток, затем поставила его на стол.

— На пляже будет костер, музыка, танцы...

Она подпрыгнула на месте, что-то вспомнив.

— О, и в полночь говорят, что тот, у кого хватит смелости прыгнуть в океан, получит год удачи.

Мои брови взлетели вверх.

— Типа с обрыва?

— Мав — единственный, кто достаточно безумен, чтобы сделать это, — заговорил Кейн, откидываясь на спинку стула и опуская одну руку на стол, чтобы обхватить свою кружку. Он приподнял бровь с легкой улыбкой. Я не знала, что это значит. Типа давай поговорим? Я... простите? Что бы это ни было, на этот раз это не сработает.

И разговор покатился дальше. Я знала, что они смеялись и болтали, но их голоса отошли на задний план, когда я устремила свой взгляд за окно магазина на Городскую площадь. Половина меня была в полном сознании, ища Джулиана, другая половина была потеряна внутри этого тела, застряла в этом кафе, в ловушке с этими людьми. Это было странное и неповторимое чувство. Ощущение, что время ускользает, а мир движется дальше, не нуждаясь во мне, — что мир будет в порядке, независимо от того, буду я здесь или нет. Находясь рядом с Джулианом, я не чувствовала себя так, и именно поэтому я поймала себя на том, что ищу его — либо где-то там, либо в уголках моего сознания.

— Але, Фэллон.

Мандэй щелкнула пальцами в воздухе, и я бросила на нее пристальный взгляд.

— Мы как раз собирались уходить. Идём к Элеонор через дорогу. Она делает то-сё.

— Она экстрасенс, — ответил Майло. — Просто скажи, что она экстрасенс.

Я сразу подумала о Киони, девушке, которую я встретила в палатке для гадания по ладони в ночь Суеверий. Может быть, она была бы там и познакомила бы меня со своей бабушкой. Возможно, мне больше повезло бы с предсказаниями экстрасенса, чем с результатами Google относительно здоровья дедушки.

— Ты прямо сейчас или как? — спросил Кейн.

— Хорошо, да. Я иду.

Мандэй и Майло шли впереди нас с Кейном, шагая по мощеным улицам позади беседки. Заходящее солнце опускалось над лесом, окрашивая небо мазками календулы, гвоздики, розового и лавандового цветов.

Кейн толкнул меня локтем в руку. Я посмотрела на него, когда он опустил голову.

— Эй, я действительно сожалею о прошлой ночи. Я, честно говоря, не хотел ничего плохого. Я не знаю, что на меня нашло.

Все, что я могла сделать, это кивнуть. Я хотела бы сказать, что все в порядке, и притвориться, что этого никогда не было, но это было не в порядке. Я хотела бы забыть об этом, но забыть было бы глупо с моей стороны. Вместо этого я сложила ситуацию и заперла ее в шкаф, хранящийся в глубине моего сознания, с пометкой «никогда больше».

— Я не знаю, что происходит между тобой и Блэквеллом, — продолжил Кейн, — но если он знает, что для него лучше, он отступит.

— Что для него лучше? — спросила я, оскорбленная, как будто Кейн угрожал мне.

— Давай просто скажем, что ты находишься под защитой Священного Моря. Блэквелл не может находиться ближе чем в двадцати футах от тебя без нашего разрешения. Если он подойдет к тебе или заговорит с тобой, Орден накажет его, бросит в туннели. Так что, если он тебе небезразличен, тебе тоже следует держаться подальше.

Он засунул руки в карманы, идя рядом со мной. — Это то, что лучше для всех.

— Подожди, — я остановилась, глядя на Кейна, — Почему? Почему он не может быть рядом со мной?

Было ли это причиной странного поведения Джулиана? Было ли это причиной, по которой он прятал нас? Это ответило на все вопросы, но почему Джулиан просто не сказал мне?

— Ты хоть представляешь, на что способен Блэквелл? Один промах, и ты труп. Это то, чего ты хочешь?

Его брови сошлись вместе, и он наклонился вперед.

— Ты думаешь, Бенни хочет похоронить свою внучку? Потому что я этого не хочу.

— Это низко, Кейн. Даже для тебя. Используя Бенни таким образом, — я покачала головой, — И кстати, я не думаю, что защита означает лапать меня. Когда я говорю «стоп», я имею в виду именно это. Когда я говорю «просто друзья», я имею в виду именно это. Здесь нет никакого подтекста или скрытого смысла. Если ты еще раз так ко мне прикоснешься...

— Я сказал, что мне жаль. Я был пьяным и возбужденным мудаком, Фэллон. Я понял, хорошо?

Он стоял, подняв брови, руки по швам.

— Момент прошел. Поверь мне, этого больше не повторится.

Он сказал это с таким отвращением, как будто от одной мысли о том, чтобы посмотреть на меня, у него во рту появился кислый привкус.

Между нами прошли молчаливые секунды, и ремень от моей сумки для ноутбука впился мне в плечо, возвращая меня в реальность. Мои глаза скользили взад и вперед между его глазами, когда я думала о том, что сказал дедушка, что Священное Море может защитить меня, когда он уйдет.

— От кого Священное Море защищает меня?

Глаза Кейна расширились, и он покачал головой. — Наверное, от этих Полых язычников, — выдохнул он, и я закатила глаза, ерзая на месте, когда он отстранился от моего плеча. — Слушай, все, что я знаю, это то, что твой отец попросил свой ковен защитить тебя, если ты вернешься. Ты вернулась, Фэллон. Это та ситуация, в которую ты сама себя загнала. Мой совет — держись подальше от Блэквелла. Я не сомневаюсь, что он убивал людей раньше, и он убьет тебя. Никто не застрахован от этого. У тебя есть какие-нибудь предположения, кем был его отец?

Я покачала головой, и Кейн втянул в себя воздух.

— Джавино Блэквелл. Убил полдюжины человек, прежде чем его сожгли на скалах. Это у Блэквеллов в крови, и ты не можешь исправить то, что у тебя в крови.

Остаток пути прошел в тишине, и я больше не хотела здесь находиться.

Я хотела найти Джулиана. Я хотела сказать ему те же слова, что он сказал мне.

Я хотела сказать ему, что все они лжецы, но не мы. Я хотела сказать ему, что я никому из них не верю, что они не знали его так, как его знала я.

Но я сдерживала свои эмоции, пока мы вчетвером стояли перед крошечной витриной магазина, зажатой между тату-салоном и салоном красоты. Сбоку тянулась неоновосиняя мигающая вывеска с надписью «Экстрасенс».

— Я предупреждала тебя о них, не так ли?

прошептала Мандэй, говоря о полых язычниках, когда она открыла дверь, прежде чем мы все вошли внутрь.

— Я просто не думаю, что они такие плохие, какими их все представляют, — прошептала я в ответ, чувствуя необходимость защитить Джулиана.

Кейн застонал.

Мандэй усмехнулась. — Говорит девушка, которая сбежала и чуть не покинула Воющую Лощину из-за них.

Майло, который уже отошел в сторону, промолчал и подошел к стене, где полки были забиты книгами, штабелями от пола до потолка. Корешки были изношены, потрескались и облупились — свидетельство того, что их перечитывали снова и снова. Надпись выцвела, и я провела пальцем по неровным выступам, собирая пыль, затем сдула пушок с кончика пальца.

Мандэй несколько раз хлопнула ладонью по звонку на столешнице.

— Эй? Мисс Элеонор!

— Притормози. Она идет, — прошипел Майло.

Мандэй прищурилась, глядя на него, как раз в тот момент, когда занавес из бус раздвинулся посередине и появилась высокая женщина с бритой головой и золотыми обручами, пронзающими края ее ушей. На ней была черная блузка с панелями поверх черных брюк со швами, отделанными золотом и блестками. Глаза, черные, как ночь, нашли мои через всю комнату, когда знакомая и понимающая натянутая усмешка растянулась на ее широких губах.

Дыхание покинуло меня, и моя грудь сжалась.

— Ты выглядишь так же, как...

— Мариетта, — закончила она мое предложение и опустила голову в одном кивке. — Она была моей сестрой-близнецом.

Ее кенийский акцент был таким же плавным, сильным и упрямым, как у Мариетты, не испорченный мейнерами. Это было все равно, что снова увидеть Мариетту, и эмоции хлынули из моей груди, поднялись к горлу и защипали глаза. Мне хотелось броситься к ней и обнять, вдохнуть отчетливый аромат розмарина и шалфея. — А ты, должно быть, наше Лунное дитя.

— Прости, — я покачала головой, пытаюсь сделать ровный вдох. — Это тяжело для меня. Ты выглядишь так же, как она.

— Я тоже скучаю по ней, дитя. Пойдем, давай поговорим.

Элеонора провела меня сквозь занавес из бисера к задней части зала. Со стен свисали бархатные фиолетовые и зеленые полотна, а в углах узкого коридора, заваленного коробками и инвентарем, горели благовония. Она открыла дверь в маленькую комнату, и мы обе вошли.

Шелковая фиолетовая скатерть, накинутая на круглый стол, расположенный в центре комнаты, с двумя стульями с ворсом, стоящими друг напротив друга, со свернутыми подлокотниками и вырезанными на дереве деталями в виде завитков. По центру стола веером была разложена колода карт таро. Свечи разной высоты стояли вдоль стен над старинными буфетами, отбрасывая танцующие тени на темные обои.

По какой-то причине я чувствовала, что должна извиниться за то, что случилось с Мариеттой, как будто это была моя вина. Как будто я сама забрала Мариетту у Элеоноры и заставила ее растить меня. Я хотела извиниться за все украденные годы и за то, что ее не было рядом с Мариеттой, когда она заболела. Но я ничего не могла сказать, так как горе крепко держало мой язык.

— Все в порядке, дитя, — сказала Элеонора, прочитав мои мысли.

— Мы знали, что этот день настанет.

Элеонора выдвинула большой стул и предложила мне сесть. Я так и сделала, медленно качая головой.

— Я не понимаю.

Элеонора села напротив меня.

— Ты поймешь.

Она слегка улыбнулась, и ее золотые браслеты зазвенели, когда она сложила карты в чистую стопку и положила их в сторону между двумя другими колодами.

— Тебе когда-нибудь раньше не гадали?

— Нет, — мой голос был негромким, когда я это сказала. — До сих пор я никогда по-настоящему не знакомясь с подобными вещами. Я имею в виду, я слышала о магии, ведьмах и сверхъестественном, и я знаю, что все это реально. Я никогда в этом не сомневалась. Но с тех пор, как я вернулась в Воющую Лощину, я как будто попала в альтернативную вселенную, где нормального не существует. В половине случаев я даже не знаю, что реально.

— Я вижу, — сказала Элеонора неодобрительным тоном, затем кивнула, когда что-то, казалось, щелкнуло в ее черепе. — Похоже, что Мариетта, в конце концов, была правильным выбором.

Она слегка рассмеялась.

— Карты Таро — это зеркало твоей души. Самое большое заблуждение заключается в том, что они содержат ключ к твоему будущему, но то, что они действительно открывают, —

это внутренняя интуиция и мудрость человека как руководство для навигации по жизни.

Ее взгляд переместился на три палубы, лежащие рядом с нами.

— Продолжай. Выбери колоду.

Я осмотрела три колоды, все погнутые, потерявшие форму и потертые по краям, они больше не лежали ровно друг на друге. Первая колода золотая, вторая черная, а третья серебряная, но все три прошли через множество прочтений. На серебряной колоде было изображение птичьих когтей, летящих вниз, и это привлекло мое внимание.

— Серебро.

Выражение лица Элеоноры оставалось стоическим, и она попросила меня перетасовать.

Я так и сделала, и карты были хрупкими под моими умелыми пальцами, когда я сдвинула их и вернула на место, прежде чем передать их в ее протянутую ладонь. Элеонора положила перетасованную колоду между нами на стол. «Сава, сделай три стопки, дорогой».

Я разделил колоду, как она просила. Вскоре после этого Элеонора перевернула верхнюю карту из одной стопки и положила ее перед стопкой. Затем она вытащила последнюю карту из нижней части той же стопки и положила ее лицевой стороной вверх поверх стопки. Она повторила эти действия для всех трех стопок.

— Твое прошлое, настоящее и будущее, — объяснила она. Шесть карт лицевой стороной уставились на меня. Я подвинулась вперед, присев на край стула и наострив уши, желая услышать больше.

— Чувствуешь напряжение? — она усмехнулась, и мои глаза встретились с ее.

— Маленькая экстрасенсорная шутка.

Длинный ноготь Элеоноры царапнул по краю стопки, отмечавшей прошлое. — Карта отшельника, это говорит мне, что в подростковые годы ты в основном держалась сама по себе, и... она в паре с перевернутым Дьяволом. Ловушка. Это означает прошлое, из которого нет выхода, и дорогу, ведущую к нему. Ты находишься в плену или в ситуации, которая произошла с тобой. Возможно, что-то более буквальное — в ловушке.

Ее глаза встретились с моими, и я быстро отвела взгляд.

— Ты меня поняла, Лунный свет?

В моем горле образовался комок.

— Я... Я не знаю, — солгала я, вспышки ужасающей ночи в колодце прокручивались в моей голове — стены смыкались, шепот в холодной, сырой ночи, мое горло так саднило от крика...

Ее рука метнулась к моей, но остановилась на полпути, передумав.

— Твое настоящее, — ее рука скользнула к следующей колоде, — Ах! обманщик.

Элеонора постучала по карточке с выцветшим изображением мужчины или женщины — не могу разобрать, — несущего меч над текущей рекой. — Карта перевернута. В данном случае она представляет собой иллюзию окружающего тебя мира. Не верь всему или всем, кого ты видишь или слышишь, — посоветовала она. Ее палец переместился к парной карточке с надписью «СМЕРТЬ». Я почувствовала, как у меня отвисла челюсть при одной мысли о дедушке, а Элеонора прищелкнула языком. — Грядет утрата, и это будет болезненно. Я знаю, о чем ты думаешь, но это может быть в любом аспекте твоей жизни. Это почти наверняка будет значительным и абсолютным.

Мои глаза поднялись от карточки Смерти к ее черным глазам, когда мое сердце затрепетало в груди.

— Почти? Значит, это может измениться?

— Это сомнительно. Смерть — это естественный процесс в жизни. Когда она придет, используйте свою внутреннюю силу, чтобы принять ее. Хотя твое будущее весьма необычно.

Разочарование в ее тоне не осталось незамеченным. Выражение, промелькнувшее на ее лице, не выражало ничего, кроме жалости и печали, а не того, чего она, по-видимому, ожидала от карт. — Здесь у тебя есть колесо фортуны, но оно перевернуто. Ты потеряла контроль над неизбежной судьбой, которая была тебе уготована. Грядет несчастье.

Мои глаза устремились к карте, соединенной с колесом фортуны, и я увидела мужчину и женщину под двумя птицами.

— Ммм... Она соединена с картой Влюбленных.

Ее голос изменился, когда она заговорила, в нем нарастали шок и гнев.

— Этого не может быть, — ее глаза метнулись к моим, изо всех сил пытаюсь закончить, — Тебе придется сделать выбор и пожертвовать. Но не делайте этот выбор легкомысленно, так как последствия будут длительными!

— Я ничего из этого не понимаю. Что это вообще значит?

Вопросы так и сыпались из меня, карты почти не раскрывали ничего существенного, и мое сердце было в режиме ожидания со слезами на глазах. Несчастье? Смерть? Потеря контроля?

Элеонора придвинула к себе стопку карточек будущего и быстро сложила их обратно полу-аккуратно, ее лицо было суровым.

— Уходи! Ты идёшь по неверному пути. Я слишком близко. Я не могу тебе помочь.

Все ее поведение изменилось, и, если я не ошибаюсь, она казалась сумасшедшей. Она вскочила со стула и покатила к двери.

— Вам, ребята, пора уходить!

— Но ты должна мне помочь. Ты не можешь рассказать мне все это и вынудить меня уйти! Пожалуйста, — я сунула руку в сумку и вытащила пачку наличных. Несколько банкнот выскользнули у меня из пальцев и упали на пол. Я была в отчаянии, мне нужно было услышать что-то обнадеживающее. Беспокоясь за дедушку, я должна была знать, что мое несчастье не ляжет на его душу.

— Дай мне хоть что-нибудь, — умоляла я, нуждаясь в большем.

Элеонора крепко схватила меня за руку и уставилась на меня своими глазами-бусинками. — Не поддавайся обману, который тебя окружает. Только ты можешь определить свою судьбу, мое лунное дитя, — быстро сказала Элеонора, затем выпроводила меня из комнаты, прежде чем захлопнуть за мной дверь.

Сильный ветер развевал мои волосы, а от падающей температуры затылок сковал напряженный холодок. Я стояла возле магазина Элеоноры, ошеломлённая и сбитая с толку, потерявшись в ее словах, а Майло, Мандэй и Кейн окружили меня. Их болтовня казалась далекой на фоне последних слов Элеоноры. «Только у тебя есть власть определять свою судьбу». Мантра повторялась снова и снова и снова в моей голове, отражаясь от уголков моего черепа.

Дедушка был единственной ниточкой, которая связывала меня с матерью, которую я никогда не знала. Тем не менее, казалось, что его судьба была перевернута и напечатана на карточке — наше будущее было предсказано в течение пятнадцати минут, и нервнирующая дрожь, пробежавшая по моим костям под моей плотью, заставила меня поверить, что это реально.

Это происходило. Дедушка должен был умереть.

— Если это поможет, она однажды сказала мне, что я сама вырою себе могилу. Не воспринимай близко, что она говорит, — настаивала Мандэй.

— Да, а я потеряюсь во времени, — добавил Майло.

— Неа, мое лучше, — Кейн выпятил грудь. — Под полуночным солнцем я потеряю свою силу из-за падения странника, что бы, черт возьми, это ни значило.

— Видишь, — рассмеялась Мандэй, — это все просто для развлечения.

Глава 23

Джулиан

Фэллон не видела меня ранее, сидящим в углу с Бэком, пока мы пили кофе, обсуждая наши теории относительно личности вора, который украл книги. Фэллон не видела меня, но я наблюдал за ней из темного угла за своей темной маской, скрывающую мою темную душу.

Она пришла, одетая в черно-белые кожаные туфли, в те маленькие шорты, которые я так любил, изгибы ее ягодиц врезались прямо в подол, заставляя каждый мой кровеносный сосуд сжиматься. Она не видела меня, но я видел ее с распущенными белыми волосами, которые падали на спину, как снегопад. Я закрыл глаза, вдыхая темные мысли, которые ласкали мою душу с теневой кровью, приветствуя ее, как холодную ночь.

Было ли это тем, о чем предупреждал меня папа? Как могла девушка, такая упрямая, раскрыть эти чувства? Эти...желания? Как она могла быть единственной, кто мог успокоить эту темную тварь внутри меня?

Я наблюдал, как она сидела напротив придурка, с которым мой кулак встретился прошлой ночью, отрешенная и погруженная в свои мысли, какой она всегда казалась, когда была рядом с людьми, которым она не принадлежала. Я никогда так не терял контроль, но я терял ее еще до того, как она у меня появилась. Боже милостивый, что она со мной делала?

Но настоящий вопрос заключался в том, кто такая Фэллон Гримальди?

Магия Кейна не подействовала на Фэллон так, как тогда в Вуду. Во время фильма я наблюдал с другого конца лужайки, как он ощупывал ее, и, если дьявол был настоящим, его палец постукивал по моему черному, наполненному лавой пульсу, готовый нажать на курок.

Но на нее это не подействовало. Она сказала, что не могла перестать думать обо мне, и, возможно, это было ключом.

Бэк щелкнул пальцем между нами, и мои глаза оторвались от кабинки, за которой она сидела всего час назад. — Ты уверен, что с тобой все в порядке, чувак? Ты ок?

— Да, а как насчет тебя? Как Джозефина? — спросил я, меняя тему.

Джозефина была дочерью его Хранителя, которая в конечном итоге станет его хранительницей, как только ее родители уйдут из жизни. Ей было всего четырнадцать, и она боролась с гриппом, и становилось только хуже.

Взгляд Бэка скользнул мимо меня. — Выглядит не очень. Пройдет совсем немного времени, и им понадобится, чтобы мы вмешались.

Я наклонился и сжал его плечо, пока его взгляд снова не встретился с моим. — Прямо как езда на велосипеде, малыш Бэк. Мы делали это много раз, все будет хорошо. Если мы ей понадобится, мы будем рядом. Мы не позволим, чтобы с ней что-нибудь случилось.

— Да, — кивнул он, сморгнув беспокойство с глаз, — Пойдем прогуляемся по территории.

Территория была старой карнавальной площадкой, построенной в начале 1900—х годов соседним городом, расположенным на границе Воющей Лощины, занимая половину нашего леса, а другую половину — в остальном мире. Она была заброшена после того, как горожане

выгнали участников в то время, когда щит был слаб, но территория все еще была там, и раз в год карнавал оживал. Движущиеся аттракционы, яркие огни, звуки детского смеха, криков и пения, а также жуткая карнавальная музыка, которая заставляла книгу Р.Л. Стайна казаться написанной Диснеем. Каждую вторую ночь в году на территории было темно и холодно. Тихое место, использующее достаточно небесной энергии, чтобы использовать самую темную магию.

Норвежский Лес сказал, что в последний раз наш ковен использовал темную магию более века назад. Мы с братьями никогда раньше не баловались темной магией и не планировали этого делать сегодня вечером. Как бы отчаянно мы ни пытались снять проклятие, я отказывался падать в кроличью нору.

Нет, мы ходили на территорию только тогда, когда нам нужно было уединение и место для сексуальной магии, потому что секс был самым мощным источником энергии. Секс с девушками из Норвежского Леса, карнавал с привидениями и четыре полых язычника — можно подумать, что территория будет продаваться как горячие пирожки. Но никто, кроме нашего ковена, не знал о ее существовании. Мы держали территорию замаскированной. Ни Священное Море, ни жители равнин не могли видеть это трезвым взглядом.

Мы с Бэком вышли из Бобы и выкинули наши бумажные стаканчики, как только Фэллон пересекла Городскую площадь с репортером, маленькой рыжей девушкой и Кейном на другой стороне беседки. Вид был подобен пуле в легкие, безжалостной и медленно убивающей меня.

Как бы все ни советовали мне держаться подальше, я не мог. Я хотел остаться в ее голове. Я хотел, чтобы она продолжала думать обо мне, если это означало, что Кейн не сможет добраться до нее.

Жизнь была проще до того, как она вернулась в город, с холодными ветрами, дующими сквозь разрушенные зубчатые стены и окна моей души. Я не возражал ни против холода, ни против тени, в которой я прятался, ни против того, чтобы оставаться наедине со своими мыслями, но не тогда, когда каждая мысль теперь вела к ней. Это была всего лишь пытка. Я знал, что она тоже это знает. Нельзя было отрицать то, что у нас было. Эта штука, для которой у меня не было названия, казалась волшебной и читалась как табу.

Что бы мне потребовалось, чтобы убедить ее жить со мной в этой тайне, прятаться в переулках, целоваться в тени и заниматься любовью в злых норвежских лесах после наступления темноты? Потому что это была единственная жизнь, которую я мог дать ей, пока не смогу снять это проклятие.

Фэллон не понимала. Я прятался не потому, что мне было стыдно за нее.

Я никогда не мог стыдиться ее. Фэллон и я, мы были одинаковы.

Но были и другие способы, которыми я мог проявить себя...

— ПУБЛИЧНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ! — я крикнул через городскую площадь, слишком поздно, чтобы остановить себя сейчас.

Бэк толкнул меня локтем в бок. — Что, черт возьми, ты делаешь?

Я понятия не имел, и белые волосы Фэллон взметнулись, когда она повернула голову, остальные тоже. На малолюдных улицах все еще было достаточно свидетелей, чтобы бросить меня в туннели, хотя я все еще был достаточно далеко от нее в соответствии с указами, и я не разговаривал с ней напрямую. Мне было уже все равно. Я должен был убедиться, что она знает, как далеко я готов зайти.

— Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВСЕ ЗНАЛИ, ЧТО Я НЕ МОГУ ПЕРЕСТАТЬ ДУМАТИ

ФЭЛЛОН! — крикнул я, прикрыв рот ладонями, повторяя те же слова, которые она говорила мне прошлой ночью.

Бэк рядом со мной покачал головой. Я знал, что потребуется нечто большее, чем это. Но это было только начало. Потому что я тебя никогда не стыдился, Фэллон.

Фэллон попыталась выдавить из себя улыбку, но ее улыбка победила. Я был более чем в пятидесяти футах от него, дальше, чем я должен был быть, и дальше, чем я хотел, и эта улыбка все еще имела силу ударить меня в грудь, заставив меня отступить назад, как будто это была сила. И для меня так оно и было.

— ТЫ ДУРАК! — крикнула она в ответ, и я склонил голову набок, когда смех сорвался с моих губ.

Маленькая рыжеволосая взяла ее за руку, потянув вперед, и моя улыбка исчезла, когда она завернула за угол и скрылась из виду. Бэк что-то пробормотал себе под нос, в его голубых глазах стояли каменистые воды. Но он знал, что это произойдет.

— Хоть что-то, черт возьми, — прошептал я ночному бризу.

— Эта девушка меняет тебя, — пробормотал Бэк. — Не видел тебя таким с тех пор, как

Джонни.

— Я знаю.

Зефир и Феникс уже были у входа на территорию. Четверо членов Ковена Норвежских лесов с завязанными глазами выстроились у железных ворот. Повязки на глаза были необходимы. Девушки понимали условия. Это был не первый их раз с язычником. Мы должны были принять меры, чтобы обеспечить их безопасность. Зеф прошел мимо Франчески, девушки, с которой он был в паре, и проскользнул через решетку ворот.

Для нас секс с ними был не для развлечения и игр. Все, что нам было нужно, — это энергия, полученная от мужчины и женщины во время этого мощного акта. Ясно и просто, это было средство для достижения цели, а не конечная цель сегодняшнего вечера — деловая сделка. Мы были четверьмя Полыми язычниками, пытающимися снять проклятие — только секс. Фэллон была первой девушкой, которую я когда-либо целовал, потому что я никогда не думал, что это возможно. Теперь она была единственной девушкой, которой я думал отдаться так, чтобы это было больше, чем мое тело. Такой способ, который не был предназначен для магии или ритуала.

Табита стояла там с завязанными глазами, с копной черных волос, которые сидели у нее на голове, как клоунский парик, блестящий пластиковый оникс. Она повернула голову, вероятно, прислушиваясь ко мне, и прямой край ее волос задел плечи. Она тоже оделась по этому случаю, надев черный кружевной лифчик под свой маленький топ и мини-джинсовую юбку для легкого доступа, как будто это имело значение. Насколько отчаянно я хотел снять это проклятие? Достаточно отчаявшийся, чтобы заняться сексуальной магией, когда мой член болел только от желания быть в конкретной беловолосой глупой ненормальной вроде меня? Когда я оглядел Табиту с ног до головы, хотя это ничего не значило, все это выглядело, казалось, ощущалось... неправильно. До Фэллон мне никогда не приходилось сомневаться в своих обязательствах. Она уже была в моей голове.

Феникс нес рюкзак с книгами, а остальные из нас проскользнули через решетку и направились к старому дому на колесе обозрения. Я притаился на заднем плане группы, как злой призрак, отчаяние и раскаяние давили на мое сердце. Мне это совсем не нравилось, но я был полон решимости продолжать в том же духе.

Девочки сгрудились под навесом, болтая, ожидая нас, пока мы стояли у колеса обозрения. Феникс развалился в шатком и выцветшем пассажирском салоне колеса обозрения, листая одну из книг, сложенных у него на коленях. Остальные из нас передавали по кругу бутылку, пока ночь продолжалась — девушки смеялись вдалеке. Мы максимально отстранялись от них. Нет причин для прелюдии.

— Джулиан, слабо наперегонки со мной на вершину?

Зеф смотрел на большое колесо, под которым мы стояли.

Я не мог поднять глаз без внезапной тошноты, скрутившей мой желудок. Мысль о том, что я нахожусь так высоко, заставила мой разум отключиться, тело затряслось, а зрение ослабело. — О, тебе бы это понравилось, правда, сучонок?

В глазах Зефа появилась бессердечная усмешка.

— Я видел это здесь прошлой ночью, — пробормотал Феникс, просматривая страницы Книги Уайлдса.

— Отрывок, написанный Кайденом Уайлдсом более ста лет назад. Да, вот оно, — он прочистил горло: «Было уже за полночь и прошло много времени после собрания Ордена, когда я услышал запретную девушку в пещерах. Она пела, ее голос сливался в густую мелодию, набухая и затихая, взывая ко мне или ведя меня, я не мог быть уверен. Но ее песня унесла меня в небесные воды, именно там я стал свидетелем зрелища, которое никогда не мог себе представить. Жена Фостера Дэнверса, Клариса, содрогалась под Маттео Кантини, шепчущая ему на ухо звуки скандинавских лесов. Она обещала удовольствие в обмен на помощь, чтобы снять проклятие Полых язычников. И все же, что могло заставить жену Дэнверса поверить, что у Кантини есть ответы? Нам сказали, что проклятие не может быть снято! Я скрывал это от своих братьев-братьев, от моего дорогого друга Фостера. Ибо эта новость о том, что его возлюбленная занимается сексом с врагом, была бы той самой новостью, которая могла бы уничтожить его. Риск, на который я не хотел идти».

Между нами повисло молчание, когда мы вчетвером обменялись взглядами.

Феникс первым нарушил молчание. — Итак, что, черт возьми, это значит?

— Это значит, что твой предок наткнулся на жену Дэнверса и Кантини, трахающихся в туннелях, — заключил Бэк, прежде чем сделать глоток из бутылки.

Зеф оттолкнулся от кабины колеса обозрения и уронил обе ладони на свою белокурую голову, возможно, нуждаясь в воздухе, пространстве, чтобы подумать. Феникс покачивалась в выцветшей машине, наблюдая за ним, когда он сказал:

— Ты говоришь мне, что ответы, которые нам нужны, чтобы снять проклятие, находятся в руках жены Дэнверса, которая померла ну... я не знаю, столетие назад? Тогда, конечно, давайте не забудем про Кантини!

— У меня было чувство, что за этим стоит Священное Море, — процедил Зеф сквозь зубы.

В этом не было никакого смысла. Кантини были хорошими людьми, хранителями секретов. Они всегда были единственной семьей из Истсайда, которая соблюдала законы равновесия и уважала наш ковен. Конечно, я ожидал бы этого от Прюитта, но не от семьи Сайруса.

— Это не имеет никакого смысла, Феникс. Вернись в начало и прочти это снова.

В этой истории должно было быть что-то еще.

Феникс снова прочитал, а потом сделал паузу и посмотрел на меня, его золотые глаза сверкали. — Вот и все. На этом все и закончится. Как ты думаешь, именно поэтому род

Дэнверса исчез? Кто-то еще узнал о неверности между ковенами и ее попытке снять проклятие?

Дэнверсы. Пятая семья-основатель ковена Норвежских лесов. Стихия Земли. Был ли Феникс прав? Неужели Священное Море убило их? Было ли это причиной того, что род Дэнверсов был прерван?

— Не имеет смысла, что Кантини может быть замешан в этом, — сказал я, моя голова уже пульсировала.

Феникс протянул руку, забирая бутылку у Бэка. — Что ж, сегодня вечером мы могли бы обратиться либо к этой вероломной жене, Кларисе Дэнверс, либо к Маттео Кантини.

Он закрыл книгу и выпрямился.

Взгляд Зефа метнулся к Фениксу.

— Если эта женщина предала своего мужа, что заставляет вас думать, что она будет честна с нами?

— Ну, мы чертовски уверены, что не можем обратиться к Кантини мать его.

Бэк покачал головой. — Что, если он вернется в Священное Море? Самайн уже не за горами. Он мог бы намекнуть, что мы копаемся в этом деле.

— Ты прав.

Я провел рукой по лбу, по волосам и схватился за затылок. Оглядев язычников, я понял это.

— Нам нужно призвать женщину Дэнверс, узнать, что она знает. Нам нужно выяснить, получала ли она когда-нибудь ответы о том, как снять проклятие. Маттео Кантини нам не поможет.

Не после того, как услышал, что он спал с кем-то из наших. Я начинал верить, что Орден так же развращен, как и моя душа.

Зеф потер ладони, переводя свой ястребиный взгляд на девочек.

— Теперь, выбери тело.

— Табита, — быстро заявил я.

— Ты будешь в одиночку?

Феникс схватил меня за плечо.

Я почувствовал, как понимающий взгляд Бэка пробежал по моим венам.

— Что-то в этом роде.

— Всё равно нужны мы все, — отметил он, как будто я этого еще не знал.

Табита стояла обнаженная в середине круга, который Бэк закончил рисовать в грязи палкой, с завязанными глазами и дрожа как от холода, так и от того, ради чего, я уверен, она ожидала сюда прийти.

Но я не занимался с ней сексом. Не в этот раз.

Остальные из нас рассредоточились, и я отступил в кабинку на колесе обозрения, где было пусто и уединенно, эгоистично сосредоточившись на Фэллон с моим членом в руке. Я откинул голову на стену, заглушая оркестр стонов и шлепков вокруг меня. Не потребовалось много времени, чтобы мой ствол утолщился, потяжелел и растянулся в моем кулаке. Все, что для этого потребовалось, — это простая мысль о ее улыбке. Та, которая преследовала меня, когда она даже не знала об этом. Та, которую она делала в двадцати футах от меня, погруженная в свои мысли, с отсутствующим взглядом, с небольшим изгибом вокруг ее приподнятых губ, верхняя губа немного пухлее нижней на ее ромбовидном лице с лунами в глазах.

Я думал о том, как моя рука ощущалась у нее между ног, какой она была на вкус, как ее тело содрогалось в темноте, когда я вытягивал из нее оргазм, кончая так легко и незаметно, как шепот, когда она таяла в моих объятиях. Она не притворялась для меня. Она была такой тихой, такой честной.

И то, как она поцеловала меня...

Воспоминания о той ночи заставили ветер с большой силой подниматься из круга беспокойными волнами, ударяя по моей гудящей коже. Мой пресс напрягся, мышцы дернулись, вспоминая, как ее мягкая кожа ощущалась под кончиками моих пальцев. Мои глаза распахнулись, чтобы увидеть, что луна достигла своей вершины в небе за густыми серыми облаками, и громовой раскат расколол небо.

— Черт, — процедил я сквозь зубы, снова закрыв глаза, когда мой член дернулся в моей руке.

Я угасал в ее цвете.

Белые волосы. Молочно-белая кожа. Пыльно-розовые губы. Зима в ее глазах.

Совершенно опустошенный, я почти забыл причину, по которой мы здесь — причину, по которой мы это делаем.

Я натянул обратно в штаны и вскочил на ноги, застегивая молнию.

Песнопения вокруг меня становились все громче. Я подошел к Табите, затуманенный, ошеломленный и эгоистично увлеченный некой лунной девушкой, остальные присоединились, когда закончили.

Три раза мы повторяли один и тот же куплет по кругу, призывая Кларису Дэнверс. Вверху сверкнула молния, синий неон прорезал черное небо. Сухой шторм кружил над головой, ленивый грязевой циклон внизу.

Затем небо успокоилось, облака рассеялись, и я опустил взгляд на Табиту.

— Как тебя зовут? — потребовал я.

Табита улыбнулась.

— Кайдэн Уайлдс.

Она резко повернула голову в сторону Феникса, и Феникс скрестил руки на груди. — Ты сын огня, не так ли? На этот раз ступай по воде. Твое сердце вступает на опасную территорию.

Феникс прищурил глаза.

— Мы вызвали Кларису Дэнверс, почему ты здесь? Где она?

— Все, что я знаю, это то, что я здесь, — сказал Кайдэн через Табиту.

Зефир сделал шаг вперед.

— Мы прочитали твою запись в дневнике о том, что произошло между Кларисой Дэнверс и Маттео Кантини. Это правда? Священное Море всегда было тем, кто стоял за проклятием язычников...

— Ты знаешь, как снять проклятие? — Я прервал его, потому что это было важнее, и мы не знали, сколько у нас времени.

— Нет, — Кайдэн прорвался сквозь Табиту. — Я знаю только это. Клариса была отчаянной и глупой и сделала бы все, что угодно, в том числе искусить и соблазнить кого-то, даже из Священного Моря. Затем, в другом случае, она и Маттео ругались в пещерах из-за дневников наших предков. Был пропавший дневник. На следующий день Клариса исчезла, и с тех пор ее никто не видел. Фостер Дэнверс сошел с ума и покончил с собой, полагая, что его бросила жена. Я никогда не признавался в том, что видел, и из-за этого я останусь духом,

охваченным чувством вины. Но я сделал то, что считал лучшим для ковена. Элемент Дэнверсов может отсутствовать в Полых язычниках, но ты, Блэквелл, являешься всеми четырьмя элементами, воплощающими дух или темную пустошь, в зависимости от твоей теневой крови. Ты — ключ к сплочению этого ковена. То есть, если вы не поддадитесь тьме. Тебе нужно проснуться, Блэквелл! — проревел низкий голос девушки, ошеломив всех нас.

— Хочешь сказать, что Маттео избавился от нее? — Бэк всплеснул руками, возвращая разговор к тому, что было важно. — Потому что она обратилась к ним за помощью? Потому что она, возможно, украла у них книгу?

Украла книгу.

— Чей дневник? — настойчиво спросил я. Из Комнаты пропали три книги. Один из них должен был хранить ответы.

Голова Табиты резко повернулась ко мне.

— Этого я не знаю наверняка. Кантини — хранители тайн Воющей Лощины. Возможно, они знают, как появилось проклятие, но можно ли его снять? Я в этом не уверен.

— Поздравляю, Никс. Ты приходишь из рода идиотов, от которых нет никакой пользы, — сухо заявил Зеф, бросив ядовитый зеленый взгляд в сторону Феникса.

— Я не понимаю.

Мои пальцы энергично постукивали по бедру, и я шагнула вперед, нуждаясь в большем. — Зачем ей проходить через все эти неприятности? Она уже связала себя с Фостером, приняла его таким, какой он есть. Приняла проклятие, как моя мать и все женщины до нее. Зачем ей предавать своего мужа и красть книги из Ордена? Почему она так заботится о том, чтобы рисковать всем?

Табита выпрямила спину.

— Зачем кому-то принимать такие крайние меры, превращаясь в то, чем они не являются?

И тут меня осенило, я вспомнил прошлое, которое так старался забыть.

— Ради любви к ребенку, — прошептал я.

И без предупреждения Табита рухнула на землю.

И связь с Кайденом Уайлдсом оборвалась.

Глава 24

Фэллон

Ранее я пропустила парад Мабон на Городской площади и все ужины, на которые меня приглашали, решив провести вечер с дедушкой.

Он больше не мог вставать с постели. С каждым днем его тело отказывало, подводя его. За последние несколько недель он так быстро похудел, что кожа свисала с костей, а щеки ввалились. Если бы не его упрямство, он даже не смог бы держать карандаш для своего кроссворда. Как будто он собрал энергию на целый день для этой единственной задачи, единственной вещи, которую он с нетерпением ждал.

Поскольку дедушка также не мог вставать, чтобы сходить в туалет, Мина Мэй приходила каждое утро и каждый вечер, чтобы помочь. Дедушка, конечно, спорил, но Мина была настойчива. Сначала я задавалась вопросом, почему она здесь, со мной и дедушкой, но потом я заметила выражение ее глаз, точно такое же, как у Джулиана, и я знала, что это потому, что она глубоко заботилась о дедушке.

Пока я мыла посуду, Мина пришла из гостиной и поставила корзину, наполненную грязной одеждой.

— Ему повезло, что у него есть ты, — сказала она, любясь мной с другой стороны прилавка, положив руку на грязную кучу. Между всеми этими приходами и уходами у нас едва ли был разговор, который длился больше, чем ворчание дедушки.

Я не знала, что ответить.

— Нам обоим повезло.

Я вытерла последнюю тарелку, поставила ее на желтый коврик для сушки и повернулась к ней лицом.

— И нам также очень повезло, что у нас есть ты. Серьезно, — я вздохнула, — я не знаю, как я когда-нибудь смогу отплатить тебе за твою помощь.

Она кивнула, широко раскрыв глаза.

— Слишком много на твои плечи, не могла позволить тебе делать это в одиночку.

— Да, — я прислонилась спиной к стойке, — но я рада, что я здесь.

— Я тоже рада, что ты здесь, дорогая.

Мина подняла корзину и повесила ее на бедро.

— Я постираю белье за тебя, и не вздумай спорить.

Я рассмеялась.

— И не собиралась.

— Ты выйдешь в город сегодня вечером?

— Я подумывала о том, чтобы остаться дома. Знаешь, на случай, если я понадобится дедушке.

— Оу, он в отключке. Бенни еще долго не проснется.

Мина хлопнула по стойке и наклонилась.

— Сделай мне одолжение и иди повеселись. Это Мабон, и ты никогда не знаешь, что может случиться, или удача может обернуться против тебя.

И она ушла, подмигнув, прежде чем исчезнуть за стеной в гостиной.

Несколько часов спустя Фэйбл сидела рядом со мной на бревне перед костром, и мы вдвоем передавали кувшин домашнего самогона с яблочным пирогом из погреба семьи Сайруса. Мандэй, Айви и Адора танцевали и кружились вдоль берега, намочив низ своих длинных платьев с оборками. Они пинали волны, разбрызгивая воду, когда в небе висел тонкий кусочек луны. Мы с Фэйбл просто сидели, наблюдая, как остальные три девушки танцуют и поют вместе с ветром, как морские сирены.

Из старого динамика, воткнутого в песок, полился Hrrrie Sabotage, и Маверик подбросил в костер еще одно полено, отчего в черное небо полетели искры горящих углей. Он вернулся на свое место рядом с Сайрусом и одним движением отбросил светлые волосы с глаз.

— Где Кейн? — спросил Маверик, переводя взгляд с Сайруса на меня. — Он уже должен быть здесь.

Сайрус опустил локти на колени и ткнул длинной палкой в бревно между своих вытянутых бедер. — Его старик хотел поговорить, — объяснил он, затем его светлые глаза посмотрели поверх огня мимо меня, его черные брови приподнялись. — Кстати, о дьяволе.

Кейн шел к нам по пляжу в льняных брюках с завязками и частично расстегнутой белой рубашке, его бронзовая кожа мерцала, как звезды на поверхности океана. Его мягкие каштановые волосы сегодня были растрепаны, густые и развевающиеся на ночном воздухе. В одной руке он держал еще одну бутылку и опустил свои карие глаза на мои, синяк на одном из них уже приобрел цвет.

— Ты пришла, — сказал он низким голосом, и я покрутила кольцо настроения на

пальце, задаваясь вопросом, в каком настроении он был сегодня вечером. Он остановился позади меня и уткнулся головой мне в шею.

— Спасибо, что пришла.

Я кивнула, и Кейн выпрямился позади меня, обошел вокруг костра и сел между Мавериком и Сайрусом. Его два выпученных глаза уставились на меня из-за колышущегося пламени костра, и он отхлебнул из бутылки, комок в его горле подпрыгивал с каждым глотком.

— Сегодня та самая ночь, Фэллон, — объявил он.

Я взглянула на Фэйбл, которая рисовала круги на песке палкой, опустив взгляд. Мой взгляд метнулся обратно к Кейну. — Ночь для чего?

— Для твоего посвящения. Для Священного Моря это трехэтапный процесс. Я прошел через это. Сайрус, Мэв и Айви прошли через это, — он сделал паузу и прищурился, — Твой отец прошел через это... Это тоже важно для тебя. Другие девушки ждали этого, особенно твоя подружка, Мандэй.

Он перевел взгляд на девушек, танцующих у берега.

— Но сейчас мы сосредоточены на тебе, дочери Тобиаса Моргана и все дела.

— Я не ведьма, — сказала я, почти смеясь над этой идеей.

— Ты ведьма. Это уже внутри тебя, и мы собираемся помочь вытащить это наружу во время посвящения. К тому времени, когда ты полностью войдешь, ты тоже это увидишь.

Все трое парней уставились в мою сторону через костер.

— Мы можем защитить тебя, Фэллон, но ты должна доверять нам. Ты должна отбросить эти свои преграды и подчиниться, иначе это не сработает.

Я приподняла бровь.

— Ты можешь защитить Бенни?

Кейн покачал головой.

— Бенни — изгнанник, древнескандинавский лесной ведьмак, который случайно живет на нашей земле. Мы не можем ему помочь.

— Но он мой дедушка, моя семья, — настаивала я.

— Нет, Фэллон, мы будем твоей семьей.

Я покачала головой, смахивая лунный свет с песка и вставая.

— Тогда мне это не интересно, — сказала я, уходя, песок взлетал с моих босых ног при каждом шаге.

После нескольких глотков пряной янтарной жидкости я обнаружила, что прислонилась к холодным скалистым утесам, наблюдая за девушками во всей их красе, их руки двигались легко, как балет над водой, под ремейк «Tainted Love». Я закрыла глаза, думая о том, во что превратилась моя жизнь. Единственному парню, которого я хотела, не разрешали приближаться ко мне. Ведьмы были здесь и реальны, убийство витало в воздухе, кто-то может охотиться за мной, а дедушка умирал.

Слева от меня Кейн шел в мою сторону, и я скрестила руки на груди. — Я могу попробовать, — сказал он, опуская ладонь на камень и наклоняясь надо мной. Я схватила кувшин и посмотрела вниз на наши босые ноги, утопающие в песке, думая, что попытки будет недостаточно.

— Эй, — отрезал Кейн. — Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь Бенни, хорошо? Я поговорю со своим отцом, что-нибудь придумаю.

Вдалеке донесся певучий голос Адоры.

— Уже почти полночь. Кто прыгает в океан?

Мои глаза метнулись обратно к Кейну, и у меня загорелась идея.

— Нет, Кейн. Я разберусь с этим сама, без вашего ковена.

Я проскользнула у него под мышкой и пошла обратно к группе.

— Я! — крикнула я, рысью пробираясь по песку. — Я хочу прыгнуть.

Все они говорили, что прыжок в океан принесет удачу, и после предсказаний Элеонор, я была в отчаянии. Дедушке оставалось недолго, и я была готова на все, даже прыгнуть в ледяной океан.

— Ни за что, — отмахнулась Фэйбл, вскакивая на ноги. — Никто, кроме Маверика, не прыгал, но он идиот.

— Спасибо, — пробормотал Маверик.

Фэйбл закатила глаза.

— Это не секрет, чувак. Ты идиот.

— Но я счастливый идиот.

Я откинула волосы с лица и обняла свое тело.

— Значит, это правда? Я прыгну, и все будет хорошо?

В моей груди зародился проблеск надежды. Я могла бы изменить судьбу дедушки.

Фэйбл пожала плечами, когда Адора вприпрыжку побежала по песку.

— О, я должна это увидеть, — пропела она, затем схватила Айви за руку и побежала к скалам. Остальная часть толпы последовала за ними, крича в ночь и оставляя пылающий костер и алкоголь позади.

Мы поднялись на северную часть пляжа, где склон был не таким крутым. Маверик и Сайрус поднялись первыми, подняв девочек за руки. Как только мы все вступили на твердую почву, мы пошли по краю утеса к крутому обрыву, где на дне не было камней.

Когда мы остановились, все восемь из нас выглянули через край, когда заброшенный черный особняк остался позади нас. Костер отсюда имитировал пламя свечи, и мои нервы поползли по мне, как пауки. Я повернулась налево, чтобы посмотреть на Маверика, когда заметила большую статую, похожую на пугало, на самой высокой вершине утеса.

— Что это?

Маверик повернулся, указывая пальцем туда.

— Ах, это? Это Плетеный Человек.

Я не замечала этого раньше, но я также никогда не была так далеко от береговой линии.

— Для чего это?

— Он наш палач.

Маверик снова повернулся ко мне лицом, и кончики его пальцев коснулись края сбоку от меня.

— Это прямой спуск, никаких камней, и вода здесь глубокая. Холодно, ты уверена, что хочешь это сделать?

Я втянула воздух, и холод разлетелся в моих легких, как битое стекло.

— Да, — кивнула я. — Я делаю это.

Я должна была хотя бы попытаться.

— Ну как скажешь, — Маверик сделал шаг назад, как и все остальные, — дамы вперед.

— Она не прыгнет, — прошептала Айви.

— Ставлю сто баксов, что прыгнет, — парировала Адора.

Я встряхнула руками, чтобы избавиться от дрожи, когда мои босые ноги закачались над

обрывом.

Я делаю это.

Бросив последний взгляд на черное полотно созвездий, я сделала несколько шагов назад, затем побежала...

И я подпрыгнула.

Чего мне никто не сказал, так это того, что во время полета время останавливается. Воздух застрял в моих легких. Я не могла дышать, я не могла думать. Страх сковал мою душу, но все же освободил меня, неизвестность ждала меня внизу, прорываясь сквозь измерение между жизнью и смертью.

Может быть, именно по этой причине папа потерял себя со своей работой и хобби. Возможно, здесь, в этом промежуточном месте, он чувствовал себя ближе к моей матери. Причина, по которой он всегда был так очарован моделями самолетов и с нетерпением ждал единственного телефонного звонка, который забрал его у меня в полёт.

И я хотела, чтобы океан исчез, а гравитации не существовало. На короткое время ничто не имело значения. Все, что было между утесом и морем, казалось очаровательным, как мирный сон, и мне хотелось остаться в этом месте навсегда, приколоться к небу, стать единым целым с галактикой.

Но потом стало чертовски больно.

Мое тело ударилось о ледяную воду, как будто это был бетон, кусая и жаля мою плоть, как раз в тот момент, когда волна обрушилась на меня. Мои руки и ноги болтались по бокам, когда я пыталась вернуть себе контроль под каменистыми водами, но волны отбросили меня на утес, и моя голова врезалась в камень.

Я погрузилась под воду, лицом вверх и уставилась в ночное небо. Все глубже и глубже я сосредоточилась на паникующей группе людей, которых я оставила позади несколько мгновений назад, указывающих вниз, толкая друг друга, но я ничего не слышала в этих водах. Я моргнула, приказывая своим конечностям вытащить меня обратно на поверхность — умоляя инстинкт выживания включиться, — но они не поддавались. Мои мышцы застыли, когда я погрузилась глубже, мое тело раскачивалось под поверхностью вместе с волнами.

Ледяной океан поглотил меня, проливаясь мне в рот, в нос, выпивая меня и наполняя своим смертельным холодом. Море полностью завладело мной, и хотя мой мозг, казалось, был в огне, мороз пробежал по моей крови. Атлантический океан обрушил на меня свой лед со всех сторон.

У меня кончился кислород, и страх пронзил мой позвоночник.

Мне нужно было дышать.

Изо рта у меня вырвались пузыри. Мое тело дернулось, и мой крик исказился. Море приглушало меня. Все, что я могла делать, это смотреть вверх. Я моргнула, когда на вершине утеса появилась фигура, ныряющая головой вперед в воду с точными и ангельскими очертаниями. Мой разум играл со мной злую шутку, когда я погружалась все глубже и глубже, мои белые волосы развевались вокруг меня, как облака.

Наступил покой, как будто земля затихла на прекрасное, наполненное мгновение. Воды тоже были наполнены. Они поглотили меня, давя на грудь, на голову. Давление сдавило мою грудную клетку, и я в последний раз дернулась в глубине.

Крошечные пузырьки поднимались передо мной к поверхности.

Я закрыла глаза, чтобы тонуть, тонуть, тонуть.

Затем меня подняли за талию и потащили вверх под водой, пока чей-то рот не

вцепился в мой, яростный и отчаянный, вдыхая в меня теплую жизнь и оттаивая мои легкие. На краткий миг я почувствовала себя невесомой в его объятиях, как снег летом, и все мое существо проснулось, когда мой разум распознал его — Джулиан.

Я ничего не могла разглядеть в мрачных черных водах, но руки, впившиеся в мою талию, губы, сжимающие мои, и длинные ноги, выталкивающие нас на поверхность, дали мне понять, что мне нечего бояться.

Наши головы, наконец, показались на поверхности, и он потянулся за моей головой и притянул меня к своей шее. Он вынырнул и поплыл к берегу, одной рукой обхватив меня за спину. Его приглушенный глубокий голос донесся до меня, но в другом мире, в забытом времени. Я приковала взгляд к созвездиям, слезы замерзли в уголках глаз, а обморожение пронзило мою плоть. Я не дышала. Я не могла дышать. Я почувствовала, что отключаюсь, но все еще могла видеть звезды, и я сосредоточилась на них.

Я сосредоточилась на Сириусе, самой яркой звезде на небе.

Джулиан

— Ф-Ф-Фэллон, — мои слова вырвались наружу после того, как я вытащил ее на берег.

Ее мокрые конечности безвольно лежали в моих руках, пока я укачивал ее на песке. Мои мышцы напряглись под кожей, отчаянно пытаюсь поднять температуру моего тела, когда она лежала на мне, как будто не живая. Я не знал, было ли это из-за воды или она видела мое лицо. Я не знал, так как мои мысли были в панике. Я прижал палец к ее горлу, мое сердце замерло в ожидании того единственного удара, который мог позволить мне снова дышать.

— П-п-пожалуйста, — пропел я, другой рукой поглаживая вверх и вниз по ее спине в ужасной попытке вернуть ей тепло или вернуть в нее жизнь. — Дыши.

А потом раздался глухой удар. Я почувствовал это. Доказательство. С ней все было в порядке.

Фэллон наклонилась вперед, когда вода хлынула из ее рта на пляж.

Я уронил голову обратно в песок, увлекая ее за собой, тяжело выдыхая, прижимая руку к ее затылку, чтобы удержать ее лицо на моей шее, чтобы она не видела меня без моей маски.

Наши тела задрожали под полумесяцем луны, когда я услышал голос, донесенный ветром.

— Вот она! — крикнул кто-то. Я повернул голову в сторону, чтобы увидеть их группу вдалеке, и мое сердце заколотилось в груди.

— Мне жаль, Фэллон.

Я прижался губами к ее холодной щеке, прежде чем выскочить из-под нее. Я побежал к устью утеса, входу в туннель, скрытому под домом Бенни.

Я наблюдал из тени, как порыв ветра принес холод, который сковал льдом мои кости. Девочки плакали, когда Кейн поднял Фэллон на руки и понес ее через пляж. Я оставался там, в скалах, еще долго после того, как их тени исчезли над берегом, дрожа, мокрый и прячась в темноте.

Лунатикус

Никто не поверил Беллами, когда он сказал, что лес говорил с ним. Нежный полуночный ветер убаюкивал его уши сказочной тишиной. Ветви изгибались и поднимали свои концы в самые безопасные места. Черные лесные птицы беспокойно хлопали крыльями, предупреждая о приближении опасности.

Но в эту ночь, под небом из бумажных фонариков, где звезды усеивали черное полотно

над головой, единственными звуками в лесу был оркестр дыханий Беллами и Сири. Он положил ее на лесную подстилку и любил ее так, как ночь любит луну — вечную и во всех фазах, — а потом долго лежал рядом с ней.

Сири нарисовала созвездия на его коже, соединив его редкие веснушки кончиками пальцев, когда Беллами погрузился в блаженство. В сердце скандинавских лесов он парил и кружился в пылкой лихорадке, как будто это было все, что он пробовал на вкус и дышал.

— Я не могу так больше, — выпалил Беллами, поворачиваясь лицом к Сири.

— С таким же успехом я могу быть чудовищем днем — всепоглощающим чудовищем — в постоянном трауре, тоскующим по этим коротким промежуткам покоя. Мои дни проходят бесцельно, у меня больше нет сердца, когда я без тебя, иду без направления, потерянный и сбитый с толку до наступления ночи, и ты, та, кто полностью владеет мной, оживляет меня только для того, чтобы повторять эту агонию снова и снова. Как так вышло, что мои дни холодные, а темные ночи теплые? Скажи мне, Сири, ты чувствуешь то же, что и я? Потому что, если это так, давай вместе гулять под солнцем. Давай встретимся лицом к лицу с нашими семьями, мой ковен. Стань моей, Сири. Всегда и во все времена.

Хотя ее сердце было счастливо, Сири нахмурилась и провела костяшками пальцев по его щеке. Она видела, как выглядели другие девушки, все они сильно отличались от нее. Анита, ее любимая подруга, тоже была другой. Она еще не встречала никого, кроме своей матери, с таким же бледным цветом кожи, с таким же ясным взглядом.

— Они меня не поймут.

— Ах, лунная девочка, — сказал Беллами, и улыбка украсила его искаженное болью лицо. — Ты другая, поэтому обладаешь глубиной и блеском.

Он перекатился на нее сверху, пока она не стала всем, что он видел, и поцеловал ее до крови. — Если никто этого не видит, мы оставим их всех позади, так как они отвергли нас, заставили нас. Я заберу тебя далеко отсюда, солнце и луну, оставив их ночи пустыми, а их дни холодными, как они оставили наши. За что стоит бороться, если не за любовь?

— Ты бесстыдный язычник, я никогда не смогла бы попросить тебя покинуть свой ковен, — сказала Сири, ее улыбка была неоспоримой.

— Ты никогда этого не делала, и тебе никогда не пришлось бы этого делать. Моя несчастная душа выбрала бы твою в этой жизни и в каждой последующей, потому что без тебя я уверен, что стал бы монстром.

Сири наклонилась и полезла в карман своего платья, вытащив серебряную цепочку с прикрепленным кулоном.

— Отныне и навсегда, — прошептала она, надевая ожерелье ему на шею.

Слова были потеряны для Беллами, когда он сжал кулон в кулаке, пообещав беречь его и запечатал ее улыбку поцелуем.

— Отныне и навсегда, — повторил он.

Ворон, сидящий на ветке дерева наверху, вещал беспокойство в злых лесах. Беллами повернул голову на звуки, прислушиваясь к тому, что говорили деревья.

— Они идут, — его обнаженная фигура вскочила на ноги, — все четверо!

Вдалеке факелы освещали путь в синхронном марше к ним. — Что-то не так, поторопись!

— Кто идет? — спросила Сири, натягивая платье на плечи.

— Язычники скандинавских лесов. Мой отец!

Прошло два дня. Утренний туман сгустился, когда я стоял на заднем крыльце своего дома, глядя на лес посреди ночи. Туман поднимался к ветвям. Оказавшись там, его дымка распалась на части, скручиваясь в тонкие серые когти, призывая меня к глубокому лесу.

И Норвежский Лес был похож на одно бьющееся сердце. Орган дыхания, который хотел меня, и не было названия для того, кем я был. Полый язычник? Ведьмак? Сын леса? Убийца? Я был всем этим, но никогда не был героем.

И все же я нырнул в полуночные воды с морского утеса и вырвал Фэллон из тисков глубины. Я вытащил ее на берег, покачивая ее мокрые конечности в своих руках. Я делал все это без малейших колебаний. Моя грудь сжалась при воспоминании о том, как она дрейфовала среди волн, ее белые волосы развевались вокруг нее, когда она опускалась на дно океана. Воспоминания о ней. Воспоминания о Джонни. Я захлопнул глаза.

— Я все еще не могу поверить, что ты это сделал, — заявил Бэк. Он вошел через заднюю дверь моего домика с двумя открытыми бутылками пива в одной руке. Он передал мне одну. — Должно быть, было легко после того, что случилось с Джонни. Как ты держишься?

Джонни. Звук его имени сжал мои легкие.

Я закрыл глаза, ожидая, когда ужасное воспоминание пройдет.

— Я не хочу...

Я не хочу думать об этом, говорить об этом, слышать об этом...

Я сделал глоток пива и сосредоточился на том, как жидкость кружится вокруг моего языка. Затем я проглотил. Листья зашелестели, когда начался ветерок.

— Джон сказал, что вернется на работу через несколько дней, — Бэк сменил тему на Фэллон. — Кейн Прюитт — герой.

В его словах прозвучала вспышка гнева, но он замолчал, когда звуки ночи разлились между нами.

— Главное, что с ней все в порядке.

Он перевел взгляд на меня.

— Ты хочешь с ней увидеться?

Ночной ветерок затаил дыхание, ожидая моего ответа.

— Пока нет, — я сменил позу, завидуя устойчивости земли, — Я не знаю. Я не должен. Я не могу, — заключил я. — В любом случае, это только ухудшит ситуацию для нас обоих.

Бэк кивнул уголком глаза, когда мы стояли бок о бок, вглядываясь в лес.

— Может быть, тебе стоит быть честным с ней. О причинах, по которым вы двое не можете...

— И каковы же причины, Бэк? Потому что я заключил со всеми вами кровный договор? Из-за Ордена? Из-за проклятия? Потому что я должен быть верен всем в этом гребаном городе, кроме нее? Как я должен быть с ней, если мне этого не позволено? Чем глубже мы погружаемся, тем труднее это будет, и к чему это нас приведет? Это и так чертовски сложно. И что еще хуже, что, если я убью ее? Я едва оправился после смерти Джонни, но с ней? Нет, я бы пропал после этого.

Моя грудь затряслась, и я сделал более ровный вдох.

— В конце концов, если—

— Если кровоточит, то больно, — закончил за меня Бэк, напоминая мне, что мы люди.

— Знаешь, — продолжил я, качая головой, — однажды она спросила меня: — В чем

смысл? А смысл в том, что его нет. Смысла нет, Бэк. Она уже часть меня, течёт внутри меня вместе с моей теневой кровью, и я ни черта не могу с этим поделаться.

Но что, если я не убил ее? Что, если я смогу снять проклятие и поставить ее выше всех? Что, если я цеплялся за единственный свет в своей темной и несчастной жизни? Единственная реальная вещь, которая когда-либо случалась со мной? Я схватил пиво, закрыл глаза и поднял подбородок, прислушиваясь к шепоту деревьев, шепоту моего сердца.

— Я больше не могу. Я думаю, мне нужно ее увидеть.

Бэк усмехнулся.

— Ты никак не определишься.

— Да, я должен ее увидеть, — повторил я, приняв решение.

— Хорошо, чувак.

— Я пойду к ней.

— Иди. Я буду здесь. Пить. Как всегда.

Я стоял на балконе Фэллон. Морской ветер обдувал мою кожу и трепал волосы. Ночь была черной, и на этот раз это был я при свете звезд, а она беззвучно спала в темноте. Сильный ветер бил в занавеску. Она переворачивалась, как в ночных кошмарах. В камине ее спальни пылал огонь, но балконные двери были широко открыты, как будто она ждала меня.

Я долго стоял там, наблюдая за девушкой, которая выглядела так, словно у нее под сердцем была спрятана луна, а в душе — галактика. Ее белые волосы рассыпались по подушке, бледная кожа выделялась на фоне белых простыней. В нас не было никакого смысла. Мы были такими разными, но все равно одинаковыми. Кошмары и сны — воплощение нас самих.

Мое сердце заколотилось в груди, когда я шагнул ближе в темноту, где она лежала на животе, запутавшись под тонкими простынями. Тепло от огня растопило ее ледяную плоть, образовывая капли росы на коже. Ее топ приподнялся, открывая две ямочки, которые целовали основание позвоночника. Было еще так много мест, которые я не исследовал, и нам никогда не хватало ночей.

Каркас кровати заскрипел, когда я села на край. Белый кот Фэллон смотрел на меня из темного угла комнаты разными глазами, угрожая мне. Я прищурил глаза. Он выскочил на балкон.

Мой сжатый кулак вытянулся, пока костяшки пальцев не задели край ее подбородка. Легкое, как перышко, дыхание сорвалось с ее губ. Она моргнула на меня глазами бледнейшего из голубых оттенков, и языки пламени танцевали вальс на ее растерянном лице.

— Джулиан, — прошептала она, ее голова откинулась на мои прикосновения. Этот маленький жест заставил мою грудную клетку разорваться на части, оставив мое сердце открытым. — Это был ты, — она закрыла глаза, — я знаю, что это был ты. Ты спрыгнул со скалы и спас меня. Я думала, ты боишься высоты?

— Полагаю, я нашёл что-то еще, чего боялся больше, — признался я, внезапно занервничав. — Фэллон, я должен тебе кое-что сказать.

Я больше не хочу быть вдали от тебя, но я должен, потому что мое проклятие может убить тебя. И я пытаюсь исправить это, потому что я никогда не хотел ничего большего. Но все эти слова застряли у меня в горле, когда Фэллон села на кровати и обвила руками мою шею.

— Ты мог бы просто сказать мне, что тебе нельзя приближаться ко мне, — сказала она

мне на ухо.

Сначала мои глаза расширились. Затем они закрылись, и я с облегчением выдохнул. Фэллон знала. И она уткнулась лицом мне в шею. Я держал ее за затылок, удерживая ее здесь, со мной. Она держалась за меня. Я держался за нее.

Секунды превратились в минуты, и я не знал, как долго она была в моих объятиях, потому что это не имело значения. Фэллон Гримальди была в моих объятиях, и это превратило меня в человека, который не был проклят. Это просто превратило меня в мужчину, единственное, кем я когда-либо хотел быть. Эта мысль заставила меня крепче прижать ее к себе, прижимая всем телом. Я вдыхал ее аромат единорогов, сказок и торта-конфетти из надписью «Что, если».

Что, если бы она умерла? Что, если бы меня там не было?

Что, если бы мне пришлось продолжать жить в Воющей Лощине без единственной девушки, которая заставила мою темную душу петь?

Мои глаза зажмурились.

Фэллон однажды сказала, что, возможно, я боюсь упасть, но я знал, что она ошибалась. Это было правдой, во мне кипела любовь. То, что я чувствовал к ней, возможно, было достаточно сильным, чтобы разорвать на части ковен, город. Может быть, даже поставить язычника на колени. Но внутри меня тоже была тьма. Она стала пассажиром внутри моей кожи, неторопливо двигаясь внутри меня, как злой дух. И если бы я не предавался ей, меня бы настигла другая.

Я снял пальто, повесил его на стул в углу и сел на край кровати лицом к ней.

— Дерзко, прыжок со скалы. Ты же знаешь, я боюсь высоты.

Жар окрасил ее бледные щеки. Она опустила глаза.

— Я должна была.

Я убрал волосы с ее лица, чтобы лучше ее разглядеть.

— Ты думала, что прыжки помогут Бенни?

Я приподнял бровь, и Фэллон кивнула.

— Что, если бы меня там не было? Не похоже, чтобы кто-то из Истсайда собирался спасти тебя. Разве они не должны быть твоими друзьями? Твой ковен?

Я вздрогнул от этой мысли, надеясь, что она поправит меня, потому что я знал, что влечет за собой посвящение в Священное Море. Пожалуйста, скажи мне, что я ошибаюсь.

Фэллон сжала челюсти, и ее глаза метались между моими.

Отчаявшись, я попробовал еще раз.

— Ты принадлежишь к Священному Морю, Фэллон?

— Нет, — сказала она, и облегчение разлилось по моему позвоночнику. — Почему ты вообще был там? Что ты делал в утесах?

Я долго думал, ища ответы.

Я не нашел ничего такого, что вызывало бы беспокойство.

— Это не имеет значения.

— Это случилось снова? Ты в порядке?

Она посмотрела на меня из-под длинных ресниц, и выражение беспокойства исказило ее черты.

Она заботится обо мне? И если я не знал раньше, я был уверен в этот момент — я бы сделал для нее все, что угодно. Если бы она попросила мое сердце, я бы вырвал его из своей груди. Если бы она хотела иметь выбор, я бы дал ей свободу, даже если бы это означало, что

она не выберет меня. Я бы сделал все, что угодно. Это было ужасно.

— Я в порядке, — сказал я ей, мои пальцы барабанят по штанине. — Сегодня вечером, могу я просто немного полежать с тобой?

Фэллон кивнула, немного нервничая. Я оставил штаны, скинул туфли и опустился на кровать рядом с ней.

Мы лежали лицами друг к другу, Фэллон переплела свою руку с моей между нами, и наши лбы соприкоснулись.

— Это реально? — спросила она.

Ее улыбка искушала мою, вызывая ее к жизни.

— Да. Это очень реально, — сказал я ей. Ее взгляд метался между моими глазами, упал на маску, затем снова вернулся к моим глазам. Я улыбнулся, она не могла видеть. — Это та часть, где мы целуемся? Потому что ты смотришь на меня так, будто хочешь поцеловать, а я не хочу испортить всю тяжелую работу, которую я вложил в...

— Да.

Фэллон рассмеялась.

Я закрыл ей глаза, стянул маску и накрыл ее губы своими.

Как только мой язык коснулся ее, из моего горла вырвался стон, а ресницы Фэллон затрепетали на моей ладони, как перышки. Сначала поцелуй был нежным и смертоносным, как редкий белый мотылек, приземлившийся на бомбу. Затем превратился в стойкий и полный решимости поцелуй, такой поцелуй, чтобы выжить в таком мире, как наш.

Я притянул ее к своей груди, чтобы снова надеть маску. Я хотел бы, чтобы все было по-другому. Я хотел бы дать ей больше. Я видел, как жили мои отец и мать, и я не хотел этого для нас, но я также не мог отпустить. Было уже слишком поздно.

Лежа на боку, мы долго молча смотрели друг на друга, ее взгляд успокаивал мой маниакальный разум.

— Расскажи мне историю, — прошептала Фэллон. — О твоём ковене.

— О моем ковене? — спросил я, приподняв брови, удивленный, что она заинтересовалась. Фэллон кивнула, и я на мгновение закрыл глаза. — Мой ковен уже не тот, что раньше. За эти годы все сильно изменилось. Я начинаю верить, что многие сбились с пути. Это разрушительно.

— Как было раньше?

— Я расскажу тебе историю о том, как все началось, — сказал я, вспомнив историю, которую однажды рассказала мне Агата. — Но я не очень хорош, так что ты должен быть терпелива.

Фэллон кивнула, и я почувствовал, как нервы напряглись, как будто я раскрыл запись в дневнике. Что-то личное.

— Давным-давно с неба упал мальчик по имени Ньерд, элемент воздуха. Ньерд был доволен одиночеством, но скука никогда не была его другом. Он был очень похож на Зефира, независимый, но любопытный. Должен был знать все и наполнять воздух своими словами. И в то одинокое время у Ньерда не было никого, кто мог бы его услышать. Каждое утро Ньерд смотрел в небо и молил, чтобы произошло что-то большое. Он был разобщен, сбит с толку и в некотором смысле потерян. И вот однажды в небе произошло столкновение, и появились Эгир и Йорд. Вода и земля.

— На кого они похожи?

— Бэк олицетворяет водную стихию, а последней земной ведьмой, которая жила, была

Фостер Дэнвер, — ответил я, наслаждаясь тем, как она интересовалась моим ковеном, историей скандинавских лесов. — Они втроем пересекли воды и сушу и путешествовали по временам года. Когда наступила зима, они развели костер, и к утру из пепла появился мальчик по имени Локи.

Локи был драматичным, но веселым, всегда импульсивным в том, как он говорил, как жил, но его быстро приняли другие. Они были братьями. Все очень разные, но поддерживали друг друга, несмотря на свои различия. Четверо заключили договор, — сказал я, проводя кончиком пальца по ее виску. Мой взгляд упал на шрам на моей ладони. — Что бы ни случилось, они всегда будут рядом друг с другом. Итак, они разрезали свою плоть и смешали свою кровь в яме, которую они образовали в земле.

Из этого договора появились ещё два мальчика в яме, наполненной их кровью. Бальдр и Хедр, свет и тьма. Но Ньерд отказался оставить их обоих, сказав, что может быть место только для одного. Эгир, самый чувствительный, не согласился, захотев оставить их обоих. Итак, Локи и Йорд разработали план, как объединить их в одно целое. И из крови всех стихий и любви язычников родился Веттир. Элемент духа.

— Ты, — прошептала Фэллон, ее глаза потяжелели и закрылись.

— Да, и пятеро почитали элементы, из которых они произошли, их Мать-Природу и Отца-Небо, но чего-то не хватало. Им нужно было единство с женской энергией, поэтому они отправились на его поиски. И каждый из них сделал это, став Ковеном Норвежских лесов. Ковен уважал мир природы, круговорот жизни и смерти и свободу выбора. Они ставят всех выше себя и никого выше всех. Они праздновали смену времен года, проводили церемонии в честь своей магии. Пока это никому не вредило, они поступали так, как хотели. И они были счастливы. Проходили столетия, и они выживали в самых суровых битвах, осуждениях и насмешках. Все потому, что они были друг у друга... до сих пор...

Фэллон спала спокойно, тихо, умиротворенно. — Теперь, похоже, все забыли, каково это — быть Викканцем из скандинавских лесов.

Я долго не спал, наблюдая за ней.

И я лежал с ней некоторое время.

Глава 26

Фэллон

— Что за черт? — спросил дедушка, его глаза застыли поверх бифокальных очков, вилка повисла в воздухе, глядя в один зеленый глаз, а другой — в голубой. Каспер мякнул с подоконника, глядя на него в ответ.

— Это кот, дедуля. Ты видел его раньше.

— Я не помню никакого кота... Я бы запомнил кота... Я не хочу кота.

— Очень жаль, но у тебя есть кот, и он здесь уже два месяца.

Дедушка хмыкнул.

— Ему лучше не ссать в мой ботинок, лунное дитя, — проворчал он, возвращаясь к своему завтраку и кроссворду.

— Сумасшедшая... заявила домой... превращаешься в..... пьянчужку.

Я улыбнулась.

— Рада видеть, что прежний настрой к тебе вернулся.

И его аппетит.

Впервые за несколько дней у дедушки хватило сил выйти из своей комнаты и пойти на кухню. Было позднее утро, но это означало прогресс. Я ударила головой и два дня

пролежала в постели, но, возможно, прыжок со скалы сработал. Может быть, я притянула удачу, и с дедушкой все будет в порядке.

Прошлой ночью я заснула с Джулианом. Он тоже заснул. Время от времени его рука скользила по моей спине, по моей руке. Это было приятно. Сегодня утром он исчез.

Я не ожидала, что Джулиан останется до рассвета, но все равно проснулась с улыбкой.

Раздался стук в парадную дверь. Дедушка снова заворчал, бормоча что-то себе под нос, когда я отодвинула свой стул.

Мандэй стояла на крыльце с широкой улыбкой.

— Привет.

Она заглянула мне через плечо.

— Что делаешь?

— Завтракаю. Не хочешь войти?

Она указала мне за спину и прошептала:

— Бенни там?

— Да, пошли. Я приготовила дополнительные порции.

— Нет, спасибо. Старики пугают меня своей обвисшей кожей, костлявыми руками и ногами, — она поежилась, — Они похожи на народную версию плиссированной юбки.

Смех сорвался с моих губ.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Пришла проведать тебя, — она сделала паузу и выдохнула, — Хорошо, это ложь. Я знаю, что с тобой все ок. У тебя все хорошо, верно? После утеса и океана...

Я прислонилась бедром к двери, думая о том, что сказал Джулиан. Я знала, что это была моя вина, когда я прыгнула в океан. Я приняла решение, не ожидая, что кто-нибудь спасёт меня. Но истина была такова: никто из них этого не сделал. Было ли эгоистично с моей стороны цепляться за то, в чем была моя вина? Это было мое решение?

— Я в порядке, — сказала я ей, но слова прозвучали не очень приятно. Они казались ложью. Со мной всё хорошо, но я не знала, будет ли всё как раньше теперь.

— Хорошо, — сказала она через долгий вдох. — Потому что сегодня рано утром на утесах было найдено тело, и мне бы очень пригодилась твоя помощь на работе. Я знаю, ты не должна была возвращаться до завтра, но я так привыкла к тому, что ты рядом и все такое. Я чувствую себя дерьмовым другом из-за того, что не проведала тебя, но я хотела дать тебе пространство. Ты кажешься девушкой, которой нужно пространство, а я могу быть надоедливой, и я работаю над этим—

— Я приду, — прервала я, видя, как ее лицо покраснело от того, что она не могла сделать глубокий вдох. Кроме того, я была готова вернуться к своей прежней рутине. Прошло всего несколько дней, но дни, проведенные в этом доме наедине с дедушкой и редкими визитами Мины Мэй, могли загнать самого здравомыслящего человека в Институт Умалишенных.

В глазах Мандэй промелькнуло облегчение.

— Ночная смена?

— Я буду там.

Тяжелая дверь захлопнулась за мной, сотрясая полки аптеки. Я огляделась вокруг, как будто у меня были неприятности из-за того, что я была неосторожна, в поисках Агаты Блэквелл. Растрепанный пучок черных волос девушки выскочил из-за прилавка, и я застыла на месте.

— Извини, дверь —

— Это происходит постоянно, не переживай, — сказала она, махнув рукой.

— Могу я чем-то помочь?

Моя улыбка была легкой, но кривой.

— Пожалуйста, — я направилась к стойке и поставила свою сумку на стол между нами, — Агата приготовила мне этот чай от кашля Бенни, и я понятия не имею, что она в него добавила, но это помогло!

Я вытянула шею, заглядывая в заднюю комнату. — Она здесь?

— Нет, моя мама не вернется до вечера.

Мои брови подпрыгнули.

— Твоя мама?

— Да.

Она вытащила папку из-под прилавка и положила ее между нами.

— Школы нет на неделю, так что ты застряла со мной.

Если Агата была ее мамой, то Джулиан ее брат. Я наклонила голову, изучая ее черты. Она была молода, черноволосая, с четко очерченным итальянским носом. Она была очень хорошенькой, все ее черты были полной противоположностью моим.

— Как тебя зовут?

— Джоли. А ты Фэллон, верно?

— Верно, — мои плечи расслабились, — ты знаешь мое имя.

Джоли пожала плечами, перелистывая страницы, пробегая глазами по вырезанным строчкам.

— Все знают твое имя. И ты выглядишь совсем не так, как я ожидала.

— В смысле?

Ее глаза вспыхнули из-под ресниц.

— То, что люди говорят о тебе, как будто у тебя три головы или что-то в этом роде.

Если только они не выскочат внезапно.

— Нет. Только одна голова, — сказала я, подняв указательный палец.

— Отзови адских псов, — сказала она сквозь смех и покачала головой. — Должна сказать, люди безжалостны. И я сомневаюсь, что моя мама написала здесь рецепт. Она всегда смешивает новые смеси, так что я никогда не знаю наверняка, что она кому дает. Может быть, ты могла бы вернуться сегодня вечером, — продолжила Джоли, ее пальцы снова перелистывали страницы.

— Все в порядке. Я могу зайти в другой раз.

— Ты уверена?

Она откинулась на пятки.

— Чувствую себя некомфортно. Ты, наверняка, подумаешь, что она могла бы оставить мне что-то для работы. Я, возможно, могла бы что-нибудь намешать, но это будет не то же самое. Моя мама не выдаст мне всех своих рецептов. Говорит, что нет двух одинаковых травников. Что я должна найти свой собственный путь.

Она закатила глаза.

— Нет, все в порядке. Мне нужно поработать сегодня вечером, но я зайду в другой раз. Ничего срочного. Я взяла свою сумку со стойки и перекинула ее через плечо. — Тем не менее, было приятно познакомиться с тобой. Я понятия не имела, что у Джулиана есть сестра.

Мои глаза расширились, когда его имя сорвалось с моего языка.

— Не то чтобы мы были близки или что-то в этом роде, — поправила я, вспомнив, что Джулиан не должен был быть рядом со мной.

Джоли заинтересованно улыбнулась.

— Значит, вы не близки?

— Нет, я имею в виду, я встречалась с ним. Наши пути пересеклись. Я просто... не знала...

— Что у язычников может быть семья? Мама? Сестра?

Она скрестила руки на груди и прислонилась к бедру.

— Ты думаешь так же, как и весь остальной город? Что они просто... Монстры? Рождённые от проклятия, а не от семьи?

— Нет, нет, нет. Например, конечно, у Джулиана есть семья.

Этот разговор зашёл непонятно куда, и я начинала казаться не похожей сама на себя. У Джоли было непроницаемое лицо. Ее рот был закрыт, глаза ждали. Как мне выбраться?

— Я не это имела в виду, я хотела сказать...

Смешок Джоли сорвался с ее губ.

— Фэллон, я просто прикалываюсь.

Она сделала глубокий вздохнула.

— Я подслушала, как Джай говорил о тебе с Бэком, так что я уже знаю о вас двоих.

У меня перехватило дыхание.

— Джай?

— Да, это второе имя Джулиана. Моя мама всегда использовала комбинацию его двух имён вместе, когда мы попадали в неприятности.

— Джулиан Джай, тащи свою задницу обратно в дом! — она засмеялась, вспомнив: — В общем, наш младший брат называл его Джай. Это было его первым словом. Так что мы с мамой тоже привыкли его так называть.

Она пожала плечами.

— У вас есть младший брат?

Выражение ее лица вытянулось.

— Ну, он умер давным-давно.

Она наклонила голову.

— Я удивлена, что ты не знаешь этой истории. Люди в этом городе любят держать ее против Полых язычников. Они используют смерть моего брата, чтобы заставить людей бояться их и держаться подальше от Норвежских лесов. Чокнутые, если хочешь знать мое мнение. Это был несчастный случай. Мой отец не был плохим человеком.

Моя грудь содрогнулась. Отец Джулиана случайно убил их брата? Джай, Джай, Джай, я вспомнила. Маленький мальчик в рубашке в красно-белую полоску — дух, который дважды приводил меня к Джулиану. Я была так поглощена своими чувствами к Джулиану, что была слепа к призраку, взывающему о помощи, не складывая два и два вместе.

У меня закружилась голова, когда я снова увидела в своем воображении лицо маленького мальчика, и я потрясла головой, чтобы прийти в себя.

— Мне так жаль. Я не знала.

— В любом случае, Джай не стал бы рассказывать. Он не любит говорить о себе. Это то, что ты должна знать о нем, он... он отталкивает людей. Но он не тот, за кого его все принимают. Он не такой.

Она покачала головой.

— Он не монстр. Джай, Бэк и другие, они должны вести себя так, чтобы люди держались подальше. Это для того, чтобы защитить их. Это действительно печально. Люди не видят, на какие жертвы им пришлось пойти, на что они все еще идут и от чего им пришлось отказаться.

Ее глаза наполнились слезами, как и мои.

— Прости, я просто...

— Все в порядке, — успокоила я. — Ты заботишься о них.

Сквозь ее слезы пробился смех.

— Джай всегда говорил, что я никогда не знаю, когда нужно закрыть рот.

Она кивнула головой.

— У тебя есть братья или сестры?

— Нет, я единственный ребенок.

— Джай можно сказать тоже одинок. По сути, он жил один в этих лесах с тех пор, как мне было пять лет. На самом деле я ничего не помню до этого.

Она глубоко вздохнула и расслабила плечи. — Просто не отказывайся от него, хорошо?

— Я не буду, — пообещала я с честной улыбкой.

За эти пять коротких минут Джоли подтвердила все, что я знала о Джулиане. Это было обнадеживающе и как глоток свежего воздуха — слышать, как кто-то другой защищает его, когда остальная часть города смотрит на язычников свысока.

Я хотела обнять ее, но барьер между нами оставил только улыбки на наших лицах. Прежде чем выйти из магазина, я повернулась к ней лицом.

— Эй, Джоли? Как звали твоего младшего брата?

— Джонни, и ее улыбка была слабой, перенесенной в воспоминание о нем, — Джонни Блэквелл.

Было четыре после полуночи, и ночная смена, которую мы называли командой скелетов, ушла несколько часов назад.

Я не могла перестать думать о словах Джоли. Имя Джай звенело у меня в голове. Джонни — так звали призрака. Джонни был их младшим братом. Мое сердце сжалось от мысли о том, что могло случиться, что сделал их отец.

Я пообещала себе, что больше не буду копать и задавать никаких вопросов, но правда уже окружала меня в этом темном и тускло освещенном похоронном бюро. Я отодвинула стул и подошла к столу Мандэй. Она всегда держала под ним дополнительную связку ключей. Болванчики подпрыгивали вверх-вниз, насмехаясь надо мной.

— Тебе лучше не говорить ни слова, — прошептала я, глядя на одну из фотографий Джордана Найта, пока моя рука водила взад и вперед по дереву. Мой палец наткнулся на отмычку, и я отклеила ленту. — Раз нашла — беру себе.

Я подмигнула Джордану.

Все документы были заперты в картотечном шкафу Джона. Я выключила настольную лампу и выключила монитор, прежде чем подняться по винтовой лестнице. Офис Джона находился на первом этаже, и чувство вины сидело у меня на плечах всю дорогу туда. Я копалась в смерти маленького мальчика. Но это был призрак, который пытался связаться со мной — уже дважды. Джонни нуждался во мне, пытался мне что-то сказать. Я могла бы, наконец, принести ему покой. У меня не было другого выбора, кроме как сделать это.

В кабинете Джона я присела на корточки перед картотекой и вставила ключ в замок.

Желтые папки выкатились, вкладки выщвели, их края обтрепались. Я просмотрела их в поисках Блэквелла. Джон не расположил их в алфавитном порядке, как сделал бы обычный человек. Если подумать, у него в этом здании ничего не было организовано. В его голове царил хаос.

Джон одевался так, как будто он был из Ист-Сайда, но открыто ни с кем не был связан. Его разум был головоломкой, но каждый кусочек имел для него смысл. Он позволял мне и всем остальным видеть только то, что он хотел, чтобы мы видели, все его части были намеренно разбросаны, чтобы никто не мог взломать его код. Не было никаких сомнений, что он знал, что я здесь. Всегда казалось, что он знает все. Джон, казалось, всегда наблюдал.

Мои глаза расширились. Блэквелл. Я вытащила толстую папку.

Внутри несколько вкладок, датированных началом 1900-х годов. Самые последние два файла были двенадцатилетней давности. Джонни и Джавино Блэквелл. Джулиану было всего четырнадцать или пятнадцать, когда умер его отец.

Джонни и его отец, Джавино, умерли в течение двух недель.

Высота в комнате изменилась, и давление давило на меня со всех сторон. Я чувствовала себя так, словно моя голова была под водой, а сердца — в Атлантиде. Доказательство было прямо здесь. Джавино Блэквелл убил своего сына.

Несчастный случай. Мои глаза пробежались по едва разборчивому почерку. Джонни и Джавино играли в лесу. Джавино поднял Джонни, и Джонни сорвал маску своего отца. Проклятие забрало жизнь Джонни. Причина смерти: удушье.

Джонни было всего три года. Сегодня Джонни исполнилось бы пятнадцать.

Черно-белая фотография безжизненного маленького тела Джонни на столе в морге потрясла мои чувства. Мои глаза наполнились слезами, я зажмурила их и попыталась выровнять дыхание. Мои ноги подкосились, и я ударилась задом о бетонный пол. Я привалилась спиной к шкафу, и бумаги рассыпались вокруг меня. Слова кричали мне с плитки.

Удушье. Сорвал с него маску. Трехлетний ребенок. Джонни Блэквелл. Скандинавские леса.

Польный язычник убил трехлетнего мальчика. Кого-то такого беспомощного. Проклятию было все равно. Ему было все равно, кто это был и насколько сильны были узы. Проклятие могло забрать любого, даже тех, кого они любили больше всего.

Мои ладони впились в глаза, мои слезы были горячими и жгучими, кровь холодной и бурлящей. Это не имело значения, потому что проклятию было все равно, повторял мой разум. Мое дыхание сбилось, лицо Джонни рисовалось на черном холсте за моими веками. Я откинула голову назад и резко выдохнула. Проклятию было все равно.

Когда я снова опустила голову, мой взгляд скользнул по плитке. Краем глаза я заметила, что из-под фотографии выглядывает письмо с идеальным и четким почерком. Мои пальцы дрожали, когда я раскрыла остальное. Оно было датировано шестью днями после инцидента. Письмо было от Джулиана Джая Блэквелл.

Жителям Воющей Лощины,

Если вы получили это письмо, значит, мой отец взял на себя вину за то, что случилось с Джонни. Вот мое официальное заявление. Да будет всем известно, Джавино Блэквелл всего лишь пытался защитить меня, как и подобает отцу. Я умоляю вас, не судите моего отца. Не ведите его к Плетеному Человеку. Джавино — хороший, уважаемый человек Ордена. Я не могу смотреть, как мой отец сгорает из-за моей беспечности.

Я беру на себя полную ответственность за то, что случилось с Джонни. Я убил его. Возьмите меня! Некого винить, кроме меня! Пожалуйста, избавьте меня от этой вины и лжи и освободите меня, сожгите меня! Я больше не могу так жить—

— Что ты делаешь?! — Джон выхватил письмо у меня из рук и разорвал его пополам.

— Ты не имеешь права входить в мой офис!

Я вскочила на ноги, слезы катились по моему лицу, бумаги валялись у моих ног.

Джон ударил кулаком по кнопке включения измельчителя и просеял две половинки письма через машинку, его лицо было сердитым, глаза горели красным от ярости.

— Ты защищаешь его, — прошептала я, понимая. — Ты защищаешь язычников.

— Упакуй все свои вещи, Фэллон, — заявил Джон, бумага порвалась и исчезла навсегда. — Ты уволена.

— Я бы никогда никому не сказала, — плакала я. — Пожалуйста, я лю...

Я замолчала, слезы застыли в уголках моих глаз. Я сделала глубокий вдох и выпрямила спину. — Я люблю его, Джон. Я бы никогда ничего не сказала. Ты должен мне поверить.

— Убирайся! — закричал он.

Глава 27

Джулиан

Джон появился в хижине этим утром, постучав в дверь еще до восхода солнца.

— Она знает, — сказал он мне.

Я не знал почему, но в тот момент мою душу пронзило облегчение. Кто-то, кроме Бэка и Джона, знал правду. Ложь медленно грызла меня.

Фэллон знала, и я, наконец, смог вздохнуть. Фэллон знала, и, возможно, это было к лучшему. Мне не нужно было беспокоиться о возможности причинить ей боль, убить ее, разбить ей сердце. Я буду тем, кто что-то с ней сделает. Она будет той, кто делает это со мной. И меня это устраивало.

Я предпочитал, чтобы все было именно так. Я убил трехлетнего мальчика, кто мог смотреть на это сквозь пальцы? Я заслуживал не меньшего, чем боль, которую она, действительно и неосознанно, причинила бы.

Ненавидь меня, моя луна. Ненавидь меня так, как я ненавижу себя.

Потому что, если ты этого не сделаешь, ты умрешь, и, вероятно, это тоже будет моя вина.

У всех нас была своя история. Они сказали, что наше прошлое не определяет нас, но это так. Мое прошлое привело меня к этому. Это было причиной, по которой я сменил курс. В возрасте четырнадцати лет я начал понимать, почему существуют правила. Я начал ценить кодекс и следовать ему, уважал Орден. Я не просто подыгрывал ради того, чтобы снять проклятие. Я укоренил правила в своем мозгу, потому что видел, как быть самим собой может поставить под угрозу жизни. Я превратился в маску, которую носил.

Перед смертью Джонни я раздвинул границы дозволенного, потому что в моих венах текли магия и невежество. Когда-то я был мальчиком, который бегал голышом по лесу, был в ночи, проводил время с мальчиками, смеялся, играл и совершал ошибки. У меня было все это — до того, как Джонни умер.

Потому что когда-то я был слишком диким и слишком свободным.

Поскольку я был папиным первенцем, я был единственной надеждой продолжить родословную элемента духа. От отца больше не было никакой пользы, и он был идеальным язычником, чтобы взять вину на себя. От меня зависело продолжить родословную

Блэквеллов, родив сына, и ее нельзя было прервать, как это сделали Дэнверы.

Я был единственной надеждой, по крайней мере, так объяснил Джон после того, как я признался в отправке письма в Орден, чтобы признать свою вину. Джон вмешался и перехватил мое признание, прежде чем оно попало не в те руки, более чем готовый пожертвовать жизнью отца после недавних убийств, которые он совершил — из-за нашей теневой крови. Это была идеальная ложь.

И я жил с бессонницей до возвращения Фэллон.

Теперь она тоже уйдет. Но это было к лучшему.

Я был одним из проклятых. Быть монстром было моим неотъемлемым правом.

Я бросил камень по поверхности Атлантики. Солнце выглянуло из-за горизонта, мягко подмигнув бледно-желтым. Я почувствовал, как она притягивает меня, как луна притягивает прилив. Она была здесь.

Я повернулся к ней. Она стояла в нескольких футах от меня, наблюдая за мной с восхищением, которого я не мог понять. На ней был большой свитер, прикрывающий те маленькие шорты, которые она обычно носила, ее длинные ноги занимали больше половины ее тела. Она всегда была либо в одном, либо в другом. Она была либо в пижаме, без макияжа, со спутанными волосами и выставленной напоказ невинностью. Или же у нее были фирменные джинсы, дорогие туфли, каждая прядь на идеальном месте и упрямство на пути.

Но я бы взял Фэллон любым способом, каким только мог ее заполучить. Возможно, она чувствовала то же самое в ответ. Возможно, она забрала бы меня любым способом, каким смогла бы заполучить меня, и мою теневую кровь тоже, пока не позволила бы ей убить себя.

Фэллон подошла ближе, ее взгляд скользнул ниже по камням, прежде чем она ступила на каждый из них. Оказавшись рядом со мной, она протянула мне руку. Я бросил несколько камешков ей на ладонь. Мы снова повернулись лицом к морю.

Мы продолжали пропускать камни в течение долгого времени, позволяя ее спокойствию превратить нас в единое целое.

Какое-то время луна и солнце находились на одном небе. Так же, как мы делили одну и ту же скалу, на которой стояли.

— Я вижу призраков, — внезапно сказала она в пространство между нами. В воздух. Я не знал, как ей это удавалось, как она говорила так свободно. Я завидовал этому в ней. — Я никогда никому раньше не говорила, но это правда. Я их вижу. Говорю с ними. В большинстве случаев помогаю им. Однако был один человек, которому я так и не смогла помочь. Я никогда не знала его имени, но я не думаю, что он тоже знал. У него были белые волосы и черные глаза. Он всегда был таким холодным. Как будто он был заморожен.

Бэк был прав, и это меня не удивило. Фэллон была такой же, как ее мать.

Фэллон могла разговаривать с мертвыми. Я молчал, прислушиваясь.

— Я думаю, что часть меня никогда не хотела помогать ему, потому что я никогда не хотела, чтобы он уходил. Какое-то время он был моим единственным другом. Но однажды он так и не вернулся, и я так и не поняла почему. Я даже не знаю, дала ли я ему покой, и это заставляет меня чувствовать, что я подвела его...

Я открыл рот, чтобы прервать ее, зная, к чему это приведет, но ничего не сказал.

— Я видела Джонни, — заявила она, и моя голова откинулась назад под небеса от внезапного вторжения эмоций. — Его здесь нет, когда ты приходишь к океану, но он слышит твои сообщения.

Я сжал кулак. Камни пронзили мою кожу, потекла кровь.

— Я не хочу... -

говорить об этом, я хотел закончить.

— Джулиан, он прощает тебя. Он знает, что это была не твоя вина. Он так сильно тебя любит, — прошептала она.

Я крепко зажмурился. Мое прошлое разрезало меня на части, мой младший брат бился о мою грудь при воспоминании с шумом волн.

Джонни Блэквелл, мой младший брат, который боялся воды. Мой младший брат, который боялся, что океан поглотит его целиком, и в конце концов это произошло из-за меня.

— Он был с тобой все это время, и ему так грустно, когда ты кричишь.

Краем глаза я заметил, что она повернулась ко мне.

— Весь мир грустит, когда ты кричишь, Джулиан.

Его обезумевшие конечности метались в моих руках, когда он хватал ртом воздух, задыхаясь от своего кошмара, море моего лица крало его дыхание.

Почему мы не могли избежать этого? Почему я не мог освободить нас?

Он был слишком маленьким, слишком слабым, слишком хрупким, чтобы преодолеть свой страх. Мои руки дрожали, когда я погрузился в воспоминания. Обладая всей властью в мире, я был совершенно бессилен! Мое горло горело, вспоминая крик, который вырвался из него.

— Я убил его, — мой шепот прервался, когда мое признание проскользнуло в утро. Это был я. Я сделал это. Я убил своего младшего брата. — Я не хотел этого делать!

Я повернулся, держа руки по швам. Камни выпали у меня из рук. — ПРОСТИ МЕНЯ ДЖОННИ! — Я закричал, оглядывая океан, скалы, надеясь, что он меня услышит. Слова срывались с моих губ, но мой разум был в тумане. Ветер бушевал против меня, солнце теперь было слепящим и опасным.

Я не помнил остального, пока мои колени не ударились о камень.

— Нет, Джулиан. Твоей боли достаточно. Ты любил его, и он знает, и этого достаточно, — прошептала Фэллон, и моя маска соскользнула, когда она притянула меня к своей шее. Ее руки накрыли меня, как солнечное затмение. Я вдыхал ее, находя убежище. — Он знает, Джулиан. Джонни знает, и он все еще так сильно тебя любит. Он всегда рядом, когда ты находишься в этом темном месте. Он всегда рядом с тобой. Ты никогда не был одинок, и он никогда не переставал любить тебя.

И под сияющим солнцем я почувствовал, как частичка человека, которым я был раньше, вернулась на место.

Глава 28

Фэллон

Светлые дни приходили и уходили. Каждое утро, когда я просыпалась, на подушке лежал белый лунный цветок. Однако я не видела Джулиана. Ни разу за неделю. Я сказала ему не приходить. Это не стоило того, чтобы его бросили в туннели, и он сказал, что именно по этой причине он не рассказывал мне. Но каждое утро белый лунный цветок все равно появлялся. И каждое утро я улыбалась, зная, что он был здесь.

Было первое октября, и дедушка сам добрался до стола за завтраком, добавил звук Скорбящего Фредди, чтобы слышать. Мы разгадали кроссворд в рекордно короткие сроки, стукнув ручками по столу. Карандаши были для любителей. А поздним утром я оделась

потеплее, чтобы отправиться на площадь, в свои узкие черные джинсы, любимую кожаную куртку и черные замшевые ботильоны.

Разноцветные листья падали с деревьев и устлали улицы ковром, кружась и вальсируя до своего грандиозного финала, создавая впечатление, что это нечто, достойное празднования, а не мрачный смертный приговор. И для золотистого и огненного цвета, так оно и было. Я вдохнула этот цвет глубоко в свои легкие, зная, что зима скоро лишит меня этого оттенка. Пахло костром, кислыми яблоками и новыми начинаниями. Новые начинания, потому что я была безработной, но, ох, как падение, как я падала.

Я припарковала скутер перед «Бобь», и мое отражение отразилось от витрины магазина с ромбовидными стеклами, когда я сменила шлем на черную шапочку с напуском.

— Доброе утро, Фэллон, — пробормотал мистер Хобб из бакалейной лавки Хоббса, хромя по мощной дорожке, кивая головой и неся портфель, как будто он был на задании. Я повернулась, чтобы помахать ему рукой, и мой взгляд упал на Агату Блэквелл, сметающую осенние листья с крыльца своего магазина в нескольких кварталах отсюда. Что только напомнило мне остановиться и забрать ее секретную чайную смесь для дедушки позже. Агата помахала рукой, и я ответила на ее жест, прежде чем нырнуть с холода в кафе.

Звякнула дверь, и очередь выстроилась за угол. Я заняла своё место в конце и моя рука невольно потянулась к телефону, чтобы убить время, забыв, что его нет.

Я была без своего мобильного уже два месяца, выключила его и положила в верхний ящик прикроватной тумбочки. С тех пор я в нем не нуждалась. В месте, отрезанном от остального мира, я была вынуждена противостоять осуждающим взглядам других, противостоять своим мыслям.

Я бездумно двигалась вдоль очереди, погружённая в эти самые мысли, когда внутри меня, вокруг меня загудело мягкое жужжание. Болтовня в кафе звучала отдаленно, за миллион миль отсюда, но прямо на заднем плане.

— Где ты была, Фэллон? — шёпот мне на ухо, ледяное дыхание в моих волосах, как будто это был холодный фронт. Я обернулась, чтобы посмотреть назад, когда он схватил меня за пояс джинсов и притянул вплотную к своему телу.

— Веди себя непринужденно, хорошо? — прошептал Джулиан с игривостью в голосе. Я опустила подбородок и улыбнулась.

— Где ты была всего минуточку назад?

— В смысле? — мой голос был тихим, когда мы сделали шаг вперед, бросая взгляд по сторонам. Никто нас не заметил. Никто не обращал внимания на фриков.

— Ты часто так делаешь. Теряешься в своей голове и смотришь в никуда. Я знаю, это звучит странно, но, — он провел костяшками пальцев по основанию моего позвоночника, посылая волну по всему моему телу, — я хочу знать, о чем ты думаешь. Я хочу быть там, куда бы тебя ни привел твой разум.

Я смущенно улыбнулась.

— Ты уже там.

Джулиан издал звук, что-то вроде гудения, смешанного со вздохом на выдохе. Я хотела бы, чтобы это чувство, чувство нас, было осязаемым. Мне хотелось бы запечатлеть этот порыв, разлить его по бутылкам. Сохрани для вечности.

— Я не хочу быть вдали от тебя, — сказал он мне в волосы. — Я приду к тебе сегодня вечером.

Я покачала головой, и он зарычал.

— О, ты хладнокровна.

Его пальцы прошлись по изгибам моего позвоночника, по основанию джинсов.

— Но я все равно приду. Будь готова ко мне.

Его дыхание было у меня в ухе, как сердцебиение. Мои глаза закрылись, чувствуя головокружение.

А потом он ушел — просто так — оставив меня в своём холоде.

Я сделала еще один шаг вперед; мое тело все еще гудело.

Как только я подошла к стойке, Ривер Харрисон поприветствовала меня широкой улыбкой. — Твоя обычная Тыквенная Приправа?

— Эх, мне нужно что-нибудь покрепче.

Что-нибудь, что пробудит меня от чар Джулиана. Позади нее мой взгляд скользнул по праздничному выбору кофе.

— Рискнёшь попробовать фирменное «Порочное Желание Смерти» Воющей Лощины? — брови Ривер поползли вверх, а губы сжались в тонкую линию. Я переступила с ноги на ногу.

— Давай два в этот прекрасный день, — услышала я и резко повернула голову, чтобы увидеть, как Киони подходит ко мне сзади и кладет десятку на стойку.

— Мне покрепче.

Ривер проверила кассу, протянула ей сдачу, и мы с Киони отошли в сторону. — Не хотела вторгаться, но я отказываюсь стоять в этой очереди, и не трудись возвращать мне деньги, а то куплю тебе ещё.

Она смотрела на меня, пока я рылась в сумочке в поисках бумажника.

Я поблагодарила ее, и она своими черными волосами, ее глаза вспыхнули коричнево-золотым, как недавно отчеканенные медные монетки.

— Как дела? Рада видеть, что ты все еще здесь.

— Я тоже! Честно говоря, не думала, что продержусь так долго.

— Куда ты теперь? — спросила она, и простота ее вопроса напомнила мне, как я потеряла работу.

На вкус это было горько-сладким. У меня был остаток дня, я могла делать все, что захочу, но единственное, чего я хотела, — это изолировать себя в морге и дать ту малую жизнь, которую я могла дать трупу.

Или быть с Джулианом. Желательно, с Джулианом.

— Я правда не знаю. Думаю, прогуляюсь по площади.

У Киони отвисла челюсть.

— Нет, — она покачала головой, — Ты только что заказала «Порочное Желание Смерти». Ты будешь не в себе. Ты не можешь просто так разгуливать по городу...

Наши напитки были готовы, и мы обе забрали бумажные стаканчики со стойки.

— Сегодня ты будешь со мной.

— С тобой? — я улыбнулась, приподняв брови, поднося стаканчик к губам, и через крошечное отверстие в кофе вырвался аромат чего-то, пахнущего кленом, корицей и крекером Грэм.

— Да.

Киони толкнула дверь, и холод обрушился на нас со всех сторон.

— Это будет хороший день.

— Ты когда-нибудь чувствовала, что все внутри твоего тела хочет покинуть тебя? Как

будто твое сердце колотится так сильно, и этот ужас... как будто оно чувствует близость опасности. Но ты не можешь пошевелиться. Когда ты чувствуешь, что тебя сейчас стошнит? — спросила я Киони, когда мы лежали на спинах, уставившись на заднюю стену хозяйственного магазина, где она потерялась в своем искусстве, в своих толстых черных линиях.

На кирпиче мелом рисовалась надпись: «Lie Lie Land». Под ней букет из черных воздушных шаров.

— Да. Вчера. Когда я получила свою утреннюю дозу «Порочного Желания Смерти.»

Я наклонила голову, черные слова были такими четкими, линии такими чистыми.

— Что это значит?

— Каждый мой прекрасный день, лунное дитя. Так значит, ты чувствуешь, что тебя сейчас стошнит?

— «*Лунное дитя*», — я со стоном покачала головой, — да, я чувствую, что, черт возьми, умираю. Как будто все мое тело, как... Бум! Бум! Бум! Бум!

Я вытянула пальцы по бокам, обливаясь потом, но мой пот был холодным. — Но потом мое сердце начинает бу-бум! Бу-бум! Бу-бум! Я хочу бежать так быстро, избавиться от этого. Ты пьешь это каждый день? Вау, ты определенно зависима от кофеина.

Она засмеялась, потом смех затих.

— Да, каждый день. Когда ты растёшь в мире, где жизнь контролируется и спланирована, ты обретаешь стабильность. Моя стабильность — это «Порочное Желание Смерти» и искусство. Мы все чем-то зависимы, но мои пристрастия не являются секретом. Они выставлены на всеобщее обозрение.

Киони повернулась ко мне, улыбаясь.

Я завидовала тому, как ей было так комфортно самой с собой, со своими мыслями, лежать на тротуаре, ни в ком не нуждаясь. То, как она была так открыта, так уверенно вела себя — из тех, кто не нуждается в чьем-либо признании.

Киони казалась девушкой, которая могла сказать «нет», установить границы. Из тех девушек, которые также могут сказать «да», потому что ей этого хочется. Такой девушкой я стремилась быть. Из тех девушек, которые могли бы просто сказать Джулиану, что да, я хотела, чтобы он пришел сегодня вечером. Что я никогда не хотела, чтобы он уходил. Но с его приходом всегда приходило его отсутствие, и, о, как я ненавидела его отсутствие.

И вдруг меня захлестнула волна негодования по отношению к Ордену и Священному Морю. Те самые, которые держали нас с Джулианом порознь. И Джулиан был прав, никто из них с Ист-Сайда не прыгнул со скалы вслед за мной. В течение последних двух месяцев они только и делали, что навязывали мне свой ковен, заставляли меня чувствовать себя третьей лишней или кем-то на заднем плане. Я закрыла глаза, решив, что мне нужно отдохнуть от них на некоторое время, чтобы разобраться во всем.

После того, как побочные эффекты «Порочного Желания Смерти» прошли, мы встали на ноги и попрощались, пообещав снова встретиться за чашечкой кофе. Быть рядом с Киони было легко. Она заставила меня почувствовать себя так, как будто мы были друзьями всю нашу жизнь. Никакого давления, никаких правил, никаких скрытых мотивов. Чувство, когда мне не нужно было прикрывать спину.

По дороге домой я зашла в аптеку Агаты, купила дедушкиного чая и провела остаток дня, ухаживая за старым чудачком. Мина пришла на ужин, и пока она занимала дедушку, я убралась в его комнате и сменила постельное белье. Как только дедушка заснул, мы с Миной

Мэй пили самогон на заднем крыльце, слушая шум океана. Легкий туманный дождь целовал наши лица, черные тучи катились в ночи.

Джулиан сказал, что придет сегодня вечером, чтобы я была готовой, но я не могла позволить ему рисковать — чем именно он рискует? Что влекли за собой туннели? Я повернулась к Мине, которая сидела с закрытыми глазами, пока скрипело кресло-качалка. Она была такой расслабленной, на ее лице были морщины мудрости, несколько поколений, полных знаний. Может быть, она могла бы помочь мне лучше понять.

— Ты что-нибудь знаешь об Ордене? — быстро спросила я, пока не струсила.

Глаза Мины оставались закрытыми, когда она ответила: — Да, я знаю об Ордене.

— Если кто-то не соблюдает правила, что с ним происходит?

— Это зависит от того, кто не следует правилам. Мы говорим о чужаках или о ведьмах?

Она сказала «ведьмах» так небрежно, как будто это было чем-то совершенно обычным. Как если бы это был пол или раса.

— О ведьмах.

Ее глаза открылись, и она посмотрела на меня.

— Джавино Блэквелл был последним наказанным ведьмаком. Ты должна понять, что баланс Ордена — это единственное, что защищает этот город, сохраняя его в тайне. Ожидается, что ведьмы ковеннов будут поддерживать мир. Мы справедливы, Фэллон, но должны быть принесены жертвы, чтобы сохранить щит нетронутым, если ведьма выходит за рамки дозволенного.

— Что случилось с Джавино? Что они с ним сделали?

— Ты задаешь много вопросов. Ты уверена, что готова узнать?

Нет.

— Да.

Мина напевала в кресле-качалке, поднося к губам банку с золотистой жидкостью. После того, как она сделала глоток, ее губы причмокнули, и она закрыла глаза, как будто возвращаясь в далекое время.

— Джавино был хорошим человеком. У этих Блэквеллов внутри есть то, что называется тьмой, но Джавино боролся с этим. Примерно двадцать четыре года назад или около того. Люди начали пропадать по всему городу. Потом маленький Джонни умер. Малыш Джонни, такая милая душа. Все знали маленького Джонни, так же, как когда Джулиан был маленьким, ребенок был повсюду. Всегда смеялся и кричал тебе в лицо. Всегда был центром внимания. Итак, когда маленький Джонни умер, весь город просто притих, понимаешь? Никто не мог закрыть на это глаза. Город хотел получить ответы. Затем Джавино выступил и взял вину на себя.

Она покачала головой.

— Я никогда не забуду боль в его глазах. Проклятие, забравшее его сына, было достаточным наказанием, по моему честному мнению, но не для Ордена и не для города.

— Что они с ним сделали?

— Для ведьмаков они запирают их в камере на семь дней. Ослабьте их, оставьте наедине с тем, что они натворили. Убивать людей, нарушать правила — это не имеет значения для масштабов преступления. Равновесие и безопасность города на первом месте, да. А на седьмой день они идут по зеленой миле к Плетёному человеку, и Орден сжигает их. Он раскаивается в содеянном, просит прощения у природы. Возвращает равновесие в город и щит. Если они этого не сделают, щит падет.

Мои глаза расширились. Моя грудь сжалась.

— Они сожгли его заживо?

— Ты должна помнить, что к этому времени он уже жил в том полумертвом месте. Семь дней без еды и воды, после этого от человека мало что осталось. И все, что осталось, остается на зеленой миле, когда они идут по ней. Человек будет только умолять их убить его.

— Это ужасно. Это неправильно!

Должен ли Джулиан был быть свидетелем этого? Мое сердце сжалось от этой мысли. Я покачала головой, не понимая, почему Джулиан изо всех сил старается увидеть меня, быть рядом со мной, спасти меня. Каждый раз, когда мы были вместе, это был риск, смертный приговор.

Я была просто девушкой, никем особенным. Все мысли приводили меня к причинам, которые я не могла понять. Ему уже приходилось бороться со своей тьмой, и если с ним что-нибудь случится, если Орден заберет его, я этого не вынесу.

Он должен был прийти сегодня вечером, и единственное, что нужно было сделать, — это оттолкнуть его.

Дождь усилился, и мы зашли в дом. Опынев от самогона, Мина Мэй свернулась калачиком на диване и натянула на себя одеяло. Она бормотала что-то о Плетеном Человеке, об Ордене, невнятно произнося слова, ее лицо искажилось от боли.

Как только она крепко заснула, каждый шаг, который я делала по лестнице, разбивал мне сердце. Это причиняло физическую боль. Каспер последовал за мной наверх, и скрип пола издевался надо мной. Пожалуйста, будь там, Джулиан. Пожалуйста, не будь там. Мне придется заставить тебя уйти. Я хочу, чтобы ты остался. Мой разум кружился от эгоистичной нерешительности. Что я должна делать? Что правильно, Джулиан?

Я открыла дверь своей спальни, и он был там.

По другую сторону французских дверей стоял силуэт ошибки, которую я собиралась совершить.

Мое сердце было похоже на мрачный бас, ударяющийся о грудную клетку тяжелыми и болезненными ударами.

Я закрыла за собой дверь спальни, оставив Каспера по другую сторону.

Балконные двери распахнулись, и Джулиан обернулся в своем черном пальто, черных брюках и белой маске, закрывающей верхнюю половину лица. Снаружи дул дождь, его одежда промокла и замерзла.

— Фэллон, — выдавил он, качая головой и стремительно приближаясь ко мне. — Почему ты спрашивала?

Он схватил меня за затылок и прижался своим лбом к моему, его пальцы впились в мою кожу головы. Он был расстроен и в отчаянии, прижимаясь ко мне, как будто ничего не было достаточно близко.

— Почему тебе всегда нужно все знать? Почему ты должна копать, копать и копать? Я слышал, как ты там внизу. Знание не помогает! От этого становится только хуже!

— Ты не сказал мне, насколько это может быть плохо. Ты не сказал мне, что они могут с тобой сделать!

— Каждый день в этом проклятии — тюрьма! Я уже в тюрьме, Фэллон, но не с тобой. Ты понятия не имеешь, на что это похоже, на что это было похоже до того, как ты попала сюда. С тобой я больше могу быть собой, чем когда-либо. И я бы бросил все и всех, только чтобы быть рядом с тобой, разве ты не понимаешь?!

Он говорил на одном дыхании. Мои слезы текли по моему лицу, когда он целовал меня.

— Я собираюсь снять это проклятие. Клянусь, я собираюсь, черт возьми, сломать его, но не отталкивай меня до этого!

Я покачала головой, его губы на моих.

— И что произойдёт, когда они заберут тебя?

— Тогда все это того стоило, — сказал он, подводя меня спиной к кровати. — Ты хотела, чтобы я был настоящим? Что ж, вот я у тебя. Я хочу тебя, а остальное не имеет значения.

Моя спина ударилась о кровать, и Джулиан замедлил шаг, расстегивая мою рубашку и распахивая ее. Холод пробежал по моей коже, прежде чем его ладонь прижалась к моему животу, скользнула вверх между грудей. Мои легкие растянулись, наполнившись воздухом.

— Помнишь, когда мы были в том вагоне поезда? — спросил он, и я прикусила губу, кивнув, когда моя спина выгнулась от его прикосновения. — Ты готова?

— Да, — сказал я, и это прозвучало как туман.

Его рука накрыла мое горло.

— Докажи мне.

Наши глаза встретились, и на мгновение мы уставились друг на друга. Неуверенность прошла между нами, но без колебаний я отказался от своей. Рука Джулиана упала с моей шеи, когда я встала с кровати и направилась к балконным дверям. Полная луна висела высоко в небе, и я повернулась лицом к Джулиану.

Он стоял там, наблюдая за мной из темноты. Его серебристые глаза были такими яркими, такими громкими, когда моя рубашка упала на пол. Затем я сняла лифчик, одна бретелька за раз соскользнула с моего плеча, и мое сердце так сильно билось в груди. Мои волосы упали на грудь, прикрывая меня, когда я наклонилась, чтобы снять штаны, трусики. С расстояния нескольких футов тяжелый и горячий взгляд Джулиана скользил по моему телу, пока всё не превратилось в ничто. Только я.

И что-то нахлынуло на меня, прилив адреналина, заряд возбуждения. Под полной луной я стала кем-то, кого понимали другие, кем-то, кого, несомненно, принимали.

— Иди сюда, — сказал Джулиан хриплым голосом, и я повернулась, чтобы закрыть балконные двери, опустила затемняющие шторы. Для него я убрала каждый кусочек света в комнате, чтобы ему не нужно было прятаться — чтобы Джулиан мог быть самим собой, чтобы он мог быть самим собой со мной, как это всегда должно было быть.

Без предупреждения он подошел ко мне сзади, его штаны задели мой зад, кончики его пальцев коснулись моей шеи. В темноте наши пульсы сбились, и мой участился, прежде чем его ладонь погладила мое горло, мою челюсть.

— Ты боишься? — спросил он меня, и его ладони скользнули вниз по моим рукам, затем вверх по бокам. Не в силах говорить, я покачала головой. Я не боялась. Я боялась только одной мысли о том, что он уйдет, его руки не будут на мне, его губы не будут на моих.

Джулиан собрал мои волосы в кулак и прижал меня к себе. Он прикусил край моего уха, поцеловал нежное местечко под ним, а его свободная рука легла на мой живот. Я почувствовала головокружение и слабость и растаяла на месте, когда его губы прошли по всей длине моей шеи, его ладонь скользнула вверх, чтобы обхватить мою грудь.

Отчаянно желая большего, я повернулась в его объятиях, когда Джулиан поднял меня, и я обвила ногами его талию. Наши головы соприкоснулись, и он наклонил голову, задевая

мой рот своим. Его губы произнесли много слов, ни одно из которых не дошло до моих ушей, но проникло прямо в мою душу. Он схватил меня за затылок, за ягодицы, впиваясь пальцами в меня, пока вел меня к кровати. Я сняла с него маску, и наши рты зависли, мучая друг друга, цепляясь за эти кричащие, жестокие моменты.

Ни рассвета, ни дня, ни сумерек. Пространство-время, где мы слышали только предвкушающий стук наших сердец. Как «Порочное Желание Смерти».

Бум..... Бум..... Бум.....

— Просто не позволяй, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — умоляла я.

Джулиан покачал головой. — Не позволю, — пообещал он... Бум..... Бум... — Я не хочу быть там, где тебя нет.

Вот оно, мои мысли насмехались надо мной... бум... вот оно...

Затем мой рот наполнился его поцелуем.

Мне казалось, что я целую темный лес, а не парня. Но потом он откинулся на кровать, взяв меня на себя, как будто у меня была вся власть, заставляя меня поверить, что все было наоборот. Я поцеловала его в шею, терлась о его плотное возбуждение внутри штанов. Джулиан застонал, я захныкала, и мы безумно целовались, пока его руки были везде: в моих волосах, на шее, на груди, на бедрах. Он целовал меня с силой, с голодом, достаточно глубоко, чтобы разрушить меня для любого другого мужчины.

Джулиан прижал палец к моему входу, обнаружив, что я промокла. — О, черт, — простонал он, толкая свой палец внутрь меня. — О, черт, Фэллон, — прорычал он, когда мои бедра снова прижались к нему, изголодавшись по трению, освобождению.

Я стала кем-то, кого не узнавала.

Может быть, это было полнолуние. Может быть, это были мы.

Джулиан поднялся с кровати, держа меня на коленях, полностью сел, сорвал с себя пальто и рубашку, прервав наш поцелуй всего на несколько мгновений. Как будто ничто не было достаточно быстрым, как будто мы не были достаточно близки. Его обнаженная грудь столкнулась с моей грудью, и он поцеловал мою ключицу, обхватил губами мой сосок. Его палец медленно проникал глубже в меня, другая рука сжимала мой затылок, пока я терлась о его штаны, желая чувствовать его везде и умоляя его взять меня. Он встал, и я вцепилась в его талию, пока он расстегивал ремень, молнию, сбрасывал брюки на пол.

Джулиан отвел нас обратно к краю кровати, и мой скользкий центр скользил вверх и вниз по его твердому и тугому стволу. Он лег на спину, позволяя мне тереться о него, исследовать его, использовать его, доверять ему, пока он безумно целовал меня. Его большая ладонь схватила меня за задницу, потянула вверх по позвоночнику. Мои губы снова нашли его горло, и его стоны подпитывали меня.

— Ты должна знать, что я этого не заслуживаю, — сказал он, обнимая меня и опрокидывая на спину.

Дождь барабанил по окнам с песней моего желания. Холодный октябрьский воздух проникал через камин, создавая ледяной сквозняк в моей спальне, когда он двигался надо мной. Он целовал, лизал и прикасался ко мне, как будто изучал меня, окрашивая меня своей гротескной грацией.

Мои ногти впились в его волосы, когда его рот прошелся по нижней части моего живота. Он опустился ниже между ног, и крошечная тьма втянула меня внутрь. Я чувствовала, как у меня пульсирует сердце в то время, когда он проводил время, облизывая чувствительное место вокруг моего члена. Его руки гладили мои бедра, и ощущения были

взрывными, судорожными. Все нервные окончания ожили, погружаясь в его черные воды, и мое тело дернулось! С неспособностью справиться со своим ртом.

Моя рука скользнула по его лбу, по волосам.

— Джулиан, — выдохнула я, мои бедра двигались, колени опускались в стороны, нуждаясь в большем.

Затем его язык погладил меня один, два, три раза! Прежде чем его рот обхватил меня, и мои глаза выпучились в темной комнате, когда он провел языком по моей щели глубоко и медленно. Я не знала, то ли поджать ноги, то ли раздвинуть их шире. Это было слишком хорошо, чтобы быть законным, и я сжала простыни в кулаках, когда его рот накрыл меня, и моя голова откинулась назад. Джулиан застонал из своего горла, вибрируя в моем центре, когда он работал языком. Мое тело забилося в судороге, поднимаясь все выше, выше и выше.

— Джулиан, — предупредила я, волна пронзила меня.

— Фэллон, — возразил он, прижимая ладонь к моей груди и прижимая меня обратно, обхватив мою грудь и ущипнув за сосок. Лицо вспыхнуло между моих раздвинутых ног, его язык скользнул, когда я прикусила губу, ноги дрожали от этого раскаленного добела жара, пронизывающего меня.

Оргазм охватил каждую мышцу. Оргазм превратил меня в белый шум.

Я достигла высот, чувствуя на себе взгляд Джулиана, когда он замедлился.

Он поцеловал меня один раз в бедро, затем в мой чувствительный центр, когда закончил.

— Мне нравится, как ты кончаешь, как ты такая тихая.

Его голос был прерывистым, когда он пополз обратно по моему содрогающемуся торсу, и я схватила его за голову и притянула его рот к своему, потому что я не могла говорить.

Его язык скользнул в мой рот, его стройное и теплое обнаженное тело накрыло мое, его твердый член скользил по моему скользкому центру. Я знала, что это все, и я была уверена, что Джулиан мучил себя или меня — или он был напуган.

Затем он приподнялся на локте, чтобы найти меня и выровняться. Я протянула руку и положил ладонь ему на лицо, и он поднес мои пальцы к своим губам, поцеловал подушечки моих пальцев, удерживая их там, пока толстая головка его члена массировала мой вход.

Я почувствовала, что момент остановился. Я почувствовала единственный удар своего сердца. Я почувствовала на себе его взгляд. Я почувствовала все это за одно мгновение...

— Будет больно, — выдохнул он, хватая меня за запястье.

Затем он вонзился в меня, разрывая меня одним толчком.

Джулиан выругался в кончики моих пальцев с диким рычанием.

Болезненный укол пронзил изнутри! Мое тело мгновенно напряглось, когда его обожгло, и как раз в тот момент, когда крик сорвался с моих губ, Джулиан впился зубами в кончики моих пальцев. Вся боль переместилась с его члена на руку, и я не могла понять почему. Я попыталась отстраниться, но его хватка была крепкой вокруг моего запястья, его укусы почти порвали кожу. Моя грудь сжалась, и горячая слеза скатилась по моей щеке, пока мы оставались так связаны.

Это было неприятно, и я покачала головой.

Это было неприятно, и я не понимала, почему люди это делают.

Затем он засунул два моих пальца в рот и нежно пососал их.

— Фэллон, — сказал Джулиан, целуя мои пальцы, ладонь, запястье. — Доверься мне.

Он вышел, и его член скользнул по моей промежности, когда он медленно спускался по

моему телу. Его нос задел край моего уха, его рот поцеловал мою щеку, а затем мой рот. Он потянул мою руку между нами, пока она не достигла нижней части его живота, и кончики моих пальцев задели светлую прядь его волос.

— Прикоснись ко мне, — сказал он мне, и его голос был хриплым и нервирующим и резал мой рот, как дождь, стучащий в окно. — Прикоснись к нам. Почувствуй, насколько это реально, насколько мы реальны.

Он сомкнул мои пальцы вокруг основания своего члена, и он медленно продвигался обратно внутрь, пока не стал глубоким и не наполнил меня, и не осталось ничего, что можно было бы удержать. И снова мы были соединены, и боль утихла, и рот Джулиана накрыл мой. Моя рука прошла по твердым линиям его торса, чтобы почувствовать, как двигается его тело, когда он раскачивается внутри меня.

— Ты в порядке? — спросил он, его нос касался моей кожи, когда он входил и выходил из меня в медленном темпе. Я кивнула, потому что так оно и было. — Я пытаюсь двигаться медленно, но меня трясет от сдерживания, потому что ты такая узкая, и это так правильно, и, боже мой, Фэллон... ты как будто создана для меня. Это сводит с ума.

— Я в порядке, — пообещала я, обхватив его лицо, и он утонул в моей руке. — Я доверяю тебе.

Потому что я доверяла. Ох, я доверяла.

Затем Джулиан вонзился в меня глубокими и гипнотическими толчками, его таз терся о мой клитор, заставляя меня видеть яркие цвета перед глазами. Его зубы впились в мою губу, и мы целовались крепко, пока на губах не остался синяк, эгоистично заявляя права и оставляя впечатление друг на друге достаточно глубокое, чтобы проникнуть под поверхность, достаточно глубокое, чтобы заклеить нас. Трение от каждого удара приводило меня в головокружительное состояние. Мы идеально подходили друг другу. Наша кровь текла в одном направлении, сердца бились в одном ритме. Связанный под греховно черной полной луной.

Джулиан прижался своим ртом к моему, когда кончил, дергаясь внутри меня и наполняя меня теплом, а потом он надвинулся на меня, как переменчивое темное облако, целуя мой рот, вниз по шее, ключице, пока не положил голову мне на грудь, опускаясь между моих ног.

Наши груди вздымались, и я чувствовала биение его сердца у своего живота, его легкие поднимались и опускались у моего лона.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, обдувая холодным дыханием мою чувствительную кожу.

Я провела пальцами по его волосам, вниз по шее и спине.

— Как будто в меня врезалась... планета.

Джулиан уронил голову мне на живот и рассмеялся. Звук был хриплым и исходил из горла, вызывая мурашки по моей коже. Я почти не слышала его смеха, а теперь мне всегда хотелось рассмешить его.

Он поднял голову, и я почувствовала на себе его взгляд.

— Некоторые теоретики назвали бы это большим взрывом, — сказал он, посмеиваясь, затем поцеловал изгиб моей тазовой кости и провел пальцем по моей коже.

— Я никогда не замечал этого раньше.

— Чего? — я попыталась приподняться, но ничего не могла разглядеть в темноте. Как он видел?

— Этого, — он снова поцеловал мою кожу, затем провел языком по моей плоти. — Это

похоже на форму луны.

— О, мой противозачаточный пластырь, должно быть, оторвался во время... ты знаешь, — я покачала бедрами, ненавидя, что он это увидел. Я всегда стеснялась отметины на своей коже.

— Мне это нравится.

Джулиан переместился вверх по длине моего тела и прижал меня к своему обнаженному боку, положив руку между моих бедер.

Всю ночь мы перешептывались, пока, в конце концов, я не заснула в его уютных объятиях.

Когда я проснулась на следующее утро, музыка океана доносилась через открытые французские двери. Свежий осенний ветерок тоже пронесся по комнате, приказывая моим глазам открыться, но я уже почувствовала, как пустота ползет вокруг меня. Я зажмурилась, заставляя свое сердце успокоиться, потому что его здесь не было.

В конце концов, мне пришлось открыть глаза. Небо представляло собой водоворот бледно-голубых, розовых и золотых тонов. Полная луна исчезла. Джулиан исчез. И я была совсем одна.

Глава 29

Джулиан

Я избегал язычников, города. Весь шум, который не был страданием, был для меня пыткой. Одиночество было единственным утешением монстра — глубокое, темное, похожее на смерть одиночество.

Быть внутри Фэллон было лучше, чем я мог себе представить. Образы прокручивались в моей голове, и я закрыл глаза, вспоминая, как она прижималась своим лоном ко мне, как кончики ее белых волос касались моего лица, ее легкие поцелуи спускались по моей шее.

Не было ничего постыдного в том, как она двигалась на мне, используя меня для собственного удовольствия. И я бы позволял ей это весь день напролет, если бы это было то, чего она хотела, потому что я знал, что это реально. Вся сила, которой я обладал, превратилась в воду. Я тонул в ней, почти разрываясь, прежде чем перевернул ее на спину, чтобы попробовать ее невинность, прежде чем взять ее. Потом, когда я наконец это сделал, я стал бессилён. Это должен был быть мой первый раз, потому что, черт возьми, это было именно так.

Я лежал с ней некоторое время, обнаженный и спокойный, разговаривая в течение ночных часов, пока ее не сморил сон. Я не спал еще несколько часов, думая обо всех способах, которыми я мог бы жить так вечно. То, что я бы сделал, людей, которых я бы предал. Мои мысли крутились по спирали, пока она беззвучно спала, свернувшись калачиком в моих объятиях и уткнувшись лицом мне в грудь.

То, что я, черт возьми, мог сделать, пугало меня до такой степени, что я терялся в своих мыслях, боролся сам с собой. Снова и снова, пока я не свел себя с ума и не почувствовал, что вибрации возвращаются, Темнота затягивает меня точно в срок — в три часа ночи.

Крик застрял в моей груди, чтобы вырваться из нее до такой степени, что мне стало больно. Я чувствовал это и старался игнорировать как можно дольше, обнимал ее крепче, чтобы остаться с ней подольше. Попытался отогнать это, но оно только усилилось. Это было похоже на жестокое солнце, палящее, душное и обжигающее мою кожу. И я ненавидел себя за это.

У меня не было выбора, кроме как выскользнуть из-под нее и убежать, желая, чтобы я

мог дать Фэллон больше, чем половину мужчины. Если бы я этого не сделал, я боялся, что моя Тьма заберет и ее тоже.

Я снова открыла глаза, и мой взгляд вернулся к здесь и сейчас, к мастерской, а не к кровати Фэллон. Я полагал, что был полдень, и я сидел на полу своей мастерской, даже не на удобном моем продавленном кожаном диване. В темноте, на полу, в окружении разбитых пивных бутылок, стекла от разбитого фонаря, с пылающим огнем, дышащим на мои ноги, и сладким ароматом Фэллон на моей коже. Последнее, что я помнил, это то, как я проснулся голым на фоне мавзолея Блэквелл на кладбище, без памяти.

Я также не знал, как долго я здесь сижу. Я повернул голову налево, потом направо. Все, что окружало меня, было свидетельством сломленного язычника.

Стук в мою дверь звучал так далеко, пока я смотрел на огонь, полагая, что мне это померещилось. Не заботясь о том, что мне это показалось.

Бах! Бах! Это повторилось снова.

Я отпил из своей бутылки.

— Язычник, я знаю, что ты там! — раздался взволнованный голос, и я откинул голову назад. — Ты жалкий язычник!

Кто бы это ни был, он не собирался уходить. Я с трудом поднялся на ноги, почесал голую грудь и, спотыкаясь, побрел к двери, поправляя маску.

Когда дверь приоткрылась, Гас Хобб был с другой стороны, подняв кулак в воздух, чтобы постучать снова.

— Что надо? — спросил я, стиснув зубы.

Гас сделал шаг и вдохнул воздух нами. — Ты пахнешь смертью, язычник.

Он заглянул в мою мастерскую, и я встал перед маленьким отверстием из темных глубин моей жалости, прищутив глаза.

— Итак, я жду снаружи уже тридцать минут. Моя машина должна была быть отремонтирована. Что у тебя здесь происходит? Только не говори мне, что ты так работал над моей машиной.

— Автомастерская закрыта на весь день, — отрезал я и пошел закрывать дверь.

Гас поднял ладонь и ударил по двери, пытаясь толкнуть ее обратно.

— Теперь подожди минутку. Мне нужна моя машина. Прюитт уже надрывает мне яйца из-за окна. Если я не исправлю это, я буду закрыт на месяц. У тебя есть месячная арендная плата? Потому что я чертовски уверен, что нет.

— Ты пропустил два месяца, Гас. Два месяца. Поскольку я готовлюсь к неожиданностям, я могу позволить себе закрыть мастерскую, когда захочу. Если бы ты умно обращался со своими деньгами, ты бы не оказался в таком затруднительном положении. Машина будет готова, когда готова. Сегодня закрыто. А теперь убирайся с моей территории.

Гас втиснул ногу в дверь, не давая мне закрыть ее дальше.

— Мне нужна машина, Язычник. Единственный способ выбраться из этой колеи — это сделать доставки, и да, лучше соберись, иначе к закату вся Воющая Лощина узнает, что Язычник из Лощины сошел с ума.

На мгновение его угроза проникла в мой темный разум и вызвала тревожные мысли. Те, где я свернул ему шею только для того, чтобы посмотреть, как он с глухим стуком падает с моего деревянного крыльца.

Те, где я душил его до тех пор, пока его лицо не покраснело.

Где я взял бутылку в руку, разбил ее о дверной косяк, перерезал ему горло сломанным

зазубренным куском.

На какое-то мгновение эти злые мысли разыгрались. Но потом я подумал о ней.

Я подумал о Фэллон, потянулся за связкой ключей, висевшей на стене рядом с дверью, и бросил их ему.

— Возьми «Бронко». И будь с ней помягче.

— Вот это я и называю обслуживанием клиентов, — сказал Гас с улыбкой. Он повернулся и, прихрамывая, спустился с моего крыльца, похлопывая себя по больной ноге, как хромя лошадь, насвистывая что-то.

Я закрыл дверь и задвинул замок на место. Обе мои ладони легли на дверь, и я тяжело вздохнул.

Дни приходили и уходили, хотя я не поднимался с этого места, безопасного пола моей мастерской. Огонь погас, и я остался здесь, в холоде, в темноте, где мне и место. Хотя я ничего не ел, я не был голоден. Боль и ненависть наполняли меня разными способами, всегда напоминая мне, что они могут забрать меня, когда захотят. Что они полностью контролируют меня.

Каждая секунда на этой земле не была даром. Для Блэквелла с теневой кровью это было наказанием. Я не заслуживал быть счастливым. Поэтому я заслужил такую жизнь. Это было то, что сказала мне Тьма. Кричи так громко и страстно, как тебе хочется. Никто тебя не услышит.

И все же Фэллон слышала мои крики. Она не просто слышала их. Ее душа кричала в ответ.

— Джулиан.

Мое имя текло вокруг меня, окружало меня. Звучало отстраненно, не совсем здесь.

— Джулиан!

Я вскинул голову, посмотрел в золотые глаза, которые казались такими живыми, такими напряженными. Феникс Уайлдс. И его руки, скрещенные на груди, смотрят на меня сверху вниз, как будто он изучает труп, ища причину смерти. Саморазрушение, Никс.

— Пришло время звать Кларенса, — сказал он, и его голос наполнил мои уши.

Кларенс Гуди. Мой взгляд лениво блуждал по комнате, когда в поле зрения появились другие язычники. Волна беспокойства в неоновом-голубых глазах Бэка, его татуированные пальцы сжались вокруг рта. Леденящий и понимающий взгляд Зефира, который говорил только на понятном ему языке. Они все были здесь, пристально глядя вниз.

— Идите нахрен.

Я повернул голову, переводя взгляд обратно на камин, где колыхался призрак огня. Но прошло уже несколько дней с тех пор, как он погас.

Я моргнул, не видя ничего, кроме пепла и тусклых цветов, и отпил из пустой бутылки. Потому что прошло уже несколько дней, и меня злило, что они видят меня таким. Единственный Язычник, который держал нас четверых вместе, разваливался на части.

Единственный, на кого они могли рассчитывать — закончит так же, как его отец.

В этот момент меня окатила ледяная вода. Каждый мускул пробудился, и я вскочил на ноги. Мои волосы, грудь, штаны промокли, и я перевел взгляд на Феникса, который стоял с большим горшком, висющим на боку.

— Проснись, Блэквелл! — крикнул он, швыряя горшок в камин. Из дыры в кирпиче вырвался пепел. — Ты хоть представляешь, что ты наделал?!

Вода капала с моих волос, стекала по спине, пока я стоял там, застыв.

Глаза Феникса были жесткими, в них кружились угольки.

— Ривер Харрисон была найдена сегодня утром.

— Я не знал, что она пропала, — сказал я сквозь стиснутые зубы, тело сотрясилось от шока.

— Ривер Харрисон была найдена сегодня утром, — повторил Зеф более категоричным голосом, — Задушенная и со сломанной шеей в Уистер-парке. Ты убил ее.

Бэк молчал сзади, когда Феникс снова заговорил.

— Тебе повезло, что Джон нашел ее тело по дороге на работу, но это Ривер Харрисон.

Его грудь вздымалась, глаза сверкали.

— Что с тобой происходит? Почему ты не можешь разобраться с этим, Джулиан?

— Не называй меня так! Не очеловечивай меня!

Я набросился на него, больше не заслуживая имени. Чудовищные вещи не заслуживали имён.

И я был разочарован в себе из-за того, что я сделал, но не помнил об этом, разочарован тем, что не был достаточно силен, чтобы бороться со своей теневой кровью. Расстроен тем, что я бросил ее после того, как трахнул. Боже мой, неужели я совсем потерял себя?

— Приведи себя в порядок и приступай к работе. По крайней мере, сыграй свою роль и притворись, что ты не убивал девушку. Зефир покачал головой и направился к двери, задержавшись, чтобы подождать остальных.

Лицо Бэка смягчилось, а его глаза наполнились чем-то похожим на жалость. — Не забывай о договоре. Если ты можешь за что-то держаться, держись за это. Мы так близки, и мы не можем сделать это без тебя.

Дверь закрылась с их уходом. Стены мастерской задрожали.

И я опустил на пол в луже того места, где я иссяк.

Единственное, за что я мог держаться, единственное, для чего в моей груди было место, — это она.

Остаток дня я провел, убирая мастерскую, выбрасывая разбитые и пустые бутылки в мешки для мусора, запивая водой бутылки и поедая остатки итальянской пасты с креветками и черничными батончиками, которые Агата оставила у моей входной двери. Я не сомневался, что Бэк навестил ее, увидев мое состояние.

Приняв душ, я стоял перед своим разбитым зеркалом в одних трусах-боксерах, не сводя глаз со своих ног, и решимость переполняла меня. Эта идея не могла быть такой иррациональной, как я думал. Я прыгнул с морского утеса ради Фэллон, но смогу ли я встретиться лицом к лицу с человеком в зеркале?

Я зажмурил глаза и набрал полные легкие воздуха. Я мог бы это сделать. Я больше не боялся высоты, но я боялся самого себя и ожидающую меня неизвестность.

Я хлопнул себя по лицу, чтобы взять себя в руки, наклонился и ухватился за край раковины.

Когда я поднял глаза, меня засосала черная дыра.

В одно мгновение мне показалось, что кто-то пробил мне живот, вырвал легкие из тела. Фэллон безвольно лежала у меня на руках, ее длинные белые волосы запутались в моих пальцах — в моих руках! Они дрожали и вышли из-под контроля!

Я не мог дышать. Я, черт побери, не мог дышать! В отчаянном исступлении я прижал два пальца к ее шее, чтобы нащупать пульс, потому что руки дрожали и я не мог ни за что ухватиться. Моя грудь, казалось, была в огне. Мои глаза горели, мой взгляд метался по ее

синему и холодному лицу.

Это не по-настоящему. Этого не может быть на самом деле, но это кажется таким чертовски реальным!

— Нет!

Мое сердце сжалось. Я приложил ухо к ее рту и ничего не услышал.

— Нет!

Я тряс ее, умоляя проснуться. Я похлопал ее по лицу, вдохнул жизнь в ее холодные губы.

— Фэллон!

Я закричал, а ее безжизненное тело не просыпалось!

— ФЭЛЛОН!

Я прижал ее к груди и держал за затылок, покачивая ее и взывая к любому богу, который услышал бы меня! когда крик вырвался из моей груди, поднялся по горлу и пронзил ночное небо.

Когда кошмар выплюнул меня, я рухнул на пол. Моя спина ударилась о стену. Паника проникла в меня, разделила мою кожу. Я хватал ртом воздух, чтобы сделать глубокий вдох, но весь кислород был высосан из комнаты.

У меня и раньше была паническая атака, когда все мое тело наполнялось сердцебиением, и мне хотелось убежать из собственной шкуры. Это было по-другому.

Это было похоже на атакующую паническую атаку.

Это был настоящий ужас. Это была моя новая реальность.

И я никогда больше не хотел видеть свое отражение.

Глава 30

Фэллон

Я была очень сильно влюблена.

И это было совсем не так, как говорили знаменитые поэты.

Это была странная любовь... такая, от которой не всегда было хорошо... такая, в которой закрадывались мои самые большие страхи, но и бессмертное принятие тоже. Такая любовь, где мне приходилось стоять перед зеркалом, заставляя видеть себя такой, какая я есть. Что это было. Такая, где подвергаешь сомнению себя и все, что ты знаешь. Я была уверен, что это не похоже ни на что другое... хотя мне не с чем было сравнивать. Может быть, никто и никогда не смог бы. И, возможно, именно этого мы не могли видеть. Нет двух одинаковых... и никогда не будет. И никогда не было бы ответа на то, что это было, но я была влюблена... в ту любовь, о которой сказал Кинг: «Кровь взывала к крови».

Потому что я была так сильно влюблена.

И, может быть... он тоже был.

«О, посмотрите — еще одно великолепное утро. Полнолуние в самом разгаре, и что может быть лучше, чем отпраздновать наших владельцев малого бизнеса в Воющей Лощине, чем во время сегодняшнего осеннего фестиваля в Лощине? Покажите свою поддержку и танцуйте на городской площади со своими кошельками. С вами был Скорбящий Фредди, хорошего вам злого воскресенья, ведьмы, и помните, никто не в безопасности после трех часов ночи», — вой Фредди из динамиков беседки перешёл в Thriller Майкла Джексона, и я закрыла глаза, откинув голову назад, солнце воскресного утра грело мне лицо. Тыква, яблоко и корица из пирогов Мины Мэй вплелись в свежий осенний воздух, который коснулся моей кожи, и Мандэй ударила меня в бок.

Мои глаза резко открылись, и ее рыжие локоны задели мою руку, когда она прошептала:

— Это отстой.

Смех вырвался из моих сжатых губ, и я обратила свое внимание на горстку жителей, выстраивающихся в шеренги на траве, окружающей беседку.

— Что происходит? — спросила я, оглядывая толпу. Затем, внезапно, горожане совершенно синхронно пустились в танец под Thriller. — Нет, — засмеялась я, ударяя ладонями по столу под нашей палаткой, — это здорово.

Мандэй со стоном откинула голову назад. — Это убого, просто подожди.

Рядом со мной Мандэй скрестила руки на наших одинаковых красных рубашках, которые Джон заставил нас надеть. На футболках написано «Мой день начинается, когда заканчивается твой», а на спине логотип похоронного бюро.

Только сегодня утром Джон появился в доме бабушки и предложил мне вернуться на работу, и я не могла не думать, что Джулиан как-то связан с этим. Моим наказанием было поработать на осеннем фестивале и заставить трех человек внести задаток на сосновую шинель — то, что бабушка любил называть гробом, — и могилу. Было десять утра, а я еще ни одного не получила.

— Ииии, вот оно, — прошептала Мандэй, указывая пальцем на Майло, который лунной походкой прошел по траве к центру как раз в тот момент, когда из динамиков зазвучал припев. Майло пустился в пляс в подтяжках и шляпе газетчика.

— Не может быть, — слова вылетели из меня. — Майло! — моя ладонь ударила меня в грудь.

— Мандэй, этого не может быть. Это ненормально.

— К сожалению, это наша норма.

Она вздохнула, и моя улыбка загорелась, когда я смотрела, как люди танцуют, а голос Майкла Джексона скользит по площади. Некоторые люди были в костюмах, некоторые в повседневной одежде, некоторые старые, некоторые молодые.

— Это происходит каждый год. Майло говорит, что делает это ради детей, но брось, посмотри на него, — она цокнула, направив плоскую ладонь в его сторону, — ему это нравится.

Я покачала головой, недоверие пронзило меня, а затем мои глаза продолжили блуждать в поисках Джулиана, как они всегда делали.

И воспоминание о нас, произошедших всего несколько дней назад, врезалось в меня, как будто мой возлюбленный был в гостях — жар, закручивающийся спиралью между нами, лед, кружащийся вокруг нас, рябь удовольствия и боли. Почему я чувствовала себя такой счастливой и в то же время такой несчастной? Что иметь возможность думать и жить своим днем после той ночи, которую мы провели вместе, и того, как он ушел, о! Это было похоже на пробуждение при луне цвета слоновой кости с темным облаком, надвигающимся сзади. Каким-то образом Джулиан был неоспоримо близким мне, теперь он у меня в крови. Я полагаю, что именно слабость Любви отвела наши глаза от того, что стояло на пути, позволив нашим сердцам блуждать в этом чувстве. Или, может быть, это сила Любви? И я знала, где были мои мысли... Если бы Джулиан только знал...

Джулиан однажды сказал, что никогда никому не отдаст себя полностью, но в ту ночь он отдал мне все, как и я ему. Могу ли я забыть о его постоянном отсутствии? Его призрак после того, как солнце полностью взошло, сразу после его ухода? Он всегда уходил, но никогда по-настоящему не покидал меня. Он сказал, что никогда не хотел покидать меня, и, возможно, он имел в виду это каким-то другим образом. Вот так — внутри меня, повсюду

вокруг меня, в моем сердце, в моей голове, теперь такие громкие, прочные и постоянные.

Я проснулась в одиночестве, и беспокойство о том, что с ним что-то случится, заставляло мои мысли прилипать к нему, заставляло мои глаза всюду искать его. Держать узел в животе, боль в груди.

Но как я могла знать, что с ним не все в порядке, если я не могла пойти к нему?

— К нам гости, — прошептала Мандэй, выпрямляя спину и изображая фальшивую улыбку, ту улыбку, которую я так хорошо знала.

Сзади появился Джон с коробкой в руках.

— Есть успехи?

— Нет, — сказала я, глядя на Мандэй. — Я не думаю, что кто-то спешит выбирать материал для своего гроба.

— Они придут, — настаивал Джон, его глаза сканировали толпу. — Никто не хочет быть похороненным рядом с Джаспером... Мисс Дрисколл, доброе утро!

Тон Джона изменился, как только она приблизилась к палатке. — Еще раз спасибо за рубашки.

— Джон, мы говорили об этом, — улыбнулась она, моргая своими длинными густыми ресницами, — Зови меня Кэрри. Ты заставляешь меня чувствовать себя старухой.

Когда ее взгляд упал на меня, ее глаза были похожи на голубые молнии — острые и быстрые, они пронзили меня насквозь. Она снова посмотрела на Джона, и черты ее лица смягчились по мере продолжения разговора. Я замерла, восхищаясь ее осанкой, золотистыми завитками, безупречной кожей.

— Она настолько совершенна, что это вызывает отвращение, — прошептала Мандэй, когда Джон и Кэрри отошли от палатки, бок о бок беззаботно подшучивая.

— Это нечестно. Почему вселенная тратит красоту на придурков и сук?

Я рассмеялась.

— Я не знаю, — я пожала плечами, — Баланс?

— Если она займет мое место на посвящении в Священное Море в октябре этого года, я буду зла, — продолжала Мандэй. — Они просто так никого не впускают, и я работаю над этим уже три года.

— Почему ты так сильно хочешь быть в их ковене? — спросила я, переключая свое внимание на разгрузку коробки, наполненной ручками, блокнотами и бланками регистрации, которые оставил Джон.

Мне было трудно держаться от нее на расстоянии, когда приходилось работать с ней. Было трудно держать кого-либо из жителей Священного Моря на расстоянии вытянутой руки, когда этот город был невероятно мал.

Краем глаза я заметила, как Мандэй повернулась и наклонилась к столу, ее ярко-рыжие волосы рассыпались по спине.

— Ты не понимаешь. Это как быть частью семьи. Место, где ты будешь принадлежать, и люди, которые будут сражаться за тебя.

— А как насчет твоих родителей? — спросила я, переводя взгляд с нее на чашку, которую я наполняла синими ручками.

— Им всегда было насрать на меня. Мандэй повернулась, прищурившись, оглядывая площадь. Я тоже повернулась, проследив за ее взглядом. С другой стороны беседки под тентом стояли три человека «Злые Куличи» было напечатано на баннере, идущем сверху. — Я всегда была другой, — прошептала она. — Ребенок молочника.

Резкость в ее голосе, боль в глазах, тоска на лице — все это было слишком знакомо. У нее была семья, дом в этом городе, и она все еще чувствовала себя отвергнутой ими. На краткий миг я посочувствовала ей. Я могла бы понять ее.

— Это твой брат? — спросила я и прикрыла глаза рукой, чтобы лучше видеть. Под тентом стоял светловолосый мальчик со светловолосыми родителями. Мои глаза вернулись к выражению лица Мандэй.

— Да, тот, кто не может сделать ничего плохого.

— Их потеря, — сказал я, пытаясь успокоить ее. Хотя я знала, что ничем не могу помочь.

Она улыбнулась, но улыбка была пустой.

— Определенно.

В течение дня я уговорила легендарного Джаспера Эббота, болтливого сумасшедшего в городе, задонатить на две могилы. Одну для него, одну для его собаки Куджо. Джон не упомянул, должны быть только люди. Мне нужен был только еще один, когда мы с Мандэй допили кофе.

— Я схожу в «Бобы», принесу нам еще два. Следи за палаткой, — сказала я ей.

Мандэй кивнула, когда Кейн и Маверик подошли к нашему столику как раз в тот момент, когда я уходила. — Я вижу, как это работает, — крикнул Кейн, и я повернулась и подняла ладони по бокам, пожав плечами, идеальное время.

Джоли помахала мне из-под киоска своей мамы возле аптеки, когда я проходила мимо, тюки сена украшали обе стороны. Мой взгляд блуждал по их стенду и внутри магазина, надеясь мельком увидеть Джулиана, но зная, что это безнадежное дело.

Мои пальцы коснулись холодного металла ручки, когда ветер донес — Фэллон.

Сначала я думала, что все это у меня в голове. Пока я не услышала это снова.

Я повернула голову в сторону и прищурилась, увидев, что он стоит там, прислонившись к углу «Бобы», его страстные глаза касаются меня так, как будто это был беглый язык, на котором говорили только мы. Солнце висело прямо за его спиной, обрисовывая его контуры серебром. Он казался окруженным ореолом света, когда подошел ближе. Я подняла руку ко лбу, чтобы защитить глаза, когда он посмотрел на меня сверху вниз.

— Пойдем со мной, — прошептал Джулиан, затем наклонил голову и посмотрел в сторону.

Я не могла поверить, что он был здесь, такой незащищенный, в этот час, на Городской площади. Дикость в его глазах говорила о секрете и заставила меня улыбнуться.

— Я не могу, мне нужно забить еще одну могилу, — объяснила я, пытаясь скрыть эффект, который произвело на меня его присутствие.

— Тебе интересно?

— Фэллон Гримальди, — Джулиан цокнул языком, — я знал, что ты хотела меня только ради моего тела.

Я усмехнулась и оглядела площадь, чтобы посмотреть, наблюдает ли кто-нибудь за нами, но никто сюда не смотрел. Никто не наблюдал за фриками. Никому не было дела ни до меня, ни до того, что я делала. Мы как-то странно уставились друг на друга, как будто это был безмолвный спор. Наши взгляды боролись друг с другом, пока не раздался мой голос.

— Джулиан...

— Фэллон, — настаивал он, кивнув головой. — Пойдем со мной. Мне нужно всего лишь мгновение вашего времени.

Я огляделась еще раз, прежде чем скользнуть за угол «Бобов» вслед за ним.

Я последовала за Джулианом по Приморской улице в переулок, и моя грудь затрепетала, как будто в моем сердце бешено колотилось сердце. Как только тени поглотили нас, Джулиан повернулся и схватил меня за бедра. Мое дыхание замерло на краткий миг, предвкушая его.

Его пальцы сомкнулись на моих боках, толкая меня назад. Спираль жара поднялась внутри меня, влилась в мою кровь. И его полные крика глаза впились в мои, когда я ударилась спиной о кирпичную стену.

— Давным-давно, — торопливо сказал он, наклоняясь ко мне. — Жил-был один Язычник, такой потерянный, он кричал так громко... — он поднял мои руки высоко на стене и переплел свои пальцы с моими,

— Он следовал правилам, следовал кодексу, но никогда не следовал бесполезной вещи в своей груди.

Его руки скользили по моим вытянутым рукам, его ладони гладили меня, как холодный лосьон по моей коже.

Мое тело прислонилось к стене, и я прочистила пересохшее горло, не сводя с него глаз. — До сих пор. Ты должен был сказать... до сих пор.

Джулиан прижался своими бедрами к моим и наклонился губами к моему уху.

— До сих пор.

Мой рот приоткрылся, и я закрыла глаза. У меня перехватило дыхание, когда он обхватил ладонями тепло моей шеи, заменив его своим холодом. Его дыхание было как корица, обжигающее, когда он соблазнял мои чувства.

Его голос упал до шепота:

— До тебя. И я услышала в нем надлом, бездну боли, которая скрывалась за изгибами его слогов.

До тебя. Два слова, которые связали нас.

Два слова, которые создали пространство, в котором мы были поняты друг другом.

Никаких вопросов.

— Прости, — продолжил он мне на ухо. — За то, что меня не было там утром после—

— Все в порядке, — обрываю я его, качая головой. — Ты в порядке.

Я прикусила губу, положила руку ему на грудь. Теперь он был здесь. — Это все, что имеет значение.

Потом он поцеловал меня. О, боже! И он целовал меня. Я не могла дышать, когда его язык двигался против моего, как обсидиановый вихрь, отчаянная сила требовала принять его таким, какой он есть, принять это положение, в котором мы были. Я поцеловала его в ответ, толкая и притягивая, сопротивляясь и крича.

Я слышу тебя, Джулиан. Я слышу! Секреты и обещания, которыми мы обменивались, как пактом. Он обхватил мое лицо ладонями и приподнял меня на цыпочки, и я была волной, которую несло его течением, на его губах.

Он целовал меня, и я летела...

— А-а-а-а-а! — раздался крик! И пронзил мои барабанные перепонки!

Словно рефлекс, ладонь Джулиана закрыла мои глаза в тот же момент, когда его голова дернулась в сторону. Его грудь вздымалась, прижимаясь к моей, его мышцы подергивались под кожей, готовые броситься... бежать.

— КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ!

— Мне так жаль.

Боль запечатлелась в его словах — боль, потому что он должен был уйти.

Три слова, которые были намного больше, чем три слова.

Они были пространством между нами.

Никаких вопросов.

Затем его рука упала с моего лица, и порыв холодного ветра коснулся моей кожи.

Мне не нужно было открывать глаза, чтобы понять, что Джулиан ушел.

Я была потрясена тем, как холод пронзил его отсутствие.

— ФЭЛЛОН, БОЖЕ МОЙ, ФЭЛЛОН!

Моя кожа, мои губы, везде, где он был, теперь это казалось странным по сравнению с остальным моим телом. Больше не полностью моя. Это чувство ускользнуло от меня. Резко упали. Прыгнул и покинул стратосферу.

— Ты ранена?!

Кэрри Дрисколл появилась передо мной, изучая мои черты. — Не волнуйся, помощь идет, — сказала она мне, и я хотел что-то сказать. Я хотела сказать ей, что мне не нужна помощь, что он не сделал ничего плохого! — Слава богу, я пришла как раз вовремя.

Как раз вовремя, ее слова отозвались эхом.

Джулиан

Я бежал быстрее, сильнее, мои ноги угрожали подогнуться. Я бежал до тех пор, пока мое зрение не затуманилось. Мое дыхание эхом отдавалось в моей голове, сотрясая грудь. Вдыхая, выдыхая, я бежал, преодолевая боль, к норвежским лесам, где меня любили и не боялись.

И я на этом не остановился. Я бежал, моя грудь горела. Я почувствовал, как предательство моего колдовства просило освободить меня — подергивание моих рук, вибрация в моих венах. Это притянуло меня, а ведь еще даже не наступила ночь! Я не мог этого понять. Моя маска исчезла, потерялась где-то по пути. Температура кусала мое лицо, впиваясь ногтями в глаза. Я заставил их открыться, сухие, горящие и бегущие.

Потом я рухнул где-то в сердце скандинавских лесов.

Покров из листьев деревьев пропускал мало света. Не было слышно ни звука, кроме моих изголодавшихся легких. Мои руки раскинулись по бокам, и я сжал ладони в кулаки под темными ветвями деревьев, цепляясь за бархатную плоть лесной земли, отчаянно пытаюсь избавиться от этого напора.

Я не чувствовал своих ног, но все же ощущал каждый кусочек неизбежной муки. Когда я открыл глаза, солнечные лучи отражались от красных и золотых осенних листьев — октябрьский калейдоскоп. Одна безумная вспышка пламени вокруг меня, внутри меня. Я в огне!

Я зажмурился и высвободил это.

Мой крик отразился эхом, высвобождая меня. Он горел у меня в груди, разрывал горло и наполнял лес. Я кричал, изгоняя огонь, пока больше не осталось сил. Я кричал, пока темнота не поглотила меня, не заставила замолчать. Все, что освещало мне путь, — это желание лечь здесь, потому что я не мог лечь с ней. И деревья ответили, как всегда, шепотом леса, говоря мне, что все будет хорошо. Скандинавские леса не покинули меня, хотя мое сердце покинуло скандинавские леса.

И ничто уже никогда не будет прежним.

Фэллон

Горожане столпились вокруг, их лица были размыты. Кэрри Дрисколл потащила меня к скамейке возле «Бобы» и положила руку мне на плечо, пока Мандэй, Кейн и незнакомые люди разговаривали вокруг меня, проклиная язычников. Возмущение росло, и я уже отходила от шока, когда всё превратилось в кипящую суматоху.

— Нет, — повторяла я, — все было не так, не так! Ты все неправильно поняла.

Я не знала, слышат ли они меня, поскольку они искажали мои слова, заполняли промежутки между ними. Моя голова затряслась, затуманилась, и я не могла дышать.

Я стояла, в поисках воздуха, пространства. — Мне нужно пространство, — скандировала я, когда на меня навалилось давление, их болтовня не прекращалась!

— Почему меня никто не слушает!

— Фэллон, — сказала Джоли, пробираясь сквозь толпу людей. — Фэллон, пойдем со мной. Давай, тебе нужно выпить воды.

Она схватила меня за руку и повела к аптеке, и с каждым шагом волнующий жар спадал. Мой разум был потерян. Мои глаза метнулись к Джулиану, но все, что я увидела, были люди, палатки и обеспокоенные, настороженные глаза Воющей Лоцины.

Когда мы вошли в аптеку, прозвенел звонок, и Джоли повела меня в заднюю часть магазина через вращающуюся дверь.

— Сядь, — настаивала она, затем повернулась к раковине, чтобы наполнить чашку. — Что произошло в переулке? Что случилось с моим братом?

Мои пальцы вцепились в край пластикового стула, и я посмотрела на нее.

— Я не знаю. Он просто ушел.

Я подумала о Джулиане и обо всем, что они могли с ним сделать. — О, боже мой, это все моя вина, не так ли? Что они собираются делать? Может ли у него быть неприятности? Неужели я все испортила?

Джоли повернулась ко мне с бумажным стаканчиком воды, предлагая его мне, прежде чем сесть на плитку. — Это не зайдет так далеко. Ничего не произошло. Это все домыслы, если только что-то не произошло, и нет никаких доказательств. Если что, Орден будет допрашивать тебя, но это все. Я не сомневаюсь, что Джай в лесу. Там он в безопасности, и они все уладят.

Они всё уладят. Она имела в виду Норвежские леса, даже Джона. Или и то, и другое, если Джон был частью Норвежского Леса.

Но спокойный голос Джоли принес мне утешение.

— Это не должно повториться, — продолжила она, кладя свою руку поверх моей. — Я счастлива, что у него есть ты, Фэллон. На самом деле, это так, но я не могу его потерять. Вы двое должны быть более осторожны. Никто больше не должен видеть его с тобой. Один раз, может быть, это была случайность, но дважды? — она покачала головой: — Это просто не может повториться.

— Этого не случится, — пообещал я.

— Фэллон? — раздался чей-то голос, и мы обе повернули головы в сторону двери, чтобы увидеть Агату Блэквелл. — Все в порядке?

— Да, — быстро сказала я, поднимаясь на ноги. Джоли последовала за мной, и я почувствовала на себе ее взгляд, когда откинула волосы с лица и выпрямилась. — Все в порядке. У меня просто немного закружилась голова.

Агата прищурила глаза, изучая нас двоих.

— Что происходит снаружи, эти разговоры о Полом язычнике?

— Ничего страшного, — заверила я ее. — Я шла по переулку одна, и наши пути пересеклись с одним из них. Кто-то думал, что он заманил меня в темноту, но все это было просто недоразумением. Он почти ничего мне не сказал, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться ко мне.

Ложь, они все лжецы, даже я.

— Кэрри закричала, и он убежал, но он не сделал ничего плохого, — повторила я. Агата Блэквелл была частью Ордена. Она должна была знать, что ее сын не причинил мне вреда. Правда.

— О, хорошо, — кивнула она, — людям нравится увлекаться. Не то чтобы этого не случилось раньше.

Ее взгляд задержался на мгновение дольше, и Джоли стояла молча, но я чувствовала, как от нее исходит каждая частичка энергии, как будто она изо всех сил пыталась сдержать свои мысли.

— Я прошу прощения за всю эту драму.

— Все в порядке, — я отмахнулась от инцидента, как и должны все остальные, — Мне нужно вернуться в палатку. Я сомневаюсь, что Мандэй вернулась, а кто-то должен быть там на случай, если кто-то захочет выбрать гроб. Или могилу. Вы знаете, вещи, которые придают веселье похоронам, — пробормотала я, затем остановилась, прежде чем навлечь на себя еще больше неприятностей.

Я поблагодарила Джоли и Агату, выбежала из аптеки и вернулась на осенний фестиваль, заставляя себя не бежать в Норвежский Лес за Джулианом. Это только усугубило бы ситуацию. Так и должно было быть, и я ненавидела это.

Всё не должно было быть вот так.

Глава 31

Джулиан

— Я сжег тело прошлой ночью, — сказал Джон, прислонившись к дверному проему, отделяющему гараж от моего офиса. — Это была твоя ответственность. Где ты был?

Сидя на синем ящике перед мотоциклом Феникса, я повернул ключ, чтобы посмотреть, заведется ли двигатель. Двигатель зашипел, раздался ужасный кашляющий звук, и из выхлопной трубы вырвалось облако дыма. Пот стекал с моего лба в глаза, а пары, смешанные в воздухе, вызвали жжение в глазах. Я крепко зажмурился. Когда я потянулся, чтобы поднять руку, моя рука задела трубу, и горячая сталь обожгла мою кожу.

— Ах, черт возьми, — Я зашипел и отдернул руку.

— Джулиан? — рявкнул Джон.

Я вскочил на ноги и ударил ботинком по колесу, выбивая мотоцикл из-под себя, пока он не лег на бок. Пластик хрустнул, и детали разлетелись при ударе.

— ЧТО?!

— Где ты был? Прошло уже несколько дней! Ты пропустил ежемесячное собрание в мэрии в понедельник. Люди были возмущены трюком, который ты выкинул во время Осеннего фестиваля, и это могло бы помочь, если бы ты был там. Мог бы сам все объяснить! А потом ты оставляешь меня с мертвой девушкой в морге, что, кстати, я не могу объяснить. Я не твоя чертова клининговая компания, Блэквелл.

Я снял шляпу, прижал тыльную сторону ладони к глазу.

— Мне нужен воздух, — пробормотал я, выходя из гаража на парковку.

Черные тучи яростно неслись над головой, окутывая город в модных оттенках серого —

приглушенные цвета, приглушенная жизнь. В последнее время мои дни были размыты. Ни рассвета, ни заката, бесконечный промежуток сумерек. Я натянул рубашку на глаза, когда рука Джона схватила меня за плечо.

— Ты любишь ее, Блэквелл?

Вопрос задел за живое, и мое существо замерло в его послесловии. Я происходил из породы, печально известной своей пустотой, но слово из четырех букв было горьким ударом, который пришлось проглотить. После всего, что я сделал, я просто не мог быть способен на такое.

Возможно, я был влюблен в это чувство.

— Любовь? — Из моего носа вырвался воздух, и я покачал головой, вспоминая слова отца. — Любовь здесь не живет, только страх растет в Воющей Лощине. Любовь — это фантазия глупца и кошмар чудовища.

Для язычника любовь сама по себе была проклятием. Если бы я признался себе, что люблю ее, у меня не было бы другого выбора, кроме как оставить ее. Я перевел взгляд на побережье, наблюдая, как опавшие листья падают на пустые улицы позднего вечера, задаваясь вопросом, что стало бы со мной, если бы мне пришлось держаться подальше от Фэллон. Помимо потери ее, я не мог представить себе большей боли. Я не могу любить ее.

— Что-то не дает мне покоя, — признался я. — Становится только хуже.

— Тебя толкают, тянут и разрывают на части с разных сторон, — сказал Джон, и в его словах было так много правды.

— Язычники, ковен, город, Орден, тьма...

Он перевел дыхание, — А еще Фэллон.

А еще Фэллон.

— Что мне делать?

— Я не могу указывать тебе, что делать. Ты должен решать сам, но что я могу сказать, так это то, что, исходя из опыта, самый быстрый способ избавиться от зависимости — это другой. Если ты хочешь избавиться от тьмы, тебе придется держаться за то, что сильнее ее, и позволить этому завладеть тобой. Твоя душа умирала от желания жить, но страх сдерживает тебя. Это самая трагическая вещь, свидетелем которой я когда-либо был, и это говорит парень, владелец похоронного бюро.

Смех Джона был легким и едва долетел до моих ушей, как затих. Он засунул руки в карманы и покачался на ногах.

— Это несправедливо по отношению к тем, кто продолжает так поступать. Тебе придется выбирать. Ее или все остальное.

Выдох сорвался с моих разбитых губ, и я ущипнул себя за переносицу, кивнув.

Джон сжал мое плечо.

— И твое молчание говорит мне, что ты всегда знал свой ответ.

В четверг утром я стоял, прислонившись к кирпичу между зданиями, пил кофе и наблюдал за Фэллон через окно «Бобов», когда она улыбалась кенийской девушке напротив. Ее улыбка окрасила мое утро в цвета, которых я не заслуживал, сделала их яркими после ужасной недели без нее. Мне нравилась ее новая компания. Я обратил внимание на то, как она увеличила дистанцию между собой и Священным морем, а также погрузилась в рутину здесь, в своем родном городе. Фэллон Гримальди всегда принадлежала этому месту, так же, как она принадлежала мне.

Последние несколько недель, проведенных с ней, отвлекли меня от моих обязанностей.

Феникс был прав, но Джон тоже был прав. Я выбрал Фэллон с тех пор, как впервые увидел ее. Но единственный способ быть с ней так, как она того заслуживала, — это снять проклятие, чтобы Орден больше не видел во мне угрозы.

Фэллон улыбнулась по другую сторону окна. Ее рука прикрыла рот, и я выпрямил спину, вытянув пальцы вдоль тела. Жар пронесся внутри меня в тот же момент, когда ветер со свистом пронесся по переулку, и существо в моей груди закричало — истекло кровью!

Я никогда не говорил ей, какой красивой я ее считаю. Какой красивой она была для меня, это было обезоруживающе. Я никогда не говорил ей всего того, что должен был сказать, потому что думал, что если я не скажу ей, это даст мне больше времени. И мне было страшно. Я никогда ни в ком не был хорош, и, несмотря на это, она всегда возвращалась ко мне. Так или иначе, я был хорош во всем, что касалось Фэллон.

Мой взгляд скользнул по Городской площади, задаваясь вопросом, заметил ли ее кто-нибудь так же, как я. Кейн и Маверик шли по другую сторону беседки в сторону мэрии. Адора Салливан стояла за дверью бутика и махала им, обводя взглядом площадь. Джаспер Эбботт растянулся на лужайке, глядя в утреннее небо и рассказывая о баньши, сиренах и старых сказках. Три старушки сидели на скамейках перед беседкой, наверняка сплетничая о Фэллон до сих пор или заметив исчезновение Ривер, распуская слухи.

Мой взгляд метнулся к мэрии, где мистер Прюитт болтал с разгневанной Айрин на ступеньках, лицом к Бобам. В его тени стояла Кэрри Дрисколл в широкополой плетеной шляпе от солнца, ее глаза были скрыты за большими солнцезащитными очками. Эгоистичный гнев закипал, просто глядя на нее, на то, как она застучала меня с Фэллон, как она разлучила нас.

Затем ее голова повернулась ко мне, и я скользнул в тень.

Фэллон

«Это наш любимый месяц в году, и поэтому начинается обратный отсчет. Двадцать два дня до Самайна. Это Скорбящий Фредди с вашими Дэйли Холлоу в пятницу утром. И помните: дорогие, монстры, вы ничтожны, всего лишь одни из бесконечного числа существ. Услышьте меня, когда я говорю: никто не в безопасности после трёх часов ночи...Оуууууу!»

Фредди взвыл, и мне захотелось взять ручку и засунуть ее себе в ухо.

— К тебе когда-нибудь приходили дети на Самайн, говоря «гадость или сладость»? — спросила я дедушку, сидя напротив него за завтраком.

Дедуля хихикнул, и мои глаза метнулись к нему. Это был странный смех, такого я никогда раньше не слышала, такого я никогда не ожидала услышать. Который я, вероятно, никогда больше не услышу. Я улыбнулась настоящей улыбкой, от которой у меня запылали щеки.

— Убери эту хихикающую ухмылку с твоего лица... Похоже, ты никогда в жизни не слышала, чтобы я смеялся.

Я засмеялась еще громче и схватила свою кружку с надписью «В Депрессняке» и поднесла ее к губам, чтобы замолчать.

— Нет, хотя их целая мафия на улицах.

Он пожевал зубными протезами, затем бросил ручку на стол, прежде чем подняться на ноги.

— Я беру яйцо, лунное дитя. Давай, Каспер, старику нужен кошачий сон.

Мое лицо исказилось, глаза выпучились, когда я смотрела, как Каспер следует за

дедушкой из кухни в его спальню.

Снова оставшись одна, я выглянула из окна на задний двор, где костлявые деревья потеряли все свои листья, оставив их сваленными в водосточных желобах гаража и покрывающими заднее крыльцо. Поскольку сегодня у меня не было причин идти на работу, я потратила некоторое время на уборку кухни, мытье посуды вручную. Делаю все, что угодно, лишь бы занять свои мысли и отвлечься от Джулиана.

Не имело значения, была ли я одна или окружена людьми, мысли о нем всегда проносились в голове. Я не видела его с того переулка во время Осеннего фестиваля. Он также не появился на собрании в мэрии. Все, чего я хотела, — это увидеть его.

На днях я спрашивала Джона о нем. Единственное, что он мог мне сказать, это то, что с Джулианом все в порядке. Так оно и было. С Джулианом все в порядке. Но я не была в порядке, и это было несправедливо.

Мои мысли понеслись вскачь, когда я направилась в гостиную, протерла книжные полки, приставной столик и журнальный столик. Я переставила книги на полке, потому что не могла привести в порядок свои мысли.

Воспользовавшись моментом, я присела на край дедушкиного кресла и взяла экземпляр «Песнь Сюзанны» Кинга, когда закладка упала на пол. Старая фотография, немного искаженная, с выцветшими углами, коснулась моих ног. Я наклонилась, чтобы поднять ее, и мое сердце подпрыгнуло в груди.

Это была я, но это была не я.

Это была моя мать, и она была очень похожа на меня, но не была.

Ее длинные волосы прилипли к лицу, когда она лежала с ребенком на руках. Со мной на руках. У меня перехватило дыхание, а пальцы задрожали. Я никогда раньше не видел ее фотографии, и это было уже слишком. Это было слишком. Слеза скатилась, и я откинула голову назад, чтобы набраться сил. Выдержка.

Я никогда не знала ее, но отсутствие матери, размышления обо всем, чего мне не хватало, наполнили меня, как лавина горя и всего того, чего у меня никогда не было. Когда я снова посмотрела вниз, мое зрение затуманилось, и я натянула футболку на глаза. Почему она должна была умереть?

Я втянула воздух, отпустила ее и снова посмотрела на фотографию.

Я посмотрела вниз на то, как она смотрела на меня сверху вниз. Знала ли она, что это были ее последние мгновения?

В углу фотографии Агата Блэквелл стояла рядом с ней, положив руку на плечо моей матери, а другой рукой придерживая мою маленькую головку, как будто моя мать была недостаточно сильна, чтобы удержать меня. Она умирала, а я жила, и это было несправедливо.

Я засунула фотографию в книгу, захлопнула ее и бросила обратно на столик. Я не была готов. Я хотела узнать свою мать, но я не была готова. Буду ли я когда-нибудь готова?

Раздался стук в дверь, и я втянула воздух, чтобы встать.

По пути к двери мой взгляд метнулся к дедушкиным часам. До полудня оставался всего час.

Я открыла дверь.

— Фэллон, привет, дорогая, — поздоровалась Кэрри Дрисколл. На ней было желтое платье, туго зашнурованное сверху и с оборками внизу, доходившее до ее скрытых ног. Я выпрямилась, поправила волосы, которые беспорядочно лежали у меня на голове, поправила

свою длинную футболку, чувствуя себя неловко, хотя это она пришла ко мне домой. Мой дом, повторил мой разум. Да, это был мой дом.

— Привет, — ответила я, но это прозвучало по-детски. Я прочистила горло и попробовала снова:

— Привет, Кэрри.

Ее золотистые локоны струились по плечам и веером обрамляли грудь. В руках она держала пластиковый контейнер с пирогом с логотипом Мины Мэй. Она выглядела так, словно сошла со страниц сборника сказок, такая совершенная и здесь, и...

— Почему ты здесь?

— Я думала о тебе! Пыталась найти время, чтобы прийти и проведать тебя, посмотреть, как у тебя дела после того, как ты чуть не столкнулась с Язычником, — настаивала она, красивая улыбка украсила ее черты. Она подняла пирог повыше в качестве подношения. — Это сапожник осеннего урожая Мины. Яблоки выращены дома, на Хороших фермах.

— Тебе действительно не нужно было этого делать, — сказала я, неловко взяв пирог и протягивая ее перед собой. — Как я и сказала на собрании, это было недоразумение, моя вина. Меня не должно было там быть. Я подумала, что могла бы срезать путь через переулок. Не то место, не то время и все такое.

— Я не могу себе представить, что могло бы случиться, если бы меня там не было. Я знаю, что ты здесь недолго, но ты никогда не можешь быть слишком осторожной, Фэллон. Я просто так рада, что с тобой все в порядке, — продолжила она, и чем дальше она говорила, тем больше ее драматизм ситуации выводил меня из себя. Возможно, это было неразумно с моей стороны, но все, о чем я могла думать, это о том, что это ее вина, что я не видела Джулиана почти неделю. Именно такие люди, как она, сеяли страх по всему городу, так и не узнав его получше. Они только усугубляли ситуацию. И я придержала язык и кивнула, выдавив улыбку, когда мои бурлящие эмоции скользнули вниз по задней стенке моего горла. — Прюитты устраивают свой ежегодный бал на Самайн, ты придешь?

— Я ничего об этом не слышала, — честно ответила я. — Но даже если бы они прислали мне приглашение, я не смогла бы оставить Бенни здесь совсем одного.

— Чепуха, ты должна пойти. Будет неучтиво с твоей стороны, если дочь Тобиаса Моргана, по крайней мере, не появится.

— Может быть.

Это была не только неделя без Джулиана, но и неделя, проведенная вдали от Кейна и остальной части Священного Моря. Единственными людьми, которых я видела, были Джон, Мандэй и Киони. Я сильно сомневалась, действительно ли Кейн все еще стремился вовлечь меня в свой ковен после вопиющего отказа во время костра Мабона. Особенно после моих очевидных методов уклонения, чтобы избежать его на Городской площади. Было безумием думать о том, что я всегда хотела иметь друзей и вписываться в общество, а теперь отталкивала людей.

— Посмотрим.

— Очень хорошо, передай Бенни мои наилучшие пожелания, Фэллон. Береги себя.

Как только она ушла, из моих легких вырвался поток воздуха, и я упала на закрытую входную дверь.

— Кто это был?! — Я услышала, как дедушка позвал меня из своей спальни.

— Кэрри Дрисколл, — ответила я, просматривая пирог, чтобы увидеть, нет ли каких-либо признаков того, что контейнер был испорчен, и найти какое-то доказательство того,

что она его отравила. Их не было.

— Она мне не нравится, — пробормотал он из-за приоткрытой двери.

Я вздохнула.

— Тебе никто не нравится.

Глава 32

Фэллон

Деревянные полы скрипели, ночной воздух скрежетал, и холодная тьма облизывала свои губы, прежде чем прикоснуться к моей коже, предупреждая меня о том, что все это вырывает меня из сна. Я ворочалась и переворачивалась на спину, глядя на открытые балконные двери, где топазовая луна парила над Атлантикой в матово-черном небе. Дом прошептал еще один слабый скрип, и я бросила взгляд на звук, ничего не видя в темных углах моей спальни. Даже Каспера, который, вероятно, спал с дедушкой.

Я заставила свое сердце успокоиться, сбросила остальные одеяла со своего скользкого тела.

Затем из темного угла появилась тень и бросилась на меня! Его вес приковал меня к кровати. Мои глаза выпучились от страха и замешательства, когда я вытянула руки перед собой, отталкиваясь от него.

От Джулиана! Это был Джулиан!

— Джулиан! — я закричала, но со всей силы его рука сжала мое горло, и он душил меня, вдавливая мою шею в матрас.

В одно мгновение кислород исчез! Я вцепилась ему в грудь, в плечи! Я не могла дышать! Джулиан, я не могу дышать! ДЖУЛИАН, ЭТО Я! Я хотела закричать, но мои слова и голос застряли в моем обезумевшем сознании.

Голубая вена на его шее вздулась, а серебряные глаза Джулиана, пустые и бездонные, безучастно смотрели на меня сверху вниз с явным намерением убить меня. Внутри них все огни были погашены. Мертвая зона, пустые комнаты, необитаемые планеты. Тот же взгляд, который я видела раньше.

Я вцепилась в его плечи, впиалась ногтями в его напряженную шею. Я проколола его кожу, и кровь потекла по его горлу, когда он крепче сжал мою шею!

Джулиан, пожалуйста! Мои широко раскрытые глаза горели, слезы застыли, затуманивая зрение, когда он держал меня в крепких тисках, отключённый и холодный, такой холодный! Мое тело билось о его, но это было бесполезно, потому что его ноги оседлали меня, пригвоздив к месту.

ДЖУЛИАН, ОСТАНОВИСЬ! Мой разум затуманился, конечности онемели. Я не знала, что делать! Что мне делать?!

Все, что я видела, было серебро, две ледяные серебряные прорези над его черной маской, когда моим легким не хватало воздуха.

Я перестала бороться, потому что это было бесполезно. Он убивал меня. Он был в ловушке. Я не могла в этом разобраться.

Его здесь не было. В сознании Джулиана он был где-то в другом месте, пока я умирала под ним. Я чувствовала, как проходит каждая последняя секунда, и я обхватила его голову руками, положив пальцы на его бьющийся пульс.

Он был потерян, так потерян. Убивал меня, а я любила его.

Затем Джулиан моргнул. Один, два, три раза.

Он моргнул, и теперь его растерянный взгляд сканировал мое лицо, его руку на моей

шее, тело, к которому она была прикреплена. Пришло узнавание. Я заметила перемену в его глазах и то, как они превратились из холодных в что-то вроде скручивающей травмы.

— Фэллон, — выдохнул он и ослабил хватку, его грудь начала вздыматься, тело начало трястись.

— Нет... Фэллон... Нет, черт возьми! — выругался он.

Я задохнулась от избытка воздуха, чувствуя, как он скользит по моему горлу и заполняет легкие. Я не могла сделать ни одного вдоха, слезы хлынули из моих глаз, грудь с хрипом хватала кислород. Джулиан оторвал трясущиеся руки от матраса, дернул себя за волосы и отстранился от меня.

Я чувствовала его отстраненность, его боль. Я почувствовала это так же реально, как почувствовала его руку на своем горле, и я снова не могла дышать. Под его натянутой кожей его мышцы вздрогнули, как будто это была команда бежать от меня. Я покачала головой, когда слезы, наконец, смогли пролиться.

— Джулиан, не надо, — умоляла я, хватая его за воротник рубашки, разрывая его, пытаюсь притянуть его обратно к себе. Каждый мускул на его шее напрягся, когда я схватила его за закрытую маской челюсть, чтобы он посмотрел на меня.

— Джулиан!

Он зажмурил глаза, затем открыл их, и его взгляд был растерянным, казалось, что он мечется между тем, что было реальным, и тем, чего не было.

— О боже, что со мной не так?! — в отчаянии закричал он. Пот покрыл его лоб, линию роста волос. Его зрачки были расширены, теперь вокруг них был только серебристый контур.

Он осмотрел комнату, дрейфуя и качая головой, и я снова схватила его за лицо. Джулиан вскинул руку, блокируя все мои попытки, прежде чем вскочить на ноги.

В отчаянии я схватила его за куртку, и он попятился назад.

— Джулиан, я знаю, что это был не ты. Я знаю тебя, и это был не ты. Все в порядке, позволь мне помочь тебе.

— Нет, Фэллон, ты не знаешь! Ты даже не представляешь. Не говори так. Не притворяйся, что знаешь меня, когда понятия не имеешь. Ты меня не знаешь! Пожалуйста! Отпусти меня!

— Нет! — воскликнула я, и это прозвучало бессмысленно и жалко. Он вырвался из моей хватки. Паника сокращала каждую ужасную секунду надвое с каждым шагом, который он делал к балкону. Я последовала за ним. Холодный ветер обрушился на меня со всех сторон, замораживая слезы на моих щеках. — Джулиан, остановись!

Но он не останавливался. Он даже не обернулся. Все, что я видела, это его затылок, когда он проскользнул на балкон и исчез в ночи.

Мое сердце бешено заколотилось, когда я выдвинула ящик и натянула пару шорт. Я стащила ключи с комода и не стала заморачиваться с обувью. Потерянная, я думала только о Джулиане. Я не могла позволить ему уйти вот так. Я не могла позволить ему оставаться с этим в одиночку.

Когда я ехала по улицам, холод был подобен льду на моей коже. Мои волосы хлестнули меня по лицу, и я прибавила газу, дрожа и сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев, по дороге в лес. Время было потеряно для меня, где-то между сумерками и рассветом — время, когда ночь напознала холодная и выходили странные существа. Но также и то время, когда мы с Джулианом могли гореть так ярко.

Уличные указатели, здания и деревья проплывали мимо меня, и прежде чем я осознала

это, я достигла начала леса. Я соскользнула со скутера, бросила его на землю и побежала к туннелю полной темноты, к Джулиану.

Мое дыхание отдавалось в ушах, а ноги двигались быстрее. Лес лишил меня одного чувства и обострил другие. Куда бы я ни повернулась, везде была чернота. Все, что я могла слышать, — это смесь моего дыхания, хлопанья крыльев и карканья воронов в ночи.

— Джулиан!

Я вскрикнула, когда ветер зашипел в голых ветвях дерева. Лес был фоном из ничего, и я вертела головой и поворачивалась всем телом при каждом звуке леса. Мое воображение начало бушевать ужасами, чтобы заполнить пустоту, поэтому я побежала быстрее, чтобы заполнить свои мысли им. — ДЖУЛИАН!

Я замедлила шаг и остановилась, побежденная, схватившись за ноющий бок, чтобы сделать глубокий вдох, но каждая попытка вызывала озноб, который только высушивал мои легкие. Мои ладони ударились о колени, когда я поднималась, мышцы болели, ступни были в крови. Мне казалось, что я могу потерять сознание в любой момент, но мне все же удалось взять себя в руки и выпрямить спину.

— Я не уйду, ты трус!

Я в отчаянии окликнул лес.

— Ты всегда убегаешь и прячешься. Хоть раз, не мог бы ты, черт возьми, собраться с духом и встретиться со мной лицом к лицу?!

Я сделала еще один глубокий вдох и убрала белые пряди волос, прилипшие к моим слезам.

— Эта тьма управляет тобой, я знаю это. Я действительно знаю тебя, Джулиан! Долгое время ты всегда был для меня загадкой, но я знаю тебя лучше, чем саму себя. Мы ничем не отличаемся!

Я сделала паузу, мое горло все еще саднило, а голос звучал резко, но я не сдавалась. После нескольких приступов кашля я прочистила горло и продолжила:

— Знаешь, почему тебе так нравится работать с автомобилями? Потому что приятно воплощать что-то в жизнь, когда ты окружен смертью, и если кто-то и может это понять, так это я!

Хриплый смех покинул меня, и я сдержала слезы.

— У тебя в душе эта песня, и она такая громкая, что я ее слышу. И я знаю, когда ты улыбаешься. Ты носишь маску и все равно наклоняешь голову набок, когда улыбаешься, потому что тебе кажется, что ты этого не заслуживаешь. Но ты заслуживаешь, Джулиан! Я знаю, когда ты о чем-то переживаешь, потому что ты постукиваешь этими дурацкими кольцами, которые носишь на бедре. И то, как ты так долго сдерживаешь все свои мысли, а потом выпаливаешь все сразу, на одном дыхании, с такой страстью. Мне нравится, когда ты это делаешь! Я знаю, что ты никогда не знаешь, как сказать правильно, но ты все равно говоришь, потому что веришь в это и придерживаешься этого, и тебе все равно, кого это оскорбляет. А в других случаях ты ничего не говоришь, потому что хочешь сказать все! Я знаю, что ты всегда стараешься поступать правильно, даже когда это кажется неправильным. И поскольку мы чувствуем себя правыми, когда все говорят, что это неправильно, это заставляет тебя подвергать сомнению все!

— Теперь я также знаю, как двигается твое тело. Твои мышцы подергиваются под кожей, чтобы бежать, бежать и бежать, потому что это единственный раз, когда ты чувствуешь, что снова контролируешь ситуацию. И я знаю, что ты кричишь, потому что это

единственное, что помогает тебе освободиться от того, что происходит внутри тебя, чего никто другой не может видеть! Ты верен всем, кроме себя. Но ты лидер, Джулиан. Ты можешь делать все, что захочешь... спасти свой ковен, снять это проклятие, что угодно! Если бы ты только перестал их слушать!

— И я знаю, что это был не ты там, и я также знаю, как это страшно, когда что-то держит тебя, потому что это то, что ты имеешь на меня!

Я кричала в темноту, мой голос медленно подводил меня. — Я знаю, что ты слышишь меня прямо сейчас! После всего, я все еще здесь, потому что люблю тебя, тупой придурок, и я никуда не уйду, — внезапное признание поразило меня. — Почему ты до сих пор этого не видишь?!

Холодный фронт выбил воздух из моих легких, когда я почувствовала его позади себя. И его дыхание было похоже на сердцебиение. Его шаги не были слышны, но его присутствие было таким громким и окружало меня сейчас. Я застыла на месте. Моя грудь сжалась, и я сжала кулаки по бокам, чтобы не развалиться на части.

— Джулиан, я—

— Ты ошиблась в одном, — сказал он, его голос был хриплым, а дыхание касалось моего затылка. — Крик — это не единственное, что заставляет меня чувствовать себя свободным.

Эмоции захлестнули меня. Я крепко зажмурилась.

Джулиан выдохнул, и его тело прижалось ко мне сзади. Его грудь была обнажена и теперь касалась моей спины, когда он убрал мои волосы в сторону.

— Мне так жаль, — сказал он мне, теребя ляжку моей майки и снимая ее с моего плеча. Он провел костяшками пальцев по моей руке.

— Ты любишь меня?

Кивнув, я сказала:

— Да, — и он вздохнул.

Не зарычал. Вздохнул. Как будто это было что-то трагическое, но неизбежное.

Он поцеловал меня в плечо, и его губы двинулись вверх по моей больной шее, где его рука когда-то душила меня, и я погрузилась в него.

Затем Джулиан что-то надел мне на глаза — свою маску, — заменив темноту своей собственной. Я замерла, полностью зависящая от него, но в то же время доверяющая ему. Он был повсюду, суровая и страстная сила тени. Каждое из моих чувств было поглощено им.

Палец Джулиана провел по линии моего подбородка, когда он наклонил мой подбородок в сторону, направляя мой рот к своему, все мое тело повернулось вместе с ним лицом к нему. И через раскрытие моих разбитых губ его язык скользнул и наполнил меня своим вкусом, когда он повел меня назад.

Моя спина ударилась о дерево, и он стянул с меня шорты и трусики. Я отбросила их в сторону, и по моей гудящей коже пробежала волна холодных волос. Джулиан подхватил меня за ноги, и они сжались вокруг его талии, когда он снова подарил мне свой рот. Стон вырвался откуда-то из глубины его тела и завибрировал на моем языке. Он был таким напряженным и распадающимся на части, как будто он был сделан из звездной пыли в моих руках. Как будто он был порождением ночного неба, бесконечного и значительного. О, как он был прекрасен в таком состоянии.

Итак, я поцеловала ночь, потерялась в его небе и застряла в его времени. Я также поцеловала темноту, как будто это было все, что я знала, потому что она была часть его.

Моя спина скользнула по грубой коре, когда он прижал мою голую и скользкую сердцевину к своему тугому животу. — Джулиан, — я вздрогнула, мое тело пульсировало от предвкушения его.

— Я знаю, — выдохнул он.

Все, что я могла видеть за этой маской на моих глазах, были его черные тени. Я схватила его сзади за шею, запустила ногти в его густые волосы, и из его груди вырвался стон. Он поцеловал меня в шею, саундтрек к тому, как он надевает штаны, отсчитывая секунды. Когда он выпустил свой член, он, не теряя времени, погрузился в меня.

— О, черт, Фэллон.

Он задышался и шептал мне на ухо, просовывая руки между моей задницей и деревом, хватаясь за нее и проникая глубже. Волна покалывания и тепла прокатилась от моего сердца до живота и заставила каждую клеточку крови ожить. — Ты права, нам так хорошо, — признался он, задыхаясь, и я откинула голову назад, прислонившись к дереву, когда он снова врезался в меня, зарываясь в себя.

Наши носы соприкоснулись, когда его рот нашел мой, и он прижал наши бедра друг к другу и глубоко прижался ко мне, сводя меня с ума.

Реальность из нас сейчас витает в воздухе.

Глава 33

Джулиан

Из «Бьюика-8» мои ноги приземлились на землю Гуди-Фармс, расположенной на северо-западном конце границы. Белый дом на плантации приютился между кукурузными полями и рядами яблонь, дикой голубики, клюквы и клубники, покрывавших площадь. Большая часть продуктов питания в городе поступала с фермерских хозяйств Гуди, что делало собственную семью Гуди Норс Вуд одной из самых богатых в Воющей Лошине. Хорошие фермы и Полые язычники были двумя вескими причинами, по которым Священное Море не смогло успешно захватить город.

Ночь была разгаре, и радужные серые облака лениво скользили по фазирующей луне. Вдалеке каркнула ворона, и Феникс бросил на меня понимающий взгляд из-за капота моей классической машины.

Черные птицы преследовали меня. Вороны, грачи, это уже не имело значения. Это было бесконечно, потому что Смерть не закончила свою резню. Их звуки всегда преследовали, всегда напоминали. Всегда держал меня на взводе и в курсе событий. Тьма могла поглотить меня в любой момент, но теперь я был сильнее, потому что мы с Фэллон были сильны.

Уиннифред, сестра Зефира, сыграла на пианино унылую мелодию, и ноты эхом отдались в пустом доме, доносясь через уже открытые парадные двери. Мы вдвоем прошли мимо нее, кивнув в знак приветствия. Уиннифред была разносторонней, с пшенично-светлыми волосами и раскосыми глазами. Ее пальцы не отрывались от клавиш пианино, когда одна сторона ее рта приподнялась, а пухлые груди были сжаты вместе и приподняты корсетом. Лунный свет струился из окна от пола до потолка, отбрасывая луч белого света на рояль.

Мои глаза поднялись к небу, затем вперед, остановившись на спине Феникса, когда он шел через гостиную к задней части дома. Нервы трепетали при каждом нашем шаге, пока мы не достигли резных деревянных дверей комнаты, в которую я не входил с тех пор, как потерял брата и отца.

Когда мы вошли, Зеф и Бэк уже присутствовали, а также Кларенс Гуди и Пьянчуга Эрл.

Последний из Полых Язычников заполнил эту комнату. Мой взгляд скользил от Бэка к Зефиру и Фениксу, в поисках ответов, но не находя ни одного.

— Присаживайтесь, — объявил Кларенс Гуди, указывая на три пустых стула, окружающих священный языческий стол.

Каждый стул был изготовлен Уайлдами вручную, на дереве было вырезано имя нашей семьи, а под ним выгравирован соответствующий символ элемента. Две из пяти свечей мерцали на центральном столе, рядом с ними лежал коробок спичек.

Феникс провел рукой по свече, и вспыхнуло пламя. Прежде чем сесть, я сделал то же самое, мой взгляд задержался на стуле Дэнверса с символом элемента земли под ним. Перевернутый треугольник, прямая линия поперек. Единственная незажженная свеча распространяла пустоту, которая длилась более века.

Ястребиный взгляд Феникса метнулся по комнате, когда он последовал его примеру, опускаясь в кресло, на котором когда-то сидел его отец, то самое кресло, которое когда-то построил его дальний родственник.

Он нарушил молчание.

— Что здесь делает Пьяный Эрл?

Лицо Эрла закрывала запачканная бандана, его седые волосы торчали во все стороны, как будто он засунул палец в розетку. Запястье Эрла свободно свисало с подлокотника деревянного кресла, сжимая бокал с дорогим бренди. Самодовольная улыбка появилась на его лице.

Локти Бэка уперлись в колени, большие пальцы под подбородком, его нетерпеливое колено подпрыгивало рядом с коленом отца. Зеф казался расслабленным, чувствуя себя как дома, несмотря на весь этот дискомфорт.

— Эрл — полый язычник, он заслуживает того, чтобы с ним обращались как с таковым, — ответил Кларенс Гуди, его прямые белые волосы скрывали маску.

— Эрл — пустая трата магии, — прошипел Феникс.

Пьяный Эрл помахал рукой перед собой.

— Продолжайте, просто притворитесь, что меня здесь нет.

— Как ты думаешь, чем я занимался двадцать лет?

Феникс Уайлдс. Всегда был защитником малыша Бэка.

Бэк сунул сигарету в рот, наклонился вперед и схватил со стола коробок спичек.

— Что мы здесь делаем? — спросил я, желая вернуться к Фэллон, в мастерскую, куда угодно, только не в это место.

Эта маленькая, невыносимая комната была моим мучением — напоминанием о том, как я был вынужден слушать, как Джон, Кларенс и Агата сговариваются отказаться от папы вместо меня ради общего блага. Это было как раз перед тем, как они отвезли папу на утесы и запихнули его в Плетеного Человека. Время до того, как они подожгли его тело. Где угодно, только не здесь...

Ярко-зеленые глаза сияли из-за белой маски мима Кларенса.

— Как успехи? — спросил он, и его голос, похожий на бас, заполнил даже щели в комнате, все уголки и щели.

Бэк начал говорить, но я вмешался:

— В каком смысле?

— С разрушением проклятия, — ответил он, и я бросил взгляд на Зефа и обратно на его отца. — Когда в палатах пропали книги, меня допросили. Не держи меня за дурака. Ты

думаешь, что ты первый язычник, который ворвался в зал за ответами?

— Успеха мы не достигли, — процедил я сквозь стиснутые зубы, ненавидя то, что он знал. Ненависть к тому, что кто-то в Ордене может угрожать нам этим. Даже если это означало рисковать Зефиром, его собственным сыном.

Кларенс кивнул.

— Я не видел этого, пока они не вызвали тебя и не приказали тебе держаться подальше от дочери Тобиаса Моргана. Я не знаю, что они задумали, но я не собираюсь оставаться на два шага позади. Пришло время поставить ковен выше города, как это делает Священное Море с тех пор, как баланс изменился. И он изменилась.

— Я согласен, — сказал Феникс, и я почувствовал облегчение в его голосе. Возможно, он испытал облегчение от того, что Кларенс тоже мог участвовать в этом, снимая проклятие. Он мог быть на нашей стороне, но я все равно не мог ему доверять.

— О, хорошо. Сын огня, — Кларенс скрестил ноги, став только тоньше, и откинулся назад. — Ты самый старший, Феникс, и ты все еще не выбрал себе пару из ковена. Может быть, мы обсудим причину этого?

— Не нашел никого, кого стоило бы выбирать, — огрызнулся он, и мое внимание переключилось на него. Глаза Феникса засветились неоново-желтым оттенком, и я сразу понял, что он лжёт. Священное место, где предательство и измена не приветствовались.

Феникс опустил глаза, и Гуди поставил свой стакан на боковой столик.

— Двадцать семь лет назад я сидел за этим самым столом, когда твой дед рассказывал о важности продолжения каждой родословной. Мне было шестнадцать, Феникс. Тебе почти двадцать восемь. Джулиан и Зефир, вы двое не отстаёте от него. Не успеете оглянуться, как я уйду в отставку, но я не могу быть спокоен, зная, что в этом ковене нет верховной жрицы и нет серьезных планов на продолжение. Это худшее, что мы пережили почти за двести лет. Чего вы ждёте? Почему ни у кого из вас до сих пор не было сына?

Зеф сел.

— Когда тебя заставляют...

— Расслабься. Я не заставляю тебя, Зефир. Не сейчас, — прервал его Кларенс, затем снова обратил свое внимание на Феникса. — И не говори мне, что ты ждешь, чтобы снять проклятие, потому что каждый язычник до тебя пытался, и каждый язычник потерпел неудачу. Единственная уверенность, которая у нас есть, — это убедиться, что вы передаете свой магический элемент.

Он скользнул взглядом по Пьяному Эрлу, когда добавил:

— И желательно не с чужаками. Вы четверо — это то, что связывает ковен. У вас много людей, зависящих от вашей магии.

— У нас есть время до тридцати лет, — объявил я.

— Моя дочь понимает, каково это — быть язычником, — сказал Кларенс.

Феникс поморщился от этого намека.

— Уиннифред? Ты, должно быть, шутишь.

— Осторожно, — предупредил Зеф.

Взгляд Феникса метнулся от Зефа обратно к Кларенсу, и он глубоко вздохнул. — . Послушайте, мистер Гуди, красота никогда не была проблемой, когда дело касалось Уиннифред. Любой может увидеть, какие хорошие гены ваша жена передала вашей дочери. Но у меня есть два года. Если я не смогу снять это проклятие через два года, я передам свою огненную сперму. Но до тех пор, и при всем моем уважении, я не хочу больше слышать об

этом ни слова.

— Они считают нас слабыми, — сухо ответил Кларенс. — Изменения должны начаться сейчас.

Феникс склонил голову набок, глядя на меня с недоверием в глазах, и его каштановые волосы рассыпались, концы упали на подбородок. Он перевел свои широко раскрытые глаза на Кларенса.

— У меня есть время, пока мне не исполнится тридцать. Я беру то время, которое мне причитается.

— Значит, ты даешь мне слово? — возразил Кларенс. — Два года, и ты выберешь мою дочь, Уиннифред?

Мышцы Феникса напряглись. Его горящие глаза сузились. Мой взгляд скользнул по комнате. Все ждали того же, что и я, но никто не знал, что он скажет.

Феникс Уайлдс был джокером, непредсказуемым и экспрессивным. Подумай о том, что ты собираешься сказать, прежде чем говорить это, подумал я.

— Да, — согласился он, но в его словах сквозили неуверенность и сомнение. Я закрыл глаза. Феникс всегда держал свое однажды данное слово. — Ради ковена, я даю тебе свое слово.

— Видишь, теперь мы кое-чего достигли. Итак, Джулиан, — обратился он ко мне, и я отвел взгляд от Феникса. Пожалуйста, не спрашивай меня о Фэллон. Я не смог бы солгать, если бы он это сделал, не здесь.

— Твоя тeneвая кровь унесла шесть жизней, Блэквелл. Шесть!

— Их было не шесть.

По правде говоря, я не мог вспомнить наверняка.

— Максимум пять.

Я не понимал, пока Джон не нашел Ривер, насколько я сошел с ума. Затем то, что случилось с Фэллон, толкнуло меня за черту. Их кровь была на моих руках, каждая смерть терзала мою совесть. Это был порочный круг, и только Фэллон могла вытащить меня из него, но я не мог зависеть только от нее.

Кларенс Гуди приподнял бровь.

— Бет Клейтон?

— Губы Бет Клейтон были зашиты иглой с ниткой. Ты когда-нибудь видел, как я отключаюсь, разгуливая с набором для шитья?

Я откинулся на спинку стула, вцепившись в подлокотники по бокам.

— Это не мог быть я, — сказал я сердито. И затем, спустя долгое, безмолвное мгновение: — Возможно ли это?

— Ковен получил подтверждение, что это был ты, — заявил он. — Независимо от доказательств, они обвинят вас в быстро уменьшающемся количестве этих жителей из-за твоей тeneвой крови и того, что случилось с Джавино. Если так будет продолжаться, у Ордена не будет другого выбора, кроме как сжечь тебя в Плетеном Человеке, а у тебя еще не родился сын.

Паника охватила меня целиком.

— Твоя тeneвая кровь вышла из-под контроля, и именно поэтому я пришел к выводу, что к Полнолунию Холодной Луны, если ничего не изменится, я попытаюсь изгнать тебя.

Казалось, из комнаты высосали весь кислород.

Я был парализован, когда Бэк и Феникс вскочили на ноги, защищая меня.

Их слова разлетелись по комнате, когда пьяный Эрл со своего безопасного места разразился хохотом.

— Ты не можешь этого сделать, — раздался рядом со мной голос Феникса. — Он упадет в кататонию! Он будет никем.

— Это если он не умрет, — пробормотал Зеф, затем отпил из своего стакана.

— Он не умрет, — Кларенс оторвал свои глаза от моих, прерывая наш пристальный взгляд. — Он может впасть в кататонию, но он все равно будет воплощать магию духа. Мы введем его в коматозное состояние. Это будет единственный способ контролировать его во время изгнания, а также сдерживать его сперму.

— Ты больной сукин сын! — закричал я, ударив кулаком по священному столу. — В течение двадцати шести лет я преклонялся перед этим ковром. Я отказался от своей жизни, отношений, своей морали, своей свободы, своей мужественности. А теперь ты забираешь мою душу? Ты, блядь, издеваешься надо мной, Кларенс?

Я недоверчиво выдохнул, не в силах поверить в абсурдность этого.

— Ты сошел с ума, черт возьми. Так не должно быть!

— Я твой верховный жрец, помни, где ты находишься и с кем говоришь! Ты всего лишь орудие в руках ковена, или ты забыл об этом?

Голос Кларенса дрогнул.

— Ты убил шесть человек! Я должен был сам отвезти тебя в норвежские палаты после Джури Смита. Мир природы присматривал за тобой, но недолго. Я предупреждаю тебя заранее, Блэквелл! Ты заберешь еще одну жизнь, и ковен примет меры.

— Я не позволю этому случиться, — заверил Феникс, затем повернулся к Кларенсу. — Ковен никогда не согласится на это. Агата никогда не согласится. Мы должны помогать ему, а не сажать его в тюрьму! Подумайте о том, сколько жизней он спас!

— Эта встреча окончена, — заявил Зефир, и порыв его ветра пронесся по комнате. Свечи замерцали.

— Я не закончил, — от голоса Кларенса завибрировали стены. Мы вчетвером стояли, возвышаясь над Священным круглым столом, и смотрели на Кларенса сверху вниз. — Прюитты устраивают свой ежегодный бал во время Самайна, и у меня такое чувство, что он прячет пропавшие книги. Я сам говорил с Прюиттом. Он согласился позволить вам четверым быть барменами на этом мероприятии. У тебя есть свой путь внутрь. Но это зависит от всех вас, чтобы вернуть пропавшие книги.

Когда я подумал, что эта встреча может стать еще хуже, она стала. Я давным-давно потерял всякое доверие и уважение к Кларенсу, и все же он продолжал меня удивлять. Прюитт может быть самодовольным придурком, но он и Виола Кантини всего лишь следовали желаниям отца Фэллон. Я знал, к чему это приведет, и потребовалось бы нечто большее, чем просто чувство, чтобы убедить меня войти в дом Прюиттов и поискать книги. Этот план — если его можно так назвать — отличался от взлома палат. Это был чей-то дом.

— Почему ты так уверен, что пропавшие книги у Прюитта?

— Ты забываешь, что я тоже язычник. Очень древний язычник. Моя магия, возможно, со временем и померкла, но я все еще слышу шепот ветра.

Он перевел взгляд на Зефира, затем снова на меня, как будто Кларенс не мог смотреть на своего сына. У меня не было никаких сомнений, что Кларенс никогда бы не передал свою воздушную стихию, если бы его не заставили это сделать, эгоистично сохраняя ее до самой смерти.

— Книги находятся в Священной морской комнате под домом.

— Позволь мне перефразировать, попытаться понять это. Ты хочешь, чтобы мы ворвались в покои Священного Моря? Нас всех четверых могут казнить, — повторил я, потрясённый тем, что он приказывает нам это.

Я не удивился, что Кларенс так же отчаянно, как и мы, хотел снять проклятие, но рисковать язычниками? Единственные, кто держал ковен вместе? Неужели он сошел с ума?

— Я говорил тебе, что в этом ковене должны произойти перемены. Разрушение этого проклятия должно произойти, так что не попадайтесь, — сказал он и отпил из своего бокала.

— Начинайте готовиться. Я увижу вас четверых на ритуале Самайн. А теперь вы свободны.

Свечи мерцали, пока пламя не поглотил теплый ветер.

И тьма обрушилась на нас, внутри нас.

Глава 34

Джулиан

Однажды я прочитал, что у женщин в генах есть нечто, что позволяет мужчине сломаться и раскрыть свои чувства, не ставя при этом под угрозу его мужественность. Полагаю, именно поэтому я оказался на балконе Фэллон, обезумевший и не в себе, нуждаясь в том же комфорте и покое, которые она всегда могла дать. Ибо Фэллон Гримальди стала моим надежным убежищем.

Встреча с Кларенсом и язычниками напомнила мне, что я был не более чем объектом или оружием, в зависимости от того, каким они хотели меня видеть и считали нужным в то время. Носитель магии.

Я был верен своему ковену. Я не мог вспомнить, в какой момент все изменилось, потому что казалось, что он прогнал насквозь. Возможно, так было всегда, и я был слепым дураком, или это началось с того момента, когда папа прошел Зеленую Миллю, спасая мое имя.

Я не знал, и на мгновение я подумал, что это пойдет на пользу городу и язычникам, если ковен действительно падет. Но только на мгновение. Потому что, несмотря ни на что, они были моей семьей.

— Тебя что-то беспокоит, — заметила Фэллон. Я лежал на спине на ее кровати, когда она оседлала мою талию, ее белые волосы закрывали мое лицо, попадали мне в глаза, но я не возражал.

— Тебе не о чем беспокоиться.

Ей не нужно было знать, что Кларенс угрожал мне. И если он узнает о Ривер Харрисон для меня все может быть кончено. Мои дни могут быть сочтены, и я бы предпочел провести их с Фэллон. Мне нужно было, чтобы она отвлекла мой разум. Мне нужно было сменить тему.

— Вы были близки с Тобиасом? Он когда-нибудь предупреждал тебя о чем-нибудь? Говорил с тобой о городе, о нас или о чем-нибудь странном?

Чем больше у меня будет информации, тем лучше. Ее отец лишил ее выбора, и я должен был знать почему. Было ли это исключительно для того, чтобы защитить ее от монстров Воющей Лощины, или он знал что-то, чего не знал я?

— Нет, мы почти не разговаривали. Он редко говорил о моей маме, не говоря уже о городе, — сказала Фэллон, отстраняясь от меня и садясь прямо. — Почему ты спрашиваешь

меня о моем отце?

Я убрал руки из-под голову и обхватил пальцами ее запястье, притягивая ее обратно к себе. — Твой отец просил защиты у Священного Моря. Я хочу знать почему, — сказал я ей, и ее волосы снова упали мне на лицо. Мне нравилось, когда она сидела на мне, ее легкость касалась всего меня, как будто это могло исправить меня.

— Ну, я получила письмо, отправленное мне еще в Техасе. Вот почему я приехала сразу сюда, но дедушка сказал, что он никогда не отправлял его, — объяснила она, ее палец лениво рисовал круги над моим виском, а выражение ее лица стало отстраненным, вспоминая. — Знаешь, мы вели переписку так около года. Потом я получила последнее письмо, и мне следовало бы знать, что оно не его. Но когда я прочитала, как он был болен, я просто собрала свои вещи и запрыгнула в машину. Я даже не стала обдумывать.

— Откуда ты знаешь, что письмо было не от него?

— Он сам мне сказал. Ты бы видел выражение его лица. Это напугало меня. И ты знаешь, что меня нелегко напугать, но, Джулиан, он выглядел как... Я не знаю, как будто все, чего он так боялся, смотрело на него в ответ. Он не разговаривал со мной несколько дней. Если подумать, его здоровье действительно пошатнулось после того, как я показала ему письмо. И я знаю, это звучит безумно, но мои мысли крутятся по спирали, всегда предполагая худшее. Тем не менее, я не могу не думать, что дедушка просто сдался, значит, и его тело тоже сдалось.

Она сделала паузу и опустила глаза.

— Как будто он знал, что со мной случится что-то плохое, что он ничего не мог сделать, чтобы остановить это, и он хотел умереть раньше меня. Или, может быть, это все у меня в голове.

Моя грудь сжалась.

— Дай мне посмотреть.

Ясные глаза Фэллон встретились с моими.

— Посмотреть что?

— Это письмо. Покажи его мне.

Моя рука упала с ее бедра, когда она повернулась и свесилась с края кровати, задрав попку в воздух, пока она что-то искала. Мой взгляд скользнул по ее маленькой круглой попке, маленькому промежутку между бедер. Я никогда ни с кем не испытывал такой близости, как с Фэллон. Прежде это всегда казалось вынужденным и неестественным, и мне было стыдно делать это, потому что мне казалось, что я навязываю себя женщине, хотя это меня заставляли.

Но с Фэллон это было освобождение, причина, по которой я никогда не мог отстраниться от нее в последнюю секунду, как это было со всеми остальными до нее. Фэллон добровольно отдалась мне. Фэллон доверяла мне. Фэллон двигалась вместе со мной. Она никогда не заботилась о моей магии, никогда не просила меня ни о чем, кроме как быть с ней искренним.

— Вот оно.

Ее рука поднялась с края кровати с письмом между пальцами. Я сел, прислонившись к изголовью кровати, и она подползла ко мне, протянув мне письмо, прежде чем скрестить ноги рядом со мной.

Несколько мгновений прошло в полной тишине, пока я просматривал письмо, чувствуя тяжесть ее взгляда, зажатого ногтем между зубами.

— Бенни всегда писал гусиным пером и чернилами?

— Что? — спросила она, все еще держа палец между зубами.

— Это письмо, — я перевернул его, — оно было написано пером.

Мои глаза встретились с ее глазами, и Фэллон неловко пожала плечами. Всякий раз, когда я получал приглашение в Палаты Ордена или какую-либо корреспонденцию, это всегда было с гусиным пером и чернилами. Но я не узнал почерк.

— У тебя есть конверт?

— Нет, — ее плечи опустились, — Нет, у меня нет.

— Я хочу, чтобы ты хорошенько подумала, Фэллон. Была ли на конверте какая-нибудь печать? Как восковая печать с символом скандинавского леса? Звезда внутри круга?

— Нет, я знаю символ, о котором ты говоришь. Я бы это запомнила.

Я сложил письмо в идеальный квадрат.

— Я оставлю это себе, — сказал я ей, наклоняясь в сторону, чтобы засунуть его в задний карман.

Я не знал никого другого в Воющей Лощине, кто писал бы гусиным пером и чернилами. Оно должно было быть из Ордена, и если бы это было так, я имел полное право спросить Прюитта о том, почему кто-то заманил Фэллон обратно домой, зная, что ее отец никогда не хотел, чтобы она возвращалась.

Однако противостоять им без веских доказательств может иметь неприятные последствия или привлечь внимание к Фэллон. На данный момент единственным вариантом было придерживаться плана по краже книг из Священного Моря, посмотреть, есть ли там ответы, которые мне нужны. Это был серьезный риск... но я и так тонул, могу потопить и Орден с собой.

— У тебя и так столько всего происходит. Это моя проблема, а не твоя, — настаивала Фэллон.

Я положил руку на ее покрытое синяками и багровое горло, не думая, но Фэллон не дрогнула. Она склонила голову набок, вытягивая шею и предлагая себя мне, и я наблюдал за ней, как она закрыла глаза от моего прикосновения, когда моя ладонь скользнула вверх по ее шее.

Небольшая реакция с ее стороны заставила мой рот приоткрыться под маской, слова вырвались из моей груди, но так и не попали в воздух между нами. Я душил ее всего несколько ночей назад, и ее доверие ко мне было безоговорочным. В тот момент я чуть не сказал ей, что люблю ее, и внезапная мысль заставила мое сердце расколоться.

Я не мог любить ее, поэтому вместо этого я сжал губы и провел большим пальцем по ее острой линии подбородка.

— Пожалуйста, это отвлечет меня от моей трагической жизни.

— Есть кое-что еще...

Я приподнял бровь.

— Что?

— Я буду звучать безумно, — начала она, качая головой и опустив глаза.

Я приподнял ее подбородок.

— Скажи мне.

— Помнишь Бет Клейтон?

Я сглотнул.

— Да, — сказал я, и мой голос дрогнул. Я прочистил горло. — Да, а что насчет нее?

— Я не могу перестать думать, что кто-то принял ее за меня. Как будто они убили не ту девушку. Она единственная девушка, которую я знаю во всей Воющей Лощине, у которой такой же цвет волос, как у меня. Того же роста, что и я. То же телосложение, все такое же. Что, если тот, кто убил ее, принял ее за меня?

Мои пальцы отпустили ее. Возможность того, что моя тeneвая кровь снова попытается убить Фэллон, затуманила мою голову, сжала мое сердце. Смогу ли я когда-нибудь держать это под контролем? Было ли все это сумасшедшим совпадением?

Мои глаза метались между ее глазами, желая верить, что я никогда не смогу причинить ей боль, но однажды я уже сделал это. Что не говорит о том, что я не стал бы пытаться снова и, что еще хуже, преуспел бы?

В глазах Фэллон была мольба, она просила меня поверить в ее мысли и в то, что она не одинока в них. У нее были такие глаза, которые говорили, что я не имею к этому никакого отношения, и это почему-то заставило меня почувствовать себя предателем.

— Я верю тебе, — сказал я ей, затем на мгновение отвел взгляд, прежде чем снова посмотреть ей в глаза, не в силах лгать ей.

— Но что, если я убил Бет Клейтон? Такая возможность не слишком притянута за уши, учитывая...

— Нет, — Фэллон покачала головой, наклоняясь ближе и хватая меня за руку. — Я знаю, о чем ты думаешь, не надо. Ты не прислал мне письма, так что это не мог быть ты. Это нелепо... — Она сделала паузу, затем добавила: — Кто-то другой пытался заманить меня сюда. Это сделал кто-то другой.

Кларенс подтвердил, что это я убил Бет Клейтон, но у меня было чувство, что я ничего не мог сказать, чтобы убедить Фэллон в обратном. — Ты слишком сильно веришь в меня, когда не должна.

Мы долго смотрели друг на друга, потом:

— Она приходила ко мне, знаешь, — она придвинулась ближе ко мне и уперлась коленом в мой бок, — Ее призрак приходил. Она пыталась мне что-то сказать, но не смогла, потому что ее губы были зашиты.

— Кто бы ни убил ее, он знает, что ты можешь видеть призраков, — заключил я, пытаюсь вспомнить об этом инциденте в поисках ответов. Почему я не мог вспомнить?

— Я тоже об этом подумала, — прошептала она, глядя на меня, но на самом деле не глядя на меня. За этими глазами ее мысли были где-то в другом месте.

— Не делай вид, что тебе сейчас страшно, Фэллон Гримальди, — сказал я ей. — Ты ничего не боишься, помнишь?

— Ты знаешь, что это неправда.

— И ты знаешь, что я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, верно?

Слова вырвались так быстро и легко, но я имел в виду именно их.

— Все это слишком много. Ты уверен, что это то, к чему ты готов?

Мои брови сошлись вместе.

— Я спрыгнул со скалы. На данный момент я практически готов ко всему, — сказал я сквозь смех, затем опустился на ее кровать со своей стороны, потянув ее за собой, решив сменить тему. — А теперь расскажи мне что-нибудь реальное.

Это была наша игра, и обычно она рассказывала мне о событиях из внешнего мира, что подтверждало, что я не пропустил ничего захватывающего.

Кончиком пальца она провела воображаемые линии по моей груди и животу, соединяя

точки трех моих родинок. Мой пресс напрягся. — Я действительно хочу, чтобы ты рассказал мне историю, — прошептала она.

— История.

Я рассмеялся. И от меня она всегда хотела услышать истории, как реальные, так и вымышленные. Легенды, сказки и истории о моем детстве. — Хорошо, — сказал я, закрывая глаза, и на ум пришло одно, что может успокоить ее. — Когда я был мальчиком, до того, как родились Джонни и Джоли, и был только я, Агата каждый вечер готовила мне лунное молоко. Я тоже не очень хорошо спал, никогда не спал, как все остальные, так, как следовало бы. И даже после того, как я засыпал, я просыпался после часа колдовства и бродил во сне по лесу, как будто я был на охоте за чем-то, всегда искал и искал. Агата всегда шутила, что я родился из чрева леса только с половиной души. На самом деле я этого не понимал, но ночи, когда она готовила лунное молоко, были самыми тихими. Те, в которых я спал, не просыпаясь. Она готовила мне лунное молоко с ромашкой, свежей клубникой и посыпанными лепестками красных цветов, какао с лавандой и немного с крекером грэм и маршмеллоу. Но моим любимым было голубое лунное молоко Маджик. Корица, кленовый сироп и ваниль...

— Я сделал паузу, запустил руку в ее волосы. — Однажды мне придется приготовить это для тебя.

Фэллон кивнула, улыбаясь.

— Мне бы этого хотелось.

На этот раз я не склонил голову набок, когда моя улыбка появилась под маской. Возможно, я заслужил это. — Итак, после рождения Джоли, мне тогда было около десяти лет, ей было трудно спать, она плакала всю ночь напролет. Я помню, как просыпался, чтобы приготовить ей лунное молоко, чтобы моя мама могла отдохнуть, но напиток никогда не действовал на Джоли. Затем с Джонни я делал то же самое, и все равно это им ничего не дало. Однажды я спросил Агату об этом, почему молоко помогало только мне. Она сказала, что рецепты лунного молока были получены от Одинокой Луны из Воющей Лощины и предназначались только для первенца Блэквелла, чтобы дать ему покой во время беспокойных ночей. И я никогда этого не понимал, по крайней мере, несколько месяцев назад, я полагаю.

— Почему это? Почему всего несколько месяцев назад?

— Потому что Одинокой Луной была Фрейя Гримальди. Твоя мать.

Фэллон

«Харрисоны ищут любую информацию, которая могла бы помочь в поиске пропавшей восемнадцатилетней Ривер Харрисон. Если вы что-нибудь знаете, отправляйтесь к офицеру Стокеру, — он сделал паузу, набрал воздуха, — В других новостях, до Самайна осталось две недели, ведьмы. Я надеюсь, вы запасаетесь конфетами для маленьких жителей равнин и дорабатываете планы относительно того, где вы будете праздновать. Кто знает, я могу бы быть прямо рядом с вами, и вы бы даже не поняли этого. Жутковато, правда? Это Скорбящий Фредди с вашими Дейли Холлоу в субботу утром. Берегите себя и помните, что никто не в безопасности после трёх часов ночи. Оуууууу, — взвыл Фредди.

Листовка, приколота к Буку на городской площади, развевалась на утреннем ветру, слоган «Ты меня видел?» было напечатано поверх черно-белой фотографии Ривер Харрисон.

В воздухе повеяло холодом. Не путающий зимний холод, а просто укус мороза, чтобы предупредить нас. Над Городской площадью нависли тучи, лишь проблески солнца

пробивались сквозь тонкий слой серых облаков, как витражное окно. Большинство деревьев стояли голыми, украшая тротуары своей алой и золотой красотой. Как получилось, что сезон смерти был таким заманчивым? Я была убеждена, что моя душа жила в призрачной осени.

Киони и я прогуливались по тыквенному участку, пока в воздухе витали пироги и печенья, все были в шерстяных пальто и плотно прилегающих шляпах, закрывающих уши. Листья осыпались с усталых ветвей упрямых ветвей. Каждый лепесток падал так, как будто его сорвала невидимая рука, осенняя версия снежного шара.

— Вот эта, — заявила Киони, стоя перед самой большой тыквой на участке, скрестив руки на груди, с ее пальцев свисал стаканчик, наполненный «Порочным Желанием смерти». Я подтащила тележку поближе к ней и перевела взгляд с тыквы на ее кленовые глаза, на повозку, а затем снова на нее. Она пожалала плечами, изучая тыкву.

— Нам понадобится тележка побольше.

— Нам нужна тыква поменьше. Или вилочный погрузчик.

Я прищурила один глаз.

— Может быть, даже кран.

— Нет, — она тряхнула черными лентами в волосах, поставила свой кофе на стол, — я отказываюсь оставлять это для Гуди. Уиннифред всегда выигрывает. В этом году выиграю я. Давай, помоги мне.

Киони раздвинула ноги, наклонилась в сапогах до колен, чтобы ухватиться за основание тыквы. Когда я не пошевелилась, ее отчаянные глаза встретились с моими.

— Пожалуйста, одна я не смогу.

— Какой приз? — спросила я, опуская ручку тележки и переходя на противоположную сторону.

— Годовой... запас... — она тяжело вздохнула, когда мы попытались поднять ее с деревянного ящика, — горячих пирожков Мины.

Она застонала, прежде чем тыква соскользнула, и мы обе упали обратно на задницы. — Что может быть в этой штуке, мертвое тело?

— Тело Ривер — заявил голос, раздавшийся позади нас. Кейн подошел, и я посмотрела на него, когда он протянул руку, чтобы помочь мне подняться. Я не взяла ее.

— Вы только посмотрите на это, у Фэллон появилась новая подружка, и внезапно она перестала с нами дружить.

Он убрал руку, сцепив руки за спиной и глядя на меня сверху вниз, когда рядом с ним появились Маверик и Сайрус.

— Она забила тебе голову всякой чепухой о нас?

Листья захрустели и зашуршали под моими ботинками, когда я поднялась на ноги, заправляя волосы за уши, когда Киони уселась на верхушку гигантской тыквы. — Да, Кейн, потому что вы трое такие интересные. Пожалуйста, продолжайте, она махнула рукой в приглашающем жесте, — мне нужно больше материала для второй половины дня.

Кейн улыбнулся, плотно сжав губы.

— Я вижу, жизнь на Гуди-фармс испортила тебе настроение. Почему бы тебе и твоей маме не пожить у меня немного? У меня есть место для вас обеих, — сказал он, разводя руки в стороны.

— Я даже удостоверюсь, что ты созрела, прежде чем отвезти тебя обратно на ферму.

Маверик рассмеялся, а Сайрус молча стоял с надежной осанкой.

— Ты отвратителен... — начала Киони, когда голос Кейна заглушил ее, — О,

успокойся. Я только хочу вернуть свою девочку.

Он посмотрел на меня.

— Это твой последний шанс, Фэллон. Приходи сегодня вечером в Кресент-Бич. Твой ковен будет ждать тебя там.

Я не смогла вовремя придумать что-нибудь блестящее, чтобы сказать, прежде чем они ушли не оставив и следа, кроме моего разгневанного сердца.

Напряженная тишина повисла в воздухе, пока мы смотрели им в спину.

— Мудак, — прошептала я.

Киони искоса посмотрела на меня.

— Теперь ты заговорила?

Колеса тележки сотрясались из-за велосипеда Киони, когда мы ехали по протоптанной тропинке вверх по обсаженной ивами грунтовой дороге к ее хижине, ее толстая тыква замедляла ход. Я меньше благоговела перед туннелем осенних красок и больше беспокоилась за Киони, поскольку ее дыхание стало резким и неровным, как каменистая тропа.

— Гуди-фармс? — спросила я, катаясь рядом с ней на своем скутере, пока она с трудом взбиралась на холм.

— Он сказал, что ты живешь на Гуди-фармс? Типа фермы Кларенса и Зефира Гуди?

— Ну что ж... здесь... нет... других... Гуди, — выдохнула она сквозь напряженные вдохи.

— Давай поменяемся, — предложила я, чувствуя себя ужасно, хотя именно она была полна решимости получить именно эту тыкву, потому что она была единственной.

Киони покачала головой, мое предложение помочь только придало ей импульс для решительного продвижения вперед. — Я справлюсь.

— Ты общаешься с ними?

Мы достигли плато, и плечи Киони с облегчением опустились.

— Не совсем, нет.

Она сдула с лица непослушный черный локон.

— Уиннифред больше всего общается со мной, или, по правде говоря, сама с собой.

«Киони, разве это платье не прекрасно? Так и есть, да».

«О, Киони, принеси мне графин воды».

«Киони, шелк цвета слоновой кости или кружево? Ах, кружево, подойдет», — передразнила Киони легким и игривым голосом, несомненно, чуждым ее устам.

— Они оставляют ежедневное расписание вывешенным в коридоре, так что мне не нужно с ними разговаривать. Для кого-то другого, я уверена, это покажется неловкой ситуацией, но так было всегда.

Холмистая местность простирались на многие мили вокруг нас. Мы бродили по кукурузным полям, проезжая мимо пугала, привязанного к деревянным доскам в форме креста. Ворона уселась на соломенную шляпу, хлопая крыльями и каркая в мрачное послеполуденное небо. Справа от нас ряды яблонь вели к белому дому на плантации вдалеке, и мы шли вдоль границы участка, пока не добрались до небольшого коттеджа, спрятанного внутри холма.

Мой скутер остановился как раз в тот момент, когда Киони спустила ногу с бананового сиденья своего велосипеда и протиснулась в ворота высотой не более трех футов, прикрепленные к деревянному забору. Фасад коттеджа покрывал зеленый мох, очерчивая

два маленьких окна и изогнутую деревянную дверь. Нечто очаровательное, что можно найти только в сборнике рассказов. Когда я стояла рядом со скутером, мой рот открылся от благоговения.

— Я выйду через секунду, — крикнула Киони, проходя мимо черного котелка, висящего над незажженным очагом, к своей входной двери.

Минуты проходили в жуткой тишине, пока я ждала, и когда Киони вернулась, у нее на руке висела хлопчатобумажная сумка, а в каждой руке было по стакану.

— Моя биби передает привет.

Она улыбнулась, направляясь ко мне по каменной дорожке.

— Она приготовила яблочный сидр с пряностями. Говорит, что без этого ты не сможешь вырезать тыкву.

— Я думаю, твоя бабушка ненавидит меня, — призналась я, думая о том времени, когда она выгнала меня из своего магазина после очень туманного, но жестокого экстрасенсорного чтения. То же самое чтение, которое заставило меня прыгнуть с морского утеса.

Киони рассмеялась. — Она очень увлечена своей работой и становится напряженной, когда эмоциональна. Если она была драматична, это только значит, что ей не все равно.

Она прошла мимо ворот и попросила меня достать одеяло из ее сумки и расстелить его.

— Мы вырежем ее прямо на тележке. У меня такое чувство, что если нам удастся снять зверя, мы не сможем поставить его обратно.

Я согласилась, расстелив одеяло перед тележкой, прежде чем взять стакан из ее рук.

— Здесь только ты и твоя бабушка?

— Нет, моя мама тоже здесь. Не прямо сейчас, но, скорее всего, все еще работает у Гуди.

— Значит, вы обе работаете на них?

Мое лицо скривилось, обнаружив, что я слишком любопытна, но вопросы всегда слетали с моих губ, не подумав сначала.

— Извини, я не хотела быть такой навязчивой.

— Фэллон, все в порядке, — настаивала она. — Я знаю, это кажется странным — жить здесь наедине с семьей Гуди, но на самом деле они живут с нами. Мои предки были здесь первыми, прежде чем они забрали землю прямо у нас из-под ног. Чтобы «уладить причиненные неудобства», Гуди заключили сделку с моей прапрабабушкой. Мы можем оставаться в нашей хижине до тех пор, пока будем ухаживать за фермой и жилыми помещениями.

Она покачала головой, вздохнув.

— Это не самый лучший вариант, но Биби смогла открыть свой бизнес.

Она достала из сумки инструменты для резьбы и разложила их вокруг нас, продолжая:

— Моя семья живет в этом коттедже уже более двухсот лет, может быть, даже дольше. Это наш дом. Мы выбираем и сражаемся, но стоим на своем, потому что наш дом — это наш дом, каким и должен быть дом, — объяснила она, как будто репетировала или ей говорили одно и то же всю ее жизнь.

Киони нарезала круг вокруг плодоножки тыквы, и мы вместе очистили тыкву, отсеяв липкие и тягучие внутренности и семена в целлофановый пакет, чтобы потом приготовить пироги и блюда из тыквы. Как только тыква Киони была готова, мы перешли к моей тыкве меньшего размера, повторив те же действия.

Мы провели остаток дня, занимаясь чисткой, попивая горячий сидр и разговаривая обо всем, начиная со здоровья бабушки и заканчивая тем, как я прыгнула со скалы и пропавшей Ривер Харрисон.

— Не каждый день люди просто пропадают без вести. Я имею в виду, что город примерно в четыре мили шириной. Куда она могла деться? — спросила Киони, сбита с толку. — Ее родители пришли в магазин моей Биби, пытаюсь найти ответы.

— Она что-нибудь нашла?

— Нет, — ответила Киони, и ее голос звучал скорее как вопрос, как будто она сама не могла в это поверить.

Если бы Ривер Харрисон была мертва, она бы пришла ко мне. Но она этого не сделала. Может быть, она не была мертва. Может быть, она уехала из города.

Но когда я спросила Киони об этом, она сказала:

— Это возможно. В конце концов, она была жительницей равнин и могла уйти, когда захочет. Но ей здесь нравилось. Я не вижу никаких причин, по которым она хотела бы уехать.

Ее комментарий спутал мои мысли, закручивая их вместе в хаотическом беспорядке. Я откинулась на одеяло и посмотрела на серые облака, а осенний ветер кусал мои щеки. — Я никогда не хочу покидать это место, — прошептала я, удивляя саму себя.

Киони легла на спину рядом со мной.

— Тогда не делай этого.

В тот момент мне захотелось рассказать Киони о Джулиане. Я хотела быть девушкой, которая могла бы свободно говорить о мужчине, в которого я была влюблена, подтверждать, что все, что я чувствовала, было совершенно нормально. У меня никогда не было ни матери, ни подруг. У меня была только Мариетта, которая рассказывала мне на ночь сказки о той любви, которая проявляется только ночью. То, что было у нас с Джулианом, и место, где все это должно было остаться. В темноте.

Так что я держала рот на замке. Может быть, когда-нибудь, подумала я.

«Lie, Lie Land», — прошептала Киони рядом со мной. — Место, куда мы идем, когда мир становится слишком шумным. Тихое место в наших умах, дикое воображение, наполненное «что-если» и «что-могло-быть». Я повернулась к ней лицом, и глаза Киони были закрыты, а ее шелковистые локоны развевались по фарфоровым щекам. Должно быть, она почувствовала мой взгляд, потому что повернула голову ко мне лицом и открыла глаза.

— Не ходи в Кресент-Бич, Фэллон.

Она произнесла это с беспокойством, как будто это было предупреждение или мольба. Или что-то среднее.

— Я и не планировала.

На самом деле, я совсем забыла, пока она не заговорила об этом.

— У меня возникает странное чувство, когда я нахожусь рядом со Священным морем. И это не очень хорошо. Наверное, я так отчаянно хотела завести друзей или почувствовать себя ближе к своему отцу, ну знаешь, потому что он был частью Священного Моря. Я думала, что пребывание рядом с ними поможет мне понять, но это только еще больше сбilo меня с толку. Я думала, что знаю своего отца, но я не вижу в нем ничего похожего на них

— Потому что он не был таким, — заявила Элеонор, и я приподнялась на локтях, чтобы увидеть ее, стоящую за закрытым забором. — Тобиас был хорошим человеком, Лунное дитя. Одна из немногих хороших вещей в Священном Море. Держись за память о нем, которая у

тебя есть. Это правильный выбор.

Она так сильно напомнила мне Мариетту, и мое сердце сжалось от волнения. Я кивнула.

— Я сейчас уйду на работу, — сказала она, проходя мимо нас. — Фэллон, переночуй здесь сегодня.

— Спасибо за предложение, но мне пора домой, к Бенни.

Лицо Элеоноры стало мрачным, но она кивнула, прежде чем уйти.

Когда я привязывала свою тыкву к задней части своего скутера, мой взгляд наткнулся на фигуру, стоящую в окне верхнего этажа дома Гуди. Отсюда я не могла знать наверняка, но силуэт, казалось, принадлежал Зефиру Гуди, и кровь в моих жилах застыла.

Глава 35

Фэллон

Джулиан ненадолго зашел, чтобы поцеловать меня, и его поцелуй был голодным и настойчивым на балконе, под молочным полумесяцем, почти заставив его передумать.

— Иди, — настаивала я с легким смехом, его губы на моей шее, его рот у моего уха. Я держала глаза закрытыми, пока он обожал меня. Шепот и стоны пронеслись между нами как раз перед тем, как его рот снова накрыл мой, скользя языком и ощущая вкус, как прилив тепла в декабре. Все мое тело нагрелось, от головы до пяток — тепло распространилось в нижней части живота.

— Я вернусь, — пообещал он, целуя меня в лоб. — Позволь мне избавиться от Бэка, и я вернусь к тебе. А теперь спи, пока я тебя не разбудю.

Он исчез прежде, чем я открыла глаза, так быстро и бесследно, только тепло все еще оставалось и мурашки по каждой поверхности моей кожи.

Я ждала, глядя в открытые французские двери. Сидя в углу, свеча, горящая внутри моей тыквы, освещала злую улыбку с раскосыми глазами. Это было последнее, что я увидела перед тем, как провалиться в сон...

00:33 ночи.

Я резко проснулась, когда чьи-то руки схватили меня за лодыжки и связали запястья за спиной. Их было так много! Они заткнули мне рот кляпом, на голову надели мешок, и все, что двигалось с другой стороны, были тени.

Крик застрял у меня в горле и разорвал воздух. Я дрыгала ногами, мое тело покрылось потом, когда паника овладела мной, превращая меня в безумную. Их хватка ослабла, когда они попытались схватить меня, затем меня сдернули с кровати и бросили на холодный твердый пол. Меня подхватили на руки. Длинные руки обхватили меня, прижимая к своей груди.

— Прекрати бороться, — сказал он мне на ухо.

— ДЕД... — попыталась я сквозь кляп, прежде чем чья-то рука заглушила мои крики, крепче прижав меня к ним.

Мое сердце стучало в ушах, и моя кожа была словно в огне, гнев поднимался из глубины моей души. Пальцы вцепились в мою кожу, скручивая плоть, пока она не загорелась.

— Лунное дитя? — крикнул дедуля с нижней площадки лестницы.

— Всем заткнуться! — сказал мужчина.

— ЛУННОЕ ДИТЯ?! ЧТО ПРОИСХОДИТ?

В словах дедушки сквозил ужас, и я слышала приглушенный рев, когда он, спотыкаясь, поднимался по деревянным ступенькам. Он не смог бы добраться до меня. Я не хотела,

чтобы он добрался до меня. Мне нужно было добраться до него, и я выбросила ногу вперед, когда она ударилась о тело. Что-то с грохотом упало на пол. Дедушка крикнул, крича со ступенек:

— ОТПУСТИТЕ ЕЕ! ПОЖАЛУЙСТА, ОТПУСТИТЕ МОЙ ЛУННЫЙ СВЕТ!

Я покачала головой, пытаюсь высвободить руку изо рта. Каспер зашипел и издал отчаянный крик. Я повертела головой, но повсюду была темнота.

— Ах, чертов кот! — взвизгнул кто-то, и после глухой удар! Каспер издал второй звук, который я не узнала, но похожий на сдавливание плюшевой собачьей игрушки.

Каждый звук в моих ушах был подобен порезу на запястье, потому что я не могла вырваться на свободу. Я ничего не могла поделать. Я была поймана в ловушку, придавлена, приглушена, скована, как бы сильно ни сопротивлялись мои конечности.

— Я УМОЛЯЮ ВАС, ПОЖАЛУЙСТА! ЛУННОЕ ДИТЯ! Не... обижай мою... внучку...

Дедушка кричал в отчаянной борьбе с лестницы прямо за дверь, и у меня было такое чувство в груди, как будто кто-то вогнал в нее кол, вывернул ее. Я перестала сопротивляться, не желая, чтобы дедушка боялся. Затем громкий стук отразился от лестницы и ГЛУХОЙ УДАР! Эхо отдавалось по всему дому, в моей голове, в моем сердце.

Затем мир погрузился в тишину.

Всё замерло

— Нет! ДЕДУШКА! НЕТ! — Я закричала, плача в ладонь и яростно тряся головой представляя худшее, представляя его лежащим у подножия лестницы, таким беспомощным.

— Пожалуйста, остановитесь, — мои слова были приглушенными и напряженными.

— Пожалуйста, мой дедушка. Вы можете взять меня, делать со мной все, что захотите, только, пожалуйста, позвольте мне сначала помочь ему.

На мгновение они замолчали, а затем один из них сказал:

— Продолжайте.

— Хватайте ее за ноги.

Я слышала, как океан разбивается о скалы, как ледяной морской бриз обдувает мою потную и горящую кожу, когда они несли меня вниз по ступенькам балкона. Они бросили меня в багажник какой-то машины. ВНЕДОРОЖНИК. Колючий пол был горячим на моей без того раздраженной коже. Низкие лучи света проходили мимо, как будто я шла по туннелю, но я знала, что это были угловые уличные фонари на Городской площади, когда мое тело перекаатилось назад, когда мы обогнули беседку.

В машине было тихо, но не мое бешено колотящееся сердце. Я чувствовала пульс повсюду — в каждой клеточке, — когда мои мысли бешено метались по дедушке. Глухой удар.

Я крепко зажмурилась, зная, что случилось худшее. Глухой удар, он соответствовал биению моего сердца. Как будто кто-то стучал, передавая мне сообщение. Но я отогнала это, живя в альтернативной вселенной, где дедушка был самым сильным человеком, которого я знала.

Он мог пройти через что угодно, и моя голова затряслась, когда слезы хлынули с болезненной силой, все мое существо кровоточило. Будь в порядке, дурень. Встань ради меня, и все будет хорошо! Потому что я спрыгнула со скалы, и мне должна была сопутствовать удача, а с ним все должно было быть в порядке.

БУДЬ В порядке, кричала моя душа, и это пронзило меня, когда его упрямое лицо вспыхнуло в моем сознании.

Затем машина бесшумно остановилась.

1:06 ночи.

Когда открылась дверь багажника, ночь взвыла. Я попыталась откашляться от жжения, поселившегося в моем горле из-за кляпа во рту. Мой взгляд пытался проникнуть сквозь ткань на моих глазах, и воздух вокруг меня пах смертью, затаившей дыхание. Зашелестели деревья, и каркнул ворон! На расстоянии, когда меня подняли и понесли. Они бросили меня на землю. Я попятилась назад, пока не врезалась во что-то твердое.

Когда они сорвали мешок с моей головы, это было совсем не то, что я ожидала увидеть.

Мандэй была одета в черный спортивный костюм, в руке у нее была лопата. Половина ее тела была в яме, рыжие волосы растрепаны, лоб вспотел. Брюки цвета хаки прошли мимо моего поля зрения, когда они присели передо мной на корточки. Страдальческое выражение лица Кейна смотрело на меня в ответ, его мрачные глаза были с такой же болью, как и мои.

— Это не должно было так случиться, — сказал он мне тихим шепотом. — Почему ты не могла просто смириться с этим? Почему ты все так усложнила?

Мои глаза зажмурились, и я покачала головой, мои крики были приглушены кляпом.

— Чертов кот здорово задел меня, — прошипел Маверик, высасывая кровь из предплечья.

Кейн склонил голову набок.

— Перестань быть ребенком. Приготовьте гробы.

Он снова повернулся ко мне лицом, убрал пряди волос, прилипшие к моей щеке и лбу.

— Это начало твоего посвящения, Фэллон. Я дал тебе тот же вариант, что и Мандэй, но ты так и не появилась. У меня не было выбора. Так и должно быть. Тебе придется провести пять часов под землей в этом гробу. Есть три варианта развития событий, — Кейн оперся локтем о согнутое колено, подняв палец, подсчитывая мои варианты.

— Замедли свой пульс и экономь кислород, чтобы продержаться целых пять часов, используй свою магию, чтобы спасти себя, или умри. Это твой выбор.

Я металась глазами туда-сюда, к гробам, к Мандэй, к могилам, к Кейну. Я не могла этого сделать. Я не могла.

Я покачала головой, убегая от него и желая стать единым целым с надгробием позади меня. Я не могла вернуться в ловушку — место, где я была окружена, задыхалась и не была свободна. Я не могла.

Паника, бушующая в моей крови, достигла невыносимого уровня, и я бросилась вправо, отчаянно пытаюсь убежать от них. Одна сторона моего лица соприкоснулась с землей, и грязь попала мне в глаза, просочилась в рот. Животный звук вырвался из моего горла.

Кейн застонал и встал. Он неторопливо подошел ко мне сзади, просунул руки мне под мышки и поднял меня в положение стоя. Мое тело устало от борьбы, мои мышцы устали. Энергия покинула мои связанные ноги, пока он поддерживал мой вес.

— Твой отец смог, — проворковал он мне на ухо, убирая мои волосы с плеча. — Ты Морган. Священное Море всегда было частью плана. Я знаю, ты напугана, но если ты не успокоишься, твоя магия — единственное, что может тебя спасти.

— Я буду в земле рядом с тобой, — сказала Мандэй, глядя на меня из ямы с извиняющимся выражением в глазах. — Посмотри на это с другой стороны, Фэллон. Мы будем сестрами.

Она пожала плечами, как будто в этом не было ничего особенного. Как будто дедушка не лежал у подножия лестницы, беспомощный.

Кейн засунул палец в мой кляп, выдернул его, прежде чем схватить меня за челюсть и повернуть шею в сторону. — Останься в живых.

Мои глаза расширились, и я откинула бедра назад и наклонилась вперед, выплевывая грязь и слезы изо рта.

— Пожалуйста, Кейн, — закричала я, наклоняясь. — Проверь Бенни, пожалуйста. Я умоляю тебя. Он может пострадать! Он может быть...

Я не мог этого сказать. Я не могла!

— Пожалуйста!

Кейн закрыл мне рот ладонью, скрестил руки на моей груди и прижал меня к себе.

— Что случилось? — спросила Мандэй, выглядя смущенной. Взгляд Маверика метнулся к Кейну позади меня. — Что-то случилось?

— С ним все в порядке, — заявил Кейн. — Открой гроб.

Кейн наклонился в сторону и подхватил мои ноги, держа меня на руках, пока шел к гробу.

— Пожалуйста, проверь Бенни, — снова взмолилась я, но Кейн проигнорировал меня, выражение его лица было трезвым и недоступным.

Он затащил меня в яму, положил в гроб, и они вдвоем стояли надо мной, пока я слышала, как Понедельник охотно забиралась в свой гроб, когда мне пришла в голову мысль.

— Думаю, Элеонора была права, Мандэй. Ты сама вырыла себе могилу, — крикнула я. Кислород вырвался из моего носа, и волна гнева бушевала внутри меня.

— Ты знаешь, что это значит, Кейн? Однажды ты потеряешь всю свою силу из-за падения странника. Именно так, как она и сказала! И, эй, может быть, я и есть странник, но у тебя есть выбор прямо здесь и сейчас поступить правильно. Чтобы изменить свое будущее. Помоги моему дедушке, Кейн. Не позволяйте ему страдать там одному, пожалуйста!

Кейн стоял, положив одну руку на крышку гроба, его лицо было пустым из-за луны позади него. На мгновение я подумала, что он передумал, но потом он сказал:

— Увидимся через пять часов.

Крышка гроба закрылась, и меня поглотила тьма.

Джулиан

4:36 утра.

Четырехчасовой час прошел. Феникс и Зефир уехали около часа назад, план был составлен и готов к проведению бала у Прюиттов менее чем через две недели. Малыш Бэк сидел по другую сторону колыхающегося костра, пока он поджаривал нас спереди, а октябрьские температуры замораживали наши спины. В пламени было что-то такое, что делало нас без улыбок, но довольными, возможно, отголоски камина. И огонь изгибался и раскачивался между нами, пока Бэк бормотал, словно загипнотизированный пламенем.

Я отключился от него некоторое время назад, откинувшись на спинку деревянного стула, ожидая, когда он отключится или уйдет, чтобы я мог вернуться к девушке. Моя девочка. Девушка, у которой было больше возможностей, чем у полуночного неба.

Ветви раскачивались над головой, когда ветер свистел, сердитый бриз проносился по лесу. Справа от меня сквозь ветер донеслось мрачное карканье ворона, и я повернул голову на звук. С печальными глазами и перепачканными чернилами крыльями птица быстро пролетела надо мной. Он приземлился на низко свисающую ветку в начале того места, где лес уходил вглубь, и снова каркнул. Он поднял меня со стула, и я подошел к нему, не в силах игнорировать его голос.

Я чувствовал, как он сверлит меня взглядом насквозь и постукивает по моему позвоночнику, как будто знает, что я слушаю. Потом прилетел другой ворон. Потом еще один.

Оркестр крыльев захлопал вокруг меня, окружил меня. Целая стая. Похожие на скелеты ветви были отягощены птицами, такими черными, что они больше походили на тени или, возможно, силуэты, вырезанные из чего-то более зловещего. Они выстроились вдоль ветвей, как деформированные листья из самых темных чернильных капель.

Мое дыхание стало поверхностным, и я отшатнулся назад, когда чья-то рука опустилась мне на плечо. Я повернулся на месте, и остекленевшее и пустое выражение лица Бэка врезалось в меня.

— Иди к ней, — заявил он, его обычно сияющие арктически-голубые глаза, в которых бурлила жизнь, теперь были тусклыми и ошеломленными. — Фэллон, это Фэллон.

Моя грудь сдавило, и я схватил его за плечи, встряхивая, чтобы он проснулся. — Бэк! Что это? Что случилось?!

Выражение лица Бэка не изменилось, пока он стоял безучастно. Пустой. Был только один раз, когда я видел его таким непостижимым, таким недостижимым, потому что он был далеко, никого внутри. Мое сердце стучало в ушах, когда вороны кричали вокруг меня.

Отчаявшись и сойдя с ума, я притянул его ближе к груди и отвел руку назад, нанося хук правой в живот. Бэк попятился, но я держал его близко, схватил его лицо в маску и направил его глаза на мои.

— Что ты видел?! Бэк, расскажи мне, что ты видел!

Бэк ошеломленно огляделся в моей крепкой хватке, и я похлопал его по щеке, щелкнул пальцами.

— Прямо здесь, Бэк. Что это? Где Фэллон?

Он зажмурился и широко открыл глаза, приходя в себя. Мое сердце колотилось с каждой потраченной впустую секундой.

— В земле, — пробормотал он и покачал головой, как будто это не имело для него смысла. — Она в земле. В ловушке.

Его глаза встретились с моими, и он схватился за бок, хватая ртом воздух.

— Она не может дышать. Время на исходе!

Последствие предательства

«Дождливая ночь принесла с собой туманное утро, когда Беллами сидел напротив своего отца внутри хижины.

— Мы будем вместе, будь то здесь или где-то еще, все зависит от ковена и твоей способности принять то, что я выбрал ее. Вы не можете держать ее взаперти, — сказал Беллами.

Слабый проблеск отцовской улыбки осторожно пробежал по его телу. Воинственность в его взгляде сменилась отчаянием. — Что ты с ней сделаешь? — спросил Беллами, ударяя кулаком по деревянному столу перед камином. — Если ты причинишь ей боль...

— О, это, должно быть, темное, плотское создание. Ты не можешь видеть, что эта тварь сделала с тобой! Она соблазнила тебя разными способами, и как долго это продолжается? Как давно она проникла в твою голову? Мы должны немедленно очистить твою душу!

Гораций крепко схватил Беллами за руку и потащил его из-за стола. Стул опрокинулся

назад от переполоха, когда он вынес его в утро.

Оказавшись за пределами хижины, Гораций толкнул Беллами рукой в затылок, прислонив его к дереву.

— Делай со мной, что должен, но не трогай ее, — умолял Беллами, прижимаясь щекой к стволу березы.

— Создание ночи получит по заслугам, — прошепел Гораций на ухо своему сыну. — Гуди избавит ее от распутства, чтобы убедиться, что она никогда больше не сможет соблазнить кого-то другого. Сможешь ли ты тогда любить ее?

«В течение нескольких часов Беллами был избит своим отцом. Он терпел боль, прикусив язык и стиснув зубы, сжимая кулон в кулаке, зная, что какое бы наказание он ни получил, оно не может быть хуже того, что постигнет Сири. И в последующие дни Беллами искал в норвежских лесах свою любовь, Сири. Никакая погода не удерживала его. Ночи были такими холодными, холодными, как лед! Но он отказывался сдаваться, цепляясь за серебряную цепочку, которую оставила ему его любовь. Обещание вечности. Лес стал его постелью, где он спал, и депрессия овладела им до тех пор, пока он не заболел физически от страданий и мучений.

Тем не менее, Беллами ждал ее.

К этому времени прошли недели. Это была леденящая душу ночь, когда Сири сбежала из своей хижины и добралась до Беллами, которого нашла дрожащим под деревом, под которым они провели так много ночей. Беллами поцеловал ее посиневшими губами, и его слова затерялись. Он касался каждого дюйма ее тела, как будто не мог дышать, не зная, причинили ли ей вред. Его пальцы пробежали по глубокому шраму на ее бедре, и слезы с поразительной силой хлынули из его глаз.

— Со мной все в порядке, — заверила Сири, баюкая его голову в своих руках. — Она зажила, видишь?

Яростно Беллами покачал головой, прежде чем уткнуться лицом ей в грудь, схватил ее за плечи, пока она гладила его непослушные темные волосы. — У меня будет ребенок, — прошептала она, продолжая успокаивать его нежными прикосновениями.

Беллами посмотрел на Сири и изучил выражение ее лица. — У нас будет ребенок, — поправил ее Беллами.

Лицо Сири вытянулось под его полным надежды взглядом.

— Он не твой, — снова прошептала она, пока не обнаружила, что тоже плачет.

Беллами взял ее за щеки и провел большим пальцем по ее слезам, чтобы вытереть их. — Что они с тобой сделали?

Он сделал паузу, увидев испуганный взгляд в ее глазах, и провел ладонью по ее белым волосам, пытаясь найти правильные слова, потому что именно тогда он понял. Нутром и сердцем Беллами знал о том, что они натворили. Он притянул ее к себе на шею, пока они оба плакали.

— Если он твой, значит, он мой. Я буду любить ребенка так же, как люблю тебя, и мой отец и Гуди заплатят за то, что они сделали с тобой!

— Беллами, нет! Ты сделаешь только хуже! Все ее слова звучали приглушенно, когда она прижималась к нему, когда он стоял, его тело заметно дрожало от предельной ярости.

— Я должен! Я убью его, — выплюнул он. — Я убью их обоих, и после того, как я это сделаю, я вернусь за тобой.

Джулиан

Процесс посвящения в Священное Море не был секретом для скандинавских Лесов. Мы понимали, что это влечет за собой. Погребение и притяжение страха, чтобы вытянуть магию. Если нет магии, они должны просто выжить. Выживает сильнейший. После того, как они переродились, наступала связь с морем — дни, проведенные на открытом воздухе, в окружении воды. Последней была связь с новым ковеном. Раздеться и соединиться с членами через ритуал Великого Обряда. Они бы все передавали ее по кругу и трахали, но она бы не сделала этого добровольно. Ни с кем. Стали бы они принуждать ее? Мой желудок перевернулся...

С моей стороны было глупо полагать, что они сдадутся, услышав, каким решительным был Прюитт в Палате представителей. Я лгал себе, успокаивая себя и ослепляя ложью, что ее простого отказа будет достаточно, но Священное Море, должно быть, так же отчаянно хочет заполнить Фэллон, как и я. По разным причинам.

4:49 утра.

И все же, все же, инициация Священного Моря началась, и ублюдки... они забрали девушку. Моя девочка! Девушка, которая владела моей душой в каждом едва уловимом вздохе. Одна мысль о том, что она напугана, а меня нет рядом, когда я должен был быть, вызвала во мне что-то новое. На этот раз это была не тьма, потому что она была такой же обжигающей, как солнце, вырывающееся из моей груди. Я нажал на газ, когда грохот машины разжег мою ярость.

Я проехал через кладбище, прищурившись на единственных двух фигурах в поле моего зрения. Бронко мчался по надгробиям, разрушая священную землю и направляясь прямо к ним. Я не останавливался. Я не мог! как будто что-то овладело мной. Мысль сводила с ума: моя девушка в шести футах подо мной, а не на мне. Все это толкало меня вперед в любовном тумане. Я до побеления сжал руль, почувствовав смерть в дыхании ночи.

Скорость достигла ста, когда мой взгляд остановился на двух холмиках свежевырытой земли на моем пути. Фэллон. Я крутанул руль, когда «Бронко» съехал в сторону, пока полностью не остановился перед Кейном и Мавериком, которые оба стояли. Я выпрыгнул из «Бронко», не потрудившись закрыть дверцу. Моя грудь вздымалась так сильно, что каждый холодный вдох обжигал мои легкие, когда я устремился к ним.

— Ритуал уже начался, — заявил Кейн, и Маверик попятился. — Ты ничего не можешь сделать.

Адреналин подскочил в моих венах, а ночное небо опустилось так низко, что у меня защемило сердце. Нависли тучи, завертелся усиливающийся ветер, и я не заметил, как мной овладела ослепляющая ярость. Я не заметил, потому что был так далеко.

Я схватил Кейна за воротник рубашки, поднял его высоко в воздух, когда молния разорвала окружающие черные тучи.

— В каком из них она находится?

Гнетущий грохот оборвал мои стиснутые зубы. Пот выступил у него на лбу, а пальцы впились в мое предплечье. Он задохнулся от моей крепкой хватки, отказываясь говорить мне.

— КОТОРАЯ ИЗ НИХ? — Я закричал, и злобный ветер угрожал вырвать его из моей хватки.

— Джулиан, — раздался сзади голос Сайруса. — Подумай об этом, прежде чем сделать какую-нибудь глупость. Орден придет за тобой. Это всего лишь девушка, и тебе нужно

подумать о том, что лучше для твоего ковена, — добавил он, используя те же слова, которые Агата использовала в палатах. Сайрус Кантини, человек разума, тем не менее, не было никаких рассуждений, когда дело касалось Фэллон.

Закричав, я подбросил Кейна в воздух, и он ударился о склеп. Камень треснул при ударе, и я повернулся с чем-то черным, бренчащим по моему телу, вибрации сотрясали мое ядро.

Маверик и Сайрус попятились с широко открытыми глазами, на их лицах отразилось недоумение. Сжав кулаки, я упал на колени, прижался ухом к земле, положил ладони на могилы и закрыл глаза, чтобы почувствовать знакомый пульс ее сердца. Затем я нашёл ее могилу и вцепился в нее, потому что она была жива и дышала.

Ее сердце теперь стучало у меня в ушах. Такой громкий и наполняющий меня шум до кончиков пальцев. Мои ладони ударились о влажную землю, когда новый крик вырвался из моей груди, сжигая землю, как будто моя ярость могла сжечь землю!

Почва поднималась с земли и уносилась сильным ветром. Я почувствовал, как жар высушил мои внутренности, мою кожу. Меня жгло, но агония от того, что я еще не видел Фэллон, подталкивала меня вперед, мотивировала меня.

Вой ветра теперь не достигал моих ушей, так как единственное, что я слышал, был звук ее бьющегося сердца. Я собрал почву в кулак, поднял сжатые руки, и почва поднялась с земли и закружилась вместе с ветром. Земля подчинилась моему пылу и взлетела, пока остальная часть могилы не приподнялась, и не появился деревянный гроб.

Оказавшись внутри ямы, я прижался к краю могилы и открыл крышку.

— Фэллон, — выдохнул я, сделав неглубокий вдох.

Фэллон зажмурилась и снова открыла глаза. Ее лицо было красным, а по щекам бежали пятна. Ее глаза были налиты кровью и расширены, а длинные белые и спутанные волосы запачканы грязью. Ободранные и окровавленные пальцы дрожали, когда она потянулась ко мне, ее губы дрожали. Я схватил ее за руки и вытащил ее едва обнаженное тело из гроба.

— Я здесь, — сказал я ей, падая на край могилы, увлекая ее за собой. Фэллон уткнулась лицом мне в грудь, каждая ее мышца была напряжена. Я гладил ее по волосам, держал ее вместе.

— Ты со мной.

Буря превратилась в успокаивающую ночь, и грязь посыпалась на нас двоих, как черное конфетти.

— Ты пожалеешь об этом, — предупредил Кейн, сторбившись и схватившись за бок, пока я вытаскивал Фэллон из могилы.

— Я отправлюсь в Орден с первыми лучами солнца. Ты сгоришь за это, Блэквелл.

Не обращая на него внимания, я подхватил Фэллон на руки и понес ее к «Бронко», положил на пассажирское сиденье и обогнул переднюю часть.

— Ты только что запечатал свою смерть!

5:23 утра.

Фэллон сидела в шоковом молчании всю дорогу до моей хижины. Ее тонкие и нервные пальцы сплетались на коленях, когда она смотрела вперед, ее многострадальное тело все еще дрожало, отстраненное и далекое на пассажирском сиденье.

Я и раньше был свидетелем ее страхов. Я был рядом с ней во время ее детской травмы. Я наблюдал за ней со стороны, как будто я был фантомной половиной души, которая отделилась от неё, но я чувствовал ее страдания, как если бы они были моими собственными. Я хотел успокоить ее так же, как она всегда могла успокоить меня. Было

много вещей, которые я хотел сказать, но ни одна из них, по моему мнению, не была бы достаточно хороша, как и язык, на котором я говорил, чтобы выразить себя так, как она заслуживала.

Я протянулся, чтобы взять ее за руку. И при этом я так сильно боялся, что этого будет недостаточно. Я хотел, чтобы Фэллон знала, что это никогда не было выбором.

Будь то в этой жизни или в нашей реинкарнации, это всегда будет она. Как это было всегда. Природа нашей опасности была бы непреодолимой, но когда ее пальцы скользнули сквозь мои, это было похоже на жизнь, а не на смерть — настолько сильное, настолько неразделимое, настолько вечное. И я подумал, что, возможно, храбрая рука искалеченного монстра могла бы говорить сама за себя. Что ему не нужны слова, чтобы высказать его преданность.

Краем глаза я наблюдал, как ее глаза на мгновение закрылись, затем они открылись, прежде чем ее дыхание участилось. Она крепко сжала мою руку, и мы продолжили нашу поездку сквозь ночь.

Когда мы добрались до домика, я загнал «Бронко» на кладбище машин, которые я собрал, и выскочил, чтобы обогнуть пикап и подойти к ней. Открыв пассажирскую дверь, Фэллон повернулась на сиденье и схватила меня за обе руки.

— Дедуля, — прошептала она, новые слезы дрожали в уголках ее глаз. — Ты должен отвезти меня домой. Дедушка... он умирает, я это чувствую! Что-то случилось, Джулиан. Пожалуйста!

Я не знал, что ответить. Я не мог вернуть ее туда.

Входная дверь в мою хижину со скрипом открылась, и Бэк вышел с крыльца и направился к нам. Повинуясь инстинкту, я повернулась, держа Фэллон позади себя.

— Ты что, с ума сошел? Ты привез ее обратно сюда? — спросил Бэк, вытягивая шею, чтобы взглянуть на нее. — Джулс, она не может... — он понизил голос, — ...она не может находиться здесь, и как только другие узнают, они не будут... такими же доброжелательными.

Я стиснул зубы.

— Скоро взойдет солнце, и мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал.

Бэк скрестил руки на груди и на мгновение опустил голову. Он глубоко вздохнул, прежде чем посмотреть на меня преданными глазами.

— Что?

Я бросил ему ключи от «Бронко», и он поймал их в воздухе одной рукой.

— Поезжай в дом Моргана и проверь Бенни.

— Ты правда думаешь, что этот чудик позволит мне приблизиться к нему?

— Я не могу... — начал я говорить, затем стиснул зубы. Я обернулся и увидел, что Фэллон сидит с обезумевшим взглядом, уставившись в никуда. Я сделал шаг вперед, схватил Бэка за руку и отвел его в сторону, чтобы она не услышала. — Я не могу вернуть ее туда, Бэк. Я не могу этого сделать. И я также не могу оставить ее одну. Пожалуйста, мне нужно, чтобы ты сделал для меня эту одну вещь.

Его брови изогнулись, когда он сделал шаг назад.

— Одна вещь? Я поддерживал тебя во всем этом, как и подобает брату. Без вопросов. Но это слишком много, чувак, и ты это знаешь. Ты же знаешь, я последую за тобой куда угодно. Без колебаний я бы умер рядом с тобой в «Плетеном человеке». Но как насчет Джоли? Твоя мать? Ты думал о них? Ковен? Подумай о людях, которые рассчитывают на тебя, Джулс.

Я запустил пальцы в волосы, пропитанный чувством вины и отчаяния.

— Да, я думал о Джоли. Я думал о том, что было правильно и что она хотела бы, чтобы я сделал. Наконец-то я что-то делаю со своей гребаной жизнью, а не убегаю и прячусь, как мы это делали. Бэк, я прошу тебя, умоляю тебя. У нас не так много времени. Если...

Я наклонил голову, видя, что Фэллон ошеломленно смотрит на хижину:

— Если Бенни все еще жив, он мог бы признаться перед Орденом, что все это было вынужденным, и у меня не было выбора, кроме как вытащить ее из могилы. Это было бы слово Бенни и Фэллон против их слов. Чем больше свидетелей, тем лучше, и мне это нужно, чтобы выиграть еще немного времени.

— Все еще жив? А что, если он мертв?

Над нами воцарилась тишина.

— Я не могу думать об этом прямо сейчас. Просто иди, время на исходе. Ты сможешь войти в дом сзади. Поднимись по лестнице на балкон.

5:46 утра.

Фонарь, висевший у меня на крючке рядом с входной дверью, и тот, что стоял сзади на подоконнике, освещали маленькую хижину мягким светом. Дневной свет прокрался в ранние часы, поглощая предутреннюю тьму. Некоторое время Фэллон ходила по дощатому полу, а я наблюдал за ней из темного угла комнаты. Я сказал ей, что Бэк позаботится о Бенни, чтобы успокоить ее нервы, но ее беспокойный разум и сердце не могли оставаться на одном месте. И я не думал, что она будет спокойна после такой ночи.

Много раз я открывал и закрывал рот, желая что-то сказать, когда ее тихий голос разносился по всей хижине.

— Может быть, мне не следовало кричать. Может быть, если бы я просто молчала и позволила им забрать меня. Если бы я никогда не сопротивлялась, он бы не старался так сильно помочь мне.

Ее палец оторвался от мантии, которую она обводила, и повернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Не делай этого, — сказал я ей, качая головой. Я не мог видеть ее такой, и я знал, что это разрывает меня на части, потому что я чувствовал это в глубине моего горла, в моей груди. — Я был там, в этом месте, наполненном «что, если» и тем, что ты мог бы сделать другому. Это была не твоя вина, Фэллон. Ты была дома. Ты должна была чувствовать себя там в безопасности. Они никогда не должны были вот так врываться и отрывать тебя от сна. Это их вина, а не твоя.

— Ты должен был слышать его, — ее голос дрогнул и затих. Она втянула воздух, и ее грудь расширилась. — Я никогда раньше не слышала, чтобы дедушка так говорил.

Я мог бы сказать что-нибудь, чтобы облегчить ее беспокойный разум. Может быть, что-то вроде: «Давай не будем делать поспешных выводов» или «Все будет хорошо», но я не мог этого знать или сказать. Я не знал, в порядке ли Бенни и все ли будет хорошо. Я не знал, поэтому вместо этого я отвел ее в заднюю часть дома, взял свежую одежду и приготовил ей ванну.

Пока Фэллон мылась, я ходил по хижине, ожидая возвращения Бэка с новостями. Я занялся собой, развел огонь в камине, согрел молоко в кастрюле над газовой плитой и ошеломленно уставился в запотевшее окно в задней части дома. Магия, которую я использовал, ослабила меня, и единственное, что удерживало меня от потери сознания, это то, что Фэллон была здесь. В моём доме.

Фэллон Гримальди была в моем доме, и это должен был быть горячий момент, а не время для скорби. И все же каждую секунду, когда она была в моем душе, я не мог не опасаться худшего.

Когда Фэллон вышла из зала, я посмотрел на нее и выпрямил спину. Она была в одной из моих рубашек. Нижний подол доходил ей до середины бедра, а пара клетчатых пижамных штанов, которые я никогда не носил, обтягивала ее лодыжки. Усталость появилась в ее припухших светлых глазах, и я не знал, сколько времени прошло, прежде чем я понял, что пиялился.

Я откашлялся и снова повернулся к плите.

— Я принес несколько одеял и подушку из своей спальни, — сказал я ей, постукивая лопаткой по кастрюле из нержавеющей стали, наполненной голубовато-голубым оттенком. — Я подумал, что тебе будет удобнее на диване.

Фэллон кивнула и обошла гостиную.

— Я не смогу заснуть.

— Я знаю, но ты должна попытаться.

Я выключил газ и взял корицу с деревянной полки над плитой. — Тебе нужно отдохнуть, и я обещаю разбудить тебя, как только Бэк вернется с новостями.

Если бы я был на ее месте, я бы тоже не смог заснуть, но я заметил, как она изо всех сил пыталась держать свои опухшие глаза открытыми. Фэллон села на диван. Она выглядела такой крошечной в кожаном диване, и я налил голубое молоко Маджик мун в кружку и принес ей. — Выпей это. Это поможет, или, по крайней мере, я думаю, что поможет. Может быть, немного.

Фэллон отхлебнула из кружки, и ее глаза закрылись. Я поднял брови.

— Тебе нравится?

Она кивнула и сделала еще глоток. Мои плечи расслабились.

— Я собираюсь быстро принять душ. Выпей и ложись. Бэк скоро должен вернуться.

Я потянулся поцеловать ее в лоб и остановился на полпути, вспомнив, что я ненормальный. Что я не могу просто делать все, что захочу, целовать ее, когда захочу. Я был проклятым Полым язычником, вынужденным носить маску покорности. Выдох вырвался из моего носа, и вместо этого мой лоб соприкоснулся с ее лбом.

Я поспешил в душ, натянул хлопчатобумажные штаны и маску. Выходя из ванной, я украдкой бросил взгляд на разбитое зеркало, испещренное трещинами и отсутствующими осколками. Негативное отражение моей души. Моя грудь сжалась, осознав, что Фэллон видела доказательство моего саморазрушения.

Когда я вернулся в гостиную, Фэллон крепко спала, а пустая кружка стояла на кофейном столике. Возможно, не только я поддался естественному очарованию напитка. Рецепт достался ей от матери, и именно тогда я вспомнил историю, которую рассказал ей. Может быть, она тоже помнила, и то, что она узнала эту маленькую информацию, в некотором смысле утешило ее — заставило почувствовать материнскую любовь в то время, когда она больше всего в ней нуждалась.

Огонь потух до слабого пламени, и я схватил кружку со стола, когда раздался тихий стук в дверь. Я оглянулся на Фэллон, которая свернулась калачиком в углублении дивана, и тихо подошел к двери.

Бэк стоял с другой стороны, выражение его лица было неразборчивым.

— Поговори со мной, с Бенни все в порядке?

Бэк покачал головой, сделал шаг назад, и я последовал за ним на крыльцо, тихо закрыв за собой дверь, но оставив ее приоткрытой. Ранний утренний жар пробежал по моей обнаженной груди, спине. Мое терпение истощалось, пока я наблюдал за ним в смятенных раздумьях.

— Фэллон...

— Она спит, — перебил я и дернул подбородком, чтобы он продолжил.

— Бенни мертв, — торопливо прошептал он, делая шаг вперед. — Он, должно быть, пытался подняться по ступенькам, чтобы добраться до Фэллон, но когда он упал... — он покачал головой, — Я коснулся его, Джулс. Я видел те последние мгновения и слышал крики Фэллон. Он, — Бэк задыхался, почти срываясь, совсем не похожий на монстра, которым его все считали, — Он пытался, чувак. Он действительно пытался, но он был так напуган, и его сердце не выдержало.

Бэк провел ладонями по своей бритой голове, сжал виски.

— Этого не может быть.

Я повернулся, потер виски:

— Этого, блядь, не может быть, — прорычал я, опуская обе руки на фасад дома, ударяя ладонью по обшивке. — Блядь!

— Фэллон с тобой, — сказал он шепотом, как ни в чем не бывало, и появился рядом со мной. — Она с тобой, а Бенни там, в доме Моргана, лежит мертвый у подножия лестницы от сердечного приступа. Кейн и остальные, они все это свалят на тебя. Ты должен отвезти ее обратно.

— Нет, — сказал я, качая головой. Я бы ни за что не заставил Фэллон видеть Бенни таким из-за меня.

— Да, Джулс, — кипел он.

— Нет! — огрызнулся я, и мои глаза расширились, когда я услышал ее тихий плач позади меня.

Глава 37

Джулиан

Я заглянул в дверь и увидел Фэллон, обхватившую голову руками и оплакивающую Бенни. Она услышала, а я стоял, разрываясь между двумя мирами. Между Бэком и Фэллон.

Я закрыл глаза.

— Иди к Джону. Он позаботится о Бенни, — посоветовал я Бэку. — Что касается остальных, пусть приходят.

— Ты совершаешь ошибку, — сказал Бэк, его глаза осуждали меня, наказывали меня. Когда я не ответил, он покачал головой и сбежал вниз по ступенькам.

Я проскользнул в дверь, закрыл и запер ее за собой.

— Фэллон, мне так жаль, — это было все, что я мог сказать, когда шел к ней, зная, что ей нужно, но все еще не уверенный, смогу ли я передать это так, чтобы утешить ее. Мои слова казались бессмысленными, сломанными.

Движением моего запястья жалюзи закрылись, окутав нас темнотой. Диван прогнулся, когда я сел рядом с Фэллон и прижал ее к своей груди. Долгое время мы оставались так. И по прошествии времени мы обнаружили, что лежим на диване, переплетенные. Фэллон судорожно втянула воздух и уткнулась лицом мне в шею. Ее тело дрожало в моих объятиях, и слезы казались сосульками на моей коже. Мое сердце лишилось дара речи.

Могу ли я так сказать? Возможно ли, что мое сердце лишилось дара речи? Это было

чертовски похоже на то. Я не знал, что делать, кроме как крепче прижать ее к себе, проводя ладонью вверх и вниз по ее спине.

Единственные слезы, которые выплакала Агата, были слезы растерянности и ярости. Я много раз был свидетелем криков Джоли, и Джоли плакала так, как будто вкладывала в это все свое тело, неряшливая, мокрая, с покрасневшим лицом, плачущими руками и дрожащими плечами, чтобы весь город знал, что Джоли Блэквелл расстроена. Я научился помогать им, я рос вместе с Джоли и Агатой, но это... это было по-другому. Я слышал, как сердечная боль Фэллон вырывается с каждым прерывистым вздохом.

Всхлипы Фэллон были тихими, мягкими и нежными, как неуместные капли дождя, скатывающиеся по запотевшему окну. Каждая слеза скользила по моей коже, каждая была крошечной каплей воды, такой маленькой по сравнению с океаном. Почти незначительный. Но нет. Конечно, нет. Она плакала, не на публику, но использовала меня как щит. Она хотела побыть одна в своих слезах и также нуждалась во мне здесь. Я молчал и давал ей время, пока ее тихие всхлипы не заставили ее уснуть. Потом, наконец, сон овладел и мной.

Где-то между днём и ночью...

Надвигался вечер. Когда ты сын леса, тебе случалось знать подобные вещи, что означало только то, что мы спали по меньшей мере десять часов. Я был уверен, что никто из нас никогда не спал так долго.

Фэллон пошевелилась, и легкое, как перышко, дыхание сорвалось с ее губ, коснулось моей шеи. Мы лежали на боку, и моя рука скользнула под ее рубашку, прижимая ее к своей груди. Она свернулась калачиком в моем теле, принадлежа ему и заполняя все мои пустоты. Я зарылся лицом между ней и подушкой, желая жить рядом с ней вечно.

Несмотря на мою полноту, угроза того, что должно было произойти, всегда была на один мстительный шаг позади нас. Преследование Фэллон и срыв посвящения в Священное Море были признаком неповиновения Ордену по двум отдельным пунктам. Я не только прервал ритуал, но и забрал девушку, которая, как мне сказали, никогда не будет моей.

Но она была, и, оглядываясь назад, я бы сделал это снова, и снова, и снова.

К этому времени Джон уже отправился в дом Моргана, перевез тело Бенни в морг. Навероятно, также прибрался, потому что он проникся симпатией к Фэллон и не хотел бы, чтобы она столкнулась с последствиями. Тем не менее, город не пришел для того, чтобы устроить ад. Орден никого за мной не посылал. Что-то должно было произойти за эти последние десять часов, чтобы выиграть мне больше времени. Возможно, вмешался мой ковен.

Лежа здесь с ней, я думал о том, чтобы убежать и встретиться лицом к лицу со своим ковенем, чтобы попросить помощи, чтобы увести Фэллон и меня подальше отсюда. До этого момента я ни разу не думал о том, чтобы покинуть Воющую Лощину. Мы могли бы быть вместе. Но ковен никогда не согласится расстаться со мной, и пока я проклят, каждый день во внешнем мире будет представлять опасность для Фэллон. Плюс, Ковен Норвежских Лесов был моей семьей, развращенный и сбивый с правильного пути, но все же моей семьей.

Это были мои решения, мои поступки, и для этого мне пришлось бы столкнуться с ними лицом к лицу. Бегство было реакцией того, кто боялся. Я лучше умру честным человеком, чем проживу эту жизнь трусом.

Раздался стук в дверь. Я выскользнул из-под Фэллон и выпрямился. Стук раздался снова, и я двинулся через дом в полной темноте, по привычке проверяя, надежно ли закреплена моя маска. Мое дыхание застряло в груди. Мои мысли бешено метались.

«Они здесь», — подумал я. Вот оно.

Прежде чем открыть дверь, я еще раз оглянулся на девушку. Моя девочка.

Я повернул ручку фонаря, пока не вспыхнуло пламя, затем снял его с крючка. Дверь приоткрылась на щепку. Холодный озноб проскользнул сквозь щель, и Агата стояла на моем крыльце, кутаясь в толстое пальто. Седые пряди ее волос выбились из-под галстука и теперь растрепались, обрамляя лицо.

— Это правда? Ты вмешался в ритуал Священного Моря? — быстро спросила Агата. Я вышел на крыльцо, тихо прикрыл за собой дверь. Агата посмотрела мне в глаза, когда ее взгляд преобразился всезнающе, в равной степени смущенный и растерянный. Ее рука дрожала, когда она положила ее на основание шеи.

— Боже мой, Джай, она сейчас там?

Я едва мог смотреть на нее.

— Да.

Ее твердая рука ударила меня по лицу, и моя голова дернулась в сторону.

— Я не могу тебе поверить! Почему ты так поступил со мной?

Я закрыл глаза, слыша, как ее глаза наполняются слезами.

— Нет... нет, Джай. Почему ты не мог просто держаться от этого подальше? Почему ты не мог держаться на расстоянии? ПОЧЕМУ? — крикнула она, не в силах сдержать свои эмоции в горле. — О боже, они принесут тебя в жертву. Они сожгут тебя в «Плетеном человеке», Джулиан Джай. О боже! — воскликнула она. — Почему?! Почему ты так поступил со мной?

Покачивая головой, я расправил плечи, пытаюсь найти слова, чтобы объяснить, что я не могу быть вдали от Фэллон. Это нанесло ущерб моей душе. Я никогда не смог бы вырвать Тьму или очистить ее начисто. Но с ней, рядом с ней я был другим. Я снова был собой, а не чем-то проклятым или больным. С ней я был самим собой в той же степени, в какой принадлежал ей. С ней Тьма не могла коснуться меня.

Поэтому, когда мои глаза остановились на обиженных и испуганных глазах Агаты, я мог говорить только правду. — Я люблю...

— Не смей! — закричала она, качая головой.

— Не смей произносить эти слова, ты не имеешь права!

Моя мать била меня по груди, снова и снова, она продолжала бить меня, и я позволял ей. Фонарь выпал у меня из рук и упал на пол.

— Ты чудовище, — выкрикнула она. — Только монстр может причинить мне такое горе, какое причинил мне ты. Ты забрал моего малыша Джонни. Ты забрал моего Джавино, и все это для того, чтобы тоже умереть? Ты всего лишь чудовище, Джай! Я не могу поверить, что ты поставил меня в такое положение... Я сделала все, чтобы защитить тебя, и вот как ты мне отплатил?!

Я застыл, пока она била меня, боль и предательство истекали кровью из ее сердца.

В конце концов, ее конечности ослабли, когда она ослабела, и я обхватил ее руками, крепко прижимая к груди, чтобы поддержать ее вес. Я больше ничего не мог сказать, что заставило бы ее понять. Мимолетные крики Агаты были поглощены глубоким и тускнеющим лесом вокруг нас, когда я прижал ее к себе.

Она взяла себя в руки и отстранилась. — Ты думаешь, она могла бы искренне любить тебя? Пустоголовый язычник? — усмехнулась она.

— Она даже никогда не видела твоего лица!

Моя челюсть сжалась, когда она продолжила:

— Она не одна из нас. Неужели ты думаешь, что она захочет смотреть, как ковен использует тебя, избивает тебя! Оскорбляет тебя! И все это для того, чтобы вытягивать из тебя магию так, как ты был рожден, чтобы тебя использовали? Как ты думаешь, она бы это выдержала? Ты действительно веришь, что она всегда согласится быть второй в твоём ковене? Она хоть представляет, во что ввязалась?

Она глубоко вздохнула, мы оба знали, что это были те самые причины, по которым она никогда не позволяла мне называть ее мамой. Все это было способом максимально дистанцироваться от нее, потому что она сама не могла этого вынести. Для нее это был единственный способ жить с Полым Язычником в качестве сына.

— Ты язычник, а не человек, Джай. Ты живешь в сказке.

— Она любит меня. Остальное — ерунда, — сказал я сквозь стиснутые зубы. То, что у нас было, было настоящим. — Это не логистика или пополнение списка, Агата. Она не просто девушка, а я не просто язычник. Я устал отчитываться перед тобой, ковеном, Орденом.

— Тогда ты чудовище, купавшийся на все это. Тебе нужно вернуть девочку, — сказала Агата более спокойно, чем раньше. — Это были твои решения, и теперь ты должен столкнуться с последствиями, потому что, если ты этого не сделаешь, ты только сделаешь ей хуже, — она вздернула подбородок, два железных кулака в ее глазах, — Ты должен позволить Ордену решить твою судьбу. Избавься от девушки Фрейи, прежде чем втянешь ее в свою жалкую жизнь.

После того, как Агата ушла, я вернулся внутрь и обнаружил Фэллон, сидящую на диване с пустым лицом в темноте. — Ты слышала, — заключил я, подходя к ней. Фэллон не сказала ни слова, и тишина была оглушительной. — Мне неприятно это говорить, но она права. Я только сделаю тебе хуже. Со мной жизнь будет еще хуже. И она знает это, Фэллон. Она через многое прошла, и она просто пытается сделать так, как лучше для всех. После всего, что я сделал, смерти, которые я навлек на этот город, если эти последние месяцы с тобой были лучшими месяцами в моей жизни, я могу умереть, зная, что я был способен на нечто большее. Что я снова могу быть собой.

— Это нечестно, — прошептала Фэллон. Ты когда-нибудь думал обо мне во время своего эксперимента?

— О, да ладно, Фэллон, вряд ли это был эксперимент. Я не ожидал, что это случится с нами, это просто случилось, и ты это знаешь. Я не жалею об этом. Правда, и я бы ничего не стал менять... но я всегда знал, что до этого дойдет.

— О, боже мой, она так быстро запала тебе в голову? И так, они собираются забрать тебя, и ты позволишь им это сделать. Ты собираешься оставить меня здесь совсем одну, ни разу не подумав о том, что это со мной сделает?

— Несмотря ни на что, я уже покойник, Фэллон! Перестань обманывать себя. Ты знала, что это я убил всех. Джонни, Том, Джури, ради всего святого, Ривер Харрисон. Вероятно, я также убил драгоценную городскую Бет Клейтон, и список можно продолжать, длинная череда смертей еще до того, как ты появилась. Но в глубине души ты всегда знала, что это был я. Ты знала, и ты все еще была той, кто... — Я сделал паузу, качая головой, теперь стоя над ней, прижимая палец к груди, — Ты была той, кто нашел меня! Ты говорила со мной! Ты поцеловала меня! Ты спала со мной. Я, Фэллон! Это твоя вина в такой же степени, как и моя! Чего именно ты ожидала? Что мой ковен не накажет меня? Что город просто сделает

вид, что с этими людьми ничего не случилось? Нет, Фэллон, это так не работает. В любом случае, Орден в конце концов узнает, что я сделал. Для меня нет хэппи-энда!

Фэллон посмотрела на меня своими поразительными стеклянными глазами, прыгающими между моими, ее брови сошлись вместе. Я втянул воздух, попыталась успокоить свое бешено колотящееся сердце, прежде чем продолжить:

— Город процветает благодаря балансу. Я всегда знал, что этот день настанет после того дерьма, которое я натворил. Я никогда не заслуживал прожить еще один день после того дня, когда я убил Джонни, но что-то за пределами магии позволило мне продолжать жить ими, и, возможно, встретиться с тобой, возможно, по крайней мере, снять проклятие язычников, искупить свою душу, прежде чем земля заберёт ее. Я, блядь, не знаю, но это всегда было вопросом времени, и... черт! Будь проклят Джулиан Блэквелл за то, что он просто хотел побыть с тобой еще немного!

— Твоя мать промыла тебе мозги!

Она запустила пальцы в волосы. — Ты позволил ей залезть тебе в голову, как они все делали все эти годы, — прошептала она, с отвращением глядя на меня, когда встала с дивана. — Нет, я знаю тебя, Джулиан. Я знаю тебя, и я знаю, что если бы у тебя был выбор, ты бы не сделал ничего из этого. Ты молодец, Джулиан. Ты такой хороший. Это не ты. Это не ты! Как она могла? Твоя собственная мать назвала тебя чудовищем!

— ПОТОМУ ЧТО Я И ЕСТЬ ЧУДОВИЩЕ!

Фэллон постоянно качала головой, не видя вещей такими, какие они есть.

— Нет, это не так! Ты когда-нибудь задумывался о том, что не ты тьма, а все остальные? Джулиан, снова и снова, и снова, они постоянно ломали тебя этими словами, я не знаю, как долго, чтобы удержать тебя именно там, где они хотели. Чтобы держать тебя в приручении. Чтобы украсть твой голос. Твою уверенность. Ты научил меня этому!

Она посмотрела на меня снизу вверх, ее глаза были дикими и живыми.

— Чудовище! Язычник! Убийца! Чертова пустая штука, ПОСМОТРИ НА СЕБЯ!

— Фэллон, прекрати, — процедил я сквозь зубы, и она уперлась ладонями мне в грудь.

— Нет, — она наклонила голову, — Что это, Джулиан? Двадцать с чем-то лет ты позволял им определять тебя? — насмеялась она, используя мои слова против меня и выводя меня из себя. — Ты стал тем, кем они тебя называли, но благодаря тебе, по крайней мере, я сопротивлялась! Когда ты сможешь постоять за себя вместо того, чтобы позволять своей младшей сестре делать это за тебя?

Я схватил ее за нежную шею и притянул к своей вздымающейся груди, моя кровь закипела.

— У меня нет такой роскоши.

Челюсть Фэллон сжалась. Она схватила меня за предплечье.

— Кто сказал? — прошептала она в мою хватку. Мой взгляд метался между ее свирепыми глазами, и она положила руку на мой покрытый шрамами торс.

— Как это случилось, Джулиан? Твой ковен делает это с тобой?

Моя челюсть сжалась, мышцы напряглись.

— Ты не поймешь.

— Конечно, ты мне не скажешь.

Фэллон рассмеялась, но смех был таким же пустым, как и я.

— Ясно, что с того момента, как ты родился, весь город отвернулся от тебя. Они сделали это с тобой! И ты не был создан для этого, Джулиан, ты не был создан! У тебя так

много любви и страсти к своему ковену, ты был рожден, чтобы возглавить его, вернуть все к тому, как было раньше, как ты сказал в своей истории. Не становись таким и не прячься в этих лесах. Ты лучше их!

Мое сердце сжалось в груди. Мои глаза затуманились. Я не мог моргнуть, боясь того, что может выйти наружу, если я это сделаю.

И все же, все же, угрожающие слезы дрожали в уголках моих глаз, когда я говорил:

— Где ты была двенадцать лет назад, когда я нуждался в тебе?! Где ты была до того, как я убил Джонни? Где ты была до того, как пустота забрала меня? Ты не имеешь права так поступать со мной. Ты не имеешь права приходить сюда сейчас и кормить меня лживой чушью, когда я не могу вернуться и что-то изменить. Факты все те же. Что сделано, то сделано! Я не могу вернуться и отменить это! Это была очень хорошая речь, Фэллон! Но ты опоздала на двенадцать лет!

Я закричал, отпуская ее, отталкивая ее, прежде чем я сделаю или скажу что-то еще, о чем буду сожалеть. Я упер руки в бока, повернул голову.

— Садись в машину. Я должен отвезти тебя домой.

— Трус! — выплюнула она.

— Всего лишь монстр, — поправил я, направляясь в свою комнату за рубашкой.

Фэллон последовала за мной.

— Лицемер.

— Виновный.

Я схватил с кровати рубашку и натянул ее через голову.

Когда я повернулся к ней лицом, по ее разгоряченному лицу катились слезы.

— Не делай этого со мной, — отчаянно прошептала она.

— Пожалуйста, Джулиан, не позволяй им забрать тебя.

— У меня нет выбора.

Яркие фары высветили перед нами только для того, чтобы их поглотила ночь. Тревожная тишина заполнила салон, пока я ехал к собственности Моргана. Если бы Фэллон могла стать дверью машины, к которой она была прижата, она бы это сделала. Она продолжала смотреть в запотевшее окно, ее взгляд соединял звезды.

Мне было интересно, что происходит у нее в голове. Я удивился, почему она дрожит, хотя у меня был сильный жар. Я задавался вопросом, простит ли она меня когда-нибудь за это.

И когда я свернул на подъездную дорожку, я чуть не передумал.

— Я люблю тебя, Джулиан Блэквелл, — прошептала она, ее взгляд был прикован к дому перед нами.

— Ничего не изменилось. Это всегда был ты. Каждый раз.

Фэллон потянула за рычаг на двери машины, и у меня сжалось в груди. Дверца машины открылась, и в моем сердце запульсировала боль. Она поставила одну ногу на землю, и я не мог этого вынести.

— Фэллон, подожди, — выпалил я, хватая ее за руку.

Дверца машины была открыта, и я схватил ее за затылок, заглянул ей в глаза. Все, что я хотел сказать, горело у меня в горле. Я закрыл глаза. Открыл их. Я сглотнул, чувствуя комок в горле. Слова не выходили, и Фэллон покачала головой и вырвалась из моих объятий.

Я хлопнул ладонями по рулю, прежде чем уронил голову на руки, не в силах смотреть, как она уходит.

Боль, которую я держала внутри себя, была холодной и тяжелой, как цемент, высыхающий в моей груди.

Я не хотела входить в дом. Я застряла между Джулианом в машине позади меня и жуткой пустотой от того, что дедушки не было по другую сторону двери передо мной. Стрдание в форме иглы вонзилось мне в грудь, а разбитое сердце полоснуло меня по спине, как хлыст. Я не могла избежать этой боли, надвигающейся на меня с обеих сторон.

Как только дверь защелкнулась на месте, из моего горла вырвался чужой вопль. Я привалился спиной к двери, соскользнула на деревянный пол. И когда я подумала, что слез больше не осталось, они появились.

О, как много их было.

Их бесконечное море, и каждая слезинка горячее, как голубое пламя.

В доме тоже было холодно и тяжело, как будто все собрали вещи и уехали. Тела дедушки здесь не было. Призрака дедушки здесь не было, и я лежала здесь, свернувшись калачиком у подножия лестницы перед дедушкиными часами. Они звонили каждые три часа, напоминая мне, что время идет. Без дедушки. Без Джулиана.

Когда умер папа, я была уверена, что нет большей боли. В тот момент все остальное не имело значения. То, что люди говорили обо мне, то, как люди относились ко мне, ничего. Ничто не причиняло такой боли, как осознание того, что я никогда больше не увижу папу, тем более что он никогда не придёт ко мне.

Потом умерла Мариетта, и я подумала, что была готова, так как уже пережила самую большую потерю. Но я ошибалась. Это был совершенно новый уровень боли. Например, когда мать говорила, что не понимала, сколько в ней любви, пока не родила второго ребенка. Я не знала, какую сильную боль я способна испытывать, пока снова не потеряла. И еще раз. И еще раз. Когда это вообще прекратится?

В доме было так тихо, что я заснула здесь, на полу, но только потому, что не могла больше бодрствовать, ожидая прихода его духа. Проходили часы. Глухой удар! Стук в дверь разбудил меня, когда я заставила себя подняться на ноги, все еще одетая в рубашку Джулиана, слишком большие пижамные штаны Джулиана, которые свисали с моих бедер и прикрывали ноги. Я открыл дверь, и утренняя газета по иронии судьбы лежала на покрытом листьями коврике у двери. Я стояла там, уставившись на неё. Это было иронично, потому что мальчик-почтальон наконец-то научился доставлять новости к входной двери, но только после того, как дедушки уже не было здесь, чтобы увидеть это.

Мудак. Или, как сказал бы дедушка: болван.

Я полагаю, что это было правдой. Только после твоей смерти люди начали прислушиваться.

Как будто я делала это тысячу раз, и с газетой, зажатой в руке, я добралась до кофейника, заварила его. Скорбящий Фредди играл на заднем плане, рассказывая о Хэллоуине, празднике Самайн и еще о чем-то, я была уверена. Все это не имело значения.

Потом я разгадала кроссворд для дедушки, потому что он не мог, прикованный к этой рутине, как будто это был извращенный поворот Игры Джеральда — книги, написанной Кингом о девушке, которую муж приковал наручниками к кровати в уединенном домике на озере незадолго до того, как он умер от сердечного приступа. Так же, как и она, независимо от того, с какой стороны я на это смотрела, я все еще была здесь. Я застряла. Я была одна,

потому что дух дедушки все еще не посетил меня.

Мне потребовалось два дня, чтобы принять душ.

Три на уборку дома.

Четыре, чтобы оставить его, понимая, что дедушка не придет.

Мне придется пойти к нему.

С каждым проходящим мимо уличным знаком, указывающим на похоронное бюро, я замечала каждый свой вдох. Белые облачка влаги, выделяющиеся при каждом выдохе. Холод впился в мою кожу, ледяной поцелуй предупреждения о зиме. Обещание, что новый сезон все равно наступит. Время все еще шло своим чередом, и его не контролировала потеря самого старого мудака в мире или отказ от любовника. Вокруг меня небо было сурово-серым, город пале был окрашен в цвета мрачного пепла. Я ничего не чувствовал, так как мое лицо онемело.

Я въехала на стоянку. На кладбище, слева от мавзолея Блэквелл, Бэк собирал осколки разбитых надгробий и бросал их в колесную бочку. Потускневшие листья осыпались под моими ботинками, когда я подошел к нему, готовый встретиться с ним лицом к лицу и задать ему вопросы. Я никогда раньше не разговаривала с Бэком, но из трех других Полых Язычников Бэк Пэриш казался наименее пугающим.

Может быть, это было что-то в его глазах...

— Тебе нужна помощь? — спросила я, мой взгляд метался туда-сюда по его согнутой спине и нагромождению камней вокруг нас.

Глаза Бэка метнулись на меня, затем вниз к камню, который он собирался поднять. — Нет, — сказал он, держа камень в руках, прежде чем с глухим стуком бросить его в тачку!

Он отряхнул руки и опустил их на бедра под куртку, глядя на меня так, как будто давал мне разрешение говорить или уходить. Синева его глаз была глубиной в сажень, от поверхности океана до дна моря — тысячи оттенков синего, бегущих по потоку эмоций. Потерявшись в них, я утонула прежде, чем смогла вздохнуть. Каждый раз. В отличие от Джулиана, чьи глаза были щитами и мечами, глаза Бэка показали мне все, рассказали мне все. Все, кроме того, что я хотела знать.

— Как Джулиан? Они забрали его? С ним все в порядке?

Бэк покачал головой, обвел нас взглядом, прежде чем наклонился, чтобы поднять еще один камень. — Я не должен был говорить с тобой —

— Я знаю, — вырвалось у меня. — Но, пожалуйста, прошло уже несколько дней, а я ничего не знаю. Это убивает меня. Просто дай мне знать, что с ним все в порядке.

— С Джулианом все в порядке.

— Ты так говоришь только потому, что я сказала тебе это сказать, или с ним действительно все в порядке?

Бэк выпрямился и расправил плечи.

— Орден проявил милосердие, учитывая обстоятельства того, что случилось с Бенни, благодаря Агате и Гуди. Я был там, смог рассказать о последних минутах Бенни, — он сделал паузу, вытер лоб, — И нет, Джулиан не в порядке. Джулиан — чертова развалина. Он оторвал от меня взгляд, наклонился, схватил еще один камень и бросил его в тачку.

— Он просто пытается поступать правильно по отношению ко всем. Потому что это тот, кто есть Джулиан.

Но с ним все было в порядке. Они не забрали его, и я сделала полный вдох и закрыла глаза, медленно расслабляясь.

Джона не было за его столом, когда я вошла в похоронное бюро. Чем дальше я шла к моргу, тем холоднее становился воздух. Джулиан упоминал, пока мое сознание включалось и выключалось, что дедушка будет здесь после того, как я говорила о нем во сне, что Джон хорошо о нем позаботится.

Леденящее дыхание коснулось основания моей шеи, заставив мой пульс участиться, когда моя рука толкнула холодную серебряную дверь в морг. Ровное тик-так-тиканье хромированных часов, висящих на белых цементных стенах, отдавалось от пола до потолка.

Тик-так. Тик-так. Туда-сюда. Нервирующие часы.

Я потеряла шею, пытаюсь унять беспокойство. Со мной в этой комнате было больше, чем просто воздух. Здесь лежали все мои спящие красавицы. И мой дедушка тоже. Мурашки поползли по коже, спрашивая, готова ли я.

Спрашивая, будет ли кто-нибудь когда-нибудь готов.

Вдоль дальней стены выстроились ряды шкафчиков для хранения вещей. Я стояла перед ним, ища имя дедушки, но не была уверена, отметил ли его Джон. Я сделала шаг назад, затем мой взгляд переместился вправо, чувствуя, как меня тянет к шкафчику в дальнем конце. Я закрыла глаза, и новый порыв дрожи пробежал по моему позвоночнику, оседая, как будто ему там и место. Как будто я привыкла терять людей, как и должно быть. Но это было не так.

Прежде чем я успела убежать, я положила пальцы на рычаг и потянула дверь назад. Мороз изнутри коснулся моего лица. Раскладушка легко выдвинулась, и на его тело легла тонкая белая простыня. Никто не должен делать это в одиночку. Никто вообще не должен был этого делать.

Я набрала воздуха в легкие и откинула простыню, и как только мой взгляд остановился на его хрупком, бледном лице, мои чувства стали бесполезными. Мои пальцы дрожали, когда я нащупала край койки, чтобы устоять на ногах. Я поймала себя на том, что киваю, пытаюсь заставить себя смириться с тем, что он ушел, но я не могла, и тогда моя голова затряслась.

— Прости, — воскликнула я, наклоняясь. Мои слезы падали на простыню. У меня текло из носа, но я не мог оторвать руку от койки, чтобы вытереть его. — Дай мне еще один день, боже, пожалуйста, дай мне еще один день с ним. Мне нужно больше времени, — пробормотала я сквозь это, слезы и сопли смешались, и мои глаза затуманились. — Ты не можешь оставить меня, дедуля. Ты не можешь оставить меня! Почему ты, черт возьми, должен был бросить меня? Почему ты не хочешь навестить меня?!

Я запрокинула голову, посмотрела на флуоресцентные лампы. Я хотела услышать его голос, но больше никогда его не услышу. И я не чувствовала его. Его здесь не было! Я не могла попрощаться, и это было так больно!

— Вернись ко мне, дедуля! Ты мне чертовски нужен, придурок! Ты никогда не рассказывал мне о моей матери. Ты ни черта мне не сказал, и ты был неправ! Ты сказал, что знание правды калечит! Но незнание того, кто я есть, калечит!

Учащенно дыша, я отпускаю койку и хватаюсь за бок, чтобы сделать глубокий вдох. — Мне так жаль. Я не знаю, почему я такая, — я едва могла выдать из себя, говоря глупости, но не могла сформировать мысли так, как они должны формироваться. Кто-то забыл некоторые детали, когда собирал меня вместе. — Я не хочу прощаться!

Я боялась снова открыть рот. Я не знала, что всплывет наружу. Обвинять его, когда я этого не хотела. Ругаться на него. Еще один душераздирающий крик. Вопль. Или какая-то

чудовищная комбинация того и другого. Мои ноги подкосились, и прежде чем я рухнула на пол, пара знакомых рук подхватила меня, притянув к своей груди.

— Он не вернется, — закричала я в его рубашку, сжимая хлопок в кулаках. — Почему он не возвращается?

— Шшш... — Джулиан погладил меня по затылку, по спине. Он повел нас на пол к шкафчикам, держа меня в своих объятиях. — Смерть — это не конец. Что было, то будет снова.

Я не знала, почему он был здесь после того, что он сказал.

Я была просто рада, что он был, и крепче вцепилась в его рубашку.

— Это не может быть правдой, — сказала я, выхватывая дедушкино письмо из рук Джона. — Дедушка ненавидел оба ковена.

— Как только ты становишься членом Ковена Норвежских Лесов, ты становишься семьей, Фэллон. Всегда. Это был не выбор Бенни или Норвежского лесе, чтобы он ушел, это был союз Тобиаса и Фрейи. Это письмо было написано только в прошлом году. Он все еще хотел, чтобы его кремировали в том же месте, где кремировали его жену. К сожалению, Джавино больше нет с нами, чтобы провести церемонию, так что придется обойтись Гуди.

Я покачала головой. — Нет. Если это было то, чего хотел дедушка, я устрою ему его церемонию с Норвежским Лесом, но Кларенс Гуди не будет ее проводить. Ты это сделаешь.

— Я не верховный жрец.

— Мне все равно. От этого человека, Кларенса Гуди, у меня плохое предчувствие. Ты должен сделать это для меня. Я даже не могу думать о том, что Кларенс возглавит похороны дедушки. Нет, я не позволю этому случиться.

— Поскольку ты его ближайший родственник, я исполню твои желания. Мы проведем церемонию сегодня вечером. Есть ли кто-нибудь, кого ты хотела бы, чтобы я пригласил за пределами Ковена Норвежских лесов?

— Я не знаю. Мина Мэй?

— Хорошо, я свяжусь с Миной.

Джон постучал по стопке бумаг на своем столе, и они снова легли на место, прежде чем он повернулся в кресле, сложил их в тот же шкаф для документов, который я когда-то взломал.

— Эй, Джон?

— Ммм? — фыркнул он, держа ручку во рту.

— Джулиан будет там?

Джулиан пробыл со мной в морге целый час, прежде чем приехал Иона и привел меня в эту комнату. А потом он ушел. Все это было так коротко.

— Да, Джулиан является частью церемонии, — ответил он как ни в чем не бывало. — Если ты беспокоишься о том, что вы двое будете близки и все будут смотреть, они не будут. Священное Море, ни Орден не могут вмешиваться в наши традиционные верования или ритуалы. Они не могут наказывать его за то, что он будет рядом с тобой во время похорон.

Позже тем же вечером я стояла перед зеркалом в полный рост, разглаживая белое хлопчатобумажное платье, которое достала из шкафа. Верхняя часть моих волос была заплетена во французскую косу, кончики касались грудной клетки. Я посмотрела в пол, ожидая увидеть Каспера, но его там не было. Каспер не возвращался с той жестокой ночи.

Мина Мэй забрала меня из дома на «Шевроле Вуди Вэгоне» восьмидесятых, и мы вместе молча поехали в сторону Норвежских лесов, и у меня скрутило живот. Мина

шмыгнула носом, прежде чем наклонилась, похлопывая мои скрюченные пальцы на коленях, давая мне знать, что она здесь, что она рядом. Может быть, этот жест был больше для нее, чем для меня.

Машина проехала сквозь туннель деревьев, их ветви изгибались и изгибались над головой. Как только мы доехали до конца дороги, она въехала на покрытую листьями землю и припарковала машину.

— Эта дверь не открывается изнутри, ди. Мне придется зайти спереди и забрать тебя, — сказала она. Я кивнула, хотя она уже вышла из салона.

Солнце медленно опускалось за лес, разбрызгивая по небу цвета сепии, и после долгой прогулки по тихому и тусклому лесу мы прибыли. Я застыла на месте, увидев по меньшей мере двадцать-тридцать человек, которые образовали круг вокруг алтаря, все держались за руки.

Некоторых я знала мимоходом, а некоторых никогда раньше не видела. Джоли и Агата. Рен Уайлдс, мистер Хайланд и его дочь, владелица тату-салона. Оушен, бездомный человек. Еще несколько человек, но я не смогла разобрать больше ни одного имени. Женщины были одеты в платья разных цветов, на головах у них были цветочные короны. Мужчины были одеты в лесные зеленые одежды, на шеях у них висели кости и цепочки с подвесками, такие же, какие носили язычники. Здесь было тихо и спокойно. Мое сердце бешено колотилось, я не знала, куда идти и что делать. Мина стояла рядом со мной, тоже посторонняя.

Круг разорвался, когда через него прошел Джулиан, одетый только в брюки и с черепом животного, прикрепленным к его лицу. Босой, он шел ко мне с цветочной короной, свисающей с его пальцев. Его шаги бесшумно ступали по земле, и он остановился у моих ног. Из его носа вырвался вздох.

— Ты в порядке? — прошептал он, надевая корону мне на голову, его серебристые глаза метались взад и вперед от моих к макушке. Я кивнула, глядя на его острые губы, на то, как они были одинаково пропорциональны, на изгиб его носа, его подбородок, угол его подбородка, запечатлевая все это в своей памяти, не уверенная, когда я увижу его таким снова.

Он протянул руку. — Пойдем со мной.

И я вложила свою руку в его, прежде чем он повел меня обратно через круг. Я чувствовала на себе взгляды всех присутствующих, но это не был осуждающий или изучающий взгляд. Мне почти казалось, что это были взгляды восхищения, а не то, чего я ожидала.

Джулиан наклонил голову. — Это безопасное место, — заверил он меня шепотом. — Ты чувствуешь себя комфортно?

— Да, — сказал я тихим голосом и, оглянувшись, увидел Джона, стоящего за алтарем, а другие язычники стояли рядом с Джоном. Кларенс Гуди взялся за руки с другими в кругу вокруг меня, и мой взгляд проследил за линией, когда он остановился на Мине, которая освободила для себя место.

Джулиан остался рядом со мной, сжимая мою руку в своей, когда Джон прочистил горло, чтобы заговорить. Он представился и рассказал о своей должности, о владельце похоронного бюро и о том, что привело нас сюда. Он назвал мое имя, имя бабушки и поблагодарил ковен за их поддержку. Джулиан провел ладонью по моей руке, переплетая свои пальцы с моими. Затем нежно сжал мою руку, как будто он проталкивал через меня любовь.

— Мать всех нас, собери нас в свои объятия. Ты, кто знает горе потери любимого человека, пошли нам утешение. Отец и защитник стоят на нашей стороне. Ты, знающая жизнь и смерть, посылаешь нам наставления... — продолжил Джон, и я не могла оторвать взгляда от тела дедушки, лежащего передо мной. Я не заметила, когда Джон перестал говорить.

— Фэллон?

Я повернула голову на звук, и Джулиан посмотрел на меня сверху вниз светлыми серебристыми глазами. — Не хочешь ли сказать несколько слов, прежде чем мы разожем костер?

У меня перехватило горло, а во рту пересохло. — Костёр?

— Феникс и я направим его душу в Летнюю Страну, где он будет в покое и будет ждать своего возвращения. Ты увидишь его снова. Я обещаю, — заверил он.

Я оглянулась на дедушку, размышляя о своей способности скользить между мирами — между жизнью и смертью — и о том, что мое проклятие видеть мертвых не всегда может быть надежным. Когда я стояла, сжимая руку Джулиана, а мы с дедушкой находились по разные стороны пропасти, мне хотелось верить Джулиану. Я действительно поверила Джулиану. Я верила в его веру, поскольку он говорил об этом с неизмеримым доверием.

Я подошла ближе к дедушке и наклонилась над его телом. Закрыв глаза, я поцеловала ткань там, где был его лоб, и одинокая слеза скатилась по моей щеке.

— Ты свободен, дедуля, теперь тебя ничто не удержит.

Ту же молитву, которую я произносила сотни раз до этого. — Что было, то будет снова, — добавила я шепотом. Те же самые слова, которые Джулиан сказал мне в морге.

Когда я сделала шаг назад, Джон заговорил в стихотворной форме. Когда это было произнесено во второй раз, язычники присоединились к нему. Затем, когда это было произнесено в третий раз, все в скандинавских лесах произнесли те же самые слова глубокого покоя.

Джулиан отошел от меня и встал напротив Феникса с дедушкой между ними, когда они положили ладони на его тело, мышцы на их руках напрягались, когда они нажимали. Остальные члены круга продолжили молитву, когда дедушка загорелся, а я разрыдалась.

Ночь продолжалась, тлеющие угли и искры костра поднимались к звездному небу. Я не отрывала глаз от неба, наблюдая за желтыми, оранжевыми и серыми пятнами дыма на фоне черного полотна. В какой-то момент Джулиан встал у меня за спиной. Мы вместе долго смотрели, ничего не говоря.

Во время кремации, один за другим, каждый человек пожелал мне мира и поцеловал в щеку, прежде чем уйти. Джоли и Агата обняли меня. Мина Мэй тоже, заявив, что вернется, чтобы забрать меня домой, как только кремация закончится.

Итак, я осталась там на несколько часов.

Уже за полночь.

Полые язычники и Джон тоже остались.

Было тихо.

И как только пламя погасло, Джулиан вытащил что-то из кармана. Изящная серебряная цепочка свисала с его ладони, когда он подошел к алтарю. Когда он вернулся ко мне, он надел ожерелье мне на шею. Оно было похоже на то, которое Джулиан и другие члены ковена носили на груди. Мои глаза крепко зажмурились, и как только ожерелье было надето, я схватила подвеску с прахом дедушки.

— Спасибо, — воскликнула я.

Перед уходом я с благоговением наблюдала, как Зефир взмахнул руками по бокам, создавая торнадо. Оставшийся прах бабушки унесся ветрами Зефира и по спирали поднялся к звездам.

Я люблю тебя, дедуля.

Глава 39

Фэллон

Дождь барабанил по балконным окнам, и откуда-то доносилось царапанье. Это звучало так, словно заостренные кончики ветвей деревьев скользили по стеклу, как гвозди. Это была проповедь бури, которая стремилась войти внутрь.

Окна и двери были закрыты, делая все возможное, чтобы задержать свистящий снаружи ветер. Тем не менее, из-за бури в доме гулял воздух. Свет то включался, то выключался, а за балконными дверями волны становились все громче, вспениваясь сильнее, белые гребни разбивались о морские скалы.

Старый дом погрузился в кромешную тьму, и я, ухватившись за перила, осторожно спустилась по лестнице. В коридоре, ведущем к кухне, стояла старинная клетка. Внутри — набор свечей. Я схватила подсвечники в одну руку и наполнила свои руки свечами всех размеров. Я открыла ящик и порылась в беспорядке, нащупывая квадратную форму спичечного коробка.

Каждый раз, когда ударяла молния, темно-синий цвет разрывал серое небо, давая мне немного света, чтобы разглядеть путь в гостиную. За каждым ударом гремел гром, и я выгрузила предметы, которые держала в руках, на кофейный столик, зажгла каждую свечу и разбросала их по всему дому.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, ощущение было такое, как будто кто-то наблюдал за мной, но дом был пуст. Единственной душой в этих стенах была моя собственная, но я все еще не могла избавиться от этого чувства.

Я сидела, свернувшись калачиком в бабушкином кресле, прислушиваясь к царапанью, дождю, раскатам грома, когда темная тень скользнула по полу гостиной. Я дернула головой в сторону окна, уловив половину силуэта фигуры по другую сторону запотевшего стекла. Это длилось всего долю секунды, прежде чем оно исчезло.

«Там никого нет», — убеждала я себя. «Это не реально». Как получилось, что в тот момент я больше боялась живых, чем мертвых?

Я плотнее закуталась в толстое бабушкино одеяло, но странное чувство так и не прошло.

Затем раздались три громких и резких удара во входную дверь. Я встала на ноги, схватила свечу с тумбочки, мое сердце колотилось, как рассеянное эхо дверного молотка. Никто не придет сюда, особенно во время такой бури. И это не мог быть Джулиан. Он никогда раньше не стучал в парадную дверь. Он всегда поднимался по ступенькам балкона, входил сам. Кто, черт возьми, это был?

Когда я открыла дверь, улыбка Киони превратилась в прямую линию, когда она стояла, дрожа в своем фиолетовом плаще.

— Ты собираешься впустить меня или как?

— Ты с ума сошла? Что ты здесь делаешь?

Я отступила в сторону, когда свирепый ветер схватил меня за волосы, натянув кардиган. Киони быстро выскользнула из шторма, а я боролся с ветром, чтобы снова закрыть входную дверь и запереть ее.

Киони сняла свое промокшее пальто, и я забрал его у нее, повесила на вешалку. Когда я обернулась, она поправляла прическу.

— Я одолжила машину Биби. Ты не должна быть с этим сейчас одна, — она сняла ботинок, затем другой, — Ты знаешь, как долго я сижу на твоей подъездной дорожке, считая, сколько шагов потребуется, чтобы добраться до двери, прежде чем в меня ударит молния? Я — настоящий друг.

Мои плечи расслабились.

— О, так это ты была в окне?

— Я? Нет, в смысле? Ты видела кого-то в окне?

Ее голова склонилась набок, взгляд метнулся к окну.

— Нет, я думаю, что нет. Не бери в голову.

Я обняла ее, просто счастливая, что она пришла.

Киони сжала меня в ответ, и когда я отпустил ее, она подняла палец, прежде чем открыть сумку, которую держала в руках. — Я принесла нам немного закусок. Когда ты в последний раз с кем-то ночевала?

Кроме Джулиана?

— Эм... никогда.

Я рассмеялась, и тут в дверь снова постучали. — Кто бы это мог быть, черт возьми?

Киони встала у меня за спиной, когда я открыла дверь. Ветер завыл, когда два тела протиснулись в дверь и захлопнули ее за собой, вход внезапно показался слишком маленьким. Мандэй и Фэйбл смотрели то на Киони, то на меня.

— Это будет странная ночь, — пробормотала Мандэй.

— И это говоришь ты? — я натянула кардиган вокруг талии, — что ты вообще здесь делаешь? Тебе не рады в моем доме!

— Ты и я, — палец Мандэй помахал между нами, — нам нужно поговорить. Ты можешь ненавидеть меня прямо сейчас, но, по крайней мере, выслушай меня. Кроме того, ты не можешь выгнать меня, когда на улице буря. Это было бы жестоко.

— О, так у тебя все спланировано.

— Да, вроде того, — сказала Мандэй, бросая свою сумку на пол рядом с вешалкой для одежды. — Я привела Фэйбл в качестве судьи, но, похоже, у тебя есть свой.

— Это просто смешно. Я не хочу с тобой разговаривать.

Гром сотряс дом, и Мандэй опустила глаза. Фэйбл неловко оглядела коридор. Киони стояла рядом со мной, скрестив руки на груди, и, прищурившись, смотрела на них двоих. Неужели они ей не нравились по какой-то причине? Я заметила это с первого дня, но никогда не думала спрашивать об этом до сих пор. — Ты можешь остаться, пока не закончится шторм.

— Но не ешь мои пирожные «Вупи-Пай», — выпалила Киони.

— Никто не хочет твои пирожные Вупи, — усмехнулась Мандэй.

Киони закатила глаза. — Все хотят «Вупи-Пай».

Фэйбл подняла палец. — Да, я, возможно, захочу «Вупи-Пай».

— О, черт возьми, хватит о Вупи-Пай, — простонала я.

Дедушкины часы пробили полночь. Мы вчетвером сидели в гостиной. В тишине. Мы все были разбросаны по крайней мере на три фута. Фэйбл и Мандэй на дальнем диване, по одной с каждого конца. Киони одна на длинном диване, а я снова в дедушкином кресле. Было чертовски неловко, но шторм все еще был сильным, и никто не собирался уходить в

ближайшее время.

— У меня есть идея, — выпалила Фэйбл. Она пришла в леггинсах и большой толстовке с завязками с логотипом Вуду, скелет в цилиндре с неоновыми цветами. Она развела скрещенные руки. — Давайте выпьем. Я уверена, что у Бенни где-то в этом доме есть хороший алкоголь. В конце концов, он Гримальди. Фэллон, ты не возражаешь? Или...

— Да, потому что алкоголь решает все, — сказал Мандэй с другой стороны дивана.

— Отлично.

Я отмахнулась от нее.

Фэйбл встала с дивана.

— Алкоголь правда решает все... временно, — пробормотала она, обходя диван по пути на кухню. — По крайней мере, это поможет нам пережить ночь, потому что, эй... здесь неловко.

Взгляд Мандэй проследил за Фэйбл, когда Киони вскочила с дивана и направилась к лестнице.

— Куда ты идешь? — спросила я, поворачиваясь в кресле, не желая, чтобы она оставляла меня в комнате наедине с Мандэй.

— Здесь должно быть что-то, чем мы могли бы заняться. Я пойду поищу в комнате для гостей, может быть, смогу что-нибудь откопать.

Из кухни донесся стук кастрюль об пол. — Я в порядке! Все хорошо! — крикнула Фэйбл.

Я втянула губы, откинулась на спинку кресла, отказываясь смотреть на Мандэй. Напряжение усилилось, когда я почувствовала на себе серьезный взгляд Мандэй. — Мне жаль Бенни, — тихо сказала она с другого конца комнаты. — Я понятия не имела, что произошло, и если бы я знала... Никто не хотел, чтобы это случилось, Фэллон.

Мои глаза расширились.

— Этого бы вообще не случилось, если бы Кейн не вломился в мой дом, — я покачала головой, — Ты не понимаешь, не так ли? Мы не говорим о испорченном платье или потерянной сережке, Мандэй. Мой дедушка мертв. Мертв! Из-за глупой шутки Кейна или что бы это, черт возьми, ни было. Мой дедушка, Мандэй! Кейн должен сгнить за то, что он сделал, но нет же. С ним ничего не случится. Он засранец. Почему ты вообще с ними водишься?

Мандэй прикусила губу, глаза наполнились слезами. — Ты знаешь почему. Я сказала тебе почему. Священное море — моя единственная семья. Я думала, ты это понимаешь.

— Ну, этот трюк лишил меня единственной семьи, которая у меня осталась, и ты просто ожидала, что я прощу тебя?

— Нет, я никогда не ожидала, что ты простишь меня, но я, по крайней мере, хотела, чтобы ты выслушала меня.

Голос Фэйбл донесся из кухни, прерывая нас. — Я нашла бутылку текилы в буквальном смысле в форме сердца. И не сердце Валентинки, а сердце органа.

— Войдя в гостиную, она потрясла бутылкой над головой, держа в другой руке четыре пластиковых стаканчика. Я бросила на Мандэй свирепый взгляд, не желая больше говорить об этом.

— Можно мне взять бутылку, когда мы закончим?

— Ты же не думаешь, что мы прикончим эту бутылку за одну ночь, правда? — спросила я, озадаченно сдвинув брови.

Меня должно было раздражать, что они все были здесь, рылись в его доме, пили его алкоголь. Однако этого не произошло. Все это было ерундой. Незначительные вещи, которые человек не мог забрать с собой, когда умирал. Ни разу ни один дух не просил меня сберечь их кошелек или часы. Ничто из этого больше не имело значения.

— Ты просто меня не знаешь, — бросила вызов Фэйбл, ставя бутылку и стаканы на кофейный столик. Она начала наливать, когда на лестнице раздались шаги Киони.

— Один для тебя, и один для... тебя.

Она начала раздавать пластиковые стаканчики с надписью Hobb's Grocery по бокам.

Когда Киони плюхнулась обратно на диван, в руках у нее была коробка, а на голове — темно-фиолетовая шляпа с павлиньим пером, что-то из эпохи Гэтсби. Ее ладонь смахнула пыль с лицевой стороны коробки. — Я уже давно не работал с доской для спиритических сеансов.

— Это как секс, — пробормотала Мандэй. — Ничего в игре не изменилось.

Фэйбл взяла последнюю чашку и вернулась на диван. — Я бы не назвала это игрой.

— Ты уверена, что спиритическая доска — это хорошая идея? — Я не хотела, чтобы мой голос звучал так нервно.

Киони улыбнулась. — Что самое худшее, что может случиться?

Мы вчетвером выпили по первому стаканчику текилы, стащили подушки и пледы с диванов на пол и сели вокруг спиритической доски, бутылка текилы между мной и Фэйбл. Мандэй сидела напротив меня, и свечи мерцали в темной комнате, отбрасывая танцующие тени на стены. Снаружи все еще лил дождь в успокаивающей и ритмичной последовательности, а шторм со свистом проникал в щель под дверью.

— Хорошо, как это делается?

Мой взгляд метался между всеми тремя из них.

Мандэй кивнула головой. — Киони — экстрасенс.

Киони вытянула руки, хрустнула костяшками пальцев. — Только потому, что я происхожу из рода экстрасенсов, это не значит, что я знаю, как это делается.

Мандэй изогнула бровь. — Значит, ты не знаешь, как это делать?

— Нет, я знаю. Я просто говорю... ты не должна предполагать.

— Это не имеет смысла, — недоверчиво улыбнулся Мандэй. — Ты экстрасенс, и ты говоришь, что я не должна предполагать, даже если я была права.

Киони закрыла глаза, положила пальцы указатель. — Тише, у меня от тебя болит голова, и мне нужно сосредоточиться.

Мандэй застонала.

— Хорошо, хорошо, хорошо, давайте просто сделаем это, — сказала я им, и остальные из нас тоже положили пальцы на указатель.

Мы все замолчали, и единственными оставшимися звуками были те, что доносились снаружи дома. На короткое мгновение все замерло, когда кто-то спросил:

— Разве мы не должны взять бумагу и ручку, прежде чем начнем?

Я приоткрыла один глаз.

а — Мы не призываем писателя-призрака, ожидая романа, — объяснила Киони с невозмутимым лицом, и смех сорвался с моих губ. — Мы будем задавать простые вопросы, и я уверена, что мы сможем запомнить буквы. Теперь все сделайте еще один глоток и закройте глаза. И не давите на указатель. Движения происходят по импульсу с другой стороны.

— Хорошо, — согласились мы все и проглотили по стаканчику.

Я была последней, совершив ошибку, держа жгучую жидкость во рту и медленно выпивая ее, что было еще хуже. На вкус это было как обычная жидкость для снятия лака. Не то чтобы я когда-либо раньше пробовала жидкость для снятия лака, но пахло именно так.

— Готовы? — спросила Киони в последний раз, и теперь все наши пальцы были на указателе.

Мы с Фэйбл сказали «да» в унисон.

Мандэй молчала.

Глаза Киони закрылись, выражение ее лица стало спокойным, а грудь расширилась, когда она глубоко вдохнула, а затем выпустила воздух через слегка приоткрытые губы, как будто она точно знала, что делает. Свет свечи освещал ее лицо мягким мерцанием, как от проектора.

— Есть ли какие-нибудь духи, которые хотели бы выйти? — спросила она серьезным и спокойным, бархатистым тоном.

Я снова приоткрыла один глаз и увидела, как Мандэй пытается сдержать смех, когда указатель начал двигаться. — О, черт, — выдохнула Фэйбл, — Хорошо, кто это делает? Мандэй, это ты?

— Нет, чувак.

Стрелка переместилась на «Да», и мы все одновременно прошептали это слово.

— Хорошо, хорошо, хорошо, спасибо, замечательно.

Киони была в своей уважительной манере. — Не могли бы вы назвать нам свое имя?

— В... В...

— Они пытаются сказать «Воющая» по буквам? — спросила Фэйбл: — Что такое В..В? Что это значит?

Мы все заставили ее замолчать.

— О... О... П... — смех Мандэй сорвался с губ. — Вупи?

Киони убрала руки с указателя. — Очень смешно.

— Может быть, нам следовало начать с подношения, — улыбнулась Мандэй. — Где пирожные Вупи?

— Никто не прикасается к пирожным Вупи! Киони схватила бутылку из-под текилы, отпила из нее, передала по кругу, и все разразились смехом, включая меня. — Хорошо, давайте на этот раз будем серьезны.

Потребовалась минута или две, чтобы наше заклинание смеха исчезло, прежде чем наши пальцы вернулись к указателю. — Взываю к любому духу, который хотел бы выйти, — начала говорить Киони. — Мы здесь. Мы слушаем, пожалуйста, назовите нам свое имя.

Свет свечей потускнел, как по команде, и в комнате потемнело. Холод пронесся между нами, и я огляделась вокруг, не видя никаких призраков. Указатель быстро скользнул по доске. На этот раз это было быстро, и мы едва успевали. «Н», — скандировали мы, и он снова скользнул, — «А»

Глаза Мандэй расширились.

— Ладно, на этот раз это не я, — призналась она, потрясенная. И указатель задвигался торопливо, почти сердито.

«Й»... «Д»... «И»... «М»...

Указатель остановился, и моя кожа покрылась мурашками, а сердце подскочило к горлу.

— Найди меня, — прошептала я, мои пальцы оторвались от указателя.

Я покачала головой. Это не мог быть он. Это не мог быть призрак, который покинул

меня так давно. Тот, с белыми волосами и галактикой в глазах. Глаза такие черные. Демонический. Тот, кто впервые пришел ко мне, когда мне было всего восемь лет.

— Я не смогу найти тебя, если не буду знать твоего имени, — крикнула Мандэй, прижав ладони к бокам.

— Потому что он не помнит своего имени, — прошептала я себе.

— Фэллон? — Киони положила руку мне на бедро. — Все в порядке?

Я кивнула, поерзав на месте, и поправила пижамные шорты, кардиган, завернула его плотнее. Я не могла усидеть на месте. — Я в порядке, передай бутылку.

— Ты уверена... — начала Фэйбл.

— Да, — сказала я более резко, чем намеревалась. И затем, более спокойно: — Мне просто нужно выпить.

Я махнула рукой в жесте «передай». Текила обожгла мне горло, согрела грудь и щеки. Я выдохнула с облегчением.

— Давайте просто не будем этого делать, — сказала Киони, кладя указатель обратно в коробку и складывая доску.

Фэйбл вздохнула.

— Я хотела бы знать, что, черт возьми, только что произошло.

— И мне хотелось бы знать, почему, черт возьми, ты носишь эту дурацкую толстовку.

Мандэй потянула ткань.

— Значит, мы можем напиваться там каждую пятницу вечером, но я не могу носить эмблему?

Брови Мандэй сошлись на переносице. — И Феникс Уайлдс не имеет к этому никакого отношения?

— На что ты намекаешь?

Мои глаза метались между ними, как на теннисном матче.

— Я вижу, как ты смотришь на него каждую пятницу вечером этими «трахни меня» глазами, — сказала Мандэй, и они продолжили спорить. Рядом со мной Киони запихнула в рот целое пирожное Вупи. Я выхватила бутылку из рассеянной руки Фэйбл, отвинтила крышку.

Киони наклонилась в сторону и прижалась губами к моему уху. — Они всегда такие? — спросила она с набитым ртом и не сводя глаз со спорящих девушек.

Я кивнула. — Почти.

Киони сглотнула, затем один раз хлопнула в ладоши. — Фэйбл Салливан, у меня есть идея, как это уладить, — заявила она. — Хочешь встретиться со своим мужем сегодня ночью?

Две девушки повернули головы в сторону Киони, и улыбка Киони вспыхнула в уголке рта. Я восхищалась тем, как она так легко сняла напряжение. — Ну же, сейчас октябрь.

Она пожала плечами.

— Вы делали это раньше?

— Ни за что, — покачала головой Фэйбл. — Я этого не делала и не сделаю. Я не играю со своей судьбой. Я не хочу знать.

— Боишься увидеть Феникса в зеркале? — спросила Мандэй и повернулась ко мне и Киони.

— Я сделаю это.

— Сделаешь что? — спросила я.

— В октябре говорят, что если ты войдешь в темную комнату со свечой и помотришь в зеркало, то увидишь отражение своей единственной настоящей любви через плечо позади, — объяснила Киони.

— Это просто суеверие, — добавила Мандэй и помахала рукой перед собой. — Фэллон не верит в такие вещи.

— Итак, я идеальный объект, — сказала я, затем посмотрела на Киони. — Я сделаю это.

— Но если ты увидишь его, это засядет тебе в голову, и ты можешь подсознательно все испортить, сама того не зная, — лениво ответила Фэйбл, на нее подействовало действие алкоголя.

— Нельзя получить и то, и другое.

Я прищурила глаза.

— Да, я рискну, — сказала я, поднимаясь на ноги. — Что я должна сделать?

— Фэллон Морган, посмотри на себя.

Мандэй хитро улыбнулась снизу. Она наклонилась и потянулась к основанию подсвечника, подняла его для меня.

— Возьми это и иди в ванную.

— Она должна съесть яблоко, — заявила Фэйбл и посмотрела на меня блестящими карими глазами. — Ты должна съесть яблоко, иначе это не сработает.

Ей не нужно есть яблоко, она просто должна очистить его, — поправила ее Киони.

Я перевела взгляд с одной на другую, горячий воск стекал по моим пальцам.

— Вы, девчонки, чокнулись.

Пять минут спустя я стояла перед зеркалом в ванной на первом этаже. Свеча отражала мягкий свет вокруг моего лица в зеркале, стоявшем на раковине. В одной руке я держала яблоко, в другой — овощечистку.

«Это, наверное, самая глупая вещь, которую я когда-либо делала», — сказала я себе, затем оторвала взгляд от зеркала и начала чистить ярко-красную кожуру в одну свернутую спираль. Этот цвет напомнил мне губы Джулиана. Прошло много времени — слишком много времени — с тех пор, как я пробовала их на вкус, с тех пор, как я чувствовала их на своих губах. В последний раз я видела Джулиана на похоронах бабушки, а это было несколько дней назад.

Я никогда не ожидала, что он будет тем, кто сделает это настолько запоминающимся для меня или для его ковена, чтобы поддержать меня.

С тех пор Джулиан не приходил на балкон, и у меня заныло в груди от тоски по нему. Мои пальцы крепче сжали овощечистку. Стук!.. стук!.. стук!.. звук был похож на сердцебиение из протекающего крана, и сверкающие струи дождя стучали в окно ванной.

Я сосредоточилась на яблоке и на том, что делали мои руки, не уверенная, хочу ли я это делать и правильно ли я это делаю. Но я не могла остановиться. Что-то овладело мной, когда мои пальцы продолжали двигаться, а яблоко вращалось между ними. Воздух вокруг меня был холодным, и маленькие волоски на моих руках встали дыбом, в комнате раздалось тихое гудение.

— Фэллон.

Шепот моего имени повис в воздухе, но я продолжала чистить, мое тело гудело. — Посмотри на меня.

Глубокий голос, такой мягкий и ангельский.

Я покачала головой, продолжая чистить, чистить и чистить. Джулиана здесь не было, и

даже когда я думала об этом, где-то внутри меня было больно. Джулиана здесь не было. Возможно, если бы я повторяла это достаточно часто, я бы начала в это верить. И это было бы не так больно.

Джулиана здесь не было.

Овощечистка порезала мне палец, и яблоко выпало у меня из рук. Кровь потекла красной струйкой по белому фарфору и потекла в сливное отверстие раковины. Я смотрела, как кровь капает с моего пальца, и мой взгляд следовал за алым потоком. Загипнотизированный, мой взгляд стал ленивым, когда кровь превратилась в узор, рисуя форму невидимым пальцем. Сначала пересекались узоры, пока не образовалась звезда. Пятиконечная звезда.

— Фэллон, — снова раздался голос, сопровождаемый падением температуры. Белый туман окутал мои губы. Было так холодно.

Именно тогда я почувствовала, как его грудь прижалась к моей спине.

Пять красивых пальцев прошлись по всей длине моей руки, пока он не схватил мой палец и не убрал его от края раковины. Он направил мою руку вверх, и я подняла взгляд на отражение в зеркале. Джулиан стоял позади меня, к его лицу был прикреплен череп импалы. Два пепельно-коричневых рога указывали на потолок. На шее у него висели серебряные цепочки, на одной из которых была цилиндрическая урна с прахом того, кого он любил. У меня перехватило дыхание, и он поднес мой палец к своим губам и погрузил его в свой теплый рот. Я почувствовала, как его язык скользнул вверх по всей длине, и не могла пошевелиться.

— Джулиан, — вырвалось на дрожащем выдохе, и он схватил меня за талию другой рукой, прижимая наши бедра друг к другу. Он был таким реальным, я чувствовала его повсюду вокруг себя. Везде...

Я закрыла глаза, когда ладонь Джулиана скользнула по моему голому животу под рубашкой, чуть ниже талии моих шорт. Жар взорвался внутри меня, когда его пальцы коснулись чувствительной кожи. Я открыла глаза, и они превратились в серебристые, когда его язык обвился вокруг моего пальца. Затем он вытащил его изо рта и подкрасил нижнюю губу кончиком моего пальца. Каждое его прикосновение было легким, но как прикосновение к нервному окончанию, интенсивным.

— Я тоже скучаю по тебе, — прошептал он мне на ухо, понимая, и я хотела, чтобы это был он, потому что эти ощущения были горячими... эти чувства были опасными... все это было слишком...

— Где ты был, почему ты не вернулся ко мне?

— Они привязали меня к лесу в качестве наказания, я не могу уйти. Я застрял здесь, и я не могу их остановить. Я хочу, чтобы они остановились! — сказал он мне в шею почти болезненно.

— Пожалуйста, Фэллон. Иди ко мне. Ты должна прийти ко мне.

Бах! Бах! Бах!

А затем:

— Фэллон, прошло много времени, ты там в порядке? — спросил кто-то.

Фэйбл?

Я оторвала взгляд от раковины, снова видя в зеркале только себя. Я сделала шаг назад, и кровь в раковине исчезла. На моем пальце не было пореза. Когда я посмотрела вниз, мое тело содрогнулось.

Вокруг моих ног на яблочной кожуре было написано одно слово.

«Реально».

Глава 40

Джулиан

В одно мгновение мои глаза открылись, расширились, мое сознание резко вернулось к реальности — моему личному аду. Я дернул головой, увидев Зефира справа от меня, Феникса слева и Бэка напротив меня.

Мы были здесь уже несколько часов, а буря все еще бушевала прямо за сараем. Тяжелый туман хлестал через открытые двери сарая, замораживая мою обнаженную плоть, когда я дрожал на месте, слабая попытка моего тела бороться с болезненными толчками.

Только одна рука была прикована цепью к потолку, наши ноги прикованы к стальным прутьям, просверленным в земле. Зеф теперь где-то потерялся, его глаза были закрыты, когда Ребекка использовала ремень, обернутый вокруг ее запястья, чтобы изгнать его стихию. Феникс кипел рядом со мной, пена стекала с нижней части его маски. Каждый полный агонии стон, исходивший от моих братьев, цеплялся за то, что было у меня в груди.

Я зажмурился, желая вернуться к Фэллон, умоляя богов забрать меня из этого сарая и вернуться в ее присутствие, где было мирно, спокойно. Я не знал, как мне удалось сделать это всего мгновение назад, потому что до сих пор такого никогда не случалось. Это был краткий миг с ней, и я полагаю, что каким-то образом создал его из боли, официально потеряв рассудок в переходном состоянии. Забери меня обратно, забери меня обратно.

Еще один удар, а затем:

— Я больше не могу!

Феникс зарычал, запрокинув голову, каштановые волосы промокли и прилипли ко лбу.

— Сейчас, сейчас, язычник. Помни, для кого ты это делаешь. Скоро все закончится, — голос Кларенса отразился от стен сарая позади нас. Стоны и крики смешались во влажном воздухе, когда одна из девушек ковена порезала кожу Бэка. Холодный пот выступил у меня на лице как раз в тот момент, когда хлыст ударил меня по позвоночнику, и боль распространилась по всему телу.

— Черт, — вскипел я, напрягаясь и откидывая голову назад. Обе мои руки были сжаты в крепкие кулаки, зная, что я не могу выпустить свою стихию прямо сейчас. Ещё нет.

— Давай же, Блэквелл, — рывкнул Кларенс, затем еще один удар по моей нижней части живота.

Я наклонился вперед, и моя рука дернула за цепь, обернутую вокруг моего запястья. Я схватился за живот свободной рукой, моя кожа покрылась волдырями, горела и саднила. Я просто хотел, чтобы это прекратилось, но я должен был держаться. Мои глаза снова зажмурились, когда пальцы прошли по моей груди и напрягшемуся прессу. Когда они снова открылись, я увидел голову, полную каштановых волос. Фло, подруга Уиннифред, посмотрела на меня с огнем в глазах.

— Продолжай, Флоренс. Не останавливайся сейчас, он почти готов, — приказал Кларенс.

Стиснув зубы, я покачал головой, используя все силы, чтобы держать себя в руках.

— Ты не можешь прикасаться ко мне, — процедил я сквозь зубы. Моя грудь вздымалась, и я дернул за удерживающее устройство.

— ТЫ, БЛЯДЬ, НЕ МОЖЕШЬ КО МНЕ ПРИКАСАТЬСЯ!

Она снова щелкнула цепью против меня, и я сосредоточился на бутылке в центре

языческого круга, приготовленная, чтобы поймать наши элементы. Я не знал, сколько еще смогу продержаться, но пытка была единственным способом эксгумировать все пять наших элементов одновременно.

Зеф внезапно замер, и из его груди вырвалось зеленое сияние — чистейшая форма его магической стихии воздуха. Он сделал глубокий вдох, все еще в состоянии контролировать его после того, как его захват рассеялся, проделав это дюжину раз. Зефир Гуди был лучшим из троих в управлении своей магией, и я сосредоточился на том, как его свободная рука направляла ее в бутылку из его прикованного положения, пока графин не наполнился зеленовато-зеленым оттенком. Уиннифред заткнула отверстие, ожидая следующего элемента. Девушка освободила Зефира, и он рухнул на землю.

— Джулиан, — пропела Фло, запустив пальцы в мои мокрые волосы.

Моя голова кружилась в агонии, мое тело было истощено. Я поднял взгляд на Бэка, и я мог сказать, что он сдался. Я медленно покачал головой, побуждая его продолжать. Единственный выход из этого был через это.

Бэк зажмурился, затем снова посмотрел на меня. Я вздернул подбородок и кивнул. Он обхватил рукой цепь, чтобы подтянуться еще раз, когда раздался еще один треск пронзил воздух, и рядом со мной грудь Феникса выгнулась, его тело напряглось, когда он пытался сдержать вопль, который, я знал, застрял у него в горле.

— Кларенс, хватит, — выплюнул я. Единственным ответом Кларенса было заставить девушку наносить ему удары снова, снова и снова. Тело Феникса обмякло, и я отвел взгляд.

— Сосредоточься, Джулиан, — сказала Фло мне на ухо, возвращая меня к тому, что было передо мной. Комната кружилась, но я должен был держаться. — Что я должен сделать, чтобы вытащить это из тебя, язычник?

Моя голова откинулась назад, пока мой взгляд не остановился на ней.

— Будь кем-то другим.

Улыбка Фло погасла, и она ударила меня по лицу. Моя голова дернулась в сторону, где Феникс едва мог держать голову, девушка использовала на нем все инструменты из своего арсенала. Я склонил голову набок, чтобы увидеть стоящую там Фло, ее грудь поднималась и опускалась, когда она тяжело дышала.

— Ударь меня еще раз, — приказал я. И она ударила меня сильнее, когда я покачнулся в сторону, чувствуя, как энергия скачет по моим венам.

— ЕЩЕ РАЗ!

Фло взмахнула цепью в воздухе, как лассо, прежде чем она треснула меня по боку. Боль пронзила меня до мозга костей, пронзила весь мой скелет. На секунду я увидел блэка и заставил себя поднять голову, когда Бэк поднялся, его голубая водная стихия закручивалась из его сверкающей груди. Он едва мог держать глаза открытыми, и я покачал головой, теперь все мое беспокойство было на нем.

Как раз перед тем, как его цвет потускнел, Бэк выкарабкался и направил свой элемент к бутылке, где Уиннифред поймала его. Девушка освободила его, и он тоже рухнул на пол, раскинув руки по бокам, его дыхание совпадало с шумом проливного дождя.

Еще один язычник, и я мог бы отпустить его. Я бы никогда не выпустил свою духовную стихию, пока все мои братья не закончили, мне нужно было быть рядом на случай, если что-то пойдет не так. Феникс был последним, и он едва мог больше держаться на ногах.

— Я закончил, — тихо сказал он, его слова сливались воедино. Кровь сочилась из его ран, стекая по загорелой коже. Он откинул голову назад. — Я больше не могу.

— Да, ты можешь. Остались только ты и я, Никс, — сказал я ему. Всегда оставались мы с ним, потому что он испытал больше пыток, чем любой из нас. На его теле были шрамы, доказывающие это.

Феникс склонил голову набок, следуя моему голосу, его золотые глаза сияли.

— Если кровоточит, то больно, — сказал я, напоминая ему, что он не был объектом. Эта боль была доказательством того, что мы были людьми, воинами, и у нас были сила, сердце и воля, чтобы пройти через все.

Лодыжка Феникса перекадилась по сене, когда он повис на цепи. Он резко выдохнул и подтянул другую ногу, пока она не коснулась твердой земли. Краем глаза я заметил, как Кларенс подошел к Фениксу сзади со своим ремнем и хлестнул его, полоснув по спине. Спина Феникса выгнулась, и он наклонился вперед, но цепь зацепилась за его запястье, удерживая его на месте.

Еще через несколько минут наблюдения за тем, как Феникса избивают с обеих сторон, его тело содрогнулось, кулаки сжались так сильно, что из ладоней потекла кровь. Его магия подняла его на цыпочки, когда ярко-желтое облако вырвалось из его маски, его носа.

— Контролируй это!

Я закричал, наблюдая, как он позволил этому контролировать себя.

— Никс, черт возьми, контролируй!

Феникс был вне этого, заперт где-то в зоне, которой здесь не было. Кларенс схватил Феникса сзади за шею, и я сорвался.

Моя рука взметнулась, и магическая сила вырвалась из моих пальцев, отбросив Кларенса назад, пока он не оказался прижатым к стене сарая. Сосредоточившись, я удержал его там и прищурился на элементе огня, направляя его взглядом на графин в середине, пока он не смешался с другими в темно-зеленоватый цвет. Уиннифред вытащила пробку, ее глаза поднялись на меня.

— Отпусти его, — сказал я девушке, стоявшей перед Фениксом, отказываясь отпустить Кларенса, пока он не освободится.

Испугавшись, она быстро освободила его запястье, и его тело с глухим стуком упало на пол! Затем девушка опустилась на колени и освободила его лодыжки.

Я снова обратил свое внимание на Фло, которая все это время наблюдала за происходящим.

— Тебе придется выбить это из меня, — прорычал я, зная, что она должна была сделать. Фло покачала головой. Я напугал ее, и теперь она беспокоилась о том, что я могу с ней сделать, если она продолжит.

— СДЕЛАЙ ЭТО!

Я хотел, чтобы это закончилось сейчас. Фло прищурилась и снова потянулась за хлыстом.

— Как пожелаешь, — прошептала она, делая несколько шагов вперед.

Я уже давно перестал притворяться, что мне не больно. Мне больше не нужно было ждать, так как с остальными закончили.

— Давай, Кларенс, чего ты ждешь?

Я передразнил его, и он засмеялся у меня за спиной. Я услышал, как он подошел ближе по сему, и выпрямил спину, умоляя об этом.

Затем удары последовали с обеих сторон, один за другим. Я зажмурился, сосредоточившись на боли. Вибрация снова пробежала по моим венам, и я сжал кулаки.

— СИЛЬНЕЕ!

Я чувствовал, как рассекается моя кожа, каждый раз хуже, чем в предыдущий. Фло порезала мне бок, и после еще нескольких ударов мое тело затряслось. Крик вырвался из моего горла. Яркий серебристый свет, элемент духа, вырвался из моей груди! Вместе с ним в его цвете закружилось испорченное черное облако.

Я напряг мышцы, обретая контроль. Сквозь прозрачное облако Виннифред ждала с графином, и я использовал свою тяжелую руку, чтобы направить его к ней. Цвета воевали друг с другом, воевали со мной. Каждая вена на моей руке пульсировала под кожей, и облако переместилось к Виннифред и в бутылку. Она заткнула дыру, и моя рука безвольно упала.

— Хорошая работа, Блэквелл, — сказала Фло певучим голосом, проводя пальцами по моим ранам. После стольких лет они заживут, как и остальные мои шрамы, превратятся в потускневшие красные и белые линии, но только после того, как они сначала проникнут в мою душу.

Внутренние шрамы никогда не заживали, потому что они всегда кровоточили.

Используя остатки сил, я освободился от цепей.

Зефир уже пришел в себя, снова надел штаны и помог Бэку подняться с земли. Я медленно наклонился, борясь с болью, когда схватил свои штаны рядом с цепями, в которые я был закован.

Я в последний раз взглянул на Кларенса Гуди.

— Я буду ждать у Эдвинов, — сказал я ему, затем повернулся к тому месту, где лежал Феникс, и просунул ноги в штаны, прежде чем поднять его с земли, поддерживая его вес.

— Все кончено? — спросил Феникс, не в силах открыть глаза.

— На сегодня, — сказал я ему, обнимая его за талию. — До следующего раза.

И мы вчетвером вместе вышли из сарая в холодную бурю.

Эдвины жили в маленькой хижине на противоположной стороне Норвежского леса, между моим домом и плантацией Гуди. Они были отшельниками — членами Ковена Норвежских лесов и хранителями приходской родословной. Они жили так, как другие люди забыли, питаясь ресурсами с земли, а не из города, без электричества, используя только воду из источника. Виктор Эдвин был хорошим человеком, построил все вокруг кресла, в котором я сидел, включая само кресло.

Мы ждали в гостиной, единственным источником тепла был огонь, горевший в камине. Зефир спал на диване, Феникс — в спальне. Миссис Эдвин обработала наши раны. Мы знали, что лучше не отказываться после первого раза много лун назад. Она всегда была как мать для нас четверых.

— Бедные мальчики, — воскликнула миссис Эдвин, прижимая к боку Бэка мокрое полотенце. Я уловил низкое шипение Бэка, дрожь в его глазах. Он ненавидел, когда к нему прикасались. — Мне невыносимо видеть, как вы проходите через это.

Маленькая слезинка скатилась из уголка ее глаза. Я моргнул, делая вид, что ничего не вижу.

— Это ради Джозефины, — сказал я ей. — Она важна для нас. Все вы важны для нас.

— Но это все равно не исправит ситуацию, — прошептала она, нанося мазь из магазина Агаты на рану Бэка, прежде чем заклеить ее пластырем. — Так не должно быть.

— Это то, что мы делаем, — напомнил ей Бэк, наклоняя голову, чтобы поймать ее взгляд. — Вот почему мы были созданы для таких людей, как вы. Миссис Эдвин, я бы сделал это тысячу раз ради вашей семьи.

Джозефина, дочь миссис Эдвин, кашлянула из спальни, пока мы ждали прихода Кларенса с графином. Я поднялся с дивана на ноги. — Я проверю, как она.

Миссис Эдвин кивнула. В выражении ее лица был мир, полный вины.

Я схватился за бок, пока шел по темному коридору. Дверь Джозефины была приоткрыта, и я дважды постучал костяшками пальцев, прежде чем толкнуть ее. Джозефина лежала на спине, ее лицо блестело от пота.

Я пододвинул стул и сел рядом с ней.

— Джоджо, это я, — сказал я, хватая ее за руку.

Казалось, ей потребовалось много усилий, чтобы приоткрыть глаза. Ее лицо было бледным, длинные черные волосы мокрыми и прилипли к шее. Когда она слегка улыбнулась, из ее груди вырвался еще один кашель. Я не мог поверить, что кто-то такой маленький может издавать такие болезненные звуки.

Я закрыл глаза и снова сжал ее руку.

— Оно скоро будет здесь.

— Джулиан? — прошептала она.

— Да?

— Что тебе пришлось сделать, чтобы получить это?

Я выдавил из себя смешок, пытаясь отыгратья.

— Ну, на самом деле это не твое дело, не так ли?

Джозефине было четырнадцать, на два года младше Джоли, и миссис Эдвин была очень непреклонна в том, чтобы не рассказывать ей всего. Я уважал желания ее матери. Все мы.

— Ты неважно выглядишь, — сказала она мне.

— Я в порядке.

Ее тело затряслось, и я коснулся ее лба. У неё как будто температура под 42 градуса. Где, черт возьми, Кларенс? Я схватил тряпку с тумбочки, окунул ее в маленькое ведерко рядом с кроватью и выжал.

— Мы должны сбить эту лихорадку.

Если Кларенс не появится, я сомневаюсь, что Джозефина переживет эту ночь.

— Как она? — спросил Бэк с порога.

Покачивая головой, я сложил полотенце и положил ей на лоб. Она так сильно напоминала мне Джоли, что было трудно видеть ее такой. Бэк вошел, сел на край кровати. Когда он положил ладонь ей на грудь, его голова дернулась в мою сторону. Я приподнял брови.

— Нужно сбить, — прошептал он, говоря о температуре.

— Что происходит? — спросила Джозефина, ее глаза двигались взад и вперед под веками, как будто что-то искали. Бэк провел рукой взад-вперед по своей гудящей голове.

— Ничего. Спи, Джоджо, — он успокоил ее, затем посмотрел на меня. — Мы должны привести ее к источнику.

— Мы не можем. Мы едва можем идти, а снаружи бушует шторм. Это может принести больше вреда, чем пользы.

— Тогда я принесу ей источник, — сказал он с паникой в голосе.

— Ты только что использовал магию. У тебя сейчас ничего нет.

— Мы должны что-то сделать.

— Мы и так что-то сделали!

Бэк вскочил на ноги, перегнулся через кровать и приоткрыл окно. — Где, черт возьми...

— Мистер Гуди, — донесся из гостиной голос миссис Эдвин. — Поторопитесь, она

здесь.

Мы с Бэком посмотрели друг на друга, затем на дверь, когда вошли миссис Эдвин и Кларенс. В его руке графин с нашей магией, казалось, уменьшился вдвое, как и несколько раз до этого.

Я наклонился и выхватил у него графин.

— Не думай, что я не замечаю, — сказал я ему, затем повернулся к Джозефине.

— Быстро, кто-нибудь, принесите мне чистой воды.

Миссис Эдвин поспешно вышла из комнаты и вскоре вернулась с керамическим графином. Я принялся за работу, вытащил пробку и наполнил графин водой. Жидкость переливалась цветом, когда я вращал ее, смешиваясь с туманом. Мой взгляд метнулся к Джозефине, которая едва держалась на ногах. После смешивания я налила волшебную жидкость forest green magic в чашку.

— Бэк, держи ее за затылок, — проинструктировал я.

Бэк забрался в кровать и устроился рядом с Джозефиной, затем приподнял ее голову.

— Джоджо, ты должна сейчас же проснуться, — прошептал он, убирая волосы с ее лица.

— Бэкс?

— Да, я здесь, — сказал он и постучал по ее подбородку. — Открой рот.

Тело Джозефины начало биться в конвульсиях, и мой взгляд метнулся по ее телу, страх сковал меня изнутри. Позади нас закричала миссис Эдвин.

— Бэк, у нее приступ, чувак. Переверни ее на бок, — сказал я в панике.

Бэк попытался перевернуть ее, но у него ничего не получилось. Магия плеснула в стакан, когда я вскочил на ноги и толкнул графин в грудь Бэка. Бэк взял его, и ее дрожь стала сильной, ее тело дергалось по всей кровати, как одержимое. Изголовье кровати ударило о стену, и Бэк попятился, пока не уперся спиной в окно.

Я толкал ее, пока она не оказалась на боку, стараясь быть как можно осторожнее, пока судороги не прекратились.

— Моя малышка! — воскликнула миссис Эдвин, и я вытер лоб рукавом, скользнув взглядом по выражению беспомощности на лице Бэка.

Затем ее судороги прекратились. Она не дышала.

Мое сердце бешено колотилось, когда я перевернул ее на спину.

— Нет! Давай, Джоджо!

Я схватил ее сзади за шею, откинул ее голову назад, чтобы открыть рот. Рядом со мной Бэк взял управление на себя. Отчаявшись, он сорвал с себя маску и начал делать ей искусственное дыхание.

— Уведите отсюда миссис Эдвин!

Я позвал Гуди, не желая, чтобы миссис Эдвин рисковала увидеть лицо язычника или стать свидетельницей смерти своей дочери.

Мое дыхание затаилось, а сердце замерло в ожидании, когда я увидел, как слезы текут из глаз Бэка, когда он пытался вернуть ее к жизни, его тело сотрясалось.

Жестокая тишина тянулась, а Бэк отказывался сдаваться.

Я больше не мог смотреть, и как только я отвернулся, Джоджо ахнула.

Я повернул голову на звук, каждый мускул в моем теле таял от облегчения. Бэк откинулся на спинку стула, откинув голову назад и закрыв лицо без маски, когда из него вырвался крик.

— Возьми себя в руки, мы еще не закончили! — напомнил я ему, опустив голову, чтобы не видеть его лица, пока он надевал маску.

Нам все еще нужно было ввести элементы в ее организм. Я похлопал Джозефину по щекам, чтобы разбудить ее. Она не двигалась! Дышит, но без сознания. У нее может начаться еще один припадок, если мы не будем действовать быстро.

Я продолжал отчаянно похлопывать Джозефину по щекам, не желая причинять ей боль. Ее челюсть сжалась, и я схватил ее сзади за шею одной рукой, сжимая ее челюсть другой, пока она не открылась.

— Сейчас, Бэк!

Бэк открыл графин и влил волшебную жидкость ей в рот, жидкость стала белой, пропитав ее лицо, наволочку, простыни. Давясь, она попыталась выплюнуть это, и я сжал ее челюсти, заставляя ее проглотить. Глаза Джоджо резко открылись, и ее рука качнулась в мою сторону. Боль пронзила мое тело, и моя челюсть сжалась, когда я схватил ее за руки свободной рукой, чтобы удержать ее на месте.

Она держала жидкость во рту, и я навалился на нее всем своим весом, чтобы удержать ее руки прижатыми, держал одну руку на ее челюсти, а другой несколько раз щелкнул ее по горлу.

— Глотай, Джоджо!

Мои силы были истощены, и мы использовали заимствованную энергию.

Наконец, комок в ее горле исчез, и я закрыл глаза, делая выдох. Джозефина успокоилась, и я отпустил ее, поглаживая ладонями ее лицо.

— Теперь ты можешь спать, — выдохнул я, моя грудь тяжело вздымалась. Бэк откинулся на спинку кровати и прикрыл глаза рукой, пытаясь отдышаться.

Я похлопал его по ноге.

— Ты хорошо поработал.

Он покачал головой.

— Что-то вроде того, — прошептал он, ущипнув себя за переносицу.

— С моим ребенком все в порядке? — дрожащий сквозь слезы голос миссис Эдвин донесся с порога.

Опустив голову, я перевёл дыхание, прежде чем повернуться к ней лицом, выпрямившись во весь рост.

— С ней все будет в порядке. Сейчас ей просто нужно немного поспать.

Миссис Эдвин поблагодарила меня, заплакала, поблагодарила и снова заплакала, прежде чем пробежать мимо меня к своей дочери, нянчась с ней. Я вышел из комнаты, но по пути к выходу остановился перед Кларенсом.

— Еще секунда, и она могла умереть. Почему ты так долго?! — прошептал я, оглядываясь, чтобы убедиться, что миссис Эдвин не может услышать.

— Сейчас не время обсуждать это.

— Я иду домой, — сказал я ему. — Но я буду на плантации Гуди с первыми лучами солнца, чтобы вернуть свои права. Ты не можешь вечно держать меня взаперти в этом лесу, Гуди. Я не принадлежу тебе.

— Ты не уйдешь до вечера бала у Прюиттов. А до тех пор ты привязан к этим лесам.

Глава 41

Фэллон

Утро наполнилось запахом сырой, вырытой земли.

Я глубоко вдохнула и убрала руку Фэйбл себя, выскользнув из-под одеяла. Кофейный столик был придвинут к книжному шкафу, и все девочки были разбросаны по ковру в гостиной, спали с торчащими отовсюду конечностями, горой одеял, подушек и тел. На книжной полке стояли черные стаканчики для вечеринок, а пустая бутылка из-под ликера в форме сердца стояла на полу рядом с копной каштановых волос.

Я не могла заснуть, всю ночь ворочалась с боку на бок.

Джулиан был в зеркале.

Настоящий, образованный из яблочной кожуры, валявшейся на полу.

Боль в моей груди от тоски по нему никогда не пройдет.

Скучать по нему было все равно, что скучать по каждому упущенному шансу в чем бы то ни было. Стоящий прямо передо мной, но такой далекий. Я тянулась и тянулась, а он ускользал и ускользал, как дым, как туман. И когда-то в моей душе был сад, наполненный малиновыми, полуночными и жемчужными красками. Но теперь все цветы умирали.

И я скучала по нему. Вот и все. Я скучала по нему.

Восход солнца наступил так, как будто он так же соскучился по небу. Он опустился над океаном, разбрызгивая по горизонту краски своего собственного сада, золотые и розовые лепестки простирались во все стороны и дальше — сад души утра.

Я на цыпочках прокралась на кухню, когда песнь легкого дыхания и храпа наполнила дом, девочки так мирно спали. Вокруг дома было естественное сияние, как будто прошло много времени с тех пор, как он принял жизнь и впервые стал свидетелем пьяного смеха во время бурной ночи. Частицы пыли плавали в солнечных лучах, проникающих через кухню. Все было ярким и живым, кроме меня.

Я поставила кофейник, мне нужно было пойти к Джулиану, я планировала пойти к Джулиану.

Он хотел, чтобы я пошла к нему, и я пошла бы.

Я бы пошла туда, куда он хотел.

Кофе булькал позади меня, наполняя воздух своим пробуждающим ароматом, когда я смотрела в окно, где передо мной открывался новый день, но не еще один день, когда я не смогу быть с ним. Я была полна решимости.

Я вынесла свой кофе на задний двор и опустилась в кресло-качалку. Сломанные ветви деревьев, листья и следы бури покрывали небольшое расстояние между домом дедушки и краем утеса.

Дом дедушки.

Но дедушки здесь больше не было. Кто теперь будет заботиться об этой собственности? Должна ли я уехать, найти новое место, чтобы жить? К кому вообще обратиться по этим вопросам?

— Доброе утро, — прошептала Мандэй, входя через заднюю дверь и прерывая мои мысли. Вокруг ее глаз размазался черный макияж, а рыжие волосы были зачесаны и спутаны на одну сторону. Она взяла на себя смелость сесть на стул рядом со мной. Тихий скрип стула на мгновение заполнил неловкую тишину, прежде чем ее нетерпеливый голос вернулся:

— Когда ты впервые приехала сюда, я сказала Кейну и Маверику, что ты будешь работать со мной в похоронном бюро. Я была просто рада познакомиться с тобой... Я не ожидала, что они используют тебя против меня.

Ее слова привлекли мое внимание, и я наклонила голову, посмотрела на нее.

— Как они могли использовать нас друг против друга?

Мандэй положила ноги на основание сиденья, прижала колени к груди. Воздух снаружи был свежим и успокаивающим. Я никогда раньше не замечала, какие у нее темно-зеленые глаза. Они были не яркими, как у Зефира, и не тусклыми, как у Адоры, а темно-зелеными, как у леса.

Потом я заметила, как она вцепилась в теплую кружку. Я заметила, как она опустила глаза, как у нее перехватило дыхание...

— Они сказали, что если я смогу убедить тебя присоединиться к Священному Морю, это будет моим пропуском. Но потом ты мне начала нравиться, Фэллон. Типа, мы могли бы действительно стать друзьями, понимаешь?

Она покачала головой.

— Я держусь за это чувство вины с тех пор, как мы встретились. Как будто это всегда стояло на пути между нами.

Действительно стать друзьями? Как друзья, которые прыгнули бы со скалы, чтобы спасти друг друга? Те, кто не стал бы принуждать другого вступать в ковен, когда он этого не хочет? Такие друзья, которые могли бы рассказать друг другу все, что угодно, без осуждения? Интересно, каким был настоящий друг...

Но потом я подумала о Джулиане. Он был всем этим. Мой разум закрутился по спирали, и я начала задавать вопросы всем людям в моей жизни. Фэйбл и Киони, Хелл, Адора — чувствовали ли они себя виноватыми? Скрытые мотивы быть моим другом?

— Я просто так сильно хотела присоединиться, — продолжила Мандэй, — наконец-то стать частью чего-то, быть там, где я принадлежу.

Я вспомнила, что она говорила о своей семье и о том, как она чувствовала себя такой непохожей на них. Я тоже знала, каково это — быть отвергнутой. Каково это — не быть принятой.

— Я просто хотела сказать тебе правду. Я не жду, что ты простишь меня, но я, по крайней мере, хотела, чтобы ты знала причины, а не то, что я оправдываю свои действия.

Она глубоко вздохнула и откинула голову назад, затем посмотрела на меня.

— Я бы хотела, чтобы мы могли просто начать все сначала.

Я кивнула, покачалась на кресле, отпила из кружки, затем тоже откинула голову назад. — И как обстоят дела со Священным Морем? Ты теперь одна из них?

— Пока нет. Я еще не закончила с посвящением, но после того, как оно будет завершено, я стану. Но я обещаю, что никогда больше не буду на тебя давить, — сказала она мне. — И если тебе от этого станет легче, я почти уверена, что Кейн был наказан за то, что случилось с Бенни.

— О, да? — удивленно спросила я.

Мандэй кивнула.

— Я не видела Кейна с той ночи, так что кто знает наверняка. Но каждый раз, когда его нет так долго, это всегда потому, что он сделал что-то не так. И если я права, пройдет некоторое время, прежде чем тебе придется увидеть его снова. Мистер Прюитт занимается семейным бизнесом самостоятельно. Он не жалеет Кейна.

Мандэй и остальные девочки собрали свои вещи, чтобы уйти после этого. Мы все обнялись и попрощались. Киони на мгновение задержалась, чтобы спросить, справлюсь ли я совсем одна. Я сказала ей, что одиночество — это все, что я когда-либо знала. Я не хотела говорить это так, чтобы вызвать жалость или внимание. Но это было правдой.

Я познала одиночество, а не одиночество, и совсем недавно приняла его так же, как

приняла саму себя. Здесь, в Воющей Лощине, я научилась любить себя и нашла дом в своих собственных костях, что бы со мной ни случилось. И я также смирилась с постоянной болью, которая всегда была рядом и только росла. Потому что это напомнило мне обо всех тех случаях, когда я была поглощена парой серебряных глаз, и это придало мне силы духа, чтобы никогда не отпускать Джулиана Джая Блэквелла.

Сегодня вечером я бы отправилась в дремучий и темный лес ради него, Полого Язычника — того, кого все называли монстром, но который жил тройной сущностью: безжалостный злодей, в которого он заставил всех поверить, и тот, кем его представлял город. Нежность, которую никто другой не мог видеть, нежная сущность, которая носила свою душу, как кожу, и ореол вокруг ее краев, яростно страстная, с сильной жаждой всего большего и аппетитом к дерзкой любви. Затем несчастная сущность, оставшись в одиночестве, ушла в себя, заклеянная виной и стыдом, и подчинялась тьме ради одиночества, потому что не могла смириться с самим фактом своего существования.

Я бы пошла к нему, и я бы любила его. Полностью. Снова и снова... на повторе. Потому что я была уверена, что все эти вещи, из которых он был сделан, были теми самыми частями, которых не хватало во мне.

«Мы пережили шторм, ведьмы. Сегодня зловещая среда, и до Самайна осталось всего три дня. Слухи правдивы! Я буду на балу у Прюиттов. Если вы сможете опознать меня, вы получите приз. Это Скорбящий Фредди с вашими Дейли Холлоу в среду утром. Берегите себя, ведьмы, и помните, никто не в безопасности после трех часов ночи».

Объявление Фредди пришло позже утром. Почти так же, как если бы после смерти дедушки в городе что-то изменилось. Как будто его потеря затронула весь мир. Это согревало мою грудь, зная, что мир это заметил.

Разгадав кроссворд, я позвонила Джону с домашнего телефона.

— Ты переживаешь тяжелую утрату, — сказал он мне. — Ты можешь вернуться после Дня Всех Усопших, если решишь остаться в городе.

Я действительно решила остаться. Воющая Лощина была тем местом, которому я всегда принадлежала.

Призрачные шаги Каспера преследовали меня по пятам, пока я провела остаток дня, убирая дом Моргана. Много раз я проходила мимо закрытой двери дедушкиной спальни, не в силах заставить себя вернуться к кровати, где я сидела рядом с ним по утрам, я смеялась, а он бормотал оскорбления и всякий бред, который я едва могла разобрать половину времени.

Я не могла стоять у кровати, где провела много бессонных ночей, наблюдая, как он спит, наблюдая, как он переводит дыхание. Это было то же самое место, где мне пришлось звонить Мине Мэй или доктору Морли, потому что я не думала, что делаю всё правильно, или что он переживет ночь. Я не могла смотреть на шляпы на стене, или вдыхать его отчетливый запах, который пах как последняя капля выдержанного виски со дна бочки, или видеть отпечаток его головы, оставшийся на подушке. Ещё нет.

Я приоткрыла дверь его спальни, чтобы посмотреть, не заперт ли пропавший Каспер внутри, но его там не было. Затем я потратила час на изготовление листовок с маркерами из ящика в коридоре, чтобы расклеить их по городу.

К тому времени, как солнце село, я приняла душ, надела свой черный лифчик, прозрачный белый топ и кожаные брюки, нанесла насыщенный макияж, чтобы выглядеть нормальной, а не трупом, натянула джинсовую куртку оверсайз и черные ботинки.

Я обхватила пальцами прах, висевший у меня на шее, поднесла ее к губам, поцеловала

холодный металл.

— Пожелай мне удачи, дедуля.

В отдельно стоящем гараже я сидела над маминым скутером, который никак не заводился. После каждой неудачной попытки завывал ночной ветер, испытывая мою решимость. Я бы не позволила этому остановить меня. Ничто не могло помешать мне войти в лес, пойти к Джулиану.

Я спрыгнула со скутера, закрыла гараж и отправилась в долгий путь.

От моря до леса было четыре мили под молочно-белой луной и промозглым одеялом клубящихся облаков. Температура упала до тридцати градусов, и мой нос онемел примерно милю назад. Примерно на полпути, пересекая Уистер-парк и Арчер-авеню, я поняла, что выбрала не ту обувь. Каждый стремительный шаг вперед становился молитвой о том, чтобы добраться туда до того, как мои ноги отвалятся по щиколотки. Каждый вдох образовывал сосульки в моих легких.

И с каждым шагом позади меня раздавался еще один.

Я остановилась, резко повернула голову.

Но там ничего не было.

Мои шаги ускорились, и я продолжила идти вперед, теперь мои чувства ожили.

Звук шагов, которые были на одну клавишу позади меня, тоже ускорился.

Я повернула голову назад, убрала волосы с глаз. Ночью фигура в черном одеянии появилась из темноты, стирая пространство между нами. Леденящий ветер обжег мне глаза, и мои нервы сжали позвоночник. Я пустилась в бег с очертаниями леса вдалеке, мое сердце бешено колотилось в груди!

Джулиан! Я хотела закричать, но страх лишил меня голоса. Я петляла между надгробиями, пролетая через кладбище. Громкий крик ворона пронзил воздух, прежде чем взлететь, пролетев над моей головой и исчезнув позади меня. Я не смела оглядываться назад, потому что это могло замедлить меня. Листья шуршали в такт моим шагам, взлетая вверх и поднимая пыль с кладбища.

Он был прямо за мной. Черная фигура, та, которая всегда наблюдала за мной. Настоящая, а не призрак. Не призрак, подумала я. Кто бы или что бы это ни было, оно было реальным, и оно преследовало меня! Я побежала быстрее, мое дыхание перехватило и отбросило куда-то в сторону. Я бежала все быстрее и быстрее, пока не добралась до леса.

Резко повернув направо, я оглянулся назад, сожалея об этом. Джулиан! Мне хотелось закричать, чтобы он услышал меня. Почему мои губы не могли пошевелиться? Почему ничего не работает? Мое сердце колотилось так быстро и совсем не колотилось, когда я споткнулась о корень.

Я ударила кулаком по земле и попыталась зацепиться ботинками, но земля скользила подо мной.

Кто бы это ни был, он был здесь.

Я почувствовал это. Покалывание. Холодная хватка на затылке.

Это было... прямо... позади меня...

Я перевернулась на спину, чтобы встретиться лицом к лицу с тем, что это было, отползая назад, чтобы увеличить расстояние между нами. Внутри мантии была крошечная тьма. Я покачала головой, когда он подошёл ближе.

— Джулиан! — я закричала, а потом ударилась спиной о дерево. — ДЖУЛИАН!

— Он не может спасти тебя, — произнес певучий голос, и изящные ухоженные руки

поднялись с каждой стороны и сняли капюшон. — Я так долго ждала этого.

В поле зрения появилось ее лицо. Ее лицо. Ее красивое, безупречное лицо и волосы, смоченные медом. Ее глаза были похожи на голубые молнии — острые и быстрые, они пронзали меня насквозь.

— Кэрри, — прошептала я, и ее идеальные губы улыбнулись. — Что ты делаешь? — спросила я, и она наклонила голову. — Что ты делаешь?! Оставь меня в покое!

Кэрри Дрисколл покачала головой.

— Наконец-то пришло время.

— Время? О чем ты говоришь?

— Ты хоть представляешь, как долго я этого ждала? Меры, которые я приняла?

— Это была ты, — прошептала я.

Я прокашлялась, ожидая, пока мои мысли соберутся воедино.

— Ты отправила письмо, чтобы привести меня сюда! Почему? Почему ты хотела, чтобы я была здесь? Что я тебе такого сделала?

Я не стала дожидаться ее ответа и осмотрела лес.

— ДЖУЛИАН!

— Он не придет, лунная девочка. Язычник находится под моим контролем.

— Джулиан никому не подвластен!

Я сплюнула, снова выкрикивая его имя, пока мое горло не пересохло.

Она рассмеялась смехом сирены, тем смехом, в который мужчины могли влюбиться, упасть на колени. Звук разнесся по спирали вместе с ветром, когда Джулиан появился из-за дерева, шагнув вперед. На нем были джинсы. Его ботинки. Его черное пальто. Его черная маска. Его глаза были прикованы к ней, а не ко мне.

Он смотрел на нее, а не на меня.

— Джулиан! — крикнула я, вскакивая на ноги, чтобы подбежать к нему. Затем его рука взметнулась вверх, и внезапно какая-то сила отбросила меня назад и прижала к дереву, выбив воздух из моих легких. Мое тело примерзло к дереву, весь кислород застрял где-то внутри меня и не выходил наружу.

Мои глаза метались туда-сюда между Кэрри и Джулианом. Я сглотнула и сумела прошептать:

— Джулиан, что ты делаешь?

Он встал рядом с Кэрри, и я не могла этого понять. Я не могла сложить кусочки воедино.

— Джулиан, — закричала я, чувствуя тяжесть, давящую на мою грудь, его сила давила на меня с одной стороны, дерево — с другой. Мне казалось, что я зажата между двумя кирпичными стенами!

Мой взгляд метнулся от Кэрри к Джулиану, мою грудь сдавило от давления. Я пыталась пробиться сквозь это, бороться с его силой, но он был слишком силен.

— Джулиан, она не может контролировать тебя!

Джулиан наклонил голову. Его взгляд был не более чем холодным потоком из-под длинных черных ресниц. Мое сердце содрогнулось.

— Убей ее, — приказала Кэрри, и глаза Джулиана застыли на мне, не мигая, пока он подходил все ближе, ближе и ближе...

Носки его ботинок встретились с моими, и я попыталась покачать головой, пошевелиться, остановить его, но затем он схватил меня за горло. И это было похоже на

петлю на моей шее, на моем сердце. Она полностью контролировала его. Кэрри Дрисколл контролировала его. Все произошло так быстро, но я все поняла.

Она контролировала его все это время!

— Убей меня, — сказала я ему, поднимая подбородок и глядя ему в глаза. Его рука сжалась, и мне показалось, что мое дыхательное горло сдавливается, перекрывая доступ воздуха. Затем он поднял меня выше, и моя спина заскрежетала о дерево, кора врезалась в мою плоть!

Мои ноги болтались. Адреналин подскочил в моем пульсе, заставляя его отчаянно биться о пальцы Джулиана. Время шло, отсчитывая секунды, пока мое парализованное тело не оказалось запертым в этой смертельной ловушке. Здесь не было слышно ни звука, только стук моего сердца в ушах. Мое зрение затуманилось, в меня целились только две серебряные пули.

И я не знала, как долго мы были заморожены там, в нашем приостановленном времени. Я не знала, но заметила, как в глазах Джулиана промелькнула перемена.

Две серебряные радужки в замешательстве прыгали между моими.

Его брови сошлись вместе, и хватка ослабла.

Я хватала ртом воздух, когда кончики пальцев моих ног снова коснулись земли. Что-то менялось внутри Джулиана, но я схватила его за запястье, чтобы удержать его здесь, чтобы держать его руку на моей шее, чтобы не разорвать нашу связь. Я не знала, сработает ли это, но я должна был попробовать!

— Они все лжецы, — прошептала я. — Но не мы. Это не ложь. Это реально. Мы... — Я протянула руку сквозь магическую силу, которую он выстроил против меня, схватила его сзади за шею, притянула его лоб к своему. Посмотрела ему в глаза.

— Мы реальные.

Джулиан

— Не влюбляйся в луну, — говорили они.

Но я все равно влюбился, и пусть они смеются. Они не могли видеть ее красоты. Никто не поверит мне, если я скажу, что луна вдохнула в меня жизнь, что именно здесь, внутри нее, я снова обрел себя. Они не смогли бы понять. И никто никогда не смог бы любить ее так сильно, как я. Никто другой не был создан для этого, а те, кто был похож на меня, не были достаточно храбры. Ни одно обычное существо не было создано для того, чтобы влюбиться в луну, только ненормальное. Странное. Они говорили, что нельзя познать луну, прикоснуться к ней, поцеловать ее, заняться с ней любовью. Можно лишь наблюдать за ней из темных недр земли, любоваться ею издалека.

И все же, я влюбился в луну. И она тоже влюбилась в меня.

Мой большой палец погладил нежную шею Фэллон, чувствуя бешеное биение ее пульса, когда наступила реальность.

Чувство вины поднялось по моему позвоночнику и сдавило грудную клетку. Моя грудь вздымалась, моя кровь становилась черной, и мне больше некуда было идти. Потому что Фэллон была здесь, отказываясь отпустить меня.

Она была как шепот, который почти ускользнул у меня из рук. Я покачал головой, осознав, что чуть не произошло. Что могло случиться. То, что происходило со мной.

— Убей ее! — приказала Кэрри позади меня. Я вздрогнул. Потерянный, но нет. Мои мысли резко прояснились, когда это обрело смысл. Она нашла способ управлять моей теневой кровью, и ярость закипела во мне! Она манипулировала мной все это время, убивая

всех этих людей! И для чего?

Я отстранился от Фэллон, мои руки дрожали. Это была Кэрри, и я не мог этого понять.

— Почему?!

Я закричал и не узнал свой собственный голос. Лицо Фэллон вытянулось, и она потянулась ко мне, но я повернулся лицом к Кэрри.

— ПОЧЕМУ ТЫ СДЕЛАЛА ЭТО СО МНОЙ?

Жжение заполнило мою грудь, отчего стало труднее дышать, думать.

— Почему ты использовала меня? Как?

Крик нарастал, такой тяжелый и болезненный.

Кэрри подняла руку, делая шаг назад.

— Это твоя вина, Блэквелл. Я исправляю твои ошибки. Ничего из этого не случилось бы, если бы не ты и эта ненормальная.

— Фэллон!

Я закричал:

— ЕЕ ЗОВУТ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ФЭЛЛОН!

Я рванулся вперед, когда почувствовал, что кто-то дергает меня за пальто сзади. Я не останавливался, пока Кэрри Дрисколл не оказалась у меня в руках.

Я слышал нежный голос Фэллон, крик, когда девушка — моя девушка — толкнула меня сзади, умоляя отпустить. Но я не мог остановиться. Что-то овладело мной в тот момент. Моя тьма. Та, которая никем не контролируется, только страстное, дикое чувство, исходящее изнутри меня.

Крик вырвался из моего горла, и ветер, который он вызвал, отнес Фэллон на несколько ярдов в сторону.

Я держал Кэрри под луной — но не моей луной — прежде чем снять маску. Затем меня затянуло в страхи Кэрри, перенесло сквозь десятилетия, поглотило другое время.

Говорят, что в мгновения перед смертью можно увидеть всю жизнь перед глазами. И я видел жизнь Кэрри.

Хотя я сжимал в кулаке душу не Кэрри.

Это была Клариса Дэнверс.

Проклятие Полых Язычников

«Небо было мрачно-серым, когда старшие язычники пересекали норвежские леса, неся зажженные факелы, разгневанные и изрыгающие угрозы в сторону лесного зверя.

— Сириус! — закричали они, пламя факелов быстро двигалось, как светлячки. Обычно лес был спокойным, нетронутым, и это было место, где они кормились и питались, но в эту ночь мертвые восстанут, и язычники Ковена Скандинавских лесов пришли в ярость, разыскивая лунную девушку, которая угрожала ковену. Они искали беловолосую ведьму с темной душой. Ту, которая соблазнила и сподвигнула Беллами убить двух язычников, но потерпела неудачу.

Беллами Блэквелл был привязан к койке, весь в поту.

— ОТПУСТИТЕ МЕНЯ! — закричал Беллами, и его крики понизились до шепота:

— Пожалуйста, не причиняйте ей вреда!

Он никогда не испытывал такой боли, такого зла, окружавшего его. Мысли о его любимой Сириус накапливались, возводя вокруг него четыре стены, запирая его в клетку и поглощая его целиком.

— Пожалуйста, — прохрипел он сквозь агонию. — Не причиняйте ей вреда, позволь мне

пойти к ней.

— Это к лучшему, Беллами, — ворковала его мать. — Ты больше не принадлежишь себе. Это существо превратило тебя в монстра.

Тряпку окунули в ведро, и она отжала ее, прежде чем погладить его по лбу, удерживая его привязанным к кровати. Прямо за дверями маленького коттеджа царил хаос. Крики и песнопения слились воедино с лесом, встраиваясь в деревья.

Песнь, которая будет звучать веками.

На границе отец Беллами, Гораций, и другие язычники захватили ведьму. Сильная рука Горация вцепилась в ее растрепанные белые волосы и потащила ее сквозь листья, ветки и кусты, пока они шли между деревьями. Ветки порезали ее плоть, когда она закричала, в ушах раздался звук рвущихся с черепа волос.

Белое платье Сириус, испачканное и порванное, превратилось в лохмотья, свисающие с ее окровавленного тела. Привязав ее к дереву, язычники окружили ее. Огонь от факелов образовал идеальный круг, когда бечевка сжалась и впилась в ее плоть.

— Я люблю его, — беспомощно выкрикнула она. — Вы совершаете ошибку. Я бы никогда не причинила ему вреда, я люблю его!

Ковен работал вместе, собирая сломанные ветки деревьев и бросая их к ее ногам, наклоняя их над ее телом.

— Беллами! — закричала она, умоляя его спасти ее, и слезы ужаса полились из ее глаз, но леса и язычники поглотили ее крики.

— Беллами не хочет тебя, — выплюнул Гораций. — Ты всего лишь надоедливая девчонка!

— Ложь! — закричала Сири, пытаясь освободиться от дерева, видя их сияющие лица сквозь окружающие ее ветви. Она никогда не была так напугана.

— Вы все лжецы! Вы ничего не знаете о любви!

Гораций достал из кармана ожерелье Беллами, которое ему подарила Сири, и повесил его перед ней на ветку, чтобы она могла видеть.

— Ты не видишь здесь Беллами, не так ли? Где твой любимый Беллами?

Он повернулся и крикнул:

— О, Беллами. Твоя милая Сири скоро умрет, где ты, Беллами?

Смех язычника разнесся в ночном воздухе. — Да ты только посмотри на это. Беллами здесь нет. Ему все равно. Кажется, Беллами пришел в себя и хочет, чтобы девка убралась!

Он подошел ближе, подышал сквозь щели в ветвях.

— Потому что он был тем, кто организовал твою смерть!

Сири покачала головой, бросила взгляд вокруг, на зеленый, синий, золотой, черный. Язычники скандинавских лесов. Она осознала правду. Беллами никогда не придёт.

— Если вы убьете меня, — продолжала она в отчаянии, — ваш ковен сгорит. Вместо того, чтобы возжелать ваши привлекательные черты, женищины будут видеть только свои самые большие страхи на ваших лицах, как вы мне показали!

Она подняла глаза к небу, губы ее дрожали, когда они положили свои факелы к ее ногам.

— Никто не будет любить вас, а те, кого полюбите вы, будут только бояться вас! Она вспомнила ту ночь, когда Беллами говорил о том, что без нее станет монстром, и огонь покрыл ее ноги волдырями, боль была мучительной.

— Вы все монстры, какими, по словам Беллами, он однажды станет! Ничего, кроме

монстров, которые будут жить остаток ваших дней в темноте. Я приговариваю ваши души к вечности без любви, без сострадания, без свободы! Только тогда вы познаете такую боль!

— Ты ничего не знаешь!

Хорас крикнула в ответ, огонь пополз по ее рваному платью.

— Существа ночи не могут знать или понимать такие вещи. Тебе здесь никогда не было места!

Душераздирающий крик сорвался с ее губ, когда огонь растопил ее плоть, но она продолжала петь, удерживая в уме образ своей новорожденной дочери, чтобы за что-то держаться, зная, что ее ребенок, ее кровь, которую она оставляла позади, навсегда будет в безопасности в руках ее хранительницы.

— Проклятие поползет по венам язычников и перейдет к первому новорожденному. Страдания повторяются. Снова, и снова, и снова, — кричала она, когда огонь охватил ее. — Любовь превратила нас в самых темных монстров из всех...

И черная волна прокатилась по норвежским лесам и по всему городу. Что-то темное. Что-то злое и пророческое.

То, что позже назовут Проклятием Полых Язычников...

Глава 42

Джулиан

Была лишь одна книга, с которой я мог связывать себя. Единственная.

Я перечитывал ее много раз. Потёртый корешок. Загнутые уголки страниц. Размытые чернила единственными слезами, которые я выплакал и спрятал их в стенах переплета, где никто никогда не смог бы их увидеть. Масляные отпечатки моих пальцев испачкали ее загнутые и пожелтевшие края. Книга покоилась под моим лунным молоком на прикроватной тумбочке во время беспокойных ночей. Я выучил наизусть каждое слово, строчку, абзац и страницу. Читал ее так, как будто сам прожил эту жизнь — как будто я написал ее в другой жизни. Я никому не позволял прикасаться к ней, потому что она стала моим самым ценным достоянием. Я был и создателем, и монстром в этой истории — создателем, который отгородился от мира из-за своего измученного разума, и монстром, который никогда не заслуживал имени.

И в этот момент на ум пришла одна цитата из Франкенштейна:

«Все, кроме меня, вкушали покой и радость; и только я, подобно Сатане, носил в себе ад; не видя нигде сочувствия, я жаждал вырывать с корнем деревья и сеять вокруг себя разрушение; а потом любоваться делом своих рук».

Жизнь Кларисы Дэнверс пронеслась в моем мозгу, как картотека. Воспоминания были такими быстрыми, но я ухватил каждое из них. Ее самым большим страхом было то, что она не сможет спасти своего сына.

Ее самым большим страхом было не разрушить проклятие Полых язычников.

Все ради ее сына!

Мои эмоции перешли от обожания к гневу, к безнадежности, отчаянию и ярости снова и снова, как это испытала она. Она была беременна и отчаянно пыталась найти ответы. Она украла книги и была поймана. Прежде чем быть изгнанной из Воющей Лощины, она записала ответы в книгу Дэнверс, прежде чем Маттео Кантини конфисковал их.

Знак луны. Родимое пятно. Разрушить проклятие, разорвать жизнь, которая носила родимое пятно луны. Здесь все совпадало — правда вспыхнула в ее воспоминаниях в моем

сознании.

Несколько месяцев спустя Клариса была вынуждена рожать своего проклятого язычника в лесу в полном одиночестве. Это всегда была Кларисса и проклятый ребенок, с такими черными глазами и такими белыми волосами. Бездонный и Демонический. Она назвала его Стоуном. Она обещала ему многое, жизнь. Нормальную жизнь.

Ее глазами я наблюдал, как Стоун рос в лесу за городом. Я наблюдал, затаив дыхание, как все это происходило. Они встретили ведьму, у которой Клариса научилась черной магии. Вместе они произнесли заклинание, которое заморозило Стоуна во времени и использовало его элемент земли, чтобы дать Кларисе больше времени, сохраняя ее молодой, пока она не сможет освободить его от проклятия.

Перенесясь вперед, я наблюдал, как она плыла через Атлантику с замороженным Стоуном в гробу на носу корабля. Как только лодка достигла окраины города, мужчина помог им пересечь в лодку поменьше, пока они не прибыли на берег острова Костей. Именно там они пробыли много десятилетий, Клариса и Стоун. Но Стоун был заморожен, и Клариса была совсем одна, ее затаенная ярость только росла с годами.

Она продолжала практиковать темную магию, тренируясь управлять теневой кровью, чтобы выполнять ее приказы. Сначала с моим дедушкой, затем с моим отцом, а когда мой отец умер, со мной! Я наблюдал, как она внушала мне, использовала меня, искушала меня. Сначала с Томом Гордоном. Затем она заколдовала Джури Смита, чтобы проверить мою преданность. Бет Клейтон, Ривер Харрисон... Клариса всегда была в тени. Она была Тьмой. Это всегда была она, каждое испытание приближало ее к цели: убить девушку с меткой луны. Девушка, в жилах которой текло проклятие. Моя девочка.

Но чего она никак не ожидала, так это моих чувств к лунной девушке.

— Теперь ты понимаешь? — спросила Клариса Дэнверс в моих объятиях. Моя голова закружилась, возвращаясь в настоящее. Она выжила, увидев мое лицо, точно так же, как она выживала больше века.

— Она должна умереть, — прохрипела Клариса шепотом. — Это единственный способ освободить его.

Его. Стоун.

Моя голова отмахнулась от ее слов. Правда о том, чему я был свидетелем всего несколько секунд назад, душила меня. У меня в груди была эта штука. Она билась. Тяжело. Быстро. У меня тряслись руки.

— Я не буду этого делать.

— Почему, Кэрри?

Фэллон закричала, ничего не понимая позади меня, не видя страхов Кларисы так, как я. Мои мышцы напряглись.

— Почему ты отправила мне это письмо? Зачем тебе его контролировать? Почему ты хотела, чтобы Джулиан убил меня? В этом нет никакого смысла!

Моя челюсть сжалась, глаза расширились. Фэллон не должна знать. Знать было опасно. Бремя. Я не мог позволить Фэллон жить с чем-то подобным. Что если она не умрет, язычники всегда будут жить так. Я не знал, как она это воспримет. Я не знал, что она сделает! Я не знал, будет ли она когда-нибудь снова доверять мне. И что еще хуже, я тоже не мог позволить никому другому узнать.

— СКАЖИ МНЕ! — потребовала Фэллон, ее голос пронзил ночь.

— Не надо, — кажется, прошептал я, качая головой и глядя вниз на улыбающуюся

Кларис с затуманенным зрением.

Отчаянные мольбы Фэллон усилились в моих ушах.

Клариса засмеялась, но прежде чем она успела сказать хоть слово, я схватил ее за голову обеими руками и щелкнул ее шею.

— НЕЕЕТ!

Фэллон закричала позади меня. Ее голос был где-то в другой жизни. За пределами этой.

— Зачем ты это сделал?! Мы могли бы привести ее в Орден! Ее жизнь за твою! Она убила всех этих людей, а не ты! Почему ты убил ее? Им нужен баланс, а она была нужна нам!

Фэллон отчаянно плакала, все ее слова растворялись в холодном воздухе и вокруг меня.

— Она была ответом на все, Джулиан, и ты убил ее! О, боже, ты убил ее! Почему?

— Потому что я люблю тебя, — мой мозг выплюнул цепочку смертоносных слов, желая выкрикнуть их в воздух внезапным взрывом. Эта мысль возникла неожиданно и так чуждо из моей головы. Я никогда не думал, что поверю в это. И я не должен был любить ее, но больше не мог отрицать правду — мою правду, величайший кошмар монстра.

Потому что я любил ее — девушку, которой пришлось умереть, чтобы снять проклятие, — и я унесу все, что теперь знал, в могилу. Ничего не оставлю после себя. Ни одного человека. Я убил ее. Я убил ее. Я убил ее. Не моим проклятым лицом или теневой кровью, а моими голыми гребаными руками. Руки, которые тряслись.

Ничего не оставляя после себя.

Если Клариса знала, как снять проклятие, то, скорее всего, Стоун, который был заморожен и застрял на острове Костей, тоже знал, как снять проклятие. Я не мог привести его сюда. И я должен был убедиться, что никто не знает о его существовании. У меня не было другого выбора, кроме как забыть о нем, не желая рисковать.

Потом я услышал голоса вдалеке.

Бэк, Феникс и Зефир направлялись сюда.

Я должен был вытащить Фэллон отсюда.

Труп с глухим стуком безвольно упал на лесную землю! Мой разум затуманился. Я выбрался из-под мертвого тела Кларисы. Мои пальцы дрожали, когда я потянулась к лицу. Моя маска исчезла. Исчезла! Я опустил голову, опустился на четвереньки, пошарил руками по земле в поисках маски.

Я отчаянно метался на четвереньках. Где она? Мои кулаки сжимали листья. Меня заставили видеть в темноте, но мои глаза слезились, расплывались.

— Фэллон!

Я закричал, в поисках. Остальные приближались, и скоро другие язычники начнут задавать вопросы о том, почему Фэллон была со мной. Я должен был увести ее отсюда. Мне нужна была моя маска, чтобы вытащить ее отсюда.

— Фэллон, моя маска!

Потом я почувствовал ее — мою девочку. Девушка, у которой было родимое пятно в виде полумесяца.

Я застыл и опустил голову. Мои мышцы конвульсивно сокращались под кожей. Сердце, бьющееся в моей груди, пыталось покинуть меня. Я не мог пошевелиться, хотя все остальное мое тело хотело сбежать от моей души. Почему я не мог дышать?

Она надела маску мне на голову. Воздух выходил неровными толчками, когда ее руки накрыли меня. Я повернулся в них. Взял ее в свои.

— Мне так чертовски жаль, — прохрипел я, поднимаясь и притягивая ее лицо к своей

груди. — Мне жаль, мне жаль, мне жаль...

Ее покой заставил меня замолчать, поглотил меня, заставил меня дышать немного легче. — У меня не было выбора.

— Я не понимаю, — шепотом воскликнула она, шаги приближались. У нас было не так много времени.

— Давай, я должен вытащить тебя отсюда.

Я схватил ее за руку и бросился бежать. Вместе мы пробрались между деревьями к моей хижине. Я не мог думать ни о чем, кроме как прокручивать воспоминания Кларисы, пытаюсь найти лазейку. Что-то, что не связывало бы Фэллон с моим проклятием. Что-то, что могло быть неверно истолковано, ошибочно. Но я читал страницы ее глазами. Я видел те же слова, что и она. Я видел в книге ту же отметину, что и на коже Фэллон.

Фэллон не отставала от меня, доверяя мне, когда не должна была. Если бы она знала то, что знаю я, она бы этого не сделала.

Мы наткнулись на мою хижину.

— Подожди здесь, — сказал я ей, затем взбежал по ступенькам крыльца и вошел в хижину. Стоя перед стеной рядом с входной дверью, я нащупал связку ключей со стены. Я слетел обратно по ступенькам, указывая на черный GS-R. — Садись в машину.

— Джулиан, ты меня пугаешь, — ее тело дрожало, когда она шарила глазами в темноте у подножия лестницы.

— Скажи мне, что происходит, пожалуйста!

— Я отвезу тебя обратно в...

Затем я застыл. Тупик. Меня осенило. Я не мог уйти, по крайней мере, до следующей ночи. Меня отправили в лес в наказание за то, что я спас ее от гроба.

— Черт возьми! — закричал я, ударив кулаком по капоту. Все мое тело было в огне. Я ущипнул себя за переносицу, зажмурив глаза.

— Что случилось? — спросила она, уставившись на меня. Она не боялась меня. Она боялась за меня. — Джулиан!

Я шагнул к ней, взял ее за руки и вложил в них ключи.

— Ты должна убираться отсюда. Ты должна вернуться в собственность Моргана. Я привязан к лесу. Я не могу уйти.

— Это не имеет никакого смысла! Почему бы и нет?

— Фэллон, пожалуйста. Послушай меня. Ты не можешь быть здесь, ты должна вернуться. Пожалуйста, доверься мне в этом. Бери машину и уезжай.

Мне нужно было рассказать Зефу и остальным, что произошло, но я должен был держать Фэллон подальше от этого, иначе они будут задавать вопросы. Мне нужно было убедить их помочь мне, доставить тело Кларисы в Плетеного Человека, чтобы я восстановил равновесие за ее проступки. Для города.

— Что, если с тобой что-нибудь случится?

— Я буду в порядке, но тебе нужно идти, — я потащил ее к водительской стороне, открыл дверь.

Фэллон села в машину. Я наклонился между ней и открытой дверью, барабанил пальцами по крыше машины.

— Джулиан, если они заберут тебя...

Черные полосы покрыли ее щеки, вокруг остеклевенных глаз. Луна плакала черными слезами. Кто знал? Если бы любовь разрезала меня на части, я бы тоже истекал черной

кровью?

— Я не могу... не без тебя.

Она покачала головой, шмыгая носом.

— Не оставляй... — она икнула, — меня. Не позволяй им забрать тебя.

Мое лицо вытянулось, я все еще не мог понять, что она чувствовала ко мне после того, что я сделал. Она была ненормальной, которая всегда была одиночкой, и она никогда не знала, что все умерли, чтобы она могла жить. И я был монстром, который всегда был одинок, и я хотел умереть, чтобы все могли жить.

Мы были разными, но одинаковыми, с такой странной любовью.

— Завтра вечером, — пообещал я, склонив свою голову к ее. — После бала я найду тебя.

Мне нужно, чтобы ты доверяла мне.

Фэллон закрыла глаза, кивнула мне в голову.

— А теперь иди.

Я закрыл дверь, постучал по капоту.

Потом я смотрел, как она уезжает.

Красные задние фонари погасли как раз в тот момент, когда три язычника ступили на мою территорию.

— Ты что-то хочешь нам сказать, Блэквелл?

Зефир кипел, зеленые глаза вращались.

Бэк и Феникс появились из-за деревьев позади него.

Я расправил плечи, окидывая взглядом всех троих.

— Нам нужно поговорить.

Глава 43

Фэллон

«Срочные новости! Сегодня рано утром поступило сообщение о пламени из Плетеного человека в Кресент-Пойнт. Мы не видели Пламя Плетеного человека более двенадцати лет, и мои источники говорят, что это может быть розыгрыш в канун Дня Всех Святых. Но уже ходят теории заговора о том, что тайное жертвоприношение было совершено. Что бы это ни было, правда выйдет на свет. Ничто в Воющей Лощине не похоронено навсегда, — Фредди торжественно вздохнул. — Несмотря ни на что, Бал Прюиттов все еще состоится сегодня вечером. Завтра начинается Самайн. С вами Скорябщий Фредди, а это ваши Дейли Холлоу в пятницу утром. Увидимся в полночь, ведьмы, и помните, никто не в безопасности после трех часов ночи».

Новости пронеслись сквозь мой пустой сон, разбудив меня. Я вскочила с кухонного стула, пробежала через гостиную и протиснулась через заднюю дверь. Мой шаг не останавливался, пока кончики пальцев ног не коснулись края обрыва, и я откинулась назад, чтобы удержать равновесие.

Я прикрыла рукой прищуренные глаза и увидела вдалеке клубы дыма, затуманившие утреннее небо в дальнем конце города, где стоял Плетеный Человек. Мое сердце содрогнулось, но я не могла заставить себя поверить, что с Джулианом что-то случилось.

Нет, он сказал, что найдет меня. Сегодня вечером. Может быть, это была шутка, как сказал Фредди. Розыгрыш... или Кэрри Дрисколл.

Кэрри Дрисколл мертва, напомнил мне мой мозг. Да, вполне возможно, что язычники помогли Джулиану сжечь Кэрри в Плетеном человеке. Для Равновесия. Джулиан нашел способ сохранить равновесие. Из-за того, что она заставила его сделать.

Мое сердце успокоилось, и я нервно выдохнула, но это все равно не стерло воспоминания о прошлой ночи.

Джулиан сломал ей шею. Постфактум. По какой-то странной причине его лицо не убило ее, и он все равно сломал ей шею, так и не дав ей шанса что-либо объяснить. Я не могла винить Джулиана за то, что он был так зол после того, что она так долго с ним делала, заставляя его убивать всех тех людей, но была причина, по которой она хотела, чтобы я была здесь, хотела моей смерти, и часть меня чувствовала, что теперь я никогда не узнаю.

Кэрри была мертва, и моя голова гудела от вспышек воспоминаний. Она преследовала меня в лесу. Она хотела убить меня. Почему? Моя голова кружилась от всех неизвестных возможностей, пытаюсь соединить точки и заставляя точки соединяться, создавая прямые формы, у которых не было названий, как созвездия в моем пустом черепе. Кэрри была в Священном Море, и Священное Море подталкивало меня присоединиться к ним с тех пор, как я приехала.

Может быть, это были они с самого начала. И теперь я никогда не узнаю наверняка.

Я хотела разозлиться на Джулиана за то, что он никогда не давал мне шанса найти ответы, я должна была злиться на него, но я не злилась. Я никогда не видела его таким... обезумевшим, таким безнадежным. Это был первый раз, когда я увидела в нем хоть каплю страха.

Он был чем-то хрупким, но все же чем-то таким темным. Обезоруживающий. Оксюморон чернил и слоновой кости. Свиристая тварь, полная отчаяния, держащая триумф в горле. И когда он смотрел на меня, стоя на четвереньках, погруженный в свою войну, я впервые увидела это. Его серебряные глаза наполнились любовью сразу после того, как он держал смерть в своих объятиях. И, может быть, именно это сделала с ним любовь, тяжелая штука, которая поставила его на колени, обвила его позвоночник, наполнила его легкие морем, пока он не перестал дышать. Может быть, любовь к искусственному монстру была отягощена магией и скорбью.

Но город сделал это с ним.

Все превратили его в монстра, но боялись его, когда его нельзя было сдержать.

Солнце нырнуло в океан, разбрызгивая свои краски по водам. Налетел холодный ветер, и я отступила на шаг от края, повернулась, чтобы вернуться в дом. Мои глаза были тяжелыми, но я никак не могла больше заснуть.

«После бала я найду тебя», — были слова Джулиана.

Ежегодный бал Прюиттов? Означало ли это, что он будет там? Неужели он ожидал, что я тоже пойду? Кэрри приходила ко мне домой несколько дней назад, настаивая, чтобы я пошла. Это должно было быть как-то связано, что-то, о чем Джулиан мне не говорил, что имело отношение к Кэрри Дрисколл.

Я быстро приняла душ, переоделась в толстовку, джинсы и пару черных кожаных мокасин. Мне нужно было чем-то занять свой разум. Я не могла думать о вещах, которые в данный момент были вне моего контроля. Таких вещей, как Кэрри Дрисколл, то, что произошло прошлой ночью, и решимость Джулиана вытащить меня из леса. Вместо этого я сосредоточилась на том, что могла контролировать, например, на собственности Морган. Я была последней живой Гримальди и Морган в Воющей Лощине, и мне предстояло выяснить, что мне делать с домом и всей историей, которая здесь жила.

Я дошла до конца участка и достала почту из почтового ящика, сунула конверты в рюкзак, когда остановилась.

Затем я посмотрела налево, где была посыпанная галькой подъездная дорожка. Черная «Интегра» Джулиана, на которой я приехала сюда прошлой ночью, исчезла. Как она исчезла, когда ключи были у меня в доме?

Я не ездила на мини-купере с тех пор, как отвезла дедушку к доктору Морли. По какой-то причине мне казалось неправильным ездить на нем по Воющей Лощине. Это больше не было похоже на меня. И поскольку с двигателем скутера все еще что-то было не в порядке, я совершила двухмильную прогулку в город, где тротуары и улицы были окрашены в цвет дуба и огня. Углы витрин были затянуты паутиной, а дети перескакивали от двери к двери в костюмах ведьм и остроконечных шляпах, держа в руках матерчатые мешки, наполненные конфетами.

Хэллоуин для жителей равнин уже начался, и жители приветствовали друг друга так, как будто это был лучший месяц в году, стоя под улыбкой солнца, чтобы почувствовать его тепло. Впервые Воющая Лощина ощущалась живой, никто не знал о том, что произошло в лесу прошлой ночью.

В конце концов, был октябрь. Октябрь был поэзией сам по себе, где умирающие листья были цветами, а холод покусывал твою плоть, как укус любовника.

Прозвенел колокольчик, когда я вошла в закусочную Мины Мэй. Я заметила ее в дальнем углу, она принимала заказы от трех старушек, у которых были все последние новости и сплетни Воющей Лощины. Они всегда сидели на скамейке перед беседкой в своих винтажных шляпах и платьях цвета пасхальных яиц, показывая друг другу, смеясь и предаваясь воспоминаниям. Я подслушала, как они упрекали Мину в дружбе с врагом. Что-то насчет смены марки сиропа, от чего Мина отказалась.

— Я использую один и тот же сироп уже около сорока лет, Герти, — засмеялась она, — Ты сошла с ума.

Я села, чувствуя, как в груди потеплело при звуке того, что обычно говорил дедушка, и уткнулась носом в меню, пока Мина не подошла ко мне.

— О, Фэллон, дорогая. Ты здесь.

Мина сдула с глаз непослушную седую прядь.

— Ты видела, как они выстроились на конкурс по вырезанию тыкв?

— Да, я видела. Это невероятно, — я выглянула в окно, проверяя, узнала ли я толстую тыкву Киони. — За кого ты голосуешь?

— Ах, хорошая попытка, но я не могу тебе этого сказать. Здесьние люди относятся к этому серьезно, так что я бы не стала выходить и ставить два цента. Уже ходят слухи, что все это подстроено, и мы не можем потерять традицию... Но не забудь проголосовать, — быстро добавила она в конце, подмигнув мне.

— Что у тебя, дорогая?

— На самом деле я пришла не для того, чтобы поесть. Я хотела спросить тебя о доме Бенни. Ты знаешь, с кем мне нужно поговорить об этом?

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю, что делать с ним или с другими вещами.

— Что с этим делать? Это всё твоё, дорогая. Если тебе нужен душевный покой, ты можешь спросить Джона. Он занимается большинством записей в городе. Я думала, ты знаешь. У него есть завещания. Да, знаешь, пожелания. Твоего отца, матери и Бенни.

Моя грудь сжалась.

— В самом деле? Завещание моей матери?

Я покачала головой:

— Я не знала, что оно есть.

— У каждого должно быть есть, — сказала она, наклонив голову, и я откинулась на спинку стула, когда мои руки скользнули по столу.

— Если хочешь, я могу как-нибудь помочь тебе по хозяйству.

Я кивнула, глядя прямо перед собой, задаваясь вопросом, хотела ли я увидеть завещание своей матери. Это выглядело как вторжение в частную жизнь. Я не знала ее так, как знал весь город. Я всегда задавалась вопросом, любила ли она меня когда-нибудь. Пока я не увидела ту фотографию, на которой она держала меня на руках, когда я родилась. Ее лицо говорило «да», но потом я забрала ее жизнь. Так вот почему она никогда не навещала меня?

— Да, Мина, мне бы очень пригодилась твоя помощь, — я прочистила горло, снова перевела взгляд на нее. — Я не знаю, что важно сохранить, а что не важно. Может быть, устроить распродажу вещей или что-то в этом роде.

— Ага, распродажа звучит здорово. Мы обо всем позаботимся, не беспокойся, — она хлопнула меня по руке, — Но я должна спросить, Фэллон, ты собираешься уезжать? Не говори мне, что ты покидаешь нас...

Улыбка озарила мои щеки, и я покачала головой.

— Как там говорится? Можно вытащить девушку из Воющей Лощины, но Воющую Лощину из девушки не вытащишь.

Я рассмеялась.

— Все эти годы этот город всегда был моим домом. Я могу с уверенностью сказать, что я дома, и я никуда не уеду.

Мина улыбнулась, ее глаза заблестели.

— Хорошо, потому что мы бы не отпустили тебя, даже если бы ты захотела.

По пути с Городской площади я отдала свой голос. Не было никаких имен о том, кто вырезал тыквы, но все тыквы выстроились вдоль беседки со своими уникальными слоганами. Я сразу поняла, какой из них принадлежит Киони, так как помогала ей. Детали, которые она добавила, были безупречны. На тыкве были изображены два лица, одно наполовину красивое, другое искаженное и уродливое. Под ним табличка с надписью: «Парадокс человека-чудовища».

Пройдя через прихожую, я бросила ключ от дома в чашу у входной двери и сложила рядом с ней стопку почты, когда мое внимание привлек хрустящий конверт цвета слоновой кости. Мои пальцы вытащили его из стопки, и я посмотрела на обложку. Это было от Прюиттов. Почерк был изящным и принадлежал другому времени.

Я разорвала печать Священного Моря и достала приглашение на ежегодный бал Прюиттов. Завиток по краям был маслянистого темно-синего цвета, который на свету переливался более ярким оттенком. В этом году темой был бал-маскарад, который должен был начаться в полночь. Требуется коктейльный наряд.

Джулиан будет там. Я должна была пойти.

Я бросила приглашение на длинный стол у стены, повесила сумочку и прошла в гостиную, где свернулась калачиком в дедушкином кресле и открыла «Томми Нокерс», чтобы почитать, когда комфорт погрузил меня в крепкий сон.

Когда я проснулась, в доме было темно. Пробили дедушкины часы, и кто-то постучал в дверь. Я завернулась в дедушкино одеяло, протирая глаза по пути к входу. Навязчивая песня зазвенела у меня в ушах, когда я открыла дверь.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты идёшь, — выпалила Мандэй, собравшись с духом.

Мой взгляд проследил за ее силуэтом.

— И тебе привет.

Она проигнорировала меня, протиснувшись мимо, держа в руках пакеты и бигуди в волосах.

— Я схожу с ума, — захныкала она. — Это мой первый раз, когда я иду на бал Прюиттов в качестве наполовину члена Священного Моря, и я не пойду без тебя.

Она развернулась, оглядела меня с ног до головы.

— Только не говори мне, что ты заставишь меня делать это в одиночку. Фэйбл уезжает со своими сестрами, а у меня никого нет. О, боже мой, мне придется поговорить с Августином Прюиттом. Нет, Фэллон, ты должна пойти.

— Я не понимаю, почему ты так нервничаешь, но я пойду с тобой, — сказала я, помогая ей с некоторыми пакетами.

Я все равно собиралась идти и отчасти испытала облегчение от того, что она была здесь, так что мне не пришлось идти одной. Я никогда не была из тех, кто держит обиду. Мандэй была искренна, никогда не ожидая, что все пойдет так, как пошло. Единственное, в чем была виновата Мандэй, так это в своей настойчивости. Я не могла винить ее за то, что случилось с бабушкой, когда ее там даже не было. Поскольку я остаюсь, может быть, нам было бы полезно начать все сначала и перестроиться с нуля. На этот раз с честными намерениями.

— Давай, мы можем подготовиться наверху, в моей комнате. Я сделаю тебе макияж, потому что эти тени для век ужасны.

Мандэй откинула голову назад и издала стонущий звук, смешанный с облегчением. — Спасибо, — добавила она, затем последовала за мной вверх по лестнице в мою спальню.

Был час до полуночи, и я стояла в ванной, нанося макияж, пока Мандэй разговаривала со мной из моей спальни. Жар от плойки для волос превратил ванную в печь, из-за чего мои свободно завитые волосы прилипли к затылку и коже, свисая вокруг бедер. Я наклонилась вперед и накрасила ресницы, прежде чем закрыть тушь и размазать черное пятно в уголке.

— У тебя все еще есть этикетки на половине одежды — триста долларов! — воскликнула она из моей спальни. — Фэллон, с какой стати тебе покупать свитер за триста долларов?!

— Убирайся из моего шкафа, — крикнула я в ответ, потому что она бы не поняла.

В течение многих лет я думала, что шмотки и внешний вид — все это поможет мне завести друзей. Если бы я не выглядела как труп, возможно, люди в Техасе не считали бы меня фриком. Если бы я научилась краситься и носила правильные вещи, я могла бы завести друзей помимо призраков, которые посещали меня. Это никогда не срабатывало, и моя страсть к моде только росла. Ничто не могло передать то, что я чувствовала, когда накидывала свитер на плечи, и то, как это заставляло меня чувствовать себя защищенной, когда я была открытой и уязвимой.

И в Воющей Лощине у меня наконец-то появились пару друзей

Мандэй все еще возвращала мне доверие...

— Ты знала, Адора шьет всю одежду для бутика, — продолжила Мандэй, — она действительно талантлива и может легко сшить это или все, что ты захочешь, на самом деле. И за гораздо меньшие деньги. О, Фэллон! Смотри!

Когда я выглянула из-за двери ванной, Мандэй стояла посреди моей спальни, держа

перед собой платье.

— Ты должна надеть это!

Я стояла неподвижно, выпуская застрявший в груди воздух.

Платье было прекрасным. Смесь белого материала. Кружево, шифон и шелк. Вырез был глубоким V-образным, достигающим почти до пупка.

Я ахнула.

— Это твое?

Мандэй покачала головой.

— Ты можешь поверить, что я нашла это в глубине шкафа?

Она повернула платье лицом к себе, и спина была такой же красивой.

— Ты думаешь, это твоей мамы?

И этот комментарий ударил меня в грудь, выбив воздух из моих легких.

Моей матери. И вдруг это вспыхнуло у меня перед глазами. Я гнала от себя мысль о том, что моя мама могла бы остаться в этой комнате, спать в этой кровати. И сейчас она могла бы надеть платье, которое держала в руках Мандэй.

— Если ты не наденешь его, это сделаю я, — продолжила Мандэй, заполняя мое молчание.

— Нет, — я шагнула вперед, взявшись за края и развернув его веером перед собой, — я хочу его носить. Я просто, я не знаю. Это так красиво, и у меня никогда не было ничего, что принадлежало бы ей.

— Я надеялась, что ты это скажешь... потому что мои сиськи ни за что не поместятся в это платье.

В полночь мы с Мандэй стояли у моей входной двери. Толстая белая луна висела прямо над головой, и повсюду царил тьма. Платье моей матери облегло мое тело, как вторая кожа, а платье Мандэй отливало золотом до самых ног. Что-то, что носила бы греческая богиня, с подходящей лентой вокруг лба.

— Хорошо, — сказала она, отряхивая руки.

— Мы готовы.

— Мы готовы, — согласилась я.

Тишина.

Ухнула сова.

— Мы просто пойдем туда пешком? Я имею в виду... мы точно не можем кататься на скутерах в этих платьях.

Мандэй повернулась ко мне.

— Я не думала об этом.

Снова тишина.

— Мой скутер сломан. Нам обоим пришлось бы поместиться на твоём.

Мандэй рассмеялась.

— Да, хорошо... потому что это сработало бы.

Как только она это сказала, в голову пришла идея. Я сняла туфли на каблуках, держа их в руке, когда летела вниз по ступенькам крыльца к гаражу.

— Куда ты идешь?

— Мы могли бы взять мой мини-купер, но сначала я хочу проверить одну вещь.

В гараже стояла машина под навесом. Раньше у меня не было времени проверить, работает ли она, но проверить стоило. Я взялась пальцами за ручку внизу и потянула дверь

гаража вверх. Она откатилась и с грохотом ударилась о крышку!

— Это не то, что я думаю, не так ли? — услышала я вопрос Мандэй, когда открывала машину.

— Ни за что. Нет. Я не могу в это поверить.

Под белым покрывалом стояла черная винтажная машина. Я стащила пыльное покрывало в кучу в углу, вытерла руки.

— Таинственный-мобиль.

Мой взгляд метнулся к ней.

— Какой мобиль?

Мандэй прижала руку к груди, когда подошла к машине, обошла ее.

— Каждое зимнее солнцестояние эта машина участвовала в параде, раздавая детям бенгальские огни перед костром. Никто не видел ее уже много лет. Боже, может быть, прошло лет пять?

Она покачала головой, как будто в изумлении.

— Все это время это был Бенни... Я не могу в это поверить. Ворчун Бенни был человеком в Таинственном-мобиле.

Я посмотрела на винтажный «Фантом». Мы не могли говорить об одном и том же человеке.

— Мой дедушка?

— Посмотрим, заводится ли. Ты понимаешь, насколько это удивительно? Явиться на бал Прюиттов в Таинственном-мобиле? Культово.

— Не надейся, — предупредила я ее, открывая дверцу машины. Я села на водительское сиденье, поискала ключ, потом он упал мне на колени, когда я опустила козырек. Мандэй села рядом со мной. Я бросила на нее последний взгляд, прежде чем вставить ключ в замок зажигания. Повернула его.

Машина загрохотала у наших ног, и Мандэй взвизгнула.

— О, все это очень похоже на Золушку.

Глава 44

Фэллон

Машины выстроились вдоль кольцевой подъездной дорожки к особняку Прюиттов. Прохожие глазели и перешептывались, когда мы подъехали.

Мандэй гордо улыбалась, когда мы выходили из Фантома и мой взгляд проследовал за бледно-желтым особняком к черному небу. Основание поместья состояло из белых викторианских архитектурных элементов, сочетающих в себе как прибрежное очарование, так и что-то, принадлежащее другому времени. Почти как если бы церковь нашла свой путь в Воющую Лощину на утесе в штате Мэн. Каким-то образом это сочеталось.

Высокий худощавый мужчина встретил нас у двери, одетый в смокинг дворецкого, и проверил наши имена, прежде чем мы вошли. Навязчивая музыка отражалась от нетронутых глянцевого пола. Мое зрение наполнилось коктейльными платьями, черными смокингами и маскарадными масками. Мандэй схватила меня за руку и повела между парадными лестницами, где я смотрела в небо. В фойе висела хрустальная люстра, музыка наполняла мои уши. Вокруг меня люди смеялись, улыбались и пили из медных и оловянных кубков с выгравированным символом Священного Моря и свитками.

— Я не ожидала увидеть тебя здесь, — Фэйбл положила руку мне на плечо, и я повернулась, когда она обняла меня, — Фэллон, — выдохнула она. — Это платье

великолепно. И у Мандэй тоже. Вау, вы обе так красиво выглядите.

Я отстранилась, чтобы полюбоваться ее изумрудно-зеленым платьем, ее светло-каштановыми волосами, лениво рассыпавшимися по плечам, как у меня.

— Твое тоже.

— Фэллон!

Адора взвизгнула, обнимая меня, когда мои глаза расширились. Я так давно ее не видела. Она отстранила меня, чтобы посмотреть на меня, и намотала один из моих локонов на палец.

— Потанцуйте со мной, миледи.

Она улыбнулась, вся в голубом. Ее стеклянные зеленые глаза блестели сквозь украшенную белую маску.

— Она уже пьяна, — прошептала Фэйбл, похлопав меня по руке, чтобы оттащить.

— Скоро, Адора. Давай сначала угостим ее выпивкой.

Затем ее голос понизился:

— Это будет ночь, которую ты захочешь забыть.

Пока мы шли между телами, болтовней и смехом, мои глаза искали его, мое сердце умоляло его быть здесь, среди моря лиц в масках. Дамы в красивых платьях танцевали в главном зале, а мужчины окружали их и наблюдали за ними. У меня закружилась голова, и я встала на цыпочки, когда мы остановились. Фэйбл вложила мне в руку напиток, и я перевела взгляд перед собой, когда они встретились с серебряными глазами.

— Джулиан, — прошептала я, его имя падало, как туман. Он был в порядке.

Джулиан прочистил горло, и когда я подумала, что снова могу дышать, еще один вдох застрял в моих легких. Я стояла неподвижно, слушая, как мое сердце стучит в груди поверх музыки, когда мои глаза встретились с его выразительными глазами. На нем был приталенный черный смокинг с накрахмаленной белой рубашкой под ним, белая маска мима закрывала его лицо. Очень редко я видела его губы, те, которые я целовала уже много раз. Уста, которые шептали мне в темноте о сладких пустяках, чувствах и когда-то-давным-давно. Нежные губы с острыми краями, выкрашенные в цвет крови, но на вкус напоминающие корицу и немного сладковатой злобы.

Нервы поползли вверх по моему позвоночнику к задней части шеи, и взгляд Джулиана перескочил с Фэйбл на меня. У меня пересохло во рту. Его глаза превратились в щелочки.

— Извините меня, — процедил Джулиан сквозь стиснутые зубы, затем моргнул еще раз, прежде чем повернуться и уйти, неся поднос с напитками. Я наблюдала, как он уронил поднос на стол. Гости вскинули руки, выкрикивая оскорбительные слова, когда напитки пролились на пол, прежде чем он исчез в толпе.

Я сделала шаг, чтобы последовать за ним, когда Фэйбл схватила меня за запястье.

— Не надо.

Мой взгляд устремился на нее, и слезы обожгли мои глаза, когда ее хватка на мне усилилась.

— Если ты любишь его, отпусти его.

Мои глаза сузились.

— Я не могу, — прошептала я, и Фэйбл ослабила хватку.

Ее глаза метнулись в другую сторону комнаты, и я проследила за ее взглядом туда, где Феникс наблюдал за ней из-за стойки, его измученный взгляд горел золотым пламенем.

Она снова перевела взгляд на меня.

— Тогда ты глупая девчонка, раз влюбилась в язычника, и теперь ты проведешь остаток своих дней, зная, каково это — быть пустотой.

Мой взгляд метался между Фэйбл и Фениксом, и Фэйбл закрыла глаза.

— Извини, мне нужна секунда, — прошептала она и побежала через комнату.

— Фэйбл, подожди! — крикнула я, следуя за ней, но она уже исчезла.

Я оглянулась туда, где был Феникс, и увидела, что он вцепился в край стойки, как будто сдерживаясь, чтобы не перепрыгнуть через нее и не побежать к ней. Он глубоко вздохнул и снова посмотрел на меня с осторожностью в глазах — предупреждение.

И одним махом он собрался с духом, взял себя в руки и притворился, что ничего не произошло. Все произошло так быстро, и я обвела взглядом комнату, но никто этого не заметил. Почему я не замечала этого раньше?

Алкоголь легко проскользнул в мое горло одним глотком, и я поставила чашу на поднос, который нес другой официант, проходивший мимо. Я схватила еще одну чашу с того же подноса и вышла из бального зала, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Мне нужен был воздух. Мне нужно было найти Джулиана. Он выглядел таким расстроенным, что я была здесь, и я думала, что это то, чего он хотел. Мой мозг затуманился, пытаюсь вспомнить прошлое.

Прежде чем я успела ступить в коридор, появилась Адора и взяла меня под руку, как раз в тот момент, когда музыка сменилась. — Я люблю эту песню, — пела она. — Девочки, давайте потанцуем!

Мандэй и Айви окружили меня и потащили обратно в центр бального зала, где инструментальная музыка заиграла в гораздо более быстром темпе. Девушки затащили меня в головокружительную толпу танцующих дам, и мой мир закружился вокруг своей оси, пока мы танцевали, танцевали и танцевали. Затем мой взгляд упал на него.

Джулиан был там, он стоял в углу переполненного бального зала, сложив руки перед собой. С каждым поворотом мои глаза встречались с его жесткой фигурой. Выражение его лица не дрогнуло и не изменилось, его взгляд был прикован ко мне, как будто он мог коснуться и удержать меня.

Мое сердце отрастило изодранные черные крылья, страстно желая полететь к нему. И я тяжело дышала и танцевала, в его глазах он танцевал вместе со мной. Адора схватила меня за руку и снова развернула. Но все, что я видела в зале, полном людей, был он, когда он смотрел на меня. Звездное небо, море и все чудеса, которых коснулась луна после смерти солнца, не могли сравниться с выражением его глаз.

— Если я не ошибаюсь, я думаю, что один Язычник положил на тебя глаз, — пропела Адора мне на ухо.

— Ты тоже это видишь? — спросила Мандэй. Девочки захихикали, а я нервно оглядела комнату.

Адора снова закружила меня.

— О, я думаю, все творение было свидетелем этого взгляда.

— Будь осторожна, Фэллон. Возможно, они охотятся за белокурой девственницей, чтобы принести в жертву, — присоединилась Айви.

С наглыми улыбками три девушки оглянулись на Джулиана, и он склонил голову набок, схватившись за затылок.

— Да, — засмеялась Айви, — потому что это не более очевидно.

Я не знала, сколько песен прошло. С каждым глотком жажда в моем горле и сухость во

рту только усиливались, мне нужна была густая янтарная жидкость, чтобы утолить ее, но после каждой наполненной чаши утоление было лишь временным. Время от времени мои глаза находили Джулиана, чтобы стабилизировать меня. Чтобы успокоить панику, поднимающуюся в моей груди, зная, что что-то не так.

В тот момент, когда я нашла возможность покинуть танцпол, музыка прекратилась, и в комнате воцарилась тишина. Адора схватила меня за руку, и все лица в масках повернулись к джентльмену, который стоял в углу комнаты и носил белую маску Бауга с золотыми завитками по краю. Мне стало ясно, что выступал мистер Прюитт, который благодарил всех за участие.

За его столом трое мужчин встали и направились к нам, и люди, стоявшие в открытом бальном зале, расступились посередине.

— Самайн приносит новые начинания и пробуждения, так что пейте и пейте, кружитесь и пойте. Ночь спокойная, чаши пустые. Впитай в себя безумие и поднимись до плотского безумия...

Слова мистера Прюитта оборвались, когда кавалер взял меня за руку. У меня кружилась голова, и я не могла сфокусировать свой взгляд на какой-либо твердой форме.

Мужчина был в кошачьей маске золотого, черного и малинового цветов. Двое других были в масках с крючковатыми носами. Один нос был длиннее другого. Все трое были одеты в черные смокинги, и на мгновение все это показалось смутным сном.

Айви и Адора присоединились к двум другим, и моя голова закружилась по комнате, чтобы увидеть пары, танцующие и пьющие, и тела, прижимающиеся друг к другу. Музыка тоже изменилась, сначала это был звук старой музыкальной шкатулки. Затем он превратился в симфонию скрипок и клавиш пианино.

— Все в порядке. Танцуй, Фэллон, — прошептал кавалер в воздух вокруг меня. Он схватил меня за локти и притянул к своей широкой груди.

Паника только усилилась в моих легких, и я не могла дышать. Я повернулась и увидела Джулиана, неуверенного в том, что со мной происходит. Комната закружилась, у меня закружилась голова. В моей руке появился еще один напиток. Пальцы кавалера поглаживали мою руку.

— Пей и танцуй, — продолжал он напевать мне на ухо, пока музыка и смех наполняли комнату.

— Мне нужен воздух, — я думала, что сказала вслух, но жуткая музыка заглушила мой голос. Кавалер одной рукой схватил меня за талию, а другой поднес напиток к моим губам, наполняя мой рот. Моя голова затряслась, и танцпол, казалось, закачался под моими каблуками, как вода.

Затем кто-то другой схватил меня за руку, пытаясь оттащить, но меня крепко держали на месте, кавалер не отпускал меня. Отчаянные пальцы глубже впились в мою плоть, пытаясь вырвать меня, перенаправить кровоток, если понадобится, когда он вклинился между мной и кавалером, который держал меня.

Ладонь легла на грудь кавалера, и это был Джулиан, который наклонился и что-то прошептал ему на ухо. Я бы узнала его фигуру где угодно, по бьющейся вене на шее, по отрывистому вздыманию груди, когда он был расстроен. Джулиан больше не был в пиджаке, и его рукава были закатаны до локтей.

Мои пальцы вцепились в его рубашку, желая, чтобы он забрал меня отсюда. У меня закружилась голова, но когда я подняла глаза, все, что я увидела на лице Джулиана, было

профилем маски в венецианском стиле в полный рост с черными чернилами вокруг глаз и каплями, похожими на слезы, под ними.

Кавалер отпустил меня, и Джулиан оттащил меня на несколько футов, вертя головой по сторонам в поисках выхода, его пальцы переплелись с моими. Танцующие пары сталкивались с нами плечами, погруженные в свои собственные миры, словно в транс. Время, казалось, текло то быстро, то медленно, но чем ближе мы подходили к залу, я чувствовала, как чистый, холодный воздух из вентиляционного отверстия успокаивает мои истощенные легкие. Джулиан сжал мою руку, и как раз перед тем, как мы покинули бальный зал, Августин Прюитт обошел вокруг.

Джулиан отшатнулся, повернулся и притянул меня к своей груди.

— Джулиан? — прошептала я, гадая, что происходит.

Он схватил меня за затылок, наклонился к моему уху.

— Не произноси мое имя, — сказал он мне, переплетая свои пальцы с моими. Он обвил мою другую руку вокруг своей шеи, прежде чем его ладонь скользнула вниз по моему позвоночнику к пояснице, и он притянул меня ближе.

— Просто потанцуй со мной.

Пульс на его шее бился под моими пальцами, а его бедра были пригвождены к моим бедрам, направляя мои в мягкую скалу. Моя кожа гудела, слыша его дыхание у моего уха, чувствуя, как его кончики пальцев касаются моей обнаженной кожи у основания позвоночника. Покров Вечного огня обвил нас своей музыкальной нитью, связывая нас с каждым бьющимся сердцем.

— Фэллон, — сказал он, взяв мою другую руку и повесив ее себе на шею. — Зачем ты пришла сюда?

— Я думала...

Я сосредоточилась на том, как двигалась его грудь, теперь намного спокойнее. Медленный подъем, глубокое падение. Исчезли поверхностное дыхание и паника.

Джулиан приподнял мою голову, перенаправив мой взгляд.

— Что ты подумала? — спросил он, и я покачала головой, пытаюсь собрать слова воедино, но мой мозг был затуманен и разваливался на части. Джулиан положил обе руки мне на макушку, откинул мои волосы назад, пока мои глаза не встретились с его.

— Сосредоточься, Фэллон. Мне нужно, чтобы ты пришла в себя. Это глупая магия. Это не реально, ясно?

Я кивнула, прищурилась, пытаюсь что-то вспомнить. иЧто-нибудь.

— Но ты хотел, чтобы я была здесь.

— Что?

В его словах сквозило замешательство.

— Почему я должен хотеть, чтобы ты была в доме Прюитта? Это абсурд.

— Ты сказал, что найдешь меня после бала.

— После того, как...

Джулиан сделал паузу, огляделся вокруг, прежде чем понизить голос.

— После бала. Не на балу, — подчеркнул он, возвращая руки на мою талию. Они скользнули вверх по моим бокам, и он опустил свою голову к моей.

Джулиан закрыл глаза, сделал глубокий вдох, прежде чем снова открыть их, его взгляд упал на мое глубокое декольте. Они отскочили назад.

— Ты прекрасна. Я когда-нибудь говорил тебе это?

Я покачала головой. Джулиан моргнул.

— Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил это?

Я опустила взгляд, покачала головой напротив его, чувствуя, как мое прошлое накапливается в моей груди. Он положил свою теплую ладонь на мой живот, где заканчивался вырез платья, затем провел вверх между грудей, к сердцу.

— Для меня ты прекрасна. И не только сегодня вечером. Все время. Я должен был сказать тебе это давным-давно.

Мою грудь сдавило, но он не убрал руку. Его прикосновения и слова — все это обнажало мою душу.

— Твое сердце бьется очень быстро, — сказал он, и я услышала улыбку в его голосе, когда мы нежно танцевали на месте. Джулиан вернул свои руки на мою талию, прижался своим закрытым маской лбом к моему.

— Как ты себя чувствуешь сейчас, лучше?

Я кивнула.

— Должно быть, я слишком много выпила, — призналась я.

— Хорошо, послушай меня, — его глаза метнулись ко мне за спину, затем снова ко мне,

— Через десять секунд мы спокойно пройдем по этому коридору позади меня, не выглядя подозрительно. Есть кое-что, о чем я должен позаботиться, и я не могу оставить тебя сейчас, когда ты здесь. Кивни, если ты меня слышишь.

Я кивнула, и Джулиан схватил меня за затылок, приковав свои глаза к моим.

— Не задавай мне никаких вопросов, я не хочу лгать тебе, — предупредил он.

Мои глаза скользили туда-сюда между его серьезными глазами.

— Я доверяю тебе.

Его взгляд смягчился, затем метнулся вправо.

— Пять секунд, Фэллон.

Я не знала точно, что произойдет через пять секунд, но предвкушение было...

— Сейчас.

Глава 45

Джулиан

Фэллон прижалась к моей руке, пока мы шли по коридору к ванной. Я планировал покинуть особняк двадцать минут назад, но появление Фэллон все испортило.

Бордовые и золотые старинные ковры устилали коридоры и заглушали наши шаги. Завсегдатаи вечеринок разбились на пары под горячими чарами Священного Моря, их стоны, шепот и хихиканье эхом разносились по коридору. Фэллон понятия не имела, во что она ввязалась. Она понятия не имела, что Августин Прюитт всегда использовал комнату, полную плотской страсти, чтобы пробудить своих предков для руководства в следующем году, чтобы использовать красоту и сохранить своих членов приятными — открытыми для предложений и покорными ему и его коварным предприятиям.

Прежде чем мы резко повернули направо, я случайно оглянулся, чтобы посмотреть, следят ли за нами или кто-нибудь заметил наш уход из главного зала. Мой взгляд поймал трех знакомых официантов, входящих в коридор из бара. Феникс, Бэк и Зефир. Стена поглотила мое поле зрения, когда мы скрылись за ней. Правое крыло было пусто. Нам нужно было действовать быстро.

Я схватил Фэллон за руку и побежал по пустынному коридору, запомнив планировку особняка. Джон вытащил чертежи из записей о собственности, и мы провели весь день,

записывая их в мою память. Мои братья по-разному представляли себе, как пройдет сегодняшний вечер. Я предполагал, и это было справедливо, что они продолжат без меня, как только поймут, что меня нигде нет. Я уже должен был уйти из поместья.

Фэллон чуть не споткнулась о свое платье в пол и откинулась назад, чтобы подхватить его подол рукой. Я подавил свое волнение. Это была не ее вина. Возможно, у меня и был план, но она совсем не планировала этого. Она не должна была приходиться, но я отказался оставить ее на растерзание и использование Священному Морю.

Когда мы дошли до конца коридора, я открыл дверь ванной и проскользнул мимо, прежде чем закрыть ее за нами, а затем запер. Фэллон прислонилась спиной к двери, пытаясь отдышаться, когда я подошел к скату для белья, доставая отвертку из кармана брюк. Я снял маску, которую украл у нанятого официанта, выбросил ее в мусорное ведро, все еще надевая ту, что была на мне заранее.

Один за другим я откручивал болты, позволяя им упасть на пол, когда давление затуманило мою кровь. Фэллон молчала позади меня. Я надеялся, что она не могла слышать громкий стук предательства, бьющийся в моей груди. Это никогда не было выбором, когда дело касалось ее, только один ответ. Она.

Я подумал и двинулся вперед с туннельным зрением.

Любовь можно понять, только взглянув на историю задом наперед. Но у меня больше не было желания понимать, почему, только то, что это было, и я никогда не отпускал это. Мысль о том, что монстр, который мог так страстно ненавидеть, мог так глубоко любить, потрясла само мое существование. Все, что я знал, я поставил под сомнение, и все, чем я был, я больше не был. Это была она, всегда. Каждый раз.

В книге Кантини и книге Дэнверс были ответы о том, как снять проклятие, и если я не смогу добраться до них раньше других язычников, они убьют ее, и как только она будет у них, я не смогу их остановить.

Стальная пластина ската свисала с последнего винта, и я отвел ее в сторону, махнув Фэллон поближе.

— Ты должна прыгнуть, — настаивал я. Ее тонкие пальцы сплелись перед ней. Ее взгляд метнулся от меня к темной дыре.

— Давай, Фэллон. Ты можешь это сделать.

Дверная ручка дернулась, и Фэллон вскочила со своего места и попятилась от двери.

— Фэллон, сейчас же!

Я шептал-кричал в панике, сопротивляясь желанию поднять ее и бросить туда самому. Бах! бах! бах! И ее глаза расширились вместе с моими.

— Залезай в дыру.

Мне хотелось выкрикнуть эти слова, но я смог говорить ровным шепотом.

Фэллон задрала платье и схватила меня за плечо, когда просунула одну ногу внутрь. Затем она остановилась и посмотрела на меня со страхом в глазах.

— Я прямо за тобой, — пообещал я, кивнув головой. Она кивнула, проползла оставшуюся часть пути, прежде чем скользнуть и исчезнуть в дыре. Еще несколько ударов в дверь, и моя голова повернулась от того места, где исчезла Фэллон, к дверной ручке. Пройдет совсем немного времени, прежде чем они найдут дорогу внутрь. Я сунул отвертку обратно в карман, пригнулся, просунул ногу в отверстие, затем повернулся, чтобы просунуть другую.

Затем я скатился.

Спуск был почти прямым падением в подвал, и в мгновение ока я упал в кучу грязного белья рядом с Фэллон. Ее молчание убивало меня, но я не мог думать об этом прямо сейчас. Не тогда, когда у нас заканчивалось время. Я выбрался из тележки с бельем, помог ей подняться на ноги и вернуться на твердую землю.

Здесь, внизу, стены были сделаны из камня и пропускали очень мало света. Температура упала по меньшей мере на десять градусов. Деревянные балки пересекали низкие потолки. Я посмотрел вниз направо, потом налево. Я ущипнул себя за висок указательным и большим пальцами. Меня развернуло кругом. Позади нас жужжала стиральная машина и сушилка промышленного размера, играя с моими нервами.

— В какую сторону? — спросила Фэллон, скрестив руки на груди и потирая ладонями предплечья, чтобы согреться. Ее белое платье и белые волосы были растрепаны, а в глазах был миллион вопросов, ни на один из которых я не мог ответить.

— Я думаю.

Я расхаживал, уперев руки в бока. Надо мной скат имел небольшой наклон. Я закрыл глаза и представил себе выцветшие архитектурные линии на чертежах.

— Сюда.

Подземные туннели в форме пентаграммы под Воющей Лощиной отгоняли злых духов и не давали заблудиться тем, кому здесь не место. Развернуться было легко, а мы еще даже не были внутри. У каждого ковена была своя подземная пещера, меньшая комната, доступная только с определенных точек входа. Единственный путь в покои Священного Моря лежал через особняк Прюиттов. Вход только один. Это был мой единственный шанс.

Фэллон легкой трусцой следовала в нескольких шагах позади, щелкая каблуками по кафелю и раздражая мои нервы.

— Как сильно ты любишь эти туфли? — спросил я ее, устремив свое внимание вперед. Фэллон выдохнула воздух через нос. Это было громко, затем щелканье прекратилось. Я обернулся, чтобы убедиться, что она все еще позади меня, и увидел, как она идет в своем красивом платье, держа каблуки в руках. Ее маска исчезла, и она выдавила фальшивую улыбку.

— Прости, но тебе не следовало идти на эту вечеринку.

Она молчала. С каждым шагом загорался мягкий огонек датчика движения, а затем исчезал позади нас. Тишина была такой густой, как будто наши головы были погружены в воду. Я не мог вынести давления предательства язычников, а также напряженности между нами. Это была моя вина, потому что я не мог оставить ее наверху. Это была ее вина, потому что ей не следовало выходить из дома. Почему я просто не сказал ей не выходить из дома?

Я оглянулся на нее еще раз.

x— Фэллон, ты можешь поговорить со мной.

— Я знаю, — сказала она мне. — Прямо сейчас я злюсь. Я не хочу говорить ничего обидного.

— Мне все равно, обидное или нет, я хочу знать, о чем ты думаешь.

Фэллон рассмеялась.

— Нет, ты не хочешь.

— Да, я хочу.

— Ты хочешь знать, о чем я думаю? — она вздохнула: — Правду?

И она не дала мне возможности заговорить, прежде чем продолжила:

— Ты убил гребаную Кэрри! — крикнула она мне в спину. Я оглянулся на нее,

прищурился, и она понизила голос.

— Она хотела, чтобы я была здесь, и теперь я понятия не имею, почему. И в то же время я так рада, что ты наконец-то можешь увидеть то, что я всегда видела. Ты никогда не делал все это с теми людьми. Тебя всегда кто-то контролировал, но вместо того, чтобы позволить мне быть рядом с тобой — потому что, Джулиан, давай посмотрим правде в глаза, ты был в полном беспорядке — ты просто вытащил меня из леса и оттолкнул. С тех пор, как я попала сюда, никто не говорит мне ни хрена. Все такие загадочные. Ты все скрываешь от меня, и все же я здесь, иду за тобой, доверяю тебе, и меня бесит, как сильно я тебе доверяю. Как будто я какая-то слабая и глупая девчонка или что-то в этом роде. А ты такой невнятный, что-то типа: «Фэллон, у нас нет времени, я должен уйти. Фэллон, я не могу быть без тебя. Мы правы вместе. Фэллон, тебе нужно идти, это опасно. Фэллон, я не могу жить без тебя», — передразнила она.

Я улыбался, качая головой.

— Я не говорю так.

— Да, — засмеялась она, — именно так ты и говоришь.

— Я говорю как мудака.

Мы дошли до конца коридора. Фэллон осталась на несколько шагов позади, когда я положил ладони на камень, где должна была быть потайная дверь, и прижал ухо к холодной стене. Я закрыл глаза, прислушиваясь к пустоте.

— Вот и все. — прошептал я, расправляя плечи. Я закатал рукава на руках, встряхнул руками и вернул ладони к каменной стене. Зажмурив глаза, я прочистил мысли, чтобы вытащить вперед определенный элемент, который мне не приходилось использовать уже довольно давно.

Короткое заклинание сорвалось с моих губ. Мышцы на моих руках дрожали, сила передавалась откуда-то изнутри, устремляясь через мою кровь к кончикам пальцев. На краткий миг моя голова закружилась от прилива адреналина, укрепляя мое существо. Стена застонала, медленно отодвигаясь назад и влево. Я уронил голову на камень, внезапно почувствовав головокружение. Это было слишком давно. Разжечь огонь, вызвать бурю, отпереть засов, переместить воду — все это было легко, потому что у меня были язычники, которых я мог направлять в течение двадцати шести лет. Мне пришлось самостоятельно изучать элемент Земли.

Рука Фэллон легла мне на спину.

— Ты в порядке?

Я прижался лбом к камню, наклонив голову, чтобы заглянуть в ее безоблачные голубые глаза.

Что-то встряхнуло мое существо.

Ее глаза. В ее глазах всегда было что-то особенное.

— Да, — сказал я через выдох. — Мы почти на месте.

Я открыл потайную дверь до конца, и мы спустились по узкой лестнице вниз, пока официально не оказались в туннелях. Вокруг нас сгустилась тьма, и Фэллон схватила меня за руку, подошла ближе ко мне, пока я шел впереди по сырому холоду. — Откуда ты знаешь, куда идешь? — спросила она, и ее тихий голосок здесь, внизу, звучал гораздо громче.

— У меня очки ночного видения, — пошутил я, сжимая ее руку.

Фэллон шлепнула меня по руке.

— Нет, у тебя их нет.

Это прозвучало как вопрос.

— Нет, серьезно. Встроенные. Я могу видеть в темноте.

Она молчала, пока мы шли, ее грубая рука сжимала мое предплечье.

— Итак, каждый раз, когда мы... в темноте... ты...

— Вижу все, — подтвердил я, оглядываясь с усмешкой. Фэллон опустила голову, и я понял, что она покраснела. Я снова сжал ее руку и потянулся другой рукой за спину, чтобы прижать ее спину ближе к моей. Напряжение, которое я испытывал раньше, давно прошло, и теперь я не думал, что смог бы сделать это без нее. Это было почти так, как будто так и должно было быть, она и я против времени, города, всего, всех.

После короткой прогулки мы достигли барьера, и я замер.

— Что такое? — спросила Фэллон у меня за спиной.

— Эти ворота, они стальные, — я ощупал края, покачал головой, — их здесь не должно быть.

Не было никакого замка, который можно было бы открыть волшебным щелчком. Рукотворные, без естественного элемента Земли, который можно было бы убрать. Мне нужно было пламя Феникса, чтобы прожечь его. Это было совсем не то же самое, что разжечь огонь. Мне нужно было больше для этого. Я этого не ожидал. Я не смог бы сделать это без него.

В дальнем правом углу горел синий мигающий огонек. Рядом с ним — сканер карточек.

— Черт, — простонал я. Я не мог поджарить электрическую панель или уничтожить ее водой. Я не мог рисковать, чтобы сработала сигнализация. Все, что нам было нужно, — это снять две решетки, чтобы мы могли проскользнуть внутрь.

Запустив руку в волосы, я повернулся к Фэллон.

— Это будет звучать очень плохо, но мне нужно, чтобы вытащила из меня магию.

Ее глаза расширились в кромешной тьме.

— В смысле?

— Я серьезно. Мне нужно вытащить из себя чистую магию, чтобы пройти через что-то подобное самостоятельно. У меня нет Феникса, чтобы прожечь его, поэтому мне нужно удовольствие или боль, чтобы извлечь магию такого уровня.

— Мне любопытно. Что бы ты сделал, если бы меня здесь не было?

— Подрочил бы, — заявил я, и Фэллон улыбнулась, постучав пальцем по подбородку.

— Это смешно, когда прямо передо мной стоит моя девушка, которая, кстати, справилась бы с работой гораздо лучше и быстрее. Это серьезно, Фэллон. Серьезный вопрос жизни и смерти.

Она закатила глаза.

— О, хорошо. Если это вопрос жизни и смерти.

— Послушай, я бы никогда не использовал тебя так, как использовали меня, никого никогда не следует использовать так, как использовали меня, поэтому мне нужно, чтобы ты использовала меня. Так, как ты захочешь.

Хриплый вздох сорвался с ее губ. Она скрестила руки на груди. Затем отпустила их.

— Это большое давление.

— В этом мире нет буквально ничего, что ты могла бы сделать неправильно, я обещаю. Видишь, — я схватил свой возбужденный член, — Ты только стоишь там, а я уже возбужден. Ты просто должна... Приложить немного усилий. Легко.

Ее щеки вспыхнули вокруг недоверчивой улыбки.

— Приложить немного усилий?

— Я буду управлять.

Смех сорвался с ее губ.

— Хорошо, нет. Ты сейчас ставишь все в очень неловкое положение. А это платье моей матери. Я не собираюсь делать то, о чем ты думаешь, в платье моей матери.

Схватившись за затылок, я на мгновение посмотрел на нее. Я не мог поверить в то, о чем только что попросил ее. Приложить немного усилий? Я откинул голову назад.

— Черт, прости меня.

Я помассировал виски и прислонился спиной к стене.

— Ты права. Я даже не знаю, о чем я думал.

Я был в отчаянии, но мне нужно было пройти через эти ворота. Мне нужно было добраться до этих книг.

Я откинул голову к стене, глядя на нее, пока она оглядывалась в темноте в поисках чего-нибудь, на чем мог бы остановиться ее взгляд.

— Если бы ты только понимала, на что я готов ради тебя пойти, Фэллон, — сказал я ей, наблюдая за ней с расстояния всего в несколько футов. Голова Фэллон повернулась на звук моего голоса, и она смотрела прямо мне в глаза. Я почти задался вопросом, может ли она тоже видеть меня в темноте.

Она молчала, и мне захотелось протянуть руку и прикоснуться к ней. А потом мой рот начал двигаться. Я не мог остановить это.

— Это происходило медленно, а потом внезапно для меня, ты знаешь, — выпалил я, прислонившись спиной к каменной стене туннеля. — То, что я чувствую к тебе, глубоко укоренилось — неслыханно глубокое, синее чувство. Такое синее, что кажется черным. Как океан под океаном на вершине другого океана. Где ты не знаешь, какой путь — вверх или вниз. Ни отмелей, ни дна. Вот насколько глубоко, и это иногда пугает меня. Но тогда ты тоже там, и мы плывем вместе в этом глубоком месте. И там спокойно... тихо.

Я потерял себя в ее глазах и не осознавал, что остальная часть меня была парализована. Я прочистил горло.

— Это странно, когда мы вместе. Что-то вроде приятной боли.

Фэллон прошептала:

— Разве не в этом наш смысл?

Медленная улыбка изогнула ее губы, и она прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать ее.

— Джулиан, если ты продолжаешь думать, что кто-то другой должен спровоцировать тебя, чтобы вытащить что-то, ты никогда не сможешь ничего сделать сам.

Я открыл рот, затем закрыл его, когда она продолжила:

— Как тебе может понадобиться кто-то еще, чтобы открыть то, что уже внутри тебя? В этом нет никакого смысла.

— Я не знаю другого способа, — признался я. — Так было всегда.

— Я называю это чушью собачьей.

Моя бровь взлетела в воздух.

— Чушь собачья?

— Да, я видела, на что ты способен, и все же ты позволяешь всем контролировать тебя, — она наклонилась вперед, хлопнула ладонями и сказала:

— Хватит. Позволять. Им. Контролировать. Себя.

Я ухмыльнулся.

— Ты только что описала меня одним слогом?

Дверь со скрипом закрылась, и мы оба повернули головы на звук. Они были здесь. У нас было мало времени.

— Джулиан, — прошептала она, найдя мою руку в темноте. — Это уже внутри тебя. Это ты. Ты был единственным, кто смог вытащить себя оттуда. Ты каждый раз сражался с тьмой. Ты сам попал сюда. Ты карабкался и царапался, и ты намного сильнее, чем считаешь. Тебе никто не нужен. Это всегда был ты. Только ты. Ты можешь это сделать.

Я? Я думал обо всех ее словах. Я.

Я кивнул. Я оттолкнулся от стены. Я сделал глубокий вдох. Я обхватил обеими руками стальные прутья. Я почувствовал Фэллон рядом со мной. Я услышал шаги вдалеке. Оба наших сердцебиения пульсировали у меня в ушах. Слова Фэллон эхом отдавались в моей голове. И что-то было не так.

Тогда это имело смысл.

Это был не я.

Она ошибалась. Не я был тем, кто вытащил меня, это была она. Я боролся с тьмой только из-за нее. Она привела меня сюда. Она карабкалась и прокладывала себе путь внутри меня, делая меня сильнее, чем я когда-либо думал поверить. Мне действительно был нужен кто-то. Я нуждался в ней. Это всегда была она. Только она.

Мы могли бы это сделать. Вместе.

Я схватил ее за руку и притянул к себе, зажав ее между своих рук. Ее туфли упали на землю, я накрыл ее пальцы своими, и мы вместе ухватились за решетку.

Шаги приближались, и я крепко зажмурился. Внезапная боль от осознания того, что я могу потерять ее, пронзила мою кровь — агония, похожая на бушующий прилив, разбивающийся о мои кости. Мои кулаки сжались вокруг ее рук, и я сторбился, прижимаясь к ее спине, моя голова рядом с ее головой, тренируя свои мысли на двух ударах сердца, которые становились одним.

Один сильный удар.

Каждый удар вибрировал в моем сердце и проходил через меня, как электрический ток. А потом нас окружил серебристый свет. Все происходило как в замедленной съемке. Так медленно, что время остановилось. Сердцебиение было тяжелым, твердым, протяжным, как басы. Пузырь вокруг нас запер нас в этом остановившемся времени.

Сработала сила, и нас швырнуло вперед, на другую сторону.

Я опрокинул Фэллон на землю. Мне потребовалось мгновение, чтобы собраться с мыслями. Я с ворчанием скатился с нее на спину. Мою ногу сотряс электрический спазм. Мои мысли были повсюду, и паника сжалась вокруг меня в тугий кулак. Фэллон.

Я вскочил на ноги и откинул прядь белых волос с ее лица.

— Фэллон, эй. Ты в порядке?

Я склонил голову набок, пытаюсь собрать воедино то, что только что произошло. Стальные ворота были все еще целы, и мы были по другую сторону. Мы прошли сквозь стальные прутья. В этом не было никакого смысла.

— Фэллон?!

Она хватала ртом воздух, высвободила руки из-под себя и, моргнув, открыла глаза. Я помог ей подняться на ноги.

— Ты в порядке?

— Что случилось?

Я рассмеялся, все еще поражённый. Мы прошли сквозь стальные прутья.

— Я понятия не имею, но у нас нет времени выяснять это. Мы должны двигаться.

Я подхватил ее на руки, зная, что она не сможет бежать в платье, и пробежал остаток пути до комнаты Священного Моря.

На арочной деревянной двери был выгравирован кельтский символ троицы — три соединенных листа. Я осмотрел резьбу после того, как поставил ее на землю, открыл дверь. Мы проскользнули в маленькую комнату.

Справа от меня целая стена была сделана из стекла, по другую сторону стекла — запретные подземные источники.

— Что это за место? — прошептала Фэллон, проводя кончиками пальцев по стеклянной стене. Мерцающий голубой оттенок воды освещал ее бледные черты.

— Покои Священного Моря, — мне пришлось отвести от нее взгляд, осматривая комнату в поисках книг, — Есть старая легенда о цвете подземных источников. Запретная Девушка из Пещер, — начал я говорить, подходя к книжной полке.

— Запретная Девушка была женой для одного, любовницей для другого. Она использовала эти туннели, чтобы пробираться туда и обратно, чтобы повидаться со своим возлюбленным, который был врагом ее отца. История гласит, что она планировала сбежать с ним. Но когда ее отец узнал правду о ее неверности, он спрятал ее где-то в этих пещерах, стыдясь ее предательства. Некоторые говорят, что ее отец даже утопил ее в этих водах. Ее дух бродит по туннелям и источникам, по сей день ожидая, когда ее возлюбленный спасет ее. С тех пор эти воды были такого цвета. Некоторые говорят, что, когда ее возлюбленный вернется в туннели, чтобы спасти ее дух, ее перевоплощенная душа снова станет полной, и вода станет чистой.

— Это... действительно грустно. Как ее звали?

Я пожал плечами, на ощупь пробираясь к задней части книжной полки.

— В книгах никогда не упоминалось ее имя. Ее просто называли Запретной Девушкой. Об этом городе ходит много легенд. Некоторые из них правдивы, некоторые, я верю, держат нас в узде. Для ведьм, — мои пальцы нащупали трещину в стене, — невозможность перевоплотиться всей душой — это наш ад.

Мои парадные туфли скользили по скользкой и твердой земле, пока я искал опору, толкая книжную полку вдоль стены. Деревянный книжный шкаф закрипел и застонал, медленно отодвигаясь в сторону. Фэллон подошла ко мне сзади.

— Я думаю, это то, что нужно.

Я снял со стены камни и передал их Фэллон. В кармане на стене лежали три недостающие книги. Я перевёл дыхание, чувствуя, как напряженные эмоции спиралью поднимаются по моей груди.

— Я не могу в это поверить.

Одну за другой я схватил книги и сложил их в охапку.

Книга Кантини. Книга Дэнверс. Книга Блэквелл.

«Каждый язычник до тебя пытался, и каждый язычник потерпел неудачу», — прозвучали слова Гуди.

Я с улыбкой прислонился спиной к стене и облегченно вздохнул.

Я встретился взглядом с Фэллон.

— Давай выбираться отсюда.

Глава 46

Джулиан

Великая тишина опустилась на лес. Зловещая тишина.

Томные тени, подгоняемые ночной сказкой, обвилились вокруг меня, пока огонь пылал у моих ног. Фэллон была внутри, принимала душ и переодевалась. Она ни разу не спросила меня, почему мы вломились в покои Священного Моря и украли книги из комнаты. По дороге к выходу на кладбище мы говорили обо всем остальном, пока шли по туннелям, оба избегая вещей, которые мы оставили позади. Я знал, что она хотела поговорить об этом, но она также знала, что я никогда ей не скажу.

Я взял Книгу Кантини, пролистал страницы, пока мой взгляд не остановился на родимом пятне в виде полумесяца, нарисованном на старой папирусной бумаге. Я вырвал страницы, смял их в кулаке и бросил в огонь. То же самое я проделал со страницами из Книги Дэнверс. Как только Клариса Дэнверс узнала, как снять проклятие, она украла эти дневники и записала ответы в книгу Дэнверс, прежде чем Маттео Кантини конфисковал их — как раз перед тем, как он изгнал ее из Воющей Лощины.

Этот момент был таким горько-сладким. Почти два столетия Полые Язычники искали и искали те же истины, которые раскрыл я, только для того, чтобы сжечь все это ради любви — к Фэллон. Мне было интересно, что подумали бы обо мне мои предки и были ли бы они разочарованы. Прокляли бы они мою душу навечно, бросив меня в ведьмин ад с невозможностью полностью перевоплотиться, как Запретная Девушка.

Мне было интересно, что подумали бы мои братья, если бы узнали правду о том, что я натворил. Если бы они могли однажды понять, что... Я, Джулиан Блэквелл, нашел любовь, которая была глубже, чем любовь, и я любил так, как будто это было все, что я знал.

Огонь потрескивал, и ворон прокричал мне вдалеке, когда я потянулся за Книгой Блэквелл. Я никогда не держала в руках свою семейную книгу, и серебряная фольга мерцала на фоне пламени костра под черным, как смоль, небом. Сонный ужас прокрался по лесу, по моим венам.

Почему до этого момента все казалось правильным? Почему с самого начала была похищена книга Блэквелл? Неужели моя семья тоже всегда знала ответы на проклятие?

Эта мысль парализовала меня. Я не мог заставить себя сделать это.

Я не мог уничтожить страницы своей книги. Пока нет.

Ворон снова крикнул, и я кивнул, как будто понял, что он пытался мне сказать.

Вернувшись в дом, я спрятал книги под подушку дивана. Но не Книгу Блэквелл. Она кричала у меня на ладони. Я выпрямил спину и подошёл к камину, нажимая ногой, чтобы найти расшатанную половицу. Дерево скрипнуло, и я присел на корточки, отодвинул доску, прежде чем втиснуть книгу в узкое пространство. Доска скользнула обратно на место, и я пошел в свою спальню, где стояла Фэллон. Ее волосы были влажными. На ней была одна из моих рубашек и брюк.

Фэллон была в моей спальне всего один раз, и это было недолго. Она была расстроена, вероятно, у нее не было возможности хорошенько осмотреться, не так, как сейчас. Смотреть было особо не на что.

Полноразмерная кровать, сдвинутая в угол комнаты под окном, где лунный свет отбрасывал единственный луч между нами. На подоконнике стоял фонарь. Простыни и одеяла на кровати были сшиты вручную миссис Эдвин. Прикроватная тумбочка, которую соорудил Феникс, вместе с сундуком у противоположной стены. Никаких фотографий. Единственным украшением был ловец снов, который Джоли сделала для меня, подвешенный

к моей деревянной спинке кровати, который никогда не ловил сны. Никакого света, кроме фонаря. Мой любимый Франкенштейн лежит на моей тумбочке. Я видел, как ее взгляд метнулся к роману, затем снова ко мне.

То, как она смотрела на меня, заставило мое сердце снять свою броню после ночных событий. Я проглотил. Прочистил горло.

— Раздевайся, — сказал я ей и повернулся, чтобы закрыть дверь. Затем прислонился к ней спиной.

— Полностью.

Колдовской час давно миновал. Скоро взойдет солнце. Пока царила предутренняя тьма, мне нужно было быть с ней так, как солнце жаждало быть с луной.

Фэллон смотрела, как я наблюдаю, как она раздевается.

Стыд, вина, страх — ничто из этого не жило здесь с нами. Только что-то другое. Нечто бессмертное. Какая-то свирепая штука, которая на вкус была как бессмертная преданность на кончике моего языка.

Она стянула мою рубашку со своего тела, и мой взгляд проследил за тем, как ее живот слегка приподнялся, когда она украдкой вздохнула. Следующими были брюки. Я смотрел, как ее белые волосы рассыпались по плечам, когда она выскользнула из них. Ее спина выпрямилась, снова повернувшись ко мне лицом. Мой рот приоткрылся под маской, когда мои глаза в замедленной съемке следили за ее изгибами, ее впадинами и неизведанными местами, которые мой рот не посещал.

Под ожерельем, которое я ей подарил, ее грудь поднималась и опускалась, когда ее глаза встретились с моими. Я оторвал свой взгляд и опустил его вниз по ее телу, остановившись на впадине ее тазовой кости. Я закрыл глаза. Снова открыл их. Мое зрение теперь было размытым, но все еще горело из-за пластыря на ее бедре.

И что скрывалось за этим.

Я сморгнул их обратно перед собой, сделал шаг вперед и встал перед ней. Затем я упал на колени. Фэллон напряглась, когда я снял пластырь. А под ним темная форма полумесяца подчеркивала ее бледную кожу.

Правда снова обрушилась на меня, напоминая, что все, что я сделал сегодня вечером, было ради нее. Я никогда не мог сказать ей. Я никогда никому не мог рассказать.

Разрушение проклятия не было первым делом. Фэллон была на первом месте. И они убьют меня за то, что я сделал, если когда-нибудь узнают, что знаю я. Снова и снова, я бы сделал это снова и снова. Я хотел содрать шрам со своей ладони, заменить его новым. Тот, который никогда не заживет, так что я всегда буду чувствовать это страдание.

Таким образом, я мог вспомнить, как она заставляла меня чувствовать себя человеком, а не монстром.

Фэллон откинулась назад и села на край кровати, положила мою голову себе на колени и запустила пальцы в мои волосы. Я поцеловал ее родинку, одновременно ненавидя и любя ее. Желая избавиться от этого и желая лелеять это. Это было странное чувство. Неизбежное. То самое, что заставило меня видеть так ясно. Все причиняло адскую боль.

Мои мысли мучили меня. Слова неслись быстро и медленно. Мои мысли были повсюду, я впивался пальцами в бледную кожу Фэллон, нежно целовал ее, прежде чем впиться в нее зубами. Я ничего не мог понять. Она схватила меня за волосы, пока я боролся с собой.

Фэллон сказала мне, что она была здесь со мной. Она произнесла слова, что-то о том, что я хороший. Она доверяла мне. Она верила в меня. Она любила меня. Мы оба были

расстроены по разным причинам, и она понятия не имела.

— Джулиан, — прошептала она, расстегивая мою рубашку, ее голос касался моей кожи. Потом я вышел из этого состояния, опустился на колени между ее ног и посмотрел на нее снизу вверх. Мой взгляд перемещался взад и вперед между ее глазами, мои ладони скользили вверх по ее спине.

— Джулиан, — настаивала Фэллон, изучая меня, успокаивая. — Я прямо здесь. Что случилось...

Я схватил ее сзади за шею и притянул к себе, пока ее глаза не закрылись. Затем я снял маску и просунул язык ей в рот. Я попробовал что-то похожее на комбинацию бега, крика и расслабления. Из моего горла вырвался стон. Я отстранился, мои большие пальцы коснулись ее сомкнутых ресниц, пока я любовался ее приоткрытыми губами. Мой язык метнулся наружу, чтобы погладить нежные места, чтобы встретиться с ее языком, прежде чем он снова заполнит ее рот. Мой член набух в штанах от ее вкуса. Все было чувствительно, как открытая рана.

Поднявшись на ноги, я склонился над ней. Она расстегнула мою пуговицу и молнию и спустила мои брюки с бедер, и я хотел, чтобы она это сделала. Ее пальцы коснулись ран, которые медленно заживали, и она отстранилась, но я схватил ее за лицо.

— Все в порядке, — прошептал я, качая головой, удерживая ее в этом поцелуе.

Фэллон отстранилась.

— Нет, Джулиан, не в порядке. Кто сделал это с тобой?

Я опустил голову, глубоко вздохнул.

— Мой ковен нуждался во мне.

— Твой ковен сделал это с тобой? Почему? Скажи мне, Джулиан. Скажи мне, или я... Просто скажи мне!

Я старался держаться как можно дольше. Я не хотел рассказывать ей, что они со мной сделали. То, что они всегда делали со мной. Что я позволю им сделать со мной. Фэллон встала с кровати, чтобы подойти ближе. Я притянул ее вплотную к себе, не оставляя между нами пространства, подыскивая правильные слова, чтобы помочь ей понять.

— Потому что четырнадцатилетняя девочка умирала, и им нужна была наша магия, чтобы спасти ее. Ты должна понять, что я хотел спасти ее. Это то, что я есть. Носитель магии.

— Нет, Джулиан, — Фэллон покачала головой, ее пальцы скользили по старым шрамам и новым ранам. — Ты намного больше, чем это.

Заставив ее замолчать, я развернул ее и прижал спиной к своей груди. Ее шея была хрупкой вещью в моей ладони, ее ключица была резной и нежной. Я поцеловал ее в плечо и шею. Обе ее руки сжали мои обнаженные бедра, прежде чем она нашла мои руки. Она направила их, проведя одной по животу, другой по груди. Она хотела меня сейчас. Ее руки поднялись, обвились вокруг моей шеи, давая мне возможность свободно прикасаться к ней.

Белые волосы закрыли мне обзор, когда ее голова откинулась на меня. Я опустил голову и наблюдал, как мои руки скользят по ее дрожащей коже. Те же самые руки, которые я использовал для убийства, были способны удержать ее в моих объятиях. Но это никогда не было со мной. Это был я. Это было реально.

Моя ладонь скользнула к ее грудям и обхватила их, нежно сжимая. Другой опустился вниз и накрыл ее лоно, и я провел пальцем по ее разгоряченной щели. Фэллон так легко застонала. Я наблюдал, как она прикусила нижнюю губу.

Этого маленького жеста было достаточно, чтобы пробудить все пять чувств. Нетерпение подстегивало мои движения. Я затаил дыхание, наклонился и погрузил свой член в нее. Мгновенная и электрическая связь почти сбила меня с ног, и я задохнулся от своих слов, когда ее тугая теплая киска сжалась вокруг меня.

— Фэллон — я — черт...

Теперь она стояла на цыпочках, впиваясь пальцами в мою шею в поисках рычага. Я обхватил ее рукой спереди и обхватил ладонью ее киску, погружая свой член глубже, чувствуя, как ее выступы захватывают меня повсюду от кончика до основания. Я чувствовал это всем своим телом. Фэллон захныкала, и я выругался, и это были мы.

Подключившись, я прижал ее к себе, скрестив руку на ее груди, другой поглаживая ее клитор, пока я терялся в этом ритме. От трения у меня закружилась голова, я терял сознание. Она сводила меня с ума, успокаивала. Было так хорошо ошибаться. Боже мой, ее сказочный аромат наполнял комнату, впитываясь в мою кожу.

Мои стоны были прерваны. Ее всхлипы были разбиты вдребезги. Я наклонил ее голову, пока мой рот не прижался к ее рту, и мой язык скользнул между ее сладкими губами, прежде чем мы оба упали вперед на кровать.

Жизни, сжатые в десять пальцев, переписали нашу новую историю на наших телах.

Мы обнаружили, что запутались в простынях.

Она шептала мне на ухо нежные пустяки.

Ночь держала нас в своих руках.

Живые рты, ладони прижаты к ладоням, пальцы сплетены, груди скользят по моей груди, и я погружаюсь глубоко в нее, когда ее оргазм захватил мой, и мой собственный начал пульсировать. Вибрации начались в моих костях, и я почувствовал, как перемены разлились по моим венам. Это было похоже на инъекцию восторга прямо в мою кровь, бесконечный и продолжительный кульминационный момент.

Затем моя магия создала вокруг нас серебряное сияние, защищая нас. Такого раньше никогда не случалось, и я прикрыл ей глаза рукой и оглядел освещенную комнату. Казалось, что галактика рухнула вокруг нас. Или мир перевернулся с ног на голову, и мы повисли в звездном небе. Мое сердце было спокойно, но тело было измучено, пьяно и кружилось.

— Это не может быть правдой, — выдохнул я, моя душа была пьяна от этого. Я опустил голову, наблюдая, как Фэллон прикусила нижнюю губу. Затем она приоткрыла свои дрожащие губы, прежде чем я снова наполнил ее своим поцелуем, снова теряя себя.

Фэллон

Большое окно с навесом тянулось через всю стену над его кроватью. Занавесок не было. Никаких жалюзи. Ничего, кроме леса на заднем плане. Холодный, свежий утренний воздух проникал в открытое окно снизу, потому что он приоткрыл его перед тем, как мы заснули. В его спальне было так холодно, но я чувствовала себя здесь как дома, лежа голой под его теплыми простынями. Джулиан спал, засунув голову под подушку, на спине, одна рука у него над головой, другая естественным образом лежит на моем бедре.

Джулиан всегда исчезал до наступления утра, и я никогда не видела, чтобы он спал с восходом солнца. Это было завораживающе — наблюдать, как его грудь и живот наполняются и опадают в успокаивающем ритме. Все эти вещи внутри него так прекрасно работают вместе без каких-либо усилий.

Я села у его изголовья, натянула одеяло до груди и оглядела пустую комнату. Я взяла книгу с тумбочки. Франкенштейн. На обложке были кольца от кружек. С книгой обращались

как с любимым детским одеялом или мягкой игрушкой. Я открыла книгу и пролиставала ее. Поля были заполнены почерком Джулиана. Предложения были подчеркнуты черными чернилами, а страницы были помяты по углам. Это было захватывающе.

Джулиан вытянулся рядом со мной, и его рука переместилась с головы. Он потер грудь, скользнул ладонью вниз по туловищу и под одеяло, где обхватил себя руками. Его другая рука, лежавшая на мне, тоже двигалась, и его пальцы прошли по моей коже, как по карте, узнавая все места, где он побывал за ночь.

— Ты не спишь? — спросил он из-под подушки, сжимая мое бедро.

— Нет.

Я быстро закрыла книгу и прижала ее к груди.

— В ящике моей тумбочки есть маска. Передашь мне?

Ящик плавно выдвинулся, и внутри оказалась коллекция простых черных масок. Я схватила одну и потянулась назад, чтобы бросить ее ему на грудь.

Я осталась на боку, лицом к дверному проему, когда почувствовала, как кровать сдвинулась, когда он поднялся.

— Хорошо, — сказал он, и я повернулась обратно, прислонившись к спинке кровати рядом с ним.

Джулиан провел пальцами по глазам, по волосам. Затем он посмотрел на меня. И мне хотелось бы знать, что творится у него в голове, знать, о чем он думает. Он посмотрел на меня так, как будто никогда раньше не видел ничего подобного. Каждый раз он смотрел на меня так, словно видел в первый раз.

— Ты читала это раньше? — спросил он.

Читали раньше? И взгляд Джулиана упал на предмет, прижатый к моей груди.

— О, — сказала я, затем посмотрела на обложку книги. — Нет. Я имею в виду, я знаю эту историю, но на самом деле никогда не читала книгу.

— Тогда откуда ты знаешь эту историю?

Я вытянула свою улыбку в прямую линию.

— Все знают историю Франкенштейна.

Джулиан покачал головой.

— История может быть разной в зависимости от того, от кого ты ее услышала. Режиссеры, критики, люди, которые ее читали, все они пересказывают свои версии, свое восприятие истории, но ты должна прочитать книгу сама, чтобы найти свою историю.

Я приподняла бровь.

— Я не знала, что ты любишь читать.

Джулиан слегка рассмеялся.

— На самом деле, не люблю. Мне просто нравится эта книга. Я запомнил ее.

— Ты запомнил ее.

Это было утверждение. Недоверчивое заявление.

— Ты сомневаешься во мне.

— Нет, я бы никогда в тебе не усомнилась.

— Выбери номер страницы, — бросил он вызов, и я улыбнулась.

— Давай, я не шучу.

Моя улыбка горела на моем лице, и я пролиставала книгу, чувствуя на себе взгляд Джулиана. Затем я повернулась к нему лицом, чтобы он не мог видеть слов или жульничать.

— Страница сорок.

Джулиан на мгновение задумался, затем его взгляд стал серьезным. Он посмотрел на меня, и его серебристые глаза наполнились множеством эмоций.

«Пускай не наставления, а мой собственный пример покажет вам, какие опасности таит в себе познание и насколько тот, для кого мир ограничен родным городом, счастливей того, кто хочет вознестись выше поставленных природой пределов».

Он произнес эти слова так плавно. В его глазах не было улыбки, только что-то, что он потерял. Затем он добавил:

— Я хочу, чтобы она была у тебя.

— Что?

Он постучал пальцем по обложке.

— Книга. Я хочу, чтобы она была у тебя.

— Джулиан, но ты же любишь эту книгу..

— Вот именно.

Он взял книгу, закрыл ее и положил позади меня. Его ладонь легла мне на спину, и он притянул меня к своей груди и обратно под одеяло, где наши тела были теплыми, а головы прохладными от утреннего холода. Он накрутил прядь волос на палец.

— Потому что я...

Звук эхом прокатился по хижине, сотрясая стены. Это прозвучало так, словно распахнулась дверь. Мои глаза расширились, когда я увидела испуганные глаза Джулиана.

— Они здесь, — заявил он, зажмурив глаза. Время замедлилось, пропуская отсчет моего бешено колотящегося сердца. Он сделал глубокий вдох. Задержал его. Он наклонился вперед, перешагнув через меня, схватил с пола рубашку и натянул ее мне через голову.

— Ты должна кое-что сделать для меня, — начал он говорить.

Мои глаза метались по сторонам, когда шаги эхом отдавались в хижине. Приглушенные низкие голоса раздавались прямо за дверью его спальни. Мое сердце подскочило к горлу, желудок скрутило. Состояние паники заставило меня замереть на месте. Джулиан был быстр, схватил пару штаны и бросил их мне, чтобы надеть.

— Если со мной что-нибудь случится, ни при каких обстоятельствах не заступайся за меня. Не ходи в Орден. Не ходи в лес. Никому ни о чем не рассказывай. Фэллон, держи рот на замке. Ты должна позволить им забрать меня. Ты должна отпустить меня.

— Что? Нет! Почему?

Слова вырвались так быстро, что я споткнулась о штаны. Джулиан был голым, не беспокоясь о себе, но теперь помогал мне одеваться. Стуки и грохот заполнили хижину, пока уничтожались его вещи.

— Джулиан, ты меня пугаешь!

Я взревела.

— Это имеет какое-то отношение к тому, что мы сделали прошлой ночью?

Мои глаза метались между его испуганными глазами. Он промолчал, схватил Франкенштейн с кровати и засунул ее мне за пояс.

— Мне так жаль, но просто знай, если со мной что-нибудь случится, я сделал все это, потому что...

— Потому что что?

В моей голове царил хаос. Глаза Джулиана были дикими и отчаянными.

— Джулиан! Что ты сделал?!

— Фэллон, я— я... — он глубоко вздохнул.

И дверь спальни была выбита. В комнату ворвались трое язычников. Зефир накручивал одну из моих туфель на палец. Феникс держал в руках две книги, которые мы украли несколько часов назад. Голубые глаза Бэка один раз окинули меня взглядом, прежде чем он встал между мной и Джулианом, отбросив меня в сторону.

Я отшатнулась к стене.

Не было никакого обмена словами.

Миллион эмоций промелькнул в глазах Джулиана, прежде чем Зефир пнул его по ногам и заставил встать на колени! Джулиан бросил на меня последний извиняющийся взгляд как раз в тот момент, когда Феникс натянул ему на голову холщовый мешок. Они связали его запястья! Но Джулиан не сопротивлялся! Почему он не сражался?

— Он ничего не сделал! — я закричала.

Я попыталась добраться до Джулиана, но Бэк сдвинулся, как скользящая кирпичная стена, не давая мне пройти. Зефир схватил Джулиана за затылок и ударил его коленом в бок! Трещина! В комнате раздался звонок, и слезы выступили у меня на глазах, меня окутал жар. Горячая ярость несется по моим венам. Я рванулась вперед через Бэка, пытаюсь добраться до него. Я не могла добраться до него.

— Нет! ОТПУСТИ ЕГО!

Я кричала снова и снова, но никто не смотрел на меня.

Никто не обращал на меня никакого внимания. Никто не произнес ни слова. Джулиан, нагнувшись вперед, стоял на коленях, обнаженный, когда они били в него. И я кричала, чтобы кто-нибудь остановился, кто угодно!

— Бэк, пожалуйста, — закричала я, но он так и не обернулся. — Отпусти его!

Феникс схватил Джулиана за руки и поднял его на ноги.

Затем они выволокли его из комнаты.

Бэк отступил назад и встал у двери, заложив руки за спину. Неважно, сколько раз я толкала, пихала и била его, он стоял, как непобедимая каменная статуя.

Я не знала, сколько времени прошло, потому что я плакала и кричала, а горло саднило от боли.

В конце концов, Бэк ушел, оставив меня там, в коридоре.

Совсем одну, а Джулиана уже нигде не было.

Глава 47

Джулиан

Я любил ее, и, возможно, это была ненормальная любовь. Возможно, любовь не должна была касаться кого-то столь тихого и нежного вроде нее. Или, может быть, любовь не должна была касаться кого-то вроде меня, жестокого и ненормального. Наша любовь была другой — странной любовью. Смесь нас. Тихая и жестокая, крадущаяся из глубин тьмы, прежде чем вонзить острый клинок в наши сердца. Такая любовь, которая может погубить.

Тонкие полоски дневного света пробивались между деревянными панелями сарая. Я поднял голову достаточно, чтобы увидеть Феникса, Зефира и Бэка в стороне, их приглушенные голоса. В моем черепе стучало. Я зажмурился, потом прищурился. Положение солнца подсказало мне, что еще не наступил полдень. Это все еще был первый день Самайна.

— Он очнулся, — сказал Феникс. Все трое подошли ко мне. Я попытался освободиться от оков и замер, когда Феникс сжал мое плечо.

— Ты никуда не пойдешь.

Я откинул голову назад и уставился на Зефира, который стоял передо мной, скрестив руки на груди. Он опустил взгляд на книги, сложенные стопкой у моих ног.

— Нашел это в хижине. Я ожидал чего-то подобного от Никса, но не от тебя, — проворчал Зефир.

Мои зубы стиснулись под маской, мне было все и нечего сказать.

Зефир кивнул.

— Что заставляет тебя думать, что ты принадлежишь к высшей силе? Что ты лучше любого из нас? Я в замешательстве, правда. Ты говоришь о верности, честности, об этих так называемых переменах внутри ковена, но где же верность?

Зеф сделал шаг вперед, схватил запястье, прикрепленное с ладонью, где моя клятва была покрыта шрамами от среднего пальца до запястья. Затем он прошептал мне на ухо сквозь стиснутые зубы:

— Я добьюсь от тебя ответов, даже если для этого придется поиграть с твоим маленьким фриком.

— Ты не прикоснешься к девушке, — заявил Бэк сзади. — Давайте подождем, пока не приедет Кларенс.

— Это бессмысленно.

Феникс пнул ящик, и он пролетел через весь сарай. Он рванулся ко мне, врезался своим лбом в мой.

— Где недостающие страницы?! — закричал он, брызжа слюной, наши головы соприкоснулись. Феникс Уайлдс, джокер, созданный из пепла галлюциногенного золота. Мои глаза метались между его глазами, замечая то же отчаяние, которое я узнал, и я не осознавал этого до сих пор. Возможно, только те, кто познал ярость Любви, могли видеть его в других. Фениксу Уайлдсу тоже было что терять.

— ЧТО ТЫ С НИМИ СДЕЛАЛ?

— Отойди, Уайлдс, — резкий, но уверенный голос Кларенса заполнил сарай. Грудь Феникса вздымалась, и через мгновение он подчинился, отступив назад.

— Я могу оценить твою дерзость, Блэквелл, но я этого не потерплю. Мы с тобой оба одинаковы, потому что не играем в игры. Я не буду угрожать тебе, принуждать тебя или выбивать это из тебя. У тебя есть один шанс рассказать мне все, что мне нужно знать о снятии проклятия, прежде чем я приму тебя в Орден. Прюитт знает, что кто-то вломился в покои Священного Моря, — он оглядел комнату и посмотрел на язычников, — у нас нет выбора, кроме как выдать его.

Бэк удивленно склонил голову набок.

— А его духовная стихия? Ты бы разорвал ее?

— Ради блага ковена, да. Прюитту нужен предатель, и мы не можем допустить причастности Норвежского Леса и рисковать всеми вами. Мы можем сказать, что Джулиан действовал в одиночку, что недалеко от истины. Мы так долго выживали без родословной Дэнверсов. И, честно говоря, я сыт по горло Блэквеллами. Они были позором для нашего ковена. Я уверен, что мы сможем выжить без Духа. По крайней мере, их теневая кровь не сможет забрать больше жизней, — выплюнул он.

Бэк поднялся на ноги.

— Это была Кэрри, и ты это знаешь. Это никогда не был Джулиан, кто делал все эти вещи. Мы обрели равновесие, когда сожгли ее тело в «Плетеном человеке». Вы больше не можете осуждать его за эти действия.

— Если мы передадим его Ордену, мы никогда не получим ответов, — добавил Феникс.

— Мой вопрос в том, почему Кэрри пошла на такие меры, чтобы использовать Блэквеллов? Что-то подсказывает мне, что Джулиан знает больше, чем говорит, и ему нельзя доверять.

Гуди сложил руки перед собой.

— У него есть десять секунд, чтобы рассказать нам, что он знает. Если он сейчас не заговорит, я уверен, что это то, что он планировал унести с собой в могилу.

Его грозные зеленые глаза остановились на мне.

— Вот твой шанс, Джулиан. Если ты дашь мне информацию, которая может помочь, я могу использовать ее в твою пользу и уменьшить твои обвинения. Твои десять секунд начинаются прямо сейчас.

Откинув голову назад, я закрыл глаза.

— *Так... ты... из тех... бегунов... которые... не разговаривают?* — крикнула Фэллон позади меня, когда я перепрыгнул через провал в земле. Я дернулся назад, убедившись, что она следует за мной, пока мы бежали через лес к моей хижине.

— *О чем ты хочешь поговорить?*

Я отозвался с улыбкой, заметив ее одышку.

— *Для начала...* — она появилась рядом со мной, и мы вошли в ритм. — *Свобода воли против судьбы.*

— *Вау, прямо в живот.*

Я нырнул под ветку, нырнул за поворот, когда дискуссия углубилась. В академии мы обсуждали свободу воли. Один профессор задал вопрос о том, была ли наша свободная воля манипулирована причиной и следствием, а предыдущие события полностью вышли из-под нашего контроля. Напрашивается вопрос, решал ли я когда-нибудь что-нибудь о своей нынешней жизни или все это было навязано мне годами обстоятельств и постепенного руководства? И если это так, если внешние силы влияли на каждое мое мгновение и решение, то действительно ли у меня когда-либо была свобода воли с самого начала, как утверждала наша вера? Была ли она у кого-нибудь из нас? Был ли этот самый момент результатом мятежа? Если бы я никогда не превратился в проклятого монстра, был бы я все еще здесь, бегая по лесу с Фэллон?

— *Свобода воли — это заблуждение с момента нашего рождения.*

— *Как так?*

Фэллон не отставала в своем платье.

Я побежал быстрее. Бросил ей вызов. Раздвигая ее границы.

— *Наши семьи, профессора, ковен, город — все они снабжают нас предвзятой информацией, чтобы склонять в одну сторону, вместо того, чтобы обучать со всех точек зрения и позволять нам думать самостоятельно.*

Я оглянулся, чтобы убедиться, что она не отстает, пока я сжимал книги под мышкой.

— *Ответь мне вот на что, это была твоя свободная воля приехать в Воющую Лоцину?*

— *Да,* — ответила она резким, режущим шепотом.

Я наклонил голову, чтобы посмотреть ей в лицо.

— *Правда?* — недоверчиво спросил я. — *Перестань лгать себе. Тобой манипулировали, не так ли? Оказывали давление? Будьте честна, если бы ты никогда не получила письмо, ты бы никогда не приехала, даже зная о Воющей Лоцине. Мы бы никогда не встретились.*

Семя было посажено в твой почтовый ящик. Как это свобода воли, когда возникли обстоятельства, которые были вне твоего контроля?

Выражение лица Фэллон сжалось в раздумье, в то время как ее тело покачивалось рядом со мной, и она пожала плечами.

— Я... прощу... не согласиться.

Я рассмеялся.

— Как так?

— Все говорили тебе держаться подальше, но ты этого не сделал. Ты пошел... против... Ордена. И ты все равно пришел за мной. Как... это... не свобода воли?

— Это мило, — сказал я ей. — Ты думаешь, что у меня есть какая-то сила воли.

Ее глаза метались между мной и деревьями на нашем пути.

— Что... ты... говоришь?

— Я говорю, что когда дело касается тебя, у меня нет воли. У тебя есть полный контроль надо мной. Что мило, так это то, что ты не обращаешь на это внимания.

Тишина так уютно воцарилась вокруг нас. Свободная воля против судьбы, размышлял мой разум, возвращаясь к долгим беседам с Бэком у костра. Слабостью Бэка было знание того, что ждет его в будущем, и это была слабость, потому что он был единственным, кто нес это бремя. Однажды он сказал мне, что судьбу изменить невозможно, но если бы я знал о том, что ждет меня впереди, путешествие к месту назначения было бы изменено, и это принесло бы больше вреда, чем пользы. Бэк сказал мне только то, что мне нужно было знать, когда мне нужно было это знать. Его разум был в постоянной муке. В любом случае, судьба, возможно, привела меня к этому моменту, но Фэллон была моим выбором — моей свободной волей.

Я отказывался верить в обратное.

— Итак, судьба, — сказал Фэллон, прерывая мои мысли.

Я срезал вокруг дерева.

— Оправдание.

— Джулиан, — простонала она, — ты не веришь в свободу воли или судьбу?

— А ты? — спросил я, и ее молчание привлекло мой взгляд. Я снова склонил голову набок. — Если ты веришь в судьбу, Фэллон, ты говоришь мне, что все, что может случиться с тобой, было predetermined и не может быть изменено.

— Ты сбиваешь меня с толку.

Я хотел остановиться и встретиться с ней лицом к лицу, но мы были почти на месте, и мое стремление показать ей, почему я нашел такую свободу в беге, было непоколебимым.

— Я даю тебе аргументы с обеих сторон, и это то, чего ты заслуживаешь, не так ли? Чего мы все заслуживаем? Ты должна решить, во что ты веришь.

— Во что веришь ты?

— Я все еще пытаюсь это понять.

Я чувствовал, как это приближается, напряжение в ногах, боль в груди.

— Как ты там себя чувствуешь?

— Как будто... умираю, — выдавила она.

Я приковал к ней свой взгляд, видя, что она выдохлась.

— Хорошо, потому что мы близко.

— Что будет дальше?

— Живая часть.

Я протиснулся мимо нее и побежал быстрее.

Я бежал до тех пор, пока у меня почти не подкосились ноги. Я бежал, пока мое зрение не затуманилось. Я набрал в легкие столько воздуха, сколько они могли вместить, и побежал мимо боли, не боясь того, что было по ту сторону. Фэллон бежала рядом со мной — моя девочка, одновременно упрямая и неумолимая. И через несколько минут у нас открылось второе дыхание. Я знал, что она тоже это почувствовала, когда на ее лице появилась улыбка.

— Это то, во что я верю.

Гуди хлопнул в ладоши.

— Время вышло, Блэквелл.

Босиком, с голой грудью и в рваных брюках меня сопровождали две мили от плантации Гуди и через туннели в Камеры. Каждый шаг язычников был выдержан в четком ритме, сердцебиение их марша эхом отдавалось в сыром и холодном туннеле, пока мы шли гуськом. Я смотрел вперед, думая об ошибках, которые я совершил, которые привели меня сюда. Возможно, я мог бы быть честным с Фэллон с самого начала, сказать ей, что люблю ее, может быть, понял, что люблю ее раньше — понял все это раньше.

Проснулся раньше. Нашел себя раньше. Я не хотел ждать до своей следующей жизни. Я хотел этого. Мы тоже заслужили это.

— Мы снова встречаемся, и так скоро, — заявил Прюитт, крепко сцепив руки перед собой, когда Кларенс Гуди занял свое место, присоединившись к Виоле Кантини и Агате за столом. — Кларенс сказал мне, что ты действовал в одиночку, ворвавшись в мои покои. Это правда?

— Так и есть...

Я начал говорить, когда Кларенс перебил:

— Да, Норвежский Лес не принимал участия в его планах.

Я скосил на него глаза.

— Теперь, Гуди, позволь парню говорить за себя, — настаивала Виола, жестом предлагая мне продолжать.

Кларенс прочистил горло, а выражение лица Агаты оставалось стоическим, глаза не мигали. Я снова перевел взгляд на Прюитта.

— Да, я действовал в одиночку, чтобы забрать книги из места, которому они не принадлежат, поскольку они принадлежат Палате. Могу я спросить, что вы делали с Книгой Дэнверс и Блэквэлл? Книга моей семьи?

Глаза Прюитта расширились, и Виола посмотрела на Прюитта.

— Какая вам польза от моей семейной книги и почему у меня нет к ней доступа?

— Мне сказали, что забрали только книгу Кантини, — шепотом спросила Виола Прюитта.

— Это были две книги Норвежского Леса и одна ваша, — честно ответил я за него.

— Это не имеет значения. Ты вторгся в наши покои, — огрызнулся Прюитт.

— С девушкой Морган, — добавил Кларенс, и у меня сжалось в груди.

Я повернул голову назад и увидел Зефира, Феникса и Бэка, стоящих у дальней стены с прямой спиной и холодными глазами.

— Да, со мной была Фэллон Гримальди, — я снова посмотрел перед собой и проглотил сухость в горле. Я не хотел, чтобы Фэллон была вовлечена, и теперь она была вовлечена.

— Я заставил ее присоединиться ко мне. Мне нужен был кто-то, кто взял бы вину на

себя. Похоже, мой план сработал не так уж хорошо.

— Нет, это, конечно, не так. Правда всегда выходит на свет, — заявил Кларенс.

Я расправил плечи.

— Кроме одного. Я все еще не знаю, чего ты хотел от Книги Блэквелл или Книги Дэнверс.

— Прюитт? — спросила Виола у него, хранительница тайн, требующая правды.

Августин Прюитт облизал зубы, прежде чем сказать:

— Я не брал их чертовы книги.

— Кто-то это сделал, — отметила Агата. — Кто-то, у кого есть доступ в вашу комнату, возможно, гость дома? Кто-то, кто жил с вами?

— Вы намекаете на то, что Кэрри Дрисколл украла книги из библиотеки? — спросил Прюитт, но это прозвучало как утверждение. — Кэрри невиновна...

— Мы обсудим Кэрри позже, — со знанием дела вмешалась Виола.

Впервые я оказался на одной волне с Виолой Кантини. Мы были единственными двумя людьми в Зале, которые знали правду о Кэрри и Фэллон, и она понятия не имела, как много я знал.

— Эта встреча посвящена тебе, Джулиан Блэквелл. Зачем тебе рисковать своей жизнью из-за нескольких книг?

— Рисковать моей жизнью? При всем моем уважении, не преуменьшайте то, что находится прямо перед вами. Это очевидно, не так ли? После всего, что пережил мой ковен, жизней, которые мы потеряли, матери Бэка, родителей Феникса, маленького Джонни, твоей жены, Кларенс! Мы не можем продолжать в том же духе! Если бы только вы поняли, что это сделало с нами, я не сомневаюсь, что любой из вас в Священном Море сделал бы то же самое, — сказал я, стараясь говорить ровным голосом. — Не удивляйтесь тому, как далеко любой из нас готов зайти, чтобы спасти наш ковен.

Кларенс отвел глаза.

— Факты остаются фактами, — заявил Прюитт. — Мы больше не можем доверять негодяю и проклятому язычнику. Я дал тебе возможность, пригласил тебя в свой дом, а ты только показал свой истинный характер. Кто знает, что бы ты сделал дальше?

— Норвежский Лес тоже не может ему доверять, — пробормотал Кларенс.

Виола кивнула.

— Я согласна.

Глаза Агаты расширились, испуганные направлением, в котором двигалась моя судьба.

— Но что, если он сможет снять проклятие? Что, если он нашел ответы? Если мы сможем снять проклятие, город больше не будет жить в страхе перед ними. Жизни больше не будут подвергаться опасности, — она повернулась к Мине Мэй, которая, как всегда, тихо сидела в углу, отчаянно ища любой последний шанс спасти меня, — Жители равнин будут в безопасности...

— Агата... — попытался сказать я, но она оборвала меня.

— Нет! Августин, послушай меня. Дай нам еще немного времени. Джулиан может это сделать. Я знаю, что он может...

— Агата! — снова приказал я, пытаюсь помешать ей выставить себя дураком.

Она проигнорировала меня, непреклонная. — Пострадали все, не только Норвежский Лес. Священное Море потеряло людей. Жители равнин погибли. Это проклятие с самого начала нависло черной тучей над нашими головами! Пожалуйста, нам нужно больше...

— МАМА! — крикнул я, заставляя ее замолчать, когда слеза скатилась с моего глаза.

И в комнате тоже воцарилась тишина. Мы обменялись взглядами, и я на мгновение отвернулся, чтобы сдержаться. Даже если бы у меня были все ответы, чтобы снять проклятие, я бы этого не сделал. Она только оттягивала неизбежное, и я не мог видеть ее такой, наполненной такой надеждой.

Прюитт прочистил горло, нарушая неловкие эмоции, заполнившие комнату.

— Если Джулиан снимет проклятие, он будет свободен, но мы не позволим ему свободно разгуливать по городу.

— Нет, — прошептала Агата прерывистым дыханием, ее рука дрожала, когда она потянулась к груди, Прюитт продолжил:

— Я приговариваю Джулиана Джая Блэквелла к Плетеному Человеку после семи дней в викканской камере. Если проклятие не будет снято в течение следующих семи дней, Джулиан Блэквелл будет сожжен.

— НЕЕЕТ!

Агата издала душераздирающий вопль, который пронзил мою грудь, когда Прюитт ударил молотком.

Когда я выходил из Палат, язычники оставались в стороне, обученные животные воздерживаться от возражений перед Приказом. Я не винил своих братьев за то, что они сдали меня. В конце концов, мы были жалкими язычниками. И у всех несчастных существ был создатель. Проклятие было нашим — единственным настоящим монстром, существующим внутри каждого из нас. В их глазах я превратил нашу последнюю надежду в пепел. Наша свобода теперь в покое, лежа на дне нашей ямы для костра, мы провели так много ночей, разговаривая, планируя вместе.

Что было еще хуже, я не испытывал никаких угрызений совести за то, что сделал.

Я знал, что этот день настанет.

В тюремной камере не было ни солнца, ни луны, ни звезд, ни неба. Там не было ни океана, ни лесов. Был только я и мое одиночество. Темное, ужасное одиночество. Игра в ожидание. В течение первого часа я шел вдоль стены из железных прутьев, отделявших меня от прежней жизни, которая, казалось, была в веках. Решетки содержали магию, через которую я не мог пройти. Я знал, потому что я пытался, сжег слои своей плоти в процессе.

Я потратил свой второй час на поиски сна, но он так и не пришел. Так будет продолжаться семь дней. Сладкое, похожее на смерть одиночество на семь дней. Моя спина ударилась о стену, и я соскользнул на землю...

Наши груди вздымались, когда мы рухнули под полярной луной после нашей пробежки, хижина была всего в нескольких футах от нас, книги, которые мы украли, были рядом со мной. Некоторое время мы смотрели на звезды в глубоком Норвежском Лесу, месте, где обитали все дикие существа. Я повернул голову к Фэллон, наблюдая, как поднимается и опускается ее грудь, опускается живот, трепещут ресницы, приоткрывается рот.

— Как ты думаешь, они знают, что мы смотрим на них? — спросила она, не отрывая взгляда от неба. — Ну знаешь, звезды?

Мой взгляд метнулся к тому же небу, затем снова опустился на нее. В ее голове роилось множество вопросов, на большинство из которых у нее уже были ответы. Это нервировало и вызывало ностальгию одновременно, то, как ее непрерывное своеволие отзывалось моему. Если бы я не знал, я бы сказал, что она даже усомнилась бы в существование моего черного, гнилого сердца, даже после того, как я вырвал его из моей

грудь и показал бы ей, доказав, что это бесполезная вещь.

— Я думаю, что звезды, вероятно, задают себе тот же вопрос, — сказал я ей, постукивая пальцами по ее запястью, чувствуя, как бьется ее пульс.

— В смысле?

— Ты думаешь, что смотришь на звезды, когда на самом деле вся галактика смотрит на тебя.

Я сжал ее руку, не зная, почему я не мог просто сказать, что люблю ее. Почему я не мог сказать ей что-то настолько реальное и правдивое. Я никогда ни в чем не был хорош, но мне всегда было хорошо с ней по-своему, странно. Румянец Фэллон пополз от ее щек вниз к груди. На это было приятно смотреть, особенно зная, что именно я мог вызвать такую реакцию.

— Каково это было, Фэллон?

— Освобождающе.

Она перевернулась и бросилась на меня сверху, накрыв меня.

— Что это было?

— Второе дыхание. Причина, по которой я бегу. Один из немногих моментов, которые мы испытываем, когда наше тело отвергает то, что думает наш разум, доказывает, что это неправильно. Явление, которое случается не очень часто, и которое приходит, когда ты меньше всего этого ожидаешь. Это одно из тех необъяснимых чувств, которые ты должен испытать на себе. Доказательство того, что мы намного сильнее, чем думаем.

Глава 48

Фэллон

Если бы слезы могли говорить, я задавалась вопросом, какие слова они бы сформировали. Может быть, какое-то имя, которое они написали бы по буквам на полу его прихожей.

Я не знала, как долго я здесь лежала. В какой-то момент я заставила себя перестать плакать, надеясь, что, сдерживая слезы, мое сердце не узнает, что оно разбито. Это было бесполезно. Я была безнадёжна, прижимая книгу к груди, когда солнце опускалось в лес через окно.

Краткое чувство безмятежности охватывало меня в сладкие, спорадические моменты сна. Джулиан тоже был там. Потому что он всегда был везде и нигде... И я ненавидела его за это, за то, что он сделал со мной. За то, что он сделал с нами! За то, что не боролся сильнее!

Куда они могли его отвезти? Что они могли с ним сделать? Ничто не имело смысла, и я не могла понять, почему его друзья — единственные три человека, которые должны были понять — избивали его голым на полу его спальни. Это разбило мое гребаное сердце, и я ничего не могла поделать! Я обнаружила, что схожу с ума — схожу с ума — кричу, плачу, дрожу и совершенно неподвижна. Взлеты, падения и бездна, снова и снова, все для него. И все это ради человека, который не смог научиться любить себя так, как любила его я. Тот, кто вообще не мог сопротивляться.

Потребовалось все — все — чтобы не вырвать каждую страницу из корешка этой книги, которую он оставил мне, и вместо этого я швырнула ее через всю хижину к стене. Я вцепилась в свои волосы! Он не сопротивлялся. И теперь я осталась одна, борясь с самой собой достаточно за нас обоих. Все, что он сделал, это украл книги, стоило ли так с ним обращаться? Заберут ли они и его жизнь тоже? Неизвестность медленно убивала меня. Я больше ничего не знала. Затем, после очередного безумного приступа, я снова впала в

неподвижность.

Прошло время, и входная дверь в хижину со скрипом отворилась.

Я не потрудилась поднять голову, чтобы посмотреть, но шаги становились все ближе и громче. Чья-то рука легла мне на плечо.

— Фэллон, что ты здесь делаешь?

Голос не принадлежал Джулиану. Мне больше не было дела до того, кому он принадлежал и что они со мной сделают. Кто бы это ни был, он обошел меня кругом, присел на корточки. Мой взгляд оставался парализованным на том же месте, где раньше была стена. Теперь только выцветшая джинсовая ткань.

— Почему бы тебе не позволить мне отвезти тебя домой?

— И где это? Дом? — прошептала я, узнав, что это был Джон. Наступила долгая тишина, в воздухе повисла большая ноющая пустота. Я глубже вжалась в деревянный пол, если это вообще было возможно. Джон потерял мою руку, и я отдернула ее.

— Я хочу быть здесь, когда он вернется.

— Джулиан не вернется, — сказал он, и его слова врезались в меня. Я зажмурилась, заставляя свои слезы не верить в это. Я сжала свое сердце, отвергая свое сердце, чтобы принять это. Я сжала свой разум, желая забыть об этом.

— Он в камере. В туннелях.

— Тогда, я полагаю, мы оба заключены в тюрьму этой боли. Хорошо. Он этого заслуживает.

Я не хотела так говорить, но я не могла сдержать свой гнев. Джулиан мог бы бороться против них. По крайней мере, попытаться. Если не для себя, то, по крайней мере, для меня.

— Тогда тебе также будет приятно узнать, что через семь дней он будет приговорен к Плетеному человеку. Если ты действительно так считаешь, ты пойдешь со мной и позволишь мне отвезти тебя домой, чтобы ты была в безопасности. Сегодня первый день Самайна, и сегодня полнолуние. Никогда не знаешь, какие пакости припасли жители равнин.

Он сделал паузу, переводя дыхание.

— Затем ты сможешь попрощаться с городским монстром, когда придет время. Он захочет тебя увидеть.

Монстр. Он сказал это с отвращением, как будто хотел испытать мое обожание, вызвать во мне злость.

И я прошептала:

— Все люди в той или иной степени монстры.

Я перевела взгляд на него, прищуриив глаза. — Если Джулиан хочет меня видеть, ему придется либо вырваться из этой камеры, либо преследовать меня. И если он не выйдет, и ты случайно увидишь его, скажи ему, что я сказала, что он всего лишь мудака-примудака.

Я опустила взгляд.

— Тебе придется говорить «мудака» дважды, потому что он очень слаб.

Джон подождал довольно долго, и, не двигаясь с моей стороны, он тяжело вздохнул, хлопнул ладонями по бедрам и встал. Мой взгляд вернулся к тому же месту на деревянной стене. Мой пульс, казалось, тоже пришел в норму, как будто теперь, когда Джон ушел, Джулиана в камере не было. Он всего лишь прятался где-то в тени, куда его загнал этот город, — возможно, убежал в лес.

На небольшом расстоянии я услышала шарканье половицы. Затем щелчок.

Затем послышались шаги. Пауза. И дверь открылась. Затем закрылась.

Шли минуты, и ветер завывал сквозь треснувшую створку окна над кроватью, где мы спали менее суток назад, пробиваясь в хижину, в мое сердце. Тихий крик угас и уплыл сливаясь с наступающей ночью. Крик, который был не моим. Я шмыгнула носом, перекатываясь на спину, затем на бок, чтобы повернуться лицом к звуку. Простыни Джулиана были все еще растрепаны, как мы их и оставили. Петля окна застонала, когда створка слегка качнулась.

Крик продолжился, и я поднялась на ноги и пошла с осторожностью. Это был Самайн, единственный раз за весь год, когда завеса была самой тонкой. Мои колени коснулись края матраса, и я переползла через кровать, выглядывая в окно, ожидая увидеть нечто большее, чем деревья в лесу. Но там ничего не было, и порыв ветра прошелся по их ветвям, согнув кончики. Я вцепилась в ручку окна, чувствуя неземной холод, заключенный в этом месте. Я отдернула руку, мои нервы были на пределе.

И плач раздался снова. Ниже.

Я опустила взгляд и увидела белый, как кость, комочек меха.

— Каспер, — прошептала я. — Где ты был?

Каспер снова закричал, и частичка жизни вспыхнула во мне.

— Подожди, я иду!

Я встала с кровати, схватилась за дверную раму и бросилась в коридор к задней двери. По пути я остановилась, уставившись на открытую книгу, которую Джулиан оставил мне. Я наклонилась и подобрала ее, прежде чем выскользнуть на холод за домом.

Один зеленый глаз и один голубой глаз смотрели на меня с земли под окном Джулиана. На мгновение мы встретились взглядами, а затем Каспер начал кружить по хижине. На мне все еще была футболка Джулиана и пара его клетчатых пижамных штанов, когда мои босые ноги быстро двигались по лесу, пачкая стопы. Каспер отправился на юг. Я была в добрых четырёх метрах позади него и слышала, как усиливающийся ветер свистит в ветвях деревьев, когда мы проносились через лес.

Становилось все холоднее и холоднее, а мои глаза не отрывались от мучнисто-белой фигуры, перепрыгивающей через корни и рытвины в земле. Я позвала Каспера, но он не замедлился. Он был на задании. Возможно, пытается мне что-то сказать, привести меня куда-то.

Только через некоторое время мне пришло в голову, что мы направляемся в сторону похоронного бюро. Вдалеке мерцание пламени факелов и свечей окутывало кладбище, горожане, одетые во все белое, купались в мягком желтом лунном свете. Деревья вокруг меня редели, пока навесы не превратились в бархатистую темноту ночи. Сегодня вечером все звезды упали с неба и танцевали над кладбищем. Они были здесь, чтобы отпраздновать жизнь близких, застрявших на другой стороне, возможно, даже смогут навестить их в эту ночь. Простая красота зажгла огонь в моей груди, и я замедлилась до половины бега трусцой, наполовину ходьбы.

Каспер мяукнул передо мной, направляя меня к углу рядом со зданием, где было темно и пусто. Он покружил на месте, прежде чем сесть рядом с надгробием, одиноко сидящим перед буковым деревом. Его ветви нависали надо мной, и мой взгляд остановился на вырезанной на камне надписи:

ФРЕЙЯ ДЕЛИЯ ГРИМАЛЬДИ МОРГАН

«ОДИНОКАЯ ЛУНА»

10 ИЮЛЯ 1968 — 1 ИЮЛЯ 1996

ЛЮБИМАЯ МАТЬ, ЖЕНА, ДРУГ

и моя луна

«Моя луна» казалось вырезанной постфактум, и мои глаза затуманились, но я не могла сморгнуть слезы. Они застыли там, в моих глазах, размывая надгробие, искажая слова. Мне было холодно, но я не дрожала. Я слышала приглушенные голоса горожан вдалеке, но, казалось, ничего не улавливала. Мне казалось неправильным стоять здесь, у ее могилы. Она умерла, подарив мне жизнь, а я принес ей только смерть.

— Я так долго ждала встречи с тобой, Фэллон.

Голос был знакомым и похожим на песню на ветру. Я резко подняла голову от надгробия, и рядом с деревом стояла женщина с фотографии, которую я видела раньше. Ее волосы были вьющимися белыми прядями, а глаза походили на бледные сапфиры. Мне показалось, что я каким-то образом узнала ее лицо, и не по фотографии, а по зеркалу.

Небольшие различия. Мои волосы были прямыми, а ее волнистыми. Мой нос был меньше, острее. Те же губы. Но это было так, как будто я уже знала ее, мгновенное воспоминание было похоже на мечтательное времяпрепровождение. Я нервничала, но мои нервы успокоились, как будто вспомнили, где приклонить голову.

Моя мать была здесь, стояла передо мной. Мои глаза моргнули, и слезы были теплыми, когда они скатились по моим щекам.

— О, малышка, пожалуйста, не плачь.

Она сказала «малышка», и я покачала головой, а слезы катились градом, одна за другой. В течение двадцати четырех лет я страстно желала услышать голос моей матери, зовущий меня по любому имени. Я представляла себе, как это будет звучать. Если бы у меня была такая мать, которая повышала бы голос, когда злилась, пела мне перед сном, шептала сказки, как это делала Мариетта, в ее смехе звучала музыкальная мелодия. О, как я завидовала всем тем, у кого вообще была мама, которую я подслушивала, жалуясь на запреты, чрезмерную заботу, правила и комендантский час. Я стояла в стороне, желая поменяться с ней местами! Желая, чтобы кто-нибудь приютил меня, приютил, накричал на меня!

Я убила ее, а она называла меня малышкой.

Если бы я не застыла на месте, я боялась, что упаду. Но она держала подбородок высоко поднятым и выдерживала мой пристальный взгляд, хотя у нас обеих в глазах стояли слезы.

— Мне так жаль, — воскликнула я, когда она подошла ближе.

— Это не твоя вина, Фэллон. Ни в чем из этого нет твоей вины.

— Ты умерла из-за меня.

Она улыбнулась.

— Ты все неправильно поняла. Я умерла, чтобы ты могла жить.

— Я не понимаю.

Еще одна волна слез омыла мое лицо, и я не хотела вытирать глаза, боясь, что это сотрет ее видение.

— Дедушка умер, и это была моя вина, — сказала я ей на случай, если она еще не знала. — Я не смогла ему помочь. Я подвела его. И папа тоже умер. Мариетта мертва, ты мертва. И теперь... Джулиан... и я люблю его. Я люблю его так сильно, что это причиняет боль... и, может быть, это из-за меня. Потому что смерть окружает меня.

— Но именно поэтому я здесь. Ты должна выслушать меня, Фэллон. Родимое пятно на твоей коже связывает тебя с родословной детей луны, разновидностью ведьм, которые изначально обрели силу через любовь и страдания. Теперь твой долг — поддерживать нашу

магию живой.

— Магия? У меня нет магии, — я покачала головой, слыша ту же историю и все еще не в силах в это поверить, — Они пытались. Папин ковен пытался вытянуть это из меня, пытался заставить меня стать одной из них. Они пытались! Надо мной издевались, меня предавали и лгали, и как бы далеко они меня ни подталкивали, я ничего не могла сделать, чтобы остановить их. Во мне ничего нет! Никакой магии! Я ничего не могу сделать. Я всего лишь девушка.

— Ты не просто девушка. И если никто этого не видит, будь сама себе любовником. Дети Луны никогда не должны были быть в ковене, потому что мы сами по себе, — цыкнула она, — Упрямые, дикие и раскованные. Скажи мне, что я ошибаюсь, Фэллон. Скажи мне, что ты не заинтересована в том, чтобы направлять духов, которые ищут тебя, или блуждать под фазами луны, когда я знаю, что ты это делаешь. Скажи мне, что ты не испытываешь неуверенности, но все же любишь сильно, потому что, когда мы любим, это редко, и это по-настоящему. Но твое сердце — дикий зверь, сам по себе. Любовь такая яростная и ненависть такая грубая, что это твое проклятие, лунное дитя. Ты не просто девушка, но если ты не встанешь и не скажешь им, кто ты такая, они сделают это за тебя

— Одинокая Луна, — прошептала я, глядя на нее.

Она понимала, каково это — быть похожей на меня. У меня было так много вопросов, но она могла уйти в любой момент, а времени не хватало. Должен был быть способ освободить Джулиана, и, возможно, у нее были ответы на все вопросы.

Я сделала шаг вперед, чувствуя, как в груди нарастает давление.

— Они забрали Джулиана, и он умрет, если я ничего не смогу сделать, чтобы остановить это!

Она сделала шаг назад, ухватившись за дерево.

— Есть еще кое-что, из-за чего я пришла сюда, чтобы сказать тебе.

— Тогда скажи мне. Пожалуйста, если это касается Джулиана, мне нужно знать!

— Проклятие Полых язычников передается по нашей родословной. Пока мы живы, живо и их проклятие. Если с тобой что-нибудь случится до того, как у тебя родится ребенок, наша магия тоже умрет. Это твоя ответственность — убедиться, что ты останешься в живых. Ты никому не можешь доверять.

— Я могу доверять ему, — заверила я ее. — Он любит меня, я знаю, что любит.

— Конечно, любит. Каждый раз, — прошептала она, ее дух начал колебаться, исчезать. Ее слова не имели смысла, как будто она говорила сама с собой. Ее глаза встретились с моими.

— У меня нет времени, но помни, Фэллон, он может любить тебя, но он никогда не выберет тебя. Он всегда будет выбирать ковен, и каждый раз тоже. Отпусти его, малышка. Ты должна выбрать себя.

Дерево появилось позади нее, и ее дух улетучился вместе с ночным ветерком.

— Ты ошибаешься, — сказала я ей, паника клокотала внутри меня.

— Ты сделаешь то, что правильно, я знаю, что ты сделаешь, — ее голос тоже превратился в шепот, и я заставила свои ноги податься вперед, чтобы обнять ее, удержать ее дольше, убедить ее.

— Я люблю тебя, Фэллон.

Затем она исчезла, ее послесловие, как туман, тянулось за ней, а я цеплялась за воздух, мои руки ничего не держали. Я пошатнулась вперед, пока мои ладони не ударились о дерево,

остановив мое падение. Я повернула голову влево, вправо, назад, в поисках ее. Но она ушла и не собиралась возвращаться.

Каспер кричал, выгибая спину и терся о мою ногу, давая мне знать, что он все еще здесь. Я обхватила себя руками за талию, засунув внутрь книгу Джулиана, желая, чтобы ее визит дал мне больше ответов, чем вопросов.

Фрейя не могла знать Джулиана так, как знала его я. Когда мне нужны были слова утешения, поддержки, она только рассказала мне все, что я никогда не хотела слышать о нем, о том, как к нему относится остальной город! Мои мысли бежали, бежали и бежали, не имея смысла в моей голове. Она говорила о проклятии и о том, как оно было связано с нашей родословной. Что я должна остаться в живых.

Так вот почему Кэрри Дрисколл хотела моей смерти? Хотя холод обжигал мои ноги, уши, нос, мои внутренности онемели от этих ощущений. Знал ли об этом Джулиан? Я опустила голову, глядя на могилы, мимо которых проходили мои ноги, когда я шла по кладбищу, прокручивая в голове последние несколько дней. Джулиан действовал один, без других язычников, украл книги, уничтожил книги! Единственным возможным выводом было то, что Джулиан действительно знал, как снять проклятие, и он сделал все это, чтобы убедиться, что никто другой этого не узнает.

Джулиан пытался защитить меня.

Я не знала, идти ли мне обратно к Джулиану или к дедушке. Потеряв чувство направления, я наткнулась на скамейку на кладбище и опустила голову. Мягкий свет от свечей и факелов медленно покачивался вдалеке, жители города находили места и расстилали одеяла, чтобы провести ночь на кладбище, чтобы воссоединиться со своими близкими.

Джулиан Блэквелл сидел в камере. Он пошел против всех, чтобы защитить меня.

— О, Фэллон, — знакомый голос наполнил холодный воздух.

— Ты дрожишь, — сказала она. Я знала, что чья-то рука ласкает мою кожу, но я не пыталась пошевелиться. — Ты заболеешь, если останешься здесь на всю ночь без пальто.

— Он мудака, — кажется, закричала я, и поняла, что снова плачу, только потому, что почувствовала вкус соли на губах. Теперь я была на ногах, глядя в мягкие карие глаза. — Я ненавижу его, Киони! Я сама хочу убить его за это! Кем он себя возомнил?! Думаешь, он мог бы стать кем-то вроде героя?

Воздух вырвался из моих губ, и я покачала головой:

— Так вот что это?

Я кивнула, пытаюсь разобраться в своих мыслях.

— Он думает, что может умереть и оставить меня вот так. Он эгоистичен, и я этого не потерплю. И ты знаешь, что она ошибается! Я перевела взгляд на Киони, которая вцепилась пальцами в мою руку, таща меня к машине.

— Кто ошибается?

Я фыркнула.

— Моя мать.

Брови Киони поползли вверх.

— Верно, я разговаривала с Одинокой Луной. Не такая, как ее расхваливали.

— Ты сейчас несешь чушь. Ты не это имеешь в виду.

— Я имею в виду каждое слово.

Я повернулась и закричала в воздух.

— Ты слышишь это, мама? Ты ничего не знаешь!

— Фэллон, ты официально свихнулась, теперь садись в машину.

Она открыла дверь и с таким же успехом могла толкнуть меня на пассажирское сиденье. Затем закрыла дверь.

Казалось, прошла целая вечность в этой застойной тишине, пока водительская дверь не открылась, и Киони скользнула на водительское сиденье рядом со мной. Она потерла руки друг о друга, подула на ладони горячим воздухом.

— Хорошо, теперь давай просто надеяться, что я не убью нас по дороге к Бенни.

— Что ты вообще здесь делаешь? — спросила я, зарываясь пальцами в книгу и глядя через ветровое стекло, образы Джулиана, запертого и одинокого в туннелях, поглощали мой разум.

— Потому что, к сожалению для меня прямо сейчас, я твой хранитель, и я должна убедиться, что ты не наделаешь глупостей.

Мой смех был пустым.

— Ну разумеется.

Киони повернулась ко мне лицом, когда мы лежали в темноте в моей спальне. Она не отходила от меня. Даже заставила меня стоять с ней в ванной. Я не переоделась из одежды Джулиана. Я не отложила книгу. Каспер вернулся в дом и свернулся калачиком на одеяле, накрыв мои ноги. Глаза Киони были закрыты, но я знала, что она не спит.

— Я должна умереть, чтобы проклятие было снято? — спросила я вслух. — Это то, что сказала мне Фрейя. Что единственный способ снять проклятие с Полых Язычников — моя смерть.

— Это правда, — прошептала Киони, не открывая глаз. — Если Норвежский Лес узнает, они убьют тебя. Если Священное Море узнает, они используют это против Норвежского Леса. Твой отец, Мариетта, Бенни, я... мы все в конце концов сказали бы тебе, как только ты... если ты когда-нибудь забеременеешь. Потом все начали умирать... Есть что-то такое в знании правды, что может быть опасно до этого.

— Бремя.

— Вот именно.

— Я бы не хотела, чтобы моему ребенку пришлось пройти через это.

— Вот именно, — снова сказала Киони. — Тогда, возможно, ты бы избежала беременности или влюбленности. Или, с другой стороны, ты могла бы жить здесь и за что-то испытывать ненависть к Норвежскому Лесу и рассказать Священному Морю секрет. Это могло сработать в любом случае, и у лунной девушки не было причин знать об этом, пока она не забеременеет. Таким образом, каждое решение, которое ты принимала, было вызвано тем, что ты хотела его принять. Не из-за проклятия.

— Книги, которые украл Джулиан... они находились во владении Священного Моря. Ты думаешь, они знали все это время?

Вздых сорвался с ее губ.

— Нет, даже книги загадочны. Кантини знают, да, но они Хранители секретов. У Священного Моря никогда не должно было быть книг с самого начала, и Виола Кантини никогда бы не раскрыла секрет никому, даже своему ковену. Они не могут.

— Итак, Джулиан в камере, потому что он украл книги у ковена, которых у них вообще не должно было быть.

— Джулиан в камере, потому что он предал свой ковен и ворвался в покои Священного

Моря. Это нарушение мирного договора между двумя ковенами. Джулиан потерял всякую честность. Он проклятый язычник из Пустоты, и для того, чтобы Норвежский Лес сохранил доверие, Джулиан должен быть принесен в жертву.

— Человек в обмен на взлом и проникновение — это несправедливо.

Ее глаза распахнулись.

— В этом городе так оно и есть.

Я придвинулась ближе к Киони, скользнула взглядом между ее глазами.

— Я люблю его, — прошептала я. — Скажи мне правду. Скажи мне, как мне спасти его?

На мгновение Киони замолчала, как будто тщательно подбирая слова. Затем:

— Ты не можешь. Единственный способ спасти Джулиана — это какое-то чудо, а чудес в Воющей Лощине не бывает.

Мой взгляд скользнул по ее круглому лицу. — Чудо, то, чего никогда не было, — прошептала я, не сводя с нее глаз, и мое пустое сердце затрепетало в груди.

Я знала, что должна была сделать. Это было рискованно, но мне больше нечего было терять. Глаза Киони посуровели, как будто она осознала мое откровение.

Но мое сердце приняло решение.

Глава 49

Джулиан

— Ты принес ее? — спросил я, поднимаясь на ноги и подходя к тюремной стене. Мой нетерпеливый взгляд обыскал Джона в поисках Книги Блэквелл, когда я вцепился в решетки. Магия, покрывающая их, обжигала мою плоть. Я отдернул их назад, прутья съели еще один слой с моей кожи.

— Ах, черт, — прошипел я, затем впились зубами в губу. Я взглянул на свои ладони, на которых уже образовались волдыри.

— Это всего лишь ядовитая трава. Мужайся, — сказал Джон, обмахивая моей семейной книгой перед собой.

— Она была именно там, где ты сказал.

Он передал мне книгу через решетку.

— В твоей хижине было кое-что еще, чего я не ожидал.

Мое тело напряглось в объятиях надежды.

— Фэллон? Ты видел ее? С ней все в порядке?

Лицо Джона помрачнело, и он отвел глаза.

— С ней все будет в порядке.

Я привалился спиной к стене и рухнул на пол. В течение нескольких часов я истощал всю магию внутри себя, ждал, пока она восстановится, и использовал ее снова, чтобы вернуться к ней. Мои ноги не могли согнуться в коленях. Моя голова не могла подняться сама по себе. Я был удивлен, что вообще смог встать, когда появился Джон, но теперь мое тело напомнило об этом.

— Не лги мне. Я знаю ее так же, как знаю себя. Я боюсь того, что она может сделать, если узнает правду. По крайней мере, смерть заберет меня, но ее? Я знаю ее, Джон. Она сделает что-нибудь глупое и отчаянное, как это сделал я.

Я посмотрел на книгу в своих руках, желая, чтобы вместо нее они держали Фэллон.

— Я думал, что у меня был еще один день с ней. Боже мой, я бы сделал всё за ещё один день.

— Она хотела, чтобы я сказал тебе, что ты мудака-примудака, — пробормотал Джон.

Моя голова откинулась к стене, тихий смех пробился сквозь мои страдания.

— Мудака-примудака?

Я покачал головой, зная, что Фэллон редко материлась. Если она материлась, то либо злилась, либо была расстроена, либо совершенно беспомощна.

— Ты должен быть хранителем для нее, как ты был для меня. Она Блэквелл, Джон. Она та, кому я посвятил себя, так что у тебя нет другого выбора, кроме как защищать ее сейчас.

Я перевел взгляд на Джона, который присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с моими глазами, между нами была заколдованная решетка.

— Если ты этого не сделаешь... Моя смерть заберет нас обоих, я знаю это. Тогда все это будет напрасно.

— Ты готов умереть?

Я покачал головой.

— Нет.

И это слово потрясло что-то в моей груди. После этого не было ни одного стабильного вздоха, так как теперь все они были сломаны. Каждый из них. Все, что я мог сделать, это повесить голову, у меня больше не было сил пытаться поднять ее. Я перевел взгляд на Джона, чувствуя, как эмоции подкатывают к горлу. Я не мог смотреть ему в глаза, поэтому мой взгляд остановился на кольце на его пальце, которое свисало с его колена.

— Я думал, что да, но я не готов умереть. Я хочу жить. Но только если это означает жить с ней.

Я судорожно втянул воздух, использовал все свои силы, чтобы удержать свое тело в вертикальном положении.

— Когда она придет ко мне?

— Она не придет.

Я крепко зажмурился.

— Она не придет, — повторил я, но слова не воспринимались.

— Нет, она говорит, что если ты хочешь ее увидеть, тебе придется пойти к ней.

— Почему она такая чертовски упрямая?

Моя голова качнулась, не было сил кричать.

— И она знает, что я заперт здесь? Я делаю все это для нее, а она не может попроситься?

Джон не ответил. Он замолчал. Мои пальцы впились в Книгу Блэквелл. Все, что я должен был сказать, пронеслось у меня в голове.

— Я даже не сказал ей...

Я остановился на этом, зажмурив глаза.

— Тогда, я полагаю, твоей душе придется жить с... — он сделал паузу и втянул воздух. — Послушай, Джулиан. Мне жаль, что я не смог защитить тебя так, как должен был. Мне жаль, что я не смог сделать больше для твоей семьи.

— Остановись. Ты хорошо поработал. Ты сделал все, что было в твоих силах. Ни в чем из этого нет твоей вины. Я бы боролся с тобой на каждом шагу этого пути.

— Я знаю. Но я все равно хотел сказать тебе, что это была дикая поездка. Ты определенно держал меня в напряжении. Без Блэквелла я не знаю, что это значит для Сент-Кристоферов. Я не хочу закончить так, как Оушен.

Он нервно рассмеялся.

Я искоса взглянул на него.

— Проживи свою жизнь для себя хоть раз. Найди себе девушку.

— Девушку в этом городе?

Он вздохнул, похлопал себя по коленям, прежде чем встать.

— У тебя есть еще три дня, Джулиан Джай. В следующем конце вахты я нанесу визит, чтобы мы могли попрощаться. Почитай свою семейную книгу, найди передышку для своей души.

Он задержался еще на несколько ударов, невысказанные слова повисли в воздухе между нами.

Затем его шаги эхом отдались в туннелях, и я смотрел, как он уходит, глядя на его ботинки, обещая себе сообщить Джону о Стоуне Дэнверсе и где он может его найти, прежде чем меня сожгут. Без меня ковену понадобился бы Стоун. То есть, если он все еще был жив.

Меня и раньше пытали — много раз, — но ничто не подготовило меня к тому, что я испытал за последние четыре дня. Когда я учился в академии, я читал о человеке, который потерял руку в море. Во время ловли омаров он запутался в леске от горшка, слишком надолго прервав кровообращение. Его руку пришлось ампутировать. Прошли годы без его руки, и все же он чувствовал присутствие отсутствующей конечности. Он даже чувствовал боль в том месте, где когда-то была рука. Феномен Фантомных конечностей, еще одна необъяснимая загадка.

И теперь я понял, каково это — чувствовать то, чего больше нет. Ощущения, которые помнило мое тело, боль, которую оно теперь испытывало, несмотря на то, что части меня отсутствовали. Возможно, они отсутствовали ещё до нее. И призрак ее прикосновения всегда будет со мной, преследуя мою душу.

Мне пришлось заставить свои глаза оставаться открытыми, чтобы читать. Страницы перелистывались между моими пальцами, пока я проводил свои последние дни, погружаясь в Книгу Блэквелл. Я читал о путешествии из их старого дома. Пятеро язычников когда-то были людьми, которых ковен уважал, любил и на которых равнялся. Почитаемые. Пятеро пронесли свой ковен сквозь суровые зимы, отказываясь сдаваться, останавливаться или уходить, пока не будет найдено безопасное место. Они пожертвовали едой, чтобы другие могли поесть. Они несли тех, кто был слаб, делали носилки для мертвых, никого не оставляя позади. Пятерым пришлось подавить свои эмоции ради остальных, потому что именно остальная часть ковена зависела от них, надеялась на их силу.

Я читал глазами Горация Блэквелла и о том, как он открыл землю до того, как она превратилась в Воющую Лощину. Он написал об Ордене и о том, как он основался в самую холодную ночь в году. Он написал о том, как впервые заплакал, когда родился первый ребенок в Воющей Лощине. Беллами Блэквелл. Его сын.

На каждой странице, в каждой строке я читаю только о безусловной любви и о том, на что он пошел ради своего сына, чтобы защитить его и ковен. Я не переставал читать, открывая для себя, каким был наш ковен раньше, каким я всегда представлял его себе.

В конце концов, повествование книги изменилось с Горация на Беллами, и Беллами во многом напомнил мне меня самого. Его непокорность, его преданность, его непонятая любовь к лесу. Это было так, как если бы я читал самого себя, и я не мог найти в себе силы остановиться.

Я погрузился в историю Беллами и Сириус и в то, как развивались их отношения. Тайна, безответное признание никем другим, но именно то, что они нашли друг в друге. В моих

глазах это указывало на ошибки, которые они совершили, на их глупость, на их отчаяние.

Но это было только после смерти Сириус, и я наткнулся на последнюю запись в дневнике Беллами Блэквелла, когда все встало на свои места. Только тогда все щелкнуло. Мне не нужно было читать остальную часть книги, чтобы знать, что я должен был сделать, что мне нужно было сделать, что должен был сделать Беллами.

Это откровение обрушилось на меня, как ураган.

Закрыв книгу, я сидел в полном оцепенении, мои глаза метались туда-сюда, пока я пытался осмыслить все это. Мое сердце бешено колотилось в груди. Мои мышцы напрягались под кожей, желая бежать, бежать и бежать. Жгучая потребность закричать поселилась во всех моих пустотах — в легких, груди, горле, голове.

Я все время ошибался. Клариса Дэнверс ошибалась. Все были неправы.

У меня был ответ, и он был здесь, в Книге Блэквелл все это время. Беллами всегда знал, но никто не смог бы понять этого, не испытав такой любви, как наша.

— Джулиан!

Мое имя пронеслось по туннелям, и я резко повернул глаза на звук, увидев Киони, бегущую к моей камере. Ее глаза были большими, дикими и испуганными.

— Джулиан!

Она задыхалась, держась за бок.

Книга Блэквелл упала с моих колен, когда я вскочил на ноги. Охранник схватил ее за руку и начал тащить прочь.

— Киони, что случилось? — крикнул я, каждая клеточка моей крови превратилась в пульс и ударила по коже, пока я ждал ответа. Пожалуйста, пусть это будет не Фэллон.

— Киони!

— Джулиан, пожалуйста, я проснулась сегодня утром, а ее не было! Она ушла, Джулиан! Она знает! Она знает обо всем! Я нигде не могу ее найти! Ты должен найти ее! — закричала она, отбиваясь от охранников, чтобы вырваться на свободу.

— ДЖУЛИАН, ТЫ ДОЛЖЕН... ИЛИ ОНА... ЧТОБЫ СНЯТЬ ПРОКЛЯТИЕ!

Ее крики стали приглушенными, и паника охватила меня, когда еще одна ее мольба эхом разнеслась по всему туннелю.

— БЫСТРЕЕ... ФЭЛЛОН УМРЕТ!

Мои руки сжимали ядовитые прутья, но я не чувствовал ожога. Все мое тело горело от каждого леденящего кровь крика Киони. Фэллон знала, и внутри меня разразился гром. Фэллон знала все! И крик прокатился по туннелям оглушительной приливной волной.

Фэллон собиралась снять проклятие сама.

Моя грудь горела, и сила моего крика повалила Киони и охранника на землю, вырубив их! Это было так, как если бы в меня ударила молния, и молния пришла изнутри меня — усиленная сила вырвалась из моей груди!

И все это произошло так быстро. У меня открылось второе дыхание. Никто не был в безопасности.

Мое тело вибрировало, яростный гул внутри этого серебряного кармана пространства, который я создал.

С моим телом, запертым внутри этого остановившегося времени, мои сжатые кулаки двигались сквозь прутья решетки. Внутри мое тело ощущалось как миллион оборванных проводов, которые ожили, луч серебристого света извивался, поворачивался и прыгал с самыми интенсивными ощущениями. Но снаружи казалось, что я ношу свою душу как кожу,

способную проходить сквозь что угодно.

Сделав шаг вперед, я прошел сквозь решетку, а туннели все еще пульсировали от моего оглушительного крика. Я не мог его слышать, но я чувствовал его жужжание вокруг себя, протяжный гул внутри меня.

Я так странно двигался на другой волне, чем остальной мир.

И я бросился бежать, точно зная, где моя девочка и что она собирается сделать.

Я просто надеялся, что смогу добраться до нее вовремя.

Рассвет Джулиана

Запись в дневнике Беллами Блэквелл

1 декабря 1821 года

Когда умирает великая любовь, замирают миллиарды сердец.

Меня поражает, что каждое из этих сердец живет в моем собственном. Такое чувство, что в каждом моем пульсе заключено бесконечное количество жизней. Каждая секунда без нее — мучительное напоминание. Некоторые могут сказать, что я даже стал мелодраматичным в своих страданиях. Однако это мое несчастье, и только мое. Как смеет кто-то говорить мне о степени моей боли? Как я должен чувствовать или продолжать жить дальше, когда жизнь кажется мне пыткой. Любые мысли, которые они тратят на своих возлюбленных, потому что я трачу в тысячу раз больше на свою. Скажите мне, что я ошибаюсь, и я предложу вам свою грудь, чтобы вы вырвали мое сердце из костей, чтобы вы могли увидеть. Разрежьте его, даруй мне свободу от этой сердечной боли. Я бросаю вам вызов, а потом убирайтесь со своими самодовольными представлениями о том, что я должен чувствовать в то время, когда я вообще ничего не хочу чувствовать.

Половина меня наполнилась ненавистью к моему отцу. Я едва могу смотреть на него, и я также не могу уйти, сколько ни пытался. Другая половина меня исчезла. Там больше ничего нет. Все, что я могу делать, это тратить свои бессонные ночи, лежа у ее могилы, где остался только ее прах. От заката до рассвета я не сплю и разговариваю с луной, как сумасшедший. И в мои дни я тот самый монстр, в которого превратила меня ее смерть.

Моя любовь к ней безусловна, и я держусь за нее так долго, как только могу, чтобы тьма не поглотила меня полностью, но я чувствую, что теряю себя. Я погружаюсь в комфорт темноты, теней и самых черных глубин земли. Ничто не может согреть меня, даже солнце. Сожаление, с которым я живу, заключается в том, что я не старался усерднее, не боролся усерднее. О, если бы я мог вернуться в прошлое, выбрать ее из всего! Если бы я мог повернуть время вспять, я бы увидел нашу любовь с точки зрения художника, как и должен был видеть с самого начала.

Отец говорит, что ее последние слова были проклятием, и на это я отвечаю, что я уже проклят! Я проклят до конца своих дней, потому что я должен был разорвать все цепи, чтобы добраться до нее! Я должен был сгореть вместе с ней рядом! Осознание того, что она умерла, полагая, что я отказался от нас или выбрал другой путь, преследует меня и будет продолжать преследовать в этой жизни и в каждой последующей. Если бы только она знала, весь мир не смог бы любить так сильно в вечности, как я мог бы любить за один день.

Проклятие живет глубоко внутри меня. Я чувствую, как оно вплетается в мою теневую кровь. Я уверен, что оно будет жить там и передастся каждому сыну. Единственный способ избавиться нас от нашего проклятия — это выбрать любовь, но как это может быть, когда моей любви здесь нет? Вам не дана любовь, потому что это не

право! Любовь — это привилегия, и что любой из нас сделал, чтобы заслужить ее? Я надеюсь, что проклятие так же реально, как и моя боль, и оно постигнет каждого язычника в будущей жизни, и я хочу, чтобы никто не избежал его.

Они оба потрясающе красивы, любовь и смерть. В них заключено их бессмертие. Следовательно, не будет никакого лекарства от проклятия, такого, которое могло бы увидеть существо, лишенное любви. Они не знают, что луна в моем черном небе умерла в полном одиночестве, и единственным выходом для нас было существовать как одно целое или умереть вместе.

Они не знают, что ответ также находится внутри меня.

Глава 50

Джулиан

В шести метрах от меня стояла Фэллон, глядя на восход солнца на краю утеса, и смотрела на него иначе, чем во все другие разы, когда я видел, как она смотрела на него. И солнце этим утром тоже вставало по-другому. Его бледно-фиолетовые и розовые оттенки разливались по небу и купали нас в своих красках.

В Воющей Лощине не было двух одинаковых рассветов. И двух закатов тоже нет. Но этим утром, казалось, было три рассвета в одном небе. Лавандово-розовый прямо перед ней, а затем прямо под ним другой с бьющимся сердцем — тот, который был жив, дышал и истекал кровью через горизонт, покрывая город своим кровопролитием. Небо было таким большим и вечно меняющимся, что иногда было трудно поверить, что оно вообще существует на самом деле. Что это была не картина. Что она — мой третий восход солнца — не была картиной.

Я стоял позади нее, в стороне, глядя на нее так же, как она смотрела на небо. Белые волосы. Жемчужная кожа. Пыльно-розовые губы. Зимний сезон в ее глазах. Она была хладнокровной, но, боже мой, она была ночной радугой.

Над нами кружили чайки в поисках объедков. Вокруг нас ветер свистел в ушах. Я сосредоточил свое внимание на ней, мое горло сжалось от страха, а сердце колотилось со скоростью миллион миль в секунду.

Фэллон сделал шаг вперед, и мои мышцы дернулись под кожей.

Я тоже сделал шаг вперед, крича, чтобы остановить ее.

— Мудак-примудак? — спросил я, пытаюсь держать свои нервы в узде, эта навязчивая эмоция нарастала в моей груди.

Фэллон резко обернулась, ее глаза расширились. Я хотел сделать еще один шаг к ней, но я не хотел давить на нее дальше.

Сохраняя между нами двадцатифутовое расстояние, я продолжил:

— Это то, с чем ты собиралась меня оставить? Ты хоть понимаешь, как далеко я зашел, чтобы попасть сюда? Я пошел против своего ковена, вломился в чужую комнату, был обезображен — не обезчеловечен — обезображен! Потом меня пришлось запереть в камере на шесть дней, чтобы понять, что ты не можешь просто так все оставить, не так ли? Ты такая чертовски упрямая, ты не могла позволить мне сделать это за тебя! Ты должна забрать и это у меня, да?

Фэллон застыла на краю обрыва. Секунды тянулись под шум волн, разбивающихся о скалы внизу. Мне хотелось подбежать к ней, но я так боялся того, что она может сделать.

Вместо этого я вытянул руки по бокам.

— Если бы я знал, что до этого дойдет, я бы просто рассказал тебе все, чтобы избежать

всего того дерьма, через которое я прошел. Мы могли бы оказаться здесь вместе несколько дней назад, Фэллон!

Теперь я кричал, моя грудь болела при мысли о том, что она готова пожертвовать собой ради меня! Чудовище!

А она все еще не двигалась. Она просто стояла там, уставившись на меня, а ее белые волосы развевались вокруг нее. Я опустил руки, схватился за бока, собрался с духом. Я провел дрожащими пальцами по волосам, не в силах мыслить здраво, пытаюсь сдержать слезы, грозящие вот-вот разразиться. Все мои чувства были в огне, и я не знал, сколько смогу вынести.

Я указал на нее, делая еще один неуверенный шаг вперед.

— Ты — единственное, в чем я хорош. И защита тебя была единственной вещью, которую я мог сделать, чтобы показать тебе... — Я замолчал, слова застряли у меня в горле. Произнесение их было похоже на прощание. Я никогда не хотел прощаться. Моя рука опустилась, теперь она висела вдоль тела. Я смотрел на нее в ужасе.

Она смотрела на меня, все еще удивляясь, что я здесь.

— Чтобы показать мне что? — спросила она дрожащим шепотом.

Наши взгляды метались туда-сюда, пока не навернулись слезы, и мы обнаружили, что плачем.

— Чтобы показать тебе, что я выбрал тебя. Что я, черт возьми, люблю тебя! — рявкнул я, мой взгляд затуманился, когда я вцепился в ее стеклянные глаза. Моя грудь вздымалась, чувствуя приближение конца, давление становилось все тяжелее. Я хлопнул себя по тыльной стороне ладони другой ладонью.

— Боже мой, Фэллон, я влюблен в тебя. Всегда был! И я уверен, что я любил тебя тысячу раз раньше, как люблю сейчас, и я надеюсь любить тебя еще тысячу раз. Вот и все! Вот и все, что нужно сделать.

Я развел руки по бокам, делая еще один шаг вперед.

— Потому что в этом наш смысл, не так ли?!

— Нет, Джулиан, отойди.

Ее залитое слезами лицо раскачивалось.

Я сделал еще один шаг вперед.

— Ты не обязана этого делать. Это не выход.

— Да, я знаю, — воскликнула она, кивая и шмыгая носом. — Я должна положить этому конец. Я! Они собираются сжечь тебя! И даже если они все равно сожгут тебя, если этого будет недостаточно, язычники всегда будут восприниматься как монстры! Город всегда будет жить в страхе! Это никогда не закончится, Джулиан. Никогда! Нет, если я что-нибудь с этим не сделаю, а после того, как тебя не станет, мне нечего будет терять. Позволь мне это исправить! Я должна это исправить!

Слезы не переставали капать из моих глаз, но я был слишком напуган, чтобы вытереть их. Подумать только, стоит мне только моргнуть, и она упадет с обрыва без меня. Я сделал еще один шаг вперед, желая быть ближе.

— Если ты прыгнешь с этой скалы, Фэллон, я прыгну за тобой.

Мужчины и женщины города подошли сзади, окликая меня, угрожая мне, если я причиню ей боль. Они понятия не имели, что она значила для меня. Они проклинали меня, обзывали и требовали немедленно отвести меня к Плетеному Человеку. Я слышал их все, и испуганный взгляд Фэллон метнулся от меня к тому, что происходило позади меня. Я

покачал головой, привлекая ее внимание, удерживая его своим.

Никому из нас не нужно было объясняться. Ни с кем.

— Не слушай их, Фэллон. Они все лгуны, а мы нет, — прошептал я, менее чем в четырёх метрах от нее.

Пальцы ног Фэллон были на краю обрыва, ее расстегнутый свитер трепал резкий ветер. Мои мышцы напряглись. Я думал, что этого было бы достаточно, чтобы быть здесь, но это было не так. Я не знал, что еще делать!

Фэллон посмотрела на меня, и я увидел, как мгновенно изменилось выражение ее лица.

Решительность.

Затем она оторвала свои глаза от моих и посмотрела вниз.

— Я найду тебя, — сказала она, но я не мог понять смысла того, что она говорила, когда мое сердце выпрыгивало из груди.

— Фэллон, нет, — я вскинул ладони, и она сделала один шаг назад.

— Фэллон, **ОСТАНОВИСЬ!**

Она рванулась вперед, согнув колени.

— Нет!

Она прыгала, а я бежал за ней, не останавливаясь, пока подо мной не исчезла земля и я весь не оказался в воздухе. Затем я держал ее, извиваясь с ней в своих объятиях, пока моя спина не коснулась твердой поверхности океана. Весь воздух вышибло из моих легких. Жестокий холод потряс меня, мгновенное жжение пронзило мою плоть до мозга костей, заморозив меня.

Повсюду меня поглощали воды Атлантики. И Фэллон не была в моих объятиях. Мои руки отреагировали раньше, чем мой мозг. Фэллон не была в моих объятиях!

Фэллон

Я почувствовала, что плыву, и это заставило меня почувствовать себя невесомой.

Я была невесома, и все вокруг меня было черным, кроме того, что было надо мной. На поверхности Джулиан плескался и извивался на месте под солнцем, его ноги выбивались из-под него. До тех пор, пока он был на поверхности.

Этот темный и холодный океан был моими похоронами, моим последним пристанищем. И, может быть, потому, что проклятие будет снято, Джулиан будет жить. Это было все, чего я когда-либо хотела, когда я дрейфовала, дрейфовала, дрейфовала.

На солнце были такие полосы, которые отражались от поверхности воды. Отсюда они выглядели как звезды. Мне было интересно, все ли знают, что у океана есть свое собственное небо, то, где был Джулиан. Небо, которое само по себе было поэзией. Я была уверена, что наверху теплее, чем здесь, внизу, потому что здесь, внизу, холод уже заморозил меня, но на этот раз я была готова. Я не боролась с холодом, когда хотела, чтобы смерть забрала меня.

И смерть была такой тихой, холодной и жестокой, как Джулиан.

Затем Джулиан перевернулся и нырнул под воду, и его голова двигалась взад и вперед, пока он осматривал дно. Именно тогда мое спокойное сердце перестало быть спокойным. Его дикие и полные паники глаза встретились с моими, и он оттолкнулся руками от воды, подплывая ко мне. Я покачала головой, указывая на поверхность, пытаюсь сказать ему остановиться! Оставить меня в покое!

Я пыталась двигаться, быстрее погружаться глубже, чтобы увеличить расстояние между нами. Джулиан сжал в кулаке мою одежду, притянул меня к себе, пока я не оказалась в его

объятиях. Я боролась с ним, изо рта у меня вырывались водяные пузыри. Море проскользнуло между моими губами, наполнило мою грудь, мои легкие. И мои кости, они были похожи на лед, который раскололся внутри меня, и острые края врезались в мою плоть.

Его глаза были напряженными и отчаянными, когда он боролся со мной, пытаясь вытащить меня из глубины, прежде чем закончится кислород. Его пальцы впились в мою плоть, чтобы удержать меня на одном уровне с ним, но я оттолкнулась от его груди.

Джулиан схватил меня за затылок, и наши отчаянные и побежденные глаза встретились. Его глаза сказали так много вещей в тот момент. Но как только он понял, что я не собираюсь плыть с ним, что я буду бороться с ним каждую секунду пути, его глаза успокоились. Хорошо, сказали его глаза. Я не оставлю тебя.

Мы умрем.

Вместе.

Потом они сказали: Я люблю тебя, Фэллон.

Я покачала головой, умоляя его отпустить меня и спасти себя. В последнем отчаянном усилии, когда мое тело дернулось в поисках воздуха, я попыталась оторвать его тело от своего. Джулиан отказывался отпускать меня. Он только крепче прижал меня к себе.

Затем он снял маску и прижался своим ртом к моему, вдыхая в меня весь свой последний глоток теплого воздуха.

Вместе мы тонули, тонули, тонули, как и каждый раз, когда мы целовались. Он никогда не переставал бороться, и я любила его.

Мысль обо всем этом что-то изменила во мне.

Вместо того чтобы замедлиться, казалось, что все движется вспять, ускоряется, ускоряется. Моя кровь была похожа на лучи лунного света. Ледник пробежал по моим венам. Вокруг меня была уже не черная бездна, а мягкое белое свечение, освещающее окрашенное море. Морское дно зашевелилось, вызвав песчаную бурю на дне океана. Ракушки, водоросли и песок поднялись и затуманили воду. Глаза Джулиана распахнулись, заметались по сторонам. Это был не он. Все это исходило от меня, и яростная энергия гудела внутри меня.

Со мной что-то происходило. Что-то волшебное.

Я притянула Джулиана ближе, положила ладони ему на грудь и толкала его изо всех сил, пока он не взлетел над водой и не вырвался на поверхность. Его размытая тень было последним, что я увидела. Приглушенные крики Джулиана донеслись до меня из другого мира. С поверхности.

Во мне действительно была магия, и это спасло его.

Я собиралась снять проклятие, и Джулиан будет жить. Я изменю всё.

Облегчение поселилось в моем сердце, когда я закрыла глаза и отдался нежным объятиям Смерти.

Джулиан

Соленая вода щипала мне глаза. Бесконечные волны разбивались о мое лицо! Мои мышцы были истощены, мое сердце все еще было сильным. Я ничего не видел, когда нырнул обратно вниз, продолжая только наткаться на барьер. Я постучал по нему. Попытался пробить его насквозь. Это было похоже на плексиглас. Непроницаемый. Я закричал под водой, в моей груди горел огонь. Я не мог ее видеть!

А потом песчаная буря улеглась.

Барьер лопнул.

Плыть против океана было все равно что плыть по грязи. Чем дальше я спускался, тем

сильнее становилось давление в ушах. Хотя соль жгла мне глаза, я заставил себя открыть их и замахал руками, чтобы соединиться с ней. Я больше не слышал, как бьется ее сердце. Я не мог думать. Внизу было темно, но я мог видеть в темноте. И теперь я мог видеть ее.

Глаза Фэллон были закрыты. Губы у нее были синие. Ее тело покачивалось вместе с морем, как будто она была его частью. Моя грудь сжалась, легкие заболели, говоря мне, что у меня не осталось кислорода. Я схватил ее безвольное тело и оттолкнулся от дна океана, устремляясь к поверхности.

Я никогда не перестану бороться, Фэллон. В этом был наш смысл. Наша любовь была живучей вещью, похороненной в глубоких, темных местах. И я бы никогда не остановился.

Теперь мы оба были на берегу. Я едва мог ходить. Я почти ничего не видел. Я не знал, как мне удалось доставить нас на пляж, но каким-то образом мне это удалось.

Фэллон была в моих объятиях, не дыша, когда слезы хлынули из моих глаз. Мои руки дрожали, ее белые волосы запутались в моих пальцах.

— Нет, нет, нет, — я положил ее на песок и пополз по ее телу, пока песок шуршал вокруг меня. Я прижал ухо к ее груди, но ничего не услышал!

— Нет!

Это не должно было случиться вот так. Я откинул голову Фэллон назад, протолкнул воздух в ее легкие, ударил в грудь. Я должен был умереть вместе с тобой. Ты должна была жить со мной. Вернись!

— Фэллон! — воскликнул я, прижимая ладони к ее груди. Мои руки были сцеплены. Моя душа, мое сердце, мои крики были чертовски отчаянными, чтобы она вернулась ко мне.

— ФЭЛЛОН, ВЕРНИСЬ!

Я откинул ее голову назад, зажал ей нос, снова протолкнул воздух ей в горло. Это было так, как если бы я покинул свое тело, наблюдая за собой со стороны, вспоминая этот момент. Как будто мы уже были здесь раньше.

— ФЭЛЛОН! Возьми меня с собой!

Люди пытались оттащить меня, срывая сзади мою мокрую одежду, и чудовищный крик вырвался из моего горла, когда я в последний раз ударил ее кулаком в грудь!

Затем Фэллон вздохнула.

Моя девочка вздохнула! И ее сердцебиение стучало у меня в ушах одновременно с одним-единственным ударом потрясло наши души — эхо. Невидимая, яростная волна ударила меня в грудь, подняла в воздух, и я ударила спиной о скалу. Он прокатился по Воющей Лощине, как яркий луч перламутрового света.

На краткий миг нам показалось, что наши сердца заработали заново.

На пляже воцарилась тишина, даже разбивающиеся волны не издавали ни звука. Это было так спокойно, так умиротворяюще.

Когда я огляделся, панические глаза города окружили меня, скопление собранных вдохов. Но все, что я хотел видеть, слышать, чувствовать, — это Фэллон. Сработал инстинкт, и я, шаркая ногами по песку, перевернул ее на бок.

— Фэллон, дыши, — сказал я дрожащими губами, проводя ладонью вверх по ее позвоночнику, когда она извергла зловещее море.

Грудь Фэллон вздымалась, и каждый мускул внутри меня сжался от облегчения, когда я взял ее холодное и дрожащее тело в свои объятия. Уткнувшись головой в ее шею, я зажмурил свои горящие глаза, когда мои колени зарылись в песок.

И я держал ее некоторое время, чувствуя, как ее сердцебиение стучит по моим пальцам,

ее грудь касается моей, никогда не желая отпустить ее. Она была жива. Я был жив. Мы были здесь, вместе какое-то время, и это было все, что имело значение.

— Джулиан, — прошептала она, отстраняясь и беря мою голову в свои руки. Взгляд Фэллон скользнул по моему лицу, прежде чем ее глаза снова встретились с моими. И то, как она смотрела на меня, было так, как будто она нашла меня, и нам не нужно было снова теряться.

— Джулиан, ты сделал это! — закричала она, схватив меня за затылок и обхватив мою голову ладонями, касаясь моего лица. Новые слезы покатались по ее щекам, и ее улыбка была слабой, но настоящей.

Я покачал головой, мои глаза скользнули между ее глазами, когда до меня дошло.

Моя маска исчезла, и она смотрела на меня, улыбаясь.

Я коснулся своих щек, своего рта. Я провел рукой по лицу.

— Нет, — прошептал я, не в силах поверить в это.

Фэллон кивнула, улыбаясь.

— Этого не может быть...

— Да! — она засмеялась, и новая волна эмоций захлестнула меня, которую я не мог контролировать. Я уткнулся лицом в ее шею, и мое усталое тело сотрясалось, когда я плакал, цепляясь за ее мокрую одежду.

Фэллон держала мое лицо и тянула меня вверх, пока наши губы не соприкоснулись.

Как только мой язык коснулся ее, все мое существо расслабилось, чувствуя, как груз двух столетий и бесчисленных смертей соскальзывает с меня.

— Проклятие снято! — крикнул кто-то позади меня, и весь пляж взорвался ревом, когда мы с Фэллон растворились друг в друге.

— Проклятие, черт возьми, снято!

— Ты сделал это!

— ДЖУЛИАН!

— Что только что произошло?

— Полые язычники свободны!

Город окружал нас, но все, что я видел, была она. Моя девочка.

Фэллон целовала меня в лоб, в щеку, в нос, в губы, в шею, пока не уткнулась лицом мне в грудь, ее плечи затряслись, когда она обнаружила, что тоже плачет. Я обнял ее крепче, не в силах сдержать зарождающуюся улыбку.

Беллами был прав. Нужны были мы оба. Потребовалась наша борьба, чтобы никогда не сдаваться. Для этого потребовалась наша непоколебимая и бескорыстная любовь.

Проклятие было снято, и мы сделали это вместе.

Я не знал, что это означало для нашего ковена в будущем, но в одном я был уверена мы были вместе, и это было все, чего я когда-либо хотел. У нас была эта жизнь и каждая последующая.

Возможно, это было правдой, в сердцах монстров были холодные места, к которым нельзя было прикоснуться без смертельно опасной любви.

Итак, какое-то время мы держали друг друга на песке, в единстве нашей истории, нашей любви, нашего прошлого, которые сделали этот момент возможным, со всей Воющей Лощиной вокруг нас.

И моя голова откинулась назад, когда теплое солнце впервые коснулось моего лица.

Луна и ночное небо

В 3:03 утра жаркой летней ночью Фэллон Гримальди Морган родилась под полной Грозовой Луной. Снаружи выла свирепая буря, обрушивалась и сотрясала маленький коттедж, а в темном углу комнату заполнил душераздирающий крик из деревянной колыбели. Но эти крики принадлежали не Фэллон, поскольку они исходили от другого. Горячий дождь хлестал из открытых оконных рам, когда ее мать протянула руки к дочери.

— Она не плачет, — в голосе Фрейи звучала тревога, в ее глазах была паника, — Почему она не плачет? С ней все в порядке?

— Она Лунное дитя, — прошептала Мариетта так, чтобы Агата Блэквелл не могла услышать, любуясь родинкой, прежде чем запеленать младенца в одеяло. Малышку Фэллон отнесли к Фрейе, и Мариетта, присев рядом с кроваткой, приложила холодную тряпку ко лбу матери.

— Не волнуйся, с твоей дочерью все в порядке. Посмотри на нее, она совершенна.

Мариетта наклонилась, посмотрела Фрейе в глаза и прошептала:

— Пока я здесь, я буду защищать ее. Сейчас у нас не так много времени.

Крики продолжались из угла комнаты, и лицо Мариетты сморщилось, когда она перевела взгляд на тень, где лежал малыш Джулиан Джай.

— Агата, пожалуйста, сделай что-нибудь для него!

— Я не могу, — сокрушенно сказала Агата.

— Он кричит, кричит и кричит. Мне так жаль. Я никогда ничего не смогу сделать.

Фрейя сжала руку Мариетты, собрав все свои последние силы.

— Обещай мне, что вы с Тобиасом заберете ее далеко отсюда, — прошептала она, прижимая ребенка к груди.

— Рассказывай ей истории, чтобы она всегда знала, кто она такая, но никогда не возвращай ее обратно. Обещай мне, что ты мой хранитель, а теперь и ее. Ты сделаешь это для меня!

— Кантини согласился помочь нам с побегом. Сейчас они с Тобиасом ждут на территории. Для нас троих, Фрейя. Я обещаю, что все будет хорошо, — заверила Мариетта. Из угла комнаты Агата укачивала своего сына, но ничто не могло успокоить крики. Снаружи буря только усиливалась, ветер ревел, гром продолжал сотрясать маленький коттедж внутри холма. Мариетта позвала Агату сделать фото, не подозревая, что это будет их с Фрейей последнее фото. Агата еще раз положила кричащего ребенка в колыбельку, прежде чем появиться рядом с Фрейей.

Камера щелкнула! А затем Мариетта заметила, что глаза Фрейи закатились к затылку.

— Что происходит? — спросила Агата. Мариетта проигнорировала ее, бросилась к Фрейе и подхватила Малышку Фэллон на руки, прежде чем сердце Фрейи остановилось.

— О, боже, нет! Мариетта, сделай что-нибудь! Быстрее!

Агата вскрикнула, обхватив голову Фрейи руками. Мариетта поспешила, положила новорожденную в люльку рядом с Джулианом, затем вернулась к Фрейе.

Новая волна криков наполнила комнату, когда Агата делала массаж сердца, пытаясь вернуть свою лучшую подругу. Мариетта плакала рядом с кроваткой, зная, что время пришло, и повернуть его вспять было невозможно. За окном ударила молния, окрасив небо в пурпур, а дождь застучал по стеклу. Ветер усилился, распахнув окно и швыряя его назад и вперед о стену. Хаос, казалось, воцарился в комнате, но не полностью.

Во время всей этой суматохи, в темном углу комнаты, где стояла люлька, Джулиан

Джей смотрел в яркие глаза Лунного Ребенка.

И, наконец, его крики смолкли.

Темы и обсуждения

1. В книге Джулиан называл Фэллон только Фэллон Гримальди, а не Фэллон Морган. Как вы думаете, он отказывается видеть ее каким-либо образом связанной со Священным Морем, или это из-за чего-то совершенно другого?

2. Магия Фэллон не проявилась во время ритуала посвящения в Священное море на кладбище, но она материализовалась во время ее попытки принести себя в жертву в Атлантическом океане. Как вы думаете, почему?

3. Во время жаркого спора Агата называет Джулиана монстром. Действительно ли она верит, что он монстр, и затаила гнев из-за его участия в смерти ее мужа и сына, или она боится пережить еще одну потерю и вымещает свои переживания на Джулиане?

4. Зефир, Феникс и Бэк ворвались в дом Джулиана, избili его и отвели в сарай после того, как Джулиан действовал без них, чтобы украсть книги во время бала Прюиттов. В другом случае Зефир, Феникс и Бэк отнесли тело Кларисы Дэнверс Плетёного человека и сожгли ее тело, чтобы вернуть городу равновесие, потому что Джулиан не мог этого сделать, так как был привязан к лесу. Принимают ли Полые Язычники решения, основанные на том, что правильно для их ковена и города, независимо от того, кто стоит на пути (Джулиан)? Как вы думаете, на трех других язычников эмоционально повлияла бы потеря Джулиана, или то, как они были воспитаны, повлияло на их способность любить?

5. Лощина Язычников перемещается между историей Беллами и Сири и настоящим. Как эта структура повлияла на ваше чтение и ваш взгляд на различных персонажей? К каким выводам вы пришли при переключении между периодами времени прошлого и настоящего?

6. Фэллон не хватает опыта общения с друзьями, любви и близости, но, с другой стороны, она может постоять за себя, когда это необходимо. Хотя она внутренне подвергает сомнению свои действия, испытывает неуверенность в себе, считаете ли вы Фэллон слабым персонажем? На каком этапе раскрывается персонаж Фэллон на протяжении всей истории?

7. Как вы думаете, что произойдет с персонажами теперь, когда первая книга из взаимосвязанной серии закончена? Как, по-вашему, снятие проклятия повлияет на каждого из них в их жизни и отношениях в будущем? Как это повлияет на город?

8. Джулиан упомянул, что он никому не расскажет о Стоуне Дэнверсе, опасаясь, что Стоун знает, как снять проклятие. Теперь, когда проклятие снято, как вы думаете, Джулиан отправится на Остров Костей, чтобы найти пятого Полого Язычника, которого не было почти два столетия?